ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНІЕ

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

ЭЛИЗЕ РЕКЛЮ.

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ТОМОВЪ ВЪ ДЕСЯТИ КНИГАХЪ.

КНИГА ДЕСЯТАЯ.

Томы 18 и 19.

ПЕРЕВОДЪ СДѢЛАНЪ СО 2-ГО ИСПРАВЛЕННАГО И ДОПОЛНЕННАГО ИЗДАНІЯ,

подъ редакціей С. П. Зыкова,

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА» И К°

Большая Подъяческая, № 39.

1901.

ЗЕМЛЯ и ЛЮДИ.

ВСЕОБЩАЯ ГЕОГРАФІЯ

Элизе Реклю.

Томъ XIX.

БАССЕЙНЫ РѢКЪ АМАЗОНКИ И ЛАПЛАТЫ.

Переводъ подъ редакціей **С. П. Зыкова,**

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества «Общественная Польза» и К° Большая Подъяческая, 39.
1901.

Элизе Реклю
Земля и люди. Всеобщая География

Том XIX

Бассейны рек Амазонки и Ла-Платы

Перевод под редакцией С. П. Зыкова,
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

С.-ПЕТЕРБУРГ

Издание Товарищества «Общественная Польза» и К°. Большая Подъяческая, 39.
1901

Бассейны рек Амазонки и Лаплаты

Глава I Гвиана

I. Общий очерк.

Географическое значение слова «Гвиана» подвергалось различным изменениям в течение трех последних веков. Первые путешественники, посетившие берега Ориноко,—испанцы, англичане, голландцы,—встретились там с индейцами guayanos, guayanas или guayanazes, и обозначили этим именем вообще всю территорию, занятую к югу от великой реки. При том, в разных местностях континента слово это повторяется в различных формах, обозначая то туземные племена, то реки: индейцы уараун или гуараунос в дельте Ориноко, вероятно—те же гваянос; племя рукуйенцев прежде называло себя уаяна, и так же называлось одно большое дерево, считавшееся священным покровителем этого племени. Наконец, верхнее течение Рио-Негро, начиная от спуска с отрогов Андов, известно под именем Гвайниа (Guainia); это индейское слово тожественно слову Гвиана. На морском берегу, между рекой Эссекибо и дельтой Ориноко, один из притоков также называются Ваини или Гваинна.

В своем первоначальном значении название Гвиана совсем не относилось к тем частям Атлантического побережья, которые в настоящее время собственно и называется этим именем.

Соответствуя местности, известной теперь под именем Венецуэльской Гвианы (Guayana Venezolana), тогдашняя Гвиана не простиралась за пределы обширного полукруга, образуемого течением верхнего Ориноко. Но мало-по-малу название это получило более обширное значение в географической терминологии;—сначала оно распространилось на бразильские земли, идущие с юга вдоль Рио-Негро и реки Амазонки; потом захватило восточные склоны гор, некогда известных под общим названием Серра-де-Парима и обозначившихся на картах под именем *Caribane*, т.е. «страна караибов». В этих пределах Гвиана представляет резко ограниченную часть Южной Америки: именно, всё овальное пространство, отделенное от остального материка течениями Ориноко, Кассикиаре, Рио-Негро и нижней Амазонки; оно занимает площадь приблизительно в два миллиона квадратных километров. Эту большую южно-американскую область назвали островом; однако, здесь подразумевается не настоящий остров, вокруг которого корабли могут обойти в несколько правильных переходов. Вероятно, современем так и будет, благодаря искусственно вырытым каналам; но в настоящее время знаменитые пороги Айтурес и Майпурес на Ориноко, пороги Кассикиаре и верхнего течения Рио-Негро вынуждают судовладельцев разгружать свои товары, и скромное торговое движение в области водоразделов совершается при помощи носильщиков. В настоящее время путешественник, пользуясь самыми быстрыми средствами передвижения, в лучшем случае употребляет от трех до четырех месяцев на плавание вокруг Гвианы[1]. С геологиче-

1 Richard Schomburgk, „Reisen in British Guiana“; Herni A. Coudreau, рукописные заметки.

ской точки зрения, Гвиана тоже является островом,—отдельной массой гранита и других вулканических пород, выдвинувшейся из моря после триасовой эпохи[2].

Овальный остров этот естественно подразделяется на четыре почти равные части двумя линиями, пересекающимися под прямым углом,—линией гребней гор, почти параллельных экватору и идущих от водораздела у Кассикиаре к северному рукаву устья Амазонки, и поперечной низменностью, где текут с одной стороны река Эссекибо, с другой—река Рио-Бранко. Но державы, завоевывавшие американский материк, не могли придерживаться такого естественного подразделения территории, потому что только морское побережье и берега больших рек представляли легкий доступ для европейских колонистов. Уже на расстоянии нескольких километров от берегов Гвианские земли оставались неизвестными. Авантюристы проникали в глубь лесов и саванн, но не приносили оттуда точных сведений. А относительно гористых местностей центра страны рассказывали лишь мифы. Там, как и во многих других местах Америки, предполагались владения «Золотого» короля, *El Dorado*, который купается в золоте и живет в дворце из изумрудов и рубинов. Много раз делались попытки розыскать короля Эльдорадо, чтобы завладеть его сокровищами; но только в настоящем столетии начались серьезные путешествия. Итак, раздел страны происходил от окружности вглубь. Испания, наследницей которой явилась республика Венецуэла, завладела всей Северной и Западной Гвианой, вдоль излучины, образуемой течением реки Ориноко; Португалия, которой наследовала Бразилия, присвоила себе часть Гвианы, расположенную на склоне к реке Амазонке. Для остальных европейских держав оставалось только морское побережье между двумя областями устьев,—между дельтой Ориноко и Амазонским устьем. Англичане, голландцы и французы, объявившие себя завоевателями и хозяевами этого побережья, к своим береговым поселениям присоединили все бассейны рек, устьями которых завладели, до неизвестных горных хребтов. Эти три колониальных владения и составляют собственно так называемую Гвиану.

Однако, границы её до сих пор не определены ещё точно. На юге, высоты водораздела не были исследованы по всей их длине и во всей их сложности. Кроме того, произведенные здесь путешествия никогда не совершались под руководством посредников (арбитров), которым было бы поручено точное разграничение земель между сопредельными государствами. На западе и востоке, неопределенность границ зависит от другой причины: там значительные пространства до сих пор являются ещё предметом спора. Великобритания предъявляет притязания не только на весь бассейн реки Эссекибо, но и на часть верхнего бассейна Рио-Бранко; на него же претендует Бразилия.

По отношению к Венецуэле Великобритания является более требовательной. Продвинув границы своей колонии уже до южного берега одного из больших рукавов устья Ориноко, по протоку Амакуру, она равным образом завладела очень богатой золотыми россыпями частью долины реки Куюни. Вся совокупность спорной территории, иногда обагрявшейся кровавыми столкновениями заинтересованных держав, занимает площадь большую площади бесспорных владений Англии.

(* По решению третейского суда об этой спорной территории, состоявшемуся 3 октября 1899 г., пограничная линия начинается от морского берега у Пунта-Плайя, вместо пункта при устье Амакуру, так что низовье реки Барима отходит к Венецуэле; золотоносные земли по реке Куюни также предоставлены Венецуэле *).

На другом конце Гвианы Франция оспаривает у Бразилии область, по площади равную половине территории самой Франции—именно, длинную полосу приатлантического склона по течению Амазонки, между Арагвари и Рио-Бранко. Спорные территории на западе, востоке и юге образуют в совокупности гвианского острова столько же отдельных политических областей.

Площадь различных Гвиан имеет следующие размеры:

Гвиана, составляющая предмет спора между Венецуэлой и Великобританией,—130.000

2 Ch. Velain, „Bulletin de la Societe Geologique de France“, Seance du 3 Mars 1879.

кв. килом.; Английская Гвиана, включая область, оспариваемую у Бразилии,—120.000 кв. килом.; Голландская Гвиана—120.000 квад. километ.; Французская Гвиана—81.000 кв. килом.; Гвиана, составляющая предмет спора между Бразилией и Францией,—260.000 кв. килом.; всего (по Г. Кудро)—711.000 кв. килом.

Различные Гвианы очень похожи между собой относительно свойства и наслоения горных пород, относительно направления и качеств рек, очертаний морского побережья, направления морских течений, а также по климату, по распределению растений и животных и по группировке туземных племен. Главные различия между отдельными колониальными владениями обязаны своим происхождением воздействию человека—влиянию метрополий с их различными экономическими и общественными условиями. Многочисленные путешественники, добровольные или высланные из отечества, специально изучали ту или другую долину, тот или другой земледельческий или горнопромышленный округ, и связывали свои маршруты с маршрутами исследователей, прошедших страну от одного бассейна до другого или от берегов Ориноко до берегов Амазонки. Благодаря этим совместным работам, в настоящее время уже можно набросать общую картину Гвианы.

Первое знакомство с этим побережьем было приобретено в начале шестнадцатого века, в 1500 году, испанским мореплавателем Висенте-Яньес-Пинсоном (Vicente Yanez Pinzon), спутником Христофора Колумба во время открытия Нового Света. Пристав к берегам Бразилии на восток от Амазонки, Пинсон пересек «пресноводное море» её устья и прошел вдоль низких берегов Гвианы до реки Ориноко. Диэго-де-Лепе и другие моряки плавали в тех же водах, но прошло около столетия прежде, чем путешественники или европейские колонисты проникли в глубь стран, с давних пор уже замеченных с моря. Известно, что несколько испанцев высадились на морском берегу близ Ориноко; за ними последовали голландцы, которые с 1581 года старались прочно основаться на берегах Демерары, ради торговли с туземцами. Страсть к приключениям и надежда открыть сокровища Эльдорадо также привлекали европейских путешественников. В 1596 г. англичанин Кимис (Keymis) возобновил экспедицию своего соотечественника Ралея (Raleigh) в «*Империю Гуая*», т.е. Испанскую Гвиану, и пытался отыскать большое озеро Маноа, на восточном берегу которого, на карте Ралэя, был означен город, «больше всех городов на свете»[1]. Но Кимис избрал другой путь: вместо того, чтобы следовать вверх по течению реки Ориноко, он поднялся по реке Ояпок в теперешнюю французскую Гвиану. В 1688 г. Ламот Эгрон (la Motte Aigron) поднимался по реке Ояпоку «на пятьдесят миль» от моря, в тщетной надежде достигнуть берегов Амазонки и по дороге, может быть, найти знаменитую золотую страну. Затем в 1739 году Николай Хортсман, следуя другим путем, именно по реке Эссекибо, проник очень далеко внутрь страны, привлекаемый миражем города с золотыми крышами. Но зачатки колонизации были положены торговлей. Утвердившись на гвианском берегу, торговцы разных наций начали оспаривать друг у друга захваченные владения. Европейские державы вмешались в эти ссоры, посылая военные и грабительские экспедиции. Мало-по-малу сделались известны некоторые особенно удобные места побережья. Постепенно выяснились географические очертания морских берегов, устьев и течения рек до их первых порогов, и получились смутные сведения о внутренних странах, благодаря сношениям с индейцами и беглыми неграми. Исследованию страны способствовали отчасти и миссионеры: иезуиты предшествовали французским купцам, а в голландских колониях работали моравские братья.

В 1672 году в Кайенне было сделано великое открытие относительно формы земного шара: Ришэ доказал здесь сжатие нашей планеты у полюсов, посредством наблюдений над качаниями маятника, который пришлось укоротить на $^1/_{352}$, чтобы он отбивал секунды, как в Париже[2]. Двумя годами позже, иезуиты Грилье и Бешамель были посланы в Кайенну для географического изучения страны; они проникли к индейцам нурагес и акока, но скоро по-

1 „Geographical Journal“, February 1890.

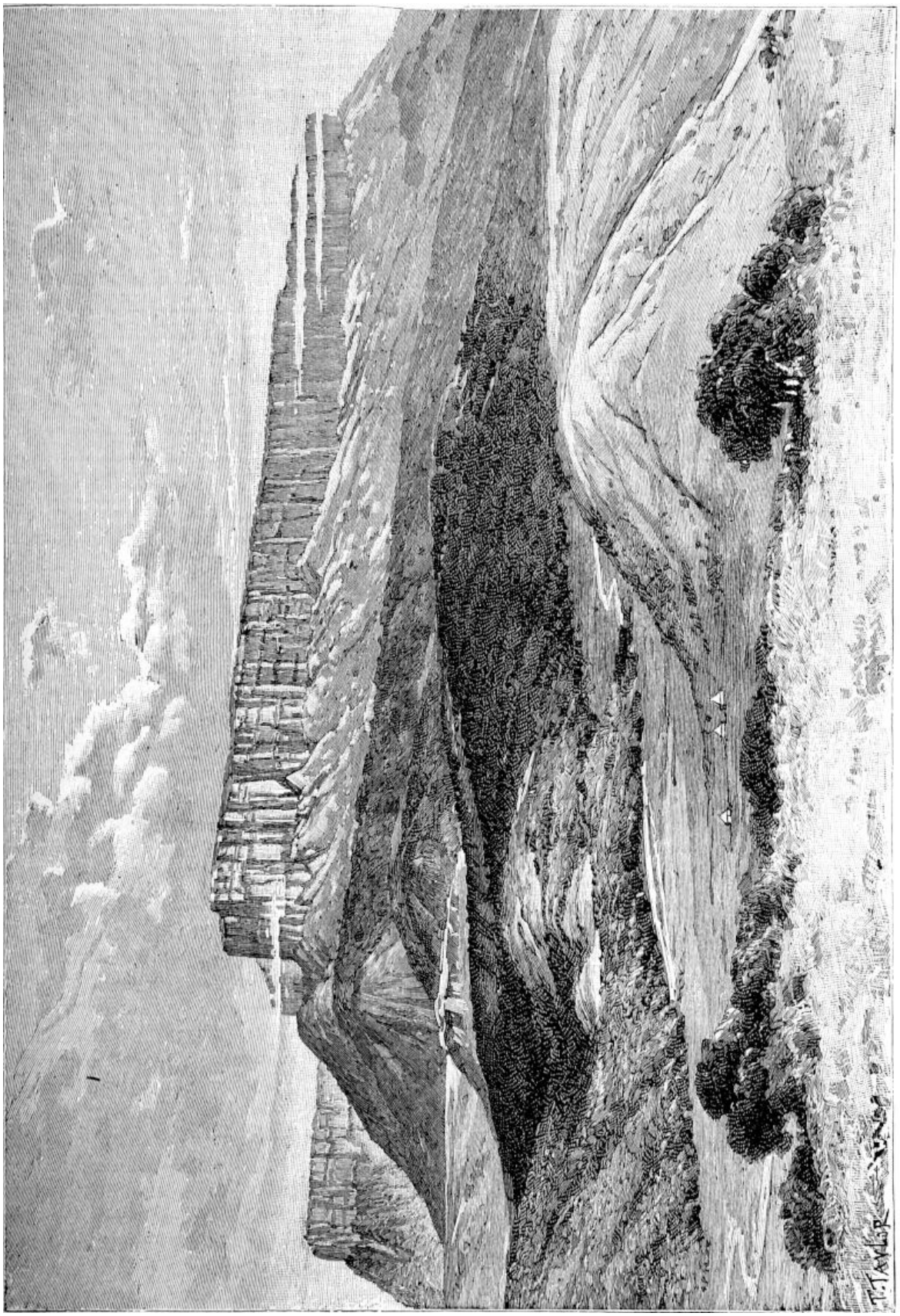
2 La Condamine, „Relation abregee d’un voyage....“— Malte-Brun, „Geographie Uuiverselle“.

гибли от тягостей путешествия внутри страны, и серьезное исследование Гвианы началось только в следующем веке, в 1743 и 1744 годах, с путешествия Ла-Кондамина, вернувшагося из достопамятной экспедиции в Экваториальные Анды, и с приездом доктора Баррера. Двадцать лет спустя в Кайенне высадился Симон Мантель. Он прожил здесь тридцать шесть лет, в самых тяжелых условиях, и, в качестве инженера, объехал всё прибрежье французской Гвианы. Если бы его советов слушали, то скольких роковых предприятий можно бы было избежать! Ботаник Фюзе Облэ (Fusee Aublet), автор классического сочинения «les Plantes de Guyane», исследовал страну с 1762 по 1764 г. В 1769 г., другой ботаник, Патри, поднимался по р. Ояпоку и её притоку Камопи. Натуралист Леблон, человек великого ума и инициативы, прошел почти тем же путем в 1787 году и вернулся по р. Синнамари. Впродолжении многих лет он исследовал значительную часть страны, изучая все полезные растения, в особенности разыскивая хинное дерево, которого, однако, не нашел, и наблюдая индейцев и составляя проекты колонизации внутренней страны. Инженер Гизан выкопал многочисленные осушительные и судоходные каналы в голландской и французской Гвианах и воспользовался этими работами для изучения почвы, климата и местных произведений. Англичанин Стэдман, служивший капитаном в нидерландской армии, провел пять лет, с 1772 по 1777 год, во внутренних частях Суринамской колонии и написал книгу о своих путешествиях и наблюдениях над страной. Позже, транспорты ссыльных, прибывавшие одни за другими во французскую Гвиану, помогли ознакомлению с этим краем, но в то же время создали ему ужасную славу страны заразы и смерти. Среди интеллигентных людей, избежавших смертоносных эпидемий, ни один не мог или не сумел употребить годы изгнания на составление солидного сочинения, посвященного изучению страны ссылки.

После войн революции и империи, первыми исследователями Гвианы явились братья Шомбурк, совершившие в 1835—1839 годах путешествие по образцу знаменитых путешествий по Америке Гумбольдта и Бонплана. Они не только изучили английскую Гвиану почти на всём её протяжении, но, перейдя через горы, связали свои маршруты с маршрутами Гумбольдта и других путешественников в бассейне Ориноко. Во французской Гвиане Адам-де-Бов уже в 1830 году перешел через вершину водораздела между рр. Ояпок, Яри и Арагвари. Леприер прошел по тем же странам и спустился по Яри на протяжении «более пятидесяти миль». Гатье рекогносцировал течение р. Мана до самых истоков. С 1849 по 1868 год, в течение двадцати лет, Аппун (Appun), живший в обществе лесных индейцев, изучал растения и животных роскошной тропической природы в английской и венецуэльской Гвианах. Геологи Броун и Саукинс (Sawkins) продолжали на материке до гор Пакараима исследования, начатые на острове Тринидад. Иденбург занимался климатологией и нозографией (описанием болезней) голландской Гвианы. Крево в 1876 г. и Кудро в 1883 г. возобновили работы Шомбурков в других местах, более близких к. Амазонке, чтобы связать маршруты побережья с маршрутами бразильских склонов внутренних областей, в бассейнах рек Рио-Бранко и Рио-Негро. Наконец, в 1883 г. Эверар-им-Турн (Everard im Thurn) начал точные картографические работы в спорной северо-западной области, которую присвоила себе Великобритания. Для окончательных карт ещё не хватает триангуляций, но уже имеются необходимые данные для почти точного нанесения на карту речных разветвлений и рельефа страны, связывая их с более точными съемками морского берега и речных устьев. Сверх того, имеется много работ по географии Гвианы, касающихся специально её населения, нравов, администрации, политических отношений, как, напр., труды Каплера (Kappler), Антони Тролопа, Джифорда Пэльгрэва (Gifford Palgrave).

Между Венецуэлой и английской Гвианой главным горным узлом, естественной границей этих двух областей, является могучий Рораима (Roraima, 2.286 метров высоты), четыреугольный массив розового мела, с которого ниспадают каскады, разбиваемые ветром в водяную пыль. Вся совокупность возвышенностей, известная под именем гор Пакараима, представляет наибольшие высоты на западе и юго-западе, в верхнем бассейне Рио-Бранко. На

востоке, в английской Гвиане, террасы и отдельные вершины только в немногих местах достигают высоты в 1.000 метров. Тем не менее, эти горы представляют грандиозный вид, благодаря меловым обрывам, вертикально поднимающимся на многие сотни метров и резко

Гора Рораима.

отличающимся своей белизной и обнаженностью от лесов, покрывающих скаты у их подножий. Горы Рораима продолжаются на северо-восток к р. Масаруни рядом других четыреугольных массивов, подобных цитаделям, воздвигнутым рукой человека. Правильность их

вершин, столь же горизонтальных, как поверхность моря, некогда отложившего их, напоминает эпоху, когда эта страна, столь сильно изрытая теперь текущими водами, простиралась в виде обширной гладкой равнины[1]. Реки разрезают горы Пакараима на отдельные короткие кряжи, идущие большею частью с северо-запада на юго-восток. Они состоят из наслоений мела (без окаменелостей), кое-где пронизанных диоритовыми массами. Горы эти, называемые также «Monts des Corbeilles», направляются, постепенно суживаясь, к востоку и оканчиваются на берегах р. Эссекибо мысом Камути, высоким диоритовым столбом, имеющим форму индейского меха для воды (camuti), откуда и происходит его имя. Иногда в лесу раздается грозный грохот, вроде продолжительного раската грома—он происходит, вероятно, от обвала меловой стены[2].

К югу от этих гор, самых высоких на всём Гвианском склоне, другие, менее высокие, массивы поднимаются среди саванн, составлявших, повидимому, обширное внутреннее море, параллельное океану. Эти группы вершин, в среднем в 600 метров высоты,—горы Кануку, Кумукуму, Коратамунг,—были некогда островами, из кристаллических сланцев и гнейса, расположенными в том же направлении, как горы Пакараима. Южнее, между одним из крупных притоков Рио-Бранко—рекой Такуту,—и рекою Эссекибо тянутся с запада на восток другие возвышенности той же формации и подобным же образом углубляясь своими основаниями в аллювиальные земли, которые некогда были покрыты озерными водами. Водораздел между атлантическими водами и амазонским скатом во многих местах совсем не представляет заметных возвышений: по Броуну, высота верхнего плато водораздела равняется всего 106—107 метрам над уровнем моря. На самом водоразделе лежит маленькое озеро Амуку, между рекой Пирара, второстепенным притоком реки Такуту, и рекою Рупунуни, притоком Эссекибо. Таким образом в этой области саванн переход с одного склона на другой очень легок, и индейские племена во время своих странствований, всегда следовали этой исторической дорогой. Отсутствие естественных границ между бассейнами Эссекибо и Амазонки объясняет притязания Великобритании на бразильские земли но Рио-Бранко. С вершины гор, окаймляющих верхний бассейн, отлично видны «ворота вторжения» между отрогами Каиррита и отрогами Рораймы[3]. Иногда весь водораздел вообще называют тем же именем, как и реку,—Пирара; это слово принадлежит языку макузи и, по Шомбурку, означает свойство почвы, состоящей из железистого конгломерата[4]. На верхнем плато водораздела поднимается столб из траппа—природная колонна, считаемая священной у индейцев макузи.

Несколько других отдельных горных массивов, в виде островов, идут цепью к югу до истоков Эссекибо, находящихся на высоте 250 метров, среди гор, не смыкающихся в сплошные амфитеатры. Эти горы редко бывают видны с берегов реки, сквозь густые деревья девственного леса. Горные хребты носят ясный характер Кордильер; будучи отчетливо разделены поперечными ущельями на отдельные горы, они состоят из огромных отдельных горных масс (из которых иные имеют до 50 километров в длину), возвышающихся над невысокими плато[5]. По Кудро, самая высокая гора в этих областях—Каиррит или Каиррид Декёу[6], «Гора Луны», у истоков реки Такуту: она достигает высоты в 1.500 метров. Цепь, над которой доминирует этот пик, имеет в среднем, около 1.000 метров высоты, и тянется, в виде обширной дуги, сначала на юг, потом на восток до Аурриауа, где берет начало река Эссекибо. Далее, на горизонте вырисовываются высоты Курукури, которые Кудро видел мельком. Здесь линия водораздела точно совпадает с горным хребтом: по одну сторону текут воды, впадающие в Эссекибо, по другую воды амазонского бассейна—притоки реки Тромбетас.

Горы понижаются по направлению к востоку, где они составляют естественную границу

1 Charles Barrington Brown and I. G. Sawkins, „Geology of British Guiana".
2 Charles Barrington Brown, „Canoe and Camp Life in British Guiana".
3 Henri A. Coudreau, рукописные заметки.
4 „Reisen in British Guyana".
5 Henri A. Coudreau, „la France Equinoxiale".
6 Это имя у Броуна переделано в Акараи.

между голландской Гвианой и Бразилией; по Броуну, самые высокие точки их не достигают и сотни метров высоты над уровнем истоков Корентины,—речки, отделяющей английскую Гвиану от голландской. Дальше горы снова возвышаются и образуют цепь Тумук-Умак (Tumuc-Humac); название это принадлежит неизвестному языку. Здесь берет начало Марони, главная река французской Гвианы. Из вершин выше всех (по Кудро)—Тимотакем, находящаяся в западной части Тумук-Умака; она достигает 800 метров. Немногие путешественники, проходившие по этой горной стране, точно нанося на карту свои маршруты. Только Кудро дал единственную карту, где хребет Тумук-Умак нанесен не наугад. Форму и направление его тем более трудно исследовать, что и горы, и промежуточные долины покрыты сплошным лесом. Вершины не поднимаются выше полосы тропической растительности: они покрыты теми же видами растений, что и низкие долины, и заросли на них так же трудно проходимы[1]. В зимнее время туманы, ползающие по высотам, делают наблюдения почти невозможными. Из двух сот отдельных вершин, на которые взбирался Кудро, только три выступают из лесной растительности, позволяя обнять взглядом весь горизонт и проследить линии высот. Из этих обсерваторий лучше всех, повидимому, Митарака, гора в 580 метров, оканчивающаяся гранитным конусом; взлесть на него очень трудно, так как на нём нет ни клочка травы, за который можно бы ухватиться а поскользнувшись, можно подвергнуться большой опасности. Но за то подобное восхождение и несравненный вид с вершины, по словам Кудро, «стоят поездки из Парижа в Гвиану»[2].

В общем, горы Тумук-Умак идут на восток-юго-восток, параллельно морскому берегу, между устьями реки Марони и рекой Ояпок. В западной своей части эти горы представляют две цепи, удаленные одна от другой на 40 километров. Именно в северной цепи и возвышается гора-бельведер Митарака, а в южной поднимаются самые гордые вершины—горы Тимотакем и Темомаирем. На востоке обе цепи соединяются посредством отрогов, и от них идут на север разветвления, ограничивающие бассейн реки Марони и отделяющие его от бассейна реки Ояпок. Далее, восточный Тумук-Умак продолжается на восток, но не образуя непрерывного водораздела. Крайние отроги его расходятся веерообразно на северо-восток, восток и юго-восток, являясь в виде отчетливых возвышений лишь над болотами. У истоков реки Ояпок, среди гор, водоразделы так неопределенны, что в период дождей течения рек Ояпок, Качипур, Арагвари и Яри (притока Амазонки) связываются непрерывными водными линиями, благодаря разливающимся промежуточным прудам и озеркам; впрочем, эти водяные пути непроходимы даже для индейских пирог.

В той части Гвианы, которая заключена между южными горами и морским берегом, совсем нет гор или холмов, образующих длинные цепи. Возвышенности, разделенные речными долинами, являются в виде коротких выступов; главные из них: «Французская гора» (la montagne Francaise), на правом берегу Марони; Магнитная гора (la montagne Magnetique, 218 метров высоты), на юго-востоке, между реками Инини и Мана; гранитная гора Леблон (Leblond), в 406 метров высоты, у истоков реки Синнамари.

Близ морского берега возвышенности состоят большею частью из отдельных островообразных масс гнейса, сланцев или мелу, и достигают различной высоты, от 100 до 200 метров[3]. Их окружают аллювиальные земли, как некогда окружали морские волны: один пласт осаждался за другим вдоль берегов, заключая древние острова и архипелаги во внутренность материка. Только во французской Гвиане несколько утесов выступают на самом морском берегу или недалеко от него. К северо-западу от Кайенны, отдельные небольшие горы (mornes) поднимаются у рек Мана, Иракубо, Синнамари, Куру; к юго-востоку от главного города колонии виднеются горы Ко (*Caux*); французская орфография прошлого столетия в этом названии была переделана на английский лад (*Кау*)[4]. Одна из вершин этой прибрежной цепи

1 Jules Crevaux, „De Cayenne aux Andes".

2 „Etude de la chaine des monts Tumuc-Humac", рукописный мемуар.

3 Charles Barrington Brown, „Geology of British Guiana".

4 Leblond, „Voyage aux Antilles";—Henri A. Coudreau, рукописные заметки.

—высшая точка прибрежья—достигает 225 метров: это гора Матури, в «le Tour de l'ile», к югу от Каенны. Серебряная гора (montagne d'Argent), служащая морякам маяком у устья реки Ояпок, не более, как холм в 90 метров высоты.

Местность, неправильно называемая «ile de Cayenne» (потому, что она отделяется от материка лишь болотистыми протоками), также усеяна несколькими холмами (pitons), древними островками, соединенными между собой отложениями ила; таковы Кабассу, возвышающийся над городом Кайенной, и на востоке «горы» Ремир (Remire); их некогда величали «вулканами»—впадины, откуда вытекают источники, питающие Кайенну, прежде считались бывшими «кратерами»[1]. Несколько скалистых островов усеивают море впереди берега: на западе—острова Du Salut, представляющие важнейший архипелаг, благодаря своему глубокому рейду; на востоке—остров l'Enfant Perdu и параллельная берегу цепь островов: du Malingre, du Pere, de la Mere, des Mamelles; наконец, в открытом море, против Аппруага, два острова Коннетабль,—выступившие на поверхность вершины подводного плоскогорья.

Самая большая река Гвианы, Эссекибо или Эссекебо (Essequibo ou Essequebo), целиком течет по английской территории. Но благодаря одному из притоков, Куюни, её бассейн отчасти принадлежит Венецуэле. Её имя, как имена всех остальных гвианских рек, повидимому, индейского происхождения, по крайней мере по окончанию *бо* (bo), которое на языках галиби означает направление: так, Essequibo значит «к Ессеки»[2]. Однако, Шомбурк приводит легенду, приписывающую происхождение этого имени одному из спутников Диэго-Колумба, дону Хуану-Эссекибель или Хаискибель[3] (Jaizquibel); таким образом, гвианская река, будто бы, носит одно имя с бискайской горой. Эта большая река прежде различно называлась прибрежными жителями: в приморской местности, где она образует широкое устье, её называли Аранаума; индейцы племени ваписиана и их соседи называют главный рукав устья—Чип-Уа, т.е. «речка» Чип. Долина Апини, имеющая падение в обе стороны, соединяет реку Эссекибо с верховьями реки Тромбетас, притока Амазонки. Будучи в действительности короче, чем на английских картах Шомбурка и Броуна, Эссекибо берет начало у горы Аварива (Aouarioua) и течет сначала на северо-восток, сквозь леса, населенные несколькими семьями индейцев чириу и тарума, потом соединяется с рекой Яоре, текущей с запада чрез совершенную пустыню, по соседству с саваннами. Около одного каскада на реке Яоре есть высеченная в камне человеческая фигура. По словам индейских лодочников, это—портрет Шомбурка, высеченный им самим. Но рисунок слишком груб, чтобы можно было допустить эту легенду[4].

Ниже впадения реки Яоре, Эссекибо постепенно поворачивает на север, её русло здесь ещё не урегулировалось—река, пересекаемая каменистыми порогами, спускается с одного плоскогорья на другое рядом водопадов. Один из них, носящий имя *King Williams the Fourth Fall* («Водопад короля Вильгельма IV»), неизвестное туземцам, долго был преградой для торговцев, поднимавшихся по реке; его переходили только охотники за рабами, во время экспедиций для ловли индейцев, которых потом продавали плантаторам морского побережья[5]. По левому берегу Эссекибо следуют один за другим многочисленные притоки, ибо река проходит близко к восточным границам своего бассейна, и с этой стороны в неё впадают только незначительные ручьи. Река Куювини приносит ей воды западных саванн; потом следует река Рупунуни, сама принимающая большой приток Рева: её беловатые воды, смешивающиеся с темной водой Эссекибо, представляют судоходный путь к западу; им пользуются лодочники для прохода в бассейн Амазонки через озера Амуку и Пирара. На этом пути есть только один перерыв—волок, сокращающийся до 800 метров в период дождей: в это

1 J. Mourie, „la Guyane Francaise".
2 Henri A. Coudreau, рукописные заметки.
3 Robert A. Schombugk, „Description of British Guiana".
4 Henri A. Coudreau, рукописные заметки.
5 Charles Barrington Brown, цитированное сочинение.

время воды разливаются даже направо и налево, с одной стороны по склону к Рупунуни, с другой—по склону к Рио-Бранко. Занимающие значительную часть страны саванны, вероятно, представляют остатки озера, некогда очень обширного. Повидимому, оно было внутренним морем, тем легендарным озером Парима, где жил король Эльдорадо[1]: туземцы рассказывают, что в маленьком озере, или скорей болоте, Амуку «всё дно вымощено золотом»[2].

Ещё ниже, в реку Эссекибо впадают речки Бурробурро и Потаро, сбегающие с отрогов гор Пакараима и образующие многочисленные каскады, благодаря большой разнице в уровне истоков и низовья. Водопад Каетер, на половине течения Потаро,—один из самых красивых в Гвиане и даже во всём свете. Между тем, ещё недавно он был совершенно неизвестен европейцам. Путешественник Броун, увидавший его впервые в 1868 году, совершенно не ожидал той восхитительной картины, которая вдруг появилась перед ним, окаймленная громадным темным лесом, простирающим над водой свои длинные ветви, увешанные лианами. Река, шириной до 100 метров и несущая в период дождей 500 кубич. метров воды в секунду, падает сразу с высоты 226 метров, между двумя отвесными стенами из серых и красных скал; потом вырвавшись из громадного кипящего омута, несется в виде молочно-белого потока через порог, с падением в 25 метр. на 155. Ниже река Потаро опять спускается, словно по ступеням лестницы, целым рядом каскадов. Прежде главный водопад находился на 25 километров ниже теперешнего и падал с высоты 300 метров с лишним. Но непрерывно роя песчаниковое плоскогорье, откуда он низвергается в равнину, водопад постепенно отступил назад и уменьшился в высоту. Карниз утесов, с которого обрушивается водяная масса, состоит из твердого конгломерата, лежащего на более хрупком песчанике. Кипящие волны омута под водопадом постоянно подмывают пласты песчаника, открывают куски его и выкапывают пещеру под нависшим карнизом. Позади завесы падающей воды взор теряется в темноте этой пещеры. По вечерам из соседних лесов прилетают мириады ласточек, которые стрелой носятся над пропастью, спускаются с головокружительной быстротой в туман водопада, потом взлетают к пещере. Полет их так быстр, что невольно увлекает зрителя, осторожно отходящего назад, чтобы не последовать за ласточками в глубину пропасти.

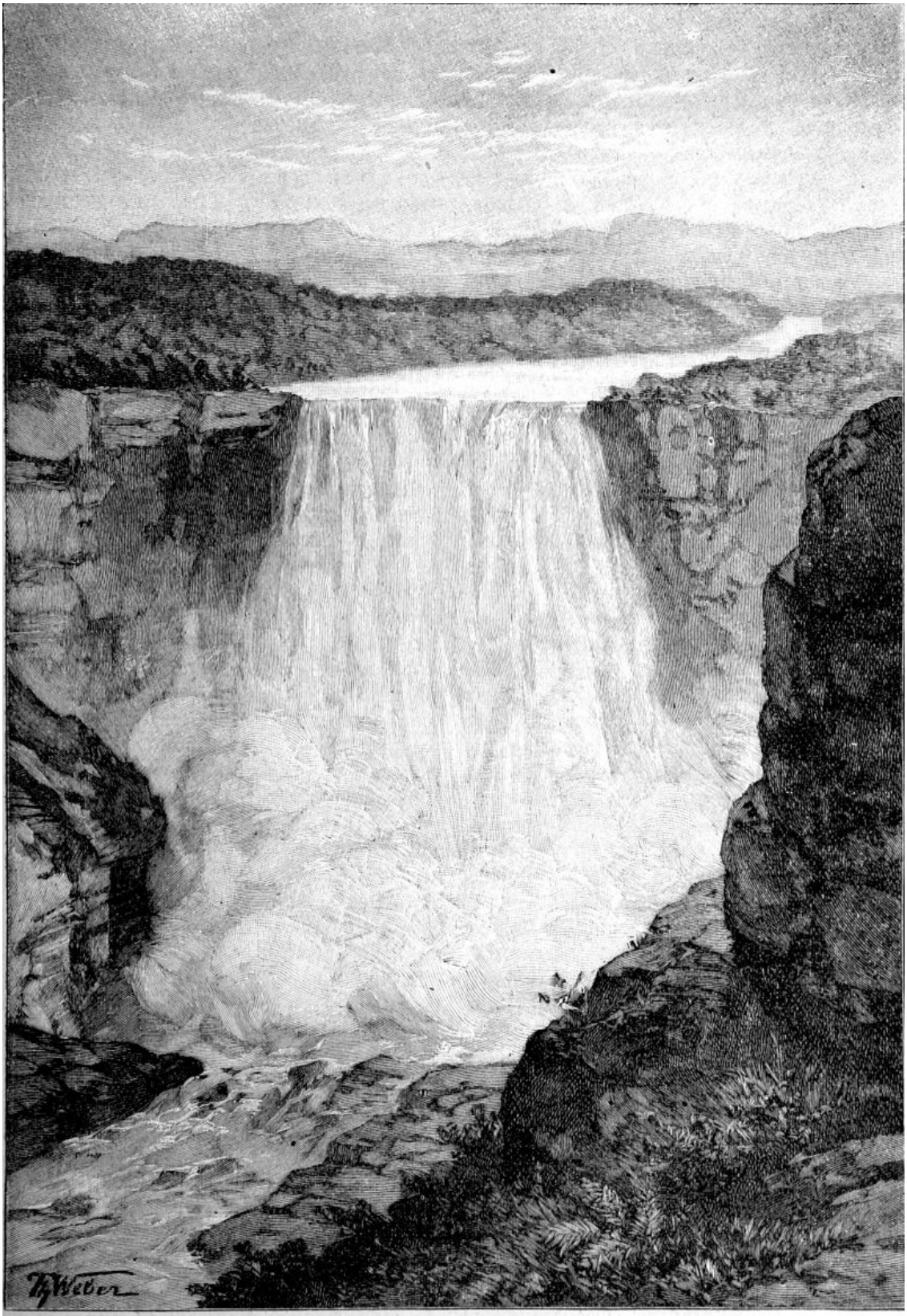
Река Мазаруни (Mazaruni), сливающаяся с рекою Куюни в 15 километрах выше общего впадания в реку Эссекибо, приносит массу воды, почти равную главной реке. Начинаясь в самых высоких местах гор Пакараима, потому что её главный рукав принимает водопады, ниспадающие с горы Рораима, река Мазаруни больше всех гвианских рек преграждена водопадами, которые особенно часты в нижней части её течения. Поэтому она почти совсем недоступна для плавания. У водопадов Чичи (т.е. «Солнца», на наречии макузи), высота речного дна над уровнем моря понижается с 420 метров до 150 на расстоянии 13 километров. Последние пороги заграждают течение в 24 километрах выше слияния Мазаруни с Куюни, в теснине, называемой Monkey jump, т.е. «Прыжок обезьяны». Ниже, река Эссекибо расширяется в лиман и при впадении в море достигает ширины в 24 километра; но острова, удлиненные по направлению приливов и отливов, разделяют сплошную водную поверхность на три главных фарватера. Масса пресной воды, приносимой рекою Эссекибо, так велика, что заметна в открытом море в двадцати километрах от устья; такая многоводность объясняется обширностью бассейна, обилием дождей и водонепроницаемостью почвы. В зимний сезон речные воды, задерживаемые преградами из скал, во многих местах разливаются по сторонам, восстановляя цепь прежних озер, некогда существовавших в бассейне Эссекибо.

Река Демерара (иначе Демерари, а в старину—Лемдраре) течет к востоку от реки Эссекибо, совершенно ей параллельно. Можно подумать, что это древний боковой поток, по которому некогда текли разлившиеся воды какой-нибудь реки, размеров Амазонки. Река Демерара, начинаясь в предгорьях водораздела, проходит по тем же местностям, как и Эссекибо, прорезывая сначала гранитные массы, потом пласты песчаника с прожилками диорита; на-

1 Robert Schomburrgk, „British Guiana“.

2 Gustawo da Suckow, „Geographical Journal“, March, 1893.

конец, приближаясь к морскому берегу, течет по плоским наносным землям, где местами возвышаются дюны, от 15 до 20 метров высотой. Протоки с почти стоячей водой разветвляются к востоку и связывают реку Демерару с рекой того же вида, но меньшей величины,

Водопадъ Каэтеръ.

—Мааика (Mahaica).

Ещё далее к востоку, текут реки Бербисе и Корентина, представляющие столь же строгий параллелизм, как Демерара и Эссекибо: у них те же излучины, те же крупные повороты, со-

провождаемые каскадами, при прорыве сквозь скалистые преграды, граниты, диориты или песчаники. Но они различаются длиной: Бербисе начинается на большом расстоянии от гор водораздела, между тем как Корентина вытекает из гор Курукури и является уже могучей рекой при прохождении сквозь те скалистые возвышенности, где находятся источники её западного товарища, Бербисе. В этом месте две значительные реки, составляющие Корентину, соединяются в лабиринт рукавов и спускаются с ряда уступов величественными водопадами. Роберт Шомбурк назвал их «Водопадами короля Фридриха-Вильгельма IV-го» (King Frederick William the Fourth'Falls), как и водопад на Эссекибо, лежащий под той же широтой и представляющий в общем подобные же картины среди своих гранитных скал. Река Корентина образует ещё другие грандиозные водопады у скал Вонотобо, также состоящих из кристаллических пород. Здесь река падает с отвесного уступа, около 30 метров высоты, тремя или четырьмя рукавами, подразделяющимися ещё на второстепенные русла; внизу находится озеро, в 1.500 метров шириной, откуда река выбегает в виде одного потока, около 300 метров ширины и 27 метров глубины. Ниже, река Корентина, ещё 275 километров не доходя до моря, уже не имеет ни одного порога. Но её широкое устье, усеянное островами, островками и мелями, представляет только один труднодоступный фарватер для судов с осадкой не более 3 метров.

Река Никери, впадающая с востока в устье Корентины, является типом прибрежных рек голландской Гвианы, представляя извилистый, но непрерывный судоходный путь с запада на восток страны. Реки, начинающиеся внутри страны, на передовых уступах водораздела, спускаясь к Атлантическому океану и встречая по пути эти прибрежные речки, увеличивают их и отбрасывают направо или налево, смотря по объему водяной массы и уклону почвы. Так, реки, Никери и Коппенам, текущие параллельно одна другой в своих верховьях, после впадения в прибрежный проток расходятся своими устьями в разные стороны, тогда как между ними извивается байю, воды которого направляются попеременно то в ту, то в другую сторону, в зависимости от увлекающего их верхового течения. Реки Козевин (Coesewijne по-голландски) и Сарамакка не сливаются прямо с рекою Коппенам и её рукавами, но впадают в тот же лиман. Нижнее течение реки Сарамакка, направляющейся с востока на запад, отчетливо ограничивает полосу морского побережья, часть которой занята болотами. Старинный проток, превращенный голландскими инженерами в правильный канал, совершенно отделяет эту полосу с востока до устья реки Суринам. Через бар этой реки при отливе могут проходить суда с осадкой до 5 метров. К востоку от неё, прибрежная область лесов и болот представляет со стороны моря—длинный низкий песчаный берег, с едва заметным изгибом, а со стороны материка—сеть рек и протоков с переменным течением, кое-где превращенных трудом человека в правильные судоходные каналы для лодок плантаторов. Таковы Коммевин, Коттика, Кермерибо (Кормонтибо) и Уана или Wane creck, следующие одна за другой с запада на восток между реками Суринам и Марони.

Все реки этой части Гвианы изгибаются параллельно морскому берегу и отделены от него отложениями жирных наносных пластов. Это нельзя объяснить только действием речных разливов: в подобном образовании берегов главная роль принадлежит океану. Реки Амазонка и Токантин приносят массу воды в «пресноводное море» залива; здесь воды их не успевают освободиться от всех несомых ими осадков; увлекаемые береговым течением, они направляются вдоль берегов Гвианы до Ориноко, потом отчасти вливаются в море Париа через «Змеиное Устье». Замедляемый по близости берегов, поток амазонских вод отлагает у них свои наносы, образуя последовательно отмель за отмелью вокруг очертаний берегов материка. Большая часть этих прибрежных полос наносов сливаются между собой, но остающиеся кое-где промежуточные протоки указывают на их постепенное и правильное образование. Реки, встречаясь с противным морским течением, постоянно уклоняются к западу и текут параллельно этому течению; при этом наносы образуют полуострова, вытягивающиеся на большие расстояния, пока буря или сильный разлив не прорвет вдруг наносную косу в каком-нибудь слабом месте. Всё прибрежье голландской Гвианы образовалось так и представляет явственные двойные берега от Корентины до Марони. Но ещё более отчетливо обрисо-

вываются подобные океанические земли в той части спорной прежде территории, которая лежит непосредственно к востоку от устьев Ориноко. Здесь реки Померун (оканчивающаяся у мыса Нассау), Ваини или Гваинна, Барима и Амакуру отрезывают каждая по полосе побережья, образовавшейся впереди древнего неправильного берега материка.

Река Марони (по-голландски Moroweijn) занимает первое место среди второстепенных гвианских рек, от Ориноко до Амазонки. Сеть её верхних ветвей занимает полосу около 300 километров шириной, на северном склоне гор Тумук-Умак, между бассейнами Корентины на западе и Ояпока на востоке. В настоящее время большая половина верхнего бассейна Марони принадлежит Голландии, так как вся полоса между реками Ава (Aoua или Lawa) и Тапанаони была присуждена голландской Гвиане третейским судом России в 1891 году. Река Ава,—восточный рукав Марони,—служит теперь границей между колониальными владениями.

Она считается богаче водой, чем Тапанаони, но зимой эта последняя бывает многоводнее. Крево и Кудро поднимались в лодках по реке Ава на 500 слишком километров от устья. Кудро проник в реку Итани, служащую международной границей и образующую реку Ава через слияние с рекою Маруини, текущей более к востоку. В том месте, где Кудро остановился, ширина русла Итани ещё превышала 20 метров; сейчас же дальше начинались возвышенности и уступы гор Тумук-Умак. Здесь, на столь большом расстоянии от моря, уровень русла реки всего на 200 метров превышает уровень океана. Поэтому река, опускаясь постепенно, не прерывается высокими каскадами. Кое-где русло её загораживают утесы, задерживая воду почти неподвижно, как в запруде; но река прорыла их, образовав природные шлюзы, сквозь которые несется в виде пенистых потоков, каскадиков и невысоких водопадов. Последний порог на Марони, называющийся «Эрмина», «Арамина», или «Гимнот»[1] и отстоящий на 80 километров от моря, представляет общее падение от 4 до 5 метров на протяжении 800 метров[2]. Ниже, река становится доступной для пароходов и расширяется до 1.000 и 1.500 метров между лесистыми берегами; затем вливается в Атлантический океан через бар, на котором во время отлива глубина равняется 5 метрам.

Реки французской Гвианы, текущие восточнее Марони, берут начало не на Амазонском водоразделе, но на полпути от него, в нескольких отдельных возвышенностях. Главнейшие из этих рек—Мана, Синнамари, Аппруаг, имеющие в длину около 300 километров, и протекающие мимо редких поселений вблизи пристаней (называемых degrads). Все они текут перпендикулярно к морскому берегу, изгибающемуся с запада на юго-восток. Потом следует река Ояпок; это имя принадлежит и множеству других рек, происходя от индейских слов «*уя пуку*», т.е. *длинная река*; оно больше подходило бы к Амазонке, чем ко всем другим южно-американским рекам[3]. Ояпок, под именем Суанрэ, начинается, подобно реке Марони, в горах Тумук-Умак, у вершины Утаньямпа, и составляет восточную границу бесспорной французской территории; западную границу образует река Марони. Обе реки сближаются в своих верховьях посредством впадающих в них горных ручьев (называемых во французской Гвиане *criques*). Обе реки мало различаются между собой. Ояпок, чаще всего служивший путешественникам дорогой в бразильскую Гвиану, также спускается от запруды до запруды рядом порогов и водопадов, более многочисленных и высоких, чем на Марони. Кудро упоминает о двух, с вертикальным падением в 20 метров. Водопад Trois Sauts, вероятно,—самый красивый во всей французской Гвиане. Последний водопад на Ояпоке, Le Saut Robinson, находится в 80 километрах от моря.

К востоку от мыса Оранж,—длинной косы, образованной наносами Ояпока,—всё треугольное пространство между этой рекой и рекою Арагвари принадлежит к тому же бассейну. Ояпок и Арагвари одинаково берут начало в болотистых долинах Тумук-Умака; там же

1 Henri A. Coudreau, „Chez nos Indiens“.

2 Jules Crevaux, „Voyages d’exploration dans l’interieur des Guyanes“;—Henri A. Coudreau, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 4-e trimestre 1891.

3 Henri A. Coudreau, рукописные заметки.

начинается река Качипур, течение которой имеет форму дуги; наконец, все другие местные реки—Кунани, Карсевен, Мапа-Гранде (по-бразильски *Амапа*), Фречаль, Тартаругаль—расходятся веерообразно от общего водораздела. Устье Арагвари служит границей гвианских берегов: непосредственно дальше начинаются воды и острова амазонского устья. Арагвари, последняя гвианская река, своим величественным течением и широким устьем представляет достойную границу этой северо-восточной части южноамериканского материка, столь богатой реками, благодаря продолжительным ливням и мало проницаемой почве.

Как и на другом склоне водораздела, т.е. в венецуэльской и бразильской Гвианах, реки различаются по цвету своей воды: одни, в особенности реки саванн, отличаются мутной и беловатой водой; в других, выходящих из лесистых местностей, вода кажется черной или черноватой, будучи в то же время прозрачной. В бассейне Эссекибо цвет подобных черных рек объясняют окрашиванием воды погруженными в неё корнями и ветвями дерева *уалла-ба*. Хотя большинство гвианских рек течет от гор до моря по сплошному лесу, они далеко не так часто бывают загромождены упавшими деревьями, как многие другие тропические реки. Это объясняется большим удельным весом почти всех древесных пород, растущих по берегам гвианских рек: когда деревья падают в воду, вырванные бурей или вследствие обвала берега, они не плывут, а погружаются на дно и сгнивают на месте[1]. Но в узких и мелких верховьях рек препятствием для судоходства являются перепутанные ветки деревьев и сеть лиан, так что лодочники бывают вынуждены прорубать себе дорогу; кроме того, иногда встречаются заторы из деревьев, называемые индейцами реки Эссекибо «*такуба*», а бразильскими выходцами в спорной территории—«*барранкас*». Водяные растения также представляют препятствия для пирог, часто вынуждаемых останавливаться перед их зарослями, как перед порогами и водопадами. Почти во всех реках камни, выступающие из воды и состоящие из песчаника, гранита или диорита, покрыты налетом из окисей железа и марганца, точно слоем дегтя. Как и на реке Ориноко, чем тверже горная порода, тем черней на ней этот налет, выделяющий во время дождей зловонные испарения[2].

Ниже устьев и порогов, реки становятся широки и глубоки; взбаломучиваемые приливами, они несут желтоватую воду, часто сплошь покрытую плавающими растениями, и теряются в лабиринте прибрежных болот, озер и прудов. Во французской Гвиане колонисты называют эти воды *prispis*. В английской и голландской частях побережья, уже хорошо возделанных, направление и сток излишних вод регулированы плотинами и каналами: шлюзы не допускают прилив затоплять плантации, а сточные канавы (kokers) отводят во время отлива просочившуюся воду. В открытом море пресная вода гвианских рек течет поверх соленой на большом расстоянии от берегов, от 10 до 12 километров.

Благодаря равномерному склону поверхности Гвианы произошло осушение почти всех древних озер, усеивавших её. Об очертании многих из них ещё можно судить по очертаниям саванн. Лучше всего сохранились озера в спорной французско-бразильской территории, между реками Мапа-Гранде и Арагвари. Со стороны моря эта страна озер заслоняется низкими мысами, образующими полуостров Gap de Nord и столь же низменным островом Марака. В сравнительно недавнюю эпоху эта полоса пресных вод простиралась гораздо далее на север, до реки Ояпок, и тогда можно было проплыть более 300 километров между Амазонкой и французской Гвианой всё время по озерам, рекам и протокам. По словам офицеров французского форта Мапа (Мара), существовавшего с 1836 до 1841 года, ещё в середине XIX-го столетия этим путем проходили суда до 40 тонн вместимости. Первое озеро к югу от реки Мапа-Гранде представляет только остатки прежней, гораздо более значительной водной площади; здесь на одном из островов находился небольшой французский форт, очищенный в 1841 году, а в 1890 г. восстановленный в свою пользу бразильцами[3]. Другие озера тянутся к югу и юго-востоку по полуострову Cap de Nord. Одно из них, озеро Жак (Jac), не-

1 Charles Barrington Brown, „Reports on the Geology of British Guiana“.

2 A. de Humboldt, „Tableaux de la Nature“;—R. Schomburgk, цитированное сочинение.

3 Henri A. Coudreau, рукописные заметки.

далеко от пролива Карапапорис (между материком и островом Марака), ещё имеет форму широкой бухты; будучи открыто для бурь с моря, это озеро мало доступно для пирог. Самое южное в этом ряду озер—озеро Лаго Ново (Lago Novo), лежащее близко к р. Арагвари; оно также походит на морскую бухту, потому что дает убежище морским коровам (lamentin, Manatus australis), питающимся его зарослями водяных растений. Но лодки всё-таки решаются проникать в него, благодаря группам островов, образующим поперечные волнорезы. Вследствие своей глубины от 10 до 12 метров, озеро Лаго Ново могло бы служить великолепным портом-убежищем для целых флотов, если бы углубить выходной канал до реки Арагвари на протяжении нескольких километров, и если бы очистить драгами лиман, заносимый илом и в некоторых местах представляющий глубину всего в 1 метр.

В следующей таблице помещены цифровые данные относительно главнейших гвианских рек между Ориноко и Амазонкой.

	Длина течения в километр.	Площадь бассейна в квадр. километрах	Средний дебит, кубич. метров в секунду	Длина судоходного течения в километр.
Эссекибо	1.000	170.000	2.000?	65
Демерара	280	8 000	150?	149
Бербисе	560	35.000	500?	265
Корентина	725	60.000	1.000?	410
Суринам	480	35.000	500?	150
Марони	625	60.000	1.000?	75
Аппруаг	310	10.000	180?	60
Ояпок	485	40.000	750?	75
Качипур	520?	20.000?	400?	80
Кунани	280?	10.000?	150?	70
Арагвари	500?	25.000?	400?	200

Уменьшение озер и совершенное высыхание их происходят, повидимому, очень быстро. Летом увядают тростники и другие растения, и остатки их образуют плавучий слой перегноя, на котором развиваются растения и даже деревца. Иногда бури разрывают подобные плавучие земные ковры и уносят их к противоположным берегам; там они скоро возобновляют свое нарушенное строение, утолщаются, крепнут, и озеро постепенно заполняется ими, или превращается в зыбкий луг, сверху плотный, а внизу состоящий из жидкой грязи. Тогда от бывшего пруда остается только судоходный проток, *игарапэ* (т.е. дорога пирог). Кудро даже решается высказать гипотезу, что озера эти высыхают вследствие качательного движения морского побережья[1]: на дне многих озер находят множество огромных древесных стволов; происхождение их нельзя себе объяснить иначе, как допустив, что некогда тут была суша, погрузившаяся затем вследствие провала или какого-нибудь быстрого изменения уровня. Но форма и направление морского побережья подсказывают другое объяснение этого явления. У рек Аппруаг, Ояпок и Качипур образованные их наносами мысы вытянулись к северу; нижнее течение этих рек уклоняется туда же, очевидно, под влиянием берегового течения, отлагающего по бокам свои илистые осадки. Не следует ли предположить, что под влиянием этого течения река Арагвари также уклонилась к северу и что ряд озер, идущих в этом направлении, представляет остатки её древнего русла? Пролив Марака или губа Карапапорис,—морской проток между островом Марака и материком, так резко отличающийся своей глубиной от всех окружающих его мелких вод,—в таком случае представлял бы древнее устье Арагвари, почти не изменившееся с тех пор, как река повернула на восток. Если это так, то не удивительно, что могучая река, несущая деревья, подобно Амазонке, отложила их в своих затонах, превратившихся теперь в озера, соединенные извилистыми протоками. С своей стороны, береговое течение приносит древесные стволы, которые погружаются в тину на дне русла реки и потом заносятся позднейшими осадками. Скопления древесных стволов находили на глубине в 23 метра[2]. Как бы то ни было, в современную нам

1 „La France Equinoxiale“, „Voyage a travers les Guyanes et l’Amazonie“.

2 Villiers Stuart, „Adventures among the equatorial forests“.

эпоху совершаются большие изменения в очертании берегов моря. Достаточно взглянуть на карту, чтобы убедиться, что побережье спорной французско-бразильской территории значительно отличается от берега, идущего с востока на запад, между Кайенной и рекой Корентиной. Эта последняя часть берега имеет очертание правильной выпуклой дуги, что указывает на нормальное отложение наносов, тогда как южные низменные берега были сильно размыты волнами, часть древнего морского берега была унесена, и остатками его являются мыс Gap de Nord и остров Марака. На всём протяжении голландского побережья, к востоку и западу от Парамарибо, наблюдается существование древних отлогих берегов, обозначенных прибрежными полосами древесных стволов, некогда принесенных морем.

Такой же контраст замечается в свойствах прибрежных вод. В море, у берегов голландской Гвианы, дно покрыто мягким илом. Под давлением высоких волн он колеблется подобно мягкому ковру и этим уменьшает волнение. Чем ближе к берегу, тем волны становятся ниже, и поверхность моря сглаживается. Поэтому часто случается, что суда становятся на якорь вблизи берегов, внутри берегового течения, и остаются в спокойной воде, в то время как вдали буря беспорядочно вздымает волны. Напротив того, у отлогих берегов полуострова Cap de Nord и острова Марака волны прилива бросаются на берег с необычайной яростью. Нигде, даже в устье Амазонки, *пороpока* или *маскарет* не вздымает своих последовательных волн более неожиданно и на большую высоту. Уже в 1743 году Ла-Кондамин указывал на воды у устья реки Арагвари, как на самые опасные для мореплавателей. Прилив, стесняемый в узком заливе постепенно повышающимся дном, в несколько минут вздувается на треть своей полной высоты: случалось видеть, как он вдруг поднимался на 4 и даже на 8 метров над уровнем моря при отливе[1]. Наводнение далеко разливается по прибрежным низменностям, а во время новолуний и полнолуний, когда прилив поднимается на 12—13 метров, волнами иногда отрываются целые берега, образованные перепутавшимися мангрововыми зарослями (paletuvier, rhisophora). Подобные плавучие зеленые острова уносятся течением и прибиваются к берегу дальше на севере, у устьев рек Качипур и Ояпок. Даже во время низких приливов разница уровней прилива и отлива в этой местности равняется приблизительно трем метрам. В открытом море, в расстоянии 25—80 километров от берегов, проходит большое береговое течение, идущее от мыса св. Рока (Sao Roque) к острову Тринидаду. Ось течения в среднем отстоит на 220 километров от материка, а общая ширина движущейся массы воды может быть определена в 380—400 километров. Скорость течения изменяется в зависимости от ветров: иногда она превосходит 150 километров в сутки; в другое время, замедляемое пассатами, течение делает лишь от одного до двух километров в час и распространяется в стороны, образуя обратные течения и водовороты; в это время задержанпая в своем движении вода поднимается в портах, как река выше запруды.

Гвиана всецело находится в области северо-восточных пассатов. Однако, она лежит достаточно близко к экватору, чтобы известную часть года в ней чувствовалось влияние юго-восточных ветров. В Кайенне, принимаемой за середину гвианских берегов, преобладающий ветер начинает регулярно дуть с первых чисел декабря и достигает наибольшей силы в январе и феврале; среднее направление его восток-северо-восток. В мартовское равноденствие пассат немного ослабевает; потом наступает период затишья, нарушаемого шквалами; а в июле начинают всё чаще дуть юго-восточные бризы, указывая на общее передвижение системы ветров к северному полушарию. Впрочем, эти юго-восточные или чаще восток-юго-восточные ветры не дуют непрерывно: в течение ночи они обыкновенно стихают, заменяясь бризой, дующей с берега. Циклоны никогда не проносятся над гвианскими берегами.

Время года, когда дует северо-восточный пассат, соответствует зиме. Дожди обыкновенно начинают идти, как только на берегах установится преобладающее воздушное течение. Они продолжаются до периода неправильных ветров и сухих юго-восточных ветров. В зимний сезон всего менее выпадает дождей в марте: отсюда происходит название «*мартовское лето*»

1 Lartigue, „Instruction nautique sur les cotes de la Guyane francaise“.

(ete de mars), даваемое во французской Гвиане этому периоду сухости воздуха. В мае облака изливают воду водопадами; эти ливни называются «*Pluies de la Poussiniere*».

За год на Гвианское побережье выпадает в среднем 2,5 метра атмосферных осадков, а в иные годы даже свыше четырех метров[1]. Случалось наблюдать выпадение 33 сантиметров за двенадцать часов[2]. По годам дожди распределяются крайне неравномерно: в Джорджтауне они иногда вдвое превышают норму, колеблясь от 1,60 метра в 1885 году до 3 метров в 1890 году. Температура в зимний период немного ниже, чем летом; но она никогда не уклоняется на большое число градусов от средней, равной приблизительно +27°C. Во внутренних частях страны температура мало изменяется, потому что только в горах Пакараима имеются значительные высоты; но наблюдаются огромные колебания в относительном обилии осадков: в то время, как стесненные у вершин гор облака разражаются ливнями, в других местах они беспрепятственно проходят над равнинами, осаждая лишь незначительную часть влаги. Воздух почти всегда содержит много водяных паров. По вечерам туманы расстилаются над лесами, словно громадный полог, откуда кое-где выступают вершины больших деревьев, словно утесы среди моря.

Поля, мысы,—всё одето этим влажным покровом, к которому примешиваются почвенные миазмы. В горах Тумук-Умак, где Кудро провел более пяти месяцев и произвел более полуторы тысячи наблюдений, сырость меньше, чем на побережье: «туманы там суше», и температура по ночам понижается до 16°C.

Метеорологические условия Гвианского побережья видны из следующей таблицы:

	Средняя температура	Максимальная температура	Минимальная температура	Число дождливых дней	Количество атмосферн. осадков (в метрах)
Джорджтаун	27,°2	32,°2	23,°9	170	2,м93
Парамарибо	26,1	35,5	21,1	177	3,6
Кайенна	27,04	33,5	22	160	3,32

Поразительные различия, представляемые Гвианской флорой, вообще объясняются неравномерным распределением дождей. Вся страна подразделяется на две резко различающиеся области: саванны (по-бразильски campos) и девственные леса. Однако, следует также принимать в рассчет бедность некоторых песчаных почв, совершенно лишенных перегноя, и сырость других, где сплошной тростник не дает расти древовидным растениям. Безлесные местности расстилаются по большей части книзу от холмов и гор, верховые (т.е. противоположные) склоны которых заливаются дождями. Так, в английской Гвиане верхний бассейн реки Такуту целиком принадлежит к области саванн, будучи защищен от сырых ветров восточными отрогами гор Пакараима. Но в непосредственном соседстве с берегами Атлантического океана те равнины, которые по географическому положению и отсутствию рельефа совершенно походят на другие лесистые равнины, тем не менее совершенно лишены древесной растительности. Таким образом в спорной Французско-Бразильской территории саванны тянутся параллельно морскому берегу, от мыса Оранж до Амазонки, прерываемые только узкими зарослями деревьев по берегам рек, и низменная долина реки Арагвари почти вся целиком представляет обширное *campo*.

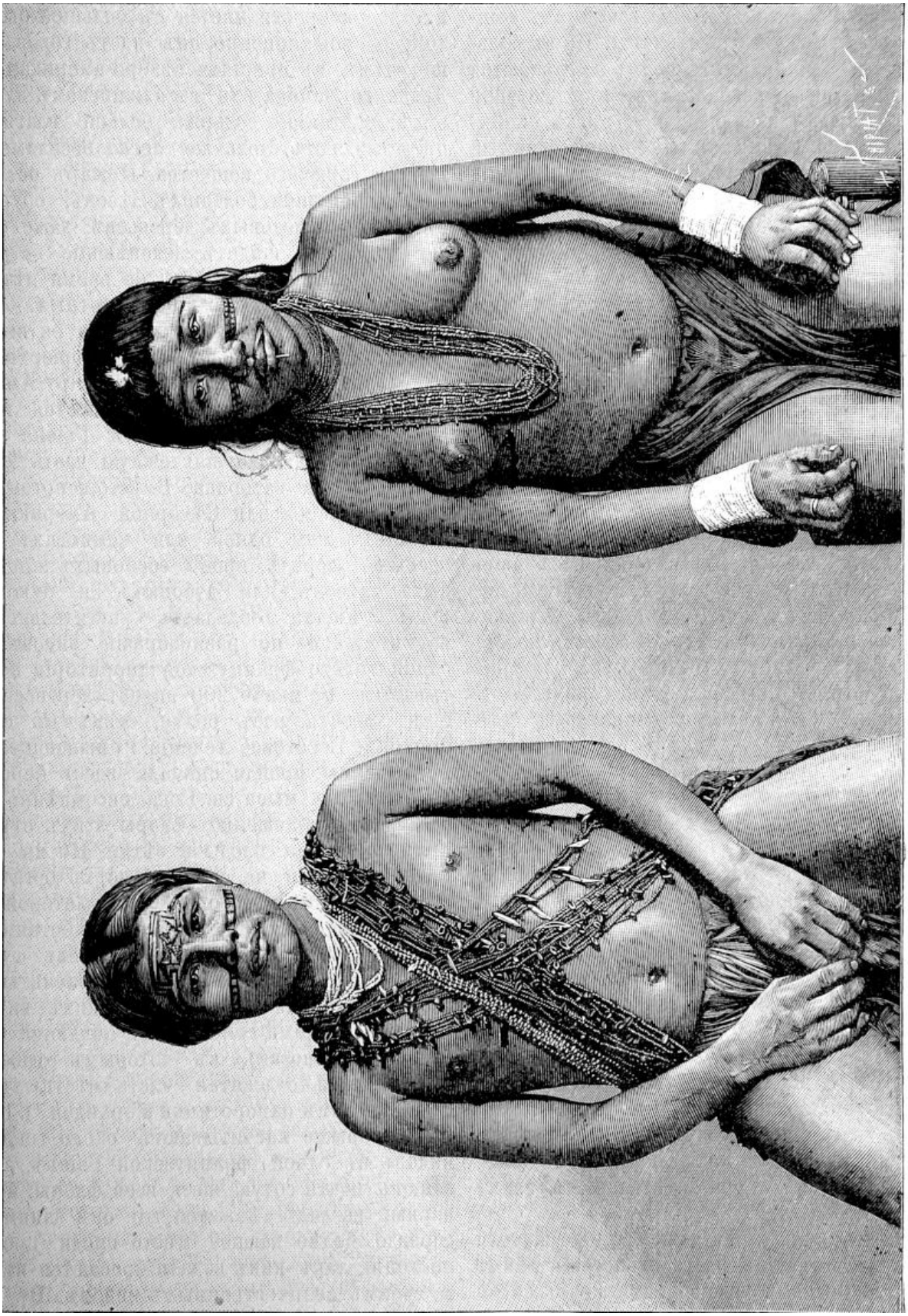
В английской и голландской Гвианах саванны образуют узкую полосу прогалин от берегов Демерары до берегов Суринама. Существование подобных безлесных местностей между приморскими мангрововыми зарослями (rhizophora) и лесами внутри страны объясняется местными отклонениями ветров, приносящих дожди, и свойствами почвы, некогда составлявшей дно озер.

Подобно льяносам Венецуэлы, гвианские саванны представляют целый ряд переходов от леса к травяной равнине. В некоторых местах граница между ними так же резка, как граница суши и океана у обрыва утесов: выйдя из девственного леса, перепутанного лианами и

1 Pluies tombees a Cayenne en 1874: 4,19 m. (Maurel et Hardy).

2 Everard F. im Thurn, „Journal of the Colonial Institute“, Session 1892—1893.

разными растительными паразитами, вдруг попадаешь в море травы, где взор свободно охватывает огромный горизонт до отдаленных очертаний гор. В других местах лес представляет опушку; по мере приближения к ней, всё чаще попадаются прогалины, деревья становятся

цы племени галиби.

реже и ниже; наконец, за опушкой среди саванны от леса отходит несколько отдельных островков деревьев. Точно также и саванны бывают разные; одни из них, именно вблизи водораздела между бразильской и английской Гвианами, совершенно лишены древесной рас-

тительности; бразильцы называют их *campos limpos*, т.е. чистые саванны. Но в большей части Гвианских саванн встречаются кое-какие деревья, разбросанные или растущие рядами. Каждая извивающаяся речка окаймлена полоской леса; каждый ручей, каждый овраг отенен завесой из пальм мауриций (*mauritia flexuosa*)—правильных колонн, «увенчанных капителью из десяти или двенадцати веерообразных поникших листьев», где живут целые стаи попугаев.

Там, где реки разбиваются на множество протоков, и саванны подразделяются на столько же отдельных луговин, разделенных завесами из пальм и других деревьев, как в долине Луары, где луга разделяются рядами тополей.

Общий вид саванн и их растительность изменяются в зависимости от сырости или сухости почвы. В соседстве морского берега и его байю некоторые болота (*prispris*) уже напоминают саванны; летом они высыхают и покрываются редкой травой, продолжая таким образом к морю сухие луга внутренней страны. Большая часть подобных болот окаймлена по берегам пальмами эвтерпа (euterpe edulis), по-французски pinot, и оттого называется *pinotieres*. По мере возвышения поверхности саванн от моря внутрь страны, они покрываются различными злаками и бобовыми, аналогичными растениям европейских лугов. Но в общем эти растения, невысокие и жидкие, состоящие из грубых видов, растут в этих жарких странах далеко не так равномерно, как в умеренном поясе. Будучи зимой бледно-зеленого цвета, а летом рыжего или желтоватого, саванна очень бедна цветами: нигде не испещряется она яркими красками и не выделяет ароматов, как луга Западной Европы. Ей не хватает содействия человека в подборе кормовых растений. По немногим прогалинам, где был приложен труд земледельца в виде посева и орошения хозяйственных растений, можно судить, как неимоверно богата могла бы быть производительность этих гвианских областей.

За редкими исключениями, местные жители влияют на изменение растительности саванн лишь косвенным образом, именно выжигая летом сухую траву. Целью их является надежда собрать на выжженном месте несколько черепах; улучшением же пастбищ они совсем не интересуются. Кроме того, в возвышенных саваннах, лишенных наносной почвы и покрытых жидкой травой, огонь часто пожирает растение и корни до самого песка. В результате кое-где уже образовались своего рода дюны, в виде голых горок, где в подземных галлереях живут крупные ящерицы. Огонь, гонимый ветром, иногда распространяется с большой быстротой; но обыкновенно он идет гораздо тише, чем в прериях северо-американского Дальнего Запада или в алжирском кустарнике: растения, содержа больше влаги, не представляют столь же легко воспламеняющагося горючего вещества. Пожар останавливается у опушки больших лесов, обуглив несколько передовых деревьев; даже среди саванны он щадит зеленеющие островки вокруг источников, где во время летних жаров находят убежище животные.

Гвианские леса, покрывающие на её восточном склоне наибольшую часть поверхности, принадлежат к растительному миру Амазонской области. В них встречаются почти все породы сельвасов, хотя Гвиана занимает относительно ничтожную часть южно-американского материка. Вместо монотонных лесов Европы или Северной Америки, состоящих из одной или немногих древесных пород, вроде сосновых или еловых лесов, или дубовых и буковых рощ, Гвиана обладает растительностью, изумительной по разнообразию видов. В одной только французской территории насчитывается не менее 200 видов деревьев, т.е. в десять раз более, чем в самой Франции. Береговое течение, омывающее берега Гвианы, пройдя сначала вдоль берегов Бразилии от мыса св. Рока, несомненно способствует сближению флоры этих стран, принося семена, плоды и ветки. Но мы даже приблизительно не знаем всех богатств флоры Гвианы, некоторые части которой ещё не исследованы; однако, маршруты ботаников уже образуют внутри страны очень густую сеть. В 1872 году, Гризебах насчитывал 3.500 уже описанных гвианских видов. Преобладающими семействами являются бобовые (leguminosae), к которым относится приблизительно девятая часть местных растений, потом папорот-

ники и орхидеи[1]. Пальмы, которых насчитывают около тридцати видов в одной французской Гвиане, составляют почти сотую часть всей флоры; но на первый взгляд кажется, что они занимают гораздо более важное место среди прочих растений, так как издали бросаются в глаза своим величественным видом. В Гвиане недостает некоторых семейств венецуэльской и колумбийской зоны,—именно, горных растений, живущих в Андах, на высотах, больших высоты вершин Пакараима и Каиррита. На склонах гор растет по крайней мере до 200 видов древовидных папоротников, не спускаясь ниже 900 метров. Ричард Шомбург в несколько дней открыл 93 вида этого семейства в массиве Рораима, этом Эльдорадо ботаников; тут малейшая разница в рельефе, в положении относительно стран света, в свойствах почвы обозначаются новыми видами растений. Бефария, или «андская роза» и один вид, родственный хинному дереву[2], также имеют своих представителей на крутых скатах Рораимы. На берегах Эссекибо индейцы пользуются стрелами из венецуэльского бамбука, производящего такое же действие, как кураре[3].

Великолепные цветы victoria regia, открытые в 1837 г. в гвианской реке Бербисе, и впоследствии найденные во многих других реках Амазонской области, являются образцом восхитительной красоты, которой могут достигнуть цветочные формы под влиянием климата экваториальной Америки. В иных местах вода озер почти исчезает под ковром огромных листьев и пучками белых лепестков, перемешанных с другими цветами, голубыми, розовыми, желтыми, и с дрожащими злаками. Благодаря особенным атмосферным условиям, цветы одной кувшинки (сем. Nymhaeaceae), живущей в этих пресных водах, светятся спокойным светом, как ночник, менее ярко, чем суринамская светоноска (fulgore porte-lanterne) и другие светящиеся насекомые, но гораздо светлей гнилушки[4].

Что касается до питательных растений, то в Гвиане, как и в соседних странах, имеются: какаовое дерево (Theobroma Cacao L.); различные виды пассифлоровых; дикие ананасы; некоторые виды пальм со съедобными плодами и соком, идущим на приготовление питей; марантовые, дающие аррорут; двенадцать разновидностей маниока; особый вид молочая, из которого приготовляют кассаву, коак и особый напиток, называемый *паюраи*; плоды вроде слив averrhoa carambole; тука (bertholetia excelsa), плоды которой похожи на пушечные ядра, заключают в себе отличный бразильский «миндаль» или «каштаны». Мадагаскарский пизанг, или «дерево путешественников», представлен в Гвиане деревом *revenala guianensis*. В приморской полосе имеются масляничные, лекарственные, смолистые и ароматические растения Амазонской области; здесь могли бы быть с успехом разведены все подобные же растения экваториальной Африки. Из одной гвианской пальмы, *авара* (attalea speciosa), добывается масло, не уступающее африканскому пальмовому маслу из *Elais guineensis*, которая, впрочем, введена в Гвиане с 1806 года. Кроме того, дерево *Caropa guyanensis* содержит до 70% масла в своих плодах; *vilora sabifera* дает древесный воск; *уапа*, (*tamarindus indica*) отличается негниючей древесиной. Все эти сырые продукты почти не утилизируются промышленностью, равно как и большинство из полутораста видов лекарственных растений. Из растения *балата* (*achras* или *mimusops balata*) добывается вещество, подобное гуттаперче, эластичное и в то же время тягучее. Подобно Аравии, Гвиана обладает собственным ладонным деревом (*icica heptaphylla*), дающим ладон для церквей поморья.

Туземцы познакомили европейцев со множеством красильных растений, как, например, *руку* и *генипа*, или богатых танином; они умели изготовлять разнообразнейшие ткани для всевозможного употребления из волокон нескольких сот растений, от пальмы до ананаса. Гвиана скрывает в себе громадное богатство сырых продуктов, могущих найти применение в промышленности.

Гвиана также изобилует строевым лесом и дорогими породами дерева, но можно опасать-

1 Grisebach, „La Vegetation du Globe“, tradit. par. P. Tchihatchef.

2 Croton Cascarilla Benn;—Гризебах, „Растительность земного шара“, т. 2, стр. 319.

3 C. B. Brown, „Canoe and Camp Life in Britisch Guiana“.

4 August Cappler, „Hallandisch-Guiana“.

ся появления варваров-промышленников, опустошивших уже столько стран. Дерево *мора* (*mora excelsa*), принадлежащее к бобовым, возвышается над всеми другими деревьями леса, достигая 40 метров высоты. Древесина его превосходит упругостью и прочностью дуб и даже тек; для постройки корпуса судов не может быть лучшего материала. Ему не уступает *nectandra Rodiaei*, называемая по французски *l'ebene vert*. Превосходящие твердостью дуб породы насчитываются десятками, но удельный вес большей части их равен или даже превосходит удельный вес воды. В прошлом столетии некоторые из этих тяжелых дерев употреблялись для приготовления мортир и пушечных лафетов. Породы, пригодные для художественных столярных работ, замечательны яркостью цветов древесины—черной, серой, желтой, зеленой, порпуровой, и рисунками её, разводами и пятнами. Одно дерево, имеющее в разрезе прекрасный пятнистый коричневый цвет, названо «*тигровым деревом*»; другое (brosimum Aubletii) называется *письменным*, потому что на его темном фоне рисуются черные фигуры, похожия на иероглифы[1].

По своей фауне, как и по флоре, Гвиана представляет переход от области Амазонки к области венецуэльского побережья и Антильских островов. Ни один вид млекопитающих, ящеричных или пресмыкающихся не принадлежит ей исключительно; если-же какой-нибудь вид птиц, насекомых или низших животных был найден натуралистами только в Гвиане, то есть полное основание предполагать, что эти виды встречаются и в смежных областях, где такая же почва, растительность и одинаковый климат. Обыкновенно называют специально гвианскими видами те, которые здесь впервые наблюдались натуралистами, напр. болотный олень (labiche des paletuviers, *cervus palustris*), бродящий среди болот; крабоед (cangrophagus major), питающийся крабами и устраивающий свои гнезда в обрывистых берегах морских протоков; пепельный журавль (grus ferrivora), по прожорливости не уступающий страусу и почти такого же роста. Водяной птицы множество всевозможных пород—утки, фламинго, цапли, ибисы; там зачастую можно видеть летящие стаи в несколько тысяч пернатых. Самой обыкновенной птицей является tyrannus sulphureus, крик которого слышится почти с каждого дерева, и которому по созвучию с этим криком дали смешное название «qu'est-ce qu'il dit», сокращенное в *кискади*. В лесах часто раздается, подобно колоколу, голос *кампанеро*, звонаря (chasmarhynchus carunculatus). Большой кайман водится только в некоторых реках английской Гвианы, в верховьях реки Эссекибо и в верховьях реки Бербисе. Его нет в р.р. Куюни, Масаруни и Демераре, а также ни в одной из рек голландской и французской Гвиан; но он снова появляется в спорной французско-бразильской территории[2]. В водах голландской и французской Гвиан живет только два мелких вида ящеричных[3]. Почти все тамошние виды змеи безвредны для человека. Ядовитых очень мало, и всех их в Кайенне обозначают именем *grages*[4]; они часто пребывают в состоянии какого-то оцепенения. Боа достигают громадных размеров, особенно водяные (eunctes murinus): по словам Каплера, в верховьях р. Суринам убили одного удава более тринадцати метров длиной. В р. Эссекибо водится очень вкусная рыба, называемая *ло-ло* (lau-lau), из породы сомов; она бывает больше 3 метров длины и весит сотню килограммов. Рыба *пираи* (pirai), укусов которой основательно боятся люди, нападает даже на аллигатора, чтобы вырвать у него кусок мяса. Она с одной хватки откусывает лапы уткам и хвосты игуанам. Другая рыба издает музыкальный жалобный звук[5].

Гвианские индейцы отличаются редкою способностью воспитывать диких животных,—кур, агами (psophia crepitans), журавлей, гокко (crax alector), попугаев, яркоцветных ара, собак, обезьян, двуутробок, диких коз и даже ягуаров. Если вблизи индейской хижины внезапно появляется чужестранец, то его сейчас же атакует группа, подобных ручных живот-

1 Richard Schomburg, „Reisen in Britisch-Guiana".
2 C. Barrington Brown, цитиров. сочинение;—Henri A. Coudreau, рукописные заметки.
3 August Kappler, „Ausland", 1885.
4 Moufflet, „Revue Scientifique", 8 Fevr. 1890.
5 C. Barrington Brown, цитиров. сочинение;—Boddam Whetham, „Roraima and Britisch Guiana".

ных, и если для их усмирения не являются хозяева, то ему бывает очень трудно благополучно проникнуть в жилище. В английской Гвиане водится два вида диких собак; один из них, называемый туземцами *майканг*, сильно опустошает плантации. По ночам эти хищники проникают туда целыми бандами и уничтожают цыплят, попугаев и других домашних животных, соблюдая величайшую тишину; об их посещении обыкновенно узнают лишь утром, при виде наделанных опустошений. Помесь майканга с обыкновенной собакой дает отличную породу для охоты; любители в Джорджтауне очень дорого платят за подобных собак.

Англичане всех гвианских индейцев безразлично называют презрительным именем *bucks* (козлы), а голландцы—*bocks*[4]. Это прозвище приравнивает их к лесным зверям, не взирая на услуги, оказанные ими колонизаторам. В первые времена европейцы, не зная языка и обычаев туземцев, легко принимали разные племена за различные народцы: Баррер в 1743 г. называет более 40 народностей в одной только французской Гвиане, не пытаясь группировать их по степеням родства. Но мало-по-малу выяснилось сходство этнических элементов, и, благодаря трудам миссионеров и лингвистов, удалось распределить первобытных жителей Гвианы на три семейства,—араваков, караибов и тупи. Впрочем, они очень схожи между собой по наружности, по физиономии и по обычаям, но значительно различаются по языку.

Древнейшими племенами, составляющими группу аборигенов по преимуществу, являются, повидимому, араваки (araouaques, araouages),—имя, которое по этимологии, впрочем, мало правдоподобной, перевели на язык тупи словом *мучники*. Все туземцы, равно как и креолы, питаются маниоком; значит, относительно пищи араваки ничем не отличаются от других племен. В приморских округах английской Гвианы они называются араваками, а во внутренних округах многими другими именами. Обыкновенно сами себя они называют *локоно* или *лукку́ну*, т.е. «люди»[2]. К этим первобытным народностям принадлежат племена ваписиана (wapisiana или ouapichianes), тарума (иначе taroumans), атораи (или atorradi), живущие в верховьях рр. Эссекибо и Такуту, и паликуры в спорной Гвиане. Во время Шомбурка единственной представительницей племени амарипа, некогда соседнего с ваписиана, оставалась одна шестидесятилетняя старуха. Араваки побережья, живя посреди более цивилизованных людей белой, черной и желтой расы, говорящих обыкновенно на более или менее испорченном английском языке, сами все англизировались и понемногу сливаются с разноплеменными рабочими плантаций. Во времена голландского владычества араваки были свободны от рабства, которому «по закону» подлежали все другие индейцы. На берегах р. Морука, к северу от устья Эссекибо, араваки представляют далеко не чистокровную породу. Во время венецуэльской войны за независимость индейцы с Ориноко, принадлежавшие неизвестно к какому племени, но уже сильно объиспанившиеся по своим обычаям, бежали в английскую Гвиану, уходя от реквизиций и резни. Им назначили для жительства холмистую местность у истоков р. Морука. Здесь они поселились, занялись земледелием и, женясь на женщинах из племени аравак, вернулись к индейскому типу. С этими индейцами уже столь мешанной крови слились ещё иммигрировавшие португальцы, а открытие золота привело их к соприкосновению с космополитическим населением золотых приисков[3]. Араваки, населяющие берега р. Арука, западного притока р. Барима, до последнего времени жили совершенно отдельно от европейцев; изо всех туземцев они одни не понимают по-английски. У них, как и у караибов Антильских островов, замечаются некоторые следы двух языков,—языка мужчин и языка женщин[4], что можно объяснить только скрещиванием рас после завоевания. У араваков сохранилось много старинных обычаев, между прочим, испытание

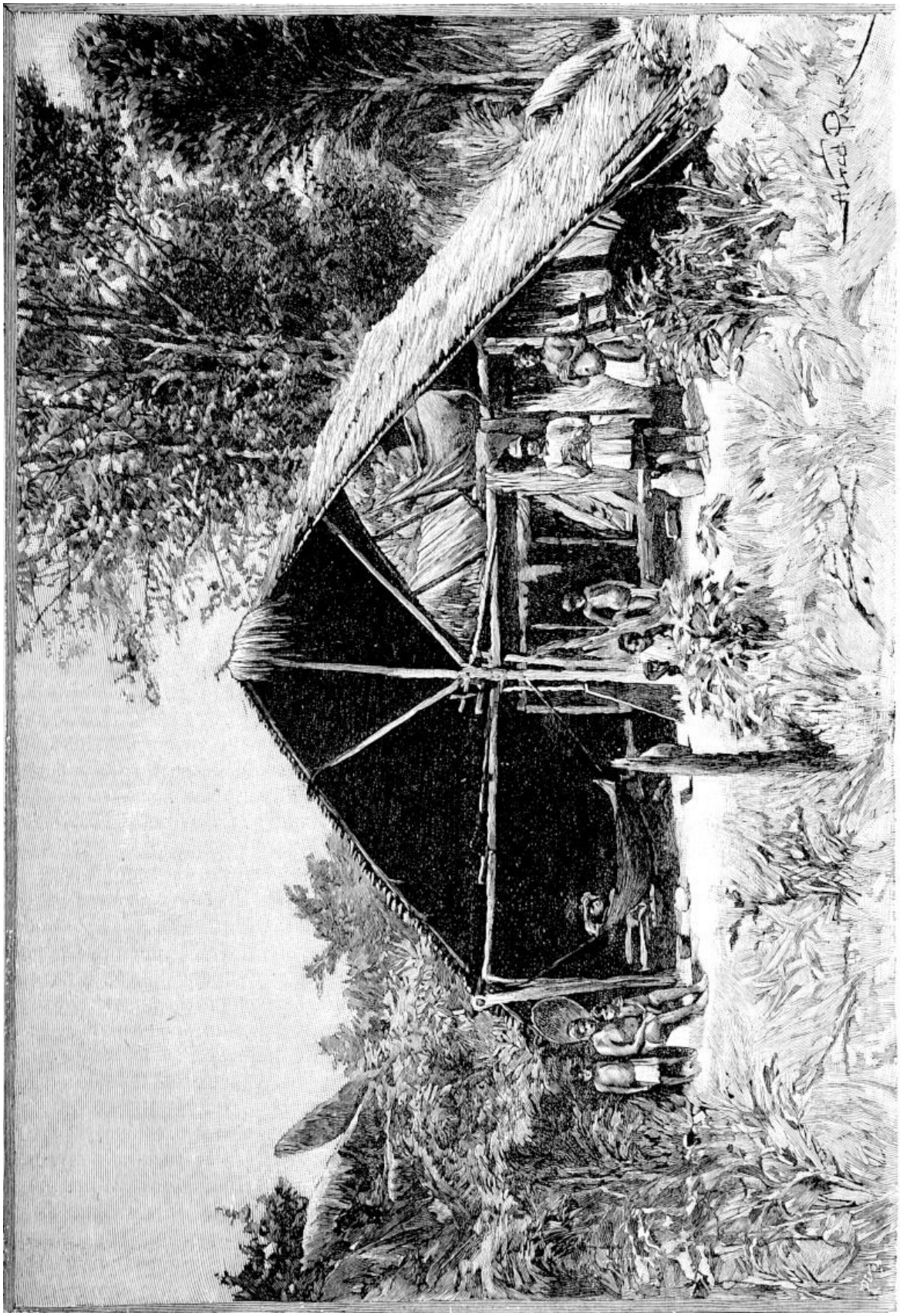
1 Carl Ferdinand Appun, „Unter den Tropen“.

2 W. H. Brett, „The Indian Tribes of Guiana“;—Daniel Brinton, „The Arawack Language of Guiana“; —Ten Kate, „Revue d’Anthropologie“, 15 janv. 1887.

3 Everard F. im Thurm, „Proceedings of the R. Geographical Society“, October 1892.

4 R. Shombrurgk, цитированное сочинение.

терпеливости, при чём состязающиеся до крови полосуют себе икры кнутами, в то же время неизменно сохраняя веселое настроение духа. Араваки, повидимому, значительно превосходили по своей культуре остальные гвианские племена, потому что у них имеются сосуды

Жилище племени индѣйцевъ галиби на берегу р. Марони.

очень разнообразной формы, с выпуклыми орнаментами и грубыми фигурами людей и животных. Вообще же гвианские гончарные изделия очень просты и украшаются только незамысловатыми линейными рисунками. Не аравакам ли принадлежат «выдолбленные камни»

(pierres a ecuelles), попадающиеся во многих местах Гвианы, круг из каменных столбов, виденный Броуном в горах Пакараима, и камни с письменами (timehri) на рр. Бербисе, Корентине и Марони, покрытые фигурами людей и животных, в особенности лягушек, и другими странно перепутанными гиероглифами?

Ваписиана и атораи, живущие в области водоразделов и здесь редко посещаемые английскими и другими путешественниками, ещё сохранили свой первоначальный тип. От скрещивания атораи с другими расами тип их, может-быть, изменится к худшему, потому что женщины этого племени отличаются благородными чертами лица и замечательно совершенными формами. У всех у них профиль отличается от европейского, а цвет лица почти белый; по словам Анри Кудро, многие атораи не смуглее андалузцев, сицилианцев или крестьян Южной Франции. Ваписиана смуглее, чем атараи, черты лица у них не так правильны, и сложение не так изящно. У тех и других бороды и усов нет, а на верхней губе и подбородке растут только редкие, жесткие, и короткие волоса, но шевелюра очень богатая. Мужчины и женщины ваписиана всегда пропускают себе через нижнюю губу по крайней мере две булавки и прокалывают носовую перегородку шпилькой, к которой подвешивают кусок металла. По-видимому, прежде это составляло отличительный признак племени. Прежде ваписианские девушки были также обязаны вырывать себе два верхних резца, но этот обычай не удержался. Единственную одежду описываемых туземцев составляет повязка *калембэ*, но они страстно любят наряжаться и украшаться монетами и жемчужинами, какие только могут достать. Маис возделывается только ради приготовления *качири*, напитка вроде пива, производящего веселое опьянение. Во время таких попоек обыкновенно похищают девушек, потому, что у атораи и ваписиана браки совершаются умыканием. У ваписиана, равно как у большинства гвианских племен, существует обычай *кувады*.

Во всех местностях водораздела между реками Такуту и Эссекибо, язык ваписиана сделался общим языком, языком цивилизации и торговым для различных племен, даже караибского происхождения. Атораи, по крайней мере мужчины, почти совершенно оставили свое старинное наречие, заменив его наречием ваписиана, звучным и мягким, богатым гласными и очень удобным для красноречия.

К первобытным племенам, родственным аравакам, быть-может, нужно причислить гварани (Guaraunos, Warrau), живущих в английской территории в лесах низменных северо-восточных округов и отчасти принявших христианство. Не отличаясь в сущности от обитающих в дельте Ориноко, эти индейцы живут в хижинах, построенных исключительно из дерева, листьев и волокон пальмы маврикии, из которой приготовляется и вся домашняя мебель; это же дерево дает им одежду, пищу и питье. В противоположность большинству других индейцев, гварани никогда не моются. Когда среди нескольких семейств возникает спор, они назначают общую сходку на каком-нибудь песчаном берегу. Там мужчины всякаго возраста, вооружившись щитами из листовых жил маврикии, строятся в две шеренги друг против друга; затем, возбудив себя плясками и криками, сталкиваются и напирают стена на стену изо всей силы. Опрокинувшие противников выигрывают спор[1]. Все женщины гварани, по словам Ричарда Шомбурка, отличаются «глубоко-грустными и бесконечно кроткими лицами».

Группа караибов имеет представителей во всех частях Гвианы и даже в английских владениях; некоторые племена их называются общим именем всего семейства. Одно небольшое племя караибов живет у Варрамури, к западу от устья реки Морука, подле громадного скопления раковин и других кухонных остатков, свидетельствующих о пребывании здесь людей в течение многих столетий. Эверард-им-Турн называет этих туземцев «настоящими караибами», предполагая, что они высадились здесь, приплыв с Антильских островов, считаемых их родиной. Легенды действительно рассказывают о прибытии их с севера, между тем как сами караибы рассказывают, что «сошли с неба через дыру»[2]. Большая часть американских этно-

1 W. H. Brett, цитиров. сочинение;—Everard F. im rm, цитиров. мемуар.

2 Adolph Bastian, «Ethnologische Forschungen»

графов считают вероятными очагами караибских переселений центральные области Бразилии, а в таком случае племена, живущие внутри Гвианы, заслуживают название «настоящих караибов» больше племен побережья. Во французской Гвиане, в полосе побережья к западу от Кайенны, по крайней мере два с половиной столетия живут галиби, также принадлежащие к чистой караибской расе и носящие то же название, едва отличающееся большей мягкостью выговора. В 1652 году считалось около двадцати деревень галиби; теперь их поселения встречаются на реке Синнамари, на реке Иракубо и особенно на левом берегу Марони. Другое караибское племя, *калина*, остаток некогда большого народа, сохранилось на берегах реки Суринам. Знаменитые рукуйенцы внутренней Гвианы также принадлежат к караибам; их называют рукуйенцами креолы, потому, что они раскрашивают себе тело растением *руку*; сами же они называют себя *уаяна*, откуда, может-быть, и произошло слово «Гвиана»[1]. К караибскому же корню принадлежат, во-первых, красавцы *акавои* (Akawoi, Waika или Kapohn), живущие в горных округах английской Гвианы, по течению реки Масаруни; далее—партамоны, на реке Потаро; грозные арекуны, живущие в высоких долинах вокруг горы Рораима; уаеуэ (ouayeoue), на верховьях Эссекибо; таиры, во французской Гвиане; наконец, макузи верхнего бассейна Рио-Бранко. Все они говорят на родственных языках, или скорей на разных наречиях того же языка. Подобно языку ваписиана в водораздельных областях между Эссекибо и Рио-Бранко, язык галиби сделался своего рода общим языком для всех племен побережья. Французский язык также обогатился многими словами, заимствованными из этого языка, например, caiman, toucan, pirogue, hamac[2].

В общем, гвианские караибы не так красивы; как араваки, особенно если представителями последних взять атораи. Галиби малы ростом и тщедушны; круглое лицо, с мягкими очертаниями, лишенное растительности, придает им женственный вид. У макузи лица более волосисты; но телосложение у них грубей и массивней. Рукуйенцы, подобно большинству индейцев, кажутся выше, чем на самом деле, благодаря длине и ширине туловища, составляющего противоположность со слабо развитыми конечностями. Живот их кажется очень большим, вследствие намотанных на него нескольких поясов, носимых из гигиенических видов. Пальцы на руках очень коротки, а ступни ног широки и плоски. Глаза прорезаны слегка косо, как у китайцев. Рукуйенцы имеют привычку вырывать себе ресницы, «чтобы лучше видеть», как они объясняют; но тут, вероятно, дело идет о жертвоприношении солнцу[3]. Некоторые племена галиби придерживаются также ваписианской моды—прокалывать нижнюю губу костью или булавкой, которую они постоянно шевелят языком, и утолщают себе икры, туго стягивая ноги ниже колена широкими подвязками, отчего икры опухают.

Третью гвианскую народность составляют *тупи*, собственно бразильского происхождения; к ним принадлежат сотни племен между реками Марони и Рио-де-ла-Плата. В Гвиане два главных племени тупи—*оямпи* в горах Тумук-Умак, на верховьях реки Ояпок, и *эмериллоны*, живущие западнее, между рекой Аппруаг и притоками реки Марони. Будучи отличными земледельцами, они доставляют маниок рабочим на золотых приисках и начинают креолизироваться по костюму и языку[4]. Но среди племен внутренних областей есть ещё много таких, язык которых неизвестен и которых ещё нельзя отнести к какой-либо народности. Таковы *оярикулеты* (oyaricoulets), живущие в долине реки Итани, притока реки Ауа, впадающей в Марони. Никто из путешественников лично их не наблюдал, и о них рассказывают только по слухам; легенды же приписывают им белую кожу, голубые глаза и русые бороды, вследствие чего склонны были видеть в них европейцев, решивших держаться особняком от своих братьев, вновь прибывших из Европы. Однако рукуйенцы сообщили Кудро, что это индейцы «такие же, как и все другие». В английской Гвиане также рассказывают о живущих там баснословных диди, волосатых людях, которых боятся все индейцы, никогда

1 Henri A. Coudreau, «La France Equinoxiale».
2 Jules Crevaux, „Voyage d'exploration dans l'interieur des Guyanes".
3 Elie Reclus, рукописные заметки.
4 Henri A. Coudreau, „Chez nos Indiens" и рукописные заметки.

их не видав. Впрочем, когда дикарь боится увидеть какое-нибудь страшное существо, или даже утес странной формы, принимаемый за враждебного демона, он натирает себе глаза перцем: переставая видеть, он воображает, что и его не видно[1].

Все гвианские индейцы очень похожи между собой по обычаям, к каким бы народностям ни принадлежали. Если бы требовалось распределить племена по их образу жизни, то пришлось бы соединить многие племена, различающиеся по языку. Так, относительно кувады, галиби стали бы рядом с ваписиана, оямпи и эмерильонами. Народности сблизились вследствие аналогии среды и экономических условий. Ни в одном племени власть не устанавливалась прочно, по образцу, принесенному европейскими колонистами. Если то или другое лицо облечено более или менее почетным званием, оно отнюдь не является из-за этого настоящим «вождем». Его личные достоинства могут обеспечить ему большое влияние, но он отнюдь не присвоивает себе права давать приказания. Каждый человек остается совершенно свободным. Даже дети пользуются известными правами: их никогда не наказывают. «Бьют только собак»,—говорит пословица на языке макузи. Несмотря на это, испытания возмужалости некогда были ужасны; например, мать секла своих дочерей во время сна отца и братьев, и горе им, если их крики будили спавших[2]. У рукуйенцев принятие в среду взрослых празднуется тем, что парней и девушек подвергают ужалениям ос или муравьев; несчастные изнемогают от боли, но не издают ни малейшего стона[3].

Что касается колдунов-знахарей, *пиаи* (piai, puyai, peartzan, peariman, испанцы и бразильцы называют их *пиаче* или *пагэ*), то их лечебные и сверхъестественные знания дают им больший нравственный авторитет, чем авторитет вождей, но и они не позволяют себе повелевать другими. Может-быть, преклонение перед знахарями происходило прежде главным образом от трудности испытаний, которым подвергались знахари прежде, чем быть признанными достойными вступить в эту ученую корпорацию[4]. Не один кандидат погибал среди испытаний, налагаемых в тяжкие годы ученья, но в настоящее время достижение степени знахаря стало гораздо легче. Главным священным инструментом является *марака*, маленький сосуд из тыквы, величиной с кулак, в который положено несколько звонких камешков. «Марака служит для изгнания дьявола, а в случае надобности и для вызова его»[5], особенно когда требуется вызвать мстителя за пролитую кровь, так называемого *кенайма*. Человек, обрекший себя на роль убийцы, обуреваемый жаждой крови, не признает больше никого: для него нет ни племени, ни семьи; он убегает в леса и снова появляется в людском обществе, только убив, отравив или даже замучив до смерти свою жертву[6]. Болезни обыкновенно приписываются чарам какого-нибудь кенайма, и зачастую для устранения их загораживают их предполагаемую дорогу засеками из деревьев.

У некоторых племен, между прочим, у рукуйенцев, ещё иногда сжигают трупы умерших, бросая на костер все принадлежавшие им вещи. По единогласному свидетельству путешественников, людоедство прежде существовало; но исчезли главные племена, придерживавшиеся этого ужасного обычая, именно нураги (nouragues), на берегах реки Аппруаг, и акока, в горах Тумук-Умак. К потомкам каннибалов причисляют племена таира и оямпи. Они ещё в 1830 году распевали песни, прославляющие их старинные обычаи: «прежде мы были мужчины, мы пожирали наших врагов; мы не питались маниоком, как бабы»[7]. Самое имя *оямпи* будто бы значит «людоеды». Но можно утверждать, что с конца восемнадцатого столетия, каннибализм совершенно исчез среди известных нам племен[8]. Караибы сжигали сердце

1 C. Barrington Brown;—Everard F. im Thurn, цитиров. сочинение.
2 Richard Schomburgk, цитиров. сочинение.
3 Henri A. Coudreau, „Societe de Geographie“, seance de 15 Juin 1891.
4 Jules Crevaux, цитиров. сочинение.
5 Henri A. Coudreau, „les Caraibes“.
6 W. H. Brett;—Everard F. im Thuru, цитиров. сочинения.
7 Adam de Bauve, „Bulletin de la Societe de Geographie“.
8 Henri A. Coudreau, рукописные заметки.

побежденного врага и примешивали его пепел к своему питью[1]. Постепенное уменьшение туземного населения особенно отразилось на воинственных племенах, которые наименее смешивались с посторонними элементами. Исчезло более половины племен, упоминаемых старинными писателями, но всё-таки число остающихся туземцев значительно превосходит в действительности предполагаемую обыкновенно цифру; путешественники, поднимаясь по рекам, часто ничего не узнают об общинах, живущих в глубине лесов. Индейское население приморских Гвиан, не считая амазонского склона, ещё достигает, вероятно, 8.000 душ.

Негроторговля ввела в Гвиану, главным образом, через Антильские острова, африканскую расу, которая, вместе с людьми смешанного происхождения, значительно превосходит число коренных туземцев. Будучи сначала рассеяны по прибрежным плантациям, потом появившись в городах в качестве прислуги своих прежних хозяев, ставших рантьерами или чиновниками, негры мало-по-малу заменили собой, во всей прибрежной области, туземцев, оттесненных постепенными успехами культуры в глубь больших лесов. Ввоз черных работников на гвианские берега прекратился с уничтожением рабства, впервые провозглашенным во французской Гвиане в 1794 году, потом окончательно осуществленным в 1838 году в английской Гвиане и затем постепенно в других колониях. Но в то же время избыток африканского населения на острове Барбадосе отчасти перешел в Гвиану, продолжая таким образом поддерживать иммиграцию негров новыми элементами. Также тысячи негров кру, свободно прибывших из Либерии, работают на лесопильных заводах, служат матросами на каботажных судах, и потом, заработав упорным трудом сумму, достаточную для покупки нескольких жен, возвращаются на родину[2].

Гвианские негры естественно подразделяются на две группы: на потомков рабов, которые, смешавшись с мирными переселенцами, оставались в непрерывном соприкосновении с европейцами побережья, и на независимых негров, живущих во внутренних областях. Потомки негров-марронов, превратившиеся теперь в мирных граждан, примирившихся с потомками своих прежних хозяев, известны по всей Гвиане под общим названием *буш-негров*, т.е. *лесных негров* (по-английски Bush-negroes, по-голландски Bosch Negers, на креоло-французском—Negres Boch, Negres des Bois). Однако, они не бродят в лесах, подобно диким зверям: будучи мирными земледельцами, они живут по берегам рек в постоянных деревнях, окруженных возделанными полями. Во всех трех прибрежных Гвианах, английской, голландской и французской, образовались негритянские республики, но самые многочисленные общества поселились в бассейнах рек Суринама и Марони. Первые переселения негров совершились в средине семнадцатого века, в 1663 г., когда португальские евреи на берегах Суринама отослали своих негров в леса, чтобы избежать уплаты за них подушной подати; они надеялись, что после проезда сборщиков податей рабы вернутся, но беглецы, войдя во вкус свободы, остались в лесах[3]. Пятьдесят лет спустя, в 1712 году, когда французские мародеры вторглись в побережные плантации по реке Суринаму и реке Коммевинь, владельцы плантаций укрылись в столице колонии, бросив своих рабов на произвол судьбы. Большая часть их помогала французам грабить брошенные поместья; потом, когда вернулись старые хозяева, рабы бежали в соседние леса и начали против белых непрерывную партизанскую войну. Число грабителей возрастало с каждым годом, и вдруг в 1730 году вспыхнуло грозное восстание на казенных плантациях в верховьях Суринама.

Борьба тянулась около двадцати лет, с переменным успехом, и в конце концов за взбунтовавшимися неграми пришлось признать права свободных людей и воюющей стороны, потом, заключить мир и уважать границы независимой территории. В 1757 г. произошли новые восстания: один вождь, вероятно магометанского происхождения, по имени Араби, в свою очередь, унизил голландских плантаторов и в 1761 г. вынудил у них Ауканский договор, от которого получила свое имя главная негритянская республика, названная республи-

1 Richard Schomburgk, цитиров. сочинение.

2 Carl Ferdinand Appun, цитиров. сочинение.

3 August Kappler, цитиров. сочинение;—Roland Bonaparte, „Les Habitans de Suriname“.

кой «ауканских негров» (Аука, Дьюка, Юка). В следующем году другая община, именно беглые негры на р. Сарамакка, также завоевала себе право независимой нации. Позже основались другие независимые общины, напр. полигуду (Poligoudoux или Poregoedoc), владеющие даже захваченными в боях пушками[1], и парамакка, на верховьях Марони, также коффи, бекёс, матроканы или месинга. В 1772 г., Бони, легендарный герой негров-марронов, дошел со своими бандами до Парамарибо. Против него пришлось вести правильную войну, призвав из Европы армию в 1.200 человек, один из старших офицеров которой, Стэдман, известен своим сочинением о Гвиане. Война тянулась много лет и стоила жизни почти всем участникам экспедиции: из них вернулось совершенно здоровыми не больше двадцати человек[2]. Наконец, Бони был отброшен к подножию гор Тумук-Умак, благодаря союзу голландцев с ауканцами. Вообще можно сказать, что негры внутренних областей успешно добивались своей независимости, тогда как по соседству с Парамарибо и приморскими фортами восстания рабов были подавлены регулярными войсками. Негры-марроны на Антильских островах, даже на большом острове Ямайке, не могли восторжествовать над войсками, методично приступавшими к общей оккупации края, строя форты и стратегические дороги; но буш-негры имели на своей стороне обширность театра войны: всегда имея возможность отступать в глубь страны, они истомили своих бывших повелителей[3].

Эти негры прежде были совершенно независимы, но мало-по-малу подпали влиянию администрации колониальных столиц; число их оценивается различно, от восьми до двадцати тысяч. Благодаря смешению рас вследствие рабства, переселений и войн, исчезло всякое воспоминание о первоначальных народностях: известно только почти чистокровное африканское происхождение буш-негров, что, впрочем, очевидно. Из этих негров всех красивее и цивилизованнее ауканцы; наиболее низко опустились вследствие бедности и уединенной жизни, матроканы. Но, по Джиффорду Пальгрэву, и те, и другие ещё представляют совершенно африканский тип, с очень черной кожей, с курчавыми волосами и чертами лица, ни в чём не напоминающими американских уроженцев; в их лицах не заметно ни малейшей ассимиляции с туземным типом. Впрочем, Поль Лэви, живший среди них в золотоносных округах, и Карл Аппун, долго пробывший в английской Гвиане, утверждают, что эти изменения заметны: кожа стала не так черна, волоса длинней и не так шерстисты. Из людей одного оттенка те здоровее, у кого черный цвет кожи более блестящ[4]. Карбугры (Carbougres. Karboegers), на р. Коппенам, произошли от негров-отцов и матерей-индианок. В языке марронов (беглых негров), говорят, сохранилось несколько слов негритянских диалектов или языка банту; но главным образом язык этот состоит из английских слов, с примесью множества португальских, потом голландских и французских: всё это связывается самой простой грамматикой и смягчается ласкающим ухо креольским произношением. Но мало-по-малу этот первобытный жаргон заменяется культурными языками, английским, голландским, французским, португальским.

Будучи потомками черных бунтовщиков, завоевавших свою свободу при общем для всех рабов кличе: «земля и воля!», буш-негры остались земледельцами. Они собирают достаточно продуктов для собственного прокормления и сверх того производят рис, которым снабжают приморские города и плантации. Но главный доход они извлекают из рубки леса: они рубят большие деревья в лесах для построек и художественной столярной работы и сплавляют их в Парамарибо по рекам и каналам. Они монопольно владеют этим промыслом и не рискуют лишиться его, благодаря своей воздержности; в этом отношении они представляют счастливое отличие от индейцев. Однако, и их начала захватывать деморализация, вызываемая разработкой золотых россыпей. Будучи незаменимы в качестве лодочников в верховьях рек, они выказывают удивительную ловкость в управлении своими *кориаль* или *курпарэ* (corials

1 Augnst Kappler, цитиров. сочинение.
2 Stedman, „Voyage a Suriname“.
3 W. G. Palgrave, „Dutch Guiana“.
4 Jules Crevaux;—Henri Coudreau, различные мемуары.

или courіare) и пирогами, которые называются англичанами wood-skins, т.е. «деревянными кожами»: это простые лодки, сделанные из коры *copaifera publiflora* или *humaenea courbaril*, подобно тому как пироги гуронов делаются из бересты[1].

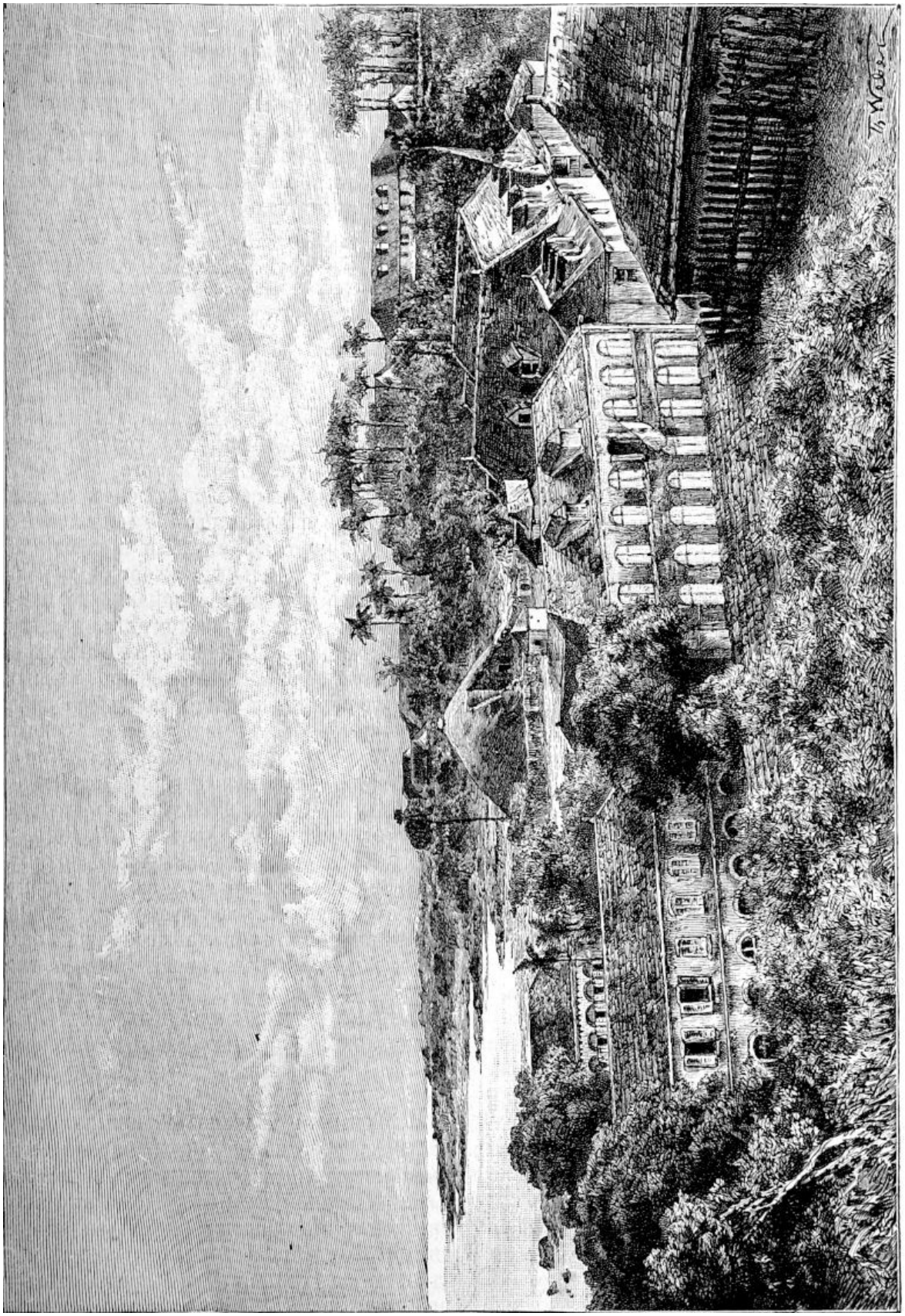
С 1739 года посреди буш-негров были основаны миссии гернгуттеров (моравских братьев), но без особого успеха, кроме как в общине месинга. Исповедуя, по смутным воспоминаниям о проповеди миссионеров во времена рабства, что существует добрый Бог, создавший людей, обезьян и маниок, жену которого зовут Марией, а сына Жест Кисти[2], большинство буш-негров сохранили, однако, культ обожания природы и «верят в то, во что верили их матери»; но религиозность, повидимому, значительно ослабела среди них: в соседстве с европейцами исчезли фетиши, истуканы благодетельных животных или *году* [godou][3]. Объектом публичного поклонения является *сейба*, роскошное дерево, с выступающими корнями, прямым и гладким стволом, с широкой кроной, одиноко возвышающееся подле деревень, как таинственный их покровитель. Его поливают возлияниями, землю под ним усеивают плодами, маниоком и другими приношениями. Иногда совершают также умилостивительные жертвы вокруг *іари* (hiari), дерева с ядовитым соком, в котором будто бы живет демон. Буш-негры внутренних областей увешивают себя амулетами (*овиа*) из кости, перьев или раковин; они навешивают их даже на шею своим собакам, чтобы на охоте придать им больше чутья. Если буш-негр умирает в дороге, его спутники приносят домой его волоса и с честью хоронят их[4].

Различные общины живут между собой в мире, не оспаривая друг у друга власти из-за соперничающего честолюбия. Пользуясь равным достатком, все буш-негры обладают равными правами. Впрочем, в каждом селении есть свой почетный начальник, почти всегда выбираемый из одного и того же семейства и отличающийся от своих сограждан не властью, а правом парадировать по торжественных дням в мундире, размахивая тростью с золоченым набалдашником. Настоящие вожди, у ауканцев и сарамакцев, называются *грамман*, от английского слова *Grand man*, т.е. *великий человек*. Звание это переходит по наследству не от отца к сыну, а по женской линии, в семейство *Grand mama*; эти традиции матриархата сохранились ещё со времен, предшествовавших рабству. «Великий человек» признается даже нидерландским правительством за своего рода президента негритянских республик, но голландцы позаботились назначить к нему надзирателя, *posthouder*, который некогда был просто делегатом европейцев, а в конце концов превратился в главного судью всех племен, для разбора процессов между отдельными лицами и также между селами. Во французской Гвиане *грамман* негров бони в сущности есть просто чиновник, получающий определенное жалование.

Если не считать переселенцев с островов Тринидада, Барбадоса и Мартиники, то негры, подобно индейцам, постепенно вымирают, хотя гвианский климат, повидимому, отлично подходит для них, будучи столь вредным для европейцев. Скрещивание с другими расами отчасти объясняет уменьшение числа негров; но достоверно известно, что и в общинах, где негры живут обособленно, и в городах побережья с космополитическим населением, число смертей среди них превышает число рождений; исключение составляют только ауканцы[5]. В прошлом столетии думали, что африканцы никогда не могут размножиться в Гвиане, потому что плантаторам редко удавалось воспитать хоть одного негритенка; почти все дети умирали от конвульсий в течение первых девяти дней от рождения[6]. По мнению Пальгрэва, причиной этой большой смертности детей является слепая любовь матерей, закармливающих своих младенцев до смерти; но так как эта причина существует и в других, странах, кроме

1 Jules Creveaux, „Memoires de la Societe d'Antropologie".
2 Ch. B. Brown цитиров. сочинение.
3 Fournereau, „Archives des Missions Scientifiques", tome X.
4 August Kappler, цитиров. сочинение.
5 Henri A. Coudreau, „Dix aus de Guayne"; „Chez nos Indiens".
6 Pierre Bariere, „Nouvelle Relation de la France Equinoxiale".

Гвианы, то данная большая смертность должна иначе объясняться: вероятно, негры ещё не вполне акклиматизировались. Среди них производят также большие опустошения разные болезни,—проказа, элефантиазис, пиан (венерическая болезнь в Америке), *индейский на-*

Кайена.

рыв (les boutons indiens), земляничная сыпь, берибери, оспа и сифилис. Живя среди лесов, негры также должны опасаться насекомого, кладущего свои личинки в ноздри и уши человека (lucina hominivora).

После отмены невольничества, большинство бывших рабов бросили плантации, переселившись в города или занявшись собственными садами; поэтому владельцам обширных имений пришлось ввозить других работников. Французская и голландская Гвианы не были достаточно богаты для найма большего числа иностранцев; но английская Гвиана, где площадь обработанных земель гораздо больше, и для которой английское правительство открыло в Индии бюро для найма рабочих, имела возможность нанять свыше 170.000 азиатских кули с 1845 года. Остатки этих наемных переселенцев в настоящее время составляют треть населения английской территории. Из них наиболее ценятся т.н. *hill-coolies* (горные кули), прибывшие из гористых местностей, лежащих к югу от Ганга. В Калькутте и Мадрасе действуют переселенческие бюро для услуг плантаторам Демерары. Сверх того, эти последние ввезли также несколько тысяч китайцев. Суринамские плантаторы тоже выписали яванских кули; с французами прибыли арабы, аннамиты, сенегальцы; наконец, обратились к европейским работникам, но наиболее привычным к тропическому климату: именно, к уроженцам Мадеры и Азорских островов. Эти переселенцы, вообще называемые «португальцами», представляют европейских колонистов очень смешанного происхождения, обещающих сделаться настоящими гвианцами. Благодаря им совершается заселение страны вне полосы плантаций, с таким трудом отвоеванной у лесов и болот, после двух с половиной веков усилий французов, голландцев и англичан. Даже те европейцы, которые лучше всего ужились в голландской Гвиане, именно евреи, также были по большей части португальского происхождения: главная масса их прибыла в 1663 году и состояла из плантаторов, изгнанных из Бразилии. Благодаря их влиянию, язык негров-марронов содержит столько португальских слов.

Все попытки колонизации при помощи европейских работников, ввозившихся с огромными издержками, окончились катастрофами. Если отдельному человеку возможно акклиматизироваться, осторожно соблюдая все правила гигиены, то устройство целых семей и общественных групп в этой среде, столь отличной от Европы, несомненно представляет гораздо больше риска, чем в Канаде или Северо-Американских Соединенных Штатах, особенно когда люди, избранные для этого опасного опыта, лишены удобств или даже необходимого пропитания. Чахотка почти неизвестна на гвианском побережьи, но болотные лихорадки быстро уносят в могилу вновь прибывших, будучи очень опасными в период высыхания болот от жаров; с 1855 г. желтая лихорадка часто появлялась в Гвиане. Поэтому-то европейцы, будучи хозяевами страны, в качестве чиновников и плантаторов, остаются чужеземцами посреди пестрой толпы, состоящей из стольких народностей и в которой с каждым годом увеличивается число метисов. По приблизительному вычислению Кудро, в 1893 г. население Гвиан выражалось следующими цифрами:

	Английская Гвиана	Голландская Гвиана	Французская Гвиана	Спорная прибрежная обл.	Всего
Цивилизованных индейцев	1.000	200	400	2.000	3.600
Туземцев во внутренних обл.	7.000	2.500	1.000	300	10.800
Буш-негров	200	16.000	1.000	—	17.200
Прочих негров и мулатов	130.000	55.000	21.700	600	207.300
Индусов, китайцев и яванцев	135.000	3.600	4.000	—	142.600
«Португальцев» и бразильцев	14.000	500	300	100	14.900
Европейцев	4.800	750	100	100	5.750
Прочих белых, войск и проч.	1.000	1.450	5.700	—	8.150
Итого	292.200	80.000	34.200	3.100	410.300

За исключением некоторых благоприятных годов, смертность постоянно превышает рождаемость. Вместе с чернокожими и краснокожими метисами, постепенно вытесняют настоящих европейцев на севере островитяне с португальских островов, на юге бразильцы, также говорящие по-португальски, на западе испанцы из Венецуэлы,—все представители латинской цивилизации и языков латинского корня.

II. Английская Гвиана

Эта часть большего Гвианского «острова», с ещё неопределенными границами, является самой важной по числу жителей и размерам торговли. Обыкновенно полагают, не давая себе труда поискать более глубоких причин, что это замечательное превосходство английской Гвианы в качестве доходной области имеет основной причиной «административный гений» англичан. Но если одна из причин этого относительного процветания должна быть приписана невмешательству правительства в местные дела, относительно малому количеству чиновников и духу последовательности в управлении, то столь же справедливо, что английская Гвиана пользовалась значительными преимуществами, как природными, так и политическими. Во-первых, ей принадлежит наибольший речной бассейн, и её главные плантации, разработанные голландцами задолго до английского завоевания, всего доступнее для судов, приходящих из Европы и с Антильских островов. Полоса удобных для обработки земель идет вдоль морского берега, будучи хорошо осушена со стороны моря, и города, села и плантации могли сгруппироваться у самой воды, на узкой полосе, отделяющей море от стоячих внутренних вод; между тем как в голландской Гвиане и в большой части французской побережье занято полосой болот, скрытых стеной зарослей корнепуска (paletuviers, rhizophorae)[1].

На этих открытых берегах легко было приниматься за земледелие, а благодаря соседству Антильских островов, первые плантаторы, по большей части шотландцы, могли без труда доставать нужных рабочих. С 1802 года,—эпохи, когда Великобритания завладела Северной Гвианой, оффициально уступленной ей в 1814 году,—хозяева страны широко воспользовались соседством антильских колоний, содействуя переселению негров с Барбадоса, где был избыток населения, и с большого острова Тринидад на свои континентальные земли. Позже, когда освобождение рабов лишило земельных собственников рабочих рук, индийское правительство открыло свои рынки для найма кули богатым фабрикантам Демерары. Все эти причины обеспечили за английской Гвианой значительное превосходство над соседними странами, а это превосходство, с своей стороны, создало ей лучшее торговое положение, промышленные рессурсы, более многочисленные и гораздо более оживленные сношения с другими странами. Всякий предыдущий прогресс становится причиной нового прогресса. Если английская Гвиана столь же мало является *колонией* в истинном смысле этого слова, как и другие Гвианы под европейским владычеством, то по крайней мере она сделалась местом для добровольного поселения эмигрантов с Антильских и Азорских островов. В обыденной речи англичане до сих пор причисляют свои владения на реках Демерара и Бербисе к Вест-Индии.

До недавнего времени, область широкой земледельческой культуры в английской Гвиане ограничивалась частью побережья между реками Померун и Бербисе. Северо-западная область, спорная между Англией и Венецуэлой, оставалась необитаемой. Ещё в первые времена колонизации, в 1580 году, несколько голландцев поселилось на берегах реки Померун, но они не распространились за эту реку на запад к Ориноко[2]; напротив того, они впоследствии бросили свои плантации, и в середине девятнадцатого столетия на берегах Померуна не было жителей, кроме индейцев и негров смешанной крови, живших на лесных прогалинах; эти негры происходят от марронов, бежавших сюда в 1738 году; их преследовать не решились, но и они с своей стороны не посмели жить по соседству с белыми и смешались с индейскими племенами[3].

Серьезная колонизация началась около 1870 года, благодаря нескольким предприимчивым португальцам, и с этой поры успехи земледелия сделались быстры и непрерывны. Главным препятствием являлось прекращение сообщений в период засухи: *итаббо*, т.е. ров, соединяющий реку Маруку с Ваини во время полноводий, половину года совершенно сух, и

1 Gifford Palgrave, „Dutch Guiana“.

2 Brett, цитиров. сочинение.

3 Richard Schomburgh, цитиров. сочинение.

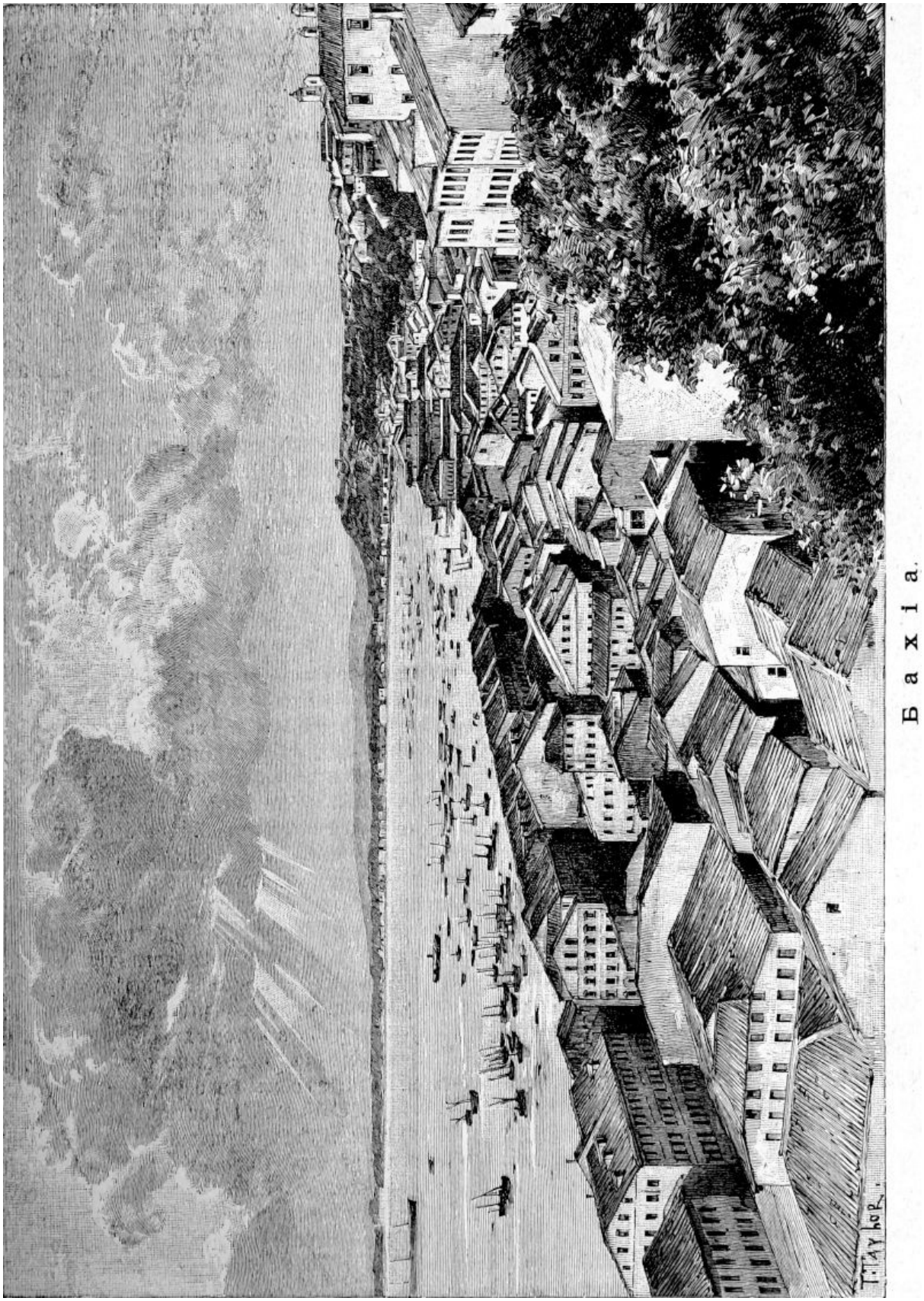
даже тогда зыбкость наносной почвы не позволяет пешеходам углубляться в леса между бассейнами обеих рек. В настоящее время пароходы, ходящие между Джорджтауном и дельтой Ориноко, создали легкое сообщение всего «северо-западного округа» с остальными частями колонии. Новыми областями, открывшимися благодаря судоходству, завладели три главных группы земледельцев и торговцев: одна, самая близкая к плантациям на реке Померун, основалась на перекрестке водяных путей, образуемых лагуной Бараманни и рекой Ваини; другая осела на притоке реки Морауанна, связывающем реку Барима с рекою Ваини; наконец, третья группа поселилась при впадении реки Барима в Ориноко. Главным центром округа естественно является центральное поселение на реке Морауанна. Здесь английское правительство возвело ряд общественных зданий,—суд, казарму, госпиталь, свидетельствуя этим, как мало придает оно значения притязаниям Венецуэлы на ту же территорию[1].

Бассейн реки Эссекибо, несмотря на свою обширность и развитие речных систем, заключает в себе лишь незначительную часть гвианского населения: европейская эксплоатация сосредоточилась не здесь. Область истоков населена индейцами тарума, среди которых редко появляются путешественники и которые поддерживают сношения с колонией лишь чрез посредство редких торговцев. Вдоль реки разбросаны на большом расстоянии друг от друга группы соломенных хижин, особенно в местах волоков, где лодочники должны обходить каскады. Выше устья Рупунуни (притока Эссекибо, по которому направляется естественный путь между Атлантическим океаном и Амазонкой через водораздел Пирара) почти не существует судоходства; движение барок возрастает ниже впадения Рупунуни. Но пристани ещё очень удалены одна от другой, и прежде население их состояло исключительно из индейцев и метисов, с добавлением немногих португальских или негритянских торговцев, забравшихся далеко от морского берега. Но нет сомнения, что рано или поздно широкая «дорога переселений» между морским берегом и Амазонской областью получит большое торговое значение. В настоящее время главным населенным пунктом вблизи водораздела является скромная деревня Кватата, где сходятся индейцы ваписиана, тарума, макузи, уаеуэ и европейские торговцы для обмена ножей, ожерелий, терок для маниока, собак на гамаки, сарбаканы и другие индейские изделия[2]. Этот округ оспаривали друг у друга протестантские миссионеры из Демерары и католические из Манаос, и подле Квататы виднеются остатки форта Нью, устроенного англичанами, чтобы обеспечить в этом столь важном стратегическом пункте притязания Великобритании. Бразильские метисы каждый год переселяются в эту область саванн, чтобы заниматься скотоводством[3].

Перекресток водяных путей недалеко от устья реки Эссекибо, где в неё впадает река Масаруни, усиленная рекой Куюни, слишком важен в гидрографическом отношении, чтобы не вызвать тут основания города: здесь происходит естественное раздвоение двух больших путей, одного по Эссекибо к Амазонке и в Бразилию, другого по Куюни к Ориноко и Венецуэле. На левом берегу Эссекибо, у подножия холма, возвышающагося к югу от слияния рек, лежит маленький городок Бартика-Гров, или просто Бартика, почти совсем скрытый под манговыми деревьями. Некогда он был центром индейских миссий, но теперь в нём осталось очень мало крещеных туземцев: привлеченные туда семейства индейцев снова вернулись в леса, и их заменили португальцы, негры и метисы, ведущие торговлю строевым лесом и всякого рода продуктами для золотых приисков, рассеянных западнее по берегам реки Барима. С 1887 года городок Бартика быстро растет и стремится сделаться настоящим торговым центром колонии: в нем поспешили завести торговлю китайцы и португальцы[4]. В нескольких километрах к западу, на холме, возвышающемся над левым берегом Масаруни-Куюни, немного выше их слияния, виднеются обширные постройки пенитенциарной колонии (penal settlement), основанной в 1843 году и заключающей в себе около трехсот каторжных. Здесь

1 Everard F. im Thurn, „Proceedings of the R. Geographical Society“, October 1892.
2 Everard F. im Thurn, „The Indians of Guiana“.
3 Ch. Daniel Dance, „Recollections of Venezuela“;—Henri A. Coudreau, „France Equinoxiale“.
4 Verschuur, „Tour du Monde“, Juillet 1893.

не содержат англичан, чтобы не уронить престижа хозяев страны. Вокруг тюремных зданий расстилается великолепный парк, засаженный самыми роскошными деревьями редких пород. Дворец главного начальника, дома чиновников и служащих, вообще все здания—утопа-

Бахіа.

ют в зелени. Каторжные работают, главным образом, в соседних каменоломнях, доставляющих гранит, нужный для построек и набережных Джорджтауна. Другим преступникам, пользующимся полусвободой, разрешается наниматься на службу, в качестве мельников,

дровосеков, садовников. Один пароход совершает правильные рейсы между Джорджтауном и тюремной колонией, но главная пристань находится в городе Бартика.

Ниже впадения Масаруни, река Эссекибо расширяет свое заливообразное устье, сначала разливаясь в виде одного русла в несколько километров шириной, потом образуя многочисленные рукава среди архипелага островов, которые почти все населены. На одном острове, лежащем в 5 километрах от моря, ещё находятся величественные развалины форта Зеландия, основанного голландцами в 1743 году и бывшего центром торговли и столицей их колонии. Каждый островок поднимается в виде роскошного зеленого купола, и горизонт со всех сторон замкнут зеленью. Главные острова покрыты плантациями, обсаженными деревьями, и губа Эссекибо с обеих сторон окружена возделанными землями, на северо-запад—до р. Померун, на северо-восток—до современной столицы, Джорджтауна, и до устья р. Демерара.

Старинный голландский город Стабрук, куда в 1774 году была перенесена резиденция губернатора из порта Зеландии, получил важное значение после превращения в столицу английской Гвианы, под именем Джорджтауна (Georgetown). Будучи самым многолюдным городом во всей стране между Ориноко и Амазонкой, он один имеет вдвое больше жителей, чем вся французская Гвиана. Однако, с моря его почти не видно: его можно принять за густой лес, над которым возвышаются длинные стройные стволы пальм кокосовых и *oreodoxa*. Только подойдя ближе, видишь суда, теснящиеся в широком устье Демерары, и изящные белые дома, идущие вдоль правого берега реки. Будучи населен преимущественно неграми и цветными людьми, Джорджтаун тянется по берегу реки больше 2-х километров, от форта Уильям-Фредерик, воздвигнутаго у устья реки, до групп вилл, рассеянных вдали среди полей. Даже вблизи самых оживленных улиц и набережных, где складываются почти все гвианские товары, дома прячутся в садах, окруженные цветущими верандами; при каждом доме есть водоем для поливки деревьев и цветников. Многочисленные артезианские колодцы, глубиной около сотни метров, доставляют Джорджтауну воду, слегка минеральную.

В одном из предместий, Хоптауне, прежде жили почти исключительно китайцы. Вокруг города, берега реки и приморская полоса, тщательно возделанные на большое расстояние, разделяются на богатые и густо населенные плантации. Железная дорога, идущая на восток к городу Мааика, на реке того же имени, служит для очень оживленной перевозки пассажиров и земледельческих продуктов. Эта железная, дорога, длиной в 37 километров, является первой дорогой, построенной в Южной Америке, в 1850 году, и до настоящего времени составляет единственную железную дорогу в британской Гвиане. Её предположено продолжить до реки Бербисе. В городе Мааика находится лепрозорий английской Гвианы, где содержится около 200 больных проказой.

В восточном округе британской Гвианы имеется только один город, занимающий положение, аналогичное положению Джорджтауна. Этот город, Нью-Амстердам, называемый также Бербисе, по имени реки, на правом берегу которой он стоит, также голландского происхождения, как об этом свидетельствуют многочисленные каналы, разделяющие его на кварталы. Он основан в 1796 году, и местная торговля ещё не уничтожила первоначального вида города, с его таинственными каналами, с его тенистыми площадями и тонущими в зелени домиками.

Пространство английской Гвианы (1898 г.) равняется 246.470 квадратных километров, население 286.870 душ, с плотностью 1,2 жителя на квадр. килом. Население городов в 1893 году приблизительно равнялось: Джорджтаун, с предместьями,—56.000 жит.; Нью-Амстердам—9.000 жит.; Бартика— 2.000 жит.

Подобно тому, как и в других странах, возделываемых руками рабов, в английской Гвиане работа людей, лишенных инициативы и работающих под присмотром надзирателей с кнутами и палками, не годилась для культуры разнообразных растений; приходилось применять простые способы, с установившеюся рутиной. Единственными предметами вывоза были хлопок, кофе и продукты сахарного тростника,—сахарный песок, ром и патока. Ещё и

теперь, несмотря на отмену рабства, наблюдаются старые приемы земледелия, потому что форма землевладения не изменилась: земля по-прежнему поделена на крупные участки, и рабы-негры заменены наемными индусами, работа которых по условиям мало отличается от невольнической: одно только имение, на левом берегу Демерары, заключает в себе 2.234 гектара и производит 5.500 тонн сахару, вырабатываемых 3.730 кули и неграми. Впрочем, теперь правительство поняло, что было неосторожно раздавать остальную землю крупным собственникам, и ради привлечения колонистов старается создать мелкую земельную собственность, раздавая новым переселенцам участки не более 20 гектаров[1].

Как и во времена рабовладения, главным земледельческим продуктом является сахарный тростник, занимающий половину обработанных земель и составляющий по крайней мере девять десятых вывоза. Плодородие почвы, легкость культуры её и эксплоатации, а также превосходное качество сахара позволили демерарским плантаторам выдерживать конкурренцию с европейскими сахарозаводчиками. Но, ради удержания своего привилегированного положения, они не отступают ни перед какими затратами. Воспользовавшись первоначальной побережной полосой, они отвоевывают участки у моря, строя очень дорогия плотины, служащие в то же время дорогами. Они изрезали местность сетью каналов и рвов, служащих для осушения почвы и для перевозки сахарного тростника. Плодородие земли поддерживается химическими удобрениями; а фабрики, освещаемые электричеством, снабжены самыми усовершенствованными аппаратами для обработки сока сахарного тростника. Сахарный тростник содержит 17% сахара, и демерарские фабриканты извлекают из него 16%, между тем как прежде, при старинных способах добывания сока, они получали сахара вдвое меньше. Сахар *Demerara crystals* на английских рынках ценится гораздо дороже всех прочих тростниковых сахаров. Кроме того, его вывозят в английские колонии, например, в Новую Шотландию и на Ньюфаундлэнд, и, несмотря на покровительственный тариф, он оспаривает северо-американские рынки у луизианского и кубанского сахара. Демерарский ром, гораздо худшего качества, чем Ямайский, вывозится главным образом в Великобританию, а мелассы (патока) из Джорджтауна высоко ценятся на Антильских островах, принадлежащих Франции.

Сахарные плантации заняли место почти всех кофейных плантаций по реке Бербисе, некогда производивших знаменитый сорт кофе; кофейные деревья вообще встречаются теперь только в садах и маленьких негритянских плантациях. После сахара, главным продуктом английской Гвианы является строевой лес, который рубят на берегах Эссекибо, выше города Бартика, и на других реках колонии, к югу от плантаций. Этим промыслом занимаются племена партамона и калина, родственные галиби, живущим на реке Марони. Торговля плодами, кокосовыми орехами и бананами приняла большие размеры, и, несмотря на дальность расстояний, могла бы соперничать с подобной торговлей между Центральной Америкой и Соединенными Штатами, потому что гвианские плоды, особенно бананы, не уступают по вкусу плодам Антильских островов, Коста-Рики и Гватемалы. Английская Гвиана, в среднем, вывозит приблизительно на 200 миллионов франков сахару и других продуктов сахарного тростника, строевого леса и фруктов, а с некоторых пор также золота в самородках и песке, и мелких алмазов, добываемых на берегах рек Барима и Куюни и в наносах приморских рек Северо-Западного округа. Ввозятся: съестные продукты, машины и аппараты, материи и промышленные изделия, доставляемые главным образам Англией, а отчасти и Соединенными Штатами. Пароходы, совершающие правильные рейсы, связывают Джорджтаун с Великобританией, Антильскими островами и Канадой.

Гвианская статистика представляет следующие цифры:

В 1890 году сахарные плантации занимали 32.000 гектаров, т.е. одну восьмисотую часть всей территории и 96% обработанных земель. Сахарных заводов в 1890 году было 95. Производство сахара равнялось 117.204 *hogs heads* или 105.483 тоннам. В 1891 году было выделано сахару на 41.318.525 франков; рому на 6.674.150 франков; патоки на 1.106.725 фран-

1 Varschuur, цитирован. отрывок.

ков. Всего сахарных продуктов в 1891 году получено на 49.349.400 франков.

Добыча золота выражалась следующими цифрами: в 1884 г.—250 унций, на сумму 22.000 франк.; в 1892 г.—130.000 унций, на сумму 11.485.000 франков. *В десятилетие 1886—1896 г.г. добыто золота на 2.796.300 фунтов стерлингов. В 1899 г. добыча этого металла составляла 112.464 унции.

Внешняя торговля в 1898—99 г.: ввоз—1.371.412 фунт, стерл.; вывоз—1.775.691 фунт. стерл.

Сахару вывезено в 1898—99 г. на 1.040.982 фунтов стерлингов.

Общее количество перевезенных водой грузов в 1891 году 646.366 тонн.

Торговый флот английской Гвианы в 1898 году состоял из 15 зарегистрованных паровых и 33 парусных судов, общей вместимостью в 2.853 тонны.*

До 1831 года Демерара и Бербисе составляли два отдельных колониальных управления, как и при голландском владычестве. Большая часть старинных законов и правил были сохранены, и имеются многочисленные следы их. Политическая власть почти целиком сосредоточена в руках губернатора, представителя королевы. Ему помогает «политический совет», *court of policy*, состоящий из пяти главных чиновников колонии и из пяти членов, избираемых советом, и двух, избираемых именитыми гражданами; число этих граждан в 1893 году равнялось 2.046; они образуют избирательные коллегии. Законодательная и исполнительная власти одинаково принадлежат губернатору и его политическому совету. Но для определения налогов губернатор должен советоваться с шестью финансовыми представителями, образующими, вместе с другими членами правительства, «соединенный совет». Голландское гражданское уложение всё ещё действует в колонии, измененное разными декретами и приказами; но уголовный закон, без суда присяжных—английский. Употребление *рейнских* мер и весов, давно оставленное даже в Голландии, ещё узаконено на берегах Демерары. Полиция состоит из нескольких сот людей, а военные силы состоят приблизительно из 300 солдат, поставляемых «черными полками» Вест-Индии. Национальная церковь, *Church of England*, образует епископство, подразделенное на ректорства и приходы, и содержится на счет английских государственных сумм, равно как и церкви пресвитерианская и католическая. В 1891 году в школах колонии училось 38.067 детей, около одной девятой всего населения. Ежегодный бюджет держится в равновесии.

В 1898—99 году доходы равнялись 525.865, расходы—525.387 фунтов стерл., а долг Гвианы составлял 975.791 фунт, стерлингов.

Английская Гвиана делится на четыре административных округа или «графства»: Северо-Западный округ, Эссекибо, Демерара и Вербисе.

III. Голландская Гвиана

Первые колонизаторы английской Гвианы работали над своими прекрасными владениями в пользу своих соперников. То, что им удалось сохранить из своих прежних владений, значительно уступает в ценности потерянному. Население Суринама,—как называют голландцы свою Гвиану,—составляет не более одной шестой части населения, сгруппированного в настоящее время вокруг Демерары, в английских владениях, и обороты его торговли едва достигают одной пятидесятой оборотов соседки. Экономический кризис, вызванный отменой невольничества в 1863 году, повлек за собой разорение многих плантаций; обширные возделанные земли снова превратились в пустынные леса и саванны. Даже население уменьшилось вследствие эмиграции. Медленный прогресс наступил только после многих лет упадка. В настоящее время число жителей возрастает, благодаря прибытию некоторого числа индийских кули. Плантаторы снова принимаются за свои земли, но обыкновенно начинают новые культуры, оставив разведение растений, возделывавшихся их предшественниками.

Подобно тому, как и в английской Гвиане, обитаемая область представляет очень незначительную часть всей территории, она ограничивается полосой морского побережья между каймой мангрововых зарослей (paletuviers, rhizophorae) и саваннами внутренних частей страны. Но эта возделываемая полоса представляет многочисленные промежутки, занятые зарослями и болотами. В самом западном участке, Никери, лежащем к востоку от реки Корентины и её устья, население очень редко. В начале текущего столетия плантаторы и коммерсанты основали колонию на мысе, возвышающемся при слиянии реки Корентины и притока Никери. Место казалось удобным, и городок стал быстро развиваться. Но менее, чем за время жизни двух поколений, вода уничтожила земли, на которых были воздвигнуты набережные и здания. Жители, упавшие духом и принужденные непрерывно отступать дальше от воды, кончили тем, что разбрелись; в настоящее время на мысе осталась лишь небольшая группа домиков. Пальгрэв говорит, что море быстро захватывает это побережье вследствие опускания почвы, а не потому, что изменение направления ветров и течений придало большую силу морским волнам, как предполагают резиденты колонии.

Другая колония удалась ещё меньше, чем Никери, хотя её основатели возлагали на неё большие надежды: это колония Гронинген, основанная в 1843 году у устья реки Сарамакка и населенная фризами, тщательно выбранными ради первого опыта обработки земли в этих экваториальных странах руками европейцев. Это предприятие постигла судьба всех подобных попыток: из 384 колонистов за полгода умерло около половины, а большая часть оставшихся в живых принуждена была переселиться на соседния плантации; многие отлично устроились в Парамарибо в качестве ремесленников и садовников. В колонии Батавии, лежащей на юго-западе, на берегу реки Коппенам, заключено около сотни прокаженных, удерживаемых вдали от их друзей и семейств. Но и это селение оказывается ещё слишком близким к населенной полосе побережья. Предположено устроить новый лепрозорий, на верховьях Суринама, на пустынном полуострове его правого берега, называемом Большой Шатильон, который отделяется от материка рвом. Проказа или *boasie* всего более свирепствует именно в голландской Гвиане, особенно среди негров и цветных; число прокаженных доходит здесь почти до тысячи[1].

Парамарибо, главный город голландской Гвианы, лежит не на берегу моря, как Джорджтаун и Нью-Амстердам. Свойства побережья, отличные от свойств берегов английской территории, обусловили возникновение городов и устройство плантаций в относительно сухой полосе, прорезываемой протоками, параллельно приморской полосе корнепусковых зарослей. Парамарибо основан в 1640 году французами, бежавшими из Кайенны и выстроившими маленькое укрепление на месте нынешнего форта Зеландия. Десятью годами позже, здесь жил англичанин Уиллугби-ов-Пэшэм (Willoughby of Pasham), а немного позже голландцы избрали этот город столицей своих суринамских владений. Город Парамарибо, осеняемый манговыми и другими развесистыми деревьями, расположен на левом берегу реки Суринам, образующей в этом месте излучину, на террасе, состоящей из песка и гравия, смешанных с кораллами и обломками ракушек. Под экваториальным климатом Парамарибо представляет второй Амстердам, и, несмотря на разницу строительных материалов его деревянные дома, выкрашенные в серую краску, напоминают массивные кирпичные постройки голландского города. Несколько зданий—дворец правительства, церкви, синагоги—придают городу величественный вид, хотя немного старомодный. Будучи очень чисто содержим, город принадлежит к числу здоровых местностей, хотя атмосфера, не освежаемая морской бризой, немного походит на воздух теплицы с тропическими растениями. В ближайшем будущем железная дорога свяжет столицу с плодородными округами на реке Сарамакка.

Форт Новый Амстердам (Nieuw Amsterdam) занимает важный стратегический пункт у слияния рек Суринам и Коммевин, напротив прямолинейного лимана, образуемого морским каналом устья.

К востоку от Парамарибо, на берегах рек Коттика и Коммевин, прежде находился непре-

1 Verchuur, „Tour du Monde“, Juillet 1893.

рывный ряд плантаций и садов. В настоящее время они отчасти заброшены и по большей части перешли в другие руки: негры, потомки прежних рабов, сделались владельцами многих земель, прежде составлявших часть голландских крупных поместий. Селение Соммельсдик названо так по имени одного голландского губернатора, владевшего целою третью всех плантаций колонии; у этого селения возвышается пятиугольный форт, при слиянии двух рек, командующий над всей областью протоков. На реке Суринам, в 80 километрах выше Парамарибо, находятся развалины синагоги и несколько хижин деревни *Joeden Savane* (Жидовская Саванна), напоминающие о португальских и ливорнских евреях, поселившихся в 1644 году на берегах Суринама, после изгнания их из Пернамбумо. И в настоящее время белое население в значительной степени состоит из евреев; в их руках находятся денежные дела в Парамарибо, и из них выходит большая часть местных докторов, судей и адвокатов. В прошлом столетии, эти евреи имели даже свой особый суд, по крайней мере, в первой инстанции; во время своих религиозных праздников они совершенно ускользали из-под власти законов[1].

Левый или голландский берег реки Марони населен очень слабо: группы соломенных хижин почти все принадлежат индейцам галиби и потомкам негров-марронов. Небольшое число бовиандеров, потомков голландских отцов и индейских матерей, живет по западным рекам.

Пространство голландской Гвианы—129.100 квадратных километров, с населением (в конце 1897 года) около 80.000 душ, считая в том числе 12.000 индейцев и буш-негров; на 1 квадратный километр приходится 0,66 жителя. В Парамарибо около 30.000 жителей.

Во время существования невольничества Суринам производил, главным образом, сахар, подобно английской Гвиане, но плантаторы не выдержали кризиса и бросили большую часть своих больших предприятий. В колонии теперь очень немного сахарных заводов, принадлежащих богатым капиталистам и снабженных столь же усовершенствованными аппаратами, как и заводы Джорджтауна; в одном имении работает более 1.580 человек, африканцев, индусов, яванцев и китайцев. Возделывание кофейного дерева, прежде значительное и дававшее около 6.000 тонн кофе для ежегодного вывоза, до такой степени упало, что колония должна была ввозить кофе, нужный для её потребления. Однако, с 1883 г. эта промышленность опять оживилась, благодаря введению кофейного дерева из Либерии, отлично привившагося на суринамской почве и дающего продукт лучше даже явского кофе, так что плантаторы ожидают от него поправки своих состояний[2].

В Северо-Западном округе занимаются добыванием *балата*, гвианской гуттаперчи. Хлопок более не разводится. Шоколадное дерево, доставляющее главный земледельческий продукт, требует очень мало забот: оно начинает давать плоды лишь через восемь или десять лет после посадки, но всегда дает верный и правильный урожай. В 1887 году в голландской Гвиане плантации распределялись так: шоколадные плантации—83; другие большие плантации—32; банановые плантации—183; прочия плантации пищевых продуктов—313.

Большие плантации, продукты которых питают внешнюю торговлю, дают меньший доход стране, чем мелкие хозяйства негров и крестьян разных национальностей, занимающихся производством съестных продуктов и главное бананов. Одна плантация, Онвервахт, составляет общую собственность колонии из трех сот негров, землевладельцев и дровосеков.

Золотопромышленность принимает довольно крупные размеры в голландской Гвиане. Во французских владениях золото добывалось уже более двадцати лет, прежде чем голландское правительство исследовало долины притоков Марони, и «заявитель» Альма открыл там, в 1864 году, драгоценный металл. С тех пор золото было найдено в верховьях почти всех рек, главное же на берегах реки Ауа, недавно присужденной Голландии, и ежегодная добыча золота правильно возрасла, не достигая ни разу ценности в 4 миллионов франков. В 1891 г.

1 G. P. H. Zimmermann, „Bulletin de la Societe de Geographie“, 1880.

2 G. Verschuur, цитирован, отрывок.

добыто было 1.232 килограмма золота, на 3.388.000 франков (* в 1897 г. было добыто 903 килограм. *). Сначала разрабатывали только россыпи, но горнопромышленники добрались по долинам до горных пород, заключающих в себе жильное золото, и принялись за его разработку. Таким образом горный промысел в короткое время сделался одной из крупных отраслей промышленности колонии, ещё ограничивающейся очень немногими видами производства. Ради потребностей горного дела, между Суринамом и Марони устроена железная дорога в 79 километров длиной.

В 1897 г. торговые обороты голландской Гвианы выразились следующими цифрами: вывоз—5.241.671; ввоз—5.294.424 голл. гульденов.

Что касается до судоходства, то в 1897 г. в приходе было 248 судов, вместимостью в 107.153 тонны, а в отходе—253 судна, вместимостью в 108.988 тонн.

Колониальное правительство пользуется неограниченной властью, несмотря на некоторые парламентарные формы. Губернатор назначается правительством Нидерландов и является одновременно председателем колониального совета (Maison d'Assemblee), состоящего из тринадцати членов. Четверых назначает губернатор, а остальные избираются на шесть лет гражданами, имеющими не менее 40 флоринов годового дохода. Губернатор предлагает, но если захочет, то решает по своему усмотрению. Если с его мнением несогласны, он письменно излагает причины своего особого мнения, и тогда члены большинства обязаны сообразоваться с ним.

Обучение обязательно для всех детей от семи до двенадцати лет, и в 1897 году в 55 начальных школах числилось 7.218 учеников. Ежегодный бюджет колонии с 1895 года превышает два миллиона голландских гульденов (в 1899 г.: расходы—2.351.000; местные доходы — 2.174.000; воспособление от метрополии—177.000 флорин.). Страна разделяется на шестнадцать политических округов, с разными подразделениями. Но, конечно, всякая административная децентрализация является мифом в стране, столица которой содержит больше половины всего её населения, если не считать буш-негров, ускользающих от переписей.

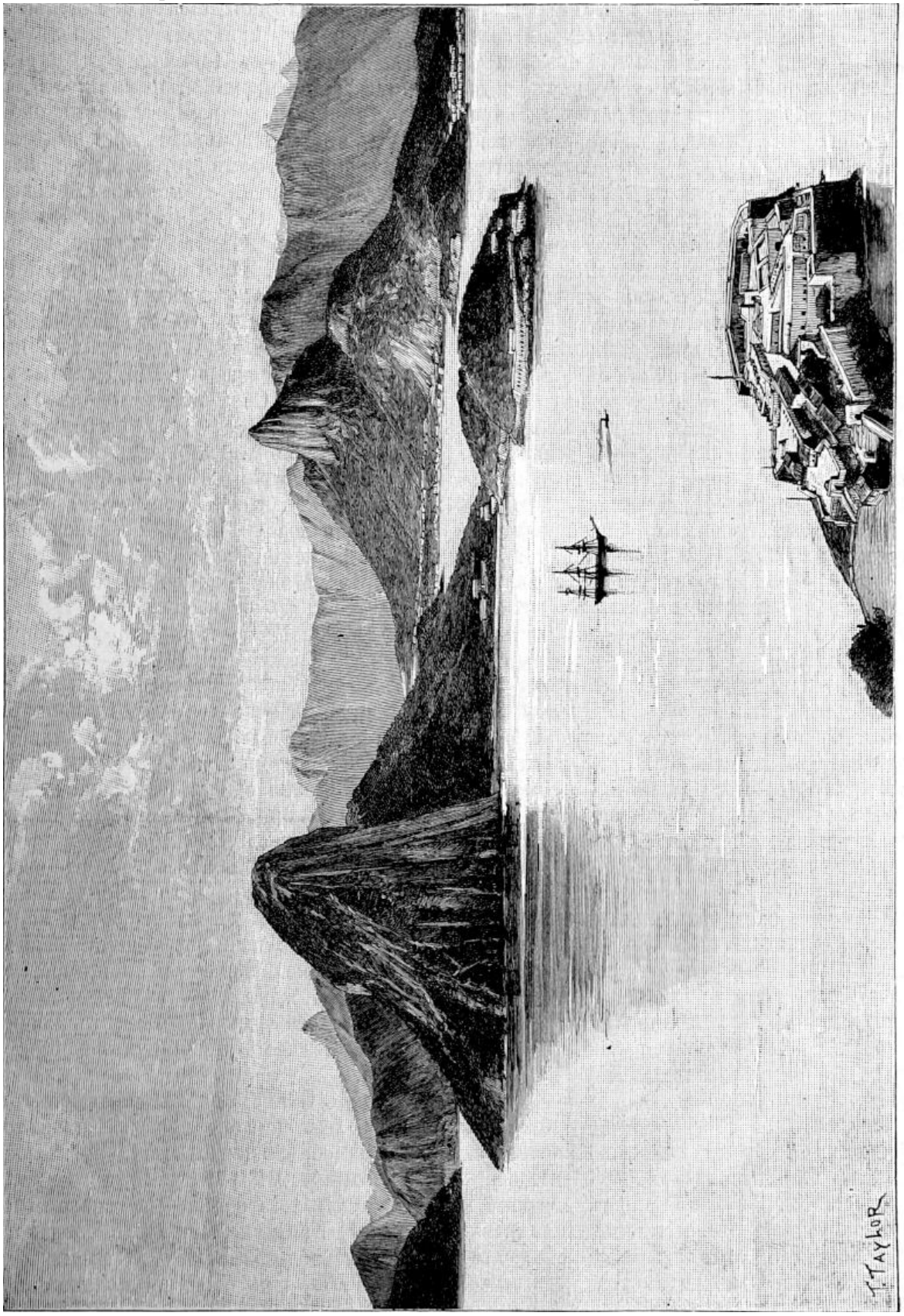
Говорили, будто бы германское правительство намеревалось купить голландскую Гвиану, чтобы сделать из неё пенитенциарную колонию, по образцу Кайенны.

IV. Французская Гвиана

Если считать спорную территорию, простирающуюся к югу до устья р. Арагвари, то французская Гвиана по площади равняется английской; но что касается до населения, промышленности, торговли, политической и социальной жизни, то тут не может быть никакого сравнения. Из всех заморских владений Франции меньше всех процветает её часть Гвианы. Историю её нельзя рассказывать, не испытывая унижения. Пример Гвианы обыкновенно приводится для доказательства неспособности французов к колонизации, как будто это побережье когда-нибудь было колонией в настоящем смысле слова. Начиная с шестнадцатого и семнадцатого столетий, когда французские флибустьеры, странствуя по морям, устроили в удобных пунктах побережья порты для убежища и набегов, никогда ещё действительно добровольные переселенцы не направлялись из Франции в Гвиану. Все, кто высаживались на этих берегах, между Марони и Ояпоком, в течение двух с половиной веков, были присланы сюда в качестве чиновников, или солдат, в виде стад рабов, законтрактованных работников, казенных колонистов, или даже в виде партий ссыльных и каторжных. Свободная колонизация ни разу ещё не оживляла страны. Места для селений часто заранее назначались администраторами, никогда не видавшими этого края. Из Парижа получались неисполнимые приказания и применялись на удачу. На месте не делалось ничего для встречи вновь прибывших: они гибли тысячами, бивакуируя на берегах болотистых ручьев, без крова и без пищи. Даже те, кому судьба улыбнулась и кто нашел жилище и съестные припасы, в конце-

концов гибли: «видя себя всеми покинутыми, они умирали, не чувствуя желания жить»[1].

Когда все попытки насильственной колонизации кончились неудачами, нашли вполне естественным избрать Гвиану местом ссылки своих политических врагов и специальным ме-

Входъ въ бухту Pio-Жанейро.

стом заключения для обыкновенных преступников. Уже не раз для поселения ссыльных назначились заведомо нездоровые места: правительство, слагая с себя ответственность за про-

1 Jules Itier, „Notes statistiques sur la Guyane francaise“.

изнесение смертных приговоров, тем не менее пользовалось услугами смерти. В общежитии «Кайенну» прозвали «сухой гильотиной». Подобное название вполне объясняет отвращение, испытываемое свободным человеком к этой местности, которая, впрочем, далеко не отличается таким ужасным климатом, какой приписывается легендами французской Гвиане с тех пор, как массовые ссылки бросили туда столько несчастных. Самый неуспех неоднократных попыток колонизовать эту страну имел последствием большую неопределенность в проектах центрального правительства и в предприятиях местных администраторов. Чиновник редко поселяется в Кайенне, не испытывая желания вернуться на родину: будучи временным гостем, он очень мало интересуется страной, которую надеется вскоре покинуть, он не привязывается к ней, но иногда не прочь попробовать отличиться какой-нибудь обширной затеей, противоречащей затеям его предшественников и имеющей главною целью привлечение внимания высшего начальства. В управлении этой колонии не чувствуется ни малейшего духа последовательности; за пятьдесят лет, в Кайенне переменилось тридцать четыре губернатора. Поэтому весь действительный прогресс французской Гвианы, относительно ли роста населения, относительно ли разработки её природных богатств, должен быть приписан не действиям правительства, но медленной работе, самостоятельно совершающейся в туземной массе, с прибавлением небольшого числа переселенцев с острова Мартиники, суринамских негров-марронов, португальцев и бразильцев из соседних областей. Ввоз индусских кули производился без системы и бесчеловечно: из нанятых 8.372 кули в цветущем возрасте, за двадцать два года (с 1856 по 1878) умерло более половины (4.522) и только 675 вернулись на родину[1].

Во всей верхней и средней части бассейна могучей реки Марони, отделяющей французскую Гвиану от голландской, население очень редко и состоит из индейцев, негров и немногих белых золотопромышленников. Первые поселения белых лежат в шестидесяти, приблизительно, километрах от устья; но почти все они представляют пенитенциарные учреждения; свободная колонизация здесь представлена только несколькими плантациями, отведенными арабам, отбывшим срок каторги.

Поселение Сен-Жан (Saint-Jean), лежащее выше всех по течению реки, расположено в болотистой и нездоровой местности. Оно соединено железной дорогой с главным административным пунктом тюремной колонии, поселением Сен-Лоран. В Сен-Лоране живут управляющие тюрьмами; это селение расположено в лучшей местности; оно состоит из чистых домиков, ярко выделяющихся на темном фоне густого парка; подле находится кладбище, с могилами, отененными драценами. В Сен-Лоране содержатся негры, арабы и аннамиты, живущие в отдельных домиках. Против этого поселения, на левом берегу Марони, виднеется деревня Альбина, единственная голландская колония на данной реке. В 1892 году к 1-му июля в Сен-Лоране числилось 1.105 ссыльных; одновременно в Сен-Жан содержалось их 1.237. С июня 1889 года по июль 1892 в Сен-Жан умерло 1.365 человек, т.е. 32% (Verschuur). Выше деревни Альбина, на острове Порталь, находится самая главная плантация всей французской Гвианы, производящая красильное растение *руку*.

На реке Мана, текущей восточнее Марони, находится небольшое поселение, также называемое Мана. Но другие приморские протоки,—Органебо, Иракубо, Кунамано—проходят по местностям, почти совершенно пустынным. Селение Мана является следом попыток колонизации, производившихся с наибольшей энергией и постоянством: это поселение задумано и устроено единственно личной энергией одной монахини, г-жи Жавуэ (Javouhey), почти без контроля правительства, но с его поддержкой. При помощи сестер своей общины, некоторого числа наемных служащих и многих сотен рабов, г-жа Жавуэ основала различные учреждения,—плантации, приюты, школы, госпиталь, лепрозориум. Селение Мана, считаемое в настоящее время одним из самых здоровых в Гвиане, некогда составляло «житницу» (grenier a riz) колонии.

1 Alglave, „Les Coolies indiens et le Negres a la Guyane“.

Селение Синвемари, основанное голландцами и лежащее близ устья реки того же имени, приобрело печальную славу в качестве места ссылки. В 1797 и 1798 годах, после роялистского заговора (la conspiration de fructidor) в Синнамари было сослано более пяти сот подозреваемых. На одном только корабле *Шарант* было доставлено из Франции 329 душ, из которых более половины, именно 171, быстро погибли от трудов, уныния и болезней. Ещё большая смертность обнаружилась в 1763 году, при попытке устройства колоний из приблизительно тысячи трехсот переселенцев из Эльзаса, Лотарингии и Сентонжа на берегах реки Куру, километров на пятьдесят восточнее Синнамари. Тогда Франция только-что лишилась Канады. Шуазель и его двоюродный брат Прален, управлявшие тогда Францией, решили заменить потерянную территорию новой и, окрестив Гвиану «*Экваториальной Францией*», отправили туда последовательно несколько флотилий с колонистами. Позаботились об отправке даже актеров, для услаждения досугов будущих гвианцев.

В воспоминание о Канаде, переселенцев снабдили коньками, но позабыли обеспечить их продовольствие и приготовить места для высадки и жилища. Кавалер де-Тюрго, назначенный начальником экспедиции, не счел нужным сопровождать её. Ещё на судах несчастные начали гибнуть от эпидемий, а на берегах реки Куру к тифу присоединился голод. Сколько человек умерло? Наверное более десяти тысяч. Несколько сот человек, уцелевших от смерти, наконец добились возвращения в Сен-Жан-д'Анжели, откуда первоначально отправились[1]. Фрерон, решившийся высказать несколько критических слов о гении колонизаторов, отсидел за это шесть месяцев в Бастилии. В настоящее время казенная кофейная плантация указывает место, где погибла большая часть несчастных переселенцев.

Восточнее, у устья реки Куру, также делались попытки колонизации. В настоящее время там занимается земледелием небольшая группа ссыльных, но это пенитенциарное заведение (le penitencier de Kourou) является простым отделением трех островов Дю-Салю, лежащих напротив и принадлежащих тюремной администрации. На островах Сен-Жозеф и Рояль находится «каторга» в собственном смысле слова; здесь содержат опасных арестантов или подчиненных особому надзору. У острова Дю-Салю могут безопасно останавливаться суда с большой осадкой (В 1891 году на островах Дю-Салю содержалось 685 арестантов).

Город Кайенна, имя которого, повидимому, происходит от имени одного старинного вождя, является одним из самых старых поселений во всей стране; в 1604 году на острове высадились и объявили его своей собственностью несколько французов, под предводительством нормандского дворянина Ла-Равардьер, командированного одной торговой компанией города Руана. Но место для города тогда ещё не было выбрано окончательно: первые переселенцы и затем голландские евреи поселились восточнее, у подножия холмов Ремир. Кайенна, где находился маленький форт Сен-Луи, сделалась окончательно столицей колонии только в 1877 году. Она представляет относительно очень большой город, потому что заключает в себе треть всего населения французской территории, т.е. около 12.000 жителей. Правильные квадраты её улиц и тенистых площадей расположены на полуострове, выступающем на западной стороне острова Кайенны, у подножия зеленеющей горки Сеперу. Значительная часть городской территории занята казенными зданиями, отелями, казармами и тюрьмами; всё это окружено парками и великолепными пальмовыми аллеями. Будучи хорошо обвеваема морскими ветрами, Кайенна по природе пользовалась бы здоровым климатом, если бы часто не засорялись окрестные каналы. С одной соседней возвышенности проведена вода для питья, доставляемая ручьем Ророта. Наибольшую часть городского населения составляют негры, преимущественно семьи освобожденных рабов, перебравшихся в город после освобождения в 1848 году. Вообще же в Кайенне встречаются представители всех народностей колонии: большая часть прислуги состоит из креолов с острова Мартиники; почти все торговцы рыбой—аннамиты, а лавочники—китайцы. Кайеннский порт, доступный для судов с осадкой до 4,25 метров, не совсем безопасен и иногда опустошался быстро вторгавшейся приливной волной (ras de maree). Вход в него освещается маяком, стоящим на утесе Анфан-

1 J. Mourie, „La Guyane Francaise".

Пердю (l'Enfant Perdu).

Прежде в окрестностях Кайенны было много возделанных земель и плантаций, именно вдоль каналов и на восточной стороне острова, у подножия холмов Ремир, где иезуиты владели богатыми кофейными плантациями. Плантация Габриель, находившаяся на материке, к юго-востоку от Кайенны, пользовалась даже некоторой известностью, благодаря производимым ею пряностям; при начале реставрации гвоздика этой плантации в иные года давала до 400.000 франков дохода. В настоящее время почти все старинные возделанные земли заросли кустарником; только кое-где встречаются одичалые кофейные и шоколадные деревья. Остров прорезывается несколькими колесными дорогами; одна из них, длиной в 18 километров, идет от города к пристани (degrad) Канн, откуда ходит пароходик по реке Маюри, поднимающийся до селения Рура, окруженного садами. Ещё дальше и более к востоку течет река Ко (Kow), на которой также лежит одно селение, потом река Аппруаг, прославившаяся своими золотыми россыпями. Именно в долине одного из её западных притоков, Аратаи, бразилец Паулино открыл в 1855 году золото, и область реки Аппруаг, вместе с верховьями Марони, всё время доставляют промышленникам наибольшее количество благородного металла.

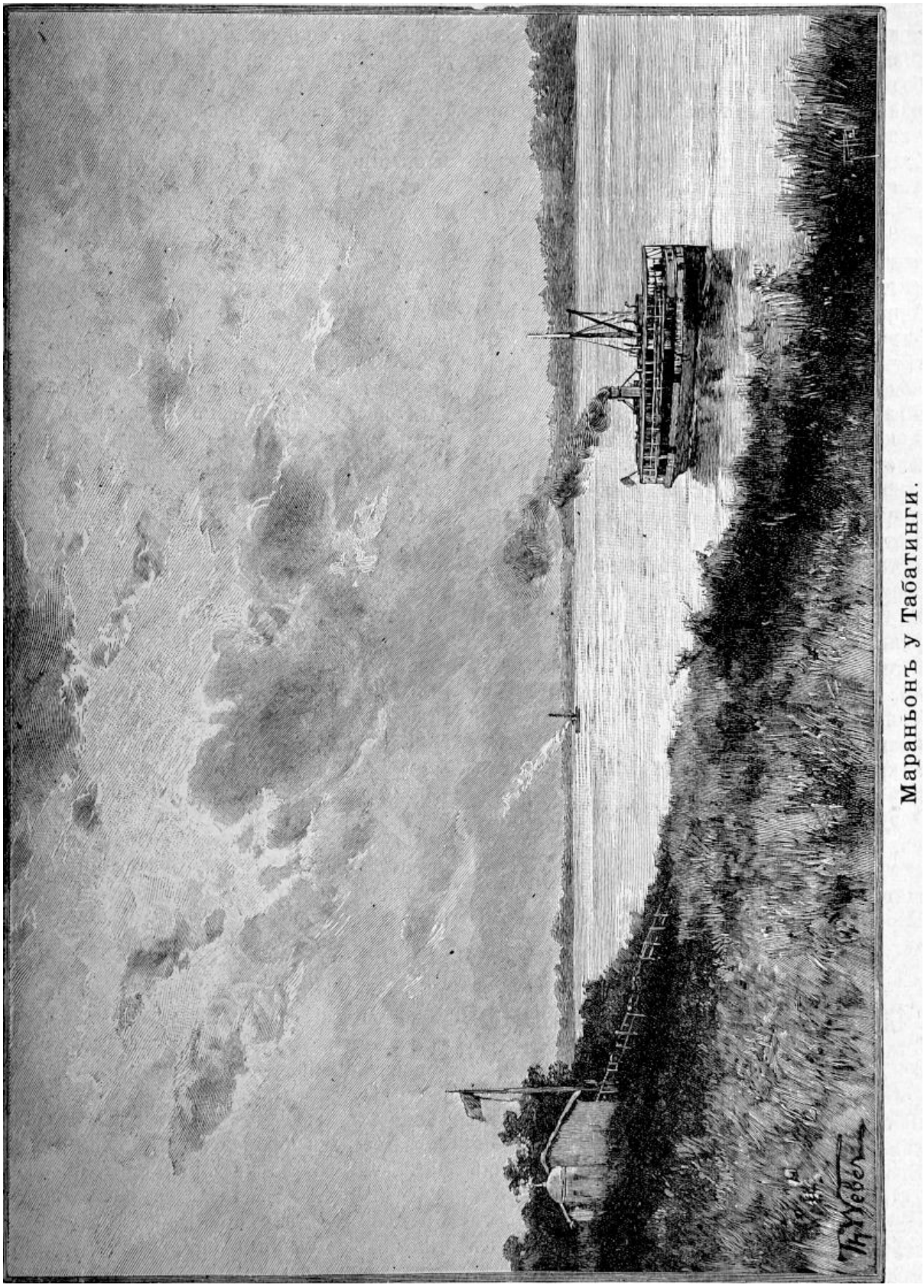
Дальше к востоку, на берегу моря находится холм в 80 метров высоты, называемый *Серебряной горой* (Montagne d'argent) и также напоминающий о старинных горных работах. Здесь устроена кофейная плантация, на месте прежнего нездорового пенитенциарного поселения, которое принуждены были покинуть. Серебряная гора служит путеводной вехой морякам, желающим войти в реку Ояпок. Эта могучая река уже хорошо исследована, но на её берегах попадаются только редкия хижины туземцев.

Во французской Гвиане возделываются все земледельческие растения тропической зоны, но ни одно из них не производится в достаточном количестве для серьезного вывоза. После пятидесяти лет земледельческого постепенного упадка, в 1890 году считалось всего 3.834 гектара обработанных земель, из которых две трети заняты продуктами, потребляемыми на месте. Всё производство сахара, кофе и какао не достигает 100 тонн. Скотоводство тоже в упадке: в парках для скота, называемых *hattes* или *menageries*, содержится очень небольшое число голов. В 1890 году во всей колонии было всего 218 лошадей, довольно плохого качества; рогатого скота было 6.199 голов; свиней почти столько же, не считая одичавших, живущих в лесах. Затем, насчитывалось несколько сот овец, коз, ослов и мулов.

Что касается до обрабатывающей промышленности, находящейся ещё в зачаточном состоянии, то она ограничивается несколькими водочными заводами (выделывающими tafia, сахарную водку), лесопильными заводами и другими мелкими заведениями. Самыми крупными техническими предприятиями являются заведения для дробления золотоносных кварцев, но добыча золота постепенно уменьшилась с 1875 года. В этом году, по оффициальным сведениям, добыто 1.996 килограммов благородного металла, на сумму в 5.689.200 франков, да ещё пожалуй наполовину столько же надо считать золота, украденного рабочими и вывезенного тайно. В 1889 году, по оффициальным сведениям, добыто 1.397 килограммов золота, на 3.868.689 франков (*в 1899 г. было вывезено золота 81.715 унций*). Что касается до железных руд, необычайно обильных в породе, называемой *roches a ravet*, то они ещё мало разрабатывались.

Что бы ни говорили, торговля французской Гвианы во времена до революции уступала современной торговле: в настоящее время весь торговый обмен между французской Гвианой и остальными странами, в среднем, колеблется между 13 и 18 миллионами франков в год. Ввоз значительно превышает вывоз, при чём большая часть привозимых товаров и съестных припасов предназначается для тюремных поселений и войск. В 1889 году во французскую Гвиану ввезено товаров на 8.950.450 франков, а вывезено на 4.271.925 франков; весь оборот 13.222.370 франков (*в 1897 г. ввоз—9.334.000, вывоз—7.160.000 франк.*). Размеры судоходного движения не достигают 100.000 тонн в год, но правильно возрастают, благодаря

удобству сообщений, доставляемых паровыми судами. Пароходные линии связывают Кайенну с Мартиникой и Францией, через Суринам и Демерару. Вдоль берегов совершают рейсы паровые баркасы, удовлетворяющие нуждам колонии.

Маранъонъ у Табатинги.

Телеграфная линия в 288 километров связывает Кайенну с рекой Марони.

Хотя в Гвиане и существует генеральный совет из шестнадцати выборных членов (в том

числе семь от города Кайенны), и Гвиана посылает одного депутата в парламент, но население её слишком незначительно, а армия чиновников чересчур сильна, чтобы инициатива граждан могла уравновешивать неограниченную власть губернатора. Губернатору подчинены командующий войсками, начальник над флотом, морской интендант, директор внутренних дел, генеральный прокурор, начальник тюремного ведомства, и все эти высшие чиновники составляют частный совет губернатора, к которому для проформы причисляются три члена, выбираемые губернатором из жителей и всегда во всём с ним согласные. Впрочем, даже если бы все члены совета были несогласны с губернатором, он может обойтись без их согласия, даже производить изменения в бюджете и высылать из колонии частных лиц, принадлежащих к оппозиции. Исключая времени выборов, в колонии существует только одна еженедельная газета, *le Moniteur officiel*. Можно сказать, что тюремный режим служит образцом и для гражданского общества.

Ссылка, представляющая в настоящее время raison d'etre французского владычества в Гвиане, была узаконена декретом после государственного переворота 1851 года; первый транспорт ссыльных прибыл на острова Дю-Салю в мае 1852 года, и до 1867 года было доставлено более 18.000 ссыльных в разные тюремные поселения, последовательно устраивавшиеся на Гвианской территории. В настоящее время, когда главным местом ссылки сделалась Новая Каледония, в Гвиану посылается только часть рецидивистов, европейские преступники, осужденные на каторгу свыше восьми лет, и все осужденные из арабов, аннамитов и негров. В четырех пенитенциарных поселениях, в Кайенне, на островах Дю-Салю, на реке Куру и на реке Марони, содержится в среднем от трех до четырех тысяч преступников, большею частью употребляемых на общественные работы. Тюремная администрация в своих мастерских пользуется работой не всех ссыльных, часть их она уступает, даром или за ничтожное вознаграждение, городу Кайенне, колониальному управлению и частным лицам. Хотя полная плата за день работы ссыльнаго установлена в 2 франка (считая все побочные расходы), заработная плата обыкновенно колеблется между 16 и 40 сантимами[1]. Но, с другой стороны, сколько стоит в действительности подневольная работа, по сравнению с трудом вольного рабочего? Судя по состоянию дорог, на которых работают каторжные, надо признать, что их работа, несмотря на число рабочих рук, всегда была в Гвиане мало производительна. Вытесняя свободных рабочих, работа каторжников скорей вредит, чем помогает материальному преуспению страны.

Ежегодный бюджет тюремного ведомства равняется трем миллионам франков. *Местный бюджет французской Гвианы за 1899 г. сбалансировался в сумме 3.027.750 франк.; расход Франции на эту колонию, по бюджету 1900 г.: 6.899.061 франк.*

Территория французской Гвианы разделена на тринадцать общин, пользующихся местным самоуправлением, организованных подобно общинам в других колониях и во Франции.

Впрочем, местное самоуправление было отменено на три года и восстановлено только в 1892 году, с тем ограничением, что назначение некоторых местных властей зависит от губернатора. Город Кайенна остался единственной общиной с местным самоуправлением. В тринадцати округах, к которым надо ещё прибавить тюремный округ Марони, заключается не более одной восьмой всей территории, приблизительно 13.687 гектаров. Внутренность страны остается неразделенной на округа.

Французская Гвиана разделяется на следующие округа (districts или communes), считая с запада на восток:

Округа 1-го класса—Мана, Синнамари, Макуриа, Ремир, Рура, Аппруаг. Округа 2-го класса—Иракубо, Куру, Монсинери, Тоннегранд, Матури, Ко, Ойяпок.

Тюремный округ—Марони или Сен-Лоран.

1 „Economists Francais“, 31 decembre 1892.

V. Спорная Французско-Бразильская территория

По оффициальным данным, в территории, составляющей предмет спора между Францией и Бразилией, заключается по крайней мере 260.000 квадратных километров. Эта область представляет длинную полосу, идущую от Атлантического океана до реки Рио-Бранко. С севера её ограничивают река Ояпок, горы Тумук-Умак и их западные отроги, река Арагвари и линия экватора. Однако, спор имеет серьезное значение только относительно приморской части спорной территории (le conteste de la cote), между реками Ояпок и Арагвари. На западе вся долина Рио-Бранко стала безспорно бразильской по языку, обычаям, политическим и торговым связям. Что касается до промежуточных областей, пройденных Крево и Кудро и Барбосой Родригесом, то там живут совершенно независимые индейские народности; Кудро насчитывает их около 12.700 душ. Территория, действительно оспариваемая друг у друга Францией и Бразилией, равняется приблизительно пятнадцати французским департаментом; в ней живет не более 3.000 цивилизованных жителей, по 1 на 30 квадратных километров. *По конвенции, подписанной Францией и Бразилией в апреле 1897 г., спор этот отдан на решение третейского суда.*

Ещё в семнадцатом веке эти области точно также оспаривались друг у друга Францией и Португалией. Но тогда южная их граница не могла возбуждать никаких недоразумений: её представляла великая река Амазонка. Форт Макапа, находящийся на самом берегу её устья, у линии экватора, был построен в 1688 году португальцами, потом, в 1797 году, занят французами и в том же году взят обратно португальцами. Утрехтский трактат, заключенный в 1713 году, должен был навсегда уладить спор; но вместо того он его только запутал, назначив границей владений обоих государств реку, которую никто не знал, и в устье которой не бывал ни один моряк. Что это за река *Япок* или *Винсент-Пинсон*, которую утрехтские дипломаты, невежды по части Америки, вздумали нанести на свои схематические карты? С одной стороны, португальцы указывали среди стольких прибрежных «Япоков» или «Больших рек» на ту, устье которой находится между Серебряной горой и мысом Оранж; с другой, французы имели основание говорить, что настоящая «Большая река», «Пресноводное море» Винсента Пинсона, это конечно сама Амазонка, и границей следует избрать если не её, то самую большую реку в этой местности, именно Арагвари. Можно бы наполнить целые библиотеки записками и дипломатическими документами, напечатанными по поводу этого неразрешимого вопроса. Много коммиссий занималось толкованием смысла Утрехтского трактата или собиралось для окончательного решения спорного вопроса, но их постановления впоследствии отклонялись. Наследовавшая Португалии Бразилия предъявляет те же требования, настаивая на границе по реке Ояпок. Впрочем, Бразилия предложила решить спор, избрав границей реку Карсевен.

Но история не делается по приказам; она идет своим ходом, не признавая трактатов и конвенций. В 1836 году французы основали военный пост в центре спорной территории, на озере Мапа, а четыре года спустя бразильцы заложили военное поселение Дон-Педро-Сегундо на левом берегу Арагвари. Согласно последовавшему договору, соперничествующие державы обязались очистить спорную местность, и Франция действительно очистила свой пост Мапа; но Бразилия удержала захваченную часть территории и даже в 1860 году завладела землями к северу от Арагвари, до реки Тартаругаль. Местность, прежде представлявшая пустыню, понемногу заселяется; там образовалось несколько поселений, и жители, по большей части дезертиры и беглецы из Бразилии, которым, повидимому, удобнее всего была бы независимость, стремятся выйти из своего неопределенного политического положения. Они несколько раз просили о присоединении к французской Гвиане, например в 1883 году, во время посещения их путешественником Кудро. Наконец, в 1886 году жители Кунани, главного поселения в северной части спорной территории, решились провозгласить свою политическую независимость. Но им понадобился француз-президент, и весь Париж потешался историей почтенного географа де-Ванв, вдруг превратившагося в главу государства, самое имя которого до сих пор было совершенно неизвестно, и который тотчас окружил себя дво-

ром, учредил министерство и основал национальный орден «Звезду Кунани», наделав больше командоров, офицеров и кавалеров этого ордена, чем было жителей в столице его республики. Но это правление недолго продолжалось: не прошло года, как французское правительство отрешило от должности главу нового политического организма. Независимое государство Кунани исчезло.

Какие конвенции ни последовали бы между уполномоченными и каковы бы ни были решения самих заинтересованных жителей, приближается решение вопроса, потому что этот край, прежде бывший пустыней безо всякой ценности, теперь сделался известен, благодаря исследованиям Кудро, и его богатства возбуждают аппетиты у северных и южных соседей.

Население, исчислявшееся в 1.500 душ во время провозглашения эфемерной независимости, удвоилось через шесть лет, и ежегодный оборот торговли уже достигает полутора миллиона франков. Пароходы, совершающие рейсы вдоль всего южно-американского побережья, заходя во все попутные порты, ещё совершенно не посещают берегов между устьями Ояпока и реки Мапа (называемой в бразильских документах Амапа). Тем не менее здесь происходит довольно оживленное мореходство, на шкунах, называемых *тапуе* (tapouyes), по имени одного индейского племени. Все эти суда, вместимостью от 5 до 15 тонн, местной постройки; в этом отношении независимые гвианцы опередили жителей французской Гвианы. Их маленькие речные порты, вход в которые загражден барами, доступны только для судов малой вместимости; но природа наградила их наилучшей якорной стоянкой всего побережья между устьями Ориноко и Амазонкой, именно глубокими проливом Карапапори между материком и островом Марака, который вероятно был устьем Арагвари в неособенно отдаленную эпоху. Вход в него открывается на восточной стороне острова Марака. Это убежище, находящееся в опасных морях, где иногда грохочет поророка, может современем сделаться одним из наиболее посещаемых рейдов Атлантического океана.

Жители Кунани не занимаются разработкой золотых россыпей в долинах, но, благодаря своим обширным саваннам, владеют большими стадами скота; Кудро говорит, что на пространстве между Ояпоком и Арагвари надо считать около 18.000 быков; скотоводство ведется даже вне пределов материка, именно на острове Марака, прежде совершенно пустынном. Рыбные ловли очень богаты: в озерах много рыбы *пираруку*, которую сушат и продают на рынках Кайенны и Пара. Рыбаки бьют также гарпунами морских коров и черепах и добывают рыбий клей. Жители лесов собирают каучук и другие ценные камеди.

Население, на две трети бразильского происхождения, говорит обыкновенно португальским языком; однако все знают французский язык кайенских креолов, изобилующий индейскими словами. Остальная треть населения состоит из португальцев, жителей Мартиники и французских креолов, вместе с индейскими метисами, раньше составлявшими единственное население этой страны. Эти последние известны под общим именем *тапюйос* или *тапуйес*, что на «общеиндейском» языке или бразильском тупи значит «иностранец» и «враг»; это название в конце-концов стало применяться без разбора ко всем оседлым индейцам на берегах Амазонки, даже к метисам всякого происхождения, отличающимся красноватым цветом кожи[1]. Политическое давление чувствуется преимущественно со стороны Бразилии, так как пост Педро II служит опорным пунктом для постепенного захвата территории. Даже округ Апурема, с его обширными саваннами, простирающимися к северу от Арагвари, вокруг озера Лаго-Ново, находится в полном административном подчинении коменданту форта Макапа. Бразильцы продвинулись ещё дальше, к реке Мапа, где основали колонию Феррейра Гомес. Напротив того, со стороны французской Гвианы полузатопленные земли по течению рек Уасса и Качипур принадлежат к самым безлюдным во всей спорной территории. Несмотря на это, торговля жителей Кунани и Мапа гораздо больше тяготеет к Кайенне, чем к Пара. Причина этого заключается в большей близости кайенского рынка и меньшей опасности для судов, идущих туда. С другой стороны, находится опасный залив «пресноводного моря», с его островами, течениями и пороркой.

1 Bates;—Agassiz;—Spix und Martius;—Keller-Lenzinger;—H. Coudreau, etc.

Три северные поселения в бассейне реки Уасса,—Рокауа, Курипи и Уасса,—представляют жалкия группы индейских хижин, вокруг которых бродят индейские племена палику-ров и аруа; в поселениях на реке Качипур живет всего с десяток семейств. Южнее находится два более крупных местечка: Кунани, давшее свое имя независимой республике и бывшее её столицей, и Мапа, подле которого в 1836 году французы выстроили свой маленький форт. Мапа является самым близким населенным пунктом относительно рейда Карапапори.

Оба местечка состоят из хижин, покрытых пальмовыми листьями, среди которых возвышается несколько деревянных и кирпичных зданий; но в обоих имеется по школе, и умственное и нравственное развитие населения нисколько не отличаются от наблюдаемого в соседних странах. В 1890 году была учреждена пароходная линия между городом Пара и устьем реки Мапа, с заходом на остров Байлик, у входа в Амазонское устье. Все эти мелкие населенные центры в административном отношении приняли форму «капитанств», управляясь первым капитаном, вторым капитаном и бригадиром; этим властям повинуются, «когда они обладают личными достоинствами», но их приказания не имеют ни малейшего значения, если не нравятся гражданам. Можно сказать, что в этих крошечных общинах силу закона имеет только единогласное решение. Должностные лица назначаются в общих собраниях единогласным выбором (par acclamation) и также отрешаются от должностей[1].

Глава II Бразильские Соединенные Штаты

I. Общий обзор.

Среди американских государств, населенных романскими народностями, первое место принадлежит Бразилии, уступающей только трем великим государствам мира, России, Китаю и Северо-Американским Соединенным Штатам, и по площади соперничающей с Канадой.

По Вагнеру, Зупану и др., в 1893 году поверхность больших государств, не считая колониальных империй, выражалась следующими цифрами:

Россия Европейская и Азиатская, без Каспийского и Аральского морей, но с островами —21.125.000 квадр. килом.; Китай, с Монголией, без Тибета и Кореи—9.915.000; Северные Американские Соединенные Штаты, с Аляской—9.331.360; Канада (Dominion of Canada), со всем Лабрадором и полярными архипелагами—8.191.000; Бразилия— 8.075.000 квад, килом.

По площади Бразилия почти равняется всем северо-американским государствам Южной Америки, взятым вместе, и не уступает им по числу жителей. Даже если считать народонаселение Мексики, Центральной Америки и испанских и французских Антильских островов, то Бразилия представляет одну треть «латинских» народностей Америки. Но и по занимаемой ими стране, и по происхождению и языку бразильцы резко отличаются от своих соперников испанского происхождения. По своему очертанию и рельефу Бразилия представляет полную противоположность андийским странам, лежащим вокруг неё гигантским полукольцом.

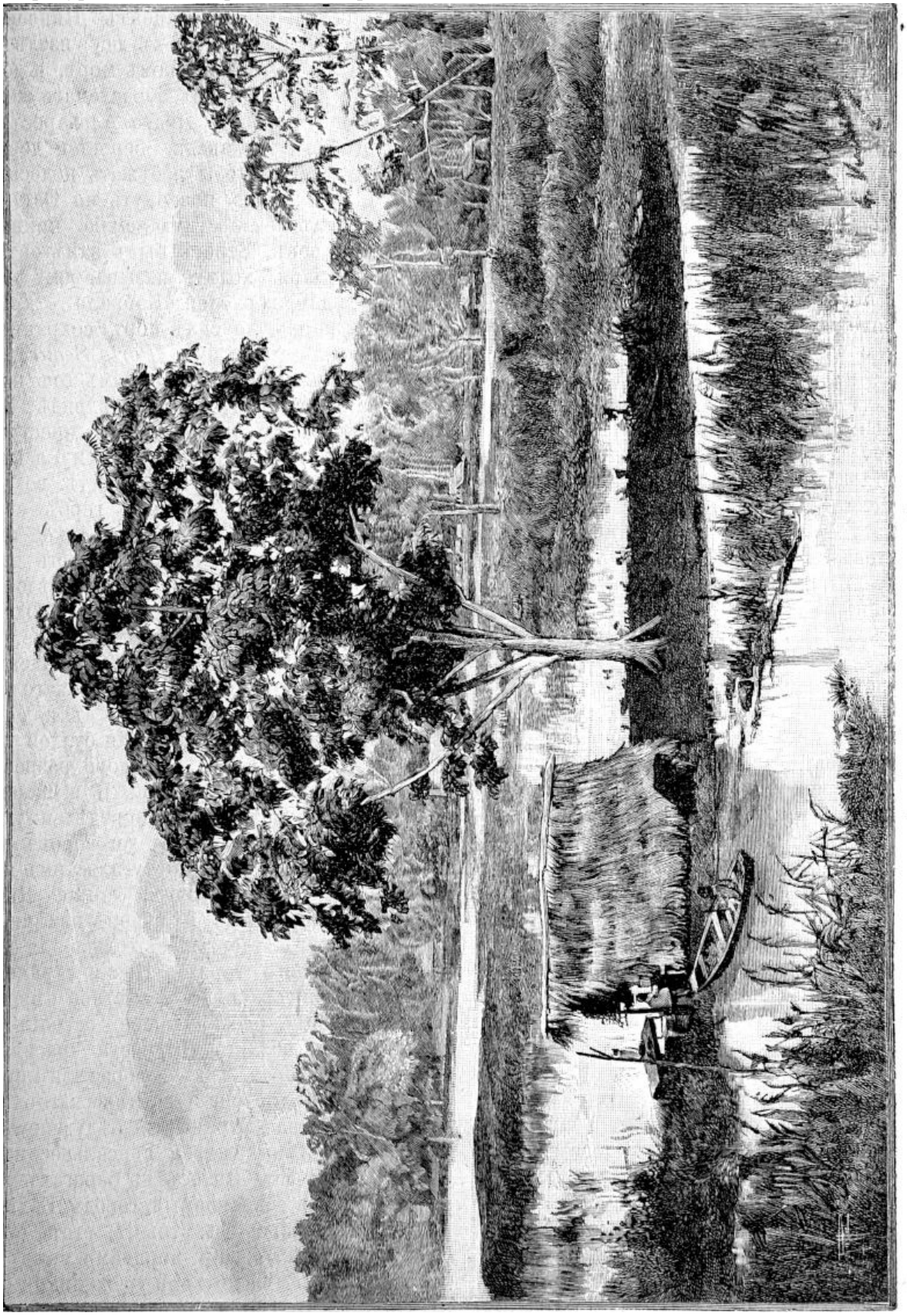
Плоскогорья и хребты гористых частей Бразилии принадлежат к орографической системе, совершенно отдельной от системы Кордильер, и даже в совокупности образуют словно другой материк, втиснутый в Южную Америку. Между обеими системами разветвляются воды великих рек Амазонки и Параны[2], истоки которых переплетаются между собой. Ни в

1 Henri A. Coudreau, „France Equinoxiale“.

2 Собственно, Парана (Parana).

одной части света нет другой обширной страны, окруженной подобной сетью рек.

Прорезываемая экватором, Бразилия отличается от андийских государств более высокой температурой и более тропической растительностью. Одна только южная оконечность Бра-

Амазонка въ наводненіе.

зилии лежит в умеренном поясе юга, представляя по площади лишь одну тринадцатую часть всей поверхности страны. Общая высота над уровнем моря в Бразилии гораздо ниже, чем в андийских странах; сообразно этому климат в ней жарче, и совершенно особая флора, фауна

и население. В 1824 году Пернамбуко и соседния государства приняли имя «Экваториальной Конфедерации» (Confederacio do Equador); это название гораздо более соответствовало действительности, благодаря их знойному климату, богатой тропической растительности и населению, с сильной примесью африканцев, чем имя Экуадор, данное республике, занимающей высокие плоскогорья, увенчанные ледниками. Хотя экватор пересекает эту республику между Квито и Ибарра, она всё-таки в своих населенных частях является страной, где царствуют ветры и холода.

Другое отличие Бразилии от испано-американских республик заключается в её относительной близости к Старому Свету. Самая короткая линия от крайней оконечности Европы, мыса св. Винцента, к Южной Америке проходит на мыс св. Рока (Sao Roque), восточную оконечность Бразилии. Пернамбуко ближе к Кадиксу, чем Гвайра или любой ближайший порт Венецуэлы, хотя всё-таки разница и не велика. Но благодаря западному выступу африканского материка, два Света сближаются гораздо значительнее. Известно, что быстроходные суда могли бы пройти эту часть океана меньше, чем в трое суток, и что железная дорога из Алжира в Сен-Луи и в Дакар имела бы естественным продолжением на другом материке железную дорогу Пернамбуко—Монтевидео.

Во времена оны бразильские негроторговцы отлично сознавали выгоды, представляемые для их торговли этой близостью Гвинеи и Бразилии: они успевали ускользать от английских крейсеров при выходе из африканских бухт и имели все шансы в неделю достигнуть до заранее назначенного берега, где добравшиеся покупатели тотчас освобождали их от живого товара. Эта торговля больше не существует, и давно уже всякия сношения прекратились между населением противоположных берегов. В настоящее время они возобновляются между Бразилией, Конго и португальскими колониями в Южной Гвинее. Вследствие исторического явления, подобного отскакиванию тела, брошеннаго об стену, мы видим, как цивилизация, внесенная из Европы в Бразилию, отсюда распространяется на страны, лежащие на противоположном берегу Атлантического океана. Физикой и историей управляют параллельные законы.

Один исторически документ приписывает открытие Бразилии некоему Иоанну Рамальо (Ioao Ramalho), умершему в Сан-Пауло в 1580 году, после предполагаемого пребывания в крае в течение девяноста лет[1]. Как бы то ни было, история забыла этого предшественника Колумба. Но известно, что, благодаря относительной близости к Европе, бразильское побережье было открыто по крайней мере восемь лет спустя после путешествия Христофора Колумба, экспедицией, даже не направлявшейся в Америку. В то время, как Винцент Пинсон и Диэго-де-Лепе продолжали к югу исследования, начатые в Антильском море, и дошли до «пресноводного моря», образуемого желтыми водами Амазонки, Педро Альварес Кабраль, огибая африканский берег и держась далеко от него, чтобы избежать полосы затишья и уже потом повернуть на Ост-Индию, встретил неизвестную землю, принятую им за остров. Берег был заметен издали, благодаря холму, называемому *monte Paschoal*; для кораблей Кабраля открылся надежный порт, до сих пор сохранивший свое первоначальное имя, *Porto Seguro*. Кабраль вступил во владение им от имени Португалии, оставил здесь в виде представителей своего народа двух преступников, чтобы те выучились местному языку и служили переводчиками, и на кресте, воздвигнутом подле порта, вырезал герб своего короля. Не зная хорошенько, что такое этот остров Вера-Круц, ничтожная часть материка, берега которого уже были обследованы на большом протяжении Колумбом, Охедой, Америго Веспуччи, Пинсоном и Лепе, Испания не предъявила прав на это маленькое владение, затерянное среди необъятного океана, и которое при том лежало в половине света, присужденной Португалии буллой папы Александра VI-го. Но оно скоро разрослось вследствие дальнейших открытий и скоро перешло идеальную границу, определенную в 1494 году Тордесильясским договором между двумя полушариями, португальским и испанским. Имя Вера-Круц, данное Кабралем открытой земле и вскоре измененное в Санта-Круц, удержалось только для одной реки и со-

1 Luciano Cordeiro, „L'Amerique et les Portugais".

седнего города. Новая страна получила в конце концов известное имя Бразилии, некогда обозначавшее остров или таинственную область, где росли красильные деревья, и которая, как воображали моряки, находилась где-то среди Атлантического океана. Эта таинственная страна в следующем году была отыскана Андреа Гонсальвесом в бухте Тодос-ос-Сантос, на берегах которой находится современный город Бахиа.

Раз сделавшись известным, этот берег был посещен многими моряками, между прочим, Гоннвилем и другими уроженцами Диэппа. Начиная с 1503 г., нормандцы совершали сюда многочисленные путешествия[1], «главным образом для приобретения *braisil*, т.е. дерева, дающего красную краску». В 1509 году был обследован весь берег Бразилии до устья Лаплаты; сюда проникли Винцент Пинсон и Диас-де-Соль. Выходцы из Европы заняли несколько мест для меновой торговли с туземцами, а в 1552 году Мартин Аффонсо-де-Суза основал две колонии, Сан-Висенте и Пиратининга, в нынешней провинции Сан-Пауло, недалеко от теперешнего города Сантос. В различные промежутки времени вдоль побережья поселились другие группы португальцев, и с 1534 года эти необъятные королевские владения были разделены на обширные наследственные капитанства, переданные владетелям, облеченным почти королевскими правами, под условием привлекать в край переселенцев и поддерживать с отечеством торговлю местными естественными произведениями. Но эти крупные феодалы, независимые друг от друга, начали выказывать также поползновения к неповиновению государю, отделенному от них океаном. Для укрепления своей власти, король дон Иоанн III в 1549 году учредил общее управление для всей Бразилии; резиденцией генерал-губернаторов был город Сальвадор (нынешняя Бахиа), названная так потому, что лежит на берегу большой *бухты*, bahia де-Тодуш-уш-Сантуш (do Todos os Santos). Колонизация происходила постепенно, не столько на основании договоров с туземцами, как посредством завоеваний. Впрочем, с года основания Бахии иезуитские миссионеры начали проникать внутрь страны для обращения туземцев в христианство и положили начало сети исследований, которые в конце концов довели иезуитов до Парагвая, к индейцам гварани, и до истоков реки Мадейры, к полосам и чикитосам. Иезуиты, естественные покровители индейцев, прилагали все усилия для защиты своих миссий и охранения своих новообращенных подданных, цивилизованных ими. Но с другой стороны жители Сан-Пауло и других южных капитанств, так называемые *мамелюки* (*mamelucos* или *tembyruca*), представлявшие помесь белых с индейцами и составлявшие главную часть португальского населения, видели в туземцах лишь источник для добывания рабов и охотились на них, как на диких зверей. Точно также и к северу от Бахии страну опустошили военные экспедиции, отправлявшиеся на завоевания обширных земель, простиравшихся до Амазонки. В конце шестнадцатого века к бразильским колониям были присоединены Сержипе, Северная Параиба, Наталь и мыс св. Рока. Потом португальцы захватили в 1610 году Сеару и, подвигаясь всё дальше вперед, в 1616 году достигли Пары, преддверья Амазонской области.

В то самое время, как португальские переселенцы захватили силой территорию, которую могли бы приобрести посредством свободных договоров, им приходилось отбиваться от чужеземных соперников, оспаривавших у них богатые бразильские владения. Так, в 1567 году португальцы отняли обратно у французов бухты Рио-де-Жанейро, где основали город, сделавшийся поздней столицей. Бразильских Соединенных Штатов. В 1615 году они отвоевали, опять таки у французов, остров Мараньян (Maranhao), к востоку от Амазонского залива. Им также приходилось отражать многочисленные набеги французских и английских пиратов; а в течение тридцати лет, с 1624 по 1654 год, на их глазах образовалась рядом с ними другая колония, основанная голландцами, которые, временно захватив столицу Бразилии, Сальвадор, распространили свою власть на всё побережье от реки Сан-Франсиско до реки Рио-Гранде-до-Норте. Столицей голландских владений был город Пернамбуко. Несколько лет голландцы владели даже Сеарой и Мараньяном. Португальские войска оказались не в состоянии обратно отнять захваченную территорию, но она освободилась благодаря усилиям

1 D'Avezac, „Nouvelles Annales des Voyages", 1869,—Gaffarel, „Histoire de Bresil francais".

самого населения,—белых, индейцев и негров,—возставшего против голландцев и выгнавшего их из Пернамбуко, после девяти лет непрерывной войны. В 1661 году Португалия и Голландия отпраздновали заключение мира, и с этой эпохи Бразилии больше не приходилось бороться с чужеземным вторжением; две французские экспедиции, Дюклерка в 1710 году и Дюгэ-Труена в 1711 г., в бухту Рио-де-Жанейро были простыми грабительскими набегами. Дюгэ-Труен взял город и принудил его заплатить большую контрибуцию.

В течение восемнадцатого столетия паулисты, т.е. жители провинции Сан-Пауло (самые предприимчивые изо всех бразильцев), продолжали посылать свои экспедиции (bandeiras) всё дальше на запад, в поисках новых земель. Они приносили оттуда золото, алмазы, драгоценные пряности. Для облегчения своего возвращения из подобных экспедиций, паулисты оставляли сторожевые посты на переходах через холмы, у начала долин, у слияния рек. Таким-то образом к Восточной Бразилии были постепенно присоединены провинции Гояс и Матто-Гроссо. Мало того, паулисты, соперничая с иезуитами во владычестве над индейцами, захватили также испанские земли в «миссиях», на реке Паране, на реке Парагвае, по ту сторону реки Маморе, до Боливии и перуанских предгорий, из года в год увеличивая владения населения, говорящего по-португальски. Таинственная полоса, отделяющая бразильские горы от предгорий Андов, мало-по-малу суживалась в пользу бразильских *sertanejos*. Эти последние познакомились, если не со всем протяжением рек, впадающих в Амазонку, то по крайней мере с областью их источников. Вся эта страна, некогда неопределенная, без ясных границ, начала представлять некоторое географическое единство. Накануне революций, долженствовавших создать её национальную независимость, Бразилия является уже во всей своей громадной величине.

С середины семнадцатого столетия первым признаком образования новой национальности является борьба партии «независимых» в Пернамбуко против голландского владычества. Тогда бразильцы боролись с людьми другого происхождения, языка и религии; но затем в последующие полтораста лет бразильцы имели много случаев проявлять вражду и к португальцам, называя их «*чужеземцами*» (foresteiros). В начале восемнадцатого века в провинциях Сан-Пауло, Минас-Жераес и Пернамбуко произошли восстания местных уроженцев, имевшие различный успех. После провозглашения независимости северо-американцев, национальные движения приобретают более серьезный характер. В тот самый 1789 год, когда по ту сторону океана началась французская революция, в Бразилии был подавлен первый республиканский заговор, уже в течение нескольких лет подготовлявшийся бразильскими студентами, жившими во Франции. Один из заговорщиков, Joaquim Jose de Silva Xavier, по прозванию Tiradentes, был повешен в 1792 году. Этот год бразильцы считают началом своей новой национальной эры[1].

Однако португальское владычество продержалось ещё много лет, благодаря новым осложнениям, вызванным наполеоновскими войнами. Принц-регент дон-Жуан (dom Joao), убегая из Португалии, должен был эмигрировать в Бразилию, где сделал столицей своей монархии Рио-Жанейро. Бразилия получила титул королевства и на отдаленную Португалию начала смотреть как на подчиненную ей. Поэтому национальная гордость бразильцев была сильно задета, когда королевское правительство вздумало восстановить прежний порядок вещей. В 1817 году в Пернамбуко, наиболее патриотическом городе, вспыхнуло республиканское восстание. Потом, в 1821 году, бразильские кортесы воспротивились отъезду дон Иоанна VI и были разогнаны штыками. Но в следующем году регенту дон Педро пришлось выбирать или возвращение в Португалию, или императорский трон независимой Бразилии. Он выбрал трон. Так совершился, почти без столкновения, окончательный разрыв: обширная колония отделилась от метрополии, почти в сто раз меньшей, и откуда впродолжении трех веков она заимствовала население, язык и нравы, явление,—аналогичное наблюдающемуся в древнем мире, когда могущественный Карфаген отделился от Тира, и колонии в Сицилии, Великой Греции, Галлии и Иберии освободились от опеки Эллады.

1 Ad. de Varnhagen, „Historia general do Brazil“.

Сделавшись распорядительницей своих судеб, Бразилия обнаружила свой настоящий характер, противоположный характеру испанских республик. Первая разница происходила от политического строя, отличия которого впрочем были более кажущимися, чем действительными; потому что если насильственное отторжение и ожесточенные войны и побудили все испано-американские государства ввести у себя конституционные республики, в то время как Бразилия провозгласила себя империей, то тем не менее все эти государства сохраняли монархический строй, подчиняясь военной диктатуре. Более важное различие представляли народности, из которых слагалось смешанное население обеих половин южно-американского материка. В Бразилии, как и в Андийских государствах, существуют сотни независимых племен, живущих в пустынях, мало известного происхождения и представляющих бесконечные помеси. Но по своему индейскому населению, смешавшемуся с европейскими переселенцами, Бразилия представляет более единства, чем окружающие её испанские республики. Большая часть туземных народностей бразильской территории, независимо от общего или различного происхождения, могла достаточно сблизиться между собой на всём пространстве от Амазонки до Параны, чтобы составить по своему «общему» языку (Lingua geral) одно семейство. Между тем испанцы должны были ассоциироваться со множеством народов, различных по происхождению и по языку,—араваками и караибами, муисками и панчесами, кичуа, аймара, арауканцами, которые представляют в южно-американской экономии бесконечное разнообразие, как и их столь разнообразная страна, с её горами, плоскогориями и долинами.

Уже значительно различаясь по расовым союзам с туземцами, португальская Америка и испанская ещё более различаются по доле африканского элемента, входящего в их население. Без сомнения, испано-американцы скрещивались с неграми, преимущественно на берегах Антильского моря и экваториальных морей, но это смешение не имеет значения в сравнении с смешением, происходившим в Бразилии между португальцами и гвинейскими неграми. Это явление, имеющее огромную важность в истории слияния рас, вызвано было близостью бразильского и африканского берегов, почти параллельных друг другу. Негры-рабы ввозились на бразильские плантации миллионами. Хотя в числе человеческого груза обыкновенно заключалось мало женщин, менее пригодных, чем мужчины, для тяжелых полевых работ, тем не менее образовывались семьи, неравенство полов сгладилось благодаря рождениям, и скрещивания народностей сделались очень часты. Можно сказать, что весь бразильский народ во всей его совокупности—смешанного происхождения, хотя большинство и выдает себя за потомков европейцев. Нет ничего удивительного в том, что честолюбие заставляет семьи хвалиться своими свободными предками, а не предками-рабами. Поэтому и всякая статистика, основанная на показаниях самих граждан, была бы лжива. Но это не важно. Каково бы ни было относительное число смешанных браков, рождения сами по себе уравнивают состав населения. Чиновники, более или менее темнокожие, без малейшего затруднения признают белыми всех, кто так о себе заявит, и выдают им бумаги, законно удостоверяющие чистоту их происхождения. Впрочем, свободный бразилец, будь он самого великолепного черного цвета и имей своими предками только гвинейцев, тем не менее признается за равного своими белыми соотечественниками.

Тем не менее изо всех стран с европейской цивилизацией Бразилия дольше всех удерживала у себя рабство негров. После провозглашения своей независимости бразильцы ещё занимались негроторговлей на законном основании. Для оффициальной отмены этой торговли понадобилось в 1826 году угрожающее давление английского правительства. Но договор не соблюдался, и негроторговля продолжалась, несмотря на британские крейсеры. Хотя в 1845 году английский парламент принял «билль Эбердина», по которому английские моряки присвоивали себе право преследовать негроторговцев в бразильских водах и даже форсировать вход в порты, негроторговля продолжалась, почти не уменьшаясь, до половины истекшего столетия. Эту торговлю оживляла уверенность получить на бразильских рынках 400 франков за каждую негритянскую «пару рук», купленную на гвинейском берегу за 100 франков. Ежегодно ввозилось от 50.000 до 80.000 рабов. Число негров, ввезенных в Бразилию с 1826

по 1851 год, противно договорам, оценивается свыше полутора миллиона душ. Но, наконец, само бразильское правительство, побуждаемое волей народа, должно было принять строгия меры, приравняв ввоз негров к морскому разбою. С этой минуты близкий конец рабства не подлежит сомнению, потому что число рабов ежегодно уменьшалось, между тем как относительное число свободных жителей увеличивалось, вследствие перевеса рождений и прилива переселенцев. Смертность среди работников-негров была исключительно велика. В 1851 году в империи считалось 2.200.000 невольников; в 1871 году их было всего 1.500.000; за двадцать лет число их уменьшилось на 700.000 т.е. почти на одну треть[1].

Уменьшение числа рабов в известной мере зависело от отпуска их на волю тем или другим плантатором. Что бы ни говорили, рабство в Бразилии ничем не отличалось от рабства в других колониях: люди, зависящие от каприза других людей, всегда должны бояться несправедливостей и жестокостей; самое их положение развращает и унижает их. На всех плантациях существовали кнуты, цепи, кандалы, железные ошейники и различные орудия пытки. Вследствие раздела наследств, банкротств и продаж с публичного торга, разлучали мужей и жен, родителей и детей. Тем не менее, бразильские плантаторы отличались менее алчным характером, чем северо-американские землевладельцы, и не ухищрялись, подобно им, оправдывать рабство негров доказательствами из Библии или из учебников антропологии. Они не ставили негру в вину цвет его кожи, не считали его ответственным за грех, приписываемый Хаму, и не возводили в систему различие рас. Они нисколько не запрещали образовывать негров и не издавали законов, имеющих целью сделать невозможной всякую эмансипацию. Освобождения негров становятся всё более и более частыми, вследствие давления общественного мнения бразильцев и других стран. В 1866 году монастыри бенедиктинцев освободили тысячу шестьсот своих рабов; их примеру последовали госпитали и разные правительственные учреждения. С другой стороны, провинции юга и севера освободились почти от всех своих «полевых негров», благодаря вывозу рабов на кофейные плантации. Невольничество имело ещё важное значение только в центральных округах.

Наконец, в 1871 году, составляющем роковую эпоху в истории народов, был издан закон о постепенном освобождении рабов, долженствовавший уничтожить рабство в течение жизни одного поколения. Была провозглашена «свобода утробы» (liberte du ventre), т.е. все дети, которые родятся, объявлялись свободными, но состоящими под опекой их хозяев, которые могли или пользоваться их работой до достижения ими двадцати одного года, или уступить их государству за 1.800 франк.

Тем же самым законом освобождались все невольники, принадлежавшие государству, правительству и выморочным имениям. Был учрежден специальный капитал для освобождения негров, и поощрялись освобождения рабов частными лицами. Все эти переходные меры сильно затрогивали старинный строй жизни, который не мог держаться в новой экономической обстановке, и, несмотря на сопротивление плантаторов, в 1888 году парламент окончательно отменил рабство. Эта мера вызвала столь сильное потрясение, что одновременно изменилось и политическое устройство Бразилии: из единой империи она превратилась в федеральную республику, почти без пролития крови. Новым общественным условиям должно было соответствовать и новое правительство. Провозглашенное освобождение коснулось 740.000 негров; таким образом, за двадцать лет число невольников уменьшилось вдвое. Но если рабство негров и исчезло, общественный строй всё ещё основан на крупном землевладении; это явление преобладает над всей современной политикой Бразилии, и от него зависит необычайное возрастание наплыва переселенцев и приезжих работников.

Бразилия, «Южные Соединенные Штаты», во многих отношениях может быть сравниваема с Северо-Американскими Соединенными Штатами. С географической точки зрения обе страны представляют любопытное сходство. Площадь обеих громадна, и они занимают центральные части симметричных материков; каждая из них орошается гигантскими сетями рек и, будучи ограничена с востока узкой полосой гор, параллельных морскому берегу, опирает-

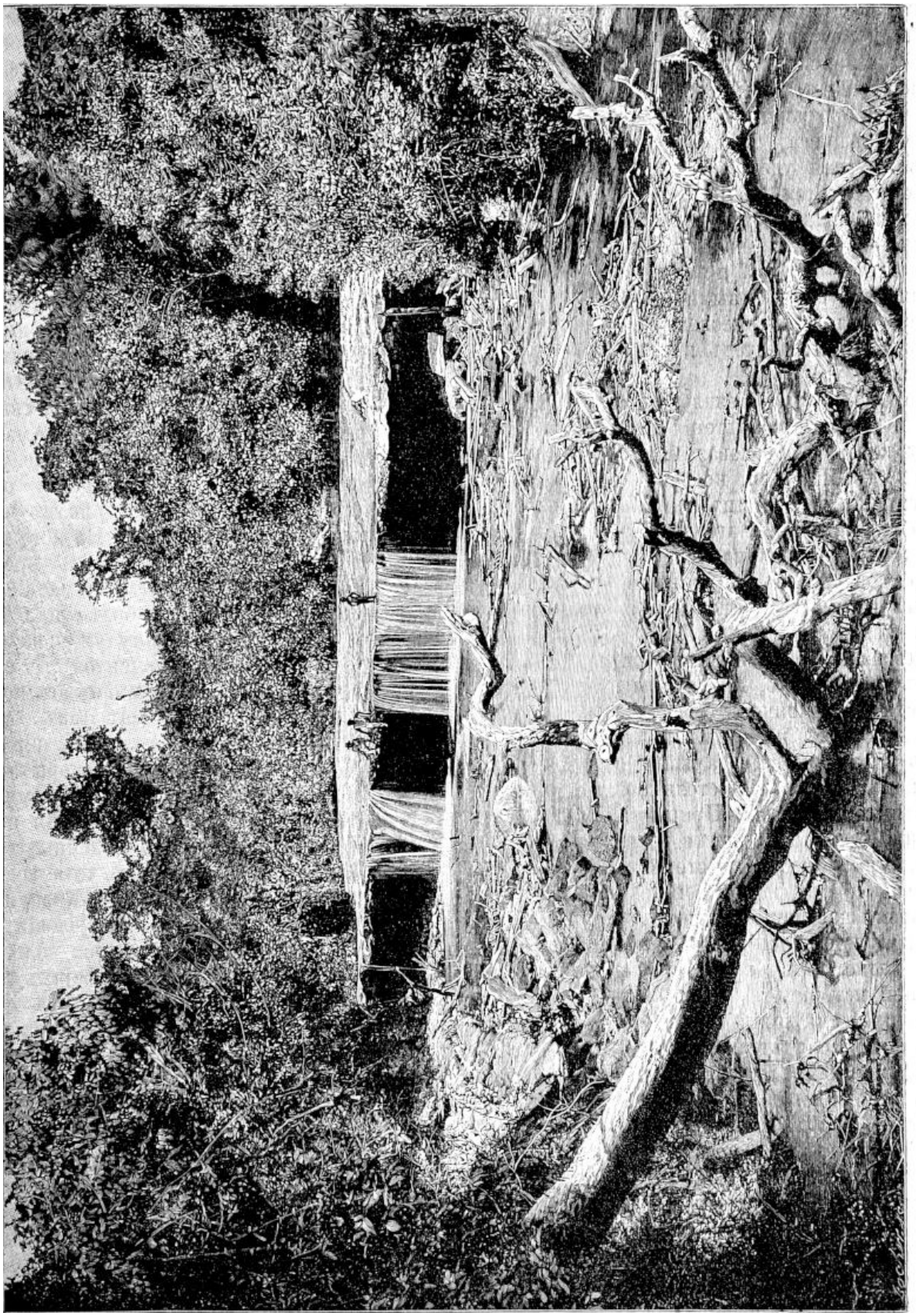
1 Augustin Cochin, „Revue des Deux Mondes“, 1871.

ся на западе на могучий горный хребет. История их также представляет поразительную аналогию, несмотря на противоположности, вызванные различием народностей, с одной стороны романского происхождения, с другой—англо-саксонского. Значительно уступая североамериканцам по своей численности, по промышленности, богатству, среднему уровню образования, бразильцы, несмотря на это, переживают эволюции, соответствующие эволюциям могущественной республики северного континента. В обеих странах сначала европейцы столкнулись с туземцами и жестоко оттеснили их внутрь страны. В Бразилии, как и в Северо-Американских Соединенных Штатах, для расчистки почвы применили привезенных черных невольников. В обеих странах образовалась плантаторская аристократия, могущество которой основывалось на добывании, почти монопольном, немногих видов сырых продуктов. Под влиянием одних и тех же причин и бразильские феодалы, подобно Южным Штатам, сильно пострадав от уничтожения невольничества, принуждены были применяться к новым экономическим условиям. Подобно южанам Северо-Американских Штатов, бразильская аристократия стремится удержать свои привилегии, участвуя в делах городских банков и пользуясь трудом переселенцев всяких национальностей. Бразилия, более удаленная от Европы, где находился первоначальный очаг её жизни, объявила свою политическую независимость позже северных колоний. Точно также она гораздо позже их пережила кризис освобождения невольников и массового вторжения переселенцев. Но нивеллирующее движение, совершающееся во всём свете, ускоряет события: уже пол-века прошло после отделения Северо-Американских Соединенных Штатов от Англии, прежде чем и Бразилия начала жить самостоятельной жизнью; потребовался вдвое меньший период времени, чтобы уничтожение невольничества в Северо-Американских Соединенных Штатах повторилось и в Бразилии, и чтобы в ней была провозглашена федеральная республика.

Обе великия державы Севера и Юга одинаково вели пограничные войны. Англо-американская республика, некогда лишенная свободного доступа к Тихому океану и кроме того искавшая дополнительных территорий для введения там своего «специального учреждения», невольничества, воевала с Мексикой и лишила её половины её владений. Бразилия также была увлечена в войну с южными соседями. На севере и западе серьезные столкновения были бы невозможны; здесь испано-американские государства отделяются от Бразилии громадными пространствами, частью неизвестными, чрезвычайно трудно проходимыми, пустынными или населенными лишь дикими индейцами. Недостаток материального соприкосновения разных народностей мешал им прибегать к силе оружия, и дипломатические пререкания относительно воображаемых границ смягчались дальностью расстояний. Не так было на юге: здесь естественные границы частей материка точно обозначены устьем реки Ла-Платы и притоком её Уругваем. Всякие другие границы до некоторой степени искусственны. Поэтому и столкновения были часты: пограничные населения часто вступали в борьбу между собой, вследствие противоположности своих интересов, и ещё в 1893 году представители Бразилии и Аргентины, собравшись в Вашингтоне, оспаривали друг у друга кусок этой территории.

Уже в семнадцатом столетии, в 1680 году, португальцы основали город Сакраменто на правом берегу реки Ла-Платы, на месте нынешней Колонии, названной так потому, что здесь была старинная португальская «колония». Впродолжении почти целого столетия две соперничествовавшие державы, Испания и Португалия, оспаривали друг у друга этот столь важный пункт побережья. В конце концов он достался испанцам. Переходное время, наступившее в Аргентине после революции в Буэносе-Айресе, и восстание креольского населения позволили португальцам снова завоевать местность Банда-Ориенталь, превратившуюся потом в республику Уругвай. В течение нескольких лет Бразилия владела всей «Циспла-тинской» провинцией. Но ей не пришлось долго пользоваться своим завоеванием. Вскоре цисплатинцы, будучи почти испанцами по происхождению и языку, восстали против владычества северных португальцев и добились признания своей независимости в 1828 году, после трехлетней войны, в которой их союзниками против бразильцев были «трансплатинцы» Буэнос-Айреса, т.е. аргентинцы. С тех пор Уругвай удержал свою независимость, что объяс-

няется природным антагонизмом двух великих держав, между которыми, он сжат,—Бразилии на севере, Аргентинской республики—на юге и западе. Но, теснимый этими могущественными соседями, слабый Уругвай в политическом отношении осужден на нейтралитет

Амазонскій пейзажъ.

или союз с одной из них.

На юго-западе бразильцы вели другие войны, не ради приобретения естественной границы, которую образовало бы слияние реки Парагвая с Параной, но ради обеспечения суще-

ствующих границ и чтобы не допустить преобладания военного государства, которое при диктатуре Солано-Лопеса едва не уничтожило совершенно равновесия держав в районе реки Ла-Платы. Война продолжалась пять лет, с 1865 до 1870 года, и в ней участвовали военные силы обоих прилаплатских государств, Аргентины и Уругвая, в качестве союзников бразильцев, помогая им на суше и на море. Эта война принадлежит к одной из самый кровопролитных в нашем столетии, столь богатом однако кровавыми войнами. Пришлось осаждать всю страну, подобно крепости, окружать её кольцом огня и железа, постепенно стягивая его, и давать битву за битвой, вымаривая в то же время население голодом. Это было почти полным истреблением целого народа, одной из катастроф, вроде описываемых в древней истории.

Не одни внешния войны, но и внутренния возмущения свидетельствует о трудностях, испытываемых Бразилией при окончательном утверждении её господства в южных округах, соседних с Лаплатой. Провинция Рио-Гранде-до-Суль, ограниченная на севере верхним течением Уругвая и связываемая с остальной Бразилией узкой береговой полосой населенных земель, неоднократно открыто восставала и даже провозглашала себя независимой республикой. С 1835 до 1840 года там совсем не признавалась власть столицы. В этой провинции число жителей испанского происхождения больше, чем в других частях страны, а общие нравы и торговые сношения обусловливают тяготение Рио-Гранде к лаплатским городам; эти центры притяжения отчасти перевешивают тяготение к бразильским городам на севере, Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро. Подобные явления аналогичны явлениям, происходящим в мире планет. Правда, по современному законодательству, Бразильская республика оффициально представляет федерацию Штатов; но провозглашения принципов в высших сферах не изменяют сути вещей, и, несмотря на речи и резолюции, продолжается борьба между стремлением правительства к централизации, как это было при империи, и требованиями населения, добивающагося административной и политической автономии.

Впрочем, географическое, единство и, как результат его, духовное сближение провинций, наиболее удаленных от центра, может только увеличиваться чрез уменьшение расстояний и заселение некогда пустынных областей. Недалеко то время, когда разветвления местных железных дорог будут связаны в одну обширную сеть, от устьев Амазонки до озера Лагоа-Мирим; пароходные рейсы уже связывают все порты по всему океанскому побережью и по всем рекам необъятной бразильской территории. На новых путях сообщения создаются села и города, и всюду начинает преобладать население португальского происхождения, более или менее смешанной крови, понемногу уменьшая численность иностранных элементов в общей массе народонаселения. Однако в эти последние годы число, переселенцев так быстро возросло, что иммиграция получила первостепенное значение, и что в некоторых провинциях самая раса будет сильно изменена.

Во время колониального управления в капитанство допускались переселенцы только португальского происхождения, хотя всё-таки при строгом надзоре за ними. Колонизация считалась хорошей только при условиях строжайшего контроля. Правительство долго видело в своих обширных владениях только ссыльную колонию: оно ссылало сюда *degradados*, т.е. преступников, лишенных всех прав, и лишь отчасти терпело свободную колонизацию. После 1870 года оно угрожает самыми тяжкими наказаниями всеми, повинным в попытках переселиться без специального паспорта. Даже уже переселившихся в Бразилию желали расквартировать, как в тюремной колонии: всякая перемена места жительства должна была испрашиваться в министерстве в Лиссабоне. Не взирая на всё это, белое население и население с примесью европейской крови постоянно увеличивалось благодаря здоровому климату береговых предгорий и внутренних областей Бразилии, а также благодаря своевольству паулистов из внутренних округов, которые свободно селились везде, где хотели, презирая законы. Им-то в особенности обязана бразильская нация своим созданием. Когда окончилось колониальное правление, после двух с половиной веков административной зависимости, в Бразилии считалось два миллиона свободного населения, т.е. две трети тогдашнего населе-

ния Португалии Старого Света, и все эти бразильцы считали своим отечеством ту же узкую береговую полосу Иберийского полуострова.

До недавнего времени Португалия сохраняла за собой важнейшую роль в своей старинной колонии, благодаря не литературе, промышленности и торговле, а благодаря высылаемым ею работникам. Ежегодно несколько тысяч человек, почти все в цвете лет, отправлялись с берегов Дуро и Миньо, с Мадеры и Азорских островов, в Бразилию, усиливать там в городах и селах португальский элемент. Переселенцев-островитян называют *Анжикос* (*Angicos*), по имени Ангра, бывшей столицы Азорских островов; может-быть, благодаря им получили свои названия многие бразильские местности,—Анжикаль, Аррайяль-дос-Анжикос. Хотя политическое разделение обоих государств и их самостоятельное развитие в конце концов создали резкую разницу между бразильцами и португальцами, эти последние легко приспособлялись к новой среде и быстро сливались с массой народа приютившей их страны, благодаря общему происхождению, почти тожественному языку и сходству нравов. После португальцев, главнейшими переселенцами в Бразилию были немцы, сначала в качестве законтрактованных, а потом и свободных переселенцев. Ужасна была смертность между истомленными голодом несчастными, доставленными компаниями эксплоататоров на берега Амазонки или в долину Мукури, тропической реки, спускающейся с плоскогорий Минас-Жераес и разделяющей своим нижним течением провинции Эспирито-Санто и Бахиа. Но немецкие переселенцы, направившиеся в умеренные области юга, в провинции Санта-Катарина, и Рио-Гранде-до-Суль, оказались гораздо счастливее и даже так хорошо зажили, что честолюбивые патриоты могли поверить в зарождение «Новой Германии» между Уругваем и Бразилией, предназначенной современем служить посредником между американскими государствами. Действительно, немецкия общины в части области Рио-Гранде, лежащей к западу от города Порто-Алегре, сделались многочисленны и богаты, в то же время достаточно сохранив свою национальную группировку, чтобы почти образовать маленькое государство в государстве; но их сила сцепления на будущее время уничтожена наплывом переселенцев другой национальности, итальянцев, которые бросились, словно во время великого переселения народов, во все части Бразилии, а главное в её южные провинции. Этот новый элемент, говорящий, подобно бразильцам, на языке латинского корня, и гораздо более гибкий, чем немцы, относительно применения к новой среде, значительно превосходит по своей численности всех других переселенцев. Не подлежит сомнению, что именно итальянцы, смешиваясь с местным населением, больше всего повлияют на изменение бразильской расы, уже столь отчетливо характеризованной помесью португальцев с неграми. Что касается до влияния белых различного происхождения, французов, англичан, северо-американцев, которых торговля и промышленность забрасывают в бразильские города, то это влияние в особенности выражается в сообщении бразильцам знаний, способов производства и условий жизни современного общества. После войны за нераздельность Северо-Американского союза, множество разорившихся южан отправились искать счастья в страну, имевшую в их глазах то достоинство, что там ещё существовало рабство негров. В Бразильских Соединенных Штатах имеются представители всех народностей. Уже во времена голландского владычества евреи составляли силу в Пернамбуко; позже инквизиция преследовала их и сжигала сотнями, но большая часть отреклась от своей веры и смешалась с остальным населением. В настоящее время евреи возвращаются, ещё более многочисленные, чем прежде, особенно из Германии и России. Цыгане, потомки сосланных из Португалии в Бразилию[1] в середине восемнадцатого столетия, бродят маленькими группами во внутренних частях страны. Китайцы начинают появляться в городах и на плантациях.

Под влиянием этой среды, бразильцы отличаются своеобразным характером. Физически они далеко не выродились и во внутренних возвышенных округах отличаются высоким ростом, силой и ловкостью. Американских португальцев считают терпеливыми, покорными судьбе, настойчивыми, кроткими и миролюбивыми, несмотря на частые войны, в которые их

1 F. Ad. de Varnhagen, „Historia general do Brasil“.

увлекали. По природе они мало честолюбивы, но отличаются замечательно гибким умом и редким даром слова: подобно испано-американцам, их можно назвать «народом ораторов». Бразильская литература свидетельствует о живости воображения и сильно развитом чувстве гармонии. Бразильский язык отличается от португальского добавлением многочисленных новых слов и местных оборотов. До провозглашения независимости Бразилия уже дала Португалии многих писателей, между прочим, Антонио Жозе-де-Сильва, которого в 1739 году сожгла инквизиция в Лиссабоне. Первый республиканский заговор (в 1789 г.) также стоил жизни самым знаменитым бразильским писателям; один покончил самоубийством в тюрьме, а двое его друзей умерли в ссылке. Жозе-Де-Ласерда, знаменитый путешественник, прошедший через Африку в 1798 году, был бразильцем, равно как Гусман (Gusmao), который изо всех новейших физиков первый устроил аэростат в 1709 году[1].

Для Бразилии открывается эра безграничного материального прогресса. Если по плотности населения она только сравняется с Португалией, своей бывшей метрополией, и тогда уже в ней будет числиться четыреста миллионов душ населения; а если по плотности населения она сравняется с Англией, то в ней будет миллиард жителей. Несомненно, что Бразилия обладает всеми природными преимуществами почвы, климата и естественных произведений, чтобы широко удовлетворять потребности людских масс, которые туда современем нахлынут. Благодаря различиям в рельефе страны и в положении относительно географической широты, люди самого разнообразного происхождения найдут в Бразилии вполне подходящую среду для полного своего развития. В Соединенных Штатах Бразилии повторяется вся поверхность земного шара, кроме полярных областей; здесь встречаются роскошные представители всех растительных форм жаркого и умеренного поясов. Бразильская флора, сама по себе удивительно богатая, ещё дополняется, благодаря акклиматизации флорами остальных частей света. И для людей, и для растений Бразилия является обетованной землей. Уже в настоящее время человечество, в лице своих белых, краснокожих и черных представителей, взаимно ознакомилось и братски примирилось в Бразилии, как ни в одной стране света.

Бразилия так обширна, что естественно подразделяется на большие отдельные области, несмотря на географическое единство всей страны, характеризующееся почти островным массивом гор, образованных кристаллическими и архейскими породами, с высоким поперечным хребтом, тянущимся с севера на юг, образуя к стороне моря крутые скаты, а внутрь страны широкия плоскогорья водоразделов между речными склонами. Почти все путешественники, заслуживающие, чтобы имена их не забывались, в виду их исследований и пройденных ими путей, должны были ограничиваться исследованием какой-нибудь одной области или даже части её, например, одной какой-нибудь реки,—столько работы требует даже поверхностное изучение этой громадной территории. Поэтому следует подразделить описание Бразилии на отдельные главы, где будут собраны характерные черты, сообщаемые путешественниками и географами относительно рельефа местности, орошения, флоры, фауны и населения каждой области. Границы естественных областей отнюдь не совпадают с границами старинных «провинций»,—теперешних штатов, образующих современную федеральную республику. Провинции действительно по большей части возникли совершенно искусственно: они нарезывались в береговой полосе на основании министерского или королевского каприза и продолжались в глубь страны, при чём даже формы местности оставались совершенно неизвестными. Число и пространство этих старинных «капитанств» изменялось сообразно обстоятельствам, от которых зависели решения монарха. Они образовали политические и административные подразделения Восточной Бразилии; позже к ним прибавили, в качестве новых провинций, западные земли, тянувшиеся вдаль, в неизвестные страны, населенные дикарями. Там, как и на побережье, нанесли на карту воображаемые границы гораздо раньше, чем сделались известны действительные. Пришлось бы совершенно изменить очертания штатов и наново сгруппировать их, чтобы связать округа с их центрами притяже-

1 Eduard Prado, „dans le Bresil“ par E. Levasseur.

ния, если бы вопросы о границах не теряли ежедневно своего значения и если бы условные размежевания не уничтожались заранее стремлением к всеобщему уравнению, придающим людям одни и те же побуждения, нравы и интересы. Что касается до природных округов, то они вообще не имеют точных границ и только относительно общих черт отличаются от обширных переходных полос, где смешиваются особенности почвы, климата, флоры и исторического развития.

Среди этих различных областей один район Амазонки занимает половину республики. Он был бы даже вдвое больше, если бы к нему прибавить все принадлежащие к бассейну Амазонки, на внутреннем скате Андов, части Венецуэлы, Колумбии, Экуадора, Перу и Боливии. Громадная река, образующая центральную ось Амазонской области, создает для неё совершенно особую жизнь: по своей природе, произведениям и народонаселению эта страна образует особый мир и обладает прямым сообщением, только ей принадлежащим, с Европой и Северной Америкой. С остальной Бразилией она до сих пор сообщается исключительно морем. К югу, по сухому пути, никакие сношения невозможны, вследствие громадных лесов, где живут дикия племена; единственно доступным представляется юго-восток. Путешествие по прямой линии от Манаос, столицы Амазонской области, к Рио-де-Жанейро, столице Бразилии, было бы на большей половине пути опасным исследованием неизвестных стран. Достаточно неприятельской эскадре занять устья Амазонки—и Бразилия будет разрезана на две столь же отдельные части, как Франция и Алжир. Поэтому неудивительно, что цивилизованное население, живущее по берегам Амазонки, всегда с неудовольствием подчинялось владычеству Рио-де-Жанейро.

Кроме Амазонской области, остальная Бразилия подразделяется на естественные провинции, не столь ясно ограниченные, хотя и представляющие заметные различия. Одну из таких географических областей составляет огромное овальное пространство, где развивается система рек-близнецов Арагвайи и Токантина и которое почти совпадает со штатом Гояз, опираясь на востоке на главный хребет Центральной Бразилии, который возвышается с севера на юг до главного центра, откуда расходятся течения рек.

Устье реки Пернамбуко служит границей другой области. Эти выдавшиеся на восток земли, разрезывающие воды большого экваториального течения и разделяющие его на две морские реки, текущие в взаимно-обратном направлении, служат также водоразделом для рек, текущих в Амазонский залив и в бассейн реки св. Франциска. Здесь лежат штаты Мараньян, Пиауи, Сеара, Рио-Гранде-до-Норте, Параиба, Пернамбуко, Алагоас, находящиеся очень близко к экватору и несмотря на это славящиеся здоровым климатом, по крайней мере в частях, доступных морским ветрам. Все они являются странами с незначительным рельефом, с широкими плоскогориями (sertaos), кое-где заросшими лесом, с холмами, усеянными деревцами и кустарниками; здесь живут скотоводы, которых продолжительные засухи периодически доводят до нищеты и необходимости переселяться. Приморский склон, где течет река Парнаиба, отделяется от бассейнов Токантина и реки св. Франциска широкими плоскогорьями, в виде амфитеатров, увенчанными хребтами гор, изгибающимися к югу; некоторые из вершин поднимаются свыше 1.000 метров.

Третью естественную область представляет пространство между горами и возвышенными плато, откуда воды стекают к реке св. Франциска, представляющей срединную артерию области и текущей параллельно берегу Океана, пока не вступит в горные теснины, приближаясь к устью. К этой области принадлежат штаты Бахия и Минас-Жераес; последний, будучи самым населенным в республике, является её истинным центром по климату, флоре, народонаселению и также по географическому положению. Штаты береговой полосы, идущие друг за другом к югу от реки св. Франциска,—именно, Сержипе, Бахия, Эспирито-Санто, Рио-де-Жанейро,—образуют внешний склон бассейна реки св. Франциска и владеют всеми естественными выходами из него, через горные проходы и ущелья рек. Эта приморская полоса представляет более крутой склон к морю, чем северные плоскогорья; здесь горы выше и ближе подходят к берегу, реки быстрей и многоводней; флора, поддерживаемая правильными

дождями, приносимыми пассатами, гораздо более богата здесь и разнообразна. Климат в приморской полосе повидимому менее здоров; несмотря на это, здесь находится один из двух самых больших городов Бразилии,—Бахиа (Bahia), прежняя столица, отделенная впрочем от многолюдных южных округов побережьем, сравнительно мало населенным, и посредине которого находится порт, где было положено начало истории Бразилии высадкой Альвареса Кабраля.

Рио-де-Жанейро, нынешняя столица, лежит в особой зоне, отчетливо ограниченной на севере глубокой долиной реки Параибы и образующей узкую полосу побережья, уклоняющуюся от общего направления остального берега. По уклону поверхности и направлению рек, эта часть Бразилии сливается с плоскогорьями провинции Сан-Пауло, но значительная часть её жителей выселилась в верхний бассейн реки св. Франциска, составляющий однако уже другую природную область.

К западу от штатов Минас-Жераес и Гояз лежит штат Матто-Гроссо, где поднимаются возвышенности водоразделов между реками системы Амазонки и реками, текущими к устью Лаплаты. Этот штат также представляет область особого характера; по своим группам деревьев, разбросанным кое-где лескам и зеленым зарослям вдоль рек она составляет противоположность и с необъятными сельвасами Амазонской области, и с травянистыми равнинами прилаплатских местностей. На этом бразильском Far West'е (Дальнем Западе) туземные народности, постепенно оттесняемые, ещё борятся против преобладания переселенцев европейского и смешанного происхождения.

Напротив того, в Южной Бразилии, орошаемой реками Параной и Уругваем с их притоками, среди её населения уже нет более индейцев, и даже чистокровные европейцы, возрастая в числе благодаря усиленным переселениям, там относительно гораздо многочисленнее, чем во всех остальных частях республики. Но в этой Южной Бразилии штат Рио-Гранде-до-Суль, нередко опустошаемый раздорами партий, представляет особую географическую область, нечто вроде острова: на севере и западе он отчетливо ограничен рекой Уругваем; а если территория бывших иезуитских миссий (Missiones), оспариваемая у Бразилии Аргентинской республикой, отойдет к этой последней, то Рио-Гранде будет связан с другими штатами только узкой полосой вроде ножки. Область Рио-Гранде образует промежуточную зону между собственной Бразилией и прилаплатскими странами, однако, значительно отличаясь от аргентинской пампы неровностями своего рельефа, своей древесной растительностью и нравами своего земледельческого населения.

Пространство и народонаселение Бразилии—8.361.350 квад, километров; 16.330.000 жителей (1890 г.), по 2 на квад. километр.

Среди географических названий бразильских местностей и городов имена индейского происхождения, особенно на языке тупи, в общем столь же многочисленны, как имена португальского происхождения. Индейские названия отличаются по крайней мере тем достоинством, что смысл их почти всегда очень ясен, означая какую-нибудь особенность природы —цвет рек, высоту, форму и вид утесов, растительность или бесплодие местности и т.п.[1]. Происходило даже национальное движение в пользу замены португальских имен названиями на языке тупи, и последний политический переворот, между прочим, имел то следствие, что бразильские карты получили более индейский характер. Все эти названия *Императрис*, *Принсипе*, *Империаль* и столько других, обязанных своим происхождением придворным льстецам, уступили место словам на языке тупи, менее привычным для европейца, но имеющим действительный географический интерес. Впрочем, одинаковые названия, всё равно португальские или тупи, необычайно многочисленны. В каждом штате есть свои Игуассу и Парана-Мирим, Шапада-Гранде, Бон-Жардин, Бон-Виста; на восточном побережьи Бразилии насчитывается не менее тридцати-девяти сел, носящих имя Сан-Жуан, а сколько ещё их внутри страны[2]! Деревни обыкновенно называются *povoacao*; словом *aldeia*, употребляемым

1 Ph. von Martius, „Nomina aliquot locorum in lingua tupi".

2 J. C. Fremont et R. H. Orr, „The East Coast of South America".

в Португалии, в Бразильской республике обозначаются только индейские деревни. В штате Минас-Жераес употребляют слово *arraial* (становище), введенное старинными золотоискателями, устраивавшими временные становища вблизи своих разработок[1].

II. Область Амазонки. Штаты Амазонский и Пара

Если под именем Амазонской области понимать только ту часть бассейна Амазонки, которая принадлежит Бразилии, без покатости реки Токантина, которую иногда тоже считают принадлежащей к гидрографической системе Амазонки, то и тогда к этой области будет принадлежать пространство, в семь раз превосходящее Францию, но, несмотря на быстрое заселение, имеющее не более полумиллиона жителей, диких и цивилизованных. С административной точки зрения, Амазонская область образует два штата—Амазонский и Пара, хотя последний частью лежит вне Амазонской области и столица его, Белем или Пара, торговый порт, куда сходятся бесчисленные морские пути, лежит к востоку от бассейна Амазонки, на боковом протоке.

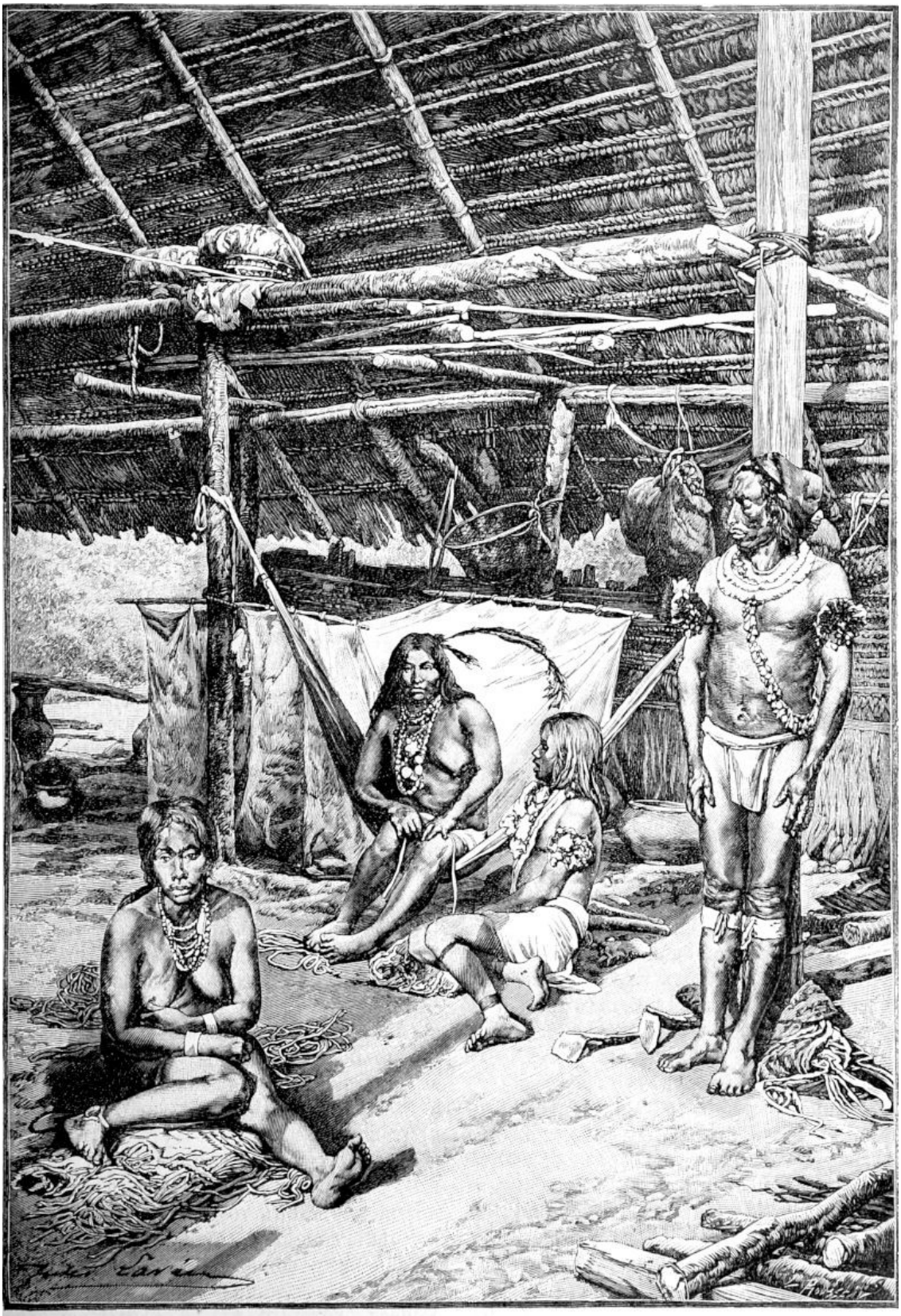
Бассейн Амазонки с Токантином (по Шишко)—6.430.000 кв. килом.; бассейн Амазонки без Токантина (по Шишко)—5.594.000 кв. килом.; Амазонская область, принадлежащая Бразилии—3.620.000 кв. килом.; штат Амазонский—1.720.000 кв. килом., 90.000 жит., по 0,05 на 1 кв. килом.; штат Пара,— 1.000.000 кв. килом., 450.000 жит., по 0,04 на 1 кв. килом.

Река Амазонка, величайшая река Южной Америки и всего света, является уже одной из больших рек южно-американского материка в том месте, где она входит в пределы Бразилии, у подножия высоких прибрежных холмов Табатинга. Начиная от Анд Уануко, она протекает 2.400 километров, сначала по своей высокой долине среди гор, параллельно берегу Тихого океана, потом по ущельям, *pongos*, через которые она вырывается из андийских областей, и наконец по равнинам Маинас, где её воды текут среди бесконечных излучин. До вступления в Бразилию Амазонка уже принимает в себя реки: Чинчипе, Пауте, Морона, Пастаса, Уальяга (которая представляет главный путь в Восточное Перу), широкую Укаяли, приносящую воды Южного Перу и представляющую настоящую большую реку по обширности своих разветвлений и длине течения; точно также она принимает реку Напо, видевшую на себе суда Гонсало Пизарро и Орельяна, первого плавателя по Амазонке; наконец, она сливается с рекой Явари, составляющей политическую границу между Перу и Бразилией. Здесь её водная масса превосходит наибольшие реки Европы; а между тем Амазонке ещё предстоит пересечь две трети ширины южно-американского материка, слиться с другими громадными реками, как Япура, Пурус, Рио-Негро, Мадейра, Тапажос, Ксингу, и потом разлиться в огромное устье, которое, ещё оставаясь рекой, уже является частью океана. На громадном протяжении своего течения Амазонка, глубина фарватера которой всюду более 50 метров, три раза меняет свое имя, словно прибрежные жителя не в силах представить её себе во всей её совокупности. В пределах Перу её называют Мараньон; от Табатинги до слияния с Рио-Негро она называется Солимонш или Альто-Амазонас, и только её нижнее течение специально обозначается по-испански именем «реки Амазонок» (Rio de las Amazonas). Побережные индейцы называли её Парана Танга (Белая река), Парана Гуассу (Большая река) и также просто Пара, т.е. вообще *река*; последнее название было присвоено одному из боковых протоков, впадающих в Амазонку; наконец, бразильцы назвали свою величественную реку поэтическим прозвищем Рио-Мар (Rio-Mar), т.е. *Река-Море*. Различные миссионеры также оспаривали друг у друга право дать этой реке имя: её называли: Сан-Франциско-де-Кито, Сан-Игнасио-де-Кито, Сан-Доминго-де-Кито[2]. Прежде чем пар превратил её в великий мировой путь, Амазонка редко посещалась. Миссионер Фриц составил первую её карту

1 De Rio-Branco, рукописные заметки.

2 Marcos Jimenez de la Espada, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“, 1891.

в 1690 году, а Ла-Кондамин исправил её после своего путешествия в 1749 году. Потом, в XVIII столетии, следует ряд прекрасных путешествий Спикса и Марциуса, Кастельно, Герндона, Джиббона, Ортона, Майерса, Спрюса, Уоллэса, Бэтса, Ла-Эспада, Агассиса, Харта и

Внутренность жилища племени тикуна.

Барбоса-Родригес. Жозэ-да-Коста-Азеведо начертил карту реки до перуанской границы. Другая гидрографическая карта, составленная Тарди-де-Монтравель; изображает нижнее течение реки.

Вступая на бразильскую территорию, могучая река, средний уровень которой всего на 82 метра возвышается над Атлантическим океаном[1] и которой остается только спокойно течь до устья, имеет уже свыше трех километров ширины между берегами и производит впечатление громадности и силы, сохраняя его вплоть до моря.

Приток за притоком сливают свои воды с главной рекой, то сквозь лабиринт лесистых островов, маскирующих приток, то широким устьем, разливающимся до краев горизонта. В одном месте воды обеих рек имеют один и тот же оттенок, содержа одинаковую долю примесей; в другом—цвета их различны и масса воды притока, то более мутная, то более светлая, беловатая или красноватая, или даже черная, хотя и прозрачная, сталкивается с движущейся преградой желтоватой Амазонки и вдруг отброшенная назад, потом прижатая к своему берегу, постепенно суживается и исчезает в более сильном потоке, крутясь под его боковым давлением. Так каждый приток, теряясь в водах Амазонки, отчасти рассказывает свою геологическую историю цветом своей воды и содержанием осадков.

Северные притоки Амазонки вытекают из полосы территории, вдвое более узкой, чем та, откуда текут южные притоки, и поэтому, как бы ни были они многоводны, они в общем приносят гораздо меньшую массу воды. Но относительно самым многоводным притоком является один из северных, Иса (Iса, называемый в Колумбии Путумайо), потому что его истоки, беря начало к северу и югу от экватора, спускаются с восточного склона гор Кито или Квито (Quito), где во все времена года бывают частые ливни и где атмосфера всегда так затемнена дождями и туманами, что постоянно приходится руководствоваться компасом[2]. Путумайо принадлежит к тем рекам, которые совершают гигантскую работу размывания, снеся значительную часть системы Андов и доведя её в Экуадоре до узкой перемычки между горными массами Колумбии и Перу. Река Путумайо начинается в более широкой части Андов, где они расходятся веером вокруг бассейна реки Рио-Магдалена. Один из её главных истоков, Гуамес или Гуамуес, вытекает из озера Коча (Cocha, что значит просто «Озеро»), отражающего в своих водах конус колумбийского вулкана. Гуамес не судоходна, но впадающие отовсюду большие реки быстро увеличивают Путумайо, и тотчас по выходе из предгорий она уже доступна для судов с осадкой в 2 метра. Река направляется на юго-восток, составляя очень острый угол с течением Амазонки; она отличается очень слабым падением относительно большой длины своего течения, и вода несется ровным движением, без порогов и быстрин, какие встречаются на верхних притоках Амазонки. Путешествия иезуитов по реке Путумайо, например, Хуана де-Соса в 1609 году, были забыты, и в настоящее время известен только факт плавания вниз по реке генерала Обандо, преследуемого колумбийскими войсками. Заслуга первого исследования Путумайо принадлежит Рафаэлю Рейес, который в 1874 году спустился по ней от притока Гинео до устья. С тех пор путешествия по ней стали довольно часты, благодаря торговле хинной корой. Симсон в 1876 году и Крево в 1879 году также плавали по Иса-Путумайо и описали её течение. Эта река часто упоминается в протоколах южно-американских дипломатов, так как её верхний бассейн оспаривался Экуадором и Колумбией, и последнее государство предъявляет права на весь левый берег до устья. Бразилия установила свою границу у Мрари, на 355 километров выше впадения в Амазонку, и гидрографическая коммиссия составила карту всей этой части Путумайо. В бразильских пределах река называется только именем Иса (Iса), данным ей индейцами омагуас. Подобно Напо, Япуре и другим амазонским притокам, берущим начало в Экуадоре и Колумбии, Иса несет обломки пемзы, вымытые из склонов вулканов, и по всем глинистым берегам Амазонки находят скопления этих камней. В 1698 году страшное извержение вулкана Кариуайрасо (Carihuairazo) превратило реки Пастасу и Солимонш в «реки грязи», как рассказывает мис-

1 Jose da Costa Azevedo, „Mappa do rio Amazonas“. По Ортону, уровень реки у Табатинга на 77 метров выше уровня моря; по Агассису,—на 80. Первые наблюдатели, введенные в заблуждение ошибками своих барометров, нашли гораздо большие высоты: 200 метров (Оникс и Марциус) и 97 метров (Кастельно).

2 Edw. Whymper, „Travels amongst the great Andes of the Equator“.

сионер Фриц, и индейцы приписывали такой цвет воды гневу богов[1].

Река Япури, или Жапура (Japura, Hyapura) берет начало в колумбийских Андах, немного севернее реки Путумайо. Один из главных её исследователей, Крево, перешел сквозь леса через мало возвышающийся водораздел, разделяющий верхние притоки обоих бассейнов. Течение обеих этих больших рек почти параллельно, только в низовьях Япура отклоняется и течет прямо на восток, словно увлекаемая в том же направлении, как Амазонка, с которой она соединяется лабиринтом протоков. Но Япура ещё не выровняла своего ложа, подобно Путумайо. Приблизительно на одной трети своего течения ниже выхода из Андов она достигает края мелового плато, глубоко в него врезываясь. Здесь речной поток справа и слева стеснен двумя высокими белыми обрывами; река, имеющая в ширину выше этого места от семисот до восьмисот метров, здесь суживаемся до шестидесяти метров, затем, по выходе из этой теснины, низвергается шумным водопадом. Ниже, обрывы песчаникового плато снова сближаются, и берега здесь так высоки, что птицы «ара устраивают в них свои гнезда», откуда этот второй порог получил имя Араракоара. За ним следует водопад, вышиной в 30 метров. До этого места поднимались Спике и Марциус, Сильва Кутиньо и другие путешественники; мало кто проходил дальше.

Перед выходом на амазонские равнины Япура спускается, маленьким водопадом, с последнего песчаникового уступа; его же на юго-западе переходит и река Иса, не теряя спокойствия своего течения, в так называемом «Фермопильском ущелье» (Pas des Thermopyles)[2]. Река Апапурис, сливающаяся с Япурой ниже порогов, считается бразильцами политической границей между принадлежащей им Амазонской областью и Колумбийскими землями, между тем как дипломаты этой испано-американской республики настаивают на назначении границы по протоку (furo) Авати-Парана, отделяющемуся от реки Солимонша и сливающемуся с Япурой, пройдя сквозь затопленные местности. Итак, в этой части своего течения, Амазонка является притоком Япуры, которая 200 километров ниже приносит ей обратно посредством многочисленных протоков свою огромную массу воды. Даже по ту сторону Япуры, в ещё неизмеренном районе, который можно считать, по крайней мере, в сотню тысяч квадратных километров, до самой реки Рио-Негро, пространство между обеими огромными реками наполнено лабиринтом озер и речек, изменяющих свой вид, смотря по разливам рек, под влиянием попеременного напора вод Солимонша и Япуры. Если, как на это повидимому всё указывает, бассейн Амазонки некогда был внутренним морем, то прежний вид его лучше всего напоминает полуозерная, полусухая область между нижним течением Япуры и Солимоншем. Здесь направление русла реки ещё не установилось окончательно.

Между реками Иса и Япура, Солимонш принимает много рек с южной стороны, между прочим Ютаи (Jutahy) и Юруа, которые всюду, кроме Амазонской области, считались бы могучими реками; в Бразилии же они представляют третьестепенные реки, бассейны которых, впрочем, ещё не были вполне исследованы. Чандлес поднимался по Юруа в 1867 году на 1.814 километров, считая в том числе все извилины русла[3]. В том месте, откуда он должен был повернуть назад, избегая нападений индейцев науас, глубина реки ещё около десятка метров, а ширина 120 метров. Другая южная река, Теффе («Глубокая»), впадает в Солимонш немного ниже устьев Япуры. Потом следует Коари, с черной водой, и, наконец, всё с той же стороны, с главной рекой сливается Пурус, посредством нескольких рукавов, разделенных лесистыми островами. Эта огромная река, ежегодный расход воды которой, вероятно, превосходит расход воды Япуры, начинается у подножия перуанских Андов, но не получает горных ручьев, подобно верхним притокам рек Путумайо и Япуры. Пурус представляет равнинную реку, равно как Ютаи, Юруа, Теффе, Коари: её громадная масса воды доставляется дождями, а не таянием снегов. Самые верхние её истоки лежат на высоте от 320 до

1 Marcos Jimenez de la Espada, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“, 1880.

2 Jules Crevaux, „Tour du Monde“, 1 semestre 1881.

3 „Journal of the R. Geographical Society“, 1869.

350 метров над уровнем океана[1].

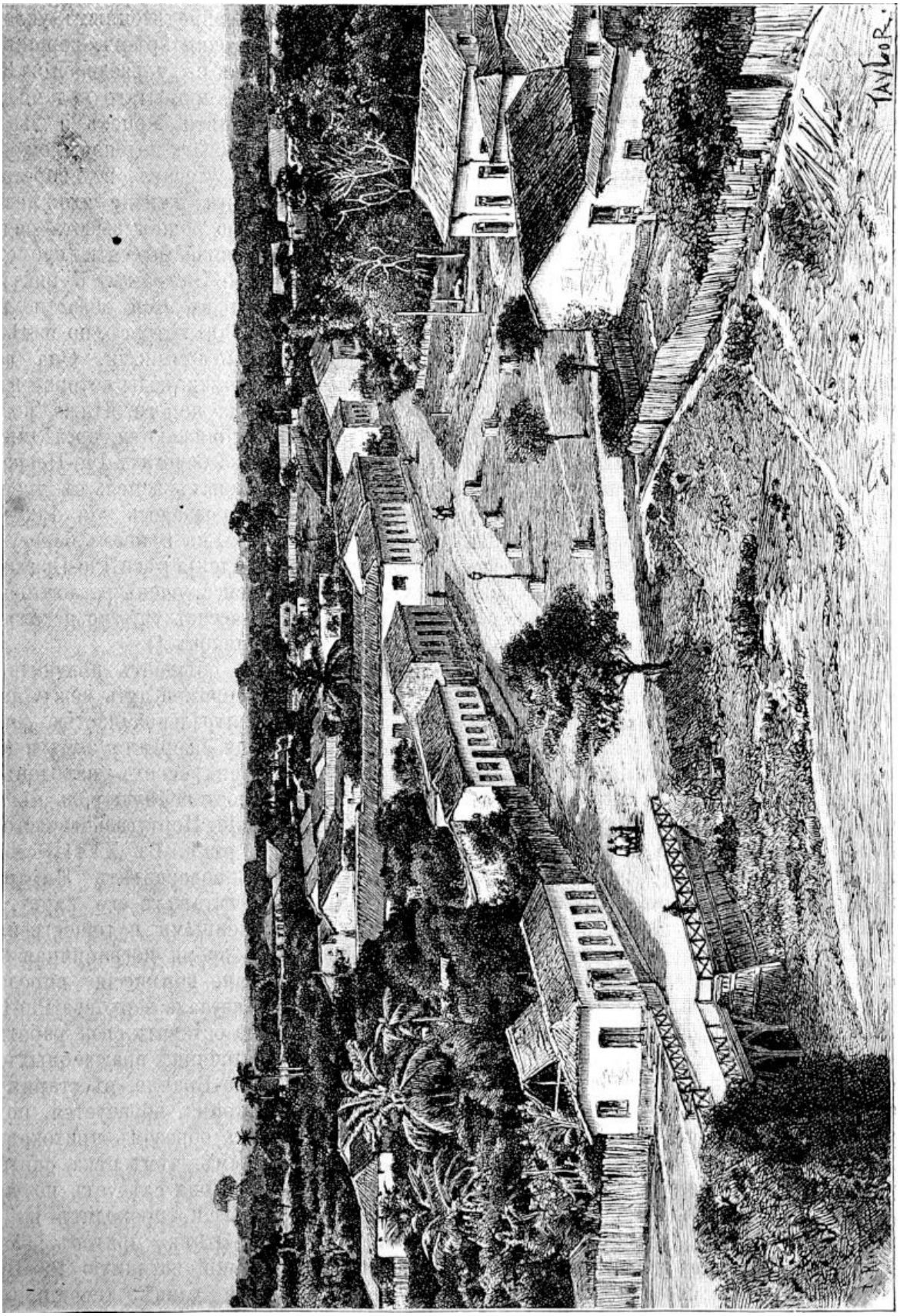
В долинах Андов её окружают верхние бассейны рек Укаяли с запада, и Мадейры с юга. По поручению бразильского правительства, Пурус исследовали следующие лица: сначала, в первой половине XIX столетия, некий Иоанн Комета; потом, в 1852 году, один бразилец из Пернамбуко, Серафим; первый исследовал реку на 1.200, а второй на 2.100 километров от устья. Но первая действительно серьезная экспедиция была совершена в 1860 году мулатом Маноэль Урбано. От него же получил главнейшие сведения Уильям Чандлес, прошедший в 1864 и 1865 годах вдоль по Пурусу и его притоку Акири, определяя астрономические пункты и составляя карту. Один из левых притоков Пуруса получил имя Чандлеса. Позже Броун и Лидстон, Эренрейх и Лабр также тщательно изучали всё нижнее течение Пуруса. На первом пароходе, поднимавшемся в 1862 году на 1.300 километров от устья, плавал ботаник Уоллис (Wallis).

Вся длина Пуруса превосходит 3.000 километров; будучи чрезвычайно извилистым, он развертывает свои кольца в виде бесконечного множества мелких излучин, которые сами образуют в совокупности дуги большого радиуса, попеременно обращенные выпуклостью то на юго-восток, то на северо-запад. Общее направление реки, параллельное всем прочим южным притокам,—с юго-запада на северо-восток. Различные притоки её, Арака, Юаку, Акири, Поиним, Мукуим, Тапауа и другие, почти все сливаются с Пурусом у выгиба одной из его крупных излучин. Пурус гораздо больше, чем Иса, может считаться типом степной реки; он на всём своем протяжении течет по древней впадине, посреди бывшего амазонского внутреннего моря. По всей длине реки её течение размыло преграды: в ней нет быстрин и порогов, и даже острова редки. Извилистое русло реки сверху до низу не представляет других изменений, кроме возрастающей ширины, и судовщики руководствуются приметами, ускользающими от обыкновенного путешественника. В своем однообразном движении река представляет чередование яров, отмелей, подмытых водой утесов и песчаных берегов. Из-года-в-год излучины русла перемещаются вследствие обвала берегов и отложения новых мелей. Изредка берега Пуруса представляют «материки», т.е. мысы из красной глины, возвышающиеся над уровнем разливов. Берега реки состоят из так называемого *varzea*, т.е. песков и разноцветных глин; ниже лежит *igapo*, образующее отмели, затопляемые при малейшем подъеме воды. Изменения уровня воды, причиняемые дождями, обозначаются по окраинам песчаных отмелей зарослями ивы и других деревьев, идущих полосами на различной высоте над уровнем низких вод. Разница в уровнях высоких и низких вод, даже недалеко от впадения в Амазонку, не менее 18 метров. В самую высокую воду Пурус заливает всю свою долину между боковыми высотами; ширина его тогда составляет уже не один километр, а двадцать и даже тридцать: воды процеживают свои осадки сквозь огромное сито, образуемое деревьями лесов. В это время года образуются боковые протоки, текущие в Амазонку, но кажется маловероятным, чтобы судоходные протоки, обозначенные на старинных картах между Пурусом и Мадейрой, существовали в действительности.

Между этими двумя главными притоками в Солимонш впадает Рио-Негро, «Черная Река», иначе Гиари или Парана-Пишуна, образуя вместе с ним реку Амазонку. Изо всех рек, носящих такое же название, эта Рио-Негро—самая многоводная; она также самая известная и лучше всех заслуживает свое имя. Все путешественники, посещавшие Рио-Негро после испанских и португальских исследователей и миссионеров,—Гумбольдт, Уоллэс, Агассис, Спикс, Марциус, Кудро,—были поражены контрастом, представляемым белыми реками амазонского бассейна, протекающими по глинистым местностям, и черными реками, менее обильными осадками, но вследствие разложения растений содержащими более перегнойных веществ; другие реки этого бассейна отличаются голубой водой. Вода Рио-Негро чиста и прозрачна, несмотря на желтоватый оттенок тонких её слоев, становящийся, по мере возрастания глубины, коричневым и наконец черным. Эта вода вредна для питья, будучи при том очень неприятна на вкус. Самый резкий контраст между различными водами на-

1 W. Chandless, „Journal of the R. Geographical Society“, 1866.

блюдается при слиянии Рио-Негро с Рио-Бранко, «Белой рекой», почти молочного цвета, выходящей из соседних саванн английской Гвианы. Ниже слияния обе реки текут в общем ложе рядом, не смешиваясь; во время ноябрьского половодья, когда Рио-Бранко обыкновен-

Предмѣстье Манаоса.

но несет больше воды, чем Рио-Негро, её воды отчетливо видны до 300 километров ниже слияния, и даже некоторые следы их можно ещё различить немного севернее Манаос. При слиянии Солимонша с Рио-Негро, воды этой последней, немного посветлев от смешения с

белыми водами Рио-Бранко, более быстро смешиваются с потоком могучей Амазонки, захватывающей воды притока широкими водоворотами. Над водой черных рек не кружатся тучи москитов; эти реки также гораздо менее богаты рыбой, и в некоторых из них совсем не встречается крокодилов, кишащих в водах соседних белых рек. Но Рио-Негро отнюдь не принадлежит к рекам, избегаемым крокодилами.

Реки и легкодоступные волоки, связывающие нижния течения Ориноко и Рио-Негро, побудили искать истоки этой последней у перешейка Атабапо. Но река Гваинна, берущая начало на западе, в равнинах у подножия колумбийских Андов, могла бы с большим правом считаться истинным верховьем Рио-Негро; а ещё более того река Рио-Уопес, или Укуярис, начинающаяся в самых долинах высоких гор, к югу от Гвавиаре (западного Ориноко). Река Уопес имеет то же направление, что и река Рио-Негро ниже их слияния, между Сан-Хоаким и Барсельос. Русла обеих рек представляют также одинаковый геологический характер, и оба одинаково образуют ряд водопадов и быстрин, вследствие преграждающих их гранитных порогов. Выше самого высокого водопада, Юрупари, река Уопес, будучи столь же «белой», как Солимонш, и населенная теми же породами рыб, проходит по безлесным равнинам у подножия Андов[1]. После 1854 года, когда Жезуино Кордейро поднимался по Уопесу до его истоков, нижнее его течение посетили несколько путешественников— Уоллэс, Страделли, Кудро; они могли констатировать, что его средний расход воды значительно превосходит расход воды верхней Рио-Негро. В зимний сезон один из притоков Уопеса соединяется боковым протоком Ира-Парана с рекою Апапурис, притоком Япуры[2]; но в летнее время болота между обоими бассейнами высыхают. В XVIII столетии многие путешественники, офицеры и купцы, проходили этим путем из одной реки в другую.

Выше слияния с рекою Уопес река, собственно называемая Рио-Негро, принимает, как известно, реку Кассикиаре, отделяющуюся от Ориноко и увеличившуюся почти на две трети во время прохождения через территорию Венецуэлы. Южнее лежит другое речное разветвление, менее известное и менее важное в гидрографической системе страны: река Бариа разделяется на две ветви, одна из которых вливается на севере в нижний Кассикиаре, между тем как другая идет прямо к Рио-Негро под именем Рио-Кабабури. Таким образом к востоку от верхней части Рио-Негро идет почти параллельный ей сплошной водяной путь, длиной около 500 километров, не представляя, впрочем, у водораздела ни малейшей пользы для судоходства. Усиленная притоком Кассикиаре, река Рио-Негро вступает на бразильскую территорию у подножия утеса в 300 метров высотой, называемого «Камень Кукуи», прекрасного гранитного пограничного столба, заметного издали с окружающих равнин. Дальше Рио-Негро течет к югу до слияния с рекою Уопес, откуда поворачивает на восток, следуя направлению более сильной реки. Здесь справа и слева реки поднимаются холмы и гранитные горы, составляющие истинный водораздел между склонами к северному морю и к восточному морю. Скалистый кряж, который, продолжаясь к северо-востоку, присоединился к горному массиву Парима, здесь был прорван водами, текущими из северных областей с неопределенным уклоном. С геологической точки зрения, вершина водораздела находится не у раздвоения Кассикиаре, но у прохода, промытого водами пятидесяти водопадов реки Уопес и двадцати пяти рек Рио-Негро. Эти водопады очень живописны по своим утесам, водоворотам и полосам пены, хотя падение их незначительно; на Рио-Негро общая высота ряда порогов на протяжении шестидесяти километров равняется всего 15 метрам. Курикуриари, самая высокая гора в этой области, достигает высоты в 1.000 метров, по измерению бразильской ученой коммиссии. Она возвышается к югу от реки, воды которой плавно текут здесь, пройдя пороги. Ниже по реке холмы постепенно понижаются; последние утесы, появляющиеся на берегах Рио-Негро, выступают из наносных земель в урочище, которое некогда называлось «la Pedreira», близко селения Мура, на правом берегу реки и немного ниже впадения реки Рио-Бранко. На этих пластах гнейса, очень разложившихся с поверхности, Агассис

1 Alfred Russei Wallace, „Narration of Travels on the Amason and Rio Negro“.

2 Spix und Martius, цитированное сочинение;—Henri A. Coudreau, „La France Equinoxiale“, atlas.

тщетно искал следов древних ледников[1].

Река Рио-Бранко обещает получить важное значение, как прямой путь между английской Гвианой и центральной частью Амазонской области, между Джорджтауном и Манаос; в истории индейских народов она всегда играла первостепенную роль в качестве пути переселений. Португальцы часто поднимались по этой реке. В XVIII столетии Сантос посетил водораздел Пирара, и Гама д'Альмейда составил его карту, мало изменённую современными путешественниками. В последнее время пограничная венецуэльско-бразильская коммиссия впродолжении четырех лет изучала верховья Рио-Бранко, не должна была оставить свои работы незаконченными по причине враждебных действий туземцев. Рио-Бранко, в старину называвшаяся Рио-Парима, образуется, подобно Рио-Негро, главным образом притоком, гораздо более длинным, чем река, считаемая главной, потому что она следует по направлению оси долины и проходит по области водораздела. Этот приток, Урарикойра, представляющий истинную Рио-Бранко по массе воды и длине течения, начинается в высокой долине среди гранитных скал гор Серра-Парима, к югу от горы Машиати, и, протекая с запада на восток, сливается, пройдя по крайней мере 600 километров, с менее многоводной рекой Такуту, которая принимает в себя ручьи горных массивов Рораимы и Каиррита и знаменитый поток Пирара, который соединяется волоком Рупунини с рекою Эссекибо в английской Гвиане. Река Мау (Mahu), называемая также Иренг, приток Такуту, славится своими водопадами: один из них, Корона, высотой в 50 метров, считается одним из «трех чудес» английской Гвианы, вместе с обрывами Рораимы и водопадом Кайетёр[2]. Воды всех этих притоков, сливаясь, образуют реку Рио-Бранко, которая течет прямо на юго-запад через саванны, потом вступает в ущелья цепи гранитных гор, состоящей из массивов различной величины и формы, которую пересекают также реки Уопес и Рио-Негро в области своего слияния. Рио-Бранко, подобно им, спускается рядом порогов (cachoeiras), недопускающих никакого судоходного сообщения между верховьями и нижним течением реки. На левом берегу её поднимается высочайшая вершина этой местности, гора Караума, достигающая приблизительно 1.150 метров[3]. Ниже заграждающих её порогов Рио-Бранко течет к Рио-Негро по почти совершенно прямому ложу, сопровождаемому по бокам многочисленными озерами и старицами, свидетельствующими о значительных переменах, совершившихся в направлении русла реки. Река Жоапири, впадающая в Рио-Негро ниже Рио-Бранко, повидимому, есть остаток одного из таких древних русл. По словам туземцев, многие реки этого бассейна в зимнее время соединяются судоходными протоками (furos).

В своем нижнем течении Рио-Негро, подобно канадским рекам, представляет скорее ряд озер, чем настоящую реку: ширина её доходит до 50 километров, значительно превышая ширину Амазонки в некоторых местах. Течение её очень медленно и иногда едва заметно; при впадении в Амазонку эта последняя часто затопляет своими водами русло Рио-Негро. Водораздел между их водами образует тот «бар» (barra), от которого город Манаос получил свое старинное имя Барра-до-Рио-Негро. Высота разливов варьирует от 9 до 10 метров, будучи менее, чем в реке Пурус. В низкую воду средняя глубина реки ещё очень значительна, равняясь 30 и даже 50 метрам; но пересекающие русло мели затрудняют судоходство в период низких вод. Маленькие пароходы с осадкой в $1{,}_{32}$ метра поднимаются по Рио-Негро до Санта-Изабель, на 726 метров выше впадения в Амазонку; но во время особенно низких вод случается, что пароходные рейсы должны прекращаться на месяц или на два. Подобно большинству рек, длина которых не определена заранее переломом гор или складкой земной поверхности, Рио-Негро постепенно отступает вправо, подмывая высокий правый берег, где местами удалось основаться группам домиков.

Река Мадейра (т.е. «Лесная»; индейцы называют её Каяри, т.е. «Белая Река») обозначает своим течением большую поперечную впадину амазонской долины. Рио-Негро начинается в

1 J. M. da Silva Coutinho, „Bulletin de la Societe de Geographie", Octobre 1867.

2 Everard F. im Thurn, „Proceedings of the R. Geographical Society", 1892.

3 Henri A. Coudreau, „La France Equinoxiale".

долинах Венецуэлы и принимает воды, текущие с колумбийских Андов; река же Мадейра берет начало в горах Боливии и в низменностях с неопределенным уклоном, на юге спускающихся к реке Лаплата. Главной рекой бассейна, и по массе воды, и по истокам, является Рио-Бени (или Вени), в которую прежде впадал исток из озера Титикака, некогда гораздо более обширного, чем теперь; но с тех пор, как климат стал суше и реки бедней водой, река Рио-Бени отделяется от этого озера наносами обломков. Соединившись с могучей рекой Мадре-де-Диос, иначе Маю-Тата или Амару-Майо («Река змей»), боливийская река Бени сливается с другим величественным потоком, рекою Маморэ, в которую впадает река Гваporэ, текущая целиком по бразильской территории, огибая западные возвышенности плато Матто-Гроссо. Река Маморэ («Мать людей»), называемая в верховьях Рио-Гранде или Гвапаи, начинается на высоте более 4.000 метров над уровнем океана, в Андах Кочабамбы и, описав вокруг этих гор большую правильную дугу, параллельную тихоокеанскому побережью, принимает в себя много рек, текущих из промежуточных низменных равнин, отделяющих орографическую систему Боливии от такой же системы Бразилии. Все эти реки текут в направлениях, сходящихся к середине древнего моря, некогда занимавшего центральную впадину южно-американского материка. Проход между южными и северными равнинами наполовину закрыт грядой утесов, состоящих из метаморфического гнейса, образующего отвесные скалы; эта гряда загораживает путь рекам и заставляет их слиться в одну, спускающуюся с уступа на уступ отвесными водопадами. Эта единственная река, образованная слиянием рек Бени и Маморэ, была названа Мадейрой первым её исследователем Франциском Пальета, в 1723 году, потому что она несет длинные ряды плавучего леса. С этой эпохи она служила для всех путешественников большой дорогой между плато Боливии и равнинами Амазонки. Из новейших путешественников тщательнее всех её изучали Д'Орбиньи, Чёрч (Church) и Келлер-Лейцингер. По наблюдениям Сельфриджа в 1878 году была составлена её гидрографическая карта в масштабе 1:100.000.

Выше слияния рек Бени и Маморэ на них уже имеются каскады, которые предположено обойти, устроив сухопутную обыкновенную дорогу и железнодорожный путь. От верхнего водопада Гвайара-Гуассу на реке Маморэ до последнего каскада, «cashoeira» Санто-Антонио, река на протяжении 380 километров в общем падает приблизительно на 60 метров. Самый высокий водопад, Рибейран, находящийся километров на двадцать ниже Бени, имеет 12 метров высоты; высота сорока пяти других изменяется от 10 метров до нескольких дециметров; вид их усложняется тысячею явлений, представляемых быстринами, водоворотами и т.п. Чтобы подняться вверх по реке, в области каскадов, плывя между водопадами и перенося лодку для обхода их, требуется от двух до трех месяцев для самых сильных гребцов. Индейские гребцы в каждой быстрине различают «голову, тело и хвосты», *cabeca*, *corpo*, *rabo*; водопад представляется им живым существом, своего рода драконом, охотно их пожирающим. Ниже водопада св. Антония, уже всего на высоте 61 метра над уровнем моря, успокоившиеся воды реки текут на северо-восток, параллельно реке Пурус, равномерным, хотя и быстрым движением, между высоких берегов и монотонных пляжей, ритмически чередующихся среди бесконечного леса. Наименьшая глубина реки в низкую воду превышает 5 метров; в некоторых местах глубина достигает 150 метров. Во время половодий расход воды превышает 39.000 куб. метров в секунду[1], равняясь сорока Луарам или Жирондам. Будучи по цвету ещё желтей, чем Амазонка, река Мадейра впадает в великую реку протоками, загражденными массой островов; один из рукавов Мадейры, называемый Парана-Мирим, т.е. «Маленькая река», отделившись от неё, впадает в Амазонку почти на 300 километров ниже, окружая обширный остров Тупинамбарамас, подразделяющийся на более мелкие острова. Многочисленные реки, как-то: Канума, Абакашис, Мауе-Ассу и другие по своему режиму аналогичны с рекой Парана-Мирим. На протяжении ста или более километр, каждая из этих рек является извилистым озером, с незаметным течением, подобным фиорду или морскому лиману. Хотя обильные, эти байюсы в верховьях, в области каскадов и порогов, при-

1 Keller-Seuzinger, цитированное сочинение.

нимают в себя лишь очень незначительные речки и даже у самого своего устья вливаются в р. Парана-Мирим узким каналом. Бар, наносимый мутными водами Мадейры, наполовину загораживает, подобно заслонке, устье, через которое медленно изливаются их черные воды.

Ниже, Амазонка не имеет притоков, которые могли бы быть сравниваемы с Мадейрой по массе воды. Северные притоки, вытекая с относительно узкого склона, у подножия гор Каиррит и Тумук-Умак, имеют в длину всего по нескольку сот километров. Многоводнее всех рек рио-Тромбетас, верхние притоки которой начинаются в саваннах; она сливается с Амазонкой, образовав предварительно разветвленное озеро; оно создалось, конечно, благодаря косе из наносов, отлагаемых Амазонкой на её берегах; эта коса задерживает, как запруда, воды притоков. Выше впадения реки Тромбетас то же явление представляют рр. Уруба, Уатума и Юмунда или Неамунда (иначе Кимери), тщательно исследованные гидрографом Барбоса Родригесом. Кроме того, опасный водоворот, «котел» (caldeirao), происходящий от столкновения течений, вынуждает суда обходить с юга устье реки Ямунды. Ниже, реки Пару и Яри, спускающиеся с гор Тумук-Умак, отличаются более правильным течением; в них меньше участков со стоячей водой, благодаря силе их течения, кое-где прерываемого порогами и даже высокими каскадами. Крево спустился в 1877 и 1879 гг. по Яри и Пару, подвергая свою жизнь крайней опасности; один из водопадов назван им «Водопад Отчаяния» (Chute du Desespoir). В 1697 году Фероллес также прошел по долине реки Пару, во главе военного отряда, чтобы завладеть постом Макапа на Амазонке.

Река Тапажос, большой приток южного склона, впадающий в Амазонку ниже реки Тромбетас, по своим свойствам напоминает реку Мадейру; он отличается от неё только неимением андийских притоков, подобных рекам Бени и Мадре-де-Диос. Имя его происходит от индейцев тапажокос, или «водолазов», совершенно истребленных португальцами[1]. Подобно Гвапорэ и Маморэ, две главные реки, образующие Тапажос, именно Аринос и Журуэна, начинаются в водораздельной области Матто-Гроссо, при чём сеть их притоков перемешана с сетью притоков Парагвая, текущих по лаплатскому склону. Эта водораздельная область, называемая Пареай, возвышается около 600 метров над уровнем моря и представляет вполне доступные волоки между обоими склонами; рано или поздно здесь искусственные каналы заменят протоки с неопределенным течением, по которым в период дождей оба бассейна сообщаются между собой непрерывными поверхностными или подземными потоками. Один из ручьев этой области водоразделов называется Сумидуро, т.е. «Воронка», что свидетельствует об известковой породе подземных пластов, изрытых галлереями[2].

Реки Аринос и Журуэна, имена которых некогда принадлежали индейским племенам, сливаясь вместе, получают имя Тапажос. Эта река течет на северо-восток параллельно реке Мадейре и подобно ей представляет русло с ровным падением, вдруг прерываемым на краю плоскогорья рядом водопадов. Шестнадцать водопадов следуют друг за другом; потом, ниже их, река Тапажос, широко разливаясь между лесистыми берегами, извивается в виде длинного судоходного плеса около 500 километров длиной. Но затем течение её прерывается новой скалистой преградой, и река образует каскад, непроходимый для судов. Броун и Лидстон, исследовавшие реку в 1875 году после Кастро, Лангсдорфа, де-Кастельно и Уильяма Чандлеса, были принуждены остановиться перед этой преградой, носящей название Сальто-Аугусто, единственной, которую ни в какое время года нельзя пройти[3]. Нижний судоходный плес имеет в длину всего 350 километров, но в этой части река Тапажос, ещё более «мертвая», чем Рио-Негро, и почти столь же черная (откуда происходит её ходячее имя Рио-Прето, т.е. «Черная»), расширяется постепенно в озеро, где течение становится незаметным. Подобно реке Тромбетас, притокам Парана-Мирим и многим другим притокам и подпритокам Амазонки, река Тапажос у устья наполовину заперта косой из наносов, отложенных течением главной реки; отверстие устья, некогда очень широкое, за последнее время сузи-

1 Spix und Martius, цитированное сочинение.

2 De Castelanau, „Expedition dans les parties centrales de l'Amerique du Sud".

3 Barbosa Rodrigues, „Bio-Tapajos".

лось до 1.200 метров. Большое озеро Виллафранка, тянущееся вверх по реке, параллельно Амазонке, почти на сто километров, обязано своим существованием этой запруде. Река Тапажос представляет самый короткий путь между устьями Амазонки и Лаплаты и конечно будет усиленно посещаться, когда удастся обойти её водопады при помощи искусственных путей сообщения[1].

Река Ксингу (Xingu), последний большой приток Амазонки в собственном смысле слова, берет начало, как и Тапажос, на плоскогорье Матто-Гроссо, но, кажется, лучше отграничена с юга и отделена от притоков Парагвая более высокой возвышенностью. Уже в верховьях река Ксингу получает значительную массу воды от впадающих в неё широко разветвляющихся речек, но, подобно реке Тапажос, не может служить для непрерывного плавания с юга на север: её русло пересекаются цепью холмов, почти под той же широтой, как и русло реки Тапажос, при чём образовался ряд каскадов и порогов, непроходимых для судов. Течение реки Ксингу некогда было так мало известно, что её южные притоки изображались на многих картах, как притоки реки Тапажос. В XVIII столетии реку Ксингу посетил иезуитский миссионер Хундертпфунд, а по нижней части поднимался, в 1842 году, принц Адальберт прусский. Наконец, исследования фон-ден-Штейнена, в 1884 и 1887 годах, позволили точно нанести её на карты. Её русло—самое неправильное между бразильскими реками, так как неровный рельеф местности заставляет реку делать неожиданные повороты. Ниже своего самого большого водопада река переменяет свое общее направление с юга на север и уклоняется к юго-востоку, чтобы обогнуть массив утесов, лежащий в сотне километров к юго-востоку. У своего устья река Ксингу, уже подверженная океанским приливам, разливается в обширное озеро, как и река Тапажос; полоса побережья, отделяющая его от Амазонки, разделена протоками на архипелаг островов, заросших лесом, между тем как лабиринт других протоков разветвляется выше слияния, вдоль южного берега Амазонки.

Этот исполинский поток Амазонок, в котором другие большие реки, как Ксингу, Тапажос, Мадейра, исчезают незаметно, сохраняет одинаковый вид на всём громадном протяжении в 3.300 километров, от Табатинги до Макапа. Ширина её гораздо постояннее ширины Рио-Негро или Тапажоса. Если не принимать в рассчет её боковых рукавов (*furos*), лабиринтов её судоходных протоков (igerapas) и так называемые *paranas*, то Амазонка почти везде достаточно узка, чтобы с середины её путешественник видел оба берега сразу, обозначаемые по крайней мере полоской зелени в туманной синеве дали. Самое узкое место, называемое иногда Обидосским «ущельем» и находящееся ниже устья Тромбетас, в эпоху разливов, в июне, представляет ширину в 1.520 метров, а по измерению Феррейра Пенна, 1.892 метра[2], среднюю глубину в 76 метров, и течение здесь делает 7.600 метров в час. Из этих цифр можно вывести, что Амазонка в эту эпоху разливов расходует в секунду не менее 100.000 кубических метров воды, не приняв ещё Тапажоса, Ксингу и других притоков[3]. Во время больших разливов излишек воды поглощается обширным резервуаром, находящимся к югу от Обидоса,—озером Лаго-Гранде-де-Вилла-Франка, 56 километров длиной и от 7 до 16 километров шириной; таким образом река и море лишаются многих миллиардов кубических метров воды[4]. Спикс и Марциус, а позднее Уоллес, определяя расход воды Амазонки в этом месте, но в период засухи и не делая промеров до самого дна, нашли его равным всего 15.000 кубическ. метров, т.е. менее десятой части расхода воды во время половодья. Количество атмосферных осадков, выпадающих в бассейне Амазонки, нельзя оценивать менее $2^1/_2$ метров; это количество громадно на восточных склонах Андов и равняется по крайней мере 2 метр. на всём огромном протяжении амазонских сельвасов, но оно незначительно в саваннах, подверженных ветрам, дующим с Гвианских гор. Если бы вся эта масса воды целиком утекала в море, потоком постоянно одинаковой величины, то расход в Амазонке равнялся

1 R. L. Tavares, „O rio-Tapajos“.
2 „A Regiao Occidental da Provincia de Para“.
3 Lewis Herndon, „Valley of the Amazon“.
4 Henry W. Bates, „A Naturalist on the river Amazons“.

бы не менее, как 500.000 кубических метров в секунду. Но ниже водопадов (saltos) и порогов (cachoeiras), в долинах всех северных и южных притоков, воды разливаются направо и налево, наполняя громадные резервуары и испаряясь там, что в значительной, ещё неизмеренной точно, степени уменьшает массу, уже столь мощную, воды в русле Амазонки.

Холм Обидос, вышиной всего метров в тридцать, принадлежит к скалистой цепи, сильно изрезанной размывом, но всё ещё явственной. На востоке она продолжается холмами Эрере, зеленеющие террасы которых тянутся к северу от Монте-Алегре, восхищая путешественников, утомленных видом бесконечных лесов по берегам Амазонки. Эти возвышенности с плоскими вершинами могут считаться типом всех высот, ограничивающих с севера и юга равнину низменных наносов, по которой течет река. Скаты холмов представляют отвесные скалы или крутые обрывы, покрытые растительностью; холмы покоятся на пластах глинистого сланца, а сами состоят из песчаника различной твердости, прорезанного на половине высоты слоем *tabatinga*, т.е. желтой или розовой глины, задерживающей почвенные воды и заставляющей их выходить на поверхность скатов в виде ручьев. Вершины холмов представляют плоские террасы, с впадинами, более или менее глубоко вырытыми непогодой. С вершины одной такой песчаниковой террасы, откуда открывается вид на извивающуюся вдали громадную Амазонку, сопровождаемую озерами, виден также на востоке и западе ряд столообразных холмов (tables), тянущийся до краев горизонта, прерываясь только зеленеющими долинами. Эта цепь высот продолжается на восток голыми, лишенными растительности, холмами Паранакоара, Велья-Побре, а далее—горами Серра-Альмейрим, заросшими до вершин прекрасными деревьями. Марциус поднимался на их плоские вершины и нашел, что высота их достигает 240 метр. Такия песчанивые террасы, более или менее устоявшие против разрушительной работы времени, были найдены по всей Амазонской долине, от Андийских предгорий до берегов Атлантического океана, на юге и на севере. Но в то время, как в центральной части амазонской низменности южные террасы отстоят от северных на восемьсот или девятьсот километров, они сближаются у Обидоса и Монте-Алегре, так как между этими городками, но на левом берегу реки, город Сантарем стоит на оконечности осыпи, состоящей из той же горной породы. Берега устья и островов в нём и дальше, за пределами Амазонского залива, берег океана, тянущийся на юго-запад к Пиауи и Сеара, состоят из подобных же скал.

Значительнейшая часть большого острова Маражо (Marajo) также принадлежит к этой геологической области, но только восточные берега его, обращенные к стороне открытого моря, возвышаются от пяти до десяти метров над уровнем моря, и здесь на каменистом грунте странствуют несколько подвижных дюн; на западной стороне острова, обращенной к Амазонке, приливы во время сизигий во многих местах покрывают остров. Волны приливов расширяют устья рек острова и дважды в сутки превращают ручьи в реки. Самая большая река острова Маражо имеет до 60 метров глубины, так как русло её беспрестанно промывается приливами и отливами. Острова Мешиана и Кавиана, лежащие к северу от острова Маражо, в устье Амазонки, подобно этому острову, представляют части древнего материка. Но речные наносы выровняли его очертания, обозначаемые заметным издали поясом пальм и других деревьев. Снаружи этого пояса расстилаются болота и озера, усеянные группами зелени. Подобные зеленые массивы известны под именем *ильяш* (*ilhas*, *острова*), и они действительно представляют острова во время наводнений[1].

Откуда произошли пласты песчаника, расположенные так правильно по той громадной площади, при чём их первоначальная горизонтальность не была нарушена, начиная с отдаленной эпохи их образования? Агассиц, искавший следы древних ледников даже в равнинах Амазонки, объясняет образование этой формации отложением ледниковых обломков, оторванных от окружающих морен, в Андах, гвианских Парима и в в бразильских горах, некогда гораздо более высоких, чем теперь. Но другие геологи, тщательно исследуя холмы Эрере и их продолжения, убедились, что их основания принадлежат к палеозойским формаци-

1 Alfred H. Wallace, цитированное сочинение.

ям, именно к каменноугольной[1]. Впрочем, какие бы причины ни вызвали образование овального цирка из песчаников и глин, лежащего, подобно громадной арене, внутри ещё более обширного амфитеатра гор и плато, нельзя сомневаться, что воды некогда покрывали

Городъ Пара со стороны рѣки.

равнину и стояли выше правильных террас верхних песчаниковых пластов: амазонская равнина была тогда дном одного громадного озера, или нескольких озер, образовавших Амери-

1 Orville A. Derby, „Ecquisse d'une carte geologique du Bresil".

канское Средиземное море, более обширное, чем Средиземное море, Старого Света, и гораздо большее также, чем группа канадских озер, откуда вытекает река св. Лаврентия. В берегах перувианского Мараньона у Пебас открыт был Ортоном между пластами разноцветной глины слой морских раковин, содержащий семнадцать видов; все они принадлежат к вымершим и относятся к концу третичной эпохи[1]. В эту эпоху Мараньон, по выходе из теснин Мансериче, изливался во внутреннее море дельтой, которая постепенно отодвигалась на восток и понемногу заполнила своими наносами равнину[2]. Может-быть, воды изливались на северо-восток, в Антильское море, по впадине, где теперь протекают Рио-Негро, Кассикиаре и Ориноко, потому что раковины верхней Амазонки походят на типы Антильского моря. Возможно, что выход на восток ещё не был открыт: мысы Монте-Алегре, высоты Сантарем, другие холмы, подходящие к берегам Амазонки, близ её выхода в море,—это всё остатки запруды, некогда запиравшей бассейн внутреннего моря и озер, лежащих на разных высотах в Андах, до озераItitaka.

Высота ежегодных разливов Амазонки уже представляет значительную часть того подъема воды, который был бы нужен для восстановления древнего водоема внутри материка. Будучи столь же регулярна в изменениях своего уровня, как Нил, Амазонка попеременно то повышается, то понижается, смотря по времени года, представляя последовательный ряд колебаний уровня, в котором туземцы видят своего рода приливы и отливы, называя их соответствующими именами, *enchente* и *vasante*. У входа в Бразилию Амазонка начинает прибывать в феврале, когда солнце, переходя к северу, ростопляет снега Андов в Боливии и Перу и заволакивает бассейн Амазонки покровом облаков, изливающих дожди. От соединенного действия таяния снегов и дождей, льющих потоками, вода постепенно поднимается на 12, даже на 15 и 16 метров, а в совершенно исключительных случаях даже на 17 метров выше уровня низких вод; разлив распространяется вниз по реке и только в апреле доходит до низовьев Амазонки, испытывая различные изменения от частных разливов каждого отдельного притока.

Река Мадейра, вытекающая из Андов южного полушария, подобно Уальяге и Укаяли, двум главным рекам, образующим Мараньон, походит на эту последнюю по своим разливам и поднимается выше всего тоже в апреле; потом, после июня, вода в ней быстро спадает и достигает самого низкого уровня в течение сентября и октября. Но в больших северных притоках, реках Япура и Рио-Негро, самое низкое стояние вод приходится на февраль и март; потом уровень их медленно повышается в течение всей весны и лета, и разлив достигает наибольшей высоты в сентябре. Таким образом в нижнем течении Амазонки устанавливается взаимное уравновешивание вод, притекающих с севера и с юга: подъему одних соответствует низкое стояние других, и уровень Амазонки всегда выше того уровня, который должен бы быть в ней во время обмелений Мараньона. Все колебания уровня притоков смягчаются в разливах, понижениях и новых подъемах (repiquetes) главной реки.

Во время половодья низкие острова исчезают, берега затопляются, рассеянные лагуны соединяются с рекой и образуют обширные внутренние моря; животные ищут спасения на деревьях, а береговые индейцы поселяются на плотах. Потом, когда вода в реке начинает спадать, возвращающиеся в русло воды подтачивают снизу размоченные берега, медленно размывают их, и вдруг в реку рушатся массы земли в сотни и тысячи кубических метров, увлекая с собой деревья и животных. Даже острова подвержены внезапному разрушению: когда ряды нанесенных водой деревьев, служившие им волнорезами, уступят напору бешеного течения, достаточно нескольких часов или даже минут для исчезновения островов, размываемых волнами. Острова тают на глазах наблюдателя, и индейцы, собиравшие яйца черепах или сушившие рыбу, бывают вынуждены стремительно бежать в свои лодки. Тогда несутся по течению длинные плоты перепутанных деревьев, то соединяющихся, то разрывающихся, нагромождающихся вокруг выступающих мысов и отлагающихся ряд за рядом

1 James Orton, „The Andes and the Amazon“.

2 W. Sievers, „Venezuela“.

вдоль берегов; на их стволах и ветвях часто плывут целые коллекции травянистых растений, птиц и обвившихся вокруг сучьев змей. Вокруг этих рядов деревьев, качающихся и тяжело ныряющих под давлением течения, подобно морским чудовищам или опрокинутым судам, плывут обширные ковры травы *каннарана* (cannarana), отчего поверхность воды походит на громадные луга. Спускаясь вниз по реке против встречного ветра, лодочники из племени тапуйос привязывают свою лодку к плывущему дереву и так спускаются, не берясь за весла. Если ветер свежеет и высокие волны начинают грозить залить лодку, то индейцы вводят её в полосу плывущей травы, ослабляющей силу волн и регулирующей их движение; затем, они спокойно продолжают путь, буксируемые плывущим вниз деревом и защищенные от волн толстым слоем трав, скопившихся у берега.

Океанские приливы доходят вверх по Амазонке до Сантарема, на 1.000 километров от Северного мыса, считаемого крайним пунктом устья реки. Но морская вода не проникает в реку; прилив только замедляет течение Амазонки и возвышает её уровень. Даже вокруг острова Мешиана, посреди Амазонского залива, вода совершенно пресная, и моряки пьют её круглый год; однако возможно, что соленая вода, более тяжелая, течет по дну под более легкими слоями воды, приносимой рекой[1]. Сильное столкновение масс речной воды и морской происходит уже в широкой части устья, где Амазонка, потеряв свою глубину, разливается по прибрежным мелям. Здесь волны, гонимые береговым течением и ветром с востока на запад, а особенно с юго-востока на северо-запад, встречаются с речным течением в месте, где оно быстро повышается. Это вызывает *пороро́ку* (pororoca): это слово, принадлежащее к одному из местных наречий, в форме *poroc-poroc*, значит, по словам Барбоса Родригес, «разрушитель» Маскарет, образующийся по линии столкновения масс воды, превосходит высотой все маскареты Сены, Ганга и Янтце-Кианга Ужасный грохот идущего пороро́ка слышен за 8 и за 10 километров. Первый вал обрушивается подобно новому бурному морю на спокойное море внизу его. Потом следуют второй, третий и иногда четвертый валы, опрокидывая и уничтожая удерживающиеся против их напора предметы. Последовательные волны, первая из которых иногда достигает высоты в 3 метра, образуют поперек устья сплошную водяную стену от берега до берега, сопровождаясь водоворотами, боковыми потоками, грозными течениями, которые топят легкия лодки и даже причиняют крупные аварии большим судам. В ожидании страшного удара пороро́ки суда укрываются в береговые протоки (esperes). Одним из опасных мест является Макапа на северном берегу устья, но всего яростнее обрушиваются валы пороро́ки на песчаные берега у Северного мыса, близ устьев Арагвари и проливов у острова Марака[2]. Расстояние, на которое доходит маскарет, изменяется при каждом приливе, в зависимости от размывания дна и отложения наносов.

Устье Амазонки, пересекаемое линией экватора, расширяется в морской залив между островом Маражо и берегами Гвианы, потом, миновав целый архипелаг островов и островков, сгруппированных вокруг острова Кавиана, образует «пресноводное море», поразившее Пинсона и после него всех других мореплавателей. Когда плывешь в устье Амазонки по её серым водам, быстро катящимся в Атлантический океан, «невольно спрашиваешь себя», говорит Аве-Лаллеман[3], «не обязано ли самое море своим существованием этой реке, непрерывно приносящей ему свои воды? Только разница в качке, производимой волнами или давлением течения, может указать, находишься ли в области моря или реки». Прямо к северу от устья, где течение отклоняется вдоль гвианских берегов, уже в 500 километрах от устья в собственном смысле слова, Сабин видел линию раздела между чистой голубой водой океана и мутной водой, приносимой течением великой реки. Им констатирована разница в содержании соли обеих масс воды, приблизительно равная одной пятой. Именно чистая морская вода содержала $33{,}_{672}$ части соли на 1.000 частей воды, а смешанная вода—$26{,}_{345}$ на

1 Alfred Russel Wallace, цитированное сочинение.
2 Henri A. Coudreau. „France Equinoxiale“.
3 „Reise durch Nord-Brasilien im Jahre 1859“.

1.000[1].

На западе, к югу от острова Маражо, устье Амазонки разветвляется в лабиринт рукавов и каналов, соединяющихся с другим устьем, именно с устьем реки Токантина. Некоторые из этих водных путей представляют широкий проход для судов; другие, очень узкие, походят скорей на галлереи из зелени—углубляющиеся в них лодки проходят под переплетающимися ветвями. Во многих местах, для предупреждения столкновений, пришлось один проток назначить исключительно для подъема вверх по течению, а другой—для спуска. При взгляде на карту кажется, что вся эта совокупность речных вод принадлежит к амазонской системе, но течения Амазонки и Токантина отнюдь не смешиваются или, по крайней мере, если их воды и сливаются, то это представляет бесконечно малую часть общей их массы. Однако западные протоки, соединяющие Амазонку с рекой Пара, наполняются водами великой реки: таким образом незначительная часть вод главного русла соединяется прямо с руслом Токантина, и река Пара до некоторой степени могла бы считаться одним из рукавов устья Амазонки. Восточный рукав, самый близкий к острову Маражо, совсем не получает воды из Амазонки, но находится под влиянием приливов, с силой поднимающихся по нему, выйдя из устья Токантина[2]. Измеряя глубину одного из этих каналов, Коуто-де-Магальянш открыл, что дно его покрыто толстым слоем торфа, далеко простирающимся под илистыми наносами.

Во внутренних областях, амазонские песчаники разрушаются действием ветра, солнца, дождя, корней растений; на берегах же океана и на островах устья они испытывают другое разрушающее действие, именно действие волн надвигающагося на сушу моря. В противоположность большинству других рек и особенно Миссисипи, с которой её часто сравнивали, Амазонка не имеет наносной дельты, выступающей далеко в море, за нормальную линию берегов. Амазонка образует громадную губу, расширяющуюся в «пресноводное море»; и геология, а равно и современная история доказывают, что это море понемногу увеличивается на счет берегов, поглощая мелкие островки, размывая окраины островов и полуостровов. Ещё сохранилась память о многочисленных землях, которые исчезли, поглощенные волнами. Берег Макапа, на северном берегу губы, значительно отодвинулся с начала столетия. Мыс Салинас, к востоку от реки Пара, уменьшился, равно как остров Санта-Анна, к востоку от Мараньяна. Остров Кавиана, в архипелаге, пересекаемом линией экватора к северу от острова Маражо, был разрезан проливом, образовавшимся от постепенного расширения двух протоков на противоположных берегах. Это постоянное завоевание берега водами океана, повидимому, происходит от общего оседания берегов.

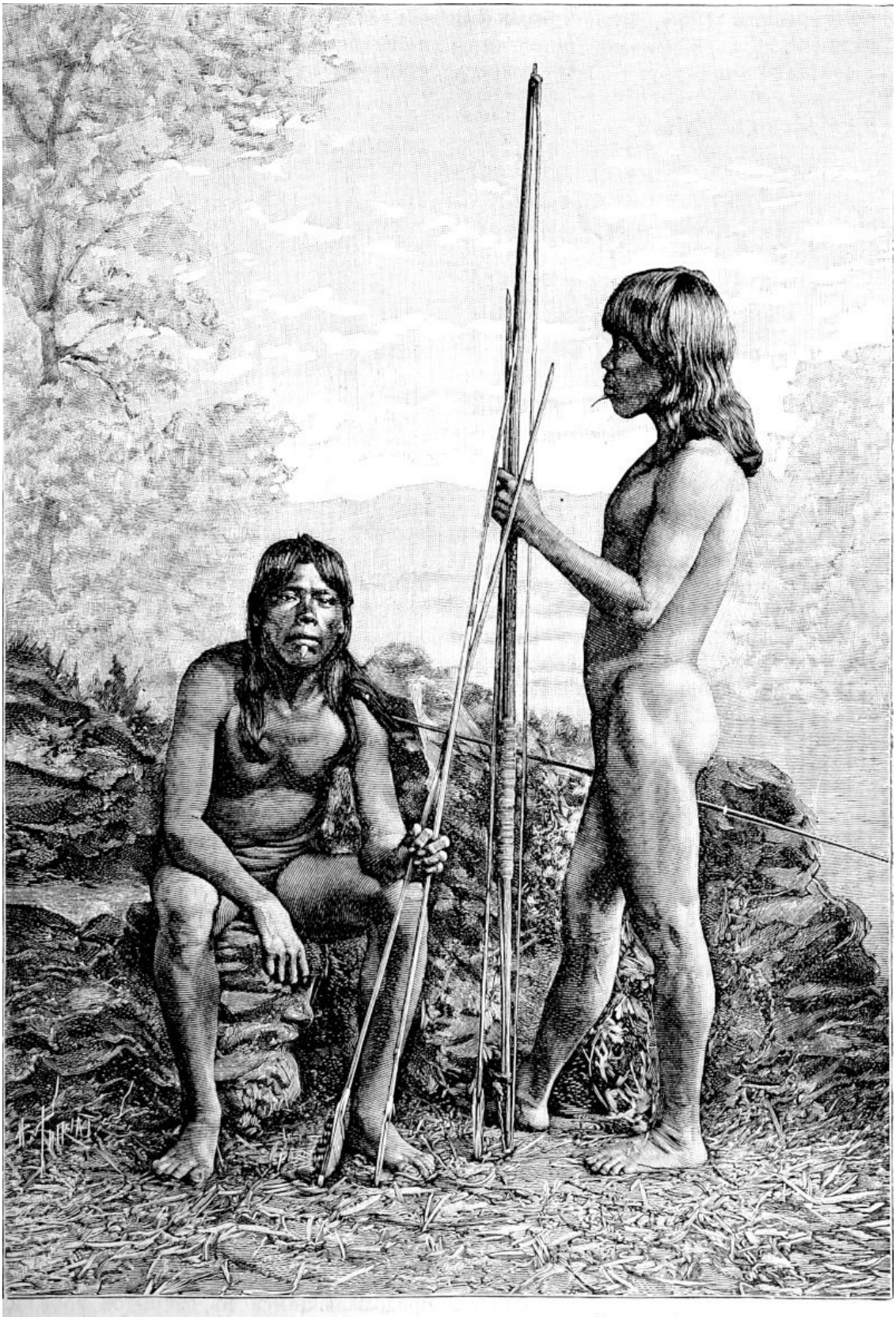
Явления, наблюдаемые в Нидерландах, которые можно рассматривать как общую дельту Рейна, Мааса и Шельды, совершаются в крупном масштабе в наносных землях Амазонки и нижнего Токантина. Но только здесь ещё нет населения, которое бы, подобно батавам, вступило в борьбу с океаном и защищало бы свои земли от напора волн системой плотин и контр-плотин, «столь же дорогих, как если бы они были построены из чистого серебра». При том, работа размывания происходит гораздо быстрей в Амазонской области, и здесь нельзя объяснять понижение суши естественным оседанием отложенных земель, как в Голландии и других «низменных странах», ибо на берегах великой реки не только подаются под шагами человека топкие слои наносов, но погружаются в воду скалы, и происходит вековое поступательное движение Атлантического океана на сушу.

Но так как Амазонская губа из года в год всё далее и далее врезывается в материк, то спрашивается—куда же деваются огромные количества осадков, приносимых течением Амазонки и выделяющихся из пресной воды при её столкновении с морской водой? Допуская, что вещества, содержащиеся в воде Амазонки в виде мути, представляют только одну трехтысячную долю её объема, уже получим массу осадков, равную 40 кубическим метрам в секунду, т.е. в день они составили бы куб, сторона которого равнялась бы 150 метрам. Оседая

1 Edw. Sabine, „Experiments to determine the figure of the Earth“.

2 Henry Walter Bates, цитир. сочинение.

в обширной губе и в открытом море до 500 километров от берегов, эти наносы быстро бы повысили морское дно и выступили бы кое-где из воды в виде илистых отмелей, если бы их не забирала с собой движущаяся масса воды большого экваториального течения, унося их или

Индѣйцы племени карайя.

заставляя передвигаться по дну в северо-западном направлении. Часть этих мельчайших осадков, относимая в бок, отлагается по побережью Гвианы, но не всегда для того, чтобы остаться там; потому что многие места берега, размываемые волнами, разрушаются и снова

начинают свое путешествие на северо-восток, в виде морских наносов. Передвижение продолжается от одного места до другого, среди массы воды и по дну, в Караибском море, в Мексиканском заливе, вдоль Малых Антильских и Багамских островов, по всем океаническим путям, проходимым течением. На этом протяжении очень многочисленны песчаные мели и береговые валы, создавшиеся из материалов, приносимых из Амазонской губы. Но больше всего осаждается наносов, повидимому, к западу от Гольфстрема, по побережью Георгии и обеих Каролин, столь замечательному своими громадными наносными равнинами и своими береговыми косами, взаимно сближающимися своими загнутыми концами. Короткие реки аппалахского склона не могут объяснить происхождение этих отлогих берегов современного образования, размеры которых превосходят все подобные образования во всех частях света. Вот здесь-то и находится, вероятно, истинная дельта Амазонки, здесь-то и отлагаются широкой полосой вдоль берегов материка осадки, непрестанно вымываемые дождями из Андов Экуадора.

Сравнительно со значительной ролью, какую играет Амазонка в истории земли, её роль в истории человека может показаться ничтожной. При том, она нам ещё, так сказать, неизвестна: можно только догадываться о первостепенном влиянии Амазонки на распределение рас и племен в период заселения Америки, и даже со времени открытия Нового Света. До половины истекшего столетия цивилизованные народы смотрели в сущности на Амазонку лишь как на чудо природы; о ней говорили с восхищением, смешанным со страхом, но ею совсем не пользовались. Суда вообще не переступали входа в это море в движении. До введения пароходов, гребное судно употребляло целых пять месяцев на подъем вверх по протокам и руслу Амазонки, от города Пара до бара Рио-Негро; а чтобы подняться против течения до границ Перу, нужно было ещё пять месяцев. В те времена путешествие вокруг света по морям, где поочередно дуют ветры во всех направлениях, было короче, чем подъем по Амазонке, совершаемый при помощи пассата, постоянно дующего с востока на запад.

Статистические данные об Амазонке и её главнейших бразильских притоках представлены в нижеследующей таблице:

Название рек		Длина в килом.	Площадь бассейна в квадр. килом.	Расход воды в кубич. метр. в секунду	Длина судоходного русла доступн. для	
					пароход.	барок
	Мараньон	2.400	1.000.000	20.000	1.450	1.800
Северные притоки	Иса	1.645	112.400	2.000	1.480	1.600
	Япура	2.800	310.000	5.000	1.560	2.500
	Рио-Негро	1.700	715.000	10.000	726	1.100
	Тромбетас	570	123.500	1.500	450	500
Южные притоки	Явари	945	91.000	1.200	800	900
	Ютаи	650	38.500	500	500	600
	Юруа	2.000	240.000	2.000	1.500	1.825
	Пурус	3.650	387.000	4.000	1.800	2.500
	Мадейра	5.000	1.244.500	16.000	1.060	1.700
	Тапажос	1.930	430.500	6.000	350	1.400
	Ксингу	2.100	395.000	4.000	120	1.500
	Амазонка	5.800	5.594.000	120.000	5.200	5.650

Введение пара и открытие великой реки с 1867 года для судов всех наций произвели в амазонском мире переворот, последствия которого умножаются с каждым годом. Область верхней Амазонки, бывшая столь отдаленной от торговых центров по своему положению внутри материка, оказалась, так сказать, перенесенной на берега океана, продолжением которых сделались берега реки Амазонок и её боковых судоходных путей, т.е. притоков и подпритоков, в общем на протяжении более 50.000 километров. Если рассматривать всю Бразилию в совокупности как остров, окруженный океаническими и речными водами, то окружность её будет около 22.500 километров, из которых 5.250 километров,—т.е. около четверти,—приходятся на воды амазонской системы, начиная от истоков реки Гвапорэ[1].

1 Река Гвапорэ впадает в реку Маморэ, которая сливаясь с рекой Бени, образует реку Мадейру.

Климат Амазонской области определяется уже самыми свойствами великой реки, ветрами, задерживающими её течение, периодическими колебаниями массы её воды, чередованием половодий и понижений уровня её притоков. Представляя собой «видимый экватор», как её часто называли вследствие направления её течения параллельно экватору, проходящему через её бассейн, от Андов до устья, Амазонка не выходит из полосы, где северо-восточные пассаты борятся с юго-восточными; вследствие их столкновения, климат этой области представляет явления, свойственные обоим полушариям. Дуют ли пассаты с северо-востока или юго-востока, в своем ежегодном течении через экваториальные области, они постоянно принимают характер низового ветра, дуя вверх по реке против течения, и таким образом, чувствуются на сотни километров от моря. Обыкновенно постоянные ветры не проникают дальше Манаоса по Солимоншу (Solimoes) и Рио-Негро; далее ветры представляют менее правильности, отклоняясь от своего нормального пути тепловыми центрами притяжения, образующимися справа и слева, особенно в льяносах Венецуэлы и в равнинах Боливии и Матто-Гроссо, где луга чередуются с лесами. Встреча легкого воздушного течения, сопровождающего поток Амазонки и дующего вверху пассата освежает атмосферу и способствует относительно здоровому климату амазонских областей, значительно превосходящему в этом отношении климат многих тропических стран. По берегам же притоков, где воздух не очищается пассатами, почти всюду господствует малярия. Констатировано, что «главные» ветры, т.е. юго-восточные пассаты, подвержены некоторым неправильностям в Амазонской губе. В апреле и в начале мая эти ветры господствуют от мыса Сан-Рок до штата Мараньян и быстро распространяются вдоль берегов, вслед за движением солнца, передвигающагося к северному тропику. Но, дойдя до устья Амазонки, они на некоторое время прекращаются или по крайней мере значительно замедляются. Может-быть, эта задержка в движении пассата происходит от препятствия, представляемого воздушным течением, сопровождающим течение реки и продолжающимся в открытое море на 250 или 300 километров от устья. Но как только пассаты минуют эту поперечную стену амазонского ветра, они тотчас устанавливаются по всему Гвианскому побережью[1]. Иногда проходит три месяца раньше, чем юго-восточный пассат дойдет от мыса Сан-Рок до р. Ориноко.

В годовом ритме сезонов правильное преобладание пассатов соответствует периоду засух, с сентября по январь, между тем как затишья совпадают преимущественно с дождями, с февраля по июль и август. Количество атмосферных осадков очень значительно и, вероятно, превышает в общем два метра для всего бассейна: страшные ливни, которыми разражаются тучи на восточном склоне Андов, возмещают редкость дождей в области саванн, закрытых для дождевых облаков завесой гор. В период засух туманы часто омрачают атмосферу. Солнце встает на чистом небе, но по горизонту тянется легкая дымка; она сгущается после полудня и постепенно поднимается к зениту; потом она заволакивает солнце и держится ещё в течение часа или двух ночью. Иногда, в начале февраля, туман продолжается даже по несколько суток, не рассеиваясь от утренних холодов, что предсказывает близкую перемену погоды. Метеорологические условия города Пара выражаются следующими цифрами: город Пара лежит под 1°17' южной широты; максимальная температура равняется 35°C, минимальная $22^{\circ},_{8}$, средняя $27^{\circ},_{22}$; дождей выпадает 3 метра. Впрочем, не замечается большой разницы в климате городов на низовьях Амазонки и на Рио-Негро, Солимонше и Мараньоне. Последние, менее подверженные действию свежих морских бриз, отличаются менее ровной температурой, с большей амплитудой колебаний. На Рио-Негро лодочники часто страдают от сильных гроз, называемых *труванду* (trovoado). Там весь год чередуются дожди и ясная погода, без особенной правильности. В Пара времена года гораздо более определенны, а между тем колебания температуры очень мало изменяются по-месячно, тогда как в Западной Европе они представляют очень значительные уклонения[2].

По громадности своих лесов жаркие и сырые амазонские страны соперничают с равнина-

1 Lartigue, „Instruction nautique sur les cotes de la Guyane francaise“.

2 Alfred R. Wallace, цитированное сочинение.

ми по реке Конго и даже превосходят их. Сплошные «сельвасы», прерываемые только реками и редкими лесными расчистками, занимают площадь, исчисляемую в пять миллионов квадратных километров, что равняется десяти поверхностям Франции. Сливаясь на северо-востоке с лесами гвианского побережья, сельва образует широкую полосу между течением Амазонки и саваннами, защищенными от морских ветров горами Тумук-Умак, Каиррит, Пакараима и Рораима. На низовьях Амазонки и близ океана сплошной лес прерывается обширными травянистыми пространствами, как и в прибрежной Гвиане, например, громадным, *campo* Аленкер (Alemquer)[1]. Северо-восточная часть острова Маражо также занята саваннами. На западе сельва расширяется, захватывая бассейн верхнего Ориноко и его андийских притоков. Восточные склоны южной Колумбии, Экуадора, Перу и Боливии также принадлежат к этому морю древесной растительности, равно как и низменности, по которым текут южные притоки Амазонки, ниже их водопадов и даже немного выше, к стороне бразильских плоскогорий: здесь по берегам рек идут густые заросли больших деревьев, дальше скаты обоих берегов покрыты лугами, а на верху их плоскогорья лишены растительности, кроме разбросанных редких кустов[2]. Долина Токантина также связывается непрерывными лесами с низменностью (дно бывшего озера), по которой разветвляются Амазонские воды. Многие области сельвы известны цивилизованным жителям только вдоль природных водяных путей: колонисты ещё не рискуют углубляться в лес по тропам, проложенным туземцами и дикими зверями.

Между тем с берегов рек нельзя видеть как следует и понять сельву. Путешественники, поднимающиеся по Амазонке, вообще видят только однообразную стену тесно стоящих древесных стволов, перепутанных лианами и сверху покрытых сплошной массой зелени; по обоим берегам реки тянутся палисады древесных стволов, частых и прямых, как тростник; основание их погружено в мрак, между тем как широко распростертая листва вершин купается в солнечных лучах. С судов, плывущих по середине реки, нельзя различить ни одной определенной растительной формы в этой стене деревьев. Чтобы получить понятие о громадном разнообразии деревьев и кустов, питаемых неистощимыми соками тропической природы, надо проникнуть в один из извилистых протоков (igarape), разветвляющихся между островками тысячи архипелагов, рассеянных по Амазонке. Здесь с берегов свешиваются самые разнообразные деревья; листва их то возносится в виде султанов, то развертывается веерообразно, то образует зонтики; а над водой качаются спускающиеся с них гирлянды цветущих лиан.

В общем амазонская флора сильно отличается от флоры собственной Бразилии. Без сомнения, в обоих много общих видов, но контрасты также многочисленны. Несмотря на широкую губу Амазонки и на продолжающий её к северу лабиринт болот, флора и фауна Пары и Кайенны представляют столь большое сходство, что их можно считать составляющими ту же самую естественно-историческую область, совершенно отличную от области Южной Бразилии. Этот замечательный факт, повидимому, подтверждает гипотезу геологов, допускающих существование в древности поперечной преграды течению Амазонки, воды которой некогда образовывали обширное внутреннее море. Виды, живущие на гвианских горах и их склонах, могли распространиться с севера на юг через земли Маражо и других островов, в настоящее время входящих в состав архипелага, а оттуда проникли в южную часть Амазонской области. Андские формы, распространяясь вниз по рекам, смешались с видами, происходящими из Гвианских гор[3].

Растения столь обширной области представляют бесконечное разнообразие местных особенностей, смотря по свойствам почвы, наносной или каменистой, песчаной или глинистой, сухой или затопленной. Так, высокие берега Амазонки, Пуруса, Мадейры и других притоков различием своих растений указывают на степень древности наносов. Новейшие пляжи

1 Henry Walter Bates, цитированное сочинение.

2 Otto Clauss, „Verhandlungen des funften Geographentages zu Hamburg“, 1885.

3 Von Martius;—H. Walter Bates, цитированные сочинения.

(igapos), возвышающиеся не более четырех или пяти метров над уровнем низких вод и занимающие во многих местах ложе древних озер, площадью, в несколько тысяч квадратных километров, покрыты высокими травами, ивами и прелестными пальмами cecropias, поднимающими в виде канделябров разрезные веера своих листьев. Пояс старых igapos узнается издали по другим деревьям, между которыми особенно замечательно каучуковое дерево (siphonia elastica). Выше полоса глин и верхних наносов, так называемых *varzea* или *vargem* (варжен), затапливаемая только во время сильных половодий, отличается зарослями, состоящими из многих видов растений, в том числе многих пальм. Затем следует *материк* (terre ferme), представляющий древнее глинистое ложе внутренних морей, осушившихся в современную эпоху. Здесь-то и ростет большинство громадных деревьев, древесина которых по прочности и красоте превосходит лучшие древесные породы Европы[1]. Растительность земель, сначала расчищенных, а потом возвращенных в первобытное состояние, точно также всегда отличается от растительности девственного леса.

Деревья, стоящие дрожащей стеной на берегах Амазонки, изумляют путешественника своей незначительной высотой, потому что, зародившись на берегах новейшего образования, они ещё не успели выроста до размеров вековых гигантов леса, ростущих уже несколько столетий. На землях, не изменявших своего вида от действия рек, не встречается, правда, деревьев, достигающих или даже превышающих сотню метров, как в Австралии и в долинах Калифорнии, но случается видеть стволы в 50 и 60 метров, распростирающие свои ветви над нижним лесом, «словно в другом мире». Таковы: мойратинга (*белое дерево* или *царское дерево*), вероятно представляющая разновидность гвианской *mora excelsa*; самаума (eriodendron samauma) и массарандуба, т.е. *молочное дерево*, сок которого пьют с кофе, но в большом количестве он может быть опасен. Крона одного гигантского сырного дерева, открытого Уоллисом на берегах Рио-Бранко, имела в окружности 158 метров, покрывая пространство около двух с половиной гектаров, где поместилось бы двадцать пять тысяч человек, правда, немного потеснившись. Другой вид бавольника, монгуба, который часто выбирают в прибрежных городах по Амазонке, для насаждения аллей, отличается от большинства тропических древесных пород тем, что совершенно сбрасывает листья перед новым распусканием почек. В туманные дни эти деревья с обнаженными ветвями, поднимающиеся над дорогами, усеянными желтыми листьями, пробуждают в северном европейце воспоминание о его далекой родине. Одну из самых характерных особенностей большинства крупных деревьев сельвы составляют могучия внешния подпорки, поддерживающие ствол, настоящие стены из древесины, расходящиеся вокруг ствола, образуя навесы, под которыми свободно может поместиться несколько человек. Кроме множества растений, прозябающих в тени между массивными колоннами стволов, бесчисленные паразиты карабкаются по коре деревьев вверх, к свету, или растут на ветвях, свесив к земле длинные воздушные корни, качающиеся и переплетающиеся с ползучими лианами, опутывая бесконечной сеткой беспредельный лес.

Пальмы, изучавшиеся в особенности «их другом» Марциусом и Барбоса Родригесом, составляют весьма значительную часть общего числа древесных пород,—именно, несколько сот,—и даже в некоторых песчаных округах и на краю саванн леса состоят исключительно из них. Во многих местах преобладает какой-нибудь один вид: так, все хижины вокруг Пара отеняются грациозной euterpe oleracea, называемой бразильцами *accaui*; на берегах рек Япуры и Иса, самой обыкновенной пальмой является пашиуба (*iriartea exhoryza*), высоко стоящая на своих расходящихся корнях, как на ружейных козлах; её волокна дают один из самых ценных материалов для тканей и веревок; в верховьях Амазонки всюду виднеются пузатые стволы пальмы барригото (*iriartea ventricosa*). Пиассаба, растущая в изобилии в бассейне Рио-Негро, доставляет волокно, очень ценимое англичанами для выделки канатов; а волокно пальмы тукум (*astrocaryum vulgare*), ростущей по рекам Пурус и Юруа, употребляется для более тонкой пряжи. Форма пальм чрезвычайно разнообразна, смотря по их породам: пальма *bactris* скорей напоминает тростник; хотя она достигает 4 и 5 метров в вышину,

1 Keller—Leuzinger, „Vom Amazonas und Madeira"—Bates, цитиров. сочинение.

стволики её не толще пальца. Другая пальма даже превращается во вьющееся растение: это *desmoncus*, стебли которой снабжены маленькими крючками, цепляющимися за кору деревьев. Нет ни одного растительного семейства, в числе представителей которого не было бы лиан. Что касается древовидных папоротников, то их совсем нет в низменных местах Амазонской области; они встречаются только на склонах Андов или гор Парима.

Сельва удивляет европейского путешественника отсутствием ярких цветов. Орхидеи с их роскошными цветками редко встречаются в амазонских лесах; чтобы найти их, нужно подниматься на склоны гор Экуадора и Колумбии. Пышные гирлянды цветов с широкими венчиками, сверкающими яркими красками, с сильным ароматом, встречаются только по опушкам лесов, на отдельных деревьях среди травянистых лугов (campos) или на зеленом ковре саванн. В некоторых частях сельвы не встречается также плодов, между тем как в других местах заблудившийся индеец находит их в изобилии. Песчаные откосы берегов рек, обращенные к солнцу, покрыты зарослями кажу (*onacardium occidentale*)[1], шлемообразный плод которого считается очень вкусным; французы на Антильских островах называют его забавным именем «pomme d'acajou»; ежегодный сбор этих плодов является для туземцев эпохой, по которой они считают свои года. Гуажеру (*chrysobalanus icaco*), ростущая на плоских морских берегах, дает ягоды, а дикий ананас (bromelia abacaxi)—свои шишкообразные плоды, увенчанные султаном листьев. *Inga lucida*, ростущая по опушкам лесов, доставляет съедобные стручки, а дальше, в глубине лесов, вьются различные пассифлоры, покрытые вкусными плодами[2]. Различные породы пальм дают свои побеги, плоды различного вида и сок своих стволов. Одно из самых крупных деревьев сельвы, *lecuthis ollaria*, отличается громадными плодами, в виде природных сосудов, наполненных миндалем; после созревания эти плоды отделяются от своей крышки и с треском падают на землю, рассыпая свое содержимое, чем пользуются дикия животные. Другое дерево из того же семейства, американский орех (chataignier du Bresil, *bertholletia excelsa*), роняет свои плоды в цельном виде. Когда эти тяжелые ядра отделяются от ветвей, падая с высоты в тридцать метров, можно издали слышать треск ломаемых ими сучьев. Среди индейцев часто бывают несчастные случаи, причиняемые подобными внезапными падениями, хотя они и прибегают из предосторожности к постройке закрытий, вроде блиндажей с толстой и очень покатой крышей: блокируемые таким образом, они ожидают падения плодов, из которых добывают орехи.

Что касается других продуктов леса—дорогих пород дерева, каучука, различных камедей, смол и содержащих камфору веществ, лекарственных растений, волокнистых и красильных,—то ботаники насчитывают их тысячами, и промышленность всё более и более знакомится с ними и утилизирует их.

Во многих пространствах леса царит мертвая тишина, и можно бы подумать, что фауна здесь очень бедна; однако, если особи и немногочисленны, то самые виды животных представляют поразительное разнообразие. За время своих одиннадцатилетних исследований Амазонской области, натуралист Бэтс (Bates) собрал 14.712 видов животных, из них восемь тысяч совершенно новых для науки. Жизнь кипит даже в пустынных, повидимому, частях леса; внизу, в темноте, почти не встречается животных, но в освещаемых солнцем ветвях кишит целое население насекомых, птиц и даже млекопитающих. В этих странах, где деревья и лианы усиливаются подняться вверх, и животные также стремятся подняться в верхния области, освещаемые солнцем и обвеваемые ветром.

---

1 Желторумяный плод в форме груши, кость которого, в виде большого боба, растет наружу и очень ядовита. (Ионин, *По Южной Америке*, т. I. стр. 25).

2 Von Martius, „Zur Ethnographie Americaś, zumal Brasilienś".
Пассифлора (кавалерская звезда) по-бразильски называется *маракужа* (maracuja), а по-испански *гренадилья* (grenadilla); её плод похож по форме на большой трапезундский лимон, с довольно мягкою, но толстою корой, наполненный внутри мягкими семечками в полужидком пахучем розовом сиропе, который, разрезав, едят ложкой. Это освежительный и легкий плод—утоляет жажду, не наполняя желудка водой, что при путешествиях в тропиках очень важно. (Ионин, *По Южной Америке*, т. 1, стр. 24).

Большая часть амазонских четвероногих так хорошо изменила свою природу, приспособляясь к новой среде, что легко странствует с дерева на дерево. Земные млекопитающие Амазонской области немногочисленны и почти все небольших размеров: самое крупное из них тапир, но он всё-таки гораздо меньше северо-американских лося (orignal, moose) и бизона. Но взамен того существует 38 видов амазонских обезьян; все они принадлежат к лазающим, все обладают цепкими хвостами. Особый вид медведя, *cercoleptes*, также живет исключительно на деревьях. Из четырех видов муравьееда (*myrmecophaga*), изучавшихся Бэстом в лесах Амазонской области, три живут на деревьях. Семейство ленивцев, к которому некогда принадлежал колоссальный магатериум, в настоящее время представлено здесь только живущими на деревьях видами. Кроме этих животных и различных видов белок, ветви и стволы деревьев служат жилищем множеству змей и гадов.

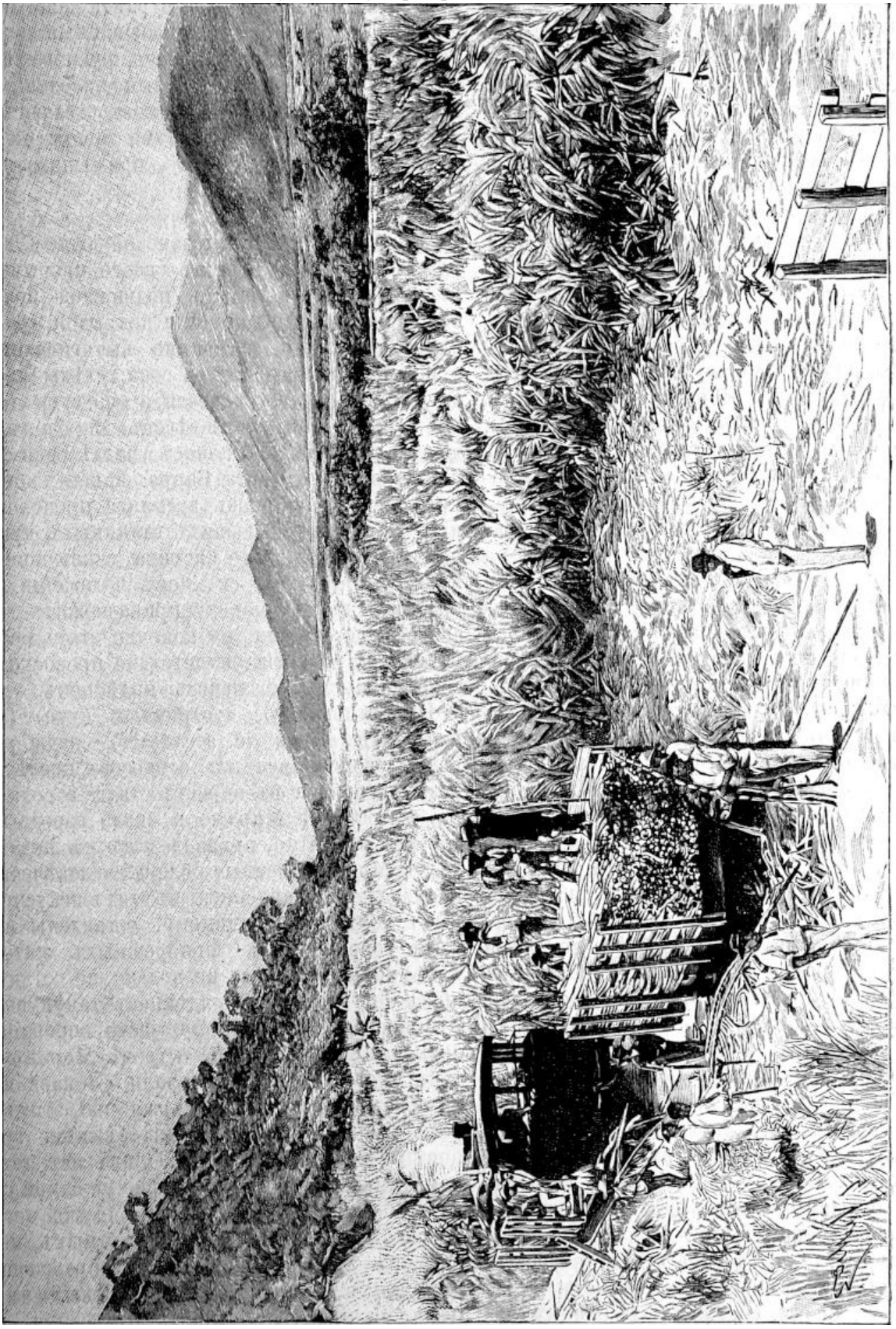
В громадной области Амазонской фауны реки служат раздельной чертой между противоположными берегами рек; продольное же течение рек связывает разные участки одного и того же берега. Так, наблюдается много различий в местной фауне левого и правого берегов Амазонки; течения Мадейры, Рио-Негро и Токантина составляют природные границы зоологических под-областей; эти реки совершенно отделяют три вида агути[1], равно как и три вида обезьян. С другой стороны, существование одних и тех же видов на склонах Андов и в архипелагах устья объясняется действием громадной реки, связывающей эти различные области. Так, благодаря реке, атлантические чайки и фрегаты проникают до равнин Перу, за 4.000 километров от моря, а ламантины (manatus australis) и дельфины играют у подножия водопадов, при выходе Мараньона из андийских ущелий. Однако, различные виды китообразных приняли исключительно речные формы. Путешественник почти постоянно слышит, как они выплывают на поверхность воды и ныряют, особенно по ночам, и эти внезапные появления и исчезновения морских чудовищ ещё больше, чем отдаленность берегов, производят впечатление пустыни среди необъятной площади пресной воды. Смутное сходство между головой дельфина (botos, *inia Geoffroyi*) и головой человека, и очевидное удовольствие, испытываемое дельфинами в прыгании вокруг движущихся судов заставляет туземцев верить, что эти животные оборотни и по ночам могут превращаться в людей; без сомнения, к туземцам были занесены европейцами подобные легенды Старого Света. Рассказывают, что дельфины принимают вид «христианина», жену которого хотят обмануть, и она убеждается в своей ошибке только видя, как её воображаемый супруг направляется к реке, вывернув назад ноги, и с громким криком бросается в воду. Рыбаки и прибрежные жители также испытывают суеверный страх перед речным боа сукуружу (eunectes murinus), который иногда нападает на человека. В бассейне реки Напо его называют *мамаяку* (*татауаси*), «водяная мать», и объясняют повышение и понижение воды в реке выходом из неё или погружением в воду этого громадного животного[2]. В Крокодиловом озере (Lagarto-cocha), лежащем ниже слияния Кураpаи и Напо, Оскулати видал подобных чудовищных водяных змей, длину которых он определяет в 16 до 20 метров.

Черепахи, почти исчезнувшие из Амазонки, вследствие хищнического сбора их яиц, и уцелевшие только в её притоках, и большой крокодил, *жакаре уассу*, тоже составляют предмет многочисленных легенд. Харт издал сочинение о «мифах об амазонской черепахе», сравнивая их с аналогичными баснями Старого Света. Рассказывают, что крокодил (jacare) всегда позволяет ягуару съесть себя, не покушаясь ни на малейшее сопротивление, и что, даже схваченный ягуаром, он не пытается бежать[3]. Когда ягуар хочет переплыть через реку, изобилующую крокодилами, он с берега рычит, и все крокодилы прячутся на дно. В период дождей черепахи и крокодилы уходят из Амазонки в её притоки и озера; в период засух они возвращаются, если только не зарываются в грязь, чтобы провести так летние месяцы. Одни и те же рыбы и крокодилы бывают светлого или темного цвета, смотря по тому, живут ли

1 Alfred R. Wallace, цитиров сочинение.
2 Keller-Leunzinger, „Vom Amazonas und Madeira“.
3 Alfred R. Wallace, цитиров. сочинение.

они в мутных водах Амазонки или в черноватой воде Рио-Негро[1].

Некоторые рыбы, как *пираруку*, т.е. *красная рыба* (sudis gigas), мясо которой, вместе с маниоком, составляет главную пищу прибрежных жителей, населяют воды всей глубокой

Сборъ сахарнаго тростника.

части Амазонки. Но вообще можно сказать, что виды рыб локализированы в очень тесных областях. С верху до низу по Амазонке и её притокам чередуются многочисленные ихтиоло-

1 Wallis, „Ausland“, n° 4. 1877;—„Report of the Madeira Commission“.

гические под-фауны. Во время своего известного путешествия Луи Агассис с изумлением наблюдал, что маленькие пространства воды, разделенные низменными перешейками, населены рыбами, принадлежащими к разным видам; не знаешь, чему больше удивляться—поразительному ли разнообразию видов, или красоте и странной форме рыб, блеску их красок, изяществу оттенков. Спикс, восхищавшийся этим богатством животного мира, оценивал всё число бразильских видов рыб в шестьсот или семьсот[1], а его сотрудник Агассис, посетив Амазонку сорок лет позже, нашел, что одна эта река содержит почти две тысячи различных видов рыб, вдвое больше Средиземного моря и даже больше всего Атлантического океана.

К западу от слияния Рио-Негро с Солимоншем (Solimoes) находится маленькое озеро Януари (Huanuary), в котором живет больше двухсот видов рыб, т.е. больше, чем во всех реках и озерах Европы, взятых вместе. Даже в открытой реке рыбы держатся в строго определенных участках: по словам Сильва Коутиньо, три вида *arias* не выходят из полосы «шириной едва в две мили», где происходит смешивание мути, поднятой столкновением речных вод с морскими. Рыба *пиранья* (piranha tetragonopterus) отличается необычайной свирепостью: хоть маленькая, она яростно кусает купающихся людей и часто обрывает губы у пьющих воду лошадей и собак.

В то время, как амазонская фауна замечательно бедна относительно некоторых семейств —например, относительно колибри, из птиц, и водяных пауков и плавунцов, из насекомых, —некоторые её группы так же изумительно богаты видами, как рыбы. Один Уоллэс собрал в Амазонской области более 500 видов птиц. В районе вокруг г. Пара[2], ограниченном часом ходьбы, находят не менее семисот видов бабочек, между тем как их всего 66 на Британских островах и во всей Европе 390. Именно благодаря необычайному разнообразию чешуекрылых, натуралист Бэтс мог произвести сравнительное изучение трансформизма и миметизма; его работы доставили значительную часть аргументов автору «Происхождения видов» и подкрепили его гипотезу. Среди насекомых есть такия, многочисленность которых вызывает важные экономические последствия. Так, в некоторых округах берега Пуруса становятся совершенно невозможными для житья из-за ночных москитов и дневных мух *piuи*; в каждом кубическом метре воздуха кружится больше миллиона этих мошек[3]; множество людей покрыто нарывами, вызываемыми повторяющимися укусами, и лишено возможности свободно владеть членами. Во многих местах никакие культуры невозможны из-за муравья сауба (*oecodoma cephalotes*), хорошо известного естествоиспытателям по производимым им жатвам листьев, которые он разрезывает и конопатит ими свои подземные галлереи. Кофейные плантации, устроенные с большими затратами, уничтожались нередко его нашествиями. Подземные ходы сауба тянутся на пятьдесят и даже на шестьдесят пять метров; в них живет целое население минёров, снабженных одним глазом во лбу, подобно сказочным циклопам или современным углекопам, с их лампой Дэви. В этих муравьиных галлереях живет также одна червеобразная змея, амфисбена, которую туземцы называют «двуголовой» и укушений которой очень боятся, ошибочно считая её ядовитой; эту змею называют «матерью сауба». Другой муравей, ещё более опасный, чем сауба, так называемый «огненный муравей» (formigo do fogo, myrmica rubra) обращал в бегство целые населения[4]. Различные племена индейцев делают запасы из муравьев, тысячами заваривая их кипятком, чтобы потом примешивать к своей муке из маниока[5].

Древние населения Амазонской области оставили очень мало следов своего пребывания: в подобной стране, с подвижной почвой, периодически затопляемой и покрытой громадными деревьями, постоянно вытягивающими и переработывающими её соки, следы прохода

1 Spix et Louis Agassiz, „Pisces brasilienses“.
2 Henry Walter Bates, цитирован, сочинение.
3 Willeam Chandless, „Journal of the R. Geographical Society“, 1866, 1868.
4 F. von Martius, „Ethnographie Brasiliens“.
5 Barhosa Rodrigues, „Rio Tapajos“.

человека быстро исчезли, а ещё существующие скрыты в глубине лесов. Впрочем, недалеко от города Манаос, подле развалин португальского форта Барра, нашли могильник, очевидно очень древнего происхождения, с сотнями больших глиняных кувшинов, очень изящного рисунка, заключавших в себе трупы в сидячем положении. Неизвестно, какому народу принадлежит такой способ погребения, но конечно этот народ по своему развитию значительно превосходил современных амазонских индейцев.

Напротив того, «устричные кучи» (*sambaqui* или *minas de sernambi*) груды ракушек, скопившиеся из отбросов после еды, возвышающиеся в окрестностях города Пара, на острове Маражо и около города Сантарема, вероятно, принадлежат к недавней эпохе. Многочисленные обломки человеческих произведений, найденные в этих искусственных холмах, повидимому, оставлены предками современных прибрежных жителей: там нашли черепа, нисколько не отличающиеся от черепов индейцев тануйуш[1]. Эти насыпи, повидимому, часто перекапывались для погребений; на острове Маражо их так много, что его прозвали «Землей мертвых». Впрочем, некоторые из этих горок были просто местами убежища туземцев во время наводнений. Один из таких памятников возвышается даже по самой середине большого озера Арари. Другие насыпи имеют форму гигантских животных, напр., каймана, подобно насыпям, изображающим животных, возводимых краснокожими индейцами на реках Огайо и Миссисипи. Они представляли отем племени и получали священный характер; но ими также пользовались для устройства на них стоянок[2]. Что касается топоров из нефрита или «Священных камней», которые видали кое-где в руках индейских колдунов и которые ценились дороже золота, то происхождение их неизвестно. Большая часть путешественников указывает на верховья реки Рио-Бранко, как на вероятное место происхождения этих камней; но Спикс и Марциус думают, что они скорей происходят с перувианских плоскогорий. Найденная Барбоса Родригесом статуэтка из нефрита изображает ягуара, пожирающего черепаху; стиль этого изображения напоминает произведения племени муисков. Во многих местах по рекам Рио-Негро, Тапажосу и Мадейре были находимы «камни с письменами».

Амазонка, величайшая река во всём свете, несмотря на это, до недавнего времени не играла почти никакой роли в истории человечества. Три века спустя после памятного путешествия изменника Орельяна и полсотни его спутников отыскали очень немногие из тех селений, которые испанцы видели на всяком высоком берегу; исчезли населявшие их сто пятьдесят отдельных племен; белые люди, повидимому, плавали по этим водам только ради превращения их берегов в пустыню. Охотники за индейцами приводили своих пленников на приморские рынки; в бараках города Пары продавалось по тысяче краснокожих рабов одновременно[3]. Чистокровные индейцы, ещё встречающиеся на берегах Амазонки, очень редки. Побережные туземцы, некогда сгруппировавшиеся в общины под управлением иезуитских миссионеров, в настоящее время слились в однородное население, говорящее на «общем языке» (lingua geral), которому их обучали одновременно с обучением катехизису, и постепенно заменяющее этот язык португальским наречием торговцев. Туземцы эти известны под общим именем тапуйосов (Tapuyos), повидимому, принадлежавшим некогда одной народности из Тупинамба, переселившейся в шестнадцатом веке из Восточной Бразилии на берега Амазонки[4]; но это первобытное племя давно уже исчезло или по крайней мере слилось с безъимянной толпой смешанных народностей: имя тапуйосы (называемые также каболосы, *Caboclos*) не связывается ни с какой идеей о специальном происхождении, хотя, по всей вероятности, большая часть индейцев тапуйосов принадлежит к племени, родственному тупи; различные наречия тупи походят на язык, методически записанный иезуитами. Идиом гварани, повидимому, чище говора тупи. Происхождение амазонских тупи надо, вероятно, искать на юге, в бассейне Парагвая. Эти тупи, сами исчезая в качестве отдельной народно-

1 Couto de Magalhaes, „O Homem no Brazil“.

2 Spix und Martius, цитиров. сочинение;—Elie Reclus, рукописные заметки.

3 Spix und Martius, цитиров. сочинение.

4 Acuna, „Descubrimiento del gran rio de las Amazonas“.

сти, изумительным образом распространили свой язык среди народностей Северной Бразилии до гор Парима. Относительно этого любопытного диалекта издано много лингвистических сочинений, начиная с «разговоров», записанных Жаном-де-Лэри, и первой грамматики языка тупи, изданной Аншиэта в 1595 году. На языке тупи существует целая литература, считаемая бразильскими патриотами драгоценной частью их национального достояния, и из того же языка они заимствуют слова для обозначения природы страны и своих новых нравов, не имеющиеся в португальском словаре[1]. Многие слова тупи вошли также во французский язык, особенно означающие растения, плоды и животных. Самым любопытным заимствованием является слово *boucan*, *boucaner*, *boucanier*, происходящие от *moquem*, «печение».

Смешанные браки все больше и больше сливают тапуйосов с расой, происшедшей от скрещивания белых, краснокожих и черных, среди которой напрасны были бы старания разобрать первоначальные элементы. Впрочем, метисов обыкновенно обозначают названием *мамелюки* (*mamelucos*), раньше прилагавшимся к детям белых и индианок. Но иногда тип бывает так резко выражен, что узнается с первого взгляда: напр., *кафусо* (*cafuzo*), сын негра и индианки, отличающийся громадной черной всклокоченной шевелюрой, с прямыми, а не курчавыми волосами. У негритянско-индейских метисов первым изменяется, повидимому, африканский тип; более податливая природа негра не может побороть устойчивую природу индейца[2]. В общем, можно сказать, что смешанное население Амазонской области выиграло относительно телесной красоты, грации, природного изящества, равно как и относительно умственных способностей. Будучи сдержанными и молчаливыми, но кроткими, вежливыми и гостеприимными, тапуйосы любят держаться в стороне от других жителей; они удаляются от городов, вместо того, чтобы стремиться в них; но во всяком случае усилия их избегнуть вторжения европейской культуры остаются тщетными—им пришлось признать над собой начальников или *тушава* (*tuchaua*); это слово производят от голландского, означающего «надсмотрщик». Тапуйосы теперь являются гражданами и избирателями, и недалеко то время, когда они будут называть себя «бразильцами», подобно сыновьям старинных завоевателей. Впрочем, в 1895 году, когда некоторые племена внутри страны заключали союзные договоры с португальцами, тапуйосы соединились с восставшими рабами-неграми и помогли им захватить Пару, Сантарем и другие города этой провинции, где они долго держались против значительных сил. Этот критический период истории Амазонской области называется *кабанаген* (*cabanagem*), а бунтовщики получили имя *кабануш* или *кабанейруш* (*cabanos* или *cabaneiros*).

Тапуйосы возделывают немного земли вокруг своих хижин и до введения пароходства на Амазонке занимались перевозкой всех местных товаров и пассажиров на своих лодках и барках различной вместимости (cobertas, batelaos, montarias, ubas, igaras или igarites). Как искусные лодочники, они не имеют себе равных; они смело пускаются в бушующие волны и стремительное течение и всегда ухитряются поддерживать веслами ненадежное равновесие своего суденышка. На воде они чувствуют себя дома, и если не везут какого-нибудь гордого иностранца или грозного чиновника, то весело поют, в такт ударам весел. Однако, тапуйосов упрекают в чрезмерной лености; некогда американец Херндон, с презрительной жестокостью выражений, столь общей всем сторонникам рабства, с удовольствием приводил «мнение благоразумных людей, считающих самым простым средством покончить с индейцами—перевешать их, так как они не годятся ни в граждане, ни в рабы и не стоют даже того места, которое занимают»[3]. Но зато и какими способами цивилизовали их? Во многих округах они были обязаны, и даже теперь ещё обязаны, наниматься в работники (*trabalhadores*) на более или менее долгий срок; их распределяют на партии, делают им смотры, как солдатам, посе-

1 Goncalvez Diaz, Couto de Magalhaes, etc.—Braz da Costa Rubim, „Vocabularia brazileiro para servir de complemento aos diccionarios da lingua portugeza“.

2Louis et M-me Agassiz, „Voyage au Bresil“.

3 „Valley of the Amazon“.

ляют их в лагерях, под страхом тюрьмы или отдачи в солдаты. Торговцы (*regatoes*) спаивают их, чтобы легче обманывать, покупая у них за бесценок работу многих лет. Поэтому-то индейцы, ускользающие от казенных повинностей и от вымогательств торговцев, с наслаждением пользуются своим правом ничего не делать, а на берегах Амазонки они могут «жить лентяями». К их услугам имеются пальма, с её орехами, съедобными побегами, вкусным соком, шоколадное дерево, с его бобами, клубни маниока; в лесу индеец находит дичь, в воде рыбу, а на песчаных берегах—яйца черепахи. Нескольких срубленных деревьев достаточно для постройки хижины: дверь делается из одного листа пальмы *буссу*, а из десятка таких листьев строится крыша, непроницаемая для гроз и служащая двадцать лет. Однако, если тапуйо (tapuyo) захочет украсить своих детей стеклянными бусами, подарить жене шелковую одежду и дорогие украшения, если у него вообще имеются некоторые потребности роскоши, то в конце концов его захватывает колесо постоянной работы.

Кроме тапуйосов, представляющих помесь сотни племен, и мамелюков, вливающихся с европейцами в один постепенно увеличивающийся народ, вдали от главной реки, но по берегам её притоков продолжают существовать весьма многочисленные туземные народности, ещё без примеси чужой крови и не имеющие почти никаких сношений с людьми Старого Света, ни с белыми, ни с черными. Лишь с величайшим трудом путешественникам удалось посещать их становища, записывать несколько слов их двухсот пятидесяти наречий, изучать их предания и обычаи. Поэтому происхождение и этническое родство этих различных племен всё ещё далеко не разъяснены; впрочем, исследования Альсида д'Орбиньи и Марциуса, проверенные и исправленные работами Харта, Крево, Кудро, фон-ден-Штейнен, Эренрейха, Адама, Коуто-де-Магальянш и других бразильских ученых, позволяют распределить туземцев Амазонской области на немногие семейства, характеризующиеся аналогией языков. Рассеянные в Гвиане и Венецуэле араваки и караибы имеют также многочисленных представителей среди амазонских народностей; главный элемент населения в южной части громадного бассейна Амазонки составляют тупи, также имеющие в Гвиане родственников по происхождению и языку. На северном склоне бассейна, и особенно в местностях, орошаемых реками Иса и Япура, преобладают мираньясы (Miranhas); этим общим родовым именем Эренрейх обозначает различные народности, живущие отдельно друг от друга. Наконец, пятую амазонскую народность составляют карая (Caraya), на реках Ксингу и Арагвайя, резко отличающиеся от других не только по языку, но и по внешнему виду и по нравам. Среди всего населения Амазонской области, оцениваемого в 90.000 душ, дикие индейцы составляют, вероятно, около половины. Те из них, которые живут в саваннах, под обширным небесным сводом, днем залитым ослепительным светом солнца, а ночью усеянным ярко мерцающими тысячами звезд, отличаются более развитыми умственными способностями, более твердым духом и большим гостеприимством, чем охотники и беглецы, скрывающиеся во мраке лесов, вынужденные беспрестанно озираться, из боязни засад[1].

Население по берегам верхнего Солимонша, при выходе его с Перувианской территории, уже является довольно смешанным хотя ещё и не совершенно потерявшим свое разделение на народности и не слившимся в одну массу, происходящую от неизвестных предков, подобно тапуйосам нижней Амазонки. Здесь можно различить омагуасов по их круглым и пухлым лицам, яуасов (yahuas) по их благородной походке, обрезанных тикунасов, по их раскрашенному платью. Племена на берегах Исы и Япуры, редко посещаемые бразильскими и португальскими торговцами, сохранились в своем первобытном состоянии. Таковы мираньясы; это имя, которое, кажется, значит «бродяги», дано им их соседями, может-быть, потому, что их предки пришли из отдаленной страны и что они часто меняли место обитания, вследствие частых войн с соседними племенами. Мираньясы отличаются очень воинственным духом; главным оружием у них служит планка из твердого дерева; они пользуются своего рода барабаном, устроенным из выдолбленного куска дерева, затянутого кожей, в которой сделаны две дыры; в этот барабан бьют палочками из каучука. Подобно неграм дуалла (в Камеру-

1 Ph. von Martius, „Ethnographie Brasiliens".

не) и многим другим прежним индейским племенам, амазонские мираньясы, повидимому, знают «язык барабана», т.е. сигналы на барабане. Глухие звуки этого инструмента слышны, как говорят, на «две мили расстояния», разнося от селения к селению или призыв на войну,

Улица въ Пернамбуко.

или сигналы к праздникам, или какие-либо важные вести. Живя по берегам рыбных рек, мираньясы, однако, совсем не занимаются рыболовством, ограничиваясь лишь охотой, но производя её не так, как соседи. Подобно прежним кичуа, они растягивают между деревья-

ми грубые сети и загоняют в них облавой испуганных животных[1]. Женщины во время родов должны скрываться в самой непроходимой чаще леса, чтобы лунный свет, «источник всякого зла», не коснулся новорожденного[2].

Подле мираньясов и других племен, принадлежащих к той же народности, живут разные племена другого происхождения, заброшенные войнами и переселениями в эту северо-западную часть великой амазонской сельвы. Так, карижонасы (*carijonas*) и уйтото (т.е. «враги»), найденные Крево на верховьях Япуры, за пределами Бразильской территории, представляют чистокровных караибов, родных братьев гвианских рукуйенцев[3]; между тем как пассэ (Passe), на низовьях Исы,—одного происхождения с арабаками. Пассэ отличаются изяществом и красотой, подобно индейцам яуас на границах Перу; поэтому в семьях города Манаос всегда существует большой спрос на кормилиц из этого племени; точно также мужчин очень ценят, как слуг, вследствие их смышлености, кротости и ловкости в работе; но сколько раз их ловили, как диких зверей и обращали в рабов! Дикие пассэ и их соседи уайнума обыкновенно чернят себе почти всё лицо соком генипы; поэтому их часто называют «юри пишуна», т.е. «черноротые» (по-португальски *bocapreitos*). Молодой человек обязан завоевать себе невесту битвой со своими соперниками; но как бы дорого ни достался ему этот трофей, женщина всегда считается ниже мужчины и никогда не присутствует, даже издали, при религиозных церемониях, на которые мужчины созываются звуками трубы. Один путешественник, посетивший Бразилию около эпохи провозглашения её независимости, рассказывает, что знахари племени пассэ в своем учении о системе мира признавали обращение земли вокруг солнца; движением земли они объясняли течение речных вод и чередование времен года[4]. Последние остатки этого столь замечательного племени пассэ угрожают исчезнуть вследствие изнурительной болезни defluxo, поражающей их обыкновенно после посещения их селений европейцем и оканчивающейся чахоткой. Когда к ним приближается лодка торговца, почти всегда первым вопросом у пассэ является: «Не везете ли вы с собой defluxo?»[5].

Индейцы уопэс (Uaupes), живущие на берегах реки того же имени, главной ветви верхнего Рио-Негро, принадлежат неизвестно в какой именно народности, к аравакам, мираньясам, караибам или тупи. Имя «Карибан», которым некогда обозначали полуостровную область между реками Рио-Негро и Солимонш, показывает, что последнее семейство имело по крайней мере преобладающее значение[6]. По словам Кудро, недавно исследовавшего эту местность, 21 племя уопес, говорящие на 15 различных наречиях, происходят от многих родоначальников. Некоторые племена несомненно представляют караибов, как, например, тариана, до некоторой степени преобладающие над другими, и главное село которых считалось своего рода столицей. Будучи одновременно воинственным и жреческим племенем, тариана располагали большим военным барабаном, подобным барабану мираньясов. С другой стороны, маку, бродящие по лесам от Андов до города Манаос, почти всегда избегая рек, презираемые беглецы, третируемые другими индейцами как рабы, вероятно, приходятся сродни уйтото верхней Япуры, которых тоже признали за настоящих караибов. Одно из племен, омава (omaua), придерживается обычая обрезания и занимается приготовлением кураре. Другое племя выделывает соль, обрабатывая кипящей водой золу одного жирного растения. Несмотря на смешанные браки между различными племенами, всегда экзогамические, разнообразие первоначальных элементов уопесов сказывается в различии костюмов, украшений и нравов. Одни ходят почти совершенно голыми, другие одеваются почти на европейский лад, подобно мамелюкам с берегов Амазонки. Уопесы украшаются самым разнообразным об-

1 Alfonso Lomonaco, „Sulle Razze indigene de Brasile“.
2 Ph. von Martius, цитиров. сочинение.
3 Jules Crevaux, „De Cayenne aox Andes“.
4 Ribeiro de Sampaio, „Diario de Viagem“, Lisboa 1825; von Martius, „Ethnographie Brasiliens“.
5 Henry Walter Bates, цитиров. сочинение. Defluxo собственно значит по-португальски „простуда“.
6 De Pagan. „Relation historique et geographique de la grande riviere des Amazones“.

разом перьями, костями, щетиной, раскраской женипа и руку. В одном племени молодые люди в период возмужалости ещё подвергаются суровым испытаниям; в другом женщины должны рожать в лесу безо всякой помощи; у некоторых племен мертвых закапывают в их хижинах и стараются отогнать оттуда или даже убить стрелами злого духа, причинившего смерть покойнику. Браки заключаются на продолжительный срок, только при условии не быть бесплодными. Мужчина обыкновенно похищает женщину лишь на пробу; если она не родит через год после похищения, он приводит её назад в родительскую хижину[1].

Общая религия связывает всех уопесов. Несмотря на присутствие католических миссионеров, которых они покорно слушают, эти индейцы остаются верны национальной религии, в которой смешиваются языческие и христианские обряды; последние происходят от проповеди иезуитов из Квито в XVIII столетии; об этих старинных наставниках напоминают кое-какие испанские слова. Тупан, великий путешественник, которому приписываются многочисленные рисунки, высеченные на гранитных скалах водопадов, представляет собою Бога христиан; бог туземцев, Журупари, «рожденный от девы Санта-Мариа», есть грозный и злой дух, с удовольствием видящий у своего народа пьянство, разврат и убийства[2]; тайны его культа открываются рядом последовательных посвящений. В его честь устраиваются большие праздники, пляски, бичевания и оргии; но ему, кроме того, посвящен особый тайный культ, из которого строжайше исключаются женщины. Горе той, которая увидит пашиубы (paxiubas), т.е. молитвенные трубы, и макакарава—черное платье, сотканное из обезьяньей шерсти и женских волос! Её ждет немедленная смерть. По Кудро, многия выражения, употребляемые при богослужении, и различные легенды, повидимому, свидетельствуют, что у племени уопес власть некогда принадлежала женщинам, в настоящее время исключенным из религиозной общины: вероятно, они и были теми «амазонками», легенда о которых послужила основой для общепринятого наименования великой реки. Но как уменьшилась численность уопесов, с тех пор как они переселились в бассейн Рио-Негро! Дикие и цивилизованные вместе составляли ещё в 1884 году около восьми тысяч; они быстро исчезают, вследствие междоусобных войн, оргий, выкидышей, детоубийств, отравления больных и часто также отравления матерей, не родивших мальчиков. Внутри страны воины ещё едят мясо пленников, чтобы усвоить себе достоинства побежденных врагов.

В верхнем бассейне Рио-Бранко, главного притока Рио-Негро, встречаются те же самые племена, что и на верховьях Эссекибо—ваписиана и атораи. В Лунных горах и на южном склоне преобладают макузи, которых насчитывает около четырех тысяч душ. Повидимому, численность их значительно возрасла с конца XVIII века, когда численно преобладали ваписиана, в настоящее время очень уменьшившиеся. Имя макузи, повидимому, значит «коренные жители, аборигены»; по всей вероятности, они принадлежат к нации тупи. Они разделяются на две группы: одна живет на востоке, по рекам Мау и Такуту, подле водораздела между Рио-Бранко и Эссекибо; другая—на западе, в верхнем бассейне реки Урарикуэра; берега этой реки, разделяющей обе группы, постепенно заселяются другими макузи и ваписиана, угрожаемыми в некоторых местах людоедами маракана, живущими на южных склонах гор Пакараима. Самих макузи прежде очень боялись из-за их отравленных стрел, но они бросают приготовление кураре и пользуются ружьями. Живя в саваннах, где проходит естественный путь между Амазонкой и низовьями Эссекибо, макузи начинают заниматься торговлей и немного говорить на ломаном английском языке.

После этих аборигенов, самую многочисленную народность в данной местности составляют уаеуэ (Ouayeouo), живущие на юго-востоке, в верховьях реки Мапуэрро, впадающей в Амазонку под именем Урубу. Они почти заслуживают свое имя, значащее «белые»: принадлежа, вероятно, к чистокровным караибам, уаеуэ замечательно красивы, отлично сложены, с благородными чертами лица; они очень трудолюбивы, но никогда не рискуют пускаться в лодках по рекам своей родины. Народец того же происхождения, жапии, по словам Кудро,

1 E. Stradelli, „Bolletino della Societa Geografica Italiana“, 1890.

2 Henri A. Coudreau, „La France Equinoxiale“.

представляет самых красивых индейцев изо всех, виденных им за десять лет путешествий по гвианским областям. У некоторых жапиев волосы белокурые, а глаза голубые, так что невольно спрашиваешь себя, действительно ли они принадлежат к американскому племени. Впрочем, они совершенно безбородые, между тем как по странному противоречию непосредственные их соседи на севере, туканы, имеют усы и монгольские выдающиеся скулы и скошенные глаза[1]. Уаеуэ отличаются веселым характером: редко встретишь кого-либо из них в лесу, не играющего на своей флейте, сделанной из ножной кости дикой козы; её звонкие и веселые ноты удивляют путешественника, привыкшего к неопределенным и печальным мелодиям индейской музыки.

За исключением макузи, уаеуэ и пианогото, все независимые племена по рекам Рио-Бранко, Урубу и Ямунда, повидимому, уменьшились в численности; многие даже исчезли, между прочим, паравильяна или «стрелки из лука», бывшие в XVIII столетии очень могущественным племенем. Из двадцати двух народцев, перечисленных в 1787 году, в настоящее время существует не более девяти, да и те постоянно вымирают, вследствие непрестанных войн между собой. Одно из племен, именно кришана на реке Жавапери (Jauapery), находившееся в непрерывной войне с белыми, подвергалось опасности исчезнуть, в свою очередь, когда Барбоса Родригес, говорящий на их языке, явился к ним посредником и успел добиться примирения между враждовавшими. Альбиносы относительно очень многочисленны среди кришана, по крайней мере один на пятьдесят душ. В высшей степени любопытен способ погребения, употребляемый этим племенем: выбирается дуплистое дерево, задушенное лианой *clusia*, и труп опускается в этот живой футляр[2].

Все индейские племена оттеснены в речных бассейнах на север от водопадов, и занимающие берега нижнего течения рек тапуйосы, негры и бразильцы, впрочем, весьма немногочисленные и разбросанные, начинают показываться в верхних бассейнах, подле диких индейцев. Эти маленькия общины называются *муканбу* (mucambo) и состоят главным образом из беглых негров, солдат-дезертиров и бывших рабов. Именно благодаря муканбам португальский язык распространяется и современем вытеснит индейские наречия. Что касается до *лингва жераль* (обще-индейского языка, языка гварани), то он никогда не проникал в эти отдаленные от Амазонки страны, где до сих пор ещё ищут племя «амазонок», этих икамиаба, с которыми приходилось сражаться европейцам во время их первого плавания по великой реке. По мнению Уоллеса[3], Орельяна и его товарищи, видя издали молодых индейских воинов, с их длинными волосами, с воткнутым на макушке гребнем, с их ожерельями и браслетами из ягод, легко могли принять их за женщин, откуда и произошел миф об Амазонках, навеянный классическими воспоминаниями. Барбоса Родригес, вместе с Кудро, думал, что отыскал потомков племени легендарных воительниц среди уопесов, вожди (тушава) которых отличаются обладанием «божественных камней», кварца, яшмы и нефрита, которые они умеют просверливать, употребляя на эту работу по нескольку лет; такие камни одновременно служат и амулетами, и знаками их власти. На верхнем течении реки Ямунда лежит озеро, посвященное «Матери»-Луне, куда амазонки бросали свои *муйра-китан*, священные камни, изображающие животных, рыб и другие символические предметы.

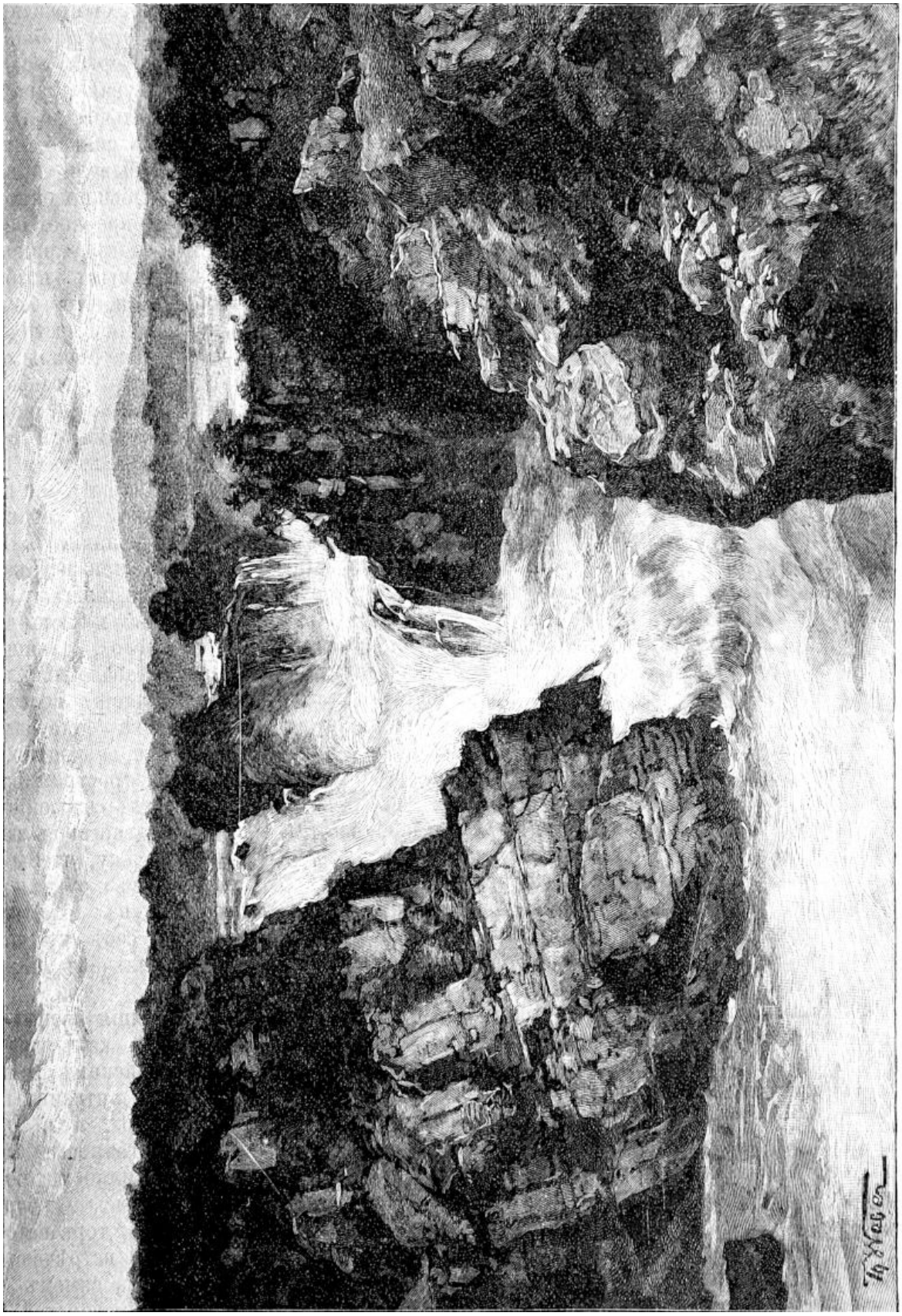
Сохранившие свою независимость племена, не имеющие постоянных сношений с европейцами, гораздо многочисленнее на южном склоне Амазонской долины: их считают сотнями; у всех их имеются особые отличительные черты и особые наречия, хотя эти наречия и принадлежат к одному крупному лингвистическому семейству. На реке Явари, отделяющей Перу от Бразилии, народности по большей части принадлежат к группе панос, которые, повидимому, некогда отличались значительной цивилизацией, но опустились до варварского состояния вследствие войн и эпидемий, сильно уменьшивших их численность. На реке Журуа различные живущие там племена, повидимому, принадлежат к аравакам, равно как

1 Henri A. Coudreau, цитированное сочинение.

2 „Relatorio sobre o Rio Yamunda“.

3 „Amazon and Rio-Hegio“.

племена на реке Пурус, разделенные на множество групп и подгрупп, имеющих каждая свое особое имя. Ипурина принадлежат к самым красивым индейцам по своему сложению и осанке; они разрисовывают себя черными узорами по ярко-красному фону. Страстно любя

Водопадъ Пауло Аффонзо.

борьбу, они часто бьются между собой без злобы, ради удовольствия; у большинства имеются на теле шрамы,—воспоминания о боях, и они ими очень гордятся. Одна из их любимых игр состоит в том, что они назначают одно из деревьев изображать воображаемого врага и

после ряда примерных приготовлений пускают в него стрелу; когда острие пронзит дерево, они бросаются на него, испуская пронзительные крики: «И-пу-ри-на! И-пу-ри-на!», откуда и происходит их имя.

Молодые люди любят также особый род опасного упражнения, состоящий в том, что они бросаются друг на друга, сталкиваясь плечом; удар иногда бывает так силен, что оба падают навзничь. Они отравляют свои стрелы, но кураре им неизвестно: его не встречается ни у одного племени на южном склоне Амазонской долины, хотя там имеются все растения, нужные для приготовления этого яда[1]. Для испытания своего яда, ипурина пробуют его сначала на обезьянах. У этого племени очень распространено нюханье табаку, который они втягивают, насыпав его в горсть правой руки: они очень дорожат своими табакерками, сделанными из раковин, в которых просверлены узкия отверстия, откуда высыпают табак, слегка поколачивая табакерку. В сражениях погибает столько воинов, что число женщин в этом племени значительно превосходит число мужчин; поэтому полигамия составляет у них обычное явление. К своим умершим ипурина сохраняют верную привязанность, принося им пищу, табак и руку; когда они полагают, что мясо похороненного уже отделилось от костей, они торжественно выкапывают скелет и сохраняют его в качестве домашнего божества.

Катауикси и паумари, живущие на нижнем течении реки Пурус, также принадлежат к аравакам и ведут подобный же образ жизни. Впрочем, у катауикси существует обычай, может быть заимствованный ими у кичуа во время каких-нибудь прежних переселений: именно, они закапывают своих покойников в похоронной хижине, усадив их в большие глиняные сосуды[2]. Паумари, или «Пама-ури», т.е. «едоки ягод», повидимому, суть потомки древних пурусов, сообщивших свое имя реке Пурус. Они часто страдают от особой накожной болезни, отчего заслужили у своих соседей-португальцев прозвище *фовейруш* (foveiros), т.е. паршивые. Может-быть, эта болезнь происходит от привычки их натираться жиром крокодила. Они кротки и миролюбивы: по словам Чандлеса, редко приходится слышать о насилиях и убийствах в стране паумари. Мура, бродящие, прячась, вдоль течения Амазонки до устьев Пуруса и Мадейры, являются лишь жалкими остатками некогда могущественного племени, почти совершенно истребленного индейцами мундуруку в конце восемнадцатого столетия. Во многих местах виднеются *taperas*, т.е. места их прежних селений. Притом, мура уже не составляют чистокровного племени. С ними бродит много беглых негров, и мура, встречающиеся в амазонских селениях, столько же африканского, сколько американского происхождения[3]. Их считают невероятными лентяями: «ленив, как мура, спящий на трех веревочках», говорит известная пословица, уверяющая, что они слишком ленивы, чтобы плести себе порядочные гамаки. Бэтс считает их принадлежащими к нации тупи и полагает, что их ближайшие родичи—мундуруку, их истребители; однако, те и другие говорят на совершенно различных языках. Бродячая жизнь мура совершенно истребила у них всякия понятия о земледелии, но они очень искусные рыболовы и даже, будто бы, ловят черепах в воде: мура ныряют и, плывя под водой, хватают черепах за ноги[4].

В религии мура большую роль играют вдыхания парики (parica), приготовляемой из семян одного древовидного бобового растения, называемого инга. Во время своих праздников, называемых бразильцами *quarentenas*, они заканчивают свои пьяные оргии, разделившись попарно и взаимно вдувая друг другу в нос через тростинку большие дозы парики. Иногда действие её так сильно, что люди падают в обморок; бывали примеры, что они тут же умирали. Обыкновенно вдыхание парики производит вредное безумие, выражающееся обилием слов, криков и прыжков. За этим бешеным возбуждением следует упадок сил и, чтобы очнуться от опьянения, нужно произвести новое вдыхание парики. Подобные же обряды сопровождают празднование возмужалости молодых людей и девушек. Все мура соединяются

1 Keller-Leuzinger. „Vom Amazonas und Madeira“.
2 Von Martius, „Ethnographie Brasiliens“.
3 Von Schutz, „Amazonas“
4 Henry Walter Bates, цитированное сочинение.

по-парно, женщина и мужчина, и секут друг друга до крови. Потом пьют и поют в течение многих дней, но сечение повторяется и вдыхания парики превращают праздник в бешеные сатурналии[1]. Подобные же оргии встречаются, или встречались раньше, у других индейцев, именно у оматуас и мауэ, но нигде они не имеют такого бешеного вида. Кроме того, большинство племен заменило парику табаком. Для лечения больных, колдуны (pagets) пользуются палками из табака в два фута длиной, окуривая им пациента: это, вероятно, первые образцы сигар, распространившихся теперь по всему свету. После сожжения громадной сигары, колдуны подвергают пациента самому энергичному массажу, чтобы оттеснить болезнь к пальцам ног и рук; потом, ловким движением колдун схватывает болезнь, бросает её к себе в рот и проглатывает. Больной вылечен или считается вылеченным[2].

Различные реки, образующие своим слиянием реку Мадейру, текут, как известно, большею частью по боливийским землям, где живут на предгорьях антизинцы или чунчосы, мосетенесы, юракарэ, и в равнинах цивилизованные чиригваносы, чикитосы, гваройосы и мохосы. Эти последние, искусные лодочники, сделались посредниками для значительной части торгового движения по реке Мадейре и встречаются во всех поселениях на ней; в самом Манаосе, центральном городе Амазонской области, они составляют довольно значительную колонию. До этих переселений, на севере их соседями были карипуна, т.е. «водяные люди», живущие вблизи водопадов и порогов реки Мадейры. Они представляют родственников других карипуна из семейства панос, живущих в долинах реки Укаяли. На правом берегу Мадейры и в тянущихся на восток, к реке Тапажос, лесах карипуна сменяются парентинтинами (Parentintin). Это чистокровные тупи, повидимому, переселившиеся с юга; они постоянно воюют со своими соседями, восточными мундуруку, и потому быстро убывают в числе. Поднимающиеся по Мадейре европейцы тоже участвовали в истреблении этих туземцев, подобно мундуруку, их братьям по происхождению и языку; их обвиняют в людоедстве, хотя это и не доказано. Парентинтины придают себе отвратительный вид, вытягивая губы и уши.

На них совсем не походят парекси (Parexi), населяющие кампосы или верхния плато между истоками Гвапоре, Тапажоса и Парагвая, вместе с другими племенами того же происхождения, т.е. араваками, кабикси, кашинити, ваймарэ. Это безобидные и ленивые народности; имея частые сношения с европейцами, они принимают крещение ради украшения себя христианским именем и ради подарков. Все они пользуются железными орудиями для обработки земли и заменили прежние луки и палицы ружьями. Будучи искусными ремесленниками, они изготовляют корзины, сита, плетут гамаки и ткут материи, сбывая их белым в обмен на европейские продукты. Они быстро цивилизуются, подобно амазонским тапуйосам, но сохраняя некоторые старинные обычаи и свои религиозные церемонии. Они хоронят покойников в самых их хижинах, под гамаком ближайшего родственника, и кладут в могилу пищу, нужную для шестидневного пути на небо. На седьмой день друзья могут радоваться: покойник прибыл в свое новое отечество[3]. Фон-Марциус считает парекси за отдельное семейство среди бразильских индейцев.

Среднее течение реки Тапажос принадлежит туземцам тупийской расы,—апиака, мундуруку, мауэ. Первые, называемые также *апиаба*, т.е. «люди»[4], некогда составляли очень значительное племя; в наше время оно сильно уменьшилось в числе и постепенно обращается в цивилизованное население: путешественники нанимают из них проводников, носильщиков и лодочников. Однако эти мирные индейцы при случае бывают и людоедами; имеющие на щеках печатную татуировку в виде трех горизонтальных полос едят взятых на войне пленников. Захваченных во время набегов детей приберегают для религиозных праздников; но до двенадцати лет их не трогают, а съедают лишь по достижении этого возраста. У апиака существует двоеженство, а их вожди имеют даже до трех жен; они часто разводятся или

1 Von Martius, цитированное сочинение.
2 Keller-Leuzinger, цитированное сочинение.
3 Von den Steinen, „Durch Central-Brasilien“
4 Von Martius, „Ethnographie Brasiliens“.

отделываются от своих жен, убивая их, когда не удается выгодно передать их кому-нибудь. Лодочники рассказывают также о таинственном племени альбиносов жакаревара (Jacareuara), странствующем будто бы только по ночам. Их обыкновенно называют *мурсегуш* (morcegos), т.е. «летучия мыши»[1].

Изо всех туземных народностей Бразилии самая могущественная—мундуруку, которых Коуту-де-Магальянш считает типичнейшими представителями туземцев. По Бетсу, число их достигает двадцати тысяч приблизительно. Их селения тянутся по берегам Тапажоса и по лесным прогалинам; по имени их и вся эта страна называется Мундукуриана. Они высокого роста, сильные, мускулистые; цвет кожи у них довольно светлый. Прежде они различали друг друга по татуировке, изменявшейся сообразно племенам и классам. Татуировка имела в их глазах такую важность, что для выработки её рисунка собирался семейный совет, а исполнение её иногда тянулось лет десять[2]. Но этот обычай исчезает, хотя молодые индейцы ещё выказывают глубокое почтение к татуированным старикам. Мундуруку отличаются верностью данному слову, благородством и гордостью: это—«джентльмены», значительно превосходящие многих торговцев. Будучи хорошими земледельцами, они в то же время очень искусные ремесленники и умеют приготовлять очень красивые вещи из перьев, редко соглашаясь уступать их чужеземцам. Ревниво оберегая свою независимость и будучи некогда очень воинственными, мундуруку обладают хорошей военной организацией. Даже в мирное время они подготовляются к войне, производя своего рода рекрутские наборы: особые послы обходят способных носить оружие воинов, напоминая им обязательство являться по первому барабанному бою. Как только объявлена военная экспедиция, мужчины собираются в обширных хижинах, откуда исключаются женщины. Мундуруку нападают на врага всегда днем, при барабанном бое; сигналы на барабане указывают повороты и маневры. Все селения мундуруку защищены от нечаянных нападений солидными палисадами. Во время боя воины никого не щадят: но, одержав победу, они заботятся о женщинах и детях: последние, усыновляемые победившим племенем, служат для пополнения убыли среди воинов. Убить врага считается большим отличием, и победитель всегда сохраняет голову убитого, как талисман и драгоценный трофей, убрав её перьями и вставив глаза и зубы из воска. Но в мирное время мундуруку отличаются очень мягкими нравами; если они и убивают вольных, считаемых неизлечимыми, то из сострадания[3].

Племя мауэ (Mauhe) живет на низовьях Тапажоса и по берегам Амазонки; по имени его называется совокупность боковых потоков великой реки на южной стороне. Повидимому, мауэ одного происхождения с мундуруку, хотя давно уже отделились от них и говорят на совершенно особом языке. На востоке и западе их соседями являются индейцы-караибы, именно арара и юма, опасные воины, нападающие всегда ночью: их суеверные соседи видят в них скорее демонов, чем людей. Будучи окружены врагами, мауэ очень недоверчивы, хитры и часто бывают предателями. Они держатся особняком и казнят всякую женщину, решившуюся сойтись с чужеземцем; но всё-таки они понемногу сливаются со смешанным населением тапуйосов. Столь же промышленные, как и мундуруку, они до недавнего времени были единственные между индейцами, умевшие приготовлять гварану (guarana)—отвар из бобов одной лианы (paullinia sorbilis), который употребляют во всей Бразилии и Боливии от диссентерии и перемежающихся лихорадок.

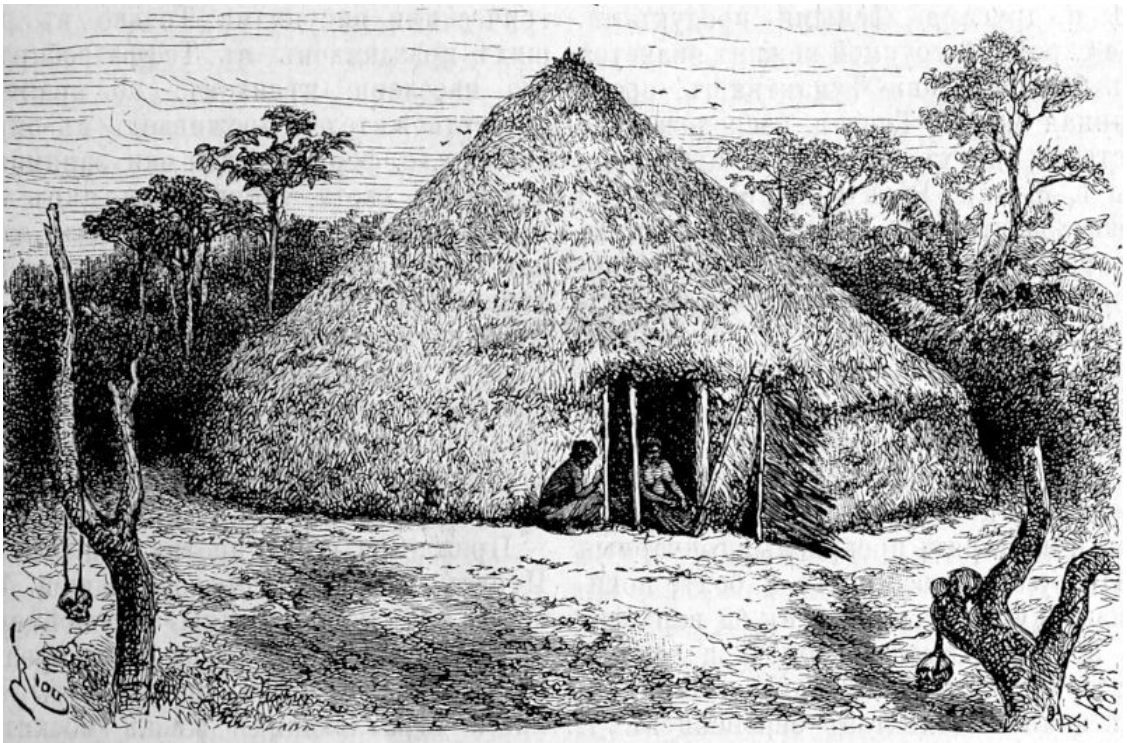
Перед сражениями мауэ также принимают гварану, чтобы придать себе силу и нечувствительность к ранам. В местных сношениях бобы пауллинии служат монетой. Мауэ, подобно разным другим американским народностям, твердо верят, что зачатие у женщины сопровождается у мужчины скрытой болезнью, падрежон (padrejon), соответствующей болезни женщины (мадрежон). Оба супруга лечатся, соблюдая одинаковый строгий пост, питаясь только муравьями и грибами, и запивая это несколькими глотками гвараны.

1 Barbosa Rodrigues, „Rio-Tapajoz“.

2 Henry Walter Bates, цитирован. сочинение.

3 Von Martius, цитирован. сочинение.

К востоку от реки Тапажос лежит бассейн реки Ксингу (Xingu); во время первого путешествия Карла фон-ден-Штейнена, в 1884 г., он был ещё совершенно неизвестен с этнографической стороны; но это путешествие, за которым вскоре последовало второе, совершенное тем же ученым, вдруг обратило внимание исследователей на эту прежде неизвестную часть Бразилии, считаемую теперь центром рассеяния одной из больших американских рас: отсюда, как полагают, последовательно вышли разные караибские племена, распространившиеся, под различными именами, на северо-запад до Андов, а на север до Гвианы, Венецуэлы и Антильских островов. Ранее первоначальную родину этих племен искали на Больших Антильских островах и на северо-американском материке. Самыми чистыми караибами являются бакаири и их северные соседи науква, судя по их языку, из всех караибских наречий наименее измененному посторонними примесями[1]. Они живут среди тупи и людей других народностей, но до такой степени особняком, что ещё недавно находились в зачаточном состоянии цивилизации, совершенно не зная металлов и не имея собаки как домашнего животного. Они не только принадлежали по своей культуре к каменному веку, но и в настоящее время оставшиеся независимыми бакаири находятся ещё в «до-банановом» периоде, не зная этого плода, введенного в Перу Томасом де Берланга[2]. Им неизвестно множество других съедобных растений, разводимых однако большинством индейских племен. Они не курят табаку и не умеют приготовлять ферментирующих напитков. Их гончарные изделия по форме, украшениям и окраске значительно уступают произведениям их соплеменников, гвианских рукуйенцев. Из этого фон-ден-Штейнен заключает, что между караибами они всего ближе подходят к первобытному типу и живут наиболее близко к первоначальной их родине. Национальные их легенды рассказывают о переселениях, совершавшихся с юга на север, и подобные же передвижения происходили и в современную эпоху. Арара и юма, рассеянные по южному берегу Амазонки, татуируются так же, как и бакаири, проводя синюю полосу поперек щеки, от внешнего угла глаза к складке губ.

Хижины индѣйцевъ орежоновъ на рѣкѣ Иса.

Некоторые из этих первобытных караибов, обращенные в христианство в 1820 году, приняли по крайней мере некоторые внешние признаки цивилизации; вождь их получил зва-

1 Karl von den Steinen, „Durch Central-Brasilien“;—Paul Ehrenreich, „Petermann's Mittheilungen”, 1891, Heft IV.

2 Marcos Jimenes de la Espada, „Boletin de la Sociedad Geografica de Madrid“, 1891

ние бразильского капитана и носит форму. Но остаются ещё общины независимых бакаири, впрочем, очень кротких и миролюбивых. Они очень любят музыку и охотно играют на большой флейте, длиной около метра; они играют на ней сидя и уперев конец флейты в землю. Их соломенные хижины с узкой дверью походят на большие пчелиные ульи. Ремесла у них мало развиты, и они принуждены доставать много изделий от своих соседей суя (Suya), живущих ниже по реке, на правом берегу Ксингу. Однако искусство плести гамаки суя заимствовали именно у бакаири. Среди многочисленных народностей верхнего Ксингу суя отличаются высоким ростом, физической силой, замечательной энергией и искусством в гончарном ремесле и плетении корзин. Мущины и женщины ходят совершенно голые, выбривая всё тело, но раскрашиваются черной и красной красками, убирают голову перьями, прокалывают ушные мочки и продевают туда сверток из пальмовых листьев. Наконец, взрослые мущины пропускают себе через нижнюю губу кружок из красного дерева, подобный *ботоку*, от которого индейцы мукури получили имя ботокудов (Botocudos). Вероятно, и они, и суя принадлежат к одной и той же этнической семье.

На низовьях Ксингу главным племенем являются юруна, из расы тупи, бывшие прежде людоедами; теперь же их хвалят за кротость и гостеприимство. Однако, они «бежали от цивилизации» и сопровождающих её повинностей и налогов: прежде они жили вблизи Амазонки и, чтобы уйти от европейцев, переселились на несколько километров выше по Ксингу[1]. По одежде они походят на цивилизованных индейцев нижней Амазонки, но ещё украшаются ожерельями, поясами, бисерными подвесками и натираются маслом, для предохранения от укушений насекомых. Они не стригут волос и заплетают их в длинную косу. Нет ни одного народа, который лучше их умел бы приручать животных: каждое селение представляет зверинец. Большая часть животных, от тапира до маленьких попугаев, приручается легко, и во всех амазонских областях едва-ли найдется хоть один дом, где бы не было одного или нескольких лесных животных: обезьян, пекари, агути, туканов, попугаев, всевозможных птиц. Во многих местах, в числе домашних животных фигурирует ягуар; доходят до того, что держат дома гигантских змей, жибоя (Jiboias), считая их добрыми гениями хижины, освобождающими её от крыс, мышей и вредных насекомых. Племена юруна были бы совсем счастливы, если бы им не приходилось бояться набегов карайя, жестоких воинов, бродящих подле правого берега Ксингу, поддерживая связь с другими туземцами того же племени, живущими восточнее, на берегах Арагвая и Токантина.

Путешественник, плывущий по Амазонке на пароходе, выносит впечатление необъятной пустыни[2]. Настоящие города редки в огромном бассейне Амазонки, и многие селения, имена которых часто упоминаются потому, что путешественники по неволе должны в них останавливаться, представляют лишь жалкия группы хижин. Таков пограничный пост Табатинга, названный так по свойству тамошних берегов, состоящих из глины tabatinga. В этом посту всего два-три домика теснятся вокруг полуразрушенного укрепленьица, лежащего на левом берегу реки, имеющей здесь 1.500 метров ширины. Несмотря на транзитное движение товаров и пассажиров между Бразилией и Перу, пост Табатинга, основанный ещё в 1766 году, не смог подняться до степени города: в окрестностях его нет достаточного населения, которое могло бы сосредоточиться в нём; ниже его на берегах реки чередуются taperas, т.е. места разоренных селений. На южном берегу, на вершине холма в 65 метров, поднимающейся среди низменности, лежит Сан-Пауло-де-Оливенса, превосходящий по величине Табатингу. Холм, на котором он лежит, окружают болотистые земли и густой лес. Сан-Пауло ведет некоторую торговлю каучуком и другими лесными продуктами. Ещё более скромной группой хижин является на левом берегу селение Тунантинш, прежняя старинная миссия Тунати, расположенное между устьями двух крупных притоков рек Исы и Жутаи. Река Иса проходит по стране, эксплоатируемой искателями каучука и сальсепарели. Она легко доступна до подо-

1 Karl von den Steinen, цитирован. сочинение.

2 Marcel Monnier, „Des Andes a Para“.

швы Андов для плавания судов с осадкой в два метра. Верховья её посещают для промысла макагважесы (Macaguajes), низовья—тикунасы, а среднее течение—орежоны (orejones). Эти орежоны рассекают себе губы, уши и ноздри; одежду им заменяет ивовая лента; они ещё употребляют каменные топоры и мастерят прекрасные гончарные изделия. Но туземцы всё более и более покидают Амазонку и удаляются в её верховья и вверх по притокам, где охота и рыбная ловля легче, и где туземцы более защищены от притеснений и захватов европейцев[1]. От Тунантинша до пристани Фонте-Бон (Fonte Boa), т.е. «Хороший источник», идет ряд островов, «королевские пляжи», которые некогда посещались миллионами черепах, доставлявшими тысячи квинталов масла португальским торговцам. Но, подвергаясь беспощадному преследованию, черепахи покинули эти берега.

Город Теффэ, в старину Эга, обязанный своим нынешним именем реке, на берегах которой расположен, занимает первое место между городами по Солимоншу, хотя в нём нет и тысячи жителей. Миссионер Самуил Фриц выстроил первые его домики в 1668 г. и населил его индейцами, которые утратили свое племенное имя и слились с остальными тапуйосами. В 1781 году, испано-португальская коммиссия, назначенная для разграничения владений этих держав, учредила свою главную квартиру в городе Эга, а с 1850 по 1859 год натуралист Бэтс избрал этот городок центром экскурсий по верхней Амазонке. Теффэ обладает большими природными преимуществами: здоровым климатом, почти совершенным отсутствием москитов, плодородной почвой и богатой растительностью, превосходным торговым положением в центре сети водяных путей, обширным портом, образуемым глубоким озером, куда изливается река Теффэ до слияния с Амазонкой. Сверх того, город представляет очаровательное местечко для житья: у каждого дома есть свой апельсинный сад, своя плантация бананов, свой садок для черепах. Против города, на западном берегу озера, виднеется селение Ногейра, славящееся по всей Амазонской области своими горшечными изделиями, украшенными геометрическими рисунками. Только в дни больших праздников в Теффэ собирается всё его население целиком: по крайней мере четверть жителей проживает в окрестных *sitios*, т.е. фермах, где они занимаются разведением скота, собиранием яиц черепахи, приготовлением консервов из ламантина, или peixe boy, сбором промышленных и лекарственных растений. Деревни Куари и Альвелос, лежащие ниже на правом берегу, у устья реки Куари, и селение Кудажас (Codajaz) на одном из протоков, соединяющих низовья реки Япуры с Солимоншем, занимаются теми же промыслами, но в меньших размерах.

Прежде на всём протяжении большой реки Пурус, по длине превосходящей Дунай, не было ни одной хижины европейцев, а постоянные изменения русла реки, вредный климат большей части приречных земель и масса отравляющих жизнь москитов дали повод путешественнику Уильяму Чандлессу даже предсказывать, что века пройдут раньше, чем берега Пуруса населятся цивилизованными жителями[2]. Однако самые исследования этого путешественника, открыв чрезвычайное богатство местных лесов каучуком и другими ценными веществами, необычайно возбудили аппетиты, и торговля почти сразу вторглась в эту страну. К 1862 году на Пурусе рискнул появиться первый пароход; в 1869 году флотилия из пятнадцати пароходов начала правильные рейсы от Амазонки до первых становищ *seringueiros*, т.е. сборщиков каучука.

Ещё два года спустя этих последних было всего две тысячи, а в 1890 году в долине Пуруса считалось по крайней мере пятьдесят тысяч душ, кроме индейцев, при чём почти всё это население вело бродячую жизнь. Переселенцы из Сеара (Ceara), выгнанные из своей страны продолжительными засухами, явились толпами, одни, чтобы эксплоатировать богатства страны в течение благоприятного времени года, другие—чтобы поселиться здесь навсегда. Торговец Лабрэ, являющийся в то же время самым деятельным исследователем верхнего бассейна, основал в 1871 г. пост, названный по его имени—Лабрэа и сделавшийся столицей округа. Новый город стоит на высоком месте, на правом берегу Пуруса, у узла дорог иска-

1 Crevaux, „Tour du Monde“, 1881, livraison 1052,

2 „Journal of the R. Geographical Society“, 1866.

телей каучука, не только в этой речной области верховьев Пуруса и Акири, но и в дальних странах, орошаемых реками Бени и Мадейрой. Не взирая на мысленные границы, проведенные по прямой линии через леса, бразильские купцы свободно эксплоатируют богатства Боливии.

Ежегодно из бассейна Пуруса вывозится 2.950 тонн каучука, на 22.500.000 франков. Подобно всем странам, наводненным спекулаторами, Лабрэа и поселения в окрестной стране вынуждены покупать по невероятным ценам съестные припасы и мануфактурные изделия. Местные жители занимаются только самыми необходимыми ремеслами, а на зачатки земледелия указывает всего несколько расчисток; впрочем, продукты земледелия в сущности идут только на приготовление спиртных напитков. Вместе с открытием удобных дорог к саваннам боливийского Пьемонта, расширение плантаций бананов и хлебных полей составит истинное богатство Лабрэи. Пристань на Пурусе, где в настоящее время прекращается пароходство, лежит на несколько сот километров выше Лабрэи; это просто группа домиков, по имени Ютанаян (Hyutanaham).

С экономической точки зрения река Мадейра может считаться частью той же области, к которой принадлежит река Пурус, но только ниже водопадов, потому что выше их лежат области реки Гвапоре, некогда составлявшие особый озерный бассейн, принадлежащие уже к другому штату, именно Матто-Гроссо, отличаясь особым характером природы и тяготея к другим центрам. В нижнем течении река Мадейра проходит по местностям, подобным лежащим по реке Пурусе, так же изменяет свои берега и доставляет торговцам те же произведения, что и бассейн Пуруса. Проектировали было соединить бассейны Мадейры и Пуруса колесной или даже железной дорогой, которая, отходя от первой реки выше водопадов, пересекла бы реку Бени и подошла бы к реке Акири в том месте, с которого начинается судоходство посредством барок. Но уже начатые работы по устройству путей сообщения имели другую цель. Предполагалось заменить плавание по Мадейре в области водопадов обходной железной дорогой, проложенной вдоль правого берега, по Бразильской территории. С 1867 года спекулянты занимались этим предприятием и по проекту инженера Келлер эту линию, около 290 километров длиной, можно бы построить за 15 миллионов франков. Но концессионерная компания разорилась из-за дипломатических столкновений, процессов, непоследовательности работ, которые то бросались, то опять возобновлялись, а также вследствие вредных испарений болот и вод, окружающих водопады[1], но, главное, по причине громадных расходов, вызывавшихся управлением, находившимся очень далеко от места работ. Рельсы выстроенной части дороги исчезли под новыми лесными порослями, к большому огорчению боливийских купцов. Однако, между обоими судоходными участками Мадейры всё-таки существует некоторое торговое движение, несмотря на затруднения и расходы, причиняемые разгрузками и нагрузками, тягой на бечеве и переноской судов и товаров через волоки.

У подножия водопадов, на правом берегу реки, на высоте в 62 метра над уровнем моря, лежит местечко Санто-Антонио (по-португальски: Сан-Антан). Судовщики отдыхают здесь до начала трудного путешествия через водопады или после его окончания. Санто-Антонио имеет некоторое значение, как складочное место товаров и как центр черепаховых ловель: яйца черепах собирают главным образом на соседнем пляже, называемом Тамандуа, или «Большой Муравейник». Ниже, на протяжении 1.060 километров, до впадения в Амазонку, на берегах реки находим всего только три или четыре деревни, несколько поселков, да отдельные хижины. На левом берегу лежит Крато, маленькая группа хижин, заменившая другое Крато, некогда составлявшее предмет ужаса, как место ссылки: сюда португальское правительство ссылало политических деятелей, от которых желало отделаться.

В настоящее время селение Умаита, построенное в одном километре выше нового Крато, начинает проявлять некоторую деятельность, как центр торговли каучуком и другими лесными произведениями. Главным поселением на низовьях Мадейры является деревушка

1 C. B. Brown and W. Lidstone, „Fifteen thousand miles on the Amazon and its tributaries“.

Борба, окруженная кое-какими возделанными полями; она соединяется целой сетью судоходных протоков, furos и igarapes, с Амазонкой, выше и ниже впадения в неё Мадейры. В некоторых местах по Мадейре, особенно вблизи водопадов, царствуют постоянные лихорадки. Так как нескольким семьям, населяющим Борба, тоже приходилось страдать от вредных испарений, то деревня эта была перенесена в более здоровое место.

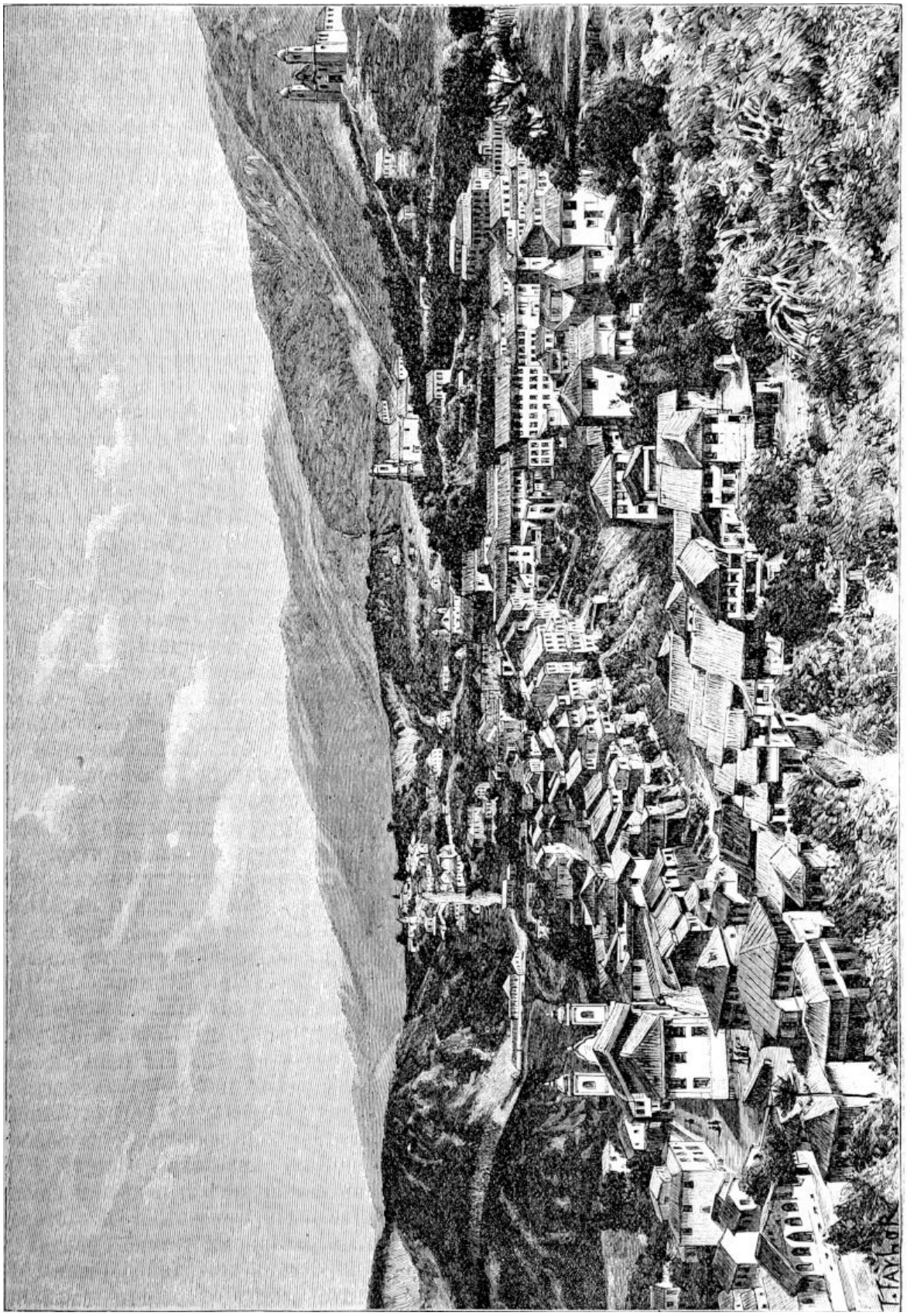
Река Рио-Негро прерывается водопадами, подобно Мадейре; берега её нижнего течения, выше г. Манаос, вообще населены не более берегов Мадейры. Но во всяком случае в конце XVIII столетия здесь получили некоторое значение прибрежные города Томар (Thomar), Морейра, Барселлос и Айран, где были расселены индейцы, обязанные исполнять разные работы. Туземцы хотя считались свободными, но в действительности были рабами; они возделывали хлопчатник, индиго, рис, какао, кофе, табак; на шести прядильнях обрабатывали хлопок и снабжали тканями весь округ по течению Рио-Негро и частью провинцию Пара. Но это искусственное благосостояние поддерживалось только силой: произошла перемена в административном режиме, и всё расстроилось; индейцы разбежались по лесам, чтобы вернуться к прежней свободе, и прибрежные поселения вскоре обратились в развалины и жалкия группы соломенных хижин. Теперь нужно будет начинать съизнова дело заселения и обработки земель.

Самые крупные поселения в бассейне Рио-Негро находятся на берегах реки Уопес, где население отчасти ещё независимо, но где миссионеры сгруппировали несколько семейств, принявших христианство. В этих селениях,—Жуаритэ, Панорэ, Тараква,—в каждом более трехсот жителей; среди окружающих пустынь, эти местечки кажутся настоящими городами. На самой реке Рио-Негро город Марабитануш (Marabitanos, названный так по имени бывшего индейского племени) представляет лишь бедную деревушку, а самый большой из прибрежных «городов», лежащий на реке ниже впадения Уопеса, именно город Барселлуш (Barcellos), в 1884 году, во время путешествия Кудро, состоял всего из тридцати домов. В XVIII-том столетии он был главным городом капитанства, и тогда в нём было четыре тысячи жителей; но в 1809 году Барселлуш развенчали в пользу Манауша, и из него сразу выселились солдаты, чиновники и часть гражданского населения. На реке Рио-Бранко, впадающей ниже, прежде были, как и на Рио-Негро, многолюдные селения,—Санта-Мария, Кармо, Пескейра-Реаль,—жители которых владели большими стадами скота. Теперь ничего не осталось от этих старинных поселений, и даже нельзя указать их местоположение. В настоящее время край снова заселяется. Несмотря на препятствия для судоходства, представляемые порогами (cachoeiras), предприимчивые скотоводы завели стада в саваннах, граничащих с английской Гвианой, на берегах Урарикоера и Такуту, и на левом берегу Рио-Бранко появился хорошенький городок Бона-Виста (Boa-Vista), ниже маленького форта Сан-Жоакин, состоящего из жалких мазанок, крытых соломой, гарнизон которого, в числе пяти человек, проводит большую часть времени на одной соседней *фазенде* (ферме), где его кормят из милости[1]. В 1885 году во всех «скотских дворах» по верхнему течению Рио-Бранко считалось четыре тысячи лошадей и двадцать тысяч голов рогатого скота.

Манаос или Манауш (Manaos),—старинный город, прежде называвшийся Барра или Форталеса-да-Рио-Негро; его прежнее имя происходило от «бары», или столкновения вод при слиянии Рио-Негро и Амазонки. Современное его имя происходит от имени одного племени индейцев тупи, некогда могущественного и храбро сопротивлявшагося нападениям португальцев; по их имени, также называли мифический город на озере Парима, где жил *Эль Дорадо*, «Позолоченный человек». Манауш составляет исключение среди городских поселений на Рио-Негро—именно, он лежит на левом берегу реки. Город занимает обширную возвышенность, поднимающуюся над уровнем самых высоких половодий, и даже представляет несколько горок: большая аллея, пересекающая город, параллельно Рио-Негро, в 16 километрах выше её устья, представляет ряд подъемов и спусков, а пересекающие её под прямым углом улицы теряются на востоке в лесу. Сохранились кое-какие остатки старинно-

1 Henri A. Coudreau, „La France Equinoxiale“.

го форта. Два ручья протекают через Манауш, впадая в реку широкими устьями, служащими местами стоянки для мелких судов. Недалеко от города один из этих ручьев спускается с обрыва из красного мела водопадом около 3 метров высотой: этот «Большой каскад» служит

Уоро Прето.

главной целью прогулок и прекрасным местом купанья для посетителей Манауша. Когда большая часть индейцев Амазонской области ещё была независимой, город Барра служил центральным пунктом для отрядов так называемых *ресгатанов* (resgatao), охотившихся за

индейцами, чтобы продавать их в качестве рабов на приморские плантации. Потом город постепенно превратился в торговый центр. Сделавшись с 1850 года столицей новой Амазонской провинции, он является средоточием всех торговых оборотов верхней Амазонки и её притоков, в громадном полукруге, образованном их разветвлениями, от гор Парима до боливийских Андов. Привилегированное положение Манауша на перекрестке больших судоходных путей (Солимонша и Амазонки, Рио-Негро и Мадейры) обеспечивает ему роль складочного места для произведений половины Бразилии. В среднем, ежегодные торговые обороты Манауша достигают 50.000.000 франков. Сверх того, будучи портом, доступным для больших судов, он с 1876 года ведет прямые торговые сношения с заграничными странами. Поэтому численность его населения весьма значительна для страны, где жители рассеяны на столь обширных пространствах. Многочисленные семьи живут в нём в плавучем городе из лодок. Непрерывное переселенческое движение некогда приводило в Манауш судовщиков-мохосов и даже индейцев с гор Боливии,—маморэ и итонама, убегавших от обязательных работ на землевладельцев или от военной службы, и понемногу сливавшихся с массой индейцев тапуйосов. Со времени замены судоходства на лодках пароходами, эти туземцы не переходят более за Санто-Антонио на Мадейре; в Манауше изредка можно встретить лишь несколько стариков из этих племен. Но эту первую иммиграцию сменила другая, гораздо более важная,—иммиграция жителей города Сеара, для которых Манауш является крупным промежуточным складочным местом и местом снабжения припасами во время их плаваний по Амазонке. Значительную часть этого населения составляют негры, мулаты и разные метисы; присутствие нескольких кафуса (помесь негра с индианкой) делает эту смесь ещё более пестрой. Манауш служит резиденцией большинства, иностранных купцов, именно англичан, почти монополизировавших торговлю по реке Пурус, французов и французских евреев, эксплоатирующих в особенности *seringales*, леса каучукового дерева на реке Журуа[1]. Огромному прогрессу Манауша относительно населения соответствуют также успехи земледелия в окружающих его местностях, где возделывают в особенности кофе, какао и маис. По мнению Барбоса Родригеса, в Манауше в настоящее время число жителей больше половины населения, заключающагося во всей его громадной провинции. Каучуковый промысел (borracha) имел экономическим следствием, так сказать, мобилизацию всего населения, и из-за него все селения обезлюдели в пользу их столицы, сделавшейся большим торговым центром,—вечно деятельным ульем, пчелы которого отправляются на добычу в даль безграничных лесов. Между своими учреждениями для народного образования Манауш имел прежде ботанический музей, коллекции которого были розданы в разные другие естественно-исторические музеи после отозвания в Рио-Жанейро ботаника Барбоса Родригеса.

Город Итакоатиара, или «Разрисованный камень», в старину называвшийся Серпа, лежит на высоком обрыве северного берега Амазонки, состоящем из красноватой глины (tabatinga), отчего, вероятно, произошло и имя этого города[2], хотя в окрестностях находили также утесы с высеченными на них изображениями. Благодаря своему положению ниже устья реки Мадейры, Итакоатиара некогда была маленьким Манаушем, как складочное место каучука и различных продуктов, привозимых судовщиками—мохосами и другими. Здесь товары перегружались из лодок на пароходы и обратно. «Дороги для пирог», идущие через лес, соединяют город с рекою Рио-Негро. Ниже, на холме правого, т.е. южного берега, виднеется город Паринтинш, в старину называвшийся Вилла-Белла или Вилла-Нова-де-Раинья, или да-Императрис, смотря по политическому режиму Бразилии. Тут начинаются плантации какао, составляющие богатство этой местности; они тянутся вдоль берегов до города Монте-Алегре, чередуясь с другими культурами, плантациями табаку, руку, гвараны, бананов, маиса. Судоходные протоки реки Парана-де-Рамуш или Парана-Мирим, следующие вдоль южного берега Амазонки сквозь леса, делают из города Паринтинша другой коммерческий порт реки Мадейры. Во время половодий или когда бури волнуют воды главного русла, многие

1 Henri A. Coudreau, „La France Equinoxiale“.

2 Henry W. Bates, цитированное сочинение.

судовщики предпочитают пускаться в лабиринт этих боковых потоков, чем подвергать свои суда опасности среди грозного течения Амазонки. К северу от реки, в другом лабиринте каналов, прячется город Фаро, близ мыса, где Орельяна встретил, будто-бы, воительниц-амазонок.

Город Обидос (в старину Пауксис) лежит, подобно всем другим городам этой области, на покатости, превышающей на много метров высоту, достигаемую наводнениями. На высокой площадке расположен форт, пушки которого обстреливают реку, суживающуюся здесь до наименьшей ширины и протекающую у подножия высокого южного берега. Но военное значение города только кажущееся. Дезертиры или *мокамбисты* (*mocambistas*), бежавшие в северо-западную часть долины реки Тромбетас, где они распахивают землю, возделывают кофе, какао, маис и разводят скот, сделали для процветания города Обидоса гораздо больше, чем его гарнизон. Поженившись на туземках племени пианогото, они сделались почти индейцами и через посредство своих союзников по ту сторону гор поддерживают торговые сношения с голландцами Суринама[1]. Что касается до военной колонии, основанной выше города, близ одного из устьев реки Тромбетас, то она представляет лишь развалины: поселенные

Кафуса.

здесь 369 португальцев перемерли или разбрелись. Город Аленкер (Alenquer), лежащий восточнее, на одном боковом потоке Амазонки, растет и богатеет; он расчищает свои леса и начинает пользоваться для земледелия и скотоводства обширными саваннами Кампо-Гранде, тянущимися на север до границ Гвианы. Крупный рогатый скот и свиньи там быстро размножаются, но козы и овцы не могли акклиматизироваться. Эта местность—одна из самых здоровых в амазонских областях, и обещает принять самое деятельное участие в труде бразильской нации. На берегах реки возникают новые деревни; от их домиков (maromas), построенных на сваях и окруженных верандами, спускаются к воде пристани, где в тени шоколадных деревьев качаются лодки.

На пространстве между Манаушем, центральным городом Амазонской области, и г. Пара, стерегущим устье великой реки, первое место принадлежит городу Сантарен (Santarem), расположенному у устья реки Тапажос, на пологом скате длинного холма, покрытого апельсиновыми рощами; выше расстилается обширное озеро, с почти стоячей во-

1 Barbosa Rodrigues, „Relatorio sobre a rio Trombetas“.

дой, куда изливается Тапажос, раньше впадения в Амазонку через Сантаренское устье. Основанный ещё в 1758 году, город растет медленно, несмотря на выгоды, доставляемые ему его судоходными путями: в его порте могут останавливаться самые глубоко сидящие суда, пришедшие с попутными приливом и пассатом, дующим почти непрерывно полгода. От Амазонского залива до Сантарена река течет почти прямолинейно, позволяя парусным судам подниматься против течения одним галсом. Пароходство ещё увеличило торговые удобства Сантарена; но водопады на р. Тапажос, выше городка Италтуба, в 443 километрах от Сантарена, всё ещё заграждают путь судам. Копай, ваниль, каучук, американский орех доставляются из верхних частей долины Тапажоса лишь на лодках, с трудом перетаскиваемых от одного судоходного участка до другого. Вокруг Сантарена в изобилии ростет, доставляя драгоценное пахучее вещество, роскошное дерево *тонка* или *тонга*, тожественное с саррапией берегов Ориноко (dipteryx odorata). Напротив города, на западном берегу озера, образованного р. Тапажос, виднеется городок Виллафранка, подле которого находится обширная плантация какао, принадлежащая бразильской казне, наследовавшей её от иезуитов. Выше, на том же берегу реки, находится земледельческая колония, основанная после северо-американской междоусобной войны переселенцами с реки Миссисипи. Теперь значительную часть её населения составляют бразильцы.

Южный берег реки Амазонок, тянущийся на восток ниже Сантарена, является самым населенным изо всех амазонских побережий, если не считать городских поселений; окруженные возделанными полями, домики образуют длинные селения, тянущиеся на 50 километров у подножия и на склонах песчаниковой плоской возвышенности, идущей вдоль реки и простирающейся километров на десять в глубь страны Такая возвышенность называется *монтанья* (гора), хотя она поднимается всего от 130 до 150 метров. В этой местности, прежде густо населенной индейцами, виднеются многочисленные развалины, *тапераш* и *тапериньяш* (*маленькия развалины*), а также следы дорог[1]. Дальше, на левом берегу, появляется город Монте-Алегре, вполне заслуживающий свое имя («Веселая гора»). Из всех амазонских поселений он один расположен не на береговом скате, а на настоящем холме, покрытом кактусами; с его террас видны длинные излучины рек и прибрежные озера с их сетью протоков, всё это разделенное извилистыми полосами лесов и лугов. Многоводная речка протекает вдоль холма, а дальше, на берегу Амазонки, группируются дома и склады пристани, с её флотилией лодок и кораблей.

Дальше, на большом рукаве Амазонки, разбросано несколько меньших городских поселений: Альмейрим, населенный индейцами аракажу, лежит у устья реки Пару, к западу от которого некогда возвышался голландский форт; Порто-де-Мос, расположенный посреди архипелага островов, командует над лабиринтом протоков, соединяющих реку Ксингу с Амазонкой, служа сборным пунктом пароходов, поднимающихся к югу до г. Сусель, лежащего ниже последнего водопада на реке Ксингу; Гурупа, на северо-востоке, на другом перекрестке водяных путей, господствует над фарватером, по которому совершается самое оживленное движение: прежде здесь жили голландцы, а после них поместили входную таможню для всего бассейна Амазонки. Город Гурупа получил свое имя от одного племени нации тупи, более не существующего. Различные острова, тянущиеся к северу в устье и разделяющие его на несколько параллельных каналов, также известны под названием архипелага Гурупаш (Gurupas).

Город Макапа, основанный португальцами в 1744 году на северном берегу устья, всего на 2 минуты, т.е. около 3—4 километров, к северу от экватора, должен был служить оплотом Амазонии; сильная крепость ещё командует над проходом в Амазонку; впрочем, она бесполезна для защиты слишком широкого устья, а один из её фасов подмывается течением. Но военный город не превратился в торговый: к югу от г. Макапа пресноводное море опасно по своим бурям и пороороке. Окрестные местности, почти совершенно лишенные населения, поддерживают лишь незначительную торговлю. Даже сам маленький город часто кажется

1 Herbert H. Smith. „Brazil, the Amazons and the Coast“.

безлюдным: половина жителей занимается вокруг него сбором каучука и какао. И однако этот бедный город, попавший в число правительственным *presidios*, т.е. мест ссылки и смерти политических осужденных, имеет претензии столицы: он стремится стать главным городом нового штата Ойяпокиа или Пинсониа, который по значению соперничал бы со штатами Пара и Амазонским. В том же округе, километрах в шестидесяти к западу, внутри страны, лежит городок Мазаган (Mazagao), напоминающий мароканский город Мазаган (в настоящее время Эль-Бриджа), в течение двух с половиною веков принадлежавший португальцам и очищенный ими в 1770 году. Португальское население этого африканского города, в числе 114 семей, было перевезено на устье Амазонки, где основало новый город. Сравнивая себя со столь разнообразно смешанным населением Амазонской области, мазаганиты хвастались чистотой своей старинной лузитанской крови, хотя и она была смешана с кровью берберов и семитов.

Вне собственно амазонского бассейна, среди лабиринта протоков, соединяющих Амазонку с устьем Токантина, существует несколько городков и селений, расположенных на перекрестках речек, текущих то в ту, то в другую сторону, сообразно приливу и отливу. Бревеш (Breves), одна из наиболее посещаемых барками и пароходами пристаней, лежит у выхода очень глубокого протока, отененного темными стенами деревьев. Население Бревеша состоит главным образом из купцов,—португальцев и метисов; они продают путешественникам индейские гончарные изделия и *cuyas*, т.е. сосуды из тыквы, раскрашенные глиной, руку, индиго и другие произведения леса. Прочие города на острове Маражо ещё ничтожнее. Шавеш (Chaves) и Соуре, расположенные близ старинного селения Йоханнес, по имени которого назывался весь остров, занимаются вывозом скота. Мексиана и Кавиана промышляют скотоводством; в озере Мексиана водится много кайманов; их убивают для добывания жира. Озеро Арари окружают богатые *фазенды* (fazendas), некогда принадлежавшие иезуитам.

Город Пара оффициально называется Санта-Мариа-де-Назарет-де-Белем-до-Гран-Пара, по имени очень посещаемого места паломничеств. Он лежит на невысоком берегу, к востоку от большого лимана или залива Пара или Токантина. Эта часть обширной водной поверхности, называемая Гважару, отделяет от себя протоки, разветвляющиеся внутри города, где они принимают в себя речку Капим; кроме того, во всех направлениях расходятся другие природные каналы. В городе нет холмов и возвышенностей, где здания могли бы подниматься амфитеатром, так как почва слегка поднимается только у южной оконечности города. Поэтому г. Пара показывается только с фасада и не вызывает удивления ни живописностью, ни величием своего вида. Но в нём есть прелестные кварталы, где украшенные галлереями и облицованные изразцами дома отеняются громадными деревьями. Одна улица-аллея состоит из сырных деревьев, другая—из хлебных деревьев, третья—из пальм. В городских предместьях дома чередуются с апельсинными садами, а кругом города бесчисленные виллы, рассеянные по опушке или по просекам леса, еле сдерживают своими заборами буйную растительность. Но в ближайшей к порту части города кварталы имеют уже коммерческий вид, и здесь днем толпится деловое население, потому что Пара сделался большим торговым городом, занимая пятое место в Бразильской республике.

Город Пара, основанный в 1615 году, медленно разростался до отпадения Бразилии от метрополии. После же отпадения этот амазонский город, наиболее португальский во всей колонии, долго оставался верен имперскому правительству, и в течение многих лет здесь чередовались революции и контр-революции. Наконец, в 1835 году, вспыхнула война «*Кабанаген*» (Cabanagem), одна из наиболее запутанных междоусобных войн, где действовали, взаимно переплетаясь, ненависть индейцев и негров к белым, бразильцев к португальцам, рабов к хозяевам, бедных к богатым, католиков к франк-масонам. После этой войны город оказался почти разоренным: в 1819 году, при португальском владычестве, в нём было до 24.500 жителей, а в 1848 году их насчитывалось не более 15.000. В 1850 году впервые появилась в городе желтая лихорадка; три четверти жителей заболели, а остальные разбежались; всякая торговля остановилась. С тех пор г. Пара изумительно развился: меньше чем в

полстолетие, население возросло слишком в шесть раз, а торговые обороты более чем удесятерились. В Пара встречаются представители всех народностей, но преобладают португальцы. Они являются главными торговыми посредниками, отличаясь сильным духом солидарности, взаимно кредитуясь и при случае поддерживая друг друга. В их руках находится часть заграничной торговли и вся розничная торговля. Многие ремесла составляют также монополию переселенцев из Опорто, а гальегосы являются разносчиками воды, как в испанских городах. В Пара также скрываются многочисленные ссыльные арабы и французы, бежавшие из Кайенны.

Хотя город Пара отстоит от моря больше, чем на сто километров, глубина на фарватере у него достигает 7 метров, так что к городу подходят самые большие суда, доставляющие европейские произведения, консервы и муку, и забирающие в обмен каучук (считающийся лучшим в мире), какао, кожи, аптекарские товары, и, в числе редких промышленных изделий, перувианские соломенные шляпы. Большая часть торгового обмена производится с Северо-Американскими Соединенными Штатами; потом следуют, по размеру оборотов, Англия и Франция. Нравственное влияние, чрез посредство литературы, идей и мод, принадлежит преимущественно Парижу. Торговля города Пара с внутренними частями Амазонской области по размерам оборотов равняется внешней торговле.

В 1796 г. торговые обороты г. Пара равнялись—1.575.000 франк.; в 1853 году они простирались до—10.000.000 франков; вывоз, в среднем за год, с 1880 по 1891 г.—86.250.000 франк.; вывоз каучука в 1892 году составлял—18.800 тонн на 45.120.000 франк.; доходы таможни в городе Пара—25.685.000 франк.

Серингейросы, т.е. сборщики каучука, периодически переселяются десятками тысяч в амазонские леса, работая за счет негоциантов Белема (Пара).

К городу Пара тяготеют его многочисленные маленькие городки, поддерживая с ним постоянные сношения. Город Вижиа, лежащий у входа в реку, дает знать о подходящих с моря судах; Салинаш, расположенный на белом обрыве у открытого моря, служит передовой гаванью для лоцманских ботов; Браганса, лежащая восточнее, господствует над плоскими берегами, посещаемыми купальщиками из Пара; благодаря своей новой железной дороге, Браганса сделалась до некоторой степени предместьем Пара. На высоком берегу, к западу от реки Токантина, шириной здесь в 8 километров, лежит городок Камета, занимающий центр самой населенной части штата. Жители его все мамелюки, происходящие от матерей из индейского племени камута; они не уступают португальцам по смышлености и предприимчивости, отличаются таким же промышленным духом, но превосходят их любезностью и добродушием. Камета является одним из райских уголков Бразилии по красоте своих пальмовых рощ, островов, плантаций, а также и по прелестям тамошней общественной жизни. Он заслуживал бы хвалебной пословицы, вроде той, какую с удовольствием повторяют жители Пара, а за ними иронически твердят и некоторые иностранцы: «*quem vai para Para para*» (кто пойдет в Пара, там и останется).

По Барбоса Родригесу, в 1893 году население главнейших городов в штатах Амазонском и Пара приблизительно равнялось:

В штате Амазонском. Манауш (Manaos или Barra do Rio-Negro)—50.000 ж.; Теффэ (Эга)—1.000 ж.

В штате Пара. Пара (Белем)—110.000 ж. Камета—10.000 ж.; Сантарен—2.000 ж.; Макапа—1.000 ж.

III. Покатость реки Токантин. Штат Гойяс

Гидрографическая система Токантина тесно связана с системой Амазонки. Если справедливо, как, повидимому, всё на это указывает, что, вследствие постоянного оседания морского дна, воды Атлантического океана залили часть суши, занимаемую в настоящее время

Амазонским заливом, то река Токантин, соединяющаяся теперь с «рекой-морем» протоками, наводняемыми приливом, некогда прямо сливалась с ней восточнее острова Маражо: в те времена Токантин являлся простым притоком Амазонки. При том он течет с того же склона, как и другие южные притоки великой реки,—Ксингу и Тапажос, и течение его развивается параллельно им. Но по области своих истоков Токантин, вытекая из самого центра бразильского горного массива, граничит с другими естественными областями, именно с бассейнами рек Сан-Франциско и Параны. Поэтому Бразилия, преобразовавшись в федеральную республику, возъимела мысль создать новый главный город именно в этой водораздельной области, близ места, откуда расходятся три главные реки. С чисто геометрической точки зрения, избранное место, конечно, вполне совпадает с центром территории; но если бы хотели взять истинный центр, т.е. то место в Бразилии, вокруг которого население численно уравновешивается, то его пришлось бы искать гораздо далее на восток, в штате Минаш-Жираеш (Минас-Жераес). Думали, что в будущем центр населенности, постепенно перемещаясь на Дальний Запад, в конце концов займет место, предназначенное для будущей столицы, подобно тому, как в Северо-Американских Соединенных Штатах центр населенности безостановочно передвигался по мере прилива переселенцев с востока на запад, от побережных городов к пустыням внутренности страны.

Границы Гойяса совершенно не совпадают с границами бассейна, воды которого река Токантин изливает в залив Пара. Штат Гойяс, поверхность которого исчисляется самым различным образом, занимает к югу от гор Пиренейских часть южного склона, спускающагося к реке Паране, а с западной стороны он захватывает лишь половину долины реки Арагвайя; границу его образует эта река. Пространство и народонаселение Гойяса: Пространство по Вагнеру и Зупану—747.311 квадрат, километр. Население по переписи 1890 года—227.572 душ. Вероятное население в 1893 году—250.000 душ. Плотность народонаселения—0,33 жит. на 1 квадр. килом.

Что касается очертаний бассейна истечения, то они отличаются замечательной правильностью. Вокруг обоих главных речных ветвей, Токантина и Арагвайи, возвышается овальный амфитеатр, замыкаемый на севере скалистыми уступами, откуда низвергаются последние водопады реки; внешния стены этого большого амфитеатра составляют, если не хребты гор, то по крайней мере обрывистые края плоскогорий и возвышенности. В особенности на востоке бассейн ограничен высокими обрывами, которым дают имя *serras* (горы), благодаря представляемому ими со стороны долины виду: таковы серра-даш-Мангабейраш, серра-до-Доуру, серра-да-Табатинга, серра-до-Паранан. В действительности высоты состоят из *шападонш* (chapadoes), отрывков песчаникового плато, однообразно тянущихся, возвышаясь в среднем на 400 метров; над ними местами поднимаются кубические массы, высотой в 80 метров, а местами среди них образовались впадины такой же глубины. Вся эта страна была однообразной равниной, и её теперешния неровности произошли вследствие разрушительной работы вод[1]. Только незначительная часть нижнего течения Токантина проходит по наносной равнине, продолжающей на восток Амазонскую низменность.

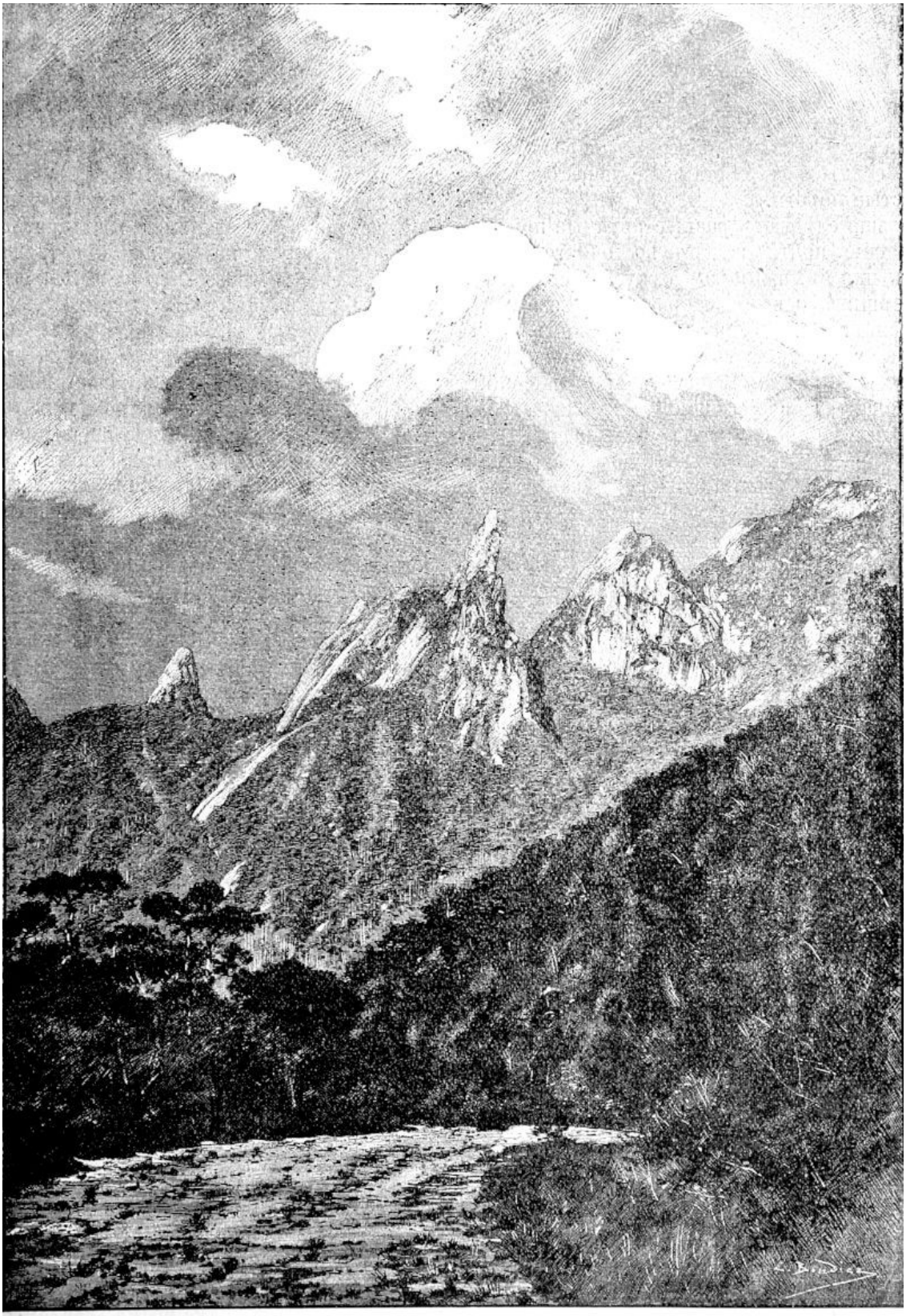
Совершенно неисследованные части бассейна Токантина занимают ещё очень большую площадь, потому что путешественники,—среди которых следует назвать Франсиса де-Кастельно, Коуто де-Магальянш, Хасслера и Эренрейха,—вообще не удалялись от реки или её непосредственного соседства. Поль и Наттер тоже посещали Гойяс. В XVIII столетии также было совершено несколько путешествий с целью географических открытий, хотя португальское правительство запретило их из ненависти ко всяким переменам. Тавареш Лисбао (Tavares Lisbao), повинный в том, что спустился по Токантину до города Пара, был посажен в тюрьму, вместе со своими спутниками, и лишь с трудом избежал смерти[2].

Две реки, одинаковые по длине течения и мало различающиеся по своей многоводности,

1 Otto Clauss, „Verhandlungen des funften Geographentages zu Hamburg", 1886;—Orville A. Derby, „A Geographia physica do Brasil."

2 Fr. de Castelnau, „Expedition dans les parties centrales de l'Amerique du Sud".

—собственный Токантин и Арагвайя,—сливаются и образуют ниже одну реку; во Франции подобный пример представляют Луара и Аллье. Между обеими бразильскими реками, как и между французскими, поднимаются высоты, достаточно значительные, чтобы местами при-

Горы Терезіополиса.

нимать вид настоящих гор. Они представляют отдельный геологический остров; в Гойясе этот остров состоит из метаморфических пород, окруженных песчаниками.

Первые воды, питающие правую реку, т.е. Токантин, вытекают из угловой долины, обра-

зуемой поперечным хребтом Пиренейским, и собираются в тихом озере Формоза, по выходе из которого воды текут сначала на северо-запад под названием Мараньян (Maranhao), потом уклоняются под прямым углом на северо-восток. Соединившись с потоком Монтеш-Кларуш, река получает имя Токантин (собственно Токантинш, Tocantins), сохраняя его до моря, и сливается с другой, равной по величине, рекой,—Параной или Парана-Тинга («Белая Река»), в которую собираются все ручьи, стекающие с западного склона гор Паранан и Табатинга. Река, получающаяся от слияния всех этих разветвлений многоводных речек, была бы доступна для плавания больших паровых судов, если бы её местами не пересекали каменистые пороги.

Дальше следуют разные крупные притоки, стекающие почти все с восточного склона; один из них, Рио-до-Сомну, берет начало на вершине одного водораздела (возвышающагося на 642 метра над уровнем моря), откуда воды стекают на две стороны. Даже на карте Омена де-Мелло, изданной в 1895 г., обозначено, что лежащее на вершине водораздела озерко изливает свои воды тремя истоками—в Токантин текут речки Сомниньо и Нову, а в реку Франсиско речка Саран.

После впадения реки Маноэль-Альвеш-Гранде, Токантин прорывается сквозь скалистые преграды. Эта часть его течения является «героической» по внезапным переменам направления, порогам и водопадам. Наконец, наткнувшись на севере на неодолимую гряду, он принужден отклониться на запад и слиться с Арагвайей, которая кажется главной из этих реклизнецов по направлению её долины, равно как и по несколько большему расходу воды.

Река Арагвайя берет начало южнее Токантина. Под именем Рио-Гранде (столь обычным в Америке), она вытекает из гор Серра-Кайяпо, недалеко от других потоков, спускающихся на запад к Парагваю. Увеличившись принятием Рио-Кларо и других значительных притоков, она уже становится легко-доступной для судоходства, ещё до впадения, с западной стороны, своего самого многоводного притока, Рио-даш-Мортеш, называемого в верхних частях его Ронкадор; он протекает там по плоскогорью без заметного водораздела; здесь воды, с неопределенным падением, с одной стороны извиваются к бассейну Токантина, а с другой—к бассейну Парагвая. В том месте, где река Рио-даш-Мортеш впадает в Арагвайю, эта последняя разделяется на два рукава, между которыми лежит продолговатый остров Бананаль, занимающий площадь в двадцать тысяч квадратных километров.

Этот «Банановый» остров имеет не менее 400 километров протяжения с юга на север, а считая изгибы западного берега и все 510 километров. Он, повидимому, представляет пласт озерных осадков: его поверхность сохранила полнейшую горизонтальность, и в северной части он ещё усеян болотами; говорят, что на острове имеется даже обширное озеро, изливающее свои воды в восточный рукав Арагвайи, обыкновенно называемый Брасо-Менор («Меньший Рукав»), потому, что он менее многоводен, чем западный. К северу от острова Бананаль идут два других острова, также некогда заполнявшие водоемы древнего внутреннего моря; они тянутся до 8-го градуса широты, вдоль гор Серра-дош-Кайяпуш, которые понемногу подходят к реке и отделяют *травессонш* или *энтапавайш*, т.е. перегораживающие реку каменные гряды, состоящие из эруптивных пород или из гнейса. В этих местах река образует пороги или каскады, начиная здесь спускаться с внутренних плоскогорий на Амазонскую низменность.

Первые пороги совсем не опасны для судоходства, но затем течение становится быстрей, и чаще появляются водопады и водовороты, на протяжении около 29 километров, до Каррейра-Комприда; на этом участке Арагвайя в общем спускается на 25,5 метра, т.е. падение её равняется приблизительно одному метру на километр. Затем, река поворачивает на северо-восток, образуя несколько меньших быстрин и водоворотов; дальше, суженная до 150 метров, очень глубокая и быстрая, она несется в теснине, между скал, изрытых пещерами и покрытых индейскими изваяниями, которые бразильские судовщики принимали за изображение Христовых Страстей, отчего это ущелье и получило имя Мартириуш[1]. Ниже река всту-

1 Francis de Castelnau, цитиров. сочин.

пает в теснину Кашоэйра-Гранде («Большой катаракт»), где её падение почти равняется падению у Каррейра-Комприда, именно равно 16 метрам на протяжении 19 километров. Эренрейх спустился через эти пороги в один час времени, между тем как для подъема против течения большим баркам нужно пятнадцать дней, а маленьким от шести до восьми. Затем, дальше, воды снова становятся спокойными вплоть до места, где, встретив преграду из утесов, река вдруг отклоняется на северо-запад и рядом новых порогов доходит до слияния с другой большой рекой,—Токантином. Эта последняя, несмотря на меньшую массу её вод, дает свое имя соединенным рекам[1]. Слияние их называется «Дуаш-Барраш», т.е. «Два бара».

Ниже слияния, река ещё не выходит из каменистого пояса. Течение её пересекается многочисленными каменными грядами (*travessoes*), тянущимися от берега до берега. При проходе между скал Тоири, воды спускаются на несколько метров рядом ступеней; даже мало нагруженные барки не могут благополучно проходить эти пороги, кроме как во время половодий, в марте и апреле; в остальное время года приходится разгружать барки и проводить их через пороги бечевой. Дальше речное русло пересекается другими порогами, имеющими в общем высоту в два метра: это пороги Итабока, представляющие последние резкия понижения русла Токантина. Но ниже их, фарватер продолжает быть загражденным подводными камнями, и обыкновенное судоходство останавливается у разрушенного форта Алькобаса, где в низкую воду глубина реки всего $1,_{10}$ метра. Это место отстоит не более как на 210 километров от узла водяных путей, где Токантин вливается в устье Пара. Таким образом, река Токантин доступна для плавания больших судов только на одной десятой всего её протяжения. Гидрографическая система обеих рек выражается следующей таблицей:

	Длина течения в километр.	Площадь бассейна в кв. килом.	Расход воды в кубическ. метрах в секунду
Токантин	2.500	475.000	?
Арагвайя	2.000	407.750	?
Соединенные реки	2.800	882.750	10.000 (?)

Таким образом, штат Гойяс совершенно лишен естественного сообщения с побережьем, и ему придется при помощи искусственных сооружений, каналов и железных дорог, превращать в торговые пути его две могучия реки, Токантин и Арагвайю. Как и на западе, в местностях, орошаемых притоками Амазонки, цивилизованным бразильцам известны только самые берега Токантина и Арагвайи: лежащие между ними плоскогорья являются почти на всём своем протяжении terra incognita.

Гойяс отличается большим разнообразием климата, вследствие направления Токантина с севера на юг и течения его по очень крутому склону. От истоков Арагвайи до устья Пара воды проходят в южном полушарии 17 градусов по широте, а общее понижение равняется приблизительно 800 метров между самыми низкими порогами плоскогорья и наносными низменностями морского побережья. Если же считать за начальную точку крутые обрывы амфитеатра гор Серра-Гойяна, то понижение русла рек превышает 1.200 метров. В то время, как нижняя часть бассейна входит в амазонскую полосу и, следовательно, пользуется приморским климатом, жарким и сырым, с очень незначительными суточными и годовыми колебаниями температуры, область верхнего бассейна, образующая род амфитеатра в самом центре материка, представляет гораздо большие колебания температуры. Холода иногда достигают нескольких градусов ниже нуля; они наступают особенно в августе, вследствие южных ветров,—нормального юго-восточного пассата, или юго-западного ветра; с другой стороны, летние жары доходят и даже превышают; 40°С. Амплитуда колебаний температуры, очень значительная по разным временам года, также бывает велика между днем и ночью, когда ветер вдруг переходит с одной страны света на другую; менее чем за двадцать четыре часа можно наблюдать скачки температуры в 20 и даже в 24 градуса. Впрочем, смена времен года происходит так же, как и в менее возвышенных частях южного тропического пояса; начинающие идти в сентябре дожди обозначают начало лета, которое в то же время есть зим-

1 Paul Ehrenreich, „Zeitschrift der Gesellschaft fur Erdkunde zu Berlin“, 1891.

ний период южного полушария. Количество воды, получаемой верхними долинами Токантина, до сих пор, кажется, не было измерено ни одной метеорологической станцией в Гойясе[1]. Его оценивают в один метр в год. Во время сухого времени года дожди заменяются очень обильными росами, которых достаточно для поддержания источников.

Флора и фауна представляют изменения, соответствующие изменениям климата на покатости, тянущейся от центрального плоскогорья к низменностям амазонского устья. С этой стороны сельва расстилается сплошным морем, прорезываемая только реками и протоками, между тем как в верховьях, на возвышенностях, леса редки. Почти вся страна состоит из расположенных ярусами кампосов, где древесная растительность представлена только отдельными группами, и из катинг (*catingas*), т.е. лесов с многочисленными прогалинами[2]. В наиболее плодородных местностях такия катинги походят на искусственные парки; в других же местах они представляют жалкий вид, и европейцы находят, что издали они напоминают заброшенные плодовые сады. От плоскогорий, поросших редким лесом, спускаются к лежащему внизу сплошному лесу скаты, покрытые высокой травянистой растительностью[3]. Некоторые южные виды уже указывают на переход от амазонской покатости к лаплатской. К югу от высоких хребтов, называемых *шападон* (chapadoes), плоскогорья покрыты различными видами очень живописного растения *canella de ema* (vellosia maritima), принадлежащего к классу однодольных: его чешуйчатые ветви оканчиваются прелестными белыми цветками, прикрытыми висячими волокнами, похожими на листья плакучей ивы. Воды реки населяют кайманы трех различных видов и дельфины, а в верхних притоках, по словам Огюста-де-Сент-Илера, живет гигантский вид лепидосирена, так называемый *миньосео*, похожий на огромного червя; он будто бы топит даже крупных животных, схватывая их снизу за брюхо. Аргентинские «страусы»[4] проникают до южных частей Гойяса.

Индейцы гойясы или гвайясы, по имени которых называется эта страна, больше не составляют отдельной народности, и потомки их слились с племенами иного происхождения. В настоящее время самую значительную туземную группу составляют кайяпо, известные под другими именами за пределами Гойяса, в Матто-Гроссо и в штате Сан-Пауло. Их, вероятно, около 12.000 душ; они живут вдали от городов в горах, преимущественно к западу от Гойяса, между реками Арагвайей и Ксингу, и на северо-восток, на границах Мараньяна. По языку и нравам их причисляют к великому этническому семейству гес, названному так Марциусом, потому что имена большей части составляющих его племен оканчиваются на «гес». Однако, этот путешественник именно кайяпо поместил в отдельную группу, отличную от той, к которой их причислили впоследствии. По форме черепа они, повидимому, должны составлять особую семью, потому что они отличаются от всех прочих гесов сильной брахикефалией; сверх того, немногие индейцы представляют столь резко выраженный монгольский тип. Подобно своим соплеменникам ботокудам, оставшиеся независимыми кайяпо носят в нижней губе деревянный кружок (*боток*); им незнакомы гамаки, и они не пользуются лодками для переправы через реки; но всё-таки они гораздо промышленнее ботокудов и выказывают большое искусство в выделке разных мелких вещей—оружия, инструментов и нарядов. Будучи очень воинственны, они часто воевали с европейцами, но некоторые их племена были «цивилизованы» насильно и поселены в деревнях под непосредственным надзором победителей, и там постепенно зачахли. Главная масса нации, оставшаяся свободной и почти неизвестная бразильцам, не может долго ускользать от исследований путешественников.

Другие индейцы той же расы, известные бразильцам под именем шавантов (chavantes),

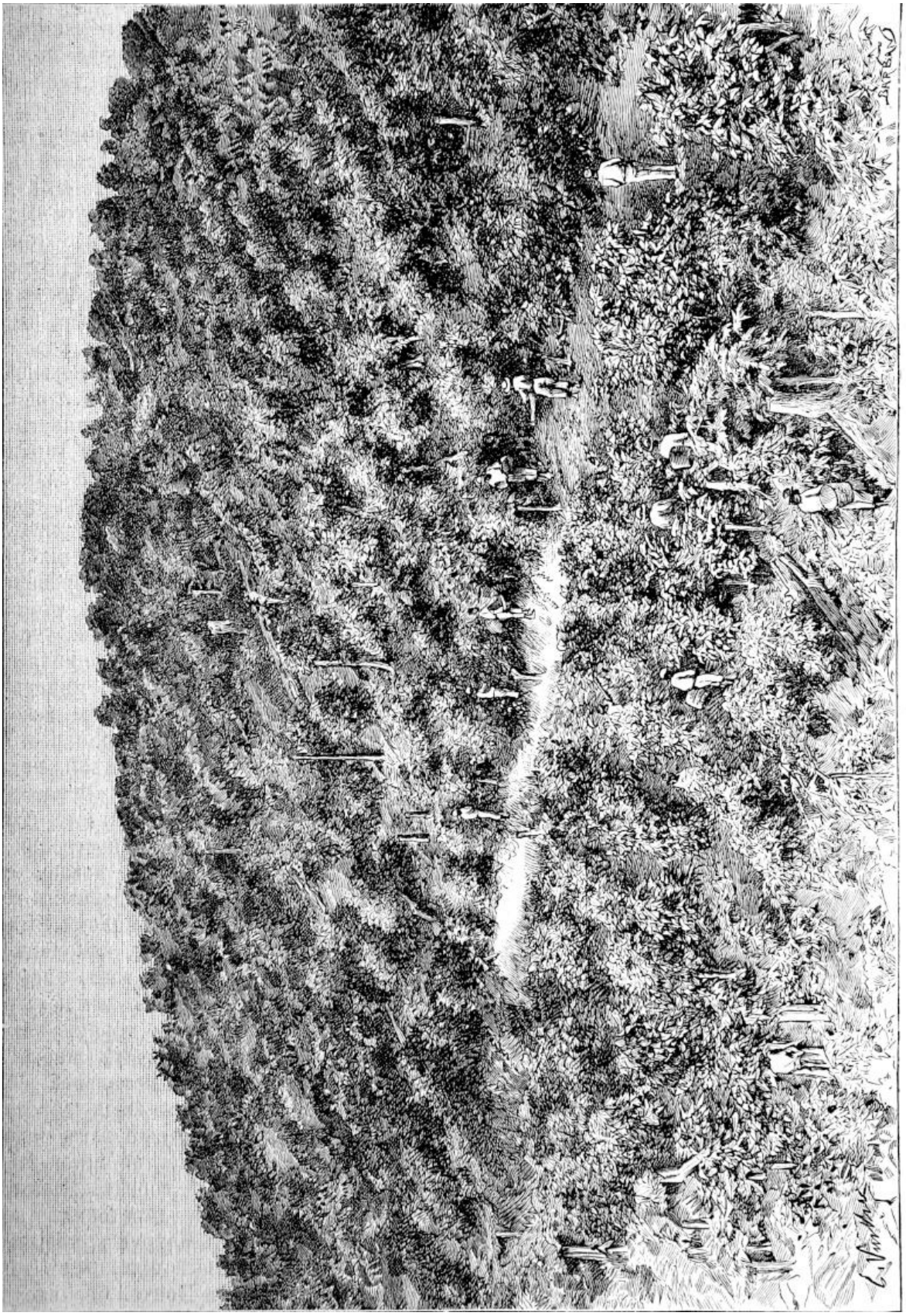
1 H. Morize, „Esboco de uma climatologia do Brazil“.

2 Слово „catinga“ происходит от „caa-tinga“, что значит на языке тупи „*белый лес*“, вероятно, потому, что деревья этих зарослей в известное время года теряют большую часть листьев (Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage aux sources du rio San-Francisco et dans la province de Goyaz“).

3 Otto Clauss, цитированный мемуар.

4 Handy, „Rhea americana“.

живут в бассейне Арагвайи, особенно по течению Рио-даш-Мортеш; сами они называют себя акуэ. К тому же семейству следует причислить шикриаба, живущих в области водораздела между реками Паранатинга и Паранаиба, далее—акроа и шеренте, обитающих на реках

Кофейная плантація.

Рио-де-Сомно и Токантине, выше «Duas Berras»[1], и апинаже, совершенно голых дикарей, живущих в области холмов между Арагвайей и Токантином. Апинаже высокого роста, очень

1 Слияния Токантина с Арагвайей.

пропорционально сложены, но лица их немного монгольского типа, с выдающимися скулами, приплюснутым носом и скошенными глазами. Они живут рыбной ловлей и охотой. Мирные шеренте на реке Рио-де-Сомно поддерживают хорошие отношения с белыми и даже много раз посылали уполномоченных в Рио-Жанейро. Но попытки приручить шавантов на реке Арагвайе оказались бесплодными. Жившие раньше на берегах этой реки исчезли; не долго существовала и колония, об устройстве которой так хлопотал Коуто Магальянш, ученый автор «l'Homme Sauvage», основавший её в 1863 г. и желавший сделать из неё земледельческий и торговый центр. Шаванты поселились на берегах реки Рио-даш-Мортеш и в 1887 году напали на бразильский отряд, попробовавший исследовать эту долину. Коуто-де-Магальянш утверждает, но не констатировав этого положительно, что шаванты поедают своих умерших детей, чтобы снова ассимилировать их с собой. Точно также, чтобы не разлучаться с умершими родственниками, они закапывают их в своей жилой хижине и по ночам ожидают появления любимых людей. Во время войн с белыми шаванты и шеренты часто бывали очень опасны. Кастельно видел в Гойясе одного пленного шеренте, на груди которого было около двухсот шрамов, означающих число убитых и съеденных им людей: рубцы на правой стороне означали «христиан», на левой—туземцев. В общем, количество шавантов, шерентов и других соседних племен равняется приблизительно 10.000 душ.

Главные племена карайясов (встречающихся также на правом берегу реки Ксингу) живут на западном склоне долины Арагвайи, на острове Бананаль и, к востоку от Токантина, на границах провинций Пара и Мараньян. Этих туземцев считают происходящими от особого этнического корня, отличного от корня гес, тупи и караибов. Их язык, отличающийся очень неясным выговором, изобилует многосложными трудно произносимыми словами. Он не похож ни на один из южно-американских языков. Подобно старинному караибскому языку на Антильских островах, он представляет, будто бы, следы двух говоров, из которых один присвоен специально женщинам; но этот последний говор, повидимому, есть лишь первоначальная форма языка мужчин. Большая часть карайясов отличаются очень узкими черепами, сильно согнутыми носами, маленькими, немного косо лежащими глазами и гораздо более тонкими волосами, чем у других индейцев. Среди многочисленных племен карайя, в общем насчитывающих четыре тысячи «луков» (т.е. воинов), племя шамбоа, вероятно,—наименее чистокровное, вследствие многочисленных скрещиваний с женщинами из племени кайяпо и частого усыновления захваченных в плен детей. Карайя едва-ли не самые искусные ремесленники из всех бразильских туземцев; однако, они не плетут гамаков, и в этом отношении походят на индейцев гес, но отличаются от них удивительной ловкостью в управлении лодками; туземцы, которых путешественники по Западной Бразилии некогда называли *canoeiros*, (лодочниками), вероятно, были карайя. По своим нравственным качествам, остающиеся независимыми племена карайя выгодно отличаются от других народностей и посещающих их европейцев. Они не пьют спиртных напитков и не унижаются до хитростей и обманов. Очень строгие блюстители супружеской верности, они, говорят, предают сожжению жен, уличенных в прелюбодеянии. Для поддержания порядка в семьях, они завели даже специальное учреждение, единственное в свете: они назначают вдовам особого мужа, содержа его на счет общины и избавляя от всех работ, трудов, войн и набегов, в которых участвуют его товарищи[1]. Способ их хоронить покойников, вероятно, тоже единственный в мире: они закапывают тело не горизонтально, но стоймя, при чём голова возвышается над землей, чтобы можно было класть покойнику в самый рот бананы и другую необходимую ему пищу[2].

В Южном Гойясе черное население было некогда очень значительно по сравнению с белым. Плантаторы ввезли сюда африканских работников, при чём жестокость их доходила до того, что они не позаботились даже купить и женщин, поэтому ввезенные негры погибли, не оставив потомства. В комарке Гойяс насчивали всего только 4.000 рабов, тогда как в начале

1 Conto de Magalhaes;—Alfonso Lomonaco, цитирован. сочинения.

2 Fr. de Castelnau, цитированное сочинение.

XIX столетия их там было свыше ста тысяч[1]. Но если среди населения Гойяса доля африканской крови сравнительно ничтожна, жители его тем не менее все смешанного происхождения, благодаря совершавшимся из поколения в поколение женитьбам на индианках различным племен,—кайяпо, шеренте, шаванте, карайя. Европейские предки, от которых происходят эти бразильские метисы, были авантюристами из провинции Сан-Пауло и, повидимому, не оставили в наследство своим потомкам свою энергию. Открытие золотых россыпей и быстрая деморализация, сопровождавшая их разработку, докончили обеднение страны, так как благодаря им земледелие было заброшено. Когда в 1819 году Огюст де-Сент-Илер путешествовал по Гойясу, он видел вокруг себя только «печальный упадок и развалины». Франсис-де-Кастельно констатирует, что страна возвращалась «в состояние полнейшего варварства». Во всех местах, где воды содержат магнезиальные соли, среди жителей Гойяса очень распространен зоб[2].

Жители области верхнего Токантина ожидают, что столица Бразильских Соединенных Штатов возникнет на их территории, у истоков реки Мараньяна: в силу одного параграфа республиканской конституции, на этих плоскогорьях должен быть основан будущий центр федерации, и с 1882 года ученая коммиссия, под руководством астронома Крульеа (*Cruls*), отмежевала в этой «пиренейской» области участок в 14.400 квадр. километров, предназначенный сделаться общим достоянием всей нации. Исследования, в подтверждение которых издана подробная карта, доказывают, что эта местность отличается превосходным климатом и обладает изобилием чистых и здоровых вод, с избытком достаточных для водоснабжения будущего большого города и для целей его промышленности. Устройство путей сообщения также гораздо легче, чем воображали, потому что «Пиренейския» горы (Sierra dos Pyreneos) представляют только невысокие скалистые массивы, превышающие не более, как на двести или триста метров окружающие их возвышенности (*chapadas*), при чём эти каменистые горки разделяются легко доступными проходами. Эти «Пиренейския» горы, имя которых произносимое, по Огюсту Сант-Илеру, «Перинеуш», повидимому, индейского происхождения, прежде считались равными по высоте европейским Пиренеям; но потом оказалось, что высота в 2.752 метра, приписываемая их главной вершине, произошла вследствие ошибки одного миссионера: высочайший пик их имеет всего только 1.385 метров высоты, и даже одна шапада (возвышенность), лежащая восточнее, на продолжении той же горной цепи, недалеко от Формозы, именно шапада «Веадейруш» (Chapada dos Veadeiros), достигает большей высоты, 1.678 метров. Для постройки будущего города в Пиренеях можно будет воспользоваться очень разнообразными горными породами,—гибким песчаником (итаколумитом), кварцем, сланцами, наконец «железным камнем», который, разлагаясь, дает очень плодородную «красную землю»; у подножия гор бьют из земли горячие ключи[3].

Но, без сомнения, пройдет много лет, прежде чем в этой национальной области сойдутся бразильские железные дороги; в 1893 году жителей было ещё так мало, что даже всё население штата не могло заселить хотя бы второстепенный город. В этой области существует два городских поселения—старинный город Коуруш, называемый теперь Формоза, лежащий при озере того же имени, и город Мейа-Понте, недавно переименованный в Пиренополис; каждый из них имеет не более двух или трех тысяч жителей. Мейа-Понте, существующий уже с первой половины восемнадцатого века, лежит на высоте 740 метров, в верхнем бассейне реки Рио-даш-Альмаш посреди равнины, напоминающей Европу, и которую можно бы обратить всю целиком в хлебные поля и виноградники. Но в Пиренополисе нет никаких культур, кроме фруктовых садов; вся эта местность представляет пастбища, где бродят сотни тысяч быков, особенно на юго-востоке, где низкие водоразделы связывают склон Токантина со склоном реки Параны, через реку Корумба и реку Паранаиба. Золотые и алмазные прииски, привлекшие в этот край авантюристов из Сан-Пауло и Минас-Жераес, дают лишь не-

1 Raymundo Jose de Cunha Mattos, „Chorographia historica da provincia de Goyaze“.

2 Fr. de Castelnau, цитированное сочинение.

3 Luiz Cruls, „Commissao Exploradora do Planalto Central“.

значительные доходы, так как местные жители презирают работу, некогда исполнявшуюся невольниками.

На самой реке лежит несколько городков, предназначенных сделаться торговыми центрами, как только здесь сомкнется сеть железных дорог; таковы: Сан-Феликс, Порто-Насиональ, Педро-Афонзо; последний очень хорошо расположен у слияния Токантина с рекою Рио-до-Сомно, где пройдет железная дорога, направляющаяся к городу Барра, на реке Сан-Франсиско. Таким образом судоходные участки обеих рек будут связаны между собой, но выше водопадов. В настоящее время штат Гойяс, так сказать, заперт с севера, откуда проникают только предприимчивые исследователи; он доступен только с юга, где соприкасается с бассейном реки Параны.

Главный город штата Гойяс, прежде называвшийся Вилла-Боа, т.е. «Добрый город», в память первого исследователя этой области, Буено (Добрый, по-испански), лежит в высокой долине реки Арагвайи, совсем близко к водоразделу, где перепутываются истоки её и её соседа, Токантина. Была даже речь о том, чтобы отвести речку Уруу, приток Токантина, и направить её в реку Вермельо, чтобы сделать эту последнюю судоходной. С юга над городом возвышаются крутые склоны гор Серра-Дурада. В XVIII столетии в нём было больше жителей, чем теперь, потому что тогда тысячи рабов-негров разработывали золотые и алмазные прииски, открытые в окрестностях города. Склоны гор на северо-восток от Гойяса к Пиренополису покрывает большой лес, *matto grosso*, очень поредевший в наши дни, и земледельческое население стремится в этот плодородный округ, где ростет трава жарагва (jaragua), очень любимая скотом[1]. В окрестностях города разведены виноградники, дающие ежегодно два сбора винограда—виноград сухого времени года (*uva da secca*) и виноград дождливого сезона (*uva das aguas*), при чём последний идет только на приготовление уксуса. Говорят, что вино из Гойяса некогда очень ценилось. Что касается до табаку (*fumo pocado*), то, по словам гойязцев, он «лучший в свете», и на рынке г. Бахии за него платят наивысшие цены.

В 80 километрах ниже Гойяса важную пристань представляет военная колония Журупенсен. Затем следует селение Леопольдина, лежащее у впадения реки Вермельо в Арагвайю, называемую в этой части её течения Рио-Гранде. Дальше идут другие деревни, на больших расстояниях одна от другой; берега Арагвайи пустынны, и заселению их ещё мешает боязнь индейских набегов. В северной части долины, к северу от острова Бананаль, находится второе *presidio*, т.е. поселение военных преступников; тут же живет и небольшое гражданское население: здесь снабжаются запасами на опасное плавание суда, собирающиеся идти через лежащие ниже пороги; здесь же останавливаются пароходы, спустившись около 1.000 километров по Арагвайе, от впадения реки Вермельо. Селение, лежащее у слияния Арагвайи с Токантином, Сан-Жоан-даш-дуаш-Барраш, или Сан-Жоан д'Арагвайя, не могло сделаться значительной пристанью, так как судоходству и ниже, и выше мешают пороги и водопады. В том месте, где течение реки становится спокойным, ниже водопада Итабока, начинаются уже Амазонские равнины и провинция Пара.

Население главнейших городов Гойяса в 1893 году: Гойяс (cidade)—8.000 жит.; Формоза (villa)—3.000 жит.; Пиренополис (villa)—2.500 жит.

IV. Экваториальное побережье

Штаты Мараньян, Пион, Сеара, Рио-Гранде-до-Норте, Параиба, Пернамбуко, Алагоаш

От устья Пара до устья реки Сан-Франсиско тянется с северо-запада на юго-восток полоса побережья, разделяющаяся на многочисленные речные бассейны, сходные между собой по общему уклону, почве, климату, естественным произведениям. Эта область представляет переходный характер между Амазонской областью и многолюдными округами Бразилии, и

1 Louis Cruls, рукописные заметки.

на значительном протяжении на юге ограничена гористыми пустынями. Жители этой полосы атлантического побережья не достаточно ещё многочисленны, чтобы прочно связывать Амазонскую область с остальными частями республики. Уже проведенные пути сообщения служат только для связи городов внутри страны с ближайшими портами; но вдоль берега существуют только не имеющие значения отдельные участки колесных или железных дорог. Кроме моральной связи, объединяющей всю бразильскую нацию, благодаря общей воле, общему языку, происхождению, истории и стремлениям,—единственной связью между Ресифе и Пара являются рейсы пароходов, заходящих во все попутные порты, на протяжении свыше 1.500 километров.

Но можно предполагать, что через немного лет совершится материальное объединение. Большие города—Белем в штате Пара, и Ресифе, в штате Парнамбуко, являются исходными точками возрастания народонаселения и промышленности в промежуточной между ними полосе. В нормальные годы, когда выпадает достаточно дождей, число жителей увеличивается; но и неблагоприятные годы косвенно содействуют общему прогрессу, потому что предприимчивые переселенцы из Сеара (*cearenses*) толпами направляются в Амазонскую область, завязывая таким образом более тесные сношения с отдаленными провинциями. Очень неполное прежде знакомство с внутренними частями страны быстро возрастает, благодаря работам инженеров, странствующих по пустыням в поисках руд, каменоломен или источников, и сравнивающих планы будущих дорог, исследование страны началось с 1594 года, с прибытия Жака Бриффо (Briffault) на остров, где теперь находится город Сан-Луис-до-Мараньян. Миссионеры Ив д'Эвре и Клод д'Аббевиль описали нам нравы и жизнь дикарей, с которыми они жили в эти первые времена открытий; позже, после захвата Пернамбуко голландцами, с 1630 по 1654 год, другую часть страны описали Иоганнес де-Лэт (Laet), Барлеус и Ньехоф. Экспедиции внутрь страны, в sertao, для ловли рабов понемногу выяснили направление долин и горных цепей; однако, из всех бразильских областей ни одна так мало не посещалась профессиональными натуралистами и географами. В 1809 году и в следующие годы Генри Костер прошел по области побережья между Ресифе и Мараньяном, кое-где проникая внутрь страны[1]. В 1875 году англичанин Уэльс, отправившись из городка Каролина, на реке Токантине, пересек гористую полосу и спустился к Мараръяну по долине реки Гражау[2]. Эти северные провинции исследованы и описаны в настоящее время уже одним местным уроженцем, поэтом Гансальвес Диас. Наконец, морской берег превосходно изучали сначала Виталь д'Оливейра[3], потом Мушэ[4]; их карты берега служат опорными пунктами для всех картографических изображений, всё ещё весьма несовершенных, внутренних частей страны.

Площадь и население приморских штатов между реками Токантином и Сан-Франсиско по переписи 31 дек. 1890 г.:

	кв. килом.	жител.	жит. на кв. килом.
Мараньян	459.884	431.000	0,9
Пиои (Piauhy)	301.797	268.000	0,9
Сеара	104.250	806.000	8
Рио-Гранде-до-Норте	57.485	268.000	4
Параиба	74.731	457.000	6
Пернамбуко	128.395	1.030.000	8
Алагоаш (Alagoas)	58.491	511.000	9
Всего	1.185.033	3.771.000	3,2

Горы приморской области, отделяющей реку Токантин от реки Сан-Франсиско, не представляют ясно обозначенных цепей, с правильными линиями хребтов: это, очевидно, остатки

1 Henry Koster, „Travels in Brazil".
2 „Journsl of the Geographical Society of London", 1878;—„Tree thousand miles through Brazil".
3 „Roteiro da Costa do Brazil".
4 „Instruction nautiques sur les cotes da Bresil" (par Mouchez).

высоких равнин, размытых вековой работой вод и представляющих теперь лишь обломки прежнего. О древнем строении размытых плоскогорий геологи могут догадываться только по обрывам, тянущимся рядами или уступами, возвышающимся одни над другими[5]. Самыми высокими хребтами, повидимому, являются Серра-до-Пиои и Серра-доиш-Ирманош, возвышающиеся на северо-западе над долиной реки Сан-Франсиско. Образуя водораздельную линию, они тянутся с юго-запада на северо-восток, словно направляясь в восточный угол Бразилии, чтобы отделить от Амазонского залива вдающуюся в материк часть южного Атлантического океана. Эти крутые покатости можно считать за окраину плоскогорья, другую окраину которого, на юго-западе, составляют Серра-Мангабейраш и Серра-Гургвейа; этот огромный островной массив ограничен снаружи, точно циркумваллационным рвом, реками Рио-Гранде (притоком р. Сан-Франсиско) и Рио-до-Сомно (притоком Токантина). Средняя высота этого плоскогорья неизвестна, но некоторые вершины превышают тысячу метров. Высочайшая гора, измеренная Уэльсом при переходе через водораздел между Токантином и притоками залива Мараньяна, достигает 640 метров.

В пространстве, ограниченном внешними обрывами плоскогорья, и восточнее, по направлению к восточной оконечности материка, возвышаются бесчисленные отдельные горы, холмы и возвышенности, имеющие каждая свое особое название, но по большей части неисследованные относительно их геологического строения. Впрочем, известно, что обрывы, спускающиеся к реке Сан-Франсиско, состоят из архейских пород, аналогичных с горными породами Канады. Высоты, образующие восточный выступ материка, от штата Сеара до штата Алагоаш, принадлежат к той же формации, но на западе эти первозданные породы покрыты известковыми пластами, принадлежащими к меловой формации. Вся верхняя долина Парнаибы занята породами той же формации. Дальше к северу, параллельно берегу, идут меловые террасы, подобные ограничивающим с юга и севера наносные земли Амазонской долины; они, без сомнения, образовались в тот же геологический период, когда обширное внутреннее пресноводное море отлагало на свое дно ровные слои песчаных осадков; место Амазонского залива тогда занимала суша. Приморские горы в Пернамбуко частью покрыты известняками, тожественными с теми известняками, какие в настоящее время образуются на дне океана через отложения мириад инфузорий.

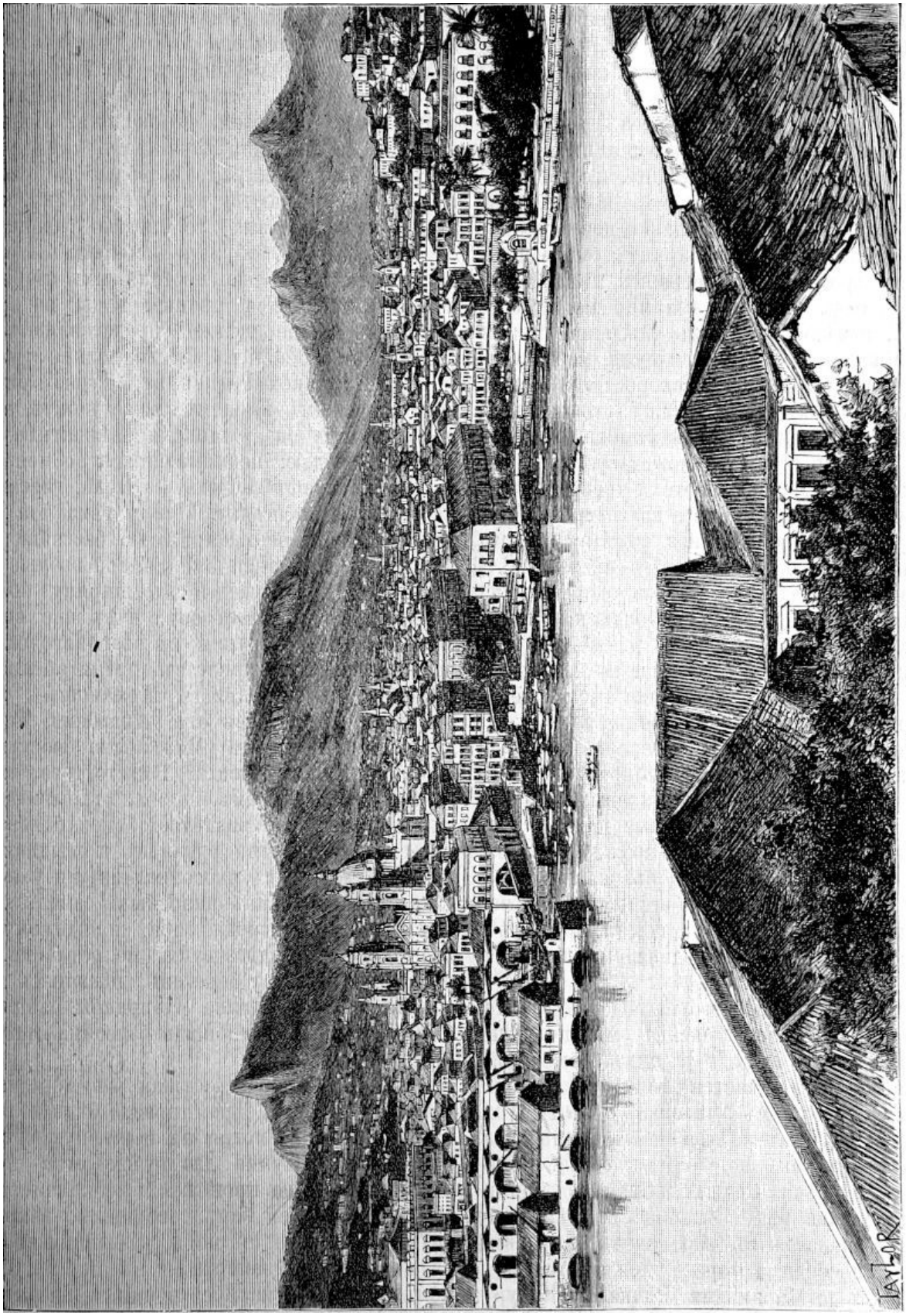
Разрушение морского берега со стороны Амазонского залива продолжается и в наше время. От Пара до Мараньяна, на протяжении около 500 километров, море и суша оспаривают друг у друга довольно широкую полосу, представляющую лабиринт бухт, протоков, островов и островков, каналов и озер, до бесконечности взаимно пересекающихся и изменяющихся с каждым приливом. Маскарет врывается сюда с необычайной яростью, иногда со скоростью 10 километров в час, представляя настоящий движущийся водопад, разрывающий берега в куски; ни одно судно не может устоять против него. Тогда узкие протоки превращаются в широкия реки; острова и полуострова исчезают под вздымающимися волнами и снова появляются по спаде воды. Но в этой вечной борьбе победа остается за океаном; на плоских берегах морские моллюски отлагаются сверху слоев озерных ракушек; корнепуски (paletuviers) выростают на месте сухопутных растений, высылая свои колонии вдоль всех речных протоков, вдоль каждого болотистого рукава, переплетая свои корни в некогда твердой почве, превратившейся в грязь. Кое-где на песчаниковых островках высятся гибкие стволы пальм; но, открытые со всех сторон враждебному напору, они в конце концов склоняются и вянут, пока какой-нибудь исключительно высокий прилив не вырвет их с корнем и не унесет, вместе с подножием из размытой горной породы[1].

С холмов и плоскогорий водораздела текут в Атлантический океан многие ручьи и реки, но ни одна из них, даже река Парнаиба, не равняется по длине течения крупным притокам Амазонки. Река Гурупи, разделяющая штаты Пара и Мараньян, известна только как пограничная река. Более многоводная река Гражау (Grajahu), принимающая справа реку Меа-

5 Herbert Smith, „Brazil, the Amazons and the Coast“.

1 J. M. da Silva Coutinho, „Bulletin de la Societe de Geographie“, octobre 1867.

рин, а слева реку Пиндарэ, впадает в море очень широким устьем, посреди которого лежит остров Сан-Луис-де-Мараньян. Речка Итапикуру, впадающая восточнее острова в ту же бухту Мараньян, делает из неё как бы миниатюру Амазонского залива, с его двумя велики-

Рio-Жанейро.

ми реками и промежуточным архипелагом островов. Итапикуру получила свое имя от гор, где берет начало её главный исток; она представляет самую большую реку в штате Маранья-не, и мелкосидящие пароходы, благополучно прошедшие через бар и ускользнувшие от волн

маскарета, могут подниматься по реке до-Кашиас (Caxias), на 550 километров от устья; а барки ходят и дальше, до подножия водопадов. Большая переменчивость климата имеет следствием сильное изменение расхода воды в реках: реки то превращаются в узкие ручейки, извивающиеся по пескам, то широко разливаются по долинам, образуя побережные озера или болота. Несколько постоянных озер, в которые вливаются речные воды во время разливов, попеременно представляют то обширные водоемы, то просто мелкие лужи.

Река Парнаиба (Parnahyba, «Дурная река») обязана своим именем, может-быть, вредному климату её долины, но вероятнее своему мелководью: поднимающиеся по ней суда сильно рискуют засесть на мель, несмотря на свою малую осадку. Между тем эта река длиной течения и обширностью бассейна превосходит все реки Западной Европы; бассейн её простирается в ширину больше чем на 600 километров, и в неё впадают все воды, текущие с северного склона водораздельных хребтов (Мангабейраш, Гургвейа, Пиои, Дойш Ирманош). Река Парнаиба отличается от Амазонки, Токантина и рек штата Мараньяна свойствами своего нижнего течения. Вместо того, чтобы оканчиваться устьем, широко открывающимся в океан, она разделяет свои беловатые воды на множество рукавов и выдвигает в море дельту с многочисленными устьями. Существование этих наносных земель, отложенных далеко среди моря, повидимому, доказывает, что здесь суша не оседает, подобно тому, как у берегов, лежащих дальше на запад. Длина Парнаибы равняется 1.500 километ., а площадь бассейна 340.000 квадр. километров.

Река Жагварибе, несущая в море почти все воды штата Сеара, гораздо беднее водой Парнаибы и, несмотря на обширную систему притоков, доступна для судоходства только в низовьях, на протяжении 25 километров. В 1815 году её бар совершенно закрылся вследствие ветра с моря, и бывшие в реке суда оказались запертыми в ней[1]. Впрочем, река Жагварибе своими наносами делает захваты в области моря, подобно Парнаибе. Реки, текущие далее на восток, до мыса Сан-Роке, и на восточном берегу Бразилии до реки Сан-Франсиско, слишком маловодны, чтобы изменить приносимыми ими песками и глинами первобытное очертание морского берега; но там действуют другие агенты, придавшие побережью совершенно своеобразный вид.

От устья реки Парнаибы до устья реки Сан-Франсиско берег образует длинную дугу, без резких выступов, и окаймлен со стороны моря рифом или цепями рифов, ещё правильнее чередующихся. Некоторые из этих прибрежных утесов кораллового образования; другие иного происхождения, и особенно знаменитый *риф* (recife) у Пернамбуко. Вероятно, нигде в свете нет геологического образования, больше похожего на дело человеческих рук[2]. Средняя ширина рифа от 30 до 60 метров, и плоская его вершина, совершенно гладкая, выступает из воды при отливе; во время же приливов, волны, подходя по отлогому скату, идущему от рифа к морю, яростно обрушиваются на утес, взлетая кверху фонтанами, и потом, белые, как молоко, вливаются в спокойные воды порта. Риф состоит из плотного песчаника, в котором трудно различить слои; вероятно, он образовался из ряда дюн, нанесенных волнами; его скрепили известковые вещества, и затем всё покрылось сверху чрезвычайно твердой оболочкой, целиком состоящей из различных растительных и животных организмов. Волны, непрерывно разбивающиеся об эту каменную стену, не повредили её, и самые старые лоцмана не замечают в ней никаких перемен; но морские ежи выкапывают в ней норы, через которые море открывает себе проход, обрушивая целые полосы скалы: нужно заботиться о сохранении этой дюны, превратившейся в скалу, потому что всё меняется, а что сделано природой, то ею же может быть уничтожено.

Геологи составляли разные теории относительно этой окаймляющей берег плотины. Сначала её принимали за коралловый риф, но она совсем не представляет его строения и органических остатков. Агассис видел в ней фронтальную морену древнего ледника, но другие ученые не приняли этой теории. Пернамбукский риф, это—береговой вал (cordon littoral),

1 Henry Koster, „Travels in Brazil“.

2 Charles Darwin, „Voyages d'un Naturaliste autour du Monde“.

какие мы видим вдоль множества плоских берегов, всюду, где волны, набегающие на берег, встречают подвижные пески. Может-быть, остатки древнего берега облегчили отложение этих песков, скрепленных потом морскими осадками[1]. В некоторых местах стены этого рифа, вообще различной высоты, сообразно с первоначальным строением песчаных валов или сообразно различным колебаниям почвы, достаточно высоки, чтобы защищать от волнения воды внутреннего рейда, а местами в них открываются проходы, позволяющие лодкам и даже большим судам укрываться за рифом от волнения. Эти разрывы рифа почти везде соответствуют устьям рек. Бурение, произведенное на берегу, позволило констатировать существование под речными наносами рифов, подобных морским[2]. Многие рифы в окрестностях Пернамбуко носят название *табаяку*, повидимому, происходящее от *i-taboiassu*, что значит на языке тупи «*большая каменная змея*»; это название вполне подходит к природным волнорезам побережья, очень правильно тянущимся в одном направлении, но с легкими извивами.

Восточная оконечность материка, отмеченная очень мало выдающимся мысом Сан-Роке (Sao Roque), продолжается далеко в море в виде подводного плато. Чтобы найти внешний край подводного пьедестала, на котором покоится Южная Америка, нужно отойти на 55—56 километров от берегов; глубина, изменяющаяся от 60 до 80 метров, здесь быстро увеличивается, достигая трех и четырех тысяч метров. На юге, край подводного плато постепенно загибается на юго-запад, приближаясь к берегу, но не выступая из воды в виде островов. Утесы и острова, возвышающиеся над уровнем моря, поднимаются из пучин океана на продолжении мыса Сан-Рока. Первый остров, видимый в этом направлении,—это кольцеобразный Де-лас-Рокас, настоящий коралловый атолл, подобный атоллам Индийского океана, заключающий в себе лагуну около 10 километров в окружности.

В 175 километрах восточнее лежит протянувшийся с юго-запада на северо-восток вулканический остров Фернандо или Фернан-де-Норонья (Fernao de Noronha), полуострова которого продолжаются в море несколькими утесами; его отделяют от материка глубины моря до 3.000 метров. Этот остров, названный по имени открывшего его в 1503 г. моряка, занимает пространство всего в 15 квадратных километров, но на таком незначительном протяжении представляет самые разнообразные виды,—бухты и заливы, холмы и равнины, даже отдельные крутые горы. Общий профиль острова представляет очень изломанную линию, оканчивающуюся на западе крутой горой, в 305 метров высоты, на которой возвышается колонна из фонолита, в виде гигантского маяка. Губернатор острова не позволил его исследовать натуралистам «Чалленджера», но после того остров был изучен геологом Браннером и зоологом Ридлеем. С тех пор этот вулканический утес принадлежит к наиболее исследованным. Значительная часть острова состоит из базальтов древнего происхождения, и со времени открытия острова не было ни одного извержения: окаменелые потоки расплавленной массы относятся к той эпохе, когда остров находился ещё под водой, на глубине 150 метров, как это доказывают кораллы, облепляющие базальтовые колонны на этой высоте над уровнем моря. В некоторых местах берег состоит из затверделых песков,—бывших дюн, окрепших от склеивания их известковыми веществами и представляющих образование, аналогичное рифам у Пернамбуко.

Что касается островов и островков, лежащих посреди Атлантического океана на той же линии, как и остров Фернандо-де-Норонья, то они представляют разорванные утесы из серпентина[3], усеянные белыми пятнами гуано и почти неприступные; у подножия отвесных скал сейчас же начинается большая глубина, где кишат акулы и разные рыбы. Среди этих выступающих из воды вершин подводных горных хребтов выше всех остров Пенедо-де-Сан-

1 Ch. F. Hartt, „Relatorio dos Trabalhos da Commissao geologica na provincia de Pernambuco“;—E. Liais, „Esdace Celeste“.

2 Victor Fournie, „Bijbladen van het Tijdschrift van het Aardrijkskundig Genootschap te Amsterdam“ № 8, 1881.

3 Joao Branner, „Geologia de Fernando de Noronha“.

Педро, лежащий близ пути пароходов, совершающих рейсы из Пернамбуко в Дакар или на остров Сен-Винсент. Он представляет рад каменных столбов, поднимающихся над водой среди глубокого моря. В этих местах часто чувствовались подводные землетрясения.

Средняя температура отличается замечательной равномерностью в этих тропических странах: в Пернамбуко разница температур двух времен года, сухого и дождливого, составляет всего полтора градуса; самая низкая средняя месячная температура, именно температура июля, и самая высокая—февраля,—различаются на 3 градуса приблизительно[1].

Преобладающим ветром на юго-восточном побережье Бразилии является юго-восточный пассат, обыкновенно называемый здесь «общим ветром».

Дуя из холодных околополярных частей Атлантического океана, он умеряет жары, по крайней мере на побережье, которое кроме того подвержено попеременному действию морских и береговых бриз. Юго-восточный пассат преобладает от декабрьского солнцестояния до июньского, принося дожди; в обыкновенные годы выпадает достаточно воды для развития самой роскошной растительности. В некоторых местностях, как, например, в Маранья-не, где тучи сталкиваются вследствие местных воздушных круговоротов, часто разражаются грозы, за которыми следуют сильнейшие ливни. Остров Фернандо-де-Норонья также очень часто бывает окружен облаками и в изобилии поливается дождями. В Пернамбуко дожди чрезвычайно сильны, но часто проходит много лет без единой грозы[2]. Ветры не всегда отличаются правильностью. Направляясь вдоль берегов, вместо того чтобы дуть прямо внутрь страны, пассат в некоторые годы не приносит ожидаемой влаги. Дожди часто запаздывают и перестают выпадать раньше нормального окончания дождливого периода; иногда они продолжаются даже менее половины шести месяцев, на которые рассчитывают земледельцы. К бедствиям от засух, поражающих внутренние области, присоединяются значительные колебания температуры, очень высокой на солнце, в пыльной атмосфере, и сравнительно низкой во время ясных ночей, вследствие потери теплоты землей чрез лучеиспускание. В этом отношении климат внутренних областей резко отличается от климата побережья, где из трех дней два дождливых; во внутренних же частях страны наоборот. Из следующей таблицы видна противоположность метеорологических условий побережья и высоких внутренних областей (*сертан*, sertao):

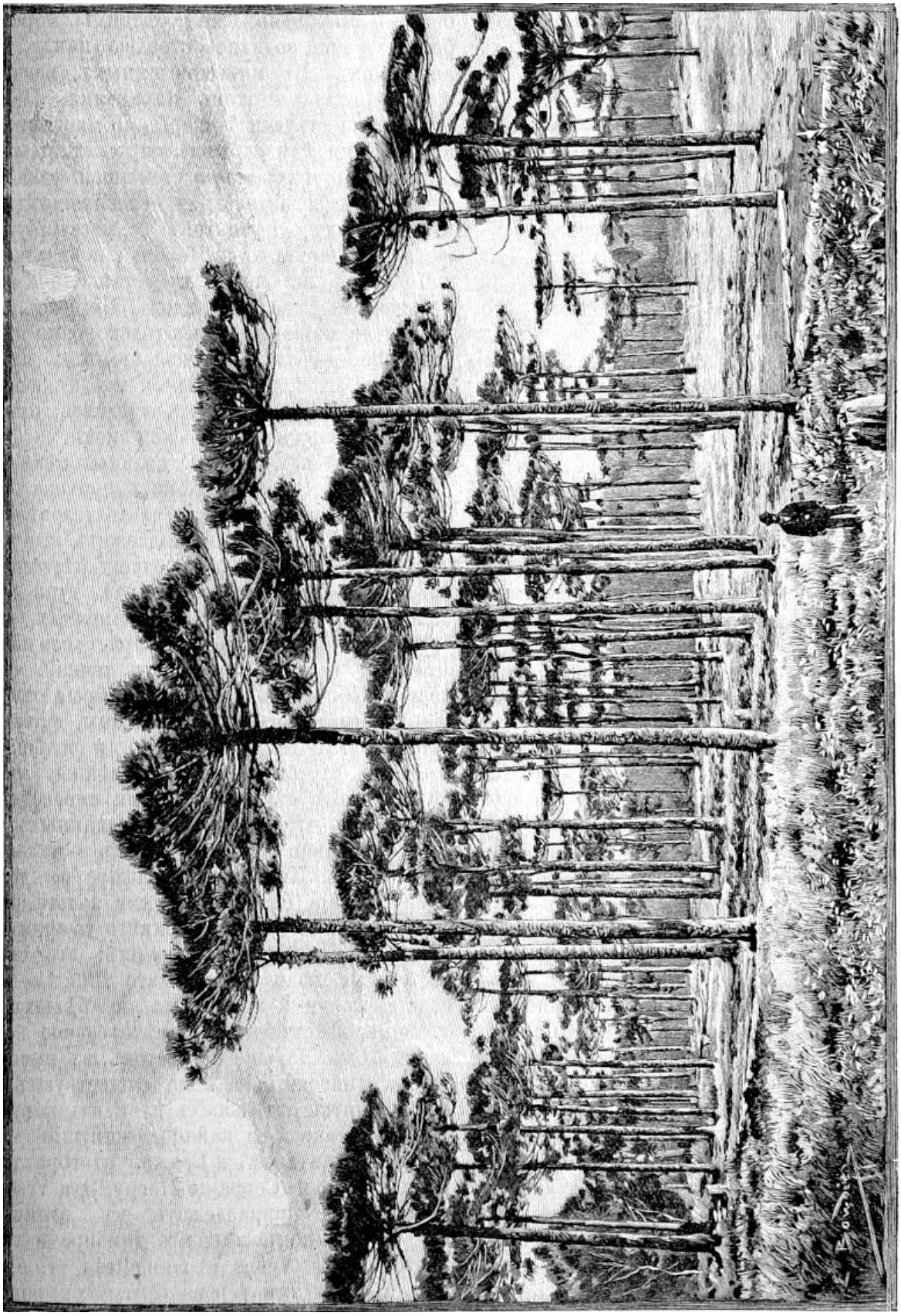
	Широта	Температуры			Амплитуда колебаний температуры	Количество выпадающего дождя
		максим.	миним.	средняя		
Побережье (Ресифе)	8°,3'	31°,7	18°,1	25°,7	13°,4	2,95
Плоскогорья (Санта-Изабель)	8°,46'	34°	13°,5	24°,4	20°,5	1,00

Большие засухи не подчиняются вполне установившейся периодичности, хотя местные жители обыкновенно ожидают повторения бедствия каждые десять лет. Иногда период засух продолжается лишь один год; иногда даже два или три сезона подряд иссохшая земля не получает необходимого для жизни растений количества воды. Так, в Форталезе, приморском городе, где в среднем ежегодно выпадает полтора метра дождевой воды, а в наиболее благоприятные годы даже три метра, в 1877 году выпало всего одна треть метра, а в 1878 и 1879 годах полметра. Внутри страны атмосферной воды выпало ещё меньше: даже редкие ливни немедленно исчезали в глубине пористой почвы; земля оставалась совершенно бесплодной. Источники иссякают, большие реки превращаются в лужи, разбросанные среди сухого русла, покрытого сероватой галькой; трава обращается в пыль, деревья засыхают. Птицы совершают громадными стаями перелеты в горы штата Пиауи. Скот приходится вести в высокие долины этих гор и кормить листьями древесных ветвей, срезанных до наступления засухи; потом, когда и этого корма не хватает, приходится уходить ещё дальше, если только не поздно и скот не передохнет, не находя корма на окаменевшей почве. Строго экономное рас-

1 Emile Beringer, „Recherches sur le climat et la mortalite de Recife“.

2 Emmanuell Liais, „Climats, Geologie, Faune et Geographie botanique du Bresil“.

ходование родниковых вод в верхних долинах гор, может-быть, избавило бы страну от этих периодических бедствий, но необходимые работы по устройству водохранилищ ещё не сделаны и даже проектированы лишь для окрестностей городов. Эмиграция жителей внутрен-

Группа араукарій.

них областей всегда остается в числе ожидаемых явлений в экономической истории этих северо-восточных провинций[1].

1 Henrique de Beaurepaire-Rohan, „Consideracoes acarca dos melhoramentos en re lacao as seccas de Norte

Растительность соответствует климату. В приморских, хорошо орошаемых местностях она очень богата и представляет те же виды, что и в Амазонской области; дальше внутрь страны флора постепенно становится беднее. Большие леса, называемые *matto*, окаймляют морской берег полосой различной ширины, смотря по очертаниям долин и рельефу местности. За этой полосой лесов следует менее лесистая местность, *catinga*, похожая на кустарниковые заросли побережья Средиземного моря (brousse, garrique, maquis). На высотах она переходит в *agreste*, луга, где деревья и кусты становятся ещё реже и состоят из видов, сбрасывающих листву летом. Наконец, высокие бесплодные местности составляют плоскогорья (sertao), покрытые скудной травой; кроме скотоводства, здесь невозможно никакое хозяйство, за исключением, орошаемых ручьями, долин, иногда болотистых, представляющих оазисы среди окружающей пустыни. В этих внутренних областях, где преобладает сухой климат, наибольшим числом представителей обладают растительные семейства, к которым принадлежат деревья, производящие редкия эссенции, драгоценные камеди и душистые вещества. Области эти иногда кажутся частью Сахары, перенесенной через океан в Америку; насекомые и птицы здесь летуют, а не зимуют. Точно также и деревья здесь теряют листья. Характерным растением этой местности является пальма копернициа или карнауба (*copernicia cerifera*), дающая растительный воск; она принадлежит к тем благодетельным растениям, продукты которых дают приютившемуся под их тенью человеку пищу, питье, освещение, одежду и жилище. Копернициа выдерживает сильнейшие засухи.

Будучи беднее других частей приморской Бразилии относительно растительных видов, штат Сеара и соседние штаты обладают также меньшим числом видов животных. Однако, известно, что здешняя фауна некогда была очень богата. В начале семнадцатого столетия, во время пребывания Ива д'Эврё на острове Мараньяне, на соседних морских берегах ещё водились страусы (нанду, Rhea americana). В многочисленных известковых горах штатов Мараньяна, Пиои и Сеара существуют пещеры, со многими разветвлениями, где скрываются миллиарды вампиров и других летучих мышей; там найдены скелеты гигантских исчезнувших млекопитающих, мамонтов и мегатериумов. Остров Фернандо-де-Норонья обладал особой фауной, впрочем, представленной очень небольшим числом видов. Первые мореплаватели нашли на нём только одно млекопитающее—«род большой крысы»; птицы, ящерицы, змеи, насекомые и моллюски острова доказывают, что он отделился от материка с конца мезозойской эпохи[1].

В одной из пещер долины реки Кишерамобин (Quixeramobim), притока реки Жагуарибе, нашли также часть человеческого черепа[2]. Кому принадлежит этот череп—одному ли из предков туземцев, преобладающих теперь в крае, тупи, тупинамбо, или топинамбу (Topinamboulx, «храбрым людям»), или табажара («владыкам селения»)[3], с которыми в течение шестнадцатого века поддерживали добрые отношения первые европейские поселенцы, французы Мараньяна? Это неизвестно, и вообще неизвестно, кто были первые индейцы, заключившие союз с французскими переселенцами, потому что вследствие смешанных браков они давно уже слились с остальным населением. Индейцы гважажара в долине реки Пиндаре были искателями золота, но в области водоразделов верхнего течения реки Гражаю их ещё можно видеть; это сильно сложенные люди монгольского типа[4]; по соседству с ними живет племя «белых индейцев», действительно замечательное по белизне кожи. Дальше на восток, в высоких частях плоскогорий, ещё существуют кое-какие остатки отдельных племен, как, например, акроа и кайяпо, живущие между реками Токантином и Гражау в горах Серра-де-Синта и Серра-до-Негру. Эти туземцы, повидимому, принадлежат к этнической семье гес; под именем тимбира и гамелла (Gamellas, «gens a Gamelles», т.е. людей с кружками де-

do Brasil".

1 H. von Ihering, „Die Insel Fernando de Noronha".

2 A. de Lacerda et R. Peixoto, „Contribucoes para o estudo anthropologico das racas indigenas"

3 Adolpho de Varnhagen „Historia geral do Brazil".

4 Wells, мемуар и цитированное сочинение.

рева в губах) они распространены в Западном Мараньяне, почти до береговых поселений.

На границе штатов Пиои и Пернамбуко ещё бродят немногочисленные банды индейцев пиментейра; по некоторым словам их языка их причисляют к караибам или по крайней мере к племенам, жившим в соседстве этой большой народности. С шестнадцатого века индейцы каетэ, жившие в окрестностях города Пернамбуко, начали вступать в состав цивилизованного населения через браки с европейцами; эти метисы потом скрещивались с неграми, привозимыми из Африки. Писатели той эпохи также говорят, что потомки французов были очень многочисленны в поселениях индейцев тупинамба. Ещё в начале XIX-го столетия местные крещеные метисы в тайне придерживались своих языческих обрядов[1].

Тотчас после прибытия в страну «капитанов»,—концессионеров, получивших в собственность обширные «капитанства», под условием заселять их и поддерживать торговлю с Португалией,—они начали ввозить негров-рабов, более сильных и трудолюбивых, чем индейцы. В начале семнадцатого века среди невольников вспыхнуло восстание, и человек сорок из них, захватив огнестрельное оружие, убежали в леса, чтобы поселиться там вдали от хозяев. Они основали свои поселения (*quilombos*) к югу от реки Рио-Уна («Черная река»), которая впадает в море в сотне километров от Пернамбуко. Главная масса беглых негров поселилась ещё дальше, в территории, сделавшейся впоследствии штатом Алагоаш; вскоре новые беглецы и похищенные на плантациях женщины настолько увеличили население деревни Пальмареш, что она превратилась в город. Вокруг него расселились другие колонии, и бунтовщики сделались настолько сильны, что образовали государство, сносившееся, как равный с равным, с португальцами, а потом голландцами, овладевшими Пернамбуко. В этой негритянской республике было до двадцати тысяч жителей, а в столице её, с солидно построенными домами, шесть тысяч. Окружающая её страна была хорошо возделана: нигде внутри Бразилии не видали лучше обработанных полей. Пальмареш, т.е. «Пальмовый город», соперничал с Пернамбуко, откуда получал оружие, порох и различные товары. Но эта община свободных людей внушала сильные опасения плантаторам, и они организовали армию в семь тысяч человек для нашествия на негров. Потерпев сначала поражение, плантаторы предприняли второй поход, взяв с собой артиллерию. На этот раз они овладели городом Пальмареш; всё его уцелевшее население,—мужчины, женщины и дети,—было с торжеством приведено обратно во владения победителей. Множество сражавшихся негров предпочли смерть возвращению в рабство.

Среди населения этой области жители штата Сеара славятся по всей Бразилии своей предприимчивостью и энергией; часто они жили совершенно независимо, не слушаясь приказаний губернаторов побережья. Сеарцы также происходят от смешения трех народностей: от индейских предков они унаследовали терпеливость, настойчивость, хитрость, доходящую до высокой дипломатичности[2]; негры завещали им увлекающийся и веселый характер и добродушие; европейцы—умственное развитие и силу. Сверх того, на выработку их характера повлиял климат, вынуждая их своими крайностями на быстрые решения, заставляя быстро приспособляться к новой среде. Нередко поселяне, гонимые засухой, должны покидать свои становища или деревни и идти в города, где они ухитряются заниматься самыми различными промыслами. Иногда они бывают вынуждены совершенно покидать родину; во всех соседних областях встречаются эти переселенцы, воздержные, смелые и предприимчивые работники. Они-то больше всего и содействуют возрастающему процветанию Амазонской области. Благодаря пароходству, облегчающему переселение, усилилось передвижение колонистов из Сеара к Белему и другим городам на берегах Амазонки. Записи пароходных обществ для одного только 1892 года дают цифру переселенцев в 13.600 душ; к этому надо прибавить ещё детей, перевозимых бесплатно; общее число переселенцев оценивают в девятнадцать тысяч.

В штате Мараньяне (Maranhao) очень мало городов (cidades). Первый из них, Туриассу,

1 Robert Southey, „History of Brazil“.

2 Victor Fournie, рукописные заметки.

лежит недалеко от реки того же имени, на берегу морской бухты; в этих местах море постепенно захватывает сушу, изрезывая берег в лабиринт островков. Из порта Туриассу вывозят сахар и другие земледельческие продукты, воловьи и лошадиные кожи, грубую посуду и дорогие гамаки, очень тщательно сделанные. На юго-западе, между реками Гурупи и Маракассуме, поднимается небольшая горная группа Монтеш-Ауреуш (Montes Aureos, «Золотые горы»), самое имя которой указывает на её богатства; однако, золотые жилы, заключающиеся в кварцах этих гор, не разрабатываются, также как и золотые россыпи вдоль ручьев. Точно также остаются без разработки медные руды, найденные геологами в горах штата, от границ Пара до Пернамбуко. Туриассу представляет самый оживленный порт Западного Мараньяна. Дальше на восточном побережье лежат города Кукурупу и Гимаранш, из которых последний—очень важный торговый пункт по вывозу сахара. По берегам речки и питающих её озер, выше города, теснятся фабрики.

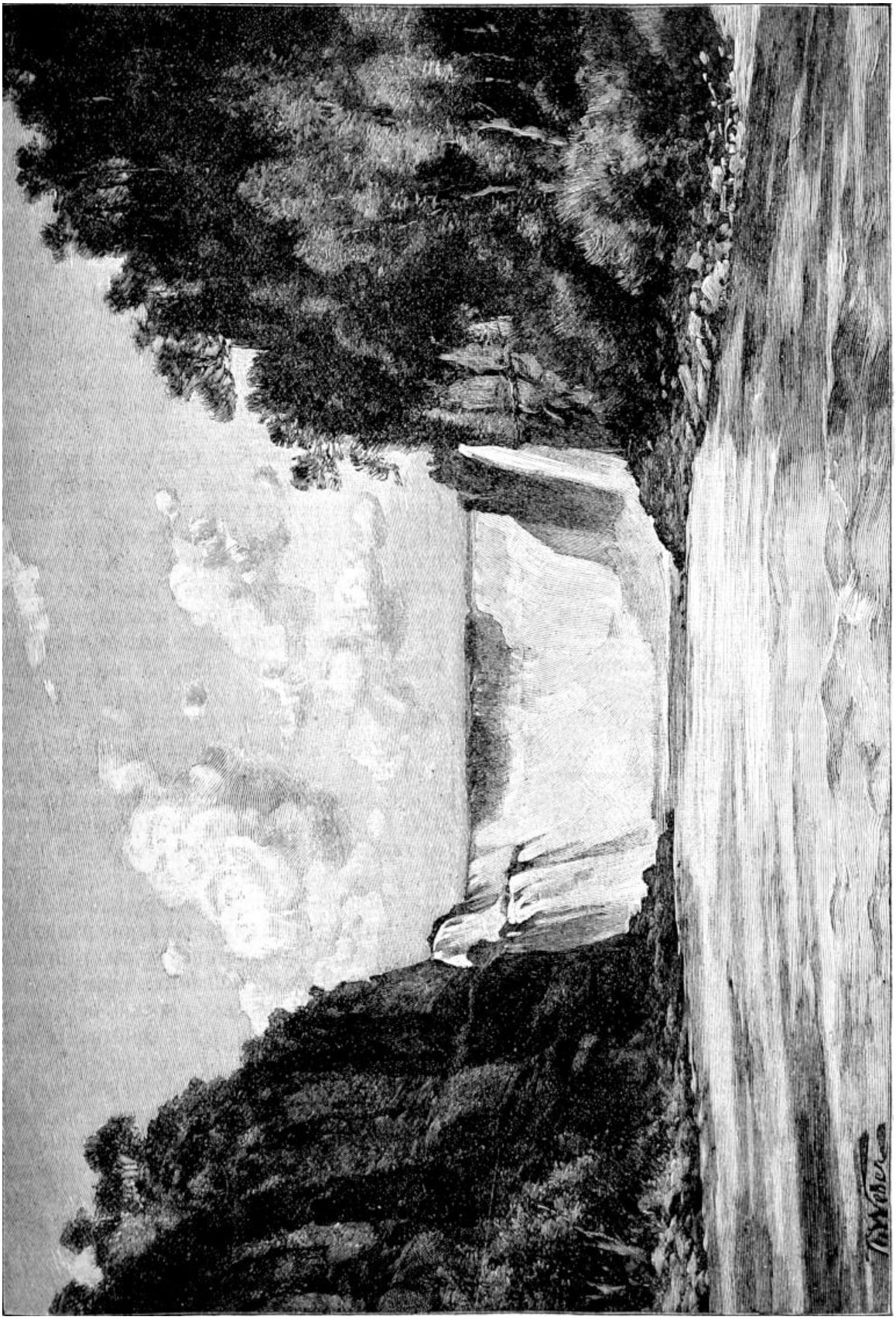
Сан-Луис-де-Мараньян, или просто Сан-Луис (Sao-Luiz), является крупнейшим городом побережья между Пара и Пернамбуко. Он находится на том самом месте, где его основал, в 1610 году, Ла-Ревардьер, и всё ещё носит имя, данное ему в честь Людовика XIII-го. Бразильцы даже отстроили несколько разрушенных зданий, сохранившихся от этих первых времен французского владычества, благоговейно сберегая эти остатки старины[1]. Находясь на западном берегу низкого острова, отделенного от материка притоком Москито, город Сан-Луис занимает оконечность низменного полуострова, между двумя устьями рек, впадающих на запад в бухту Сан-Маркуш, доступную для глубоко сидящих судов. Некоторые из главных улиц отеняются аллеями величественных деревьев. Порт Сан-Луис, хотя и заносимый постепенно илом, сделался важным пунктом вывоза сахара, кофе, кожи; в него заходят все пароходы, совершающие рейсы в Пара. В 1888 году торговые обороты Сан-Луиса равнялись 20.077.425 франкам, при чём на ввоз приходилось 9.546.125 франков, а на вывоз 10.531.300 франков. Сверх того, мелкие суда поднимаются по впадающим в бухту рекам: Пиндаре, Гражаю, Меарин, Итапукуру. К Сан-Луису тяготеют многочисленные города и местечки. По другую сторону бухты, на северо-западе, виднеется Алькантира, славящаяся своим какао; на берегу одного озера, изливающагося в реку Пиндаре, лежит Вианна; выше, на той же реке, находится Монсан, сделавшийся пунктом оживленной торговли быками, приводимыми с внутренних плоскогорий и даже из долины Токантина. Уже давно говорят о постройке железной дороги, которая, начинаясь от ближайшего к Сан-Луису залива материка, прошла бы на юго-западе долиной реки Гражаю и вышла бы на берега Токантина у местечка Каролина, близ устья Маноэль-Альвес-Гранде.

На реке Итапукуру, пересекающей восточную часть штата, первое место среди городов занимает Кашиас (Caxias), родина Гонсальвеса Диаса; в его окрестностях возделывают хлопчатник и другие тропические растения; кроме того, эта местность чрезвычайно богата скотом. Город Итапукуру-Мирим расположен, подобно Кашиасу, на правом берегу реки, но ниже по течению; до него свободно могут доходить пароходы. Прежде он назывался Фейра, т.е. «Ярмарка», благодаря большим количествам скота продаваемым в нём жителями высоких внутренних плоскогорий. Город Итапукуру, Мирим, т.е. «Маленькая» Итапукуру, своим процветанием перегнал город «Большую» Итапукуру,—Итапукуру-Гранде, называемый теперь Розарио и лежащий у входа в устье Сан-Жозе, отделяющее остров Мараньян от восточного побережья. Дальше на восток находится другой порт, Барейриньяш, лежащий недалеко от моря на реке Прегисиаш; он имеет некоторое значение по выделываемым в нём водкам.

Река Парнаиба, разделяющая штаты Мараньян и Пиауи, в верхних своих частях протекает лишь по малонаселенным местностям. Но ниже впадения реки Гургейра население становится более густым. По обоим берегам реки лежат друг против друга два местечка Манга, потом непосредственно ниже впадения другого притока, реки Пиои, находятся два города, на востоке—Амаранте, на западе—Сан-Франсиско, разделяемые рекой. Столица штата Пиа-

1 Ferdinand Denis, „Introduction au Voyage dans le nord du Bresil, par Yves d'Evreux".

уи, город Терезина, лежит ниже устья реку Поти и дополняется пригородом Флореш (прежде называвшимся Кажазейраш), принадлежащим к штату Мараньян; железная дорога в ближайшем будущем должна связать Флореш с городом Кашиас, в долине Итапукуру. Го-

Водопадъ Игуазу или Викторіи.

род новый, основанный в 1852 году, Терезина быстро выросла, тогда как прежний главный город штата, Оейраш, лежащий к юго-востоку от города Амаранте, в долине Канинде, лишился большей части своего населения с тех пор как, с переводом администрации и выбор-

ных учреждений, он потерял свое искусственно созданное значение.

Ниже Терезины, по берегам реки следуют одно за другим несколько торговых местечек: сначала Униан, на правом берегу, потом Карралиньу и Сан-Бернарду на левом. Близ устья реки Парнаибы, штат Пауои, отличающийся очень странным очертанием границ, занимает лишь восточную половину её дельты, между тем как внутри страны территория штата простирается с запада на восток на 500 километров. На берегу узкого судоходного протока Игуарассу из реки Парнаибы в море лежит речная пристань Парнаиба. Дома этого города расположены на правом берегу одной из ветвей дельты, на топкой и сырой наносной почве; переселенцы подвергаются здесь большой опасности, пока не акклиматизируются. Морской гаванью для города служит порт Амаррасао, расположенный в речном устье, как раз выше бара; сюда заходят морские пароходы.

Другой порт, Камосин, лежит восточнее, в штате Сеара, в устье р. Кореаю; отсюда вывозят кожи и земледельческие продукты, с тех пор как железная дорога связала этот порт с городом Гранжа, лежащим выше на той же реке, и с городом Собраль, в бассейне реки Акараку. В долинах некоторых её притоков имеются золотые россыпи; однако, здесь не развилась горная промышленность, и население этой части штата Сеара занимается лишь скотоводством.

Столицу штата составляет Форталеза (Сеара); она расположена не на реке или речном устье, подобно большинству бразильских городов, а на берегу излучины морской бухты. Километрах в двенадцати к западу от города в океан впадает небольшая речка Сеара, по имени которой назван и самый штат. Город Форталеза также иногда называют Сеара. Рейд его защищен с востока полуостровом Мукурипе, но параллельный берегу риф преграждает большим судам доступ к городу, и они останавливаются на внешнем рейде, выгружая товары при помощи парусных плотов, *жангадаш* (*jangadas*). Благодаря недавно устроенным молам и бассейнам, неглубоко сидящие суда могут приставать к городским набережным.

Город отличается чистотой и прорезан прекрасными улицами-аллеями, но его окружают песчаные поля; чтобы бороться с влиянием сухости, часто уничтожающей культуры, устроены артезианские колодцы; кроме того, инженеры, особенно гидрограф Рэви, проектировали устройство больших цистерн, где собирались бы запасы дождевой воды. В годы, когда гибель посевов и падеж скота вынуждают поселян и скотоводов бежать в города, Форталеза иногда заключает в своих стенах двойное, сравнительно с обыкновенным, население. В 1878 году скопление жителей в городе вдруг достигло почти шестидесяти тысяч, из которых 25.230 умерло в течение двух месяцев от оспы, а главное от лишений и холода. Чтобы доставить работу этим голодающим беглецам из деревень (*retirantes*), построили в течение восемнадцати месяцев извилистую железную дорогу, поднимающуюся от таможни к городу Батурите. Дорога эта выделяет ветвь на запад, к Марангуапе, вокруг которого несколько лет тому назад разведены обширные апельсиновые рощи, продукты которых вывозятся в Англию громадными количествами[1]. Размеры торговых оборотов Форталезы сильно изменяются в зависимости от урожаев и неурожаев; отсюда вывозят преимущественно хлопок, растительный воск (доставляемый пальмой карнауба), вино *кажу*, приготовляемое из плодов кажу, козловые и бычачьи кожи. Населению Сеара принадлежит честь наиболее ранней отмены рабства: провинция Сеара должна была оффициально отменить невольничество, потому что жители насильно освобождали рабов, скрывали их и опустошали плантации.

Большая часть городов и местечек штата Сеара находится в бассейне реки Жагуарибе, обнимающем всю восточную и южную часть штата; среди этих городов, Крату, Жардин и Лавраш расположены в гористой области, на берегах быстрых и светлых речек; Ико и Игату (Телья) находятся уже в долинах предгорий; Кишерамобин и Кишада следуют один за другим в долине Кишера, окаймленной пещеристыми утесами. Железная дорога, идущая из Форталезы на Батурите, у города Кишады достигает долины Жагуарибе, отвлекая таким образом к столице штата торговлю этих важных округов. В настоящее время естественным

1 Albert Morsing, „Estrada do Ferro de Baturite“.

центром притяжения для городов и местечек нижнего течения реки Жагуарибе является пристань Аракати, на правом берегу реки, в 18 километрах от устья. Здесь производится крупная торговля земледельческими продуктами и местными произведениями,—циновками, соломенными шляпами и свечами из растительного воска. Торговля восточной части штата Сеара, лежащей к западу от мыса Сан-Роке, отчасти производится также через порт Муссуро (Санта-Лузиа), в соседнем штате Рио-Гранде-до-Норте. Этот город лежит на правом берегу реки того же имени, в 50 километрах от океана; через устье реки в него заходят большие каботажные суда, забирающие здесь сахар, хлопок, а главное *куриньюш* (*courinhos*), т.е. козловые кожи великолепного качества.

Богатая долина реки Рио-даш-Пираньяш, лежащая восточнее долины реки Муссуро, проходит по центральным частям штатов Параиба и Рио-Гранде-до-Норте. В ней много промышленных городов, как-то: Казажейраш, Суза, Понбаль, Жардин, Кайо (прежде Принсипе) Анжикуш-Ассу, по имени которого называется нижнее течение реки. В устье её порт Макау ведет ту же торговлю, что и Муссуро, но в меньших размерах; кроме того, соседние плоские морские берега превращены в резервуары для добывания соли; они доставляют соли столько, что её хватает на нагрузку сотни судов. В 1836 году, Макау был театром замечательного космического явления—каменного града; падавшие с неба камни весили от нескольких граммов до 40 килограммов; большая часть их была величиной с голубиное яйцо. Эти метеориты выпали в нижней части долины Ассу, в районе около «десяти льё» в диаметре. Кругом на сорок льё на небе была видна масса очень яркого огня, с страшным шумом проносившагося в пространстве[1].

Столица штата Рио-Гранде-до-Норте, город Наталь («Рождество»), есть в то же время его главное складочное место; ближайший к остроконечному выступу, образуемому материком у мыса Сан-Роке, Наталь—маленький городок довольно невзрачного вида; он расположен на оконечности полуострова, защищающего с юга устье мелководной реки, забавно называемой Рио-Гранде, хотя в том же штате многие реки далеко превосходят её по величине. Бар и подводные камни, загораживающие вход в порт, не позволяют большим судам заходить в Рио-Гранде; они останавливаются на рейде перед входом в реку. Главный предмет торговли Наталя составляет сахар, доставляемый преимущественно из богатой долины, где лежит город Сеара-Мирим (Маленькая Сеара), окруженный сахарными заводами.

Железная дорога, идущая из Наталя на юг, проходит последовательно через песчаные бесплодные плоскогорья и по чередующимся с ними плодородным долинам, обращенным в плантации хлопчатника, сахарного тростника и других высокодоходных растений. В каждой долине имеются свои многолюдные местечки и свой порт: Сан-Жозе-до-Мипибу стоит на берегу реки Траири; Гойянинья является центром населения долины Жаку; дальше на юг, в долине Куриматаю, находятся города Кангваретана и Нова-Крус, ведущие морскую торговлю через рынок Пенья.

Ещё дальше на юг, в штате Параиба-до-Норте, порт Мамангуапе, на реке того же имени, проявляет некоторую деятельность, благодаря заходящим в него каботажным судам, хотя город Параиба и пытался притянуть к себе всю местную торговлю, выстроив весьма извилистую железную дорогу, проникающую в долину Мамангуапе до городка Индепенденсиа и собирающую земледельческие продукты окружающей гористой местности, усеянной городами, каковы Бананейраш, Брежо-д'Арейа, Алагоа-Гранде. Что касается городов и местечек на юге штата, Сан-Жоан-де-Кариру, Канпина-Гранде, Инга, Пилар,—то естественным местом вывоза их продуктов является река Параибадо-Норте, именно её устье, на правом берегу которого стоит старинный город Параиба. Он разделен на два отдельных квартала: на горе лежит *старый город* (cidade velha), основанный больше трехсот лет тому назад, в 1579 году, и представляющий группу почти безлюдных монастырей; внизу расположен *морской город* (*varadouro*), где сосредоточена вся торговая деятельность. Впрочем, якорная стоянка больших судов находится километрах в тридцати дальше к северу, у входа в устье, над которым

1 Orville A. Derby, „Meteoritos Brasileiros".

доминирует форт Кабеделу, выстроенный на оконечности мыса и защищенный от волн цепью рифов. К югу от Параибы, другой старинный город Гойяна, процветавший уже во времена голландцев, расположен подобным же образом, на излучине реки, расширяющейся к устью в широкую губу, но также закрытую с моря зубчатой стеной утесов.

Гойяна или Гояна находится уже в штате Пернамбуко, названном так (Парана-мбук, или «морской залив») по полукольцеобразному каналу, который окружает остров Итамарака, лежащий на север от Ресифе, где с начала XVI века французские и португальские торговцы сходились с туземцами Тупинамбы[1]. Итамарака,—одна из населеннейших областей Бразилии,—в изобилии производит сахар, «лучшие на всём побережьи плоды», а также пищевые продукты. В 1630 г. там насчитывали 23 сахарных завода. Голландцы одно время имели намерение перевести столицу своей бразильской империи на остров Итамарака[2].

Столица штата Пернамбуко, известная у иностранных мореплавателей под таким же именем, оффициально носит название Ресифе, по природному волнорезу, который защищает её порт; это один из исторических городов Нового Света, и в то же время один из торговых городов, которым, повидимому, предстоит великая будущность. Основанный в середине XVI века, именно в 1503 году, концессионером Дуарте Коельо, Пернамбуко или Фернамбук сделался, столетие спустя, столицею голландских владений в ту эпоху, когда им принадлежала северо-восточная часть Бразилии; до сих пор ещё существуют некоторые остатки их построек, как в Ресифе, так и на острове Антонио-Вац, в квартале Сан-Антонио, бывшем Маурицеа (Морицштадт), названном так в честь Морица Нассауского. Пернамбуко, если понимать под этим именем все ближние города, входящие в его состав, не представляет собою сплоченного города. Олинда, прежняя столица, занимает вершину возвышенности, выступающей с северной стороны рейда; но слишком удаленная от торгового центра, лежащего на 7 километров южнее, она теперь не более, как унылая руина дворцов и монастырей; песчаный перешеек, соединяющий её с остальным городом, между рукавом дельты и морем, слишком низок и узок, чтобы на нём могли быть построены дома и заводы; но дальше, уже на материковой почве, тянутся ряды дач, фермы и сады Кампо-Гранде, соединяющие старый город с новым. Ресифе в собственном смысле заполняет своими торговыми и правительственными зданиями, своими магазинами и складами ближайший к внешнему рифу остров, который сообщается мостами с другим островом Антонио Вац, центром «бразильской Венеции». Другие виадуки соединяют этот средний квартал с Бона-Виста, лежащим на западе, уже на самом материке, и продолжающимся внутрь длинными предместьями. В этой части город усеян виллами, которые на северо-западе ютятся по берегам Беберибе, а на западе—в долине извилистой реки Капибарибе и на соседних холмах. Высокая цена на земли по близости порта заставила строителей завладеть прибрежными морскими водами, бухточками и внутренними болотами; вследствие этого, общий вид города быстро изменился за последние десятилетия, как благодаря размывам и наносам ила, так ещё больше благодаря труду человека. Старинные голландские форты, в настоящее время совершенно бесполезные для защиты, до сих пор ещё существуют. Тесаные камни, из которых они сооружены, были привезены из Европы.

Большой рейд, где останавливаются пакетботы, за рифом, не представляет собою хорошей якорной стоянки, так как судам приходится много терпеть от волн, нагоняемых южным и восточным ветрами прямо на подводные камни; впрочем, сильные бури здесь так редки, что каменная облицовка, которою обложили риф голландские инженеры двести пятьдесят лет тому назад, ещё до сих пор сохранилась. При отливе канал дает доступ судам, имеющим до 4,40 м. осадки; во время же прилива над порогом держится постоянная глубина по меньшей мере в 5,95 м. Прежде всего суда входят в Посо, или «Колодезь», составляющий самую

1 Adolpho de Varnhagen, „Historio geral do Brasil“

2 Robert Jouthey, „History of Brasil“.

глубокую часть порта, затем, с помощью прилива, они размещаются в естественном бассейне Москвеиро, отлично защищенном. Но во всяком случае доступ в порт затруднителен для обыкновенных судов, особенно когда дуют юго-восточные ветры и когда морская волна достигает до самого Посо; вход необходимо должен быть защищен волнорезами, поставленными в открытом море. Инженер Фурнье, проект которого, давно уже одобренный, но до сих пор, за недостатком средств у города, остающийся без осуществления, предлагает построить от южной стороны прохода к востоку мол длиной в 720 метров, доходящий до глубины 10 метров при низкой воде; тогда большие пакетботы могли бы пользоваться надежной стоянкой и без перерывов, при всяком состоянии морского уровня, высаживать пассажиров и выгружать кладь. Это важное предприятие сопряжено с расчисткою морского дна от ила, с прорытием бассейнов и с углублением каналов; равным образом потребуется сооружение наружных волнорезов в окружности аван-портов за рифом[1]. Проект Хокшау, в общем схожий с предыдущим, предлагает сооружение мола в том же направлении, но более длинного и более изогнутого. С осуществлением того или другого проекта, этот порт сделается лучшим во всей Бразилии; но уже и теперь счастливое положение гавани близ северо-восточного угла континента сделало Ресифе главным притягательным пунктом для судов, приходящих из Северной Америки, Европы и Африки: в эту сторону суда плывут, чтобы рекогносцировать твёрдую землю, после того, как они перешли за остров Фернандо-де-Норонья, или лас-Рокас. Никакая другая часть Бразильского побережья не имеет такого важного стратегического значения: это передовой пост республики и всего латиноамериканского Нового Света; в недалеком будущем, когда пути прямого сообщения откроют для торгового движения кратчайшую линию, Пернамбуко, без сомнения, станет самою оживленною пристанью во всей Южной Америке. В ожидании этого, предполагают выстроить береговую линию железной дороги между Пернамбуко и Рио-Жанейро, к которой современем прибавится другая ветвь, перерезывающая долину Сан-Франсиско. Кроме того, проектируется линия трансконтинентальной дороги, которая направится через внутренние сертаны к Вальпарайзо.

Из Ресифе выходят три трансатлантических кабеля; двенадцать пароходных обществ избрали этот порт пристанью для своих пароходов, совершающих регулярные рейсы; кроме того, сюда приходят сотни других судов с европейскими и северо-американскими товарами, принимая здесь грузы сахара, хлопка, кофе, табаку, меди, кожи, красильного дерева, известного прежде под специальным названием «пернамбука», и различных предметов естественной истории—птиц, бабочек, раковин, растений и других продуктов. В этой обширной торговле первое место принадлежит Великобритании; Франция занимает второе место, затем следуют Германия и Соединенные Штаты.

Средняя ценность внешней торговли в Ресифе: 200 миллионов франков. Вывоз сахара в 1892 г.: 391.194 мешков или 23.472 тонны. Таможенные доходы в 1888 г.: 10.738.240 мильрейсов. Движение судоходства в Ресифе: от 1.600.000 до 2.000.000 тонн.

Рыбной ловлей в Пернамбуко занимаются, как и в Сеаре, смелые моряки, отправляющиеся в море, подобно своим индейским предкам, янгадасам, на деревянных плотах, взяв с собою якорь, необходимые снаряды и тыкву с запасом пресной воды: издали виднеется один только белый парус, носящийся, как чайка, над волнами. Ресифе представляет собою не исключительно только торговый пакгауз; в нём есть прекрасные общественные сады, библиотеки, ученые общества, между прочим, географическое, и один из двух бразильских юридических факультетов. Наследники прошлого, полного политической борьбы и споров с главными городами—Бахией и Рио-Жанейро, пернамбуканцы отличаются некоторым духом инициативы, редким в Бразилии, и считают за честь действовать самостоятельно.

Округ Пернамбуко густо населен, и главный город окружен целою гирляндою примыкающих к нему второстепенных городов: из Ресифе расходятся по всем направлениям многочисленные колесные и три железные дороги. На севере находится город Игуарассу,

1 „Bijbladen van het Tijschrift van het ardijskundig Genootschap te Amsterdam“, № 8, 1881;—Alfredo Lisboa, „Memoria do Projecto de Melhoramento do porto de Recife“.

или «Большая Пирога», с небольшим портом, который был посещаем французскими судами уже в XVII столетии; на северо-западе Паон д'Альо («Чесночное дерево») стоит у бифуркации железных дорог, из которых одна направляется к Назарету, а другая—к Лимоейро, двум торговым городам, окруженным сахарными заводами. Лимоейро—главное городское поселение долины Капибарибе, где, кроме него, находятся города Бон-Жарден, Такваретинга и дальше, в хорошо орошаемой горной долине,—Брежо-да-Мадре-де-Деус. Железная дорога, направляющаяся на запад от Ресифе, к верхней долине реки Ипожука, проходит сначала через Жабоатаон, любимую дачную местность пернамбуканцев, затем через Викторию, Гравату, Бесеррос и через Каруару, оживленное торговое складочное место, один из богатейших внутренних городов. На юго-западе главная станция Сан-Франсисканской железной дороги —город Кабо, получивший свое название от соседнего мыса, Кабо-Санто-Агостиньо, где некогда стоял форт, который голландцы и португальцы ожесточенно оспаривали друг у друга во время первой половины XVII столетия. За Кабо, по той же железнодорожной линии, следуют два города, Палмарес и Гараньюнс, из которых последний расположен на высоте 845 метров, в верхней долине реки Мундаху, впадающей в лиман Масейо. Гараньюс, пользующийся здоровым климатом, который привлекает сюда чахоточных больных, лежит уже вне зоны сахарного тростника, главной культуры Пернамбукского побережья; здесь возделывают преимущественно кофе, хлопок, табак и хлебные растения.

Западная часть штата Пернамбуко, составляющая почти половину территории, принадлежит к покатости реки Сан-Франсиско, также как и почти весь штат Алагоас, или «Лагун». Впрочем, столица этой территории, Масейо, занимает полуостров между морем и одною из лагун, которым штат обязан своим названием; эта водная площадь, называемая до-Норте, принимает в себя реку Мундаху, тогда как южнее, параллельно лежащее озеро Мангуаба, питается водами многочисленных рек, носящих родовое название Парахиба. Красивый город Масейо буквально утопает в зелени; на его улицах-аллеях и в окружающих его рощах африканский финик перемешивается с индийским кокосовым деревом. Всё торговое движение Масейо сосредоточено у подножия холма, в предместьи Журагуа, которое прежде отделялось от города: здесь находятся магазины и склады. К сожалению, порт, защищенный от восточных и северных ветров, совершенно открыт для бурного южного ветра, и в зимнее время суда должны искать приюта на Пажуссарском рейде, расположенном восточнее, под защитою Понта-Верде и цепи рифов. После сахара, хлопка и других продуктов крупной культуры, вино кажу составляет один из главных предметов вывоза. Добрую часть своего продовольствия Масейо получает по железной дороге, которая идет на северо-запад, поднимаясь долиной реки Мундаху, к Униону; этот последний город принадлежит к числу тех многочисленных поселений Бразилии, которому лесть дала название «Императрис», т.е. «город Императрицы»; близ этого города находился некогда главный центр республики беглых негров, *quilombo* дос-Палмарес. Долина реки Парахиба, спускающаяся на юго-восток, параллельно долине реки Мундаху, с которой она соединена рельсовым путем, изобилует сахарными плантациями, раскинувшимися в окрестностях Виктории, Вилла-Висозы—прежней Ассамблеи,—Аталайи, Пилара, Алагоаса. Этот последний город, бывший до 1839 г. столицею штата, лежит у южной оконечности *alagoa* (лагуны) Мангуаба, в низменной равнине, занимая в торговом отношении гораздо худшее местоположение, чем Масейо, нынешний главный город штата. По байю и озеру Мангуаба пароходы совершают правильные рейсы между Масейо и Пиларом, где они забирают грузы хлопка.

Остров Фернандо-Норонья, в, административном отношении причисленный к штату Пернамбуко, составляет естественную принадлежность северо-восточных земель Бразилии. Здесь нет ни одного города, так как правительство обратило этот остров в место ссылки преступников. Население острова к 1-му января 1889 г.: ссыльных—1.275, чиновников, солдат и семей преступников—688; всего 1.963 человека. С 1893 г. здесь учрежден карантинный лазарет и семафорный пост. Каждый месяц пакетбот доставляет на остров продовольствие, заходя в небольшой порт, находящийся на северном берегу. Имеющиеся на острове залежи фосфата ещё не эксплоатируются с промышленною целью; но гуано, покрывающее некото-

рые прибрежные островки, давно уже попало в руки промышленников. В настоящее время культура острова тормозится страшным обилием крыс и мышей, которые опустошают поля, наводя ужас на самих преследователей своих—кошек и собак; уже в XVII столетии этот бич помешал голландцам утвердиться в Норонье. Смотря по времени года, ссыльные обязаны один день в месяц или в неделю ходить на охоту за крысами, и иногда им удается убивать до двадцати тысяч за один раз[1].

Главные города бразильского атлантического склона, между устьями Гурупи и рио-Сан-Франсиско, с их приблизительным населением.

Штат Мараньян: Сан-Луис—45.000 ж.; Вианна—11.000; Кашиас—10.000; Алкантара—5.000 ж.

Штат Пиауи: Парнаиба—12.000 ж.; Терезина—10.000; Амаррасаон—5.000; Оейрас—2.000 ж.

Штат Рио-Гранде-до-Норте: Наталь—6.000 ж.; Макау—5.000; Сеара-Мирим—4.000; Моссоро—3.000 ж.

Штат Парамбо-до Норте: Параиба—40.000 ж.; Мамангуапе—10.000 ж.

Штат Пернамбуко: Ресифе, Олинда с предместьями—120.000 ж.

Штат Сеара: Форталеза—30.000 ж.; Аракати—16.000; Марангуапе—12.000; Собрал—10.500; Батурите—10.000; Нацарет—15.000; Гояна—10.000; Палмарес—5.000; Каруару—3.000 ж.

Штат Алагоас: Масейо и Жарагуа—15 000 ж.; Алагоас—5.000 ж.

IV. Бассейн рио-Сан-Франсиско и восточный склон плоскогорий

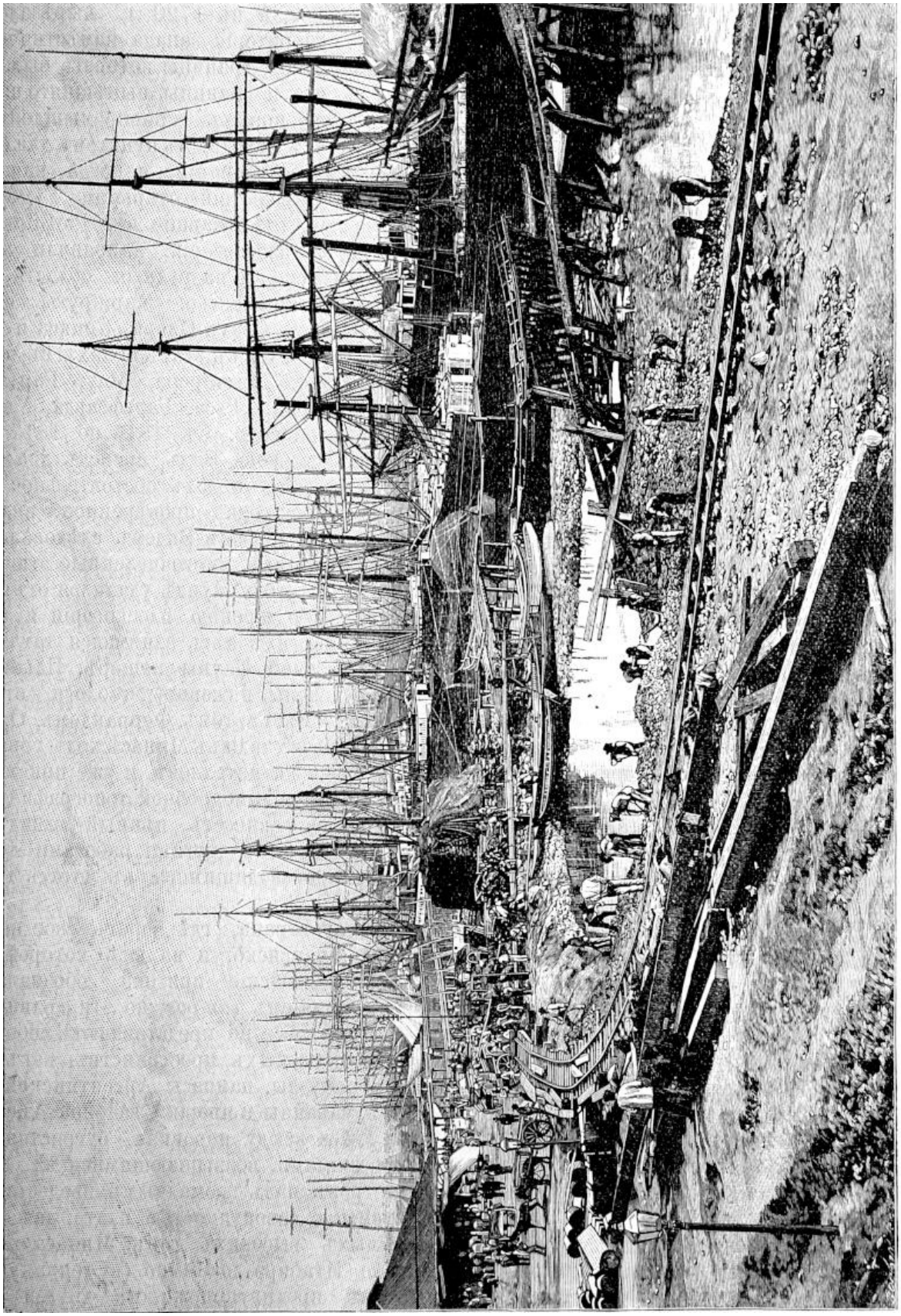
Штаты: Минас-Жераес, Бахиа, Сержипе, Эспирито-Санто.

Половина этой обширной области занята бассейном рио-Сан-Франсиско, большою впадиной овальной формы, вроде долины двух рек близнецов, Арагвая и Токантина, и почти такой же величины. Только рио-Сан-Франсиско не сохраняет своего правильного направления с юга на север, а поворачивает на восток и впадает в Атлантический океан в том месте, где континент начинает суживаться, южнее Пернамбукского выступа. Принадлежа верхнею частью своего течения к зоне высоких плоскогорий, река эта перерезывает береговую цепь, чтобы уйти из гор через восточный склон: она соединяет две естественные области. Южнее горные кряжи образуют определенную границу между большим речным бассейном и склонами, обращенными к Атлантическому океану; но в целом прибрежные страны можно рассматривать как простой скат плоскогорий, орошаемых рекою Сан-Франсиско. Следовательно, полуокружность, описываемая горами, откуда вытекают притоки реки, и которые посредством бокового отрога примыкают к берегу севернее реки Параибы, отрезывает от Бразилии отдельную часть. Но политические границы штатов только отчасти совпадают с их естественными границами. На юге, штат Минас-Жераес захватывает широкую полосу покатости Параны и, господствуя над горными проходами, через которые можно спуститься на юг, простирается до последних ступеней штата Рио-Жанейро, занимающего склон, отдельный от покатости Эспирито-Санто.

Взятая в своих естественных границах или в тех, которые ей приданы искусственно, область Сан-Франсиско, в соединении с областью атлантических склонов, есть важнейшая во всей Бразильской республике. Один из четырех штатов, входящих в её состав,—Минас-Жераес, или «Главные мины», «чудная страна, которая могла бы обойтись без всего остального мира», как говорит Огюст-де-Сент-Илер,—если не самый обширный, то по крайней мере самый населенный во всей Бразилии, хотя его главные города много уступают боль-

1 Ridley, „Journal of the Linnean Society“, 1890.—H. von Thering, цитированное сочинение.

шим городам приморской области. Минас-Жераес с гораздо большим правом мог бы носить прозвище «Ключ Свода», присвоенное Пенсильвании между северо-американскими штатами. Здесь находятся самые высокие плоскогорья Бразилии, и одна из многоводнейших рек

Портъ Сантосъ.

берет здесь свое начало. На юге, он командует своими склонами подходами к столице, Рио-Жанейро; на востоке и северо-востоке, реки, зарождающиеся на его территории, спускаются к береговым штатам, от Эспирито-Санто до Пернамбуко; на западе, он касается своими воз-

вышенностями ещё почти пустынных стран Гояса, тогда как на юго-западе, он продолжается, притоками Параны, до штата Сан-Пауло. Даже с исторической точки зрения Минас-Жераес может по праву занимать первое место, так как после того, как более всех содействовал обогащению португальской казны, после того, как доставил Португалии денежные средства для таких грандиозных сооружений, как водопровод в Лиссабоне и монастырь в Мафра, он первый, уже за тридцать ещё лет до окончательного освобождения, стал делать попытки к завоеванию своей независимости. Неоднократно предлагали разделить территорию Минаса на две или несколько провинций или штатов, при чём северная часть его стала бы штатом Сан-Франсиско.

Штат Бахиа, который с частью Пернамбуко, Алагоаса и Сержипе, заключает в себе более половины территории, орошаемой рекой Сан-Франсиско, не имеет такого важного значения, как Минас-Жераес; но он занимает в Бразильской республике второе место по населенности, а столица его как по торговле, так и по количеству жителей уступает одному только Рио-Жанейро. Штат Сержипе, самый меньший по занимаемому пространству, населен плотнее двух предыдущих и по торговле стоит на-ряду с большими штатами.

Штаты бассейна Сан-Франсиско и восточной покатости:

	Поверхность в квад. кил.	Жителей в 1893 г.	Жителей на квад. кил.
Минас-Жераес	574.855	3.000.000	5,2
Бахиа	426.427	2.000.000	4,7
Сержипе	39.090	370.000	9,5
Эспирито-Санто	44.849	200.000	4,4
Итого	1.085.211	5.570.000	5,1

Что касается штата Эспирито-Санто, образуемого трудно доступной лесной зоной, то он, конечно, занимает последнее место среди всех восточных штатов; но развитие его быстрыми шагами идет вперед, благодаря наплыву европейских эмигрантов и отливу населений, которые со времени открытия расходящихся путей сообщения, устремляются к Рио-Жанейро.

Обширный залив Тодос-ос-Сантос (Всех Святых), на берегу которого стоит в настоящее время город Бахиа, был указан уже Христованом Жакесом в 1503 г., три года спустя после открытия бразильских берегов; кормчим в этой экспедиции был знаменитый Америго Веспуччи. Собственно колония быстро развилась во второй половине века, когда Бахиа была избрана главным городом всех бразильских наместничеств, и когда экскурсии внутрь страны быстро ознакомили в общих чертах с рельефом края на значительное расстояние от берегов. Однако, береговая цепь гор, покрытых со стороны моря дремучими лесами, долгое время представляла собою непреодолимую преграду. С конца XVI века последовали одна за другою экскурсии в область неисследованных стран, лежащих по верховью Сан-Франсиско, но без большого результата. В 1650 г., Маркос де-Азеведо вывез оттуда изумруды и слитки серебра; затем, двадцать лет спустя, неустрашимые паулисты, под предводительством Фернандо Диас-Паес-Леме, проникли в северные области, которые, по преданию, изобиловали драгоценными камнями. Они добрались до самого истока рио-Досе, в местность, прославившуюся с тех пор своими приисками; но им не удалось открыть этих сокровищ.

Другие паулисты оказались счастливее в своих экскурсиях, предпринятых в конце XVII и в начале XVIII-го веков, и весть об их удаче привлекла в край много искателей и быстро облетела мир. С своей стороны, португальское правительство энергично вмешалось в дело, с целью обеспечить свои горные доходы, и в 1720 г. вырезало в громадной территории запада наместничество Минас-Жераес, границы которого были почти те же, что и границы нынешнего штата. Каждый из новых горнопромышленных центров стал исходным пунктом для более подробных исследований, и когда началась новая эра путешествий, открытая Гумбольдтом, ученые, отъезжавшие из Рио-Жанейро для осмотра плоскогорий, направили почти все свои изыскания на рудные области верховья Сан-Франсиско: маршруты фон-Эшвеге, Огюста Сент-Илера, Спикса и Марциуса пересекаются в этих краях с маршрутами Поля, Натгерера, Мау, Гарднера, Спруса, Бэртона, Лиэса, Гальфельда, Уэльса, Маноэля де-Маседо. С

1815 по 1817 год Максимилиан фон-Вид провел два года среди ботокудов и дал обстоятельное описание этого народа, проверенное недавно Эренрейхом; за фон-Видом следовали, в этих изысканиях, многочисленные этнологи. Естествоиспытатель Лунд удалился от света в уединенную деревню плоскогорий и впродолжении многих лет занимался там изучением древней фауны пещер. Наконец, горные рудокопы, инженеры, геологи, сотнями с Горсеиксом, Гартом, Феррандом, Орвиллем Дерби, изучали в Минасе ход горных пород и залежи металлов, и уже приступлено к составлению подробной топографической карты, которая внесет ценный вклад в науку, наравне с другими работами такого же рода, производящимися в штате Сан-Пауло.

Гористая страна, где берет свое начало рио-Сан-Франсиско, и на юге которой протекают лаплатские притоки, обозначается иногда названием *campos*; но эти «равнины» или «поля» вовсе не представляют собою таких однообразных пространств, как льяносы Венецуэлы, пампасы Аргентинской республики, саванны и прерии Северной Америки. Почва здесь всюду неровная, бугристая, покрытая холмами, возвышающимися на 100—200 метров над громадным пьедесталом, образуемым совокупностью плато; даже одна из самых высоких гор Минаса носит название Итабира-до-Кампо («Степная» Итабира), в противуположность другой горе, при том менее высокой, которая называется Итабира-да-Серра или до-Матто-Дентро («Горная» или «Лесная» Итабира), потому что она находится в гористой и лесистой восточной области. Извилистые овраги, болота и реки значительно разнообразят общий вид страны. Средняя высота этих плоскогорий, которые составляют центральный хребет Бразилии, со склонами во все стороны, достигает тысячи метров, а самые высокие вершины, находящиеся между Келузом и Барбасеной, превышают 1.200 метров. От этого центрального горба расходятся в разные стороны отроги высот, возвышаясь своей массой над цоколем, образуемым плоскогорьем, и почти всюду понижаясь вместе с ним.

К западу выступ рельефа, там и сям поднимающийся в виде горного кряжа, разделяет покатости рек Сан-Франсиско и Параны, затем сливается со вторым гребнем, от которого отделяется серра-да-Канестра и целая группа других высот, разветвляющихся к северу. На юго-запад от Барбасенского узла, параллельно побережью Рио-Жанейро, тянется кряж с очень крутыми внешними склонами: это серра-Мантикейра. На северо-востоке продолжение этого последнего кряжа идет уже под разными названиями, закривляясь сообразно изменению ориентации, какую представляет окружность континента. Наконец, на севере проходит главная цепь, которой Эшвеге дал название серра-до-Эспиньясо: это—«Позвоночный столб» Бразилии. Между тем питоны, выступающие над этим главным хребтом, имеют относительно незначительное возвышение: самый высокий из них едва достигает четвертой части той высоты, на которую поднимаются гиганты Андов; по новейшим исследованиям, высочайшая гора Бразилии находится не в этой цепи: она принадлежит к серре да-Мантикейра. Главная вершина «Позвоночного хребта», пик Караса, или «Ущелья»[1], возвышающийся к северо-востоку от центра расхождения кряжей, имеет, по измерению Лиэса, всего 1.955 метров. Далее к югу, гора Пиедад (1.783 метра), стоящая вне горной цепи, над долиною рио-дас-Вельяс, господствует над другими горами своею широкою, притупленною пирамидою, перерезанною с одного бока глубокою пропастью. Наконец, ближе к горному узлу, поднимается вершина, считавшаяся долгое время за самую высокую во всей Бразилии; если это оказалось и не совсем верным, то, во всяком случае, гора эта остается самою известною, благодаря соседству столицы штата Минас, Оуро Прето, лежащей у её северного основания. Гора эта носит название Итаколуми, или «Камень Сына», по одному боковому питону, стоящему на пьедестале из обломков и представляющему, смотря по положению зрителя, самые причудливые формы, вроде гигантской белки или жабы; верхняя пирамида находится, по определению Гербера, на высоте 1.739 метров. В геологической терминологии название Итаколуми перешло на желтоватый песчаник, которым покрыта большая часть Центральной Бразилии;

1 Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage dans les provinces de Rio de Janeiro et de Minas Garaes“.

но самая гора состоит не из песчаника[1], или, по крайней мере, песчаник не составляет её главной массы: Итаколуми состоит из кварцита, как и пик Караса[2].

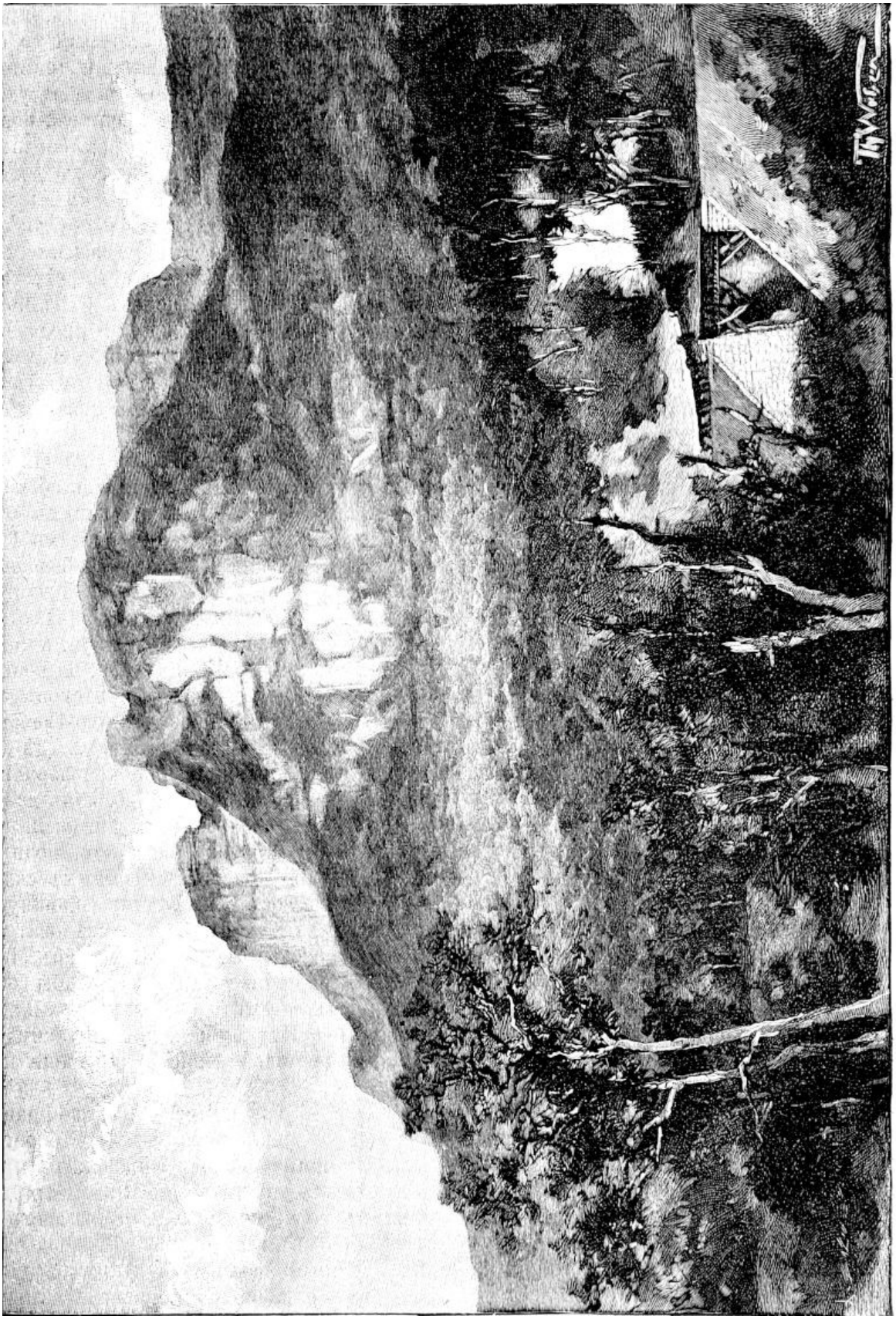
К северу от этого последнего пика, серрадо-Эспиньясо продолжается в длину почти на 280 километров, не представляя резко выдающихся хребтов или вершин: отмечают в особенности железистую гору Итабира-да-Серра или до-Матто-Дентро, и дальше, в алмазоносной области серро-де-Фрио, или «Холодной горы», питон огненного происхождения, Итамбе, который также слыл за высочайшую вершину Бразилии; высота его не превышает однако 1.316 метров, по определению Спикса и Марциуса, которые всходили на неё в 1818 году. На запад от рио-дас-Вельяс, в теснине ущелий, возвышается соперник Итаколуми—Итабира-до-Кампо, гора о двух вершинах, вроде «ослиных ушей», которая почти недоступна для восхождения и состоит, подобно Пиедаду и другой Итабире, или «Блестящему камню», почти исключительно из железистого минерала «итабирита»[3], содержащего 60% чистого металла. Высота этой вершины, по точному измерению, 1.529 метров[4]. В этой же области на многих картах отмечена мнимая гора Боас, высотою в 2.300 метров; но это название вовсе неизвестно в стране: здесь нет ни одной вершины, которая бы поднималась на такую высоту над морем волнообразных холмов; путаница происходит, вероятно, от трудно переходимых хребтов Боас-Мортес, которые отделяют верхний бассейн рио-дас-Вельяс от бассейна Параопебы[5]. Самые высокие выступы едва поднимаются над волнистой поверхностью этой гористой области. У своего подножия гора Итабира даже неприметна; чтобы различить её, надо подняться на склоны окрестных холмов.

Кроме Эспиньясо, нет ни одной горной цепи, настолько известной, чтобы пики её были индивидуализированы особым названием; обыкновенно ограничиваются перечислением главных выступов, зачастую преувеличивая их высоту и величину. За порогом Диамантины, где зарождаются истоки реки Жекитиньоньи, тянется извилистый горный вал Итакамбиры, продолжающийся к северу сначала цепью Гран-Могол, затем—серрою дас-Альмас, которая теряется в штате Бахиа, в обширных плоскогорьях, где серры, собственно говоря, суть не что иное, как крутые закраины высоких земель, подточенные у основания текучими водами. Более характерною цепью является серра дас-Аймарес, названная так по имени её древних обитателей; она тянется параллельно побережью Эспирито-Санто, изрезанная на множество отрывков реками, сбегающими с восточных склонов Эспиньясо. Близ начала этой цепи, в массиве Капазаон[6], состоящем из кварцевого гнейса, ботаник Швакке недавно всходил на вершину в 2.200 метров, остававшуюся до последнего времени неизвестною, по причине враждебных индейских племен, живущих на её окружности[7].

К западу от рио-Сан-Франсиско другие продолговатые возвышенности также имеют вид гор: таковы высоты, разделяющие штаты Минас-Жераес и Гояс, и поэтому иногда называемые серра-дас-Дивизонес («Раздельныя»), Но на севере исчезает всякий след гор; там тянутся одни только пустынные плоскогорья, страшные *travessias*, без воды и растительности, покрытые во многих местах солью; путешественники употребляют по нескольку дней для перехода этих *travessias*. Наконец, в самой долине Сан-Франсиско возвышаются многочисленные массивы и цепи, одни—параллельно течению реки, другие—поперек, образуя своими скалистыми преградами стремнины или водопады. Самой знаменитой из этих групп является Лагоа-Санта, или «Святая Лагуна», хорошо известная в геологической и древнейшей истории Бразилии. Эта известковая страна изрыта бесчисленными пещерами, из которых одни представляют собою простые расселины, другия—обширные галлереи, громадные своды, из-

1 „The Highlands of Brazil“.
2 Orville A. Derby, „O Picos altos do Brazil“.
3 Von Eschwege, „Beitrage zur Gebirgskunde Braziliens“.
4 Gauthier, рукописные заметки.
5 James W. Welle, цитиров. сочинение.
6 Капарао, по карте Кроккатта де-Са.
7 Arville A. Derby, „Revistada Sociedade de Geografia do Rio de Janeiro“, 1889.

вилистые проходы, разветвляющиеся бесконечным лабиринтом. Вершины этих изрытых внутри по всем направлениям скал свидетельствуют, повидимому, о том, что слои были сначала разломаны какою-то силою бокового давления, и что затем воды прорыли свои подзем-

Желѣзная дорога между Паранагуа и Куритиба.

ные русла. Известковые сростки, сталактиты и сталагмиты, висят на сводах гротов и поднимаются с земли в виде столбов. Пласты глины, различной толщины, покрывают дно, содержащее земные и речные раковины, тождественные с современными видами: в этих именно

пластах были найдены в громадном количестве кости, исследованные сначала Клаусеном, а затем, ещё с большим успехом,—Лундом.

Главный горный хребет, проходящий по восточной стороне долины Сан-Франсиско, состоит преимущественно из гнейса, переходящего в некоторых местностях в гранит, сиенит и слюдяный сланец. Вершины здесь всюду закругленные, и даже выступающие там и сям конические массивы с крутыми скатами представляют всегда загнутый профиль. Кристаллические породы, из которых они состоят, зернистого свойства, с вкрапленными крупными кристаллами полевого шпата, легко рассыпающагося и образующего песчаные красноватые пласты, тянущиеся длинными скатами у подножия высот: этот разложившийся слой, покрытый черноземом, имеет в некоторых местах 275 метров толщины[1]. Нигде не видно осадочных отложений над кучами гравия, образовавшимися вследствие дезинтеграции гор, остатками выступов, которые прежде достигали огромной высоты, «превышая, по всей вероятности, своими вершинами самые высокие хребты нынешнего мира[2]». Плоскогорья, в которых Парана и её притоки прорыли свои верхния долины, состоят до значительной, хотя ещё не определенной глубины, из обломков древнего бразильского Гималая; равнины Парагвая и Гран-Чако, пампасы Аргентинской республики, песчаные банки лаплатского лимана—такого же происхождения. В этой громадной лаборатории горнокаменные породы переменили только свою форму и место: из кристаллических гор они сделались слоистыми равнинами.

Толстый красноватый слой, перемешанный с зернышками кремнезема и кристаллами кварца, который покрывает почти все плоскогорья внутри страны, довольно плотен и не легко поддается выветриванию; впрочем, песчаные вихри, один из бичей Африки и Азии, не чужды и этой области Южной Америки: железнодорожные поезда рассекают целую тучу пыли. Почва, отличающаяся естественным плодородием, пригодна для всякого рода культуры и имеет в запасе несметные земледельческие сокровища. Кроме того, она изобилует золотым песком, железными рудами, а в некоторых местах и алмазами; больше всего эксплоатируют руды, покрытые *canga*, новейшим конгломератом, образовавшимся из обломков гор и цементированным железистыми водами. Гравий, под которым находят алмазы, называется здесь *cascalho*[3].

Рио-Сан-Франсиско, главная артерия штатов Минас-Жераес и Бахии, исследованная, главным образом, Гальфельдом в 1852—1854 гг. и Лиэсом в 1862 г., была знакома паулистским авантюристам в её верхней долине ещё в то время, когда не было известно, куда впадает эта река и тот ли это поток, который уже был осмотрен у его входа и окрещен именем св. Франсиска в 1501 г. Подобно многим другим потокам Бразилии, эта река получила название Пара, что значит «река» или «море». Своим верхним течением она принадлежит ещё к амазонской покатости, как Арагвая и Токантин, так как она первоначально течет с юга на север, параллельно этим двум рекам, которые, в свою очередь, следуют направлению рек Ксингу, Тапахоза и Мадейры, главных данников Амазонской реки. Но, пройдя более половины своего пути, Сан-Франсиско поворачивает на северо-восток, затем на восток и, низвергнувшись с внутренних плоскогорий великолепным водопадом Пауло-Аффонсо, уклоняется даже к юго-востоку, прежде чем соединиться с океаном. Совокупностью своей долины рио-Сан-Франсиско описывает кривую, весьма заметно параллельную линии атлантического побережья[4].

Источник, которому по чисто мнемонической условности сохранено имя реки до его выхода из скалы, зарождается на юго-западе бассейна, в серра-да-Канастра: из цирка отвесных стен, растрескавшихся на вершине, низвергается столб воды, который пенится и клубится в нижнем бассейне, разбрасывая далеко по сторонам свои дымящиеся брызги. Это тот самый

1 H. Charles Dent, „A Year in Brazil“.
2 John Ball, „Notes of a Naturalist in South America“.
3 Gorceix, „Revue de Geologie“, 1874 и 1875.
4 Emmanuel Liais, „Hydrographie du haut rio San Francisco“.

водопад, которому Огюст де-Сент-Илер, смешав его с другим водопадом, дал по ошибке[1] название Каска д'Анта или «Кора тапира» по одному дереву (drymis granatensis), имеющему целебное свойство. Струя воды, сразу увеличившись впадением боковых ручьев, спускается в долину по ступеням, *escadinhas*, и становится рекою, постепенно разрастающеюся, так что между двумя порогами по ней могут уже ходить суда. Первый большой приток, впадающий с правой стороны, сохранил название Пара, которое принадлежало прежде всей реке; после этого Сан-Франсиско сливается с другою, более многоводною рекою—Параопеба, или «Гладкою», которая собирает свои воды в юго-восточной части долины. При слиянии оба потока представляют жидкую массу, превосходящую уже 200 кубических метров в секунду, а зимнее половодье поднимает речной уровень от 8 до 12 метров, смотря по годам; этим объясняется образование многочисленных временных болот, которые делают климат крайне опасным для здоровья. Именно распространенности местных лихорадок и надо приписать малочисленность жителей во всей долине верховья Сан-Франсиско; после разлития вод лихорадка поражает даже свиней.

Рио-дас-Вельяс—Гуайкуи, или «Старушечья река»—близнец реки Сан-Франсиско, берет свое начало в рудной области, в горном узле Келуз и, прибавляя в среднем более 200 кубических метров воды в секунду к 450 метрам, катимым Сан-Франсиско, делает из неё реку, более могучую, чем Гаронна или Луара. Подземные ручьи, струящиеся из пещер известковой скалы, питают рио-дас-Вельяс в её верхнем течении. Во впадинах гор залегают лагуны, принадлежащие к той же гидрографической системе: таковы Лагоа-Санта и Сете-Лагоас. Одна из этих знаменитых лагун, Лагоа-де-Сумидоуро, названная так потому, что её воды теряются в гротах, представляет собою резервуар, который то совершенно высыхает, то снова наполняется водою, в зависимости от дождей и засух: посредством естественных трещин, называемых *sangradouros*, русло реки соединяется с лабиринтом пещер, богатых доисторическими остатками. Более ровная в своем течении, менее изрезанная *cachoeiras*'ами и протекающая по более здоровой и населенной местности, рио-дас-Вельяс имеет значительные преимущества перед Сан-Франсиско; при этом, в ожидании предстоящего продолжения железной дороги, она даже полезнее Сан-Франсиско в торговом отношении, по перевозке разных товаров и металлов.

Ниже слияния, река течет по широкому, глубокому руслу, которое делает её круглый год судоходною даже для больших судов, не говоря уже о *ajojos* или плотах[2]. Рио-дас-Вельяс принимает в себя большие притоки, также судоходные в нижней части своего течения: на западе в неё впадают Паракату, или «Белая река», Урукуя, или «Плодородная земля», и Карињанья; на востоке—рио-Верде. Но из всех притоков самый значительный носит название рио-Гранде; он впадает в реку в том месте, где долина изменяет свое направление и поворачивает на северо-восток. Рио-Гранде, как известно, представляет собою поток, который, посредством своего притока рио-Прето, подпритока Сапао, верхнего озера с двойным склоном и рио-Сомно, составляет одну сплошную водную линию с Токантином, а следовательно и с Амазонскою рекою[3]. Инженер Мораес предлагал прорыть канал, чтобы отвести воды рио-Прето в один из верхних притоков реки Парнаибы и придти таким образом на помощь сеарцам во время периода засух.

Ниже рио-Гранде, бассейн Сан-Франсиско, постепенно сжимаемый краями береговых плато, принимает только небольшие притоки: ему остается спуститься на 394 метра до впадения в море, но наклон русла сначала довольно ровен, и только несколько небольших порогов следуют один за другим, так что река сохраняет свое направление к северо-востоку. Выступы утесов заставляют её свернуть на восток крутым поворотом, и русло понижается последовательными опасными уступами, составляющими верхние ярусы большого водопада, называемого «чудом Бразилии». Выше водопада, Сан-Франсиско бежит по порогам среди

1 Orville A. Derby, „Boletino da Sociedade de Geographia do Rio de Janeiro", 1885.
2 Durand, „Bulletin de la Societe de Geographie", 1874, VII.
3 James W. Wells, „Three thousand miles trough Brazil".

такого лабиринта островов, островков, рифов и отдельных камней, что при низкой воде какой-нибудь смельчак мог бы, перескакивая с камня на камень, перейти всю реку с одного берега на другой, несмотря на то, что она катит тут более 1.000 кубических метров в секунду[1]. При высокой воде, речной дебит, вероятно, упятеряется, так как в этом месте Сан-Франсиско, не доходя всего ста километров до моря, приняла уже все свои большие притоки.

При приближении к водопаду река делится на несколько каналов, извивающихся между тремя продолговатыми островами и смежными островками плотной гнейсовой породы. У оконечности островов различные течения, более или менее многочисленные, смотря по обилию воды, достигают окраины плато и низвергаются в пропасть около 85 метров глубины. За исключением времени большого половодья, падение воды происходит не в один прием: вода падает в первый приступ на 10 метров от края, затем, во второй прием—на 15 метров, и только третий прыжок низвергает её в пучину; но если масса падающей воды теряет в величии, то она выигрывает в другом впечатлении: эти неожиданные скачки вниз, один за другим, заставляют столбы воды бешено крутиться, надвигаясь друг-на-друга, рассыпаясь миллиардами брызг, описывая параболы в воздухе, пенясь, клокоча и сверкая всеми цветами радуги. Главная масса воды, содержащая в себе почти целую реку, хотя средняя её ширина не превышает 16 метров[2], низвергается из русла, ближайшего к правому берегу; вода других водопадов, бегущая по узкому каналу, у основания стены, присоединяется к кружащейся жидкой массе, и вместе с нею низвергается в *garganta*, страшную клюзу с вертикальною стеною, пробитою в скале, где нависшие выступы указывают, повидимому, на существование в прежнее время, через ущелье длиной в 80—100 метров, естественных мостов. Чтобы созерцать водопад во всей его дикой красе, зритель помещается в гроте, вырытом в утесе постоянным разъеданием его мокрою пылью. Во время большого разлива волны пригоняют к отверстию пещеры целые деревья; крестьяне ловят их, складывают в кучи и зажигают, с целью истребления вампиров, этих опасных кровососов, которые целыми тысячами лепятся под сводами галлерей. Случается иногда, что гроты тоже заливаются водою, и выше водопада разлив гонит воду во все впадины скалистого плато. Во всём свете нет другого такого водопада, который давал бы такое разнообразное впечатление в зависимости от сезонных колебаний уровня вод. Весьма естественно, что путешественники, видевшие Пауло-Аффонзо и другие прославленные водопады, не могут удержаться от сравнения полученных впечатлений. Уже одно то говорит в пользу красоты бразильской Ниагары, что она не обезображена ещё никакими уродливыми заводскими постройками, которые жадно отвоевали себе у природы даровую силу в других местностях. Но у неё есть и свои недостатки: по берегам водопада не видно развесистых дерев, которых можно бы было ожидать в этой тропической зоне Бразилии: один только жалкий, низкорослый кустарник уныло торчит на голых уступах утесов[3].

По выходе из ущелий, Сан-Франсиско продолжает спускаться последовательными водопадами и порогами, делающими судоходство невозможным. Оно восстановляется только у Пираньяса, где река находится всего на 18 метров выше морского уровня. Широкая и не имеющая больших излучин, рио-Сан-Франсиско изливается в юго-западном направлении и соединяется с океаном двумя устьями, берега которых поросли анакардами, манговыми и кокосовыми деревьями. При отливе лот опускается на баре на три метра глубины, и вход зачастую опасен на бурунах порога, в расстоянии 2 или 3 километров от берега. Железная дорога огибает с северной стороны ущелья и водопад Пауло-Аффонсо, связывая таким образом прерванное судоходство, но всё-таки остается ещё многое сделать для того, чтобы вся речная долина сплошь могла быть утилизирована для торговли. Предлагали даже направить торговое движение через рио-Гранде либо на северо-запад к Токантину, либо на север к Парнаибе.

1 Richard Barton, „Highlands of Brazil“.

2 Ave-Lallemant, „Reise durch Nord-Brasilien“.

3 Eugene Chaline, рукописные заметки.

Длина рио-Сан-Франсиско—2.920 килом.; площадь бассейна (по Шишко)—668.500 кв. кил.; судоходная часть реки: в верховье—1.310 километров; в низовье—225 килом.; совокупность судоходного течения бассейна—7.000 килом.; количество катимой воды в секунду (по Лиэсу)—2.800 кубич. метров.

Южнее рио-Сан-Франсиско, береговые реки, вытекающие с восточного склона серрадос-Айморес или её отрогов, все маловодны. Реки Ваза-Баррис, Итапукуру не имеют долин, которые могли бы открывать широкие пути к плоскогорьям. Рио-Парагуассу, усиливаемая впадением Яквипе (Якухипе), изливается в боковой лиман залива Тодос-ос-Сантос, но в том самом месте, где останавливается приливная волна, судоходство заграждается водопадом. Рио-Контас также прерывается в своем течении многочисленными водопадами. Следующая за нею, в южном направлении, рио-Пардо настолько приближается к устью р. Жекитиньонья, что обе эти реки можно рассматривать как принадлежащие к одной и той же гидрографической системе; к ним примыкает третья река, текущая севернее Пардо,—Поксим, которая сливается с ними боковыми потоками соленой воды и пресноводными каналами; в образующейся общей дельте Жекитиньонья, по своим боковым потокам, является притоком Пардо, хотя эта последняя река значительно уступает ей как по длине течения, так и по массе катимой воды. Жекитиньонья, или «Посещаемая долина»,—названная так, может-быть, от удобных проходов, которые представляют её высокие долины, ведущие к рио-дас-Вельяс через порог Диамантина,—состоит из двух главных ветвей, получающих начало подле одного и того же порога и текущих почти параллельно. Её часто называют «Малым Сан-Франсиско», по причине её могучего течения и больших водопадов, находящихся в её низовье, у выхода из береговых гор. Один из этих водопадов называется cachoeria de Inferno, т.е. «Адский водопад»; другой, служащий границей между штатами Минас-Жераес и Бахиа, получил название Сальто-Гранде. При низкой воде, река падает сразу с высоты 15 метров между двумя гнейсовыми стенами, сбегая затем порогами в наклонное ущелье; но во время наводнения она разливается направо и налево между скал, и её отдельные потоки, перемешавшись между собою, устремляются к низовью, образуя множество порогов разной величины. Ниже этого грандиозного водопада и его теснины, Жекитиньонья, называемая иногда рио-Бельмонте по имени города, стоящего при её устье, становится судоходною рекою, но с морем соединяется посредством очень опасного бара, который даже во время прилива имеет всего два метра воды.

Рио-Мукури, которая своим нижним течением отделяет штат Бахиа от штата Эспирито-Санто, могла бы, подобно Жекитиньонье, служить удобною дорогою для минейросов, если не своим течением, перерезанным водопадами, то своими берегами; самым естественным, повидимому, путем была бы долина рио-Досе, которая принимает первые воды восточного склона области золотых руд, в горах Эспиньясо; однако, большие леса, суровые горы, речные пороги и водопады и, недавно ещё, опасное соседство независимых индейцев, всё это вместе взятое, не позволяло до настоящего времени открывать дороги на этом склоне и направлять по этому пути торговое движение к морю. Река заслуживает свое название Досе, или «Приятная», только по выходе из штата Минас-Жераес, ниже многочисленных водопадов ступенями, откуда низвергается река. В той части своего течения, которая перерезывает низкие равнины, рио-Досе, становясь судоходною, окаймлена направо и налево озерами и болотами, куда изливаются воды разлива. Наконец, приближаясь к морю, река—первая, по которой поднимались исследователи Бразилии,—походит на низовье Миссисипи выступом, который образует её русло за нормальное линиею морских берегов.

Главные реки побережья, между Сан-Франсиско и Парнаибою, по сведениям Шишко:

	Длина в километрах	Площадь бассейна в кв. километрах
Итапукуру	520	37.000
Парагуассу	480	44.200
Контас	510	54.500
Жекатиньонья (с Пардо)	810	105.500

	Длина в километрах	Площадь бассейна в кв. километрах
Досе	700	97.000

Во время половодья уровень рио-Досе поднимается выше прибрежных полей, и эти земли, только что отвоеванные у океана, на половину заливаются водою; боковые потоки далеко теряются в болотах, и даже один канал, повидимому идущий вдоль прежнего пляжа, тянется параллельно морю на пространстве более 120 километров к северу, по направлению к р. Мукури; цепь дюн отделяет пляж от внутренних лагун. Широкая прогалина в лесу обозначает вход рио-Досе, порог которой имеет при отливе три метра воды, а во время прилива более четырех метров[1].

Между реками Жекитиньонья и Мукури несколько архипелагов рифов кораллового происхождения окаймляют побережье на различных расстояниях; таковы, например, рифы Итаколуми, усеивающие море под тою же широтою, как и гора Пашоал, издали виденная Альваресом Кабралем, открывшим Бразилию. Наиболее замечательны из этих береговых рифов те, которые окружают Аброльос—Абре-ос-Ольос, т.е. «Открой глаза»,—три гранитных островка с бесплодною почвою, покрытою кактусами до сорока метров высотою, над верхушками которых порхают птицы. Атолл, или кольцеобразный архипелаг, лежащий вровень с морской поверхностью в нескольких километрах к востоку от группы Аброльос и известный под названием Парсел, не без основания считается у моряков опасным, так как здесь не раз разбивались суда. В этих водах, на пространстве почти ста квадратных километров, коралловые рифы выростают со дна моря в виде колонн; иногда своею верхнею частью они отклоняются от отвесной линии и, как выражаются рыболовы, распускаются «зонтиком». Эти шапкообразные рифы, *chapeiroes*, или «большие шляпы», купаются в пене волн, тогда как у их основания находят глубины в 10, 15 и даже 20 метров. Они состоят из бесчисленных разветвлений, сучьев и цветов разноцветного коралла и самых нежных сплетений; суда, врезываясь в чашу этих тонких ветвей, ломают их, не чувствуя при этом особенно сильных толчков; вокруг этого разбитого леса зоофитов, вода на далекое расстояние белеет, обращаясь в молочное море[2]. Случается, что суда, сильно натолкнувшись на эту сплошную коралловую поросль, заносят их в море, где они продолжают свою дальнейшую жизнь; однажды судно, проходя между двумя рифами, было задержано коралловыми колоннами, на которых и повисло, словно флюгер на вершине башни[3]. Недавно ещё большие океанские пароходы проходили по каналу, отделяющему эти острова от континента, теперь же они плывут по открытому морю.

Не одни только острова Аброльос и рифы прибрежных пространств принадлежат Бразилии под этими атлантическими высотами: из океана в тысяче километров от берега выступает скалистая вершина Триндаде, вулканического столба, которым астроном Галлей овладел от имени Англии в 1700 году, т.е. около ста лет до бразильской оккупации. В 50-ти километрах восточнее находятся три островка Мертим-Вац, названные так по имени португальского кормчего, который открыл их в начале XVI века, почти в ту же эпоху, когда был замечен Триндаде, потому что с тех пор он стал помещаться на картах[4]. В своей совокупности выступившие на поверхность вулканические скалы Мартим-Вац, на которых мириадами гнездятся птицы, представляют собою поверхность в 28 гектаров.

Та часть Бразилии, в которой Сан-Франсиско составляет центральную артерию, находится ещё целиком в жарком поясе, и на побережье температура, во все времена года превышает 20°: у средины берега она в течение июля, т.е. зимою, равняется в среднем 22°; в январе же, т.е. в разгаре лета—26°. По мере удаления от берегов, температура, натурально уменьша-

1 Luiz d'Alencourt, „Revista da Sociedade de Geografia do Rio de Janeiro", 1890.
2 Mauchez, „Instructions nautiques".
3 C. Fred. Hartt, „Geology and Physical Geography of Brazil".
4 D'Avezac, „Iles de l'Afrique".

ется соответственно высоте, а разница между летними жарами и зимними холодами всё более и более увеличивается: с 10 градусов на побережье эта разница на плоскогорьях поднимается до 30 градусов. В высокой, рудной области, где берет начало Сан-Франсиско, температура, около которой балансируют крайния точки, колеблется на 20-ти градусах, то немного повышаясь, то опускаясь, тогда как на ближайших к побережью пунктах она почти на 4 градуса выше.

Бразильское побережье, заключающееся между Ресифе и Рио-Жанейро, находится целиком в зоне южных пассатных ветров. С апреля по сентябрь, т.е. зимою, когда солнце находится в северной от экватора части эклиптики, атмосферное течение держится своего нормального направления: оно дует правильно с юго-востока, гоня к берегам сильные волны. Летние месяцы приносят северо-восточный ветер; но во всякое время года в движении воздуха наблюдаются неровности; затишье происходит от встречи двух противоположных течений, а иногда у берегов кружатся вихри, сопровождаемые сильными бурями; но циклоны, столь частые на соответственных берегах Северной Америки, здесь очень редки. Внутри страны движение атмосферы, стоящее в зависимости от перемещения тепловых фокусов, которые беспрестанно меняются, смотря по времени года, по дням и часам, отличается ещё меньшею правильностью, чем на побережье, и соответственно тому варьирует количество атмосферных осадков. В некоторых глубоких долинах, окруженных скалами, летняя температура становится иногда невыносимою. В течение шестнадцати лет своего путешествия по Бразилии, Уэллс нигде так не страдал от жары, как у водопада Пирапора на р. Сан-Франсиско, в месте впадения в неё рио-дас-Вельяс, а между тем максимальная температура там не превышала 36°,6.

Европейские колонизаторы Бразилии совершенно неосновательно окрестили времена года оффициальными названиями «весна, лето, осень и зима»; одни только туземцы гуарани дали году в этой области южноамериканского континента правильное естественное деление: они знали только: «сезон солнца» и «сезон дождей»—*coarassy-ara* и *almana-ara*. На побережье дожди, выпадающие главным образом осенью, когда их гонит нормальный юго-восточный ветер, проливаются гораздо чаще и сильнее, чем на плоскогорьях, защищенных горами против сырого морского ветра; во многих местах количество дождей уменьшается вдвое под одною и тою же широтою между берегами океана и Сан-Франсиско. Но во всяком случае влажность воздуха в высоком речном бассейне настолько значительна, что способствует, так же, как и в Ирландии, образованию торфяных болот на верхних склонах бразильской долины[1]. Севернее, где часто господствует безветрие, высокие чапады Бахии получают количество атмосферной влаги, совершенно недостаточное для культуры, и некоторые местности там имеют вид настоящих пустынь. Метеорологические условия верхней долины Сан-Франсиско и городов прилегающего поморья:

	Годы наблюдений	Широта	Высота	Максим.	Средняя	Миним.	Разница	Дождлив. дней	Высота столба дождей
Конгоньяс де Сабара	(25)	19°,47	695 метр	32°,4	19°,8	1°	31°,4	(?)	1 м., 437
Бахиа	(5)	12°,58	64 метр	31°,5	26°,01	21°	10°,5	142	2 м., 390

Вся полоса хорошо орошаемого побережья и высокие долины предгорий, обращенные к морским ветрам, несущим дождь, заняты лесными пространствами, подобными тем, какие покрывают область реки Амазонок. Дремучие леса, по которым извиваются реки Жекитиньонья, Мукури, Досе, дают пристанище диким племенам, которые не пускают эмигрантов внутрь страны; если штат Эспирито-Санто является одним из беднейших и наименее населенным во всей Бразилии, то причина этого лежит в его лесах. Но на западном склоне «Позвоночного хребта» сплошные леса попадаются уже реже, и скалы, горы стоят обнаженные, покрытые лишь мелким кустарником или ковром цветов или газона. Человек значительно способствовал истреблению лесов, особенно в окрестностях рудников; во многих рудничных галлереях пользуются палисандровым деревом, в качестве стропил, поддерживающих гор-

1 Richard Barton, цитированное сочинение.

ную породу, и зачастую подгнивание дерева заставляет рудокопов возобновлять стропила каждые четыре года[2]. Со многих мысов зелень видна только по берегам рек и ручьев; наверху, по наклонным берегам горных потоков—бамбук и папоротники; ниже, в горизонтальных равнинах,—большие развесистые деревья и пальмы. На северных плато леса сводятся к катингам, как называются низкие поросли кустарника, стоящие во время засухи без листьев. Многие вершины плоскогорья, особенно в южной части штата Бахиа, не имеют решительно никакой растительности: они представляют собою белые пространства, покрытые налетом соли.

Флора и фауна этой области в своих главных чертах такия же, как в смежных провинциях; впрочем, некоторые виды, имеющие ограниченную площадь распространения, находятся только там. Так, выше большого водопада на р. Сан-Франсиско водятся особые формы рыб, совершенно отличные от тех, которые населяют воды низовья; недосягаемая преграда служит раздельною границею двух фаун. Точно также горный кряж Эспиньясо, с разными климатами на своих противоположных склонах, разделяет множество пород растений и животных. Подобно Сеаре и Пиауи, штаты Минас-Жераес и Бахиа имели также, в относительно ещё недавнюю эпоху, гораздо более богатую фауну, чем в настоящее время, фауну, характеризовавшуюся особыми видами крупных четвероногих. В окрестностях Лагоа-Санта, Лунд и другие натуралисты открыли в многочисленных пещерах 115 форм ископаемых млекопитающих, тогда как в настоящее время их не больше 88. Из числа исчезнувших животных Лунд дал описание большой обезьяны, громадного ягуара, вдвое превосходившего ростом и силою современного бразильского ягуара, далее—кабана, имеющего размеры тапира, лошади, очень сходной с лошадью наших дней, и ламы, похожей на перуанскую[1].

В пещерах Минас-Жераеса находили также человеческие кости. Лунд открыл ископаемые остатки по меньшей мере тридцати индивидуумов разного возраста, начиная с новорожденных до стариков; сравнительное изучение этих костей привело его к тем выводам, что раса, живущая в этой части южно-американского континента, своим общим типом похожа на ту, которая жила здесь во время открытия земель европейцами. Характерная черта черепов, найденных около Лагоа-Санта—узкость покатого лба, напоминающая лоб у скульптурных изображений, изваянных народом майя на монументах Паленкве. Скуловые кости имеют очень выдающийся выступ; передние зубы оканчиваются широкою и плоскою поверхностью, как коренные. Судя по их очень маленькому мозгу, туземцы верховья Сан-Франсиско, должно быть, не отличались большим умом; рядом со скелетами были найдены орудия, очень грубой выделки. Каменные топоры, *coriscos*, часто находимые в этом крае, совершенно походят как формою своею, так и материалом, на подобнаго же рода орудия, обретающиеся в европейских музеях[2].

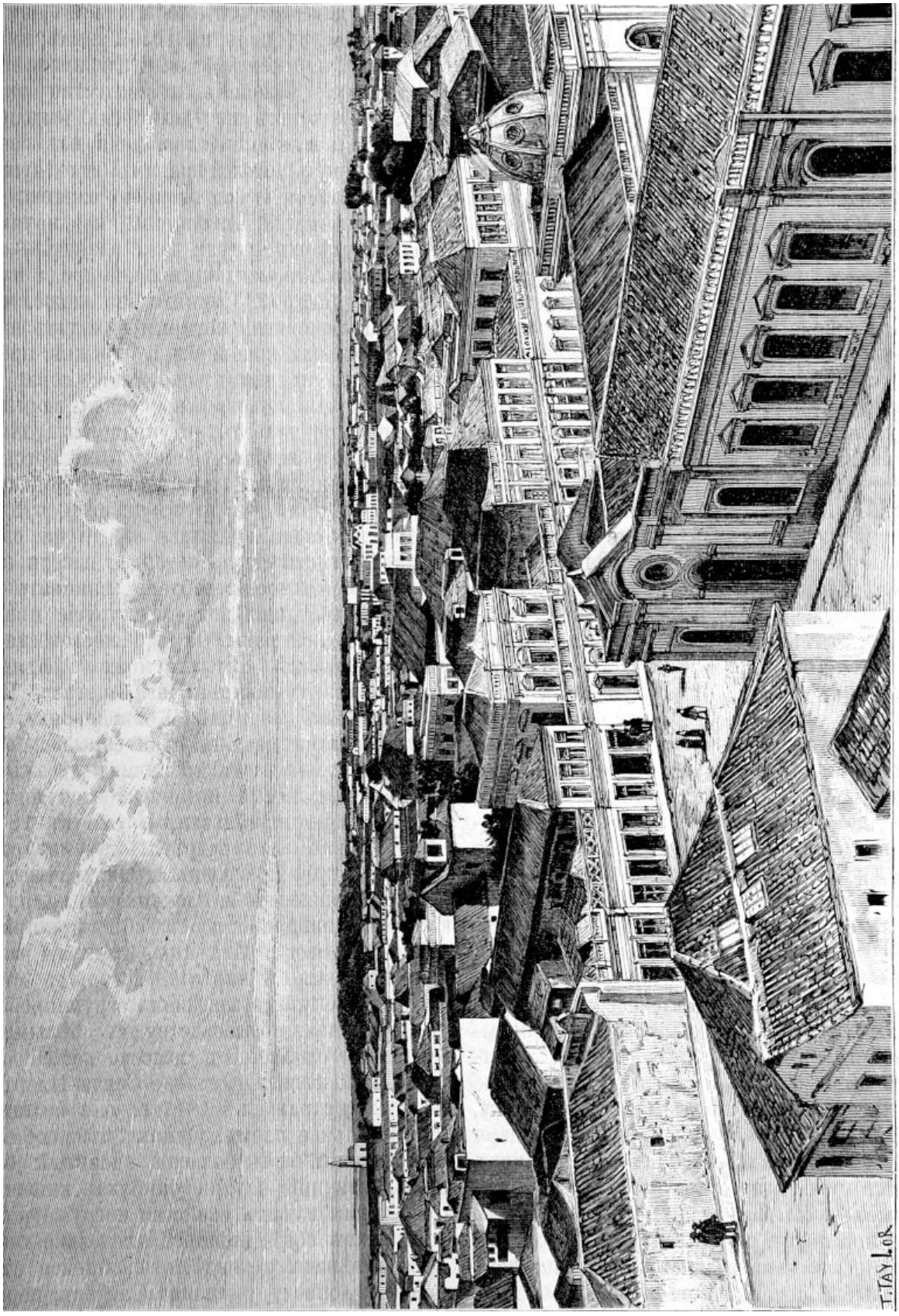
Туземцы побережья, с которыми европейцам пришлось иметь первые сношения, воинственные или дружелюбные, принадлежали к семейству, которое Марциус обозначил словом *гес*, сообразно конечному слогу названий, применяемых к большей части племен. Индейцы тупи, самые цивилизованные из всех аборигенов, дали поморянам восточных берегов унизительное прозвище тапуя, что значит «чужой», «дикарь»; это название сделалось впоследствии общим для всего индейского населения, живущего в мире с бразильцами. Самые известные представители племени гес—знаменитые бурунги или, как их обыкновенно называют, ботокуды, вследствие их обычая продевать сквозь нижнюю губу или ушные мочки деревянные кольца—*ботоки*. Кроме того, их называют ещё иногда айморесами, по имени того горного кряжа, который проходит по их территории. Многие авторы описывают их как отдельное семейство.

2 E. Triana,—F. Robellaz, рукописные заметки.

1 Lund, „Memoires de la Societe des Antiquaires du Nord“, 1845.

2 Lund, „Instituto Historico Geographico Brasileiro“;—A. de Lacerda, „Memoires de la Societe d'Anthropologie“.

Бродячия племена, остаток древних аймореcов, живут по берегам рек Мукури, Досе и их притоков, в лесах атлантического склона Минас-Жераеса. Первый путешественник, Максимилиан фон-Вид-Нейвид, который в 1816 г. дал их описание, прожив среди них долгое вре-

Pio-Гранде.

мя и, тщательно изучив их, в точности не определил их численности. Пятнадцать лет спустя, их было, по исчислению Марциуса, около четырнадцати тысяч. В настоящее время большая часть этих племен исчезла или благодаря эпидемиям, или же вследствие их постепенного

смешения с метисами. С физической стороны ботокуды отличаются сильным сложением, развитою грудью и широкими плечами, при чём ноги и руки у них очень маленькия, с тонкими суставами. Глаза у них впалые, полуоткрытые, с приподнятыми иногда на углах веками; выступающие скулы, очень большой рот и сильные челюсти дополняют тип ботокуда; почти все долгоголовые, они имеют такую же форму черепа, какую Лунд имел случай наблюдать на скелетах, откопанных около Лагоа-Санта. Подобно другим бразильским индейцам, ботокуды имели обыкновение расписывать свое тело, но их характерным украшением были ботоки или легкие деревянные диски, которые они продевали сквозь кожу, разрывая зачастую губы и уши; благодаря этому, у многих из них не было нижних передних зубов, которые выпадали от этого разрыва губы. Так как поврежденные губы не могли уже служить для разговора, то эти индейцы издавали звуки преимущественно горловые и носовые и не произносили многих согласных. Оружием им служили дротики и зубчатые стрелы, которые они не имели обыкновения пропитывать ядом. Не руководясь никакими другими религиозными побуждениями, кроме одного страха, они обыкновенно охраняли себя против злых духов и мертвецов горящими очагами и защищали своих покойников, зажигая над могилою костер.

Ботокуды слыли народом крайне невежественным и грубым по преимуществу; они не умели даже строить себе хижин, ни плести гамаков и спали на голой земле; им совершенно были неизвестны утилизирование растительных волокон и искусство тканья; единственною их посудою были выдолбленные тыквы и чашки, сделанные из свернутых листьев; земледелие им было чуждо, и они занимались исключительно охотою; скитаясь по берегам рек, они не научились строить суда и не умели даже плавать,—явление совершенно исключительное среди американских дикарей. Сомнительно даже, чтобы те груды раковин, которые находят на соседнем с их кочевьем побережье, принадлежали их предкам; очевидно, ловля была делом почти невозможным для людей, не умевшим ни плавать, ни управлять судами[1]. Но как ни невежественны были ботокуды, они всё-таки имели над своими победителями, европейцами, то преимущество, что были свободны и жили счастливо в глуши своих лесов. В стычках, которые повели за собою их частичное истребление, виноваты всегда были торговцы водкой и другие представители высшей расы. Только жестокостями и предательством белых можно объяснить исчезновение камаканов на берегах Пардо и паташосов на реке Жекитиньонья; ботокудское племя нак-не-нуки скрылось в горы, поселившись в дремучих лесах Параны. Современные потомки ботокудов все говорят по- португальски, и уже в 1870 г. редко можно было встретить туземца с ботокою в губе или ушах. Они служат теперь каменщиками и плотниками, но работают с недоверчивостью и сбегают при малейшей тревоге. Индейцы малали, разного происхождения и наречия, которых страх перед ботокудами заставил сгруппироваться в Пессанья, по соседству с белыми, совершенно слились с массою кабоклоских крестьян; когда Огюст-де-Сент-Илер посетил эту страну, в 1817 г., они составляли ещё отдельное племя. Одним из любимых их кушаний был большой ядовитый белый червь, живущий внутри бамбука; кишечник этого червя имеет свойство погружать съевшего его в сон, длящийся несколько дней[2].

Если верить легенде, относящейся к Рамальо, колонисту у залива Сантос, первыми белыми эмигрантами, поселившимися в Бразилии, были толмачи, оставленные Альваресом Кабралем на берегу Санта-Круц, и разные искатели приключений, которые жили вместе с индейцами на берегах залива Тодос-ос-Сантос. Эта последняя колония получила впоследствии важное значение, сначала как столица, затем как второй город Бразилии; но то место, где именно высадились спутники Кабраля,—одно из самых заброшенных в этой громадной территории. Население устремилось главным образом на плоскогория Минаса и в верхнюю долину рио-Сан-Франсиско, привлекаемое сначала минеральным богатством и удержанное там плодородием почвы, прекрасным климатом, благоприятными условиями жизни.

1 Paul Ehrenreich, „Petermann's Mittheilungen", 1891 Heft V.

2 Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage dans les provinces de Rio de Janeiro et de Minas Geraes".

Со второй половины XVII века неустрашимые паулисты толпами стали стекаться в рудную область, чтобы собирать там золото и цветные камни, ошибочно считавшиеся за «изумруды»; но это были далеко не единственные искатели: с берегов Рио-Жанейро и из-за моря явились другие авантюристы, которые также хотели получить свою долю из этой драгоценной добычи. Эта погоня за наживою вскоре повела к войне между паулистами, которые считали себя законными владельцами рудных земель, отвоеванных ими у индейцев катагуар, и *emboabas*, или «чужеземцами», т.е. португальцами или бразильцами, пришедшими не из их провинции. В стычке 1708 г. на берегах рио-дас-Мортес паулисты почти истребили своих врагов; но на их место явились другие и, после новых стычек, паулисты и форастеиросы (иноземцы) должны были помириться, под суровым режимом общего повиновения, наложенным правительством. По регламентации работ сначала в золотых рудниках, а затем и на алмазных приисках, открытых в 1728 г., были введены самые строгие законы. Нигде в другом месте горнопромышленники не подвергались такому драконовскому режиму, как здесь; результатом этого явились обманы, кражи, подлоги и полнейшая деморализация. С той эпохи политические условия изменились, да и самые рудники—первая причина этого жестокого законодательства и этого упадка нравственности—частью истощились. Бывшие горнозаводские рудные города пришли в упадок; некогда людные поселения лежат в развалинах, и от них остались одни только великолепные церкви, похожия на городские кафедральные соборы. Но частное обеднение того и другого округа ни мало не затормозило общего обогащения всего края, население которого с тех пор почти удесятерилось.

Негры, привезенные на рудные плоскогория в качестве невольников, не оставили после себя потомства, так как, за недостатком женщин, не могли составляться семьи, а то, что оставалось от негритянского элемента, растворилось мало-по-малу в смешанной расе. Но нигде в Бразилии африканцы не представлены таким чистым типом, как в округах низовья Сан-Франсиско и в городе Бахиа. Там находился некогда центр торговли рабами, так как подрядчикам, занимавшимся этого рода торговлею, стоило только переехать по прямой линии через Атлантический океан, чтобы забрать негров с берегов Гвинеи, между Лоандой и Моссамедесом. Негры племени кру и другие африканцы, известные под общим названием минасов—нации, живущей на юге Дагомеи,—также явились в Бахию, в качестве свободных людей, как матросы и супрекарги. Минасам-рабам очень часто удавалось освобождаться, отчасти благодаря своей энергии, с какою они отстаивали свою свободу, отчасти работою, дававшею им возможность откупаться. Ещё в настоящее время они образуют в Бахии особую корпорацию, члены которой отличаются как своими нравственными качествами и духом солидарности, так равно и внешностью, поражая высоким ростом и крепким сложением. Самые представительные негры и самые красивые негритянки, это—минасы. Их словарь сохраняет ещё множество слов африканских наречий: в бразильском разговоре сотнями попадаются термины иорибского и кабиндаского происхождения[1]. В Бахии негры распевают африканские песни, придерживаясь древнего языка, во время своих колдовских заклинаний. Одновременно с невольничьим торгом, между родственными расами того и другого берега Атлантического океана завязались мирные торговые сношения, и семьи из Бахии имели своих боковых отпрысков в Дагомее. Название Табон, под которым известна Бразилия у некоторых народов африканского побережья, свидетельствует об этих добрых отношениях между жителями двух противуположных берегов Атлантики. Слово это есть маленькое искажение дружественного приветствия «Sta bom?» что означает «Как поживаете?»[2].

Минейросы или жералисты[3], т.е. жители Минас-Жераеса, происходят частью от паулистов, как чистокровных, так и ометиссированных, частью же от португальцев, иммигрировавших через Рио-Жанейро; другие элементы европейского происхождения принимали очень незначительное участие в заселении края. Кроме португальцев, в Бахии и других го-

1 De Beaupaire-Rohan, „Diccionario de vocabulos brazileiros“.
2 Richard Burton, „To the Gold Coast for Gold“.
3 Sylvio Dinarte (d'Escragnolle-Taunay), „Innocentia“.

родах побережья все нации Западной Европы имеют своих представителей, но методическая иммиграция началась только с середины XIX века. Первые попытки к земледельческой колонизации, которые применялись главным образом в провинции Эспирито-Санто, были не из успешных. Спекуляторы возымели мысль основать в долинах Мукури и рио-Досе несколько колоний, которые служили бы оплотом для торгового пути между плоскогорьями и морем. С этою целью в Европу были отправлены агенты, которые тысячами вербовали немцев, голландцев, швейцарцев и эльзасцев. Между тем к принятию этих гостей не было сделано никаких подготовлений. Гибель была страшная: большая часть чужестранцев сделалась жертвами тифа и голодной смерти. Долгое время эти Мукурийские колонии были известны под названием «бойни», *carnificina*[1]. С той эпохи иммиграция возобновилась с большим, чем прежде, успехом, и ныне по дорогам от моря к горам идет ряд колоний, устроившихся большею частью под руководством нескольких ветеранов-земледельцев, оставшихся от первых опытов заселения. Главный контингент иммигрантов составляют итальянцы, выносливые, энергичные работники, которые легче могли акклиматизироваться здесь, чем северные европейцы; к тому же и самая земля предоставила им гораздо большие средства к успешной работе, чем их предшественникам. Благодаря итальянцам, штат Эспирито-Санто, некогда самый пустынный, быстро заселяется.

Хотя самая важная половина Минас-Жераеса принадлежит к покатости р. Сан-Франсиско, наиболее значительные города находятся в других бассейнах: Барбасена, Сан-Жуандель-Рей и Тирадентес расположены в бассейне Параны; Жуис-де-Фора—на притоке Парайбы; Оуро-Прето, Марианна-Серро—в высоких долинах притоков рио-Досе; Диамантина, Минас-Новас—в верхних долинах Жекитиньоньи. Наибольшая скученность городского населения наблюдается на юго-востоке штата, что объясняется тяготением к столице, Рио-Жанейро.

Келус, город сан-франсисканского склона, ближайший к этому центру притяжения, лежит близ истоков Параопебы и вершины водораздела. Древний индейский *arraial*, основанный в середине XVIII века, Келус вынес на себе те же превратности судьбы, что и другие города этого края: доведенный рудными работами до цветущего состояния, он пережил затем период полного упадка, чтобы затем снова подняться и обогатиться посредством земледельческой культуры и скотоводства. Соседняя станция, Лафайет, является пунктом невольной остановки для путешественников и товаров, благодаря тому, что ширококолейная дорога, ведущая в Рио-Жанейро, здесь сменяется узкоколейной. Келусский хлопок, также как хлопок из окрестностей Бонфина, Тамандуа, Питанги (города эти расположены западнее, в долинах Параопебы и Сан-Франсиско) идет на выделку очень ценных материй, которые на рынках предпочитаются европейским. Деревня Конгоньяс-де-Кампо, названная так по имени одного дикого куста, который походит на парагвайский чай (*yerba mate*), есть одно из главных мест паломничества в Бразилии.

Станция Мигуэль-Бурнье, где ветвь Оуро-Прето отделяется от главной линии, занимает приблизительно центр рудной области;, политический и экономический центр штата Минаса. На западе возвышается Серро-до-Оуро—«Золотая гора»,—а на северо-западе другой отрог, носящий многозначительное название Серра-де-Моеда—«Денежная гора». На востоке местечко Оуро-Бранко—«Белое золото»—занимает высокую долину на полдороге к городу Оуро-Прето,—«Черное золото»,—нынешней столице штата, называвшейся прежде Вилла-Рика, над которою с юго-восточной стороны господствует живописная гора Итаколуми, с двойною вершиною. Оуро-Прето принадлежит, правда, к склону рио-Досе, но с этой стороны он ещё не имеет открытых сообщений с морем, и его история, промышленность и торговля отводят ему место в начале бассейна рио-Сан-Франсиско. Город расположен своими неровными постройками в извилистом овраге, перерезанном горками и пропастями: его внешний вид рассказывает его историю. Оуро-Прето, обязанный своим возникновением ме-

1 R. Ave-Lallemant, „Reise in Sud-Brasilien“.

сторождениям золота, открытым в 1698 г., целиком построен на прежних галлереях и катакомбах, где собирается годная для питья вода, которою и пользуются жители; улицы его представляют собою не что иное, как прежния траншеи рудников; ещё в 1875 г. под одним

Пейзажъ въ Матто-Гроссо.

из предместий города извлекали руду из бывшей шахты[1].

Несмотря на ветвь железнодорожной линии, связывающую Оуро-Прето с Рио-Жанейро

1 H. Gorceix, „Bulletin de la Societe de Geographie“. Seance du 18 octobre 1876.

через один из порогов Эспиньясо, город страдает от затруднительности сообщений и остается, вследствие этого, несколько в стороне от общего движения. Оттого жители Минас-Жераеса, этого первого по значению и населенности штата республики, считали бы за счастье иметь другую столицу, с лучшим местоположением, которое позволило бы украсить город грандиозными зданиями и более удобными сношениями. В Оуро-Прето показывают место, где находился некогда дом революционера Тирадентеса, который король приказал разломать, а землю под ним распахать и засыпать солью. По близости, находится мрачная темница, где окончил свои дни другой заговорщик, Маноэль-де-Коста, умерший, вероятно, от яду. Горная школа в Оуро-Прето, представляющая безтолковую кучу разных построек, которые, впрочем, должны быть скоро заменены монументальным зданием, заключает в своем музее богатую коллекцию минералов, самородков золота, алмазов и кристаллов.

К востоку от Оуро-Прето и у основания той же горы Итаколуми, расположены ярусами золотые рудники Пассагемские и раскинулся ныне пришедший в упадок город Марианна, основанный годом позднее столицы; история его та же самая: сначала быстрое обогащение от эксплоатации золотых приисков, а затем столь же быстрое падение. Некогда пышный город, который король Иоанн V называл своей «возлюбленной супругой», Марианна представляет теперь только собрание церквей и духовных семинарий. Другим оплотом католицизма в Бразилии является коллегия иезуитов, находящаяся на склоне горы Караса, на полпути между Оуро-Прето и Санта-Барбара. Железная дорога восточного склона Эспиньясо подымается на север в рудную область, через Инфисионадо. Каттас-Алтас-Санта-Барбара, Итабира-до-Матто-Дентро, Консейсаон, Серро, города, занимающие высокие долины, орошаемые притоками и подпритоками рио-Досе. Серро, обязанный своим названием пику Итамбе, возвышающемуся в двадцати километрах северо-восточнее, находится уже в состоянии упадка, несмотря на то, что владеет ещё золотыми и алмазными приисками; но окрестные деревни заселились земледельцами. Истощение залежей имело совершенно противоположный результат для Диамантины: разоренные горнорабочие, которым нечего было делать в рудниках, перебрались в город. Расположенная в высокой долине р. Жекитиньоньи, Диамантина (прежде Тижуко) ведет свои торговые сношения с Рио-Жанейро не морем, а так же, как и Оуро-Прето, через бассейн рио-Сан-Франсиско. Стоя на высокой террасе, обрезанной с обеих сторон утесами, она господствует над обширной панорамою, её алмазные прииски, приносившие прежде 3—4 миллиона в год, в настоящее время значительно, понизили свою производительность и не дают даже миллиона; но развитие некоторых промыслов, между прочим, кожевенного, отчасти вознаградило город за упадок горной промышленности. Находящийся на покатости той же реки, некогда цветущий город Гран-Могол теперь почти совершенно покинут.

Долина рио-дас-Вельяс, находящаяся в соседстве с главным городом штата, Оуро-Прето, составляет торговую ось бассейна Сан-Франсиско: города и селения скучены в её верхней части. Главный город, Сабара, расположенный на высоте 695 метров, на правом берегу и при начале речного судоходства, оказался счастливее своих прежних минасских соперников и не утратил ещё своей горной промышленности. Богатые английские компании эксплоатируют в окрестностях весьма продуктивные рудники Морро-Вельо, находящиеся на юго-востоке, близ местечка Вилла-Нова-де-Лима, хорошо известного минералогам под именем Конгоньяс-де-Сабара. Этот рудник «Старой горы» разветвляет свои глубокия галлереи в боках голой горы, окруженной другими, более высокими вершинами. Его металлоносные жилы, которые прежде эксплоатировались как попало, были временно заброшены, но в 1849 г. они перешли в руки богатых английских золотопромышленников, которые повели их эксплоатацию на рациональных началах. Разработка была очень производительна, особенно в 1860 и 1861 гг.; но потеря главной рудной жилы, затем обвал одной части рудников и пожар, уничтоживший стропила, заставил на время прекратить работы. Впоследствии они возобновились, и при занятых ныне 1.500—2.000 рабочих годовая добыча простирается до 2 миллионов, при чём прибыль целиком поступает в пользу английских акционеров: посредством двух смежных шахт, вырытых до глубины 800 метров, потерянная главная жила была снова

приобретена. При полной производительности рудник мог бы давать 6 килограммов в день, что составит более 7 миллионов в год. Благодаря пребыванию на прииске многочисленных ученых, инженеров, технологов, натуралистов, Сабара сделалась наиболее важным во внутренней Бразилии центром научных исследований в области физической географии, геологии, метеорологии и древнейшей истории. В тридцати километрах от железнодорожного пути, на запад от Сабары, находится славящееся своим здоровым климатом плато Белло-Горизонте, куда предполагали переместить нынешнюю столицу Минас-Жераеса. Чистой воды в исследованном пространстве было бы вполне достаточно для города с 450.000 жителей[1]. Рудная деревня Каэте, богатая горным льном (асбестом), занимает узкую долину с другой стороны Сабары, у основания знаменитой горы Пиедаде, на вершине которой с конца последнего века устроена пустынь.

Город Санта-Люсиа, следующий за Сабарою по течению рио-дас-Вельяс, также имеет свое место в летописях науки, так как по соседству его, в Лагоа-Санта, долгое время проживал Лунд, исследуя интересные гроты окрестностей; У Санта-Лусии есть также и свое историческое прошлое, как революционерного города: здесь в 1842 году произошло сражение между императорскими войсками и защитниками местной автономии или *luzistas*'ами, получившими это название от восставшего города. Находящиеся в окрестностях залежи яшмы, легко поддающейся резцу, породили в Санта-Люсии особую отрасль промышленности—выделку статуэток и разных священных предметов из этого красивого минерала. Дальше идет город Парауна—«Черная вода»,—стоящий при реке того же названия; занимая почти геометрический центр штата, этот город, на-ряду с Белло-Горизонте, был указан, как весьма благоприятное место для будущей столицы Минас-Жераеса[2].

В северной части штата два города, оба одинаково удаленные от реки и расположенные в области кампосов, сделались центрами значительной торговли по вывозу скота; это—на востоке Монтес-Кларос-дас-Формигас, стоящий у истока рио-Верде, а на западе—Паракату, прежний Пиракату («Изобилующая рыбой река»), расположенный на притоке реки Паратаку, у границы штата Гояс. Паракату вывозит сахар, прославленную водку, приготовляемую из сока сахарного тростника. Скалы Монтес-Кларос, так же как и скалы на озере Лагоа-Санта, изрыты многочисленными пещерами, в которых нашли остатки мегалониксов и других вымерших животных.

Порт Гуайкухи, ещё мало посещаемый, стоит у места слияния рек Вельяс и Сан-Франсиско, которая, выше Пирапоры, пересекает алмазоносную область Абаете. Ниже, по течению реки, следуют, один за другим, несколько городов. Януария или Салгадо, последний город в штате Минас-Жераеса, развился совершенно неожиданным образом: это один из наиболее деятельных центров в северной области. В штате Бахиа, сейчас же за границею Минаса, первым городом является Кариньянья; дальше идет Бон-Жезус-де-Лапа, прославившийся своим известковым утесом, высотою в 48 метров, из всех трещин которого торчат кактусы; в этом утесе находится глубокий грот «чудотворный», обращенный теперь в церковь, усердно посещаемую паломниками; это «святая святых» области Сан-Франсиско[3]. Урубу, город «ястребов», раскинувшийся по правому берегу реки, против горы Пернамбуко, окружен возделанными полями. Ниже, у впадения рио-Гранде, стоит метрополия западной области Бахии, город Барра, складочное место продуктов, доставляемых с среднего течения реки, и исходный пункт торговцев, отправляющихся в долину Парнаибы или долину Токантина по рио-Прето. Серра-до-Ассуруа, лежащая на восток от Барра, имеет эксплоатируемые золотые залежи; а ещё ниже, на левом берегу реки, город Пилаон-Аркадо производит обширную торговлю солью, добываемою на глинистых берегах рио-Сан-Франсиско. Его богатые залежи каменной соли ещё не видели до сих пор кирки горнорабочего. Далее идут земли, где часто попадаются «высеченные камни» доисторической эпохи; теперь этот край менее населен,

1 Samuel Gomez Pereira, „Commissao d'Estudo das localidadas para a nova Capital".

2 Luiz Martinho de Moraes, те же записки.

3 James W. Wells, цитирован. сочинение.

чем во времена иезуитских миссионеров.

Расположенный на правом берегу реки Сан-Франсиско, выше водопадов Пауло-Аффонсо, город Жоазейро, названный так по одному виду *zizyphus* или ююбы, выдерживающему самые сильные жары, был выбран конечною станциею железной дороги, которая от порта Бахиа направляется на северо-запад к рио-Сан-Франсиско. Город этот ведет значительную торговлю, и порт его постоянно загроможден судами, привозящими каучук, камедь и минералы, и забирающими грузы соли, добываемой на берегах рио-Салитре. Против него, в том месте, где должен современем оканчиваться мост-путевод через реку, в штате Пернамбуко, лежит деревня Петролина, где в самом деле бьют из земли источники нефти. Боа Виста, другая береговая станция, станет современем, подобно Жоайзеро, речным складочным местом выше лестницы водопадов; железная дорога должна соединить его с Пернамбуко через Кабробо, Агуас-Беллас и Гараньюнс. Из многочисленных проектов обхода водопадов осуществлен ещё только один, именно—Пернамбуко-Алагоаская железнодорожная линия, проведенная между городами Жатоба и Пираньяс, стоящими во главе судоходства по низовью Сан-Франсиско.

Ниже, благодаря торговле, возникли два очень оживленные города—Проприа, в штате Сержипе, и Пенедо— в штате Алагоас. Этот последний город, обязанный своим названием «Скала» массиву скал, на которых раскинулись его постройки, является одною из древнейших колоний Бразилии: основанный в 1620 г., по причине его важного в стратегическом отношении положения, он был захвачен голландцами, которые выстроили там отличную крепость, сохранившуюся в развалинах ещё до сих пор. Все суда, прошедшие через бар Сан-Франсиско, поднимаются до порта Пенедо, куда везут европейские товары и где принимают грузы хлопка, кож, риса и других товаров. Пиассабуссу, аван-порт Пенедо, лежащий также на левом берегу реки, в штате Алагоас, среди сахарных плантаций, выделывает превосходную тафию (сахарную водку).

Довольно плотное население Сержипе, самого маленького из всех штатов, считающагося раем «бразильского Союза», группируется в области, орошаемой рекою того же названия, притоком Котингуибы; главная его часть состоит из потомков тупинаесов и абакатуаров,—народов племени тупи[1]. Нынешняя столица штата, Аракажу, расположенная на южном берегу этой реки, в 12 километрах от устья, ведет весьма деятельную торговлю, несмотря на то, что суда, имеющие более 2-х метров осадки, рискуют некоторою опасностью при переходе через бар. Аракажу считается вторым портом Бразилии по вывозу сахара. В 1892 г. из этого города было вывезено сахара: 188.600 мешков или 11.320 тонн. Суда небольшого водоуглубления забирают сахар, хлопок и водку в портах верхних рек—Мароиме и Ларангейрасе, а железные дороги развозят товары дальше внутрь страны, на север—до Капеллы, на запад—до Симаон-Диац, будущего центра сходящихся рельсовых путей. Сан-Христован, прежняя столица территории, бывшей тогда провинцией Сержипе, не располагает теми преимуществами, которые подняли значение Аракажу: лиман Ваза-Баррис, окаймляющий его пляжи, сообщается с морем посредством довольно глубокого бара (более $3^1/_2$ метров), но он загроможден банками, и в Сан-Христован можно добраться только на лодках. Наконец, на южной оконечности штата открывается третий лиман—реки Реаль, куда вливаются несколько водных потоков, между прочими—Пиауи, проходящий мимо города Эстансия, одного из главных центров культуры на береговой зоне.

На побережье Бахиа расположены, один за другим, несколько портов, посещаемых каботажными судами и жангадами; но мореходство по заграничной торговле стремится сосредоточиться в гавани Сан-Сальвадор-де-Бахиа или просто Бахиа, стоящей у самого входа в залив или внутреннее море Тодос-ос-Сантос. Самый город Бахиа—второй в Бразилии по количеству жителей—занимает оконечность мыса, прикрывающего с востока великолепный залив, берега которого теряются из вида. Мыс, на котором стоит Бахиа, представляет собою самую высокую часть огромной окружности, и верхний город господствует на 40—50 метров

1 Alfonso Lomonaco, „Sulle razze indigene del Brasile“.

над рейдом, стоящими на нём судами и отдаленными островами. Внизу торговые улицы тянутся параллельно берегу, по узкому пространству, заключающемуся между морем и откосами холма. Промежуточная зона, где редкия постройки окружены садами, разделяет два города своей зеленой полосой, и со всех сторон виднеются стрелки пальм и закругленные кроны манговых дерев, соперничающих с куполами церквей и их колокольнями. Издали эти два параллельные города, соединенные рампами, вертикальным ассансером, двумя «наклонными плоскостями», по которым скользят локомотивы, представляют величественный вид: ночью две параллельные линии света указывают положение обоих городов. Небольшой общественный сад отделяет Бахию в собственном смысле от её щегольского предместья Виктории, которое простирается на юг до холмиков лесистого мыса, увенчанного церквами. На последнем выступе гранитного утеса возвышается маяк Сан-Антонио.

Бахиа принадлежит к числу старейших городов Бразилии, хотя португальцы не основывали колонии на берегах этого залива тотчас вслед за открытием Христована Жакеса и Америго Веспуччи; по словам летописей, некто Диого Альварес, известный у туземцев под именем Карамуру, поселился здесь в 1510 г.; двадцать лет спустя к нему присоединилось несколько других колонистов, но город возник на холме Сальвадора только в 1549 году, когда здесь устроил свою резиденцию Томе-де-Суза, губернатор капитанств. Бахиа, с тех пор правильно посещаемый индийскими кораблями, заходившими сюда запастись продовольствием перед отправлением к мысу Доброй Надежды, сохранял свой титул столицы до 1763 года, т.е. впродолжении более двух веков, и долгое время не имел себе соперников по числу жителей и по торговому значению: по справкам иезуитского миссионера Аншиеты, в 1585 г. более половины всех белых, живших в Бразилии, т.е. 12.000 из 25.000, группировались в Бахии. Негров больше всего было тогда в Пернамбуко, но Бахиа скоро монополизировала этот африканский торг, и до середины XIX века её коммерсанты были, вопреки законов, оптовыми поставщиками этого живого черного дерева: в некоторые годы они ввозили до шестидесяти тысяч невольников. Отмена этого торга разорительно повлияла на город; только с большим трудом ему удалось воспрянуть посредством отпускной торговли земледельческими продуктами. Ещё до сих пор цветное население преобладает в Бахии: популярное название города осталось *la Velha Mulata*, т.е. «Старая мулатка». Бахиа, где со времени её основания водворились иезуиты, сохранила свое положение духовной метрополии Бразилии: над амфитеатром городских построек господствуют кресты сотни церквей и часовен. В XVII веке Бахиа считалась интеллектуальным центром африканской Португалии, но она не удержала за собою этого лестного положения: её библиотека, её музеи и ученые общества не имеют того важного значения, какого можно бы было ожидать в столь многолюдном городе; тем не менее, одна из двух медицинских школ, существующих в Бразилии, находится именно в Бахиа. Бахианцы отличаются среди других бразильцев представительностью, красноречием, и они всегда занимали видное место в управлении страной. Бахиа более бразильский город, чем Рио: она вовсе не имеет космополитического характера столицы, и её дома, по большей части облицованные фаянсовыми израсцами, походят скорее на дома Лиссабона. Одна из церквей построена из камня, доставленного в готовом обтесанном виде из Португалии.

Порт Бахии, защищенный против восточных и юго-восточных ветров полуостровною массою, на которой стоит город, совсем открыт для южных волнений, врывающихся в залив через широкий вход; напор волн несколько ослабляется банками, скалами и рифом, на котором возвышается крепость до-Мар или Сан-Марцелло; большие суда бросают якорь в некотором расстоянии от берега. До сих пор ещё проект закрытого порта остается без движения; по этому проекту от моря будет отнято сто тысяч гектаров пространства, которое займут два волнореза; из них один, в 2 километра длины, пойдет от северной оконечности Бахии к форту Сан-Марцелло, а другой будет начинаться от южного квартала, где находятся арсенал и таможня, и окончится мюзуаром, соответствующим форту. Дополнением этому будущему порту будут служить сухие доки, пробитые в черном граните, или *coragao de negro*. Сахар, табак, кофе, хлопок, скот и кожа составляют главные предметы торговли Бахии, весьма богатой произведениями почвы: рынок её поражает замечательным обилием и разнообразием

плодов, соответствием чему является пестрота самой рыночной толпы, где белые, негры и метисы перемешиваются между собою живописными группами. Средняя ценность торгового обмена в Бахии: ввоз около—50.000.000 франк.; вывоз около—44.000.000 франк.

Среднее движение судоходства: 3.000 судов, вместимостью около 1.700.000 тонн.

Таможенные доходы в 1890 г.: 11.240.000 мильрейсов, т.е. около 22.000.000 франков.

Несколько судов занимаются в окрестных пространствах моря ловлею китообразных животных, жир которых ещё недавно утилизировался городом в качестве осветительного материала, но теперь отправляется почти весь в Европу; гонимые южными ветрами, киты часто заходят в залив; тогда снаряжаются барки с гарпунщиком во главе и целым отрядом ловцов, которые пускаются на преследование прибыльных гостей: в течение года удается захватить до пятидесяти животных[1]. В городе имеется салотопенный завод, выделывающий из китового жира спермацет; в былое время на острове Итапарика существовало ещё несколько таких заводов, в которых большая часть оград, вокруг садов и дворов, была сделана из китовых костей[2]. На этом острове нашли небольшие залежи каменного угля. Самый остров представляет собою длинную землю, северная оконечность которой занята городом. Отличаясь необыкновенным плодородием почвы и чудным климатом, он производит массу самых разнородных, превосходных продуктов; его прозвали «Европою бедняков», так как многие из бахианцев, мелкие ремесленники и мещане, выбрали его для своих семей дачною местностью. Во время войны за независимость, Великобритания предложила своей должнице Португалии взять в уплату её долга остров Итапарику. Это было равносильно вручению англичанам ключа от целой Бразилии. Португалия, конечно, отклонила это лицемерное предложение.

Со стороны океана, на полуострове, занимаемом Бахией, раскинулись предместья, застроенные виллами; между ними особенно красиво Рио-Вермельо, дачки которого рассеяны на зеленеющих холмах и в цветущих оврагах; на севере, группы изящных домов продолжаются на холмах и на полуострове Бонфин, с холмов которого можно любоваться чудной панорамой города, залива и двух портов—на юге Бахиа, на севере Итапагипе; церковь, воздвигнутая на восточных склонах лесистого холма, считается богатейшею во всей Бразилии: статуя св. Девы вся усыпана бриллиантами. Вся окружность залива, так называемая Реконкаво или «Раковина», окаймлена торговыми аггломерациями, которые сообщаются с Бахией посредством маленьких береговых пароходов, которых в ходу более тысячи.

Санто-Амаро, стоящий на реке того же названия, впадающей в северной оконечности залива, представляет собою хорошенький городок, окруженный полями сахарного тростника и другими культурами; через город проходит железная дорога; внизу, на левом берегу лимана, находится земледельческая ферма штата. На Парагуассу или «Великой реке», впадающей в западной части залива, главный город Качоейра получил свое название от водопадов, прерывающих течение реки; это—необходимое складочное место для всех товаров, идущих извнутри страны по направлению к Бахии, и он дополняет столицу, как мостовое оборонное укрепление на берегу континента. Табак, самый ценный местный продукт, кофе и фрукты составляют главные предметы отпускной торговли Качоейры и её аван-порта Марагожипе, очень известного среди кофейных плантаторов особым желтоватым сортом кофейного боба; что касается скота с сертан и из долины Сан-Франсиско, то главным рынком для торговли им является северный город Фейра, т.е. «Ярмарка», Санта-Анна. Влияние торгового движения, направляющагося к низовью Парагуассу, распространяется на север до Пиауи, а на запад и юго-запад до Гояса. Качоейрский мост о четырех арках, каждая в 92 метра длины, считается ещё до сих пор замечательнейшим сооружением во всей Бразилии; он соединяет город с его предместьем на правом берегу, Сан-Феликс, исходным пунктом железной дороги, поднимающейся по долине Парагуассу к Ленсоэсу, в область алмазов. Сокровища, открытые здесь в 1845 г., тотчас же привлекли тысячи горнопромышленников, и в гравии было открыто огромное количество алмазов, которых в первый год добывалось ежедневно на 66.000

1 Antonio Alves Camara, „Boletim da Sociedade de Geographia do Rio do Janeiro“, 1889.

2 Maximilien de Wied-Neuwied, „Voyage au Bresil“, traduction par J. B. B. Eyries.

франков[1]. В алмазных месторождениях Ленсоэса и Чапады Диамантины, занимающих западную часть долины Парагуассу, добывается главным образом «карбонад», т.е. черноватый, аморфный алмаз, который употребляется при пробитии в скалах туннелей[2]. Однако, край этот имеет значение только благодаря своей земледельческой культуре и своим пастбищам. Железная дорога, идущая из Качоейры к истокам Парагуассу, продолжится по плоскогорьям до рио Сан-Франсиско.

Город Назарет, стоящий у места начала судоходства по лиману Жагуарипе, открывающемуся как раз на юге острова Итапарики, так же, как и Качоейра, служит континентальным складом Бахии; он снабжает жителей столицы маниоком и располагает также железною дорогою, которая доставляет ему товары извнутри страны. Предметы продовольствия Бахиа получает по железной дороге, идущей прямо на север, к городу Алагоиньясу, где она разветвляется: одна её ветвь направляется параллельно берегу, через сахарные и табачные плантации, к Тимбо, близ Итапикуру; другая же идет на северо-запад к Вилла-Нова-да-Раинья, откуда продолжается до города Жоасейро, стоящего выше водопадов реки Сан-Франсиско. На восток от этой железнодорожной линии, по близости города Монте-Санто, в 1784 г. был найден знаменитый метеорит Бендего, глыба в 5.343 килограмма весом, которую с великим трудом перевезли в музей Рио-Жанейро.

К югу от залива Всех Святых (Тодос-ос-Сантос) по побережью, один за другим, следуют города: Валенса, где фабрикуются лучшие бумажные ткани в Бразилии; Тапероа, прячущаяся за цепью островов и островков; Каманму—рынок земледельческих продуктов, очень оживленный и имеющий по соседству порт Ахарахи, после порта Бахиа, самый глубокий, обширный и наилучше защищенный во всей этой части побережья; Контас или Барра-дорио-до-Контас, река которого выходит из богатой области алмазов; Ильеос—Сан-Жоржедос-Ильеос,— названный так от островков, защищающих его рейд. Этот глухой городок, торгующий исключительно только лесом, имеет тем не менее свое историческое прошлое: он был основан в 1530 г., т.е. за девятнадцать лет до основания Бахии, и получил известность в то время, когда иезуиты сделали его центром своих миссий в области Айморес. Эксплоатация золотых руд в соседних горах доставила ему значительную торговлю; но эти руды скоро обеднели, и дикие индейцы закрыли дороги внутрь страны; колония таким образом опустела, а жизнь перенеслась на другие пункты побережья. В настоящее время делают попытки воскресить этот умерший город, отряжая сюда колонистов-земледельцев и мастеровых, которые прокладывают в лесах дороги и работают на водопадах по утилизаций для промышленности этой даровой силы.

В лабиринте вод, соединяющих устья Поксима, Пардо и Жекитиньоньи, благоденствует, несмотря на такое сырое местоположение, город Канавиейрас, прежнее место ссылки политических преступников; расположенный в 2 километрах от моря, он доступен только для небольших судов, имеющих не более $1^1/_2$ метра осадки; тем не менее он вывозит какао, копаловую камедь, волокна пиассавы и палисандровое дерево или «жакаранду», давшее свое название соседней деревне. Выше, на Пардо с 1882 по 1886 год тысячи искателей рылись в гравии Салобро, ища там алмазов; но страшная оспенная эпидемия опустошила народившийся город, и в настоящее время прииски почти совершенно заброшены[3]. Южнее Канавиейраса, под сенью кокосовых деревьев, приютился порт Бельмонте, давший свое название низовью Жекитиньоньи; посредством этой реки он поддерживает некоторую торговлю с восточными округами Минас-Жераеса. В высоких долинах бассейна находится знаменитый рудный город Минас-Новас, основанный паулистскими горнопромышленниками в стране индейцев макусси, в первые годы XVIII века; город этот быстро достиг цветущего состояния, но также быстро и утратил свое значение, вследствие разных стеснительных мероприятий, которыми правительство думало оградить рудный промысел. Желтые топазы и аквамарины,

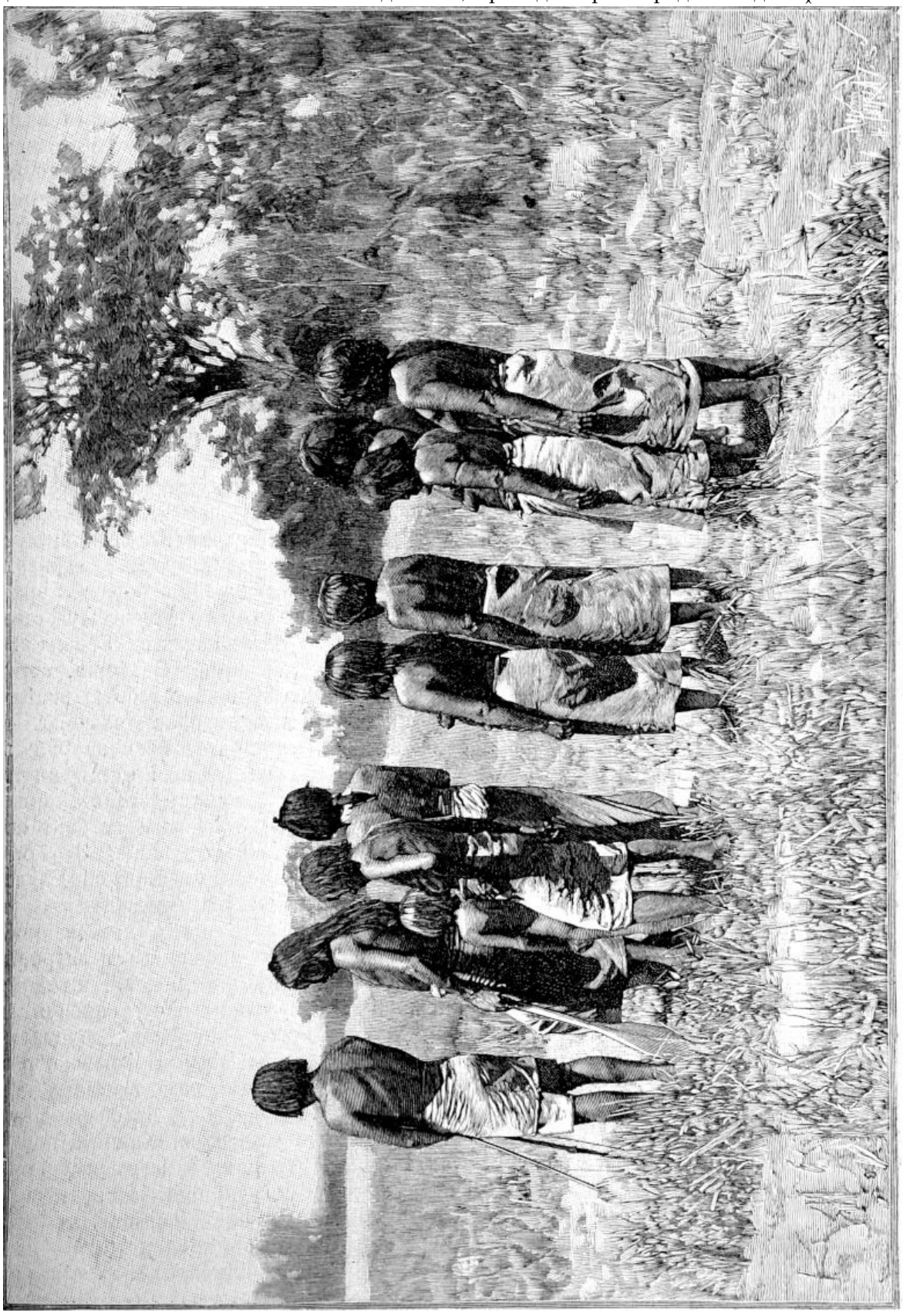
1 Reybaud;—Richard Burton, цитированное сочинение.

2 G. R. Blot, рукописные заметки.

3 G. R. Blot, „Cannavieiras. Rapport sur les mines de Diamant“, 1892.

добытые в Минас-Новасе, служат украшением многих музеев.

Железная дорога, выходящая из порта Каравеллас, у южной оконечности штата Бахиа, поднимается в высокие золотоносные долины, проходя через город Филадельфию—Теофило

Индѣйцы ленгоасъ въ пути.

Оттони,—центр земледельческих колоний, основанных на берегу Мукури. Эта железная дорога, которая должна окончиться в порте Гуайкухи, в месте соединения двух рек, Сан-Франсиско и рио-дас-Вельяс, дает Каравелласу преимущество перед всеми другими портами Юж-

ной Бахии. В архипелагах Аброльос несколько судов занимаются ловлею китов. В начале XIX века, в Каравелласе была основана небольшая колония китайцев, которых правительство выписало для культуры чая, но эта колония быстро исчезла[1]. К этому городу направляется поток иммиграции, тогда как гавань Порто-Сегуро, откуда ведет свое начало история Бразилии прибытием Альвареса Кабраля, посещается теперь только рыболовными судами, которые среди соседних рифов Итаколуми и Аброльос занимаются ловлею особого вида лососей—гарупа. Маленький архипелаг образует среди открытого моря великолепный небольшой порт, где торговые суда могут свободно производить операции, не боясь никаких таможенных притеснений.

Сан-Матеус, находящийся в северной части штата Эспирито-Санто, окружен кофейными плантациями и маниоковыми полями, продукты которых вывозятся через порт Консейсаонда-Барра; в общежитии он известен под сокращенным названием «Барра», с прибавлением наименования реки, при устье которой стоит. У бара рио-Досе находится ещё другая деревня, но она не имеет торгового значения по недоступности канала, особенно во время южного ветра: суда, имеющие более полутора метра осадки, подвергаются тогда опасности; далее судоходство по реке доступно только для тех судов, которые имеют более 60-ти сантиметров на киле. А между тем река эта, не имеющая почти никакой экономической ценности в своем низовья, окаймленном болотами и полузагражденном высоким порогом, своею верхнею частью орошает одну из богатейших областей Минас-Жераеса, ту, в которой находится его столица, Оуро-Прето, почти совсем отрезанная от побережья. В настоящее время усиленное внимание обращено на то, чтобы поднять значение её рынков постройкой железных дорог. Будущая сеть железных дорог в восточной части штата проектирована в таком роде, что ветви её должны сходиться у города Пессанья, стоящего на северном притоке рио-Досе. Правительство сосредоточило здесь все оставшиеся индейские племена[2]. Пессанья славится своим превосходным хлопком.

На юг от рио-Досе следуют несколько небольших портов—Риашо, Санта-Круц, Алмейда, —до широкой бухты Эспирито-Санто, давшей свое название целому штату; здесь же находится столица штата, Виктория, более известная под старым названием Капитании. Она расположена на юго-западной оконечности острова, вокруг которого воды залива катятся по узкому каналу Маруипе, через который перекинут деревянный мост; напротив, на берегу материка, видны уцелевшие постройки прежнего главного города, Вилла-Велья, над которым возвышаются куполы церквей и монастырей; на востоке обрисовываются отдельные горы: Пенья (130 метров) и Морено (210 метров), стоящие у самого входа в лиман; на одной из них построена церковь, а на другой—маяк. На севере, за Фра-де-Леопардо, другая, более высокая гора, Местре-Альварес, называемая сокращенно Местиальве, вздымает свои три, совершенно одинаковые, вершины на 980 метров. По словам Муше[3], это прежний вулкан, давно уже, впрочем, потухший; в нём нашли залежи серы. Своею массою, изолированностью и близостью к берегу, гора Местиалве является самым приметным с моря пунктом на всём побережье Бразилии. Несколько лет тому назад Виктория, не имевшая ещё тогда никакой торговли, видела в водах своего канала одни только гоэлеты; но предпринятые с того времени работы по углублению канала сделали вход в порт доступным для больших судов, приходящих из Европы, так как на баре его не менее 5—6 метров глубины. Это быстро двинуло вперед торговлю Виктории, куда тысячами стали стекаться эмигранты; с тех пор Эспирито-Санто стал независимо от Рио-Жанейро вести сношения с заграницей.

Колонисты—немцы, поляки, швейцарцы, тирольцы, португальцы и особенно итальянцы, —численность которых доходит до 30.000,—сгруппировались главным образом в южной части штата, около Аншиеты—прежней Беневенте,—вокруг Альфредо-Шавес, Итапемерима и Качоейро. Аншиета получила свое название в память иезуитского миссионера, который

1 Maximilien de Wied Neuwied, цитированное сочинение .

2 Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage dans les provinces de Rio de Janeiro et de Minas Geraes“.

3 E. Mouchez, цитиров. сочинение.

сгруппировал вокруг себя 12.000 индейцев из окрестных лесов. Пока продолжались эти «покорения», патеры строго устраняли оттуда белых, и даже, во во время изгнания их из Бразилии, выговорили, чтобы вокруг деревни «новообращенных» индейцев оставалось «неотчуждаемое» пространство земли в шесть квадратных миль; но как только миссионеры ушли, эта анклава была захвачена. Некоторые из существующих колоний, находящиеся ещё под опекою правительства, получают ежегодную субсидию семенами и скотом, но большая часть колоний уже «эмансипированы», т.е. предоставлены их собственным силам, и работают на свой страх и риск на землях, разделенных небольшими участками. Главным их занятием служит культура кофе, сбор которого в 1892 года достиг 20 миллионов килограммов. Кроме того, в колониях возделывают маниок, рис, бобы и другие пищевые растения, которыми снабжают рынки соседних городов.

Значительнейшие города, принадлежащие к бассейну Сан-Франциско и смежному побережью, с приблизительной цифрой их населения:

Штат Минас-Жераес: Оуро-Прето—20.000 ж.; Диамантина—14.000; Януариа—10.000; Серро—7.000; Сабара—5.000; Питангуи—3.000; Морро-Вельо—3.000 ж.

Штат Пернамбуко: Каброро—3.000 ж.

Штат Алагоас: Пенедо—5.000 ж.

Штат Сержипе: Аракажу—15.000 жителей; Сан-Христован—5.000; Проприа—3.000 ж.

Штат Бахиа: Бахиа (Сан-Сальвадор)—200.000 ж.; Качоейра и Сан-Феликс—20.000; Назарет—8.000; Санто-Амаро—7.000; Итапарика—6.000; Барра-до-Рио-Гранде—6.000; Кариньянья—3.000; Канавиейрас—3.000; Каравеллас—3.000; Филадельфия—2.000; Ильеос—1.500; Порто-Сегуро—1.000 ж.

Штат Эспирито-Санто: Виктория—20.000 ж.

VI. Бассейн р. Параибы

Штат Рио-Жанейро и нейтральная муниципия

Штат, в котором находится столица Бразильской республики, занимает переходную зону. Океанский берег здесь круто изменяет свое направление от мыса Фрио. От мыса Сан-Рок линия побережья держалась общей ориентации с северо-востока на юго-запад или с севера на юг; тут же она принимает новое направление, круто заворачивая от мыса Фрио прямо на запад и, описав большую правильную дугу, возвращается к своему естественному направлению. Линия тропика проходит по югу штата Рио-Жанейро, совпадая таким образом с ориентацией берега. Река Параиба, получающая свое начало на плоскогорьях Сан-Пауло, на том же пороге, как и верхние притоки Параны, течет на северо-восток, в глубокой лощине, как бы для того, чтобы ясно отграничить угловую массу, которую образует штат. Своими верхними склонами этот последний принадлежит к зоне умеренных плоскогорий, а своими низменными равнинами и болотами, дельтой Параибы—к тропическому поясу. Почти все известные путешественники, исследовавшие Бразилию, посетили Рио-Жанейро, и с самых первых времен истории Нового Света берега этой бухты получили главенствующее значение, благодаря притягательной силе, которую они имели для коммерсантов и мореплавателей, и описаниям Жана-де-Лери и Андре-Теве. Начиная с их героических времен, когда португальцы и французы оспаривали друг у друга владение Никтероем, тысячи путешественников стремились сюда для исследования этого края со всех его сторон; между тем, он и до сих пор ещё не располагает подробною картою, которая представляла бы приблизительную точность; впрочем, столица и зависящая от неё нейтральная муниципия, составляющие самую населенную часть Бразилии, скоро, благодаря точной триангуляции, будут иметь превосходные материалы для составления подобной карты.

Пространство и приблизительное население штата Рио-Жанейро и нейтральной муници-

пии: Рио-Жанейро—40.396 кил., 1.300.000 жит., 32 жит. на кв. кил. Нейтральная муниципия—1.394 кил., 550.000 жит., 395 жит. на кв. кил. Итого 41.790 кил., 1.850.000 жит., 44 жит. на кв. кил.

Естественною границею штата должен бы быть горный кряж, занимающий на северо-западе долину Параибы, но на самом деле линия границы идет то по кряжу, то по водам притока Параибы, то по руслу самой Параибы. Между тем самый высокий массив серры Мантикуейры находится в штате Рио-Жанейро, как раз в его юго-западном углу, прилегающем к штату Сан-Пауло: это—Итатиая, или «Пылающая скала», высочайшая гора во всей Бразилии, представляющая прямо от основания своего крутой скат; в то время, как горы Минас-Жераеса имеют цоколем центральное плато, Мантикуейра и её высочайшая вершина стоят в овраге, по которому протекает Параиба. Высоту Итатиаи определяют различно, но во всяком случае она не менее 3.000 метров (по Глазиу, высота Итатиаи равняетси 2.712 метрам); иногда зимою, после долгих дождей, на этой горе видны полосы снега, и температура стоит тогда ниже нуля. Итатиая, гора вулканического происхождения, своею относительно значительною высотою обязана, может-быть, своему сравнительно недавнему образованию: она двинулась сквозь выветрившуюся закраину плоскогорья[1]; у её основания струятся сернистые воды[2]. Высочайшее место Бразилии, где семьи живут круглый год, находится на склонах Итатиаи. Ботаник Глазиу первый поднялся на эту гору в 1871 г.

Продолжаясь к северо-востоку, серра Мантикуейра постепенно понижается и представляет бреши, из которых одна была утилизирована у порога Иоао-Айрес (1.115 метров) для проведения железной дороги, ветви которой идут на запад, в глубь Минас-Жераеса. Не уменьшаясь в своем рельефе, хребет в то же самое время выделяет из себя боковые отроги, которые во многих местах принимают вид и название «серр». С другой стороны глубокой впадины, по которой протекает Параиба, параллельно серре Мантикуейре, тянется другой, довольно правильный кряж: в Сан-Пауло ему дают название серра-до-Мар или «Береговая цепь»; в штате Рио-Жанейро к этому названию присоединяются много других, соответственно контрастам высоты, направления и вида. Среди этих многочисленных отрогов береговой цепи, самый знаменитый тот, который тянется на северо-восток от Рио-Жанейро; его, может-быть, несколько неосновательно, называют серра-дос-Органос, или «цепь Органов», по форме его трубкообразных скатов, а может-быть и благодаря перемежающимся полосам черных и белых лишаев, покрывающих стены сырых утесов.

Близ Терезополиса возвышается уединенный шпиц, оставшийся от выветрившихся соседних скал; он получил название «Перст Божий», благодаря своей форме указательного пальца, направленного к небу. Высочайшая вершина в цепи «Органов», Педра-Ассу, или «Большой камень», достигает, по определению Глазиу, 2.232 метров. На северо-востоке, там, где горная цепь придвигается к нижней Параибе, пробивающей себе русло через горы, возвышается на 1.750 метров уединенная гора Фраде-де-Макахе, а в серре-дас-Альмас, три равные пика Матеус возвышаются на 1.880 метров. На высоте 1.096 метров хребет Органос пересекается железною дорогою, идущею из Никтероя в Нова-Фрибурго.

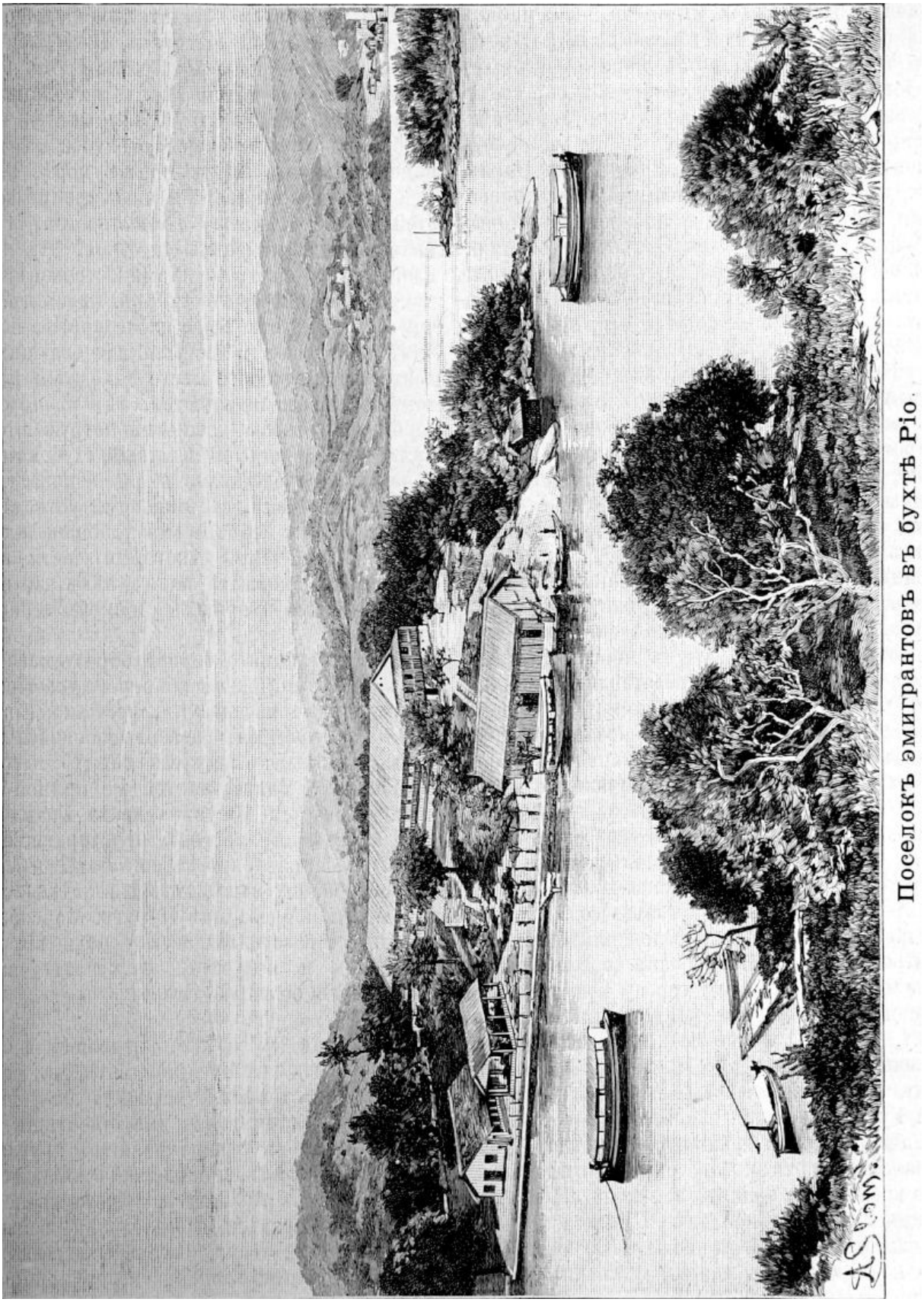
Серра Тингуа, составляющая западное продолжение хребта Органос, резко разнится от соседних гор, состоящих из гнейса и гранита, своими вулканическими скалами с изгладившимися кратерами[3]. Высочайшая её вершина достигает 1.650 метров. На запад от Тингуа, железная дорога, которую долгое время считали за чудо бразильских сооружений, перерезывает серра-до-Мар крутыми подъемами и восемнадцатью туннелями, на высоте 412 метров. Однако, западнее, над заливами Анградос-Рейс и Парати, в цепи есть менее высокие проходы. Дальше, на границах Сан-Пауло, почти изолированный массив, серра Бокаина, вздымает свои высокие вершины (1.500 метров) как раз напротив величественной группы Итатиая, от которой его отделяет верхняя долина Параибы. Наконец, на оконечности береговой цепи,

1 Orville B. Derby, „Os Picos altos do Brazil“.

2 Jose Franklin da Silva, „Revista do Instituto Historico“, 1882.

3 Orville A. Derby, цитированное сочинение.

высятся над морем несколько узких массивов, или, вернее, островов, прежние проливы которых высохли: таковы конусы и хребты, окружающие бухту Рио-Жанейро. Гора Тижука, оканчивающаяся «Клювом попугая» (1.025 метров), где Агассиц видел следы работы ледни-

Поселокъ эмигрантовъ въ бухтѣ Рio.

ков, есть самая высокая вершина этих полуостровных массивов, доминирующих над входом в порт. Несколько островков, рассеянных в открытом море, указывают доходящие до морской поверхности гребни подводных кряжей, идущих параллельно высотам материка.

Река Параиба, или Параиба-до-Суль («Южная»), перерезывающая штат по длине, зарождается на юго-восточной оконечности штата Сан-Пауло, из нескольких источников, весьма близких к берегу моря. Сначала поток спускается на юго-запад, в направлении, совершенно противуположном тому, которое он принимает по выходе из сжимающих его скал. Этот горный ручей, прерываемый многочисленными водопадами, бежит со скалы на скалу к подошве горы Итатиаи, которая с своего противуположного склона посылает ему рио-Прето, перерезанную там и сям водопадами; затем Параиба принимает в себя Параибуну, или «Черную реку», содержащую в своих водах золотой песок, и, при гораздо меньшем уклоне, спускается до ущелья Сан-Фиделис, где сливается с потоком Доус-Риос, образуемым реками Негро и Гранде. Входя в это ущелье, Параиба течет на высоте всего только 70-ми метров над морем; при выходе из ущелья она становится судоходною и змеится по тучным насосным равнинам до болотистой зоны своей дельты. Муть, наносимая темными водами потока, отлагается в море треугольным выступом и длинными песчаными банками, которые часто перемещаются во время наводнений и бурь; через бар могут проходить только небольшие каботажные суда. Относительно значения слова Параиба до сих пор ещё идут споры. По цвету её воды отнюдь нельзя признать справедливою этимологию Милльe—«Светлая река». Более основательно толкование Бэртона, переводящего это слово, как «Дурная река», в виду тех параллельных скалистых кряжей, которые заграждают реку, и болотистых мелей, которые во множестве встречаются в её течении. По объяснению Огюста-де-Сент-Илера, название Параиба происходит от лесов дерева *paraibo*, окаймляющих берега этой реки.

Река Парапба-до-Суль: длина течения—950 километр.; площадь бассейна—64.000 кв. километр.; длина судоходного течения—80 километров; вероятное количество катимой в секунду воды—1.520 кубических метров.

Внешний склон береговых цепей слишком узок для того, чтобы с него могли спускаться большие реки; самая длинная из них—Микаку, изливающаяся в северо-западной части бухты Рио-Жанейро, не имеет даже ста километров длины: это простой ручей, теряющийся в великолепном бассейне, которому Гонсалвес дал название Рио, или «Река», предполагая существование речного течения, достойного такого обширного устья. Но если на побережье отсутствуют большие реки, оно изобилует стоячими лагунами и полузамкнутыми бухтами.

Южнее низовья Параибы, тянется на пространстве около 420 кв. километр. прежняя морская бухта, Лагоа-Фейя или «Гадкая», которая теперь отделена от моря береговым кордоном; посредством байюсов она соединяется с множеством других прудов, усеивающих низкие земли; на севере, в период половодья, Лагоа-Фейя сообщается с Параибою; на востоке она сливается с солоноватыми лагунами морского побережья, которые с обеих сторон мыса Сан-Томе окаймляют побережье, отделяясь от моря песчаным валом, образовавшимся из морских наносов; на юго-западе канал или, вернее, широкий ров, пересекающий несколько других лагун, несет к Макахе излишек вод, которые горные ручьи изливают в Лагоа-Фейя. К западу от архипелага островов и полуостровных мысов, оканчивающихся мысом Фрио, вдоль морского побережья идет ряд водных площадей, заключающихся между морем и основанием гор. Самая большая из этих лагун, Арарuама, находится в постоянном сообщении с океаном посредством соединительного протока, который открывается к северу от холмов мыса Фрио, и дает свободный доступ морским приливам; но другие пруды представляют замкнутые бассейны, так что поморяне должны искусственно открывать их после продолжительных дождей, прорывая каналы в береговых стрелках. Эти солончаковые пруды легко было бы эксплоатировать в виде салин, и действительно их часто утилизировали, даже во время португальского режима, несмотря на королевские указы 1690 и 1691 гг., воспрещавшие здесь добывание соли, которое создало бы конкурренцию солеварам Сетубала.

Прекрасная бухта, давшая свое португальское название главному городу Бразилии, Рио-Жанейро, что значит «Январская река» (к нему, впрочем более подходило его прежнее название, данное береговыми индейцами племени тупи,—Никтерой, т.е. «Скрытая Вода», или

Гуанабара,—слово неизвестного происхождения)[1], принадлежит своей северной оконечностью к типу береговых прудов: это одновременно и залив, и лагуна. При входе она походит на пролив. Гранитные скалы сближаются, оставляя между собою проход в 1.500 метров ширины, с 30 метрами водной глубины на пороге. Затем два противоположные берега, с восточной и западной сторон, образуют полукруг бухт, промежуточные мысы которых продолжаются в виде островов и островков. За лабиринтом этих скалистых и зеленеющих земель открывается обширное внутреннее озеро, не имеющее определенных берегов, так как они то заливаются морским приливом, то снова обнажаются при отливе. За исключением открытого входного канала, бухта и её лабиринт островов окаймлены поясом холмов и гор: можно было бы подумать, что находишься на континенте, еслибы паруса, рассеянные в виде белых точек на фоне голубых вод, не напоминали об окружающем море. Тысячи судов стоят на якоре и скользят по водам этой бухты, а между тем простору в ней хватит ещё на целые флотилии. Эта водная площадь, с её тремя стами островов, занимает поверхность в 429 кв. километр., при чём более трети всего пространства по глубине своей вполне доступно для больших судов; самое глубокое место находится к востоку от возвышенностей, где расположен город, и откосы которых погружаются в бухту Рио. Берег, изрезанный глубокими иссечениями, представляет ряд разветвляющихся бухточек, с широкими устьями, где суда находят себе весьма удобные якорные стоянки. Впрочем, некоторые части залива постепенно заносятся илом, так что многие из прежних якорных стоянок теперь покинуты.

Вне внутреннего берега, образуемого заливом, настоящий океанский берег указывается, к западу от массива Рио, песчаной стрелкой *restinga* Марамбая, развертывающейся почти прямолинейным пляжем между мысом и островком. Далее, на той же прямой линии вырисовывается конус острова Гранде, высотою в тысячу метров, простирающий свои мысы по направлению к ещё более высокому полуостровному мысу, который отделяет от открытого моря залив Парати. Морское пространство, расстилающееся у подножия этих островов и полуостровов, всюду имеет равномерно большую глубину.

Заключая в себе горы, долины и берега моря, область эта представляет на ограниченном пространстве параллельные зоны с различным климатом; две ориентации побережья, одна—с севера на юг, другая—с востока на запад, прибавляют к контрасту в колебаниях температуры режим перемежающихся бриз; относительная влажность воздуха всегда очень высока (средняя относительная влажность в Рио-Жанейро с 1881 до 1890 год: 78,40%), и годовыя колебания её выражаются в весьма незначительных цифрах[2]. Самые сырые месяцы года—летние; в этот же сезон чаще всего бывают грозы, приносимые обыкновенно западными и северо-западными ветрами. Преобладающим воздушным течением здесь являются южные пассаты, дующие большею частью с юга-юго-востока. Рио-Жанейро стоит в стороне от сильных атмосферических пертурбаций: колебания барометра в общем мало заметны, не превышая 5—10 миллиметров в промежуток нескольких часов. Понижения барометра, как бы малы они ни были, служат обыкновенно предвестником *pampeiros*'ов, т.е. сильных юго-западных ветров, тех самых, которые в равнинах Ла-Платы известны под испанским названием *pamperos*. В своей совокупности штат Рио-Жанейро, вместе с нейтральной муниципией, входящей в его состав, не принадлежит к числу здоровых областей Бразилии; многочисленные болота и болотистые берега ручьев по соседству с морским побережьем являются опасными для здоровья во всякое время года, особенно для иностранцев; эндемические лихорадки преграждают доступ в эти местности, а в годы эпидемии желтая лихорадка запрещает пребывание там белым. Но склоны гор, хорошо выставленные ветрам вершины являются настоящими санаториями, где европеец может восстановить прежнюю бодрость и здоровье, расстроенные или утраченные во время пребывания в нижних равнинах.

Метеорологические условия Рио-Жанейро: годы наблюдений—40; широта—22°,54'; высо-

1 Emile Allain, „Rio de Janeiro“.

2 L. Cruls, „O Clima do Rio de Janeiro“.

та—66 м.; температуры: максимальная—39°; средняя—22°,92; минимальная—10°,2; разность —28°,8; дождливых дней—127; высота дождей—1м,091. Говорят, климат Рио изменился со времени истребления больших лесов: дожди и бури теперь гораздо менее правильны, чем прежде.

Флора и фауна этой области, представляющие аналогию с соседним штатом, Эспирито-Санто, уже успели значительно измениться в окрестностях столицы и в соседних округах: девственный лес сохранился лишь в нездоровых местностях равнины или на недоступных горных откосах. Что касается диких животных, то большая часть крупных пород совершенно исчезли: тапиры уже вовсе не встречаются, а ягуары только изредка попадаются охотникам в наиболее отдаленных ущельях сиерры; стада пекари и других *porcos do matto* (лесных свиней) имеют теперь только небольшое число представителей, рассеянных редкими группами; даже птичьи породы значительно уменьшились в числе, но среди насекомых насчитывают по-прежнему до 800 видов бабочек и более 2.000 других форм, живущих на ограниченном пространстве вокруг бухты[1].

В населении наблюдается то же явление, как и в мире растений и животных. В пределах этого штата аборигенов более не существует, и даже нельзя встретить таких метисов или потомков метисов, которые бы сохранили в себе черты прежней туземной расы тамойосов, «тамой или айам», дружественной первым французским колонистам или «маирам» Как друзья французов, они были врагами португальцев, известных вообще у индейского населения Бразилии под именем «перо»[2]. Последние нашли себе союзников в индейцах Эспирито-Санто—мбаранкая («Кошки»), и при их помощи восторжествовали над французами и аборигенами, жившими по берегам бухты. Большая часть тамойосов были истреблены, а другие убежали; по преданию, эти беглецы, после продолжительного странствования, поселились, под названием тупинамба или тупинамбаранас, т.е. «первых владетелей страны», на большом острове того же названия, лежащем ниже устья реки Мадейры. Паулисты, вербовавшие этот живой товар для работ в рудниках и на плантациях, тоже немало способствовали истреблению расы тамойосов. Эти индейцы, известные первым европейским путешественникам, были представителями чистокровной расы тупи; они говорили на том «общем» языке, который употребляет большинство аборигенов Амазонской реки и Ла-Платы, и сборник слов, составленный Жаном де-Лери, почти совпадает с языком оямпи, на котором говорят теперь во французской Гвиане[3].

Первые европейские путешественники, Ганс Стаден, Жан-де-Лери и Магальянес-де-Гандаво, сходятся между собою в описании нравов поморов тупи, и их рассказы почти совпадают с описаниями, данными Ивесом д'Эвре и Клодом д'Аббевилль относительно индейцев штата Мараньян, принадлежащих к той же группе наций. Эти индейцы раскрашивали себе тело в красный цвет посредством орлеана, в черный посредством генипы, и даже усерднее ботокудов обезображивали себя продеванием в кожу лица различных предметов. Они протыкали у детей нижнюю губу и, постепенно расширяя отверстие, продевали в него камешек или деревянное кольцо; точно также они протыкали себе щеки и вставляли в них осколки хрусталя, но особенным щегольством считались искусственные шишки на лице и украшение тела различными типами и перьями; это самоистязание, впрочем, ни мало не отражалось на их здоровье, и все они отличались крепким сложением: «между ними почти совсем не встречается хромых, косых, калек или, вообще, каких-нибудь физических уродов». Они жили в просторных жилищах, имевших до 50 метров длины, при чём очагов там было столько, сколько помещалось отдельных семейств. У всех были отдельные гамаки, которые висели в общем длинном корридоре: огромная общая спальня походила на пространство между деками на каком-нибудь судне. Они жили в полном согласии, имели общих друзей и бес-

1 Heusser und Claraz, „Petermann's Mittheilungen", 1860, Heft VII.
2 Candido Mendes de Almeida, „Revista do Instituto Historio", 1878.
3 Henri Coudreau, „La France Equinoxiale";—рукописные заметки.

корыстно делились друг-с-другом всяким куском[1].

Брак у этих индейцев был строго эндогамический, и тамойосы могли по закону жениться на своих родных племянницах, дочерях брата или сестры. По свидетельству Гандаво, некоторые женщины, гнушаясь занятиями, свойственными их полу, одевались и украшали себя по-мужскому и даже носили лук и стрелы и охотились в компании мужчин; каждая из них брала себе в приближенные другую индианку, которую называла своей женой. Когда в деревне появлялся какой-нибудь иностранец, навстречу к нему выбегали молодые девушки, которые, плача и ероша свои волосы, выражали ему свое глубокое сочувствие по поводу страданий и тягостей, сопряженных с длинным путешествием. У тупинамбов лучшим качеством считалась выносливость, перед которою они охотно преклонялись. Предводитель племени, заходя в дома, делал у мальчиков порезы на ногах очень острым рыбьим зубом, чтобы приучить их к выносливости и этим развить в них настоящий характер мужчины и воина. Во время битв, воюющие стороны перебранивались между собою, посылая друг на друга всевозможные проклятия, вроде: «Да обрушатся на тебя всяческие беды!» или «Быть тебе сегодня пожрану мною!» И действительно, победитель охотно поедал мясо своего побежденного врага. Этот подвиг считался таким достославным, что с этого дня индеец имел право переменить как свое, так и женино имя, приняв название какой-нибудь рыбы, птицы, цветка или плода[2].

Уатека или гойтаказы, «Скороходы», название которых применяется ещё к низменным областям «Кампос-дос-Гойтаказес», орошаемым Параибою по выходе её из гор, не принадлежали к расе тупи и жили совершенно отдельно; это были тапуясы, родственные айморесам[3] и составлявшие особую группу среди населения другого происхождения. Живя во вражде со всеми своими соседями и даже между собою, уатека, настоящие «чертенята», по выражению Жана де Лери, были самым диким народом из всех береговых индейских племен; отличаясь необыкновенною силою и гигантским ростом, они наводили страх на всех окрестных жителей. Населяя страну, совершенно отличную от земель других индейцев, они и сами по нравам своим и привычкам резко разнились от других аборигенов. Среди своих гладких равнин они научились бороться в открытую; озера, пруды и реки обратили их в полуземноводных созданий, которые бросались в воду и ныряли как выдры; их хижины, построенные на сваях на топкой почве, походили на настоящие голубятни; для оконечников своих стрел они употребляли острые зубы акулы. Вокруг их становищ лежали целые островки из костей побежденных врагов. В продолжении почти целого века отстаивали они свою независимость в борьбе с португальцами; но в 1630 году им пришлось, наконец, уступить. Многие из них погибли в борьбе, часть была отправлена в земледельческую колонию, а наиболее счастливым удалось бежать в леса, на границу Минас-Жераеса. Покинув привольные саванны и поселившись в лесных чащах, они должны были обрезать свои длинные волосы и стали брить макушку головы; отсюда и произошло их название *Coroados*, или «Увенчанные», которое дали им португальцы, наравне с многими другими индейскими племенами, носящими такия же прически[4].

Если в населении штата и столичного округа туземный элемент, вдобавок крайне смешанный, встречается в настоящее время только в немногих местах побережья и в лесных чащах, то Старый Свет имеет там своих многочисленных представителей, как в лице африканцев, так и в лице иммигрантов из всех европейских стран. Нигде во всей Бразилии население не имеет такого космополитического характера, как здесь, а обширные деловые сношения, которые столица ведет с заморскими странами, придают этой области совершенно иностранный тип. Кроме того, некоторые колонии, основанные внутри страны германскими и

1 Magalhanes de Gandavo, „Histoire de la province de Santa-Cruz“, collection Henri Ternaux.

2 Hans Staden, „Description d'un pays habite par des hommes sauvages“, collection Ternaux.

3 Gandavo, цитированное сочинение.

4 Anchieta;—Max. de Wild Neuwied, цитированное сочинение;—Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage dans le district des Diamants“.

швейцарскими эмигрантами, сохраняют ещё следы своего европейского происхождения.

Значение главного города в сравнении с другими городскими поселениями столичного округа и всего штата так велико, что эти последние могут считаться простыми пригородами Рио, за исключением тех городов, которые лежат в глубине долины Параибы и отделяются от бухты стеною высоких гор. Как местные рынки по снабжению съестными припасами окрестных плантаций, они обязаны своим процветанием главным образом урожаю этого бразильского продукта: малейшее повышение или понижение цены на кофе тотчас же отражается на их внешнем виде. Вот имена этих городов, следующих один за другим по течению реки: Резенде, с господствующими над ним высочайшими массивами Мантикуейры; Барра-Манса, стоящий на одном из удобных мест реки, где пороги легко проходимы, как на это указывает и самое название местности; Барра-до-Пирахи,—раскинувшийся при устье одноименной с ним реки; Параиба-до-Суль, названный так по имени реки, на берегах которой стоит; Энтериос, расположенный в месте слияния Параибы с Параибуною. Барра-до-Пирахи и Энтериос приобрели исключительное значение, как исходные пункты железных дорог; Барра-до-Пирахи представляет даже нечто вроде передового предместья Рио на перекрестке двух дорог, ведущих из Сан-Пауло и Минаса, и располагает главными дорожными мастерскими: в прежнее время сюда посылали больных эмигрантов для излечения от приступов желтой лихорадки.

Другие города и местечки, имеющие лишь местное значение, каковы: Рио-Кларо, Вассурас, Валенца и Кантагалло, хотя и лежат вне долины реки, но составляют часть той же самой земледельческой зоны; тогда как Петрополис, Терезополис и Нова-Фрибурго, хотя и лежащие на покатости Параибы, принадлежат к Рио-Жанейро и служат передовыми предместьями и санаториями с чистым горным воздухом. Впрочем, города эти не всегда представляют собою результат добровольной группировки населения. Некогда столь плодородная долина Параибы, которая могла бы питать огромное население мелких земледельцев, была скуплена несколькими крупными землевладельцами, собственниками сахарных и кофейных плантаций, которые сами распределяли места для рынков и указывали инженерам направление шоссейных и железных дорог[1]. Ещё важнее то, что их способ культуры совершенно истощил землю; в этой долине Параибы, которую по невольной иронии минейросы продолжают ещё называть *la Matta*, т.е. «Лес», почти все леса вырублены, и над тощими полями возвышаются лишь голые холмы[2]. Город Сан-Фриделис охраняет выход из ущелий ниже места слияния Доус-Риос. Некогда это была деревня, населенная индейцами короадосами и пури. Эти индейцы, название которых, данное их соседями, означало «Разбойники», существовали ещё целыми племенами в начале прошлого столетия: они поражали своим маленьким ростом и монгольским типом лица[3].

Город Кампос, лежащий на южном берегу Параибы, в шестидесяти километрах от океана, в стране прежних уатака или гуайтаказов, обязан своим существованием не какому-нибудь случайному капризу, и оттого он разросся замечательно быстро. Расположенный в плодородной равнине, в том месте, где река становится судоходною, после принятия в себя притоков, невдалеке от кабо-Сан-Томе, одного из главных мысов бразильского побережья, Кампос занимает место, так сказать, предуказанное для возникновения большого города; сначала там были построены склады для продовольствия долины и для приема продуктов, затем плантаторы выстроили там свои дворцы, а инженеры провели шоссейные и железные дороги и соорудили через реку великолепный мост на арках, взамен прежней *barca-pendula*. Местная сахарная промышленность сосредоточилась в нескольких больших заводах или *engenhos*'ах, из которых одни принадлежат частным лицам, а другие компаниям, получающим казенные субсидии; на них ежегодно обрабатывается до пятидесяти или шестидесяти

1 James Wells, „Three Thousand miles through Brazil".

2 Americo Werneck, „Probiemas Fluminenses".

3 Maximilien de Neuwied, цитированное сочинение.

тысяч тонн сахарного тростника. Самый богатый из этих заводов—Квиссаманский, владеет огромным пространством земель к югу от Лагоа-Фейя. Свою внешнюю торговлю Кампос ведет посредством двух весьма плохих портов: Сан-Жуан-де-Барра, расположенного при устьи реки Параибы, и более южного порта Имбетибы, который служит предместьем Макахе—города, охраняющего устье одноименной с ним реки и сообщающагося с Кампосом целым рядом байю и лагун, образующих сплошной канал в 90 километров длины. Торговое движение в Макахе в 1892 г.: 200.000 тонн. Вывоз сахара из Кампоса в 1892 году: 180.975 мешков, или 10.858 тонн.

Уже в середине XVI-го столетия здесь существовало индейское селение, а Жан-де-Лери говорит об одной недоступной скале, которая возвышалась в виде башни на соседнем берегу, распространяя при солнечных лучах такой блеск, что её можно было принять за огромный изумруд[1]. Что это была за скала? Может-быть, горделивая гора, носящая название Фрадеде-Макахе, которая возвышается в виде пирамиды с западной стороны массива серры-до-Мар.

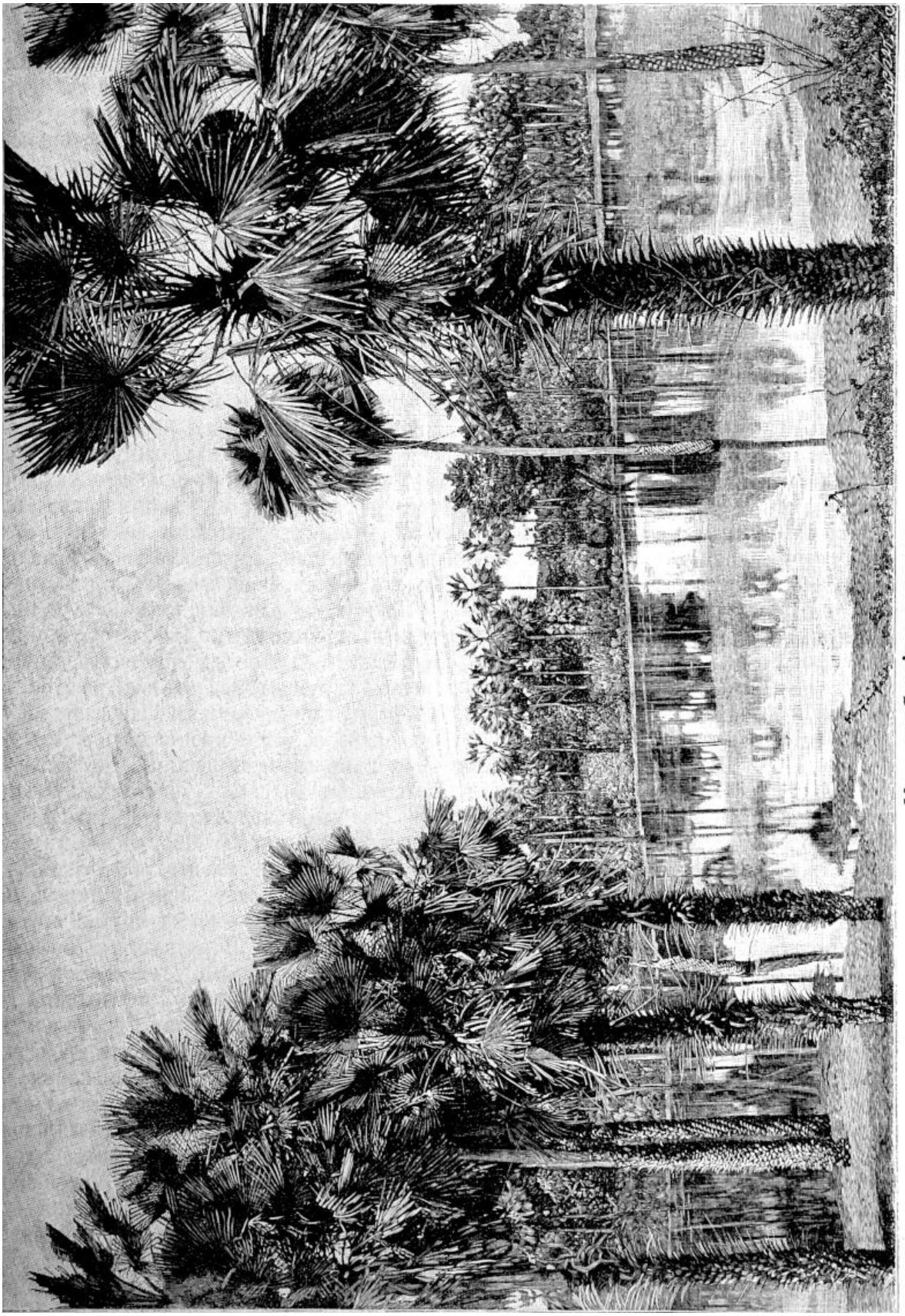
Кабо-Фрио, островной мыс, где, на 100 километров восточнее столицы, линия побережья делает поворот на запад, дал свое название городу, расположенному на берегу глубокой бухточки, при выходе протока Итамарики. Подобно другим портам серры-Абаиксо, или бразильского «Пьемонта», Кабо-Фрио вывозит, главным образом, сахар, патоку и тафию, затем и другие товары, особенно съестные припасы, необходимые для продовольствия Рио; этот город сделался также промышленным центром по фабрикации касторового масла, по приготовлению консервов из креветок, омаров и сардинок и по выделке раковистого порошка, из которого приготовляют очень ценимую столичными архитекторами известь. Даже после того, как французы были изгнаны с берегов бухты Рио-Жанейро, они всё ещё продолжали посещать отдаленный округ Кабо-Фрио: благодаря своим друзьям тамойосам, они вывозили оттуда бразильское дерево и другие местные продукты. Филипп II повелел построить в 1575 г. город, чтобы этим прекратить дальнейшее развитие этой «контрабандной» торговли.

Два города, расположенные один против другого при входе в бухту Рио, называются оба по имени это великолепной водной плоскости: на востоке Никтерой[2], нынешний главный город штата, а на западе—Рио-Жанейро, метрополия республики; первый из них носит индейское название, а второй—португальское, но оба они, несмотря на различие в административном и политическом устройстве, составляют один общий городской организм, живущий одной и той же жизнью. Главное средоточие городской деятельности, так сказать, сердце этих городов-близнецов, находится на западном берегу, у основания гор, возвышающих свои притупленные пирамиды с западной стороны бухты. Рио-Жанейро представляет поразительное зрелище. Когда приближаешься к бухте, обогнув грозную скалу мыса Фрио, перед глазами расстилается ряд гранитных островков, почти исключительно круглой или овальной формы, с крутыми берегами, покрытых короткой травой, с рощицами кокосовых пальм в защищенных впадинах. На морском берегу в глаза бросается великолепный пик: это—гора Итаипу, называемая также *Pico de Fora*, или «Внешний Пик», так как он находится на восточной стороне бухты; со стороны моря стена спускается ровным скатом, у подножия которого группируется «небольшое семейство» островков Паи, Маи и Менино. Но вскоре этот колосс исчезает из виду, и с другой стороны впадины, указывающей вход в порт, постепенно начинают выступать вершины гор Рио. Этот массив, ограниченный с западной стороны бухтой Марамбая, представляет целую группу хребтов, питонов и остроконечных вершин. Издали трудно разобраться в этой массе гор, и помещенные на карте пики Гавиа, Тижука и Корковадо легка сливаются в одно целое; в них можно различить отдельные террасы, выступы и пропасти, но к этим отличительным признакам присоединяются столько других, и общая картина представляет такое удивительное разнообразие гребней, пиков и вершин, что инди-

1 Jean de Lery, „Histoire d'un Voyage fait en la terre dn Bresil".

2 Нитерохи, Нитерой, или, по Гансу Стаден,—Итерон.

видуальные формы теряются в общем хаосе скал. В хорошую погоду, когда яркий солнечный свет, играя теневыми контрастами, заливает откосы скал, поля и леса, когда целый ряд дальних планов, кажущихся издали лазоревыми, выступает на голубом горизонте внутрен-

Карнаубскія пальмы

них гор, на серра-да-Эстрелла и на обелисках цепи Органов, массив Рио представляет дивную картину по прелести колорита и бесконечному разнообразию меняющихся пейзажей. Но когда пасмурное, серое небо выдвигает на первый план группу передовых гор, а темные

тучи или дождевые струи то скрывают, то обнаруживают острые пирамиды, стены с пиками и мрачные овраги, тогда ландшафт принимает вид полярной местности: можно подумать, что приближаешься к одному из островов Запустения в Гренландских архипелагах или на Огненной Земле, и невольно задаешь себе вопрос, как могли люди основать в подобном месте такой большой город, который, однако, надо признать одним из очаровательнейших городов во всём свете.

За Илья-де-Котунтуба, последней островной скалой, возвышается на западе могущественный массив Паон-д'Ассукар, охраняющий вход в бухту. Уже издали можно различить вершину этой горы, сравниваемой с ногою «лежащего гиганта», фигуру которого смутно напоминает профиль гор Рио. Гранитная пирамида Паон-д'Ассукар, «Горшок Масла», как её называли первые французские мореплаватели, только с восточной стороны напоминает форму «сахарной головы», что означает в переводе её обыкновенное название: с южной стороны, взятая вместе с вершинами, служащими её продолжением, и выпуклостями основания, она походит на льва или на сфинкса, лежащего с вогнутою спиною и распростерши в море свои огромные лапы. В прежнее время редко кто отваживался взбираться на этот колоссальный монолит, имеющий 385 метров высоты; теперь же в скалу вделаны опорные перила, благодаря которым восхождение на гору значительно облегчено. На полуострове, отделяющемся от подножия Паон-д'Ассукар, построена крепость Сан-Жуан, которая выходит в море скалистым островком Лаже или «Камень», где стоит другая небольшая крепость. Вход шириной в 1.500 м. разделяется таким образом на два прохода—на западный, которым суда пользуются редко, и на восточный, представляющий собою канал в 900 метров ширины, куда легко входят даже большие суда. Восточный полуостров Санта-Круц—длинная плоская терраса, примыкающая к скале своими наружными стенами, с амбразурами,—был преобразован в крепость: это—главное оборонительное укрепление Рио. Со стороны морского берега его дополняют форт и разные батареи, выстроившиеся по узкому ребру «Пика», о который опирается терраса Санта-Круц. Затем, внутри бухты, все мысы обоих берегов также заняты батареями, а перед самым городом выступает продолговатый островок Вильганьон, тоже укрепленный, который служит казармами для матросов и передовым постом для арсенала, расположенного на расстоянии почти одного километра на ближайшем пункте материка. К северу от Вильганьона находится якорная стоянка пакетботов, которых тотчас по причалении окружает целая флотилия маленьких пароходов.

Вильганьон, называвшийся прежде Серижипе или Сержипе, по имени одного из штатов Союза, был первоизбранным пунктом для основания столицы. Там, в 1555 году, по инициативе одного авантюриста-гугенота был основан главный город «антарктической Франции», защищенный фортом Колиньи и предназначенный сделаться современем главным городом обширной Бразилии. Несколько лет спустя португалец Эстасио-де-Са водворил на материке, близ Паон-д'Ассукар свои победные войска; после его смерти, этот военный пост был переведен на мыс, называемый Морро-до-Кастелло, и у его северного основания, сгруппировались первые дома Сан-Себастиана-до-Рио-де-Жанейро, который в некоторых документах называется просто Себастианополисом. У бразильцев Рио, а оффициально *a Capital Federal*,—самые употребительные названия. Центральная часть города,—образовавшаяся постепенно в течение XVIII столетия в овальном полукруге, ограниченном с юга небольшими горами Кастелло и Санто-Антонио, а с севера—холмами Сан-Бенто и Консейсао,—занимает по направлению с востока на запад пространство около двух квадратных километров. Правда, пространство это не велико для столицы, но оно хорошо утилизировано. В этом квартале почти вовсе нет свободных площадей, а улицы, представляющие в целом почти правильные клетки, настолько узки, что едва позволяют разъехаться двум экипажам; тем не менее на большей части их проложены рельсы и ходят трамваи. Дома, не красивые на вид и построенные без всякого стиля, почти не видят солнечных лучей, и в нижних магазинах вечно царит мрак. Это, впрочем, нисколько не мешает одной из этих жалких авеню, с плохою мостовою и открытыми отверстиями сточных труб, именно руа-до-Оувидор («улица Аудиенций») быть избранным местом собрания как для деловых людей, так и для гуляющих. В из-

вестные часы дня здесь, у порога богатых магазинов, толпятся группы элегантных господ, обменивающихся поклонами со знакомыми проходящими дамами: можно подумать, что находишься в каком-нибудь модном курорте, а не в деловом городе. В конце улицы, на площади Сан-Франсиско-де-Пауло, выстроиваются в два ряда роскошные экипажи в ожидании, пока их хозяева окончат свою прогулку.

Старинный Сан-Себастиан, ось которого образует улица до-Оувидор, хотя и не занимающая самого центра квартала, составляет лишь самую незначительную часть нынешнего Рио. Город со всех сторон далеко перешел за пределы своей естественной ограды, обозначенной холмами вокруг первоначального Сан-Себастиана. Подобно реке, выступившей из берегов, он занял сначала невысокую седловину между Морро-до-Кастелло и Морро-де-Санто-Антонио, затем разросся далее, вдоль морских пляжей и по долинам притоков, постепенно захватывая деревни, группы сельских жилищ и вилл, раскинувшиеся на этом пространстве.

Постепенно ближайшие к морю холмы очутились окруженными амфитеатром домов, тогда как более высокие внутренния горки (morro) выдвинулись в виде полуостровов в полукружии предместий. Извилистые улицы всё далее и далее проникают вдоль берега моря и в главные долины, где они разветвляются в боковых долинках. Так образовались кварталы: Лапа при бухточке того же названия, у подошвы Морро-де-Санта-Тереза; далее к югу—Фламенго, на другом красивом изгибе морского берега; Ларанжейрас, или «Оранжерей»—между крутыми склонами гор Кариока и Корковадо; Ботафого или «Поджигатель»—на круглой бухте (которую считали прежде озером), опоясанной горами Паон-д'Ассукар и другими гранитными массивами; далее цепь предместий продолжается по берегу моря пляжем Капокабана, а к югу от Корковадо—различными кварталами, которые тянутся до самой лагуны Родригец-де-Фрейтас, к Ботаническому саду и к Гавиа. Совершенно такое же явление постепенного разростания наблюдается и с других сторон: на севере, узкая полоса земли, заключающаяся между основанием холмов и торговым портом, застроена домами и амбарами, а длинная, полукруглая бухта Сан-Христован окаймлена целым городом, окружающим бывший императорский дворец; на западе,—за обширным городским садом Ларго-да-Республика (Праса-да-Аккламасаон, прежнее кампо де-Санта-Анна или до-Хонор),—город продолжается извилистыми предместьями до самого берега ручьев, спускающихся с долин Тижури. В своей совокупности Рио может быть сравнен с огромным спрутом, который далеко в разные стороны раскинул свои зубчатые щупальца. По занимаемому пространству Рио-Жанейро не уступает самым обширным европейским метрополиям, как, например, Лондону. От последних домов в Гавиа, на Атлантическом океане, до последних домов в Кажу, на берегу бухты Рио, или до Каскадуры, город имеет не менее 28 километров по кратчайшем путям; а далее опять образуются новые узлы, которые, посредством сплошной линии построек, скоро будут связаны с центральною частью. Таким образом, весь город, постепенно разросшийся вокруг Вильганьона и Морро-до-Кастелло, занимает площадь, которую не превосходит никакая другая столица; но это пространство далеко не всё застроено домами, так как значительную часть территории занимают скалы с недоступными скатами и даже горы, покрытые лесами, без всяких дорог. С бухты большая часть предместий Рио походят не на город, а скорее на морской берег с рассеянными на нём виллами, как Генуэзская «Ривьера».

Острова бухты, занятые военными сооружениями или частными доками, тоже вошли в состав города, как и Никтерой, столица штата, расположенная на восточном берегу бухты, между двумя полуостровами. Этот город, который назывался прежде Прая-Гранде, имеет, так же, как и самая метрополия, длинные предместья—Икарахи, Журужуба, Сан-Лоуренсо,—которые тянутся по морскому берегу и по окрестным небольшим долинам. Предместье Сан-Лоуренсо, лежащее к северу от Никтероя, было некогда aldeia индейцев, которые помогали португальцам в их войнах с французами. Иезуит Аншиета водворил здесь обращенных в христианство уатеков. В начале XIX столетия в населении Сан-Лоуренсо ещё заметны были признаки его смешанного происхождения[1].

1 Maximilien de Wied-Neuwied, цитиров. сочинение.

Fluminenses, или «Речные жители», т.е. жители Рио, зачастую преувеличивают количество населения своего города, оспаривая в этом отношении первенство у Буэнос-Айреса, который по численности населения является первым городом Южной Америки. Обыкновенно говорят о «миллионе» жителей в Рио и его городском округе; однако перепись, при всём своем несовершенстве, дает достаточно веские указания для оспаривания этой пристрастной цифры. В 1893 году этот город мог иметь не более полу-миллиона жителей, что, впрочем, доказывают списки родившихся и умерших, публикуемые ежедневно. По количеству смертей, которое колеблется, смотря по годам, от 16.000 до 15.000, численность населения можно определить в 350.000—500.000 человек, если считать пропорцию смертности в 30 на тысячу, как в европейских городах с средней смертностью, но не совсем нездоровых, вроде Неаполя, Флоренции или Будапешта. Смертность в Рио-Жанейро в 1873 г.: 15.382; в 1886 г.: 12.299.

По оффициальной переписи, произведенной в конце 1890 г., во всей муниципии Рио значилось 48.576 домов и 71.607 семейств, т.е. около полмиллиона (523.000) жителей, считая по 7 человек на каждое семейство[1]. Подобно многим другим столицам, Рио-Жанейро прямо-таки пожирает своих жителей; он утратил бы постепенно всё свое население, если бы постоянная иммиграция из деревень и других бразильских штатов, особенно из Сеары, Пернамбуко и Бахии, а также прилив европейцев целыми тысячами и даже десятками тысяч, не вознаграждали бы её ежегодные потери, нарушая, однако, естественное равновесие между полами, так как в муниципальном городе Рио количества мужчин превышает численность женщин по крайней мере на шестьдесят тысяч. Итальянцы и португальцы составляют главную массу иммигрантов рабочего класса и мелких торговцев, тогда как представителями свободных профессий являются преимущественно англичане, северо-американцы, французы, немцы и швейцарцы. Эта иммиграция имеет настолько космополитический характер, что каждое судно привозит из Европы даже одного или двух «турок», купцов-маронитов, которые торгуют разными материями; по своей ловкости и привычке к торговому делу, а также благодаря своей тесной солидарности, они захватили в свои руки значительную часть разносной и розничной торговли, как в Рио, так и на плоскогорьях.

Жители столицы имеют весьма различное происхождение и в большинстве своем принадлежат к слишком смешанной расе, чтобы в них можно было признать настоящих представителей бразильской нации. Нравы бразильцев имеют мало самостоятельного, представляя сколок с нравов жителей всех больших городов, да и самый тип их никакой индивидуальностью не выдается. В некоторых низменных округах, особенно на севере, в болотистых равнинах, отделяющих Сан-Христован от города в собственном смысле, и на юге, по соседству с лагуной Родригец-де-Фрейтас, господствуют болотные лихорадки, действие которых заметно по изнуренному виду, по сверкающим глазам и осунувшимся лицам страдающих этой болезнью. Среди детей смертность весьма значительна, и чахотка каждый год уносит тысячи жертв. Известно, что с 1849 г. Рио-Жанейро зачастую в течение летних месяцев, а иногда и зимних, подвергается также эпидемиям желтой лихорадки, производящей здесь ужасные опустошения, особенно в торговом квартале, который по бессознательной иронии называется Сауде, что значит «Здоровье»; она, говорят, даже обратилась в эндемическую. Средняя смертность от желтой лихорадки с 1873 по 1886 г.:—1.139; наибольшая смертность в 1873 г,:—3.604; наименьшая смертность в 1881 г.:—38 чел.

Во избежание этой болезни, те жители, которым это позволяют их состояние и занятия, селятся в здоровых предместьях, на возвышенных мысах или даже в некоторых дачных местностях, лежащих в горах, как, например, Петрополис или Нова-Фрибурго, находящихся выше зоны распространения этого страшного микроба. Несомненно, что лучшим средством для борьбы с этим бичем была бы очистка улиц, где система сточных труб крайне несовершенна; в некоторых местах на улицах нет даже мостовой, и они перерезаны рытвинами; но городской бюджет не всегда распределяется соответственно нуждам города, да к тому же страшно ворошить почву нижнего города, откуда выделяются вредные испарения. Зловон-

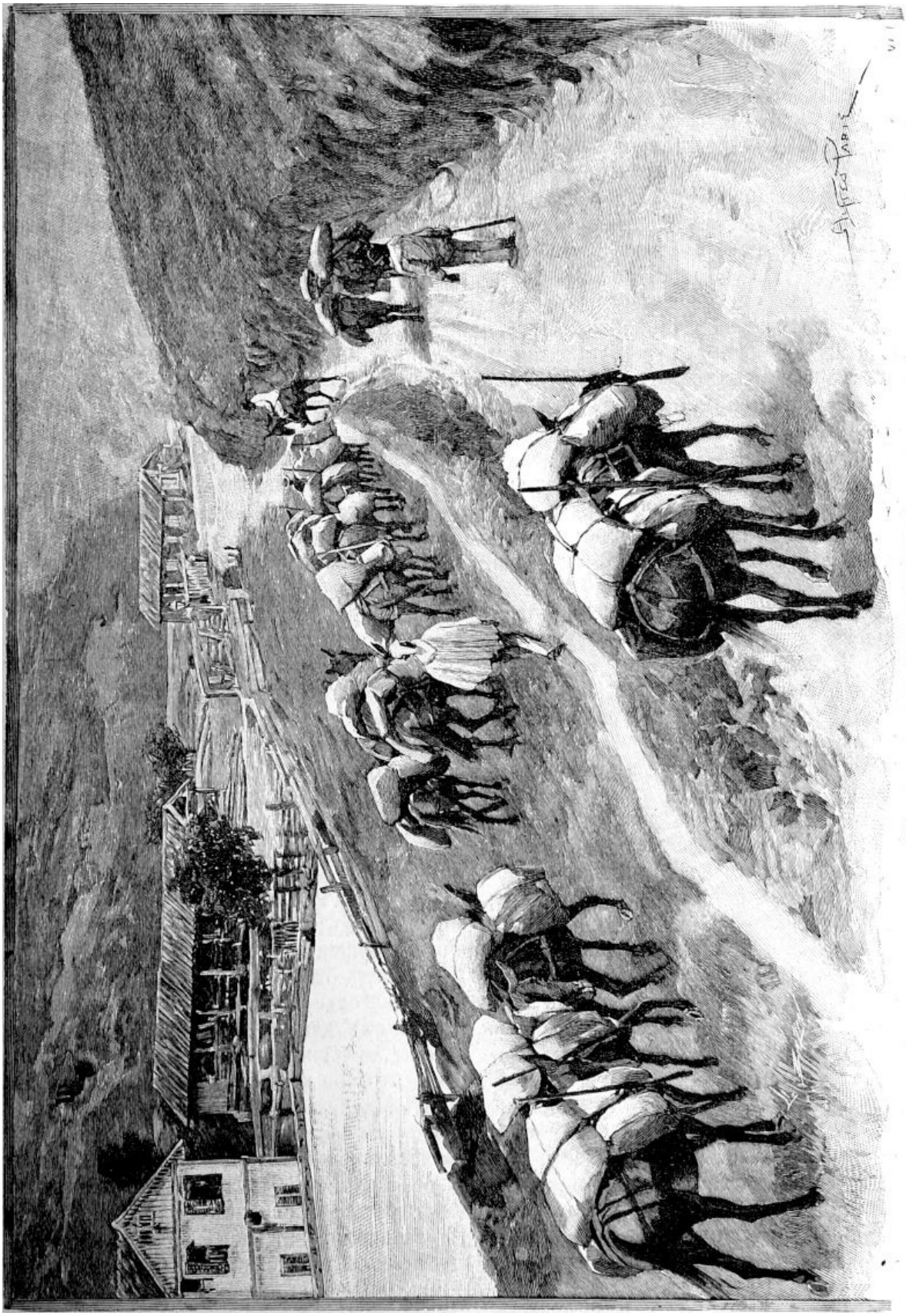
1 Jornal do Commercio, 3 julho 1893.

ный канал, вырытый в 1858 г. для осушения болотистых земель к западу от центральной железнодорожной станции, остается открытым, заражая квартал испарениями своего черноватого ила.

Стена гор, защищающая Рио-Жанейро от морского ветра, препятствует свободной вентиляции города. Несмотря на положение города в непосредственном соседстве океана, деревья и кусты ростут совершенно прямо на улицах-аллеях и в садах, и широкие листья бананов чуть-чуть колышатся под слабым дуновением ветерка, а не разрываются на отдельные ремни, как в других местностях, вполне открытых для ветра. Над городом и над обширной теплицей окрестностей висит тяжелый влажный воздух, недостаточно часто обновляющийся. Жители стараются наверстать недостаток воздуха постройкой таких жилищ, куда свободно бы проходило всякое дуновение ветерка: вместо того, чтобы избегать «сквозного ветра», они прямо ищут его. Магазины тянутся обыкновенно длинными корридорами, куда не проникают лучи солнца, и которые освежаются легким прохладным ветерком. В предместьях виллы изображают собою огромные залы с широкими, высокими окнами, открывающимися на обе стороны и, окутанные зеленью и благоухающими цветами, являются как бы продолжением садов. Все кварталы в изобилии орошаются водою: на каждого жителя здесь приходится около 200 литров воды, но это количество меняется в зависимости от времен года. Снабжение водою города Рио в 1892 г:—125.400 куб. метров в день в течение сырого сезона; 94.285—в течение сухого времени года. В настоящее время, в виду постоянного разростания города, приступили к каптажу новых источников; уже с давнего времени Рио для ежедневного потребления воды пользуется не одним лишь источником Кариока, который получает свое начало в горах, к северу от Корковадо, и входит в город через долину, по прекрасному водопроводу. Рио-жанейрцам часто дают прозвище кариоков, по чистой воде, превосходным качеством которой они любят хвалиться, и которую пили прежде индейские импровизаторы. Окрестные леса, естественные охранители источников, сделались собственностью штата, и правительство запретило эксплоатировать их; но там проложены дороги, между прочим, великолепные аллеи в Тижуке, откуда видна панорама города во всём его блеске. По направлению подземных каналов устроено несколько резервуаров, или *caixas d'aqua*, которые содержатся в отличном порядке и обсажены кустами и цветами. Самый замечательный из них—Педрегульо, близ Сан-Христован, на северо-западе города. Он может вместить до 40 миллионов литров и получает воду из реки Оуро, которая протекает в 50-ти километрах к северу. Особая железная дорога соединяет этот резервуар с одним из внешних кварталов.

Рио не может похвалиться архитектурными памятниками. Церкви, построенные в иезуитском стиле, представляют копии с копий и, за некоторыми исключениями, все городские здания новейшей постройки имеют вид громадных казарм; те же, которым старались придать изящный вид, грешат своей вульгарною орнаментацией. На острове, прежде называвшемся дос-Ратос, против таможенного порта, находится не утилизированный ещё дворец Фискал, прелестное здание из твердого гранита, с орнаментами лепной работы. Находящаяся в самом городе португальская библиотека для чтения выстроена из материала, привезенного из отчизны, и украшена снаружи статуями, напоминающими произведения Батальясского монастыря. Наконец, в банковском квартале, между улицею Оувидор и таможнею, высится ещё недоконченное здание биржи, о грандиозности и великолепии которого уже можно судить теперь. Что касается до обывательских домов, то даже наилучшие из них поражают своею тяжелою архитектурою, введенною здесь ещё первыми португальскими строителями, но изразцовая облицовка, украшающая почти все дома Лиссабона, в Рио совсем не встречается, а между тем она была бы здесь очень кстати, чтобы придать городу чистенький вид. В загородных предместьях многочисленные дачи, хорошо приспособленные к условиям климата, очень красивы, хотя многие из них покрыты штукатуркою под мрамор и аляповатой позолотой. Ни в каком другом городе нет более роскошных бульваров, чем аллеи из стройных пальм ореодокса, возвышающихся во всех садах прямыми колоннами в 20 и более метров; но эти дивные пропилеи из пальм не ведут к зданиям, достойным их великолепия.

Исходя из центра города, промышленность и торговля постепенно захватили и предместья, и уже многие группы тенистых тихих вилл преобразились в шумный торговый квартал. В Рио-Жанейро практикуются всевозможные отрасли промышленности, свойственные

Перевозка руды на мулахъ.

большому городу, но нет никакой специальной. В нём множество бумагопрядильных и ткацких фабрик, литейных заводов, столярных мастерских, строительных верфей. В северной части города и острова Кобрас, по обе стороны морского арсенала, в живой скале Саудских

холмов вырыто несколько сухих доков. Из Рио вывозят главным образом кофе, амбары которого занимают почти весь северный торговый квартал.

Вывоз кофе из Рио: в 1892 г.:— 3.935.614 мешков (по 60 кил.), или 236.137 тонн, ценностью на 200 миллионов франков; в 1898 г.:—3.793.320 мешков.

Значительнейшая часть мануфактурных изделий получается ещё из других мест. Порт Рио-Жанейро ввозит не только для себя и для соседних провинций, не имеющих своих гаваней, но также и для других бразильских портов, служа для них складочным местом, где они запасаются необходимыми товарами каботажным способом; впрочем, этот последний род торговли значительно упал с тех пор, как пароходы, ведущие прямую торговлю с Европой, стали заходить во все главные порты Бразилии.

Ценность заграничной торговли в порте Рио-Жанейро в 1890 г.:—ввоз 167.224.881 мильрейсов, или, считая мильрейс в 2,50 франка=418.000.000 франков. Вывоз: 138.371.433 мильрейсов=346.000.000 франков. Итого: 305.596.314 мильрейсов=764.000.000 франков. Таможенные пошлины дали в 1892 г.: 91.300.155 мильрейсов=119.000.000 франков.

Первое место в торговом обмене с Рио принадлежит Великобритании, затем следуют Соединенные Штаты, Франция и Германия. Из всех судов дальнего плавания, перебывавших в 1892 г. в порте Рио, 507 были английские, затем 152 французские, 117—германские, и уже после норвежского флота следовал бразильский, которому принадлежали всего 40 судов.

Движение судоходства в порте Рио-Жанейро, включая и каботажное, в 1892 году: вошло 2.726 судов, вместимостью в 2.745.604 тонны; вышло 2.626 судов, вместимостью в 2.867.030 тонны; итого 5.352 судна, вместимостью в 5.612.634 тонны. В том числе судов дальнего плавания: 2.566, вместимостью 3.894.894 тонны, пароходов 2.786, вместимостью 4.660.027 тонны. *В 1898 г. (без каботажа): в приходе—1.218 судов, в 2.069.161 тонн, в отходе—1.130 судов, в 1.957.712 тонн.*

Английские суда главным образом привозят каменный уголь. Ввоз каменного угля в Рио-Жанейро в 1892 г.: из Англии—446.722 тонны, из Соединенных Штатов—7.891 тонны.

Кроме мануфактурных изделий, Рио приходится покупать на стороне жизненные припасы, пшеничную муку, рис, вяленое мясо, треску и вина; главный предмет отпускной торговли составляет кофе, вывозимый преимущественно в Северные Соединенные Штаты. Внутренняя торговля ведется почти исключительно посредством железных дорог; впрочем, изредка ещё можно встретить тащущиеся по пыльным дорогам нагруженные караваны мулов.

Количество груза, доставленного центральною железною дорогою на станцию Рио в 1892 г.: 524.110 тонн. Сеть железных дорог, которыми пользуется столица, ещё далеко нельзя назвать полной. Два главных внутренних пути, связывающие Рио-Жанейро с Сан-Паулo и Минас-Жераесом, имеют всего одну линию в 108 километров, которая раздваивается в долине Параибы у Барра-до-Пирахи; а другая окружная железная дорога, которая должна соединить вокруг бухты все расходящиеся линии, далеко ещё неокончена.

Но зато Рио-Жанейро может назваться образцовым городом по удобству внутреннего сообщения. Здесь нет почти ни одной улицы, где бы не проходили рельсы, по которым вагоны возятся или мулами или электрическими двигателями; на главных авеню вагоны тянутся чуть не сплошною вереницею, так что при каждой остановке одного поезда следующим за ним приходится ожидать. Несмотря на то, передвижение происходит с удивительною быстротою; мулы бегают очень скоро, а кучера обладают замечательною расторопностью; в среднем, трамвай делает до 10-ти километров в час. Благодаря преимуществам и дешевизне этого способа передвижения, рио-жанейрцы отличаются большою подвижностью: они вскакивают на ходу в омнибус и, благодаря беспрерывности сообщения, всюду поспевают вовремя; зато редко когда можно встретить бразильца, идущего пешком. Введение омнибусов произвело в населении Рио-Жанейро настоящий переворот: в прежния времена дамы, соблюдая старые обычаи своей родины, редко выходили из дому, и то разве только для оффициальных визитов, которые обставлялись большой церемонией. Омнибус освободил их от этого стеснения, и в то же время демократизировал всё население, поставив негра наравне с

белым и сына раба—с сыном прежнего господина[1]. Как британское изобретение, омнибус сохранил в Рио свое английское название *bond*, происшедшее от слова *bonds*, т.е. «облигации», которые были выпущены при учреждении компании омнибусов. Точно также и паровые паромы, эти морские омнибусы, служащие для сообщения между Рио, Никтероем и другими гаванями бухты, называются английским термином *ferry*, употребляемым в единственном числе.

Длина железных дорог в г. Рио и его окрестностях—350 килом.; парк омнибусов—7.000 мулов; количество пассажиров, перевезенных в 1892 г. в омнибусах Рио и на паровых паромах—60.000.000.

Столица Бразилии с 1763 г., Рио обладает музеями и главными общественными учреждениями республики. Одним из важнейших высших учебных заведений Нового Света считается Медицинская Академия, помещающаяся хотя и в центральной местности, но в стороне от городской сутолоки, у западного основания Морро-до-Кастелло, на том самом полуострове, где вначале был основан город. Она представляет собою группу отдельных построек, которые вскоре будут заменены одним цельным зданием, строющимся близ бухты Ботафого, между приютом и военной школой. Рядом с Медицинской Академией помещается огромный госпиталь Мизерикордия, построенный на том месте, где некогда высадился Магеллан до открытия пролива. Это прекрасное здание, отлично содержимое и рассчитанное на 1.200 больных, ежегодно принимает в свои стены до 12.000 человек, преимущественно иностранцев. Оно принадлежит *irmandade*, или «братству», очень богатому, которое, кроме этого госпиталя, имеет в различных кварталах города и в его окрестностях ещё несколько других, куда принимают исключительно чахоточных или заразных больных. Помимо того, у каждой нации, имеющей своих представителей в Рио-Жанейро, есть свои частные больницы и бесплатные лечебницы.

Политехнический институт, дающий специальное образование инженерам, считается одним из замечательнейших заведений Америки. Кроме того, в Рио имеются: академия художеств, музыкальная консерватория, мужские и женские гимназии, институт слепых и глухонемых, одним словом,—всё, что можно найти во всякой столице. Морское училище устроено не вдалеке от торгового порта, на острове дас-Эншадас, который среди множества судов сам кажется большим судном, стоящим на якоре. Естественно-исторический музей, переведенный в прежний императорский дворец Боа-Виста или Сан-Христован, в северной части города, содержит замечательные редкости, хотя и не может похвалиться строгим порядком в классификации своих коллекций. Главная библиотека, имеющая 200.000 томов, но слишком тесная для своих сокровищ, основана в начале XIX столетия, когда регент перевез сюда книги из дворца Ажуда, очень богатого редкими документами: подобно тому, как и в европейских библиотеках, здесь можно найти инкунабулы (редкие экземпляры из первых времен книгопечатания), манускрипты, собрания оригинальных рисунков и целый ряд сочинений, относящихся до Бразилии; библиотека издает ценные записки. Кроме того, в Рио имеются богатые специальные библиотеки, основанные различными учеными обществами, между прочими—историко-географическим институтом и географическим обществом. Астрономическая обсерватория, издающая ежегодно ученые мемуары, занимает вершину Морро-до-Кастелло, господствуя над живописными развалинами одной древней недостроенной иезуитской церкви. В скором времени эта обсерватория будет переведена на один из пиков Серры-до-Мар, возвышающийся на 1.050 метров над уровнем моря, недалеко от Петрополиса.

Роскошная бразильская флора дала Рио возможность развести прекрасные сады, между которыми особенно замечательны Пассейо-Публико, на берегу моря, Ларго-де-Конститусаон, вокруг которого расположены главные театры, и Ларго-да-Республика, разбитый между старым городом и новыми кварталами, растянувшимися на запад: естествоиспытатель, под наблюдением которого устроен этот парк, с замечательным талантом воспроизвел здесь в миниатюре скалистые группы серры. Другое чудо Рио-Жанейро, это—ботанический сад, поме-

1 E. Altain, „Rio de Janeiro“;—Ch. Morel, „L'Empire du Bresil“.

щающийся по близости лагуны Родригец-де-Фрейтас, у основания горных склонов Гавиа, на столообразной вершине. Сад этот раскинулся на огромном пространстве, более шести сот гектаров; но девять десятых его покрыто ещё непроницаемым кустарником. Собственно сад, довольно уже значительный, занимает шестьдесят гектаров и при этом ежегодно разростается на счет девственного леса, наиболее замечательные деревья которого остаются нетронутыми. Ещё недавно ботанический сад служил только местом прогулок; теперь же он является, кроме того, и образовательным учреждением для изучения флоры, так как содержит около 2.000 видов растений, распределенных со строгою классификацией; сад орошается потоками, бегущими с соседних гор. Среди чащи зелени красуется редкий экземпляр ореодоксы в 20 метров высотою, привезенный из Кайенны беглыми португальцами и посаженный Иоанном VI-ым, в 1806 г.: от этой первой пальмы, завезенной в Бразилию, произошли все те, которые украшают теперь эту страну. Существует проект основать на соседнем морском берегу курорт под названием Гавиа: по плану, он должен иметь 4 километра по фасаду, выходящему на океан.

Кроме своих садов, главный город Бразилии имеет ещё другие красоты: именно холмы и горы, которые выступают среди города, подобно островам среди бухты. Про Рио нельзя сказать, как про Рим или Византию, что он стоит «на семи холмах»; здесь их гораздо более, но точное их количество определить трудно, так как некоторые выпуклости почвы могут считаться или за отдельные пригорки или за простые мысы; к тому же многие из скалистых выступов, обращенные в каменоломни, находятся на пути к полному исчезновению: прочный гранит, как розовый, так и серый с черными крапинами, дает прекрасный материал для постройки зданий. Таким образом от прекрасного гранитного Морро-де-Сан-Диого, находящагося на северной стороне города, осталось не более половины; кроме того, многие холмы были нарочно срыты, чтобы дать Рио лучшую вентиляцию, а с другой стороны, чтобы засыпать береговые болота или маленькия бухточки залива; в настоящее время сносят Морро-до-Сенадо, стоящий почти в центре города; срытая земля будет употреблена для засыпки бухты Прая-Формоза, что соединит материк с двумя бывшими островами, дос-Мелонес и дос-Мосас; этою же землею будет засыпана вся водная площадь в 328 гектаров, имеющая около 3 метров средней глубины, которая тянется от пляжа Сауда к мысу Кажу, на протяжении более 4-х километров. Это даст возможность ещё более раздвинуться коммерческому кварталу. Высота вод у наружной набережной и в защищенном ею доке в 13 гектаров будет не менее 9 метров над средним уровнем моря[1]. По другому проекту, предлагается огородить полукруглой плотиной всё пространство в восточной части города, заключающееся между островом Фискал и военным арсеналом.

Предлагали даже срыть два морро: Санто-Антонио и до-Кастелло; но, если предположить, что эта колоссальная работа будет выполнена, всё-таки останется ещё много горок таких размеров, что у них можно сбить только передние выступы. Со всех сторон горизонт ограничен этими возвышенностями, из которых одни поросли деревьями, другие же возвышаются в виде гладких скал, покрытых черноватыми лишаями. Некоторые из них округлены так правильно, что походят на большой колокол, поставленный на землю; большинство тянутся в виде неодинаковых горбин. На скалистых склонах или на террасах лепятся дома; стены исполосованы прямыми или слегка наклонными линиями дорог и водопроводов. С любого холма открывается чудный вид на город и бухту; но эти дивные панорамы, которым мог бы позавидовать всякий другой город, здесь совершенно пропадают, так как вершины горок (morros) большею частью находятся в частном владении или представляют собою пустопорожния пространства для свалки мусора.

К счастию, главная вершина, господствующая над городом с юго-западной его стороны, именно скала Корковадо, или «Горбун» (710 метров), легко доступна. Вершина этой скалы, состоящая из огромных глыб с округленными контурами, покоится на бороздчатой стене в 300 метров высоты, у подошвы которой расстилаются леса. От предместья Ларанжейрас к

1 Alfred Lisboa, рукописные заметки.

вершине скалы идет через леса колесная дорога, с многочисленными разветвлениями, а также зубчатая железная дорога, имеющая протяжения 4 километра; эта железная дорога, подъемы которой у вершины достигают 30 градусов наклона, пересекает одна за другою три небольшие долины по железным виадукам, висящим над верхушками густого леса, выходящего из глубины долин; пройдя ущелье, где находится промежуточная станция, дорога огибает по самому краю скалы её карниз, возвышающийся над пропастью, в глубине которой приютился Ботанический сад. С вершины взорам представляется великолепная панорама обширного города, с его площадями, колокольнями и куполами, затем лазурная скатерть залива, с стоящими на рейде судами, а дальше—живописные острова и горы. Разнообразное освещение, то яркое солнечное, то серое—от туманов и туч, беспрестанно меняет впечатление, получаемое от этой дивной картины.

Также как на материке холмы, в заливе острова, принадлежащие к той же цепи, составляют лучшее украшение этого города; к сожалению, большинство островов, принадлежащих таможне, военной администрации, морскому ведомству или госпиталям, недоступны для посетителей. Самый большой из них, называемый Говернадор, по имени лица, во владении которого находится, занимает среднюю часть залива, к северу от столицы; некогда здесь был смертельно ранен Эстасио де-Са, основатель Рио, во время сражения с индейцами, союзниками французов. На острове была найдена масса костей и других предметов доисторических времен; жители его имеют черепичные и известковые заводы, вырабатывающие матерьял для построек в Рио. Далее, к северо-востоку расстилается восхитительный остров Пакуета, который, благодаря своим красивым виллам, прячущимся в зелени садов, привлекает к себе массу посетителей; островитяне снабжают Рио рыбой и овощами. Среди островов, усеивающих залив, находится один, который в течение последних трех столетий неоднократно соединялся с восточным берегом материка песчаным перешейком: это—холм Боа-Виажен, или «Счастливого пути», названный так от одной часовни, куда моряки перед отправлением в плавание заезжают помолиться. Она занимает оконечность полуострова, который отделяет Никтерой от его предместья Икарахи. На островке илья-дас-Флорес, лежащем очень близко к берегу, между Никтероем и Сан-Гонзало, находится гостиница для эмигрантов—рынок труда, где плантаторы нанимают «рабочия руки». Случалось, здесь собиралось до 4.000 новоприбывших[1], а между тем гостиница может вместить в себе удобно только немного более тысячи. Иммиграция в Рио-Жанейро в 1892 г.: 327 судов, с 54.507 эмигрантами, из которых 38.820 человек были доставлены на казенный счет.

Несколько городов, удаленных от Рио, также должны быть рассматриваемы как его пригороды; таков, например, Санта-Круц, который находится в шестидесяти километрах к западу от Рио, на ветви центральной железной дороги: здесь столичное общественное управление поместило свои бойни. Два других многолюдных города входят в состав нейтральной муниципии и непосредственно связаны со столицей: это—Жакарепагуа, улицы которого тянутся, на запад от гор Рио, по длинной долине притока лагуны Каморин; и Гуаратиба, занимающий подобное же положение на землях, наклонных к юго-западу, к лиману Марамбая. Но, покрытая низким кустарником или молодняком, равнина, простирающаяся на север от Рио, до самого основания гор, представляет собою одну огромную пустыню. Прежде она была населена гораздо больше: иезуиты и некоторые сановные особы владели здесь большими имениями, которые обработывались рабами и наемными рабочими. Чтобы сделать эти земли пригодными для культуры, необходимо прежде всего урегулировать течение ручьев в равнине и высушить болота, составляющие очаги заразы. Особенно боятся лихорадок, свирепствующих в Макаку[2].

Петрополис, хотя и лежит вне нейтральной муниципии, на северном склоне серры дос-Органос, обращенном к бассейну Параибы, тем не менее принадлежит к той же зоне Рио:

1 Henrique Raffard, „Instituto Historico“. Том LV, 1892.

2Antonio Martins de Azevedo Pimentel, „Subsidios para o Estudo da Hygiene do Rio de Janeiro“.

это—Версаль бразильской столицы. Две тысячи баденцев и баварцев, которых бразильское правительство поселило в 1845 г. около императорской резиденции, могут считать себя счастливыми, живя в такой здоровой местности, и кроме того, по близости летнего дворца, что доставило им такия привилегии, какими не пользовались никакие колонисты в других частях страны. Земли им были отданы по очень низкой цене, или даже с значительными денежными пособиями, и, чтобы облегчить перевозку продуктов, им устроили отличную дорогу, которая идет по карнизам гор, и которую долго называли американским «Симплоном»; дорога эта продолжается до города Жуис-де-Фора, находящагося в штате Минас-Жераес. Кроме того, Петрополис соединен с бухтой и столицей железною дорогою, часть которой, поднимающаяся по южному склону горы, с уклоном 15 сантиметров на 100, и переходящая порог на высоте 835 метров над уровнем моря, построена кремальером. Прежнее немецкое население, смешавшееся уже с бразильскими элементами, завещало жителям более существенное образование, чем то, которым обладают жители окрестных общин; Петрополис играет видную роль в деле народного образования, благодаря своим гимназиям и пансионам, куда бразильские и иностранные семейства столицы посылают учиться своих детей; одно из этих учебных заведений помещается в бывшем императорском дворце. Город за последнее время значительно изменил свою внешность; теперь это уже больше не земледельческая колония, а ряд дворцов, резиденций и увеселительных заведений: здесь живут в своих прекрасных виллах богатые столичные негоцианты и иностранцы, и многие дипломаты исполняют здесь, в безопасности от желтой лихорадки, свои функции при бразильском правительстве. Пивоваренные заводы, наследие немецких колонистов, составляют специальную промышленность Петрополиса. Кроме того, при реке Пиабанхе, ниже великолепного водопада, устроена большая прядильная фабрика, а на окрестных горах виднеются плантации хинного дерева (succirubra).

Город Нова-Фрибурго, находящийся в таких же географических условиях, как и Петрополис, на северном склоне береговых гор, известных в этой своей части под названием серры да-Боа-Виста, первоначальное свое основание получил тоже в качестве колонии. Он существует с 1819 г. В эту эпоху, за два года до того, как Бразилия отделилась от Португалии, из кантона Фрейбурга приехало сюда около тысячи семисот человек швейцарских крестьян, завербованных эмиграционными агентами. Правительство даровало им большие привилегии, а близость приморского города обеспечивала им торговлю местными продуктами их труда. Однако, десять, лет спустя после прибытия колонистов, число их уменьшилось более, чем на треть, отчасти вследствие смертности, отчасти благодаря обратной эмиграции: с середины XIX столетия Нова-Фрибурго стал вполне бразильским городом, как и соседния местности, и в нём оставалось весьма незначительное количество фрейбургских семейств. Жители разводят овощи, скот и живность, которыми они снабжают Рио по железной дороге, спускающейся по наклонной плоскости с их гор к Никтерою. Город Терезополис, который законодательное собрание штата выбрало главным городом, вместо Никтероя, не имеет ещё такого значения, как Петрополис и Нова-Фрибурго: он не имеет ещё железной дороги, которая бы соединяла его с бухтой и с Рио-Жанейро.

По западному побережью, за нейтральною муниципиею следует ряд портов, по глубине и удобству не уступающих порту Рио. Порт Мангаратиба некогда предназначался к роли экспортной гавани для всей верхней долины Параиба, и в виду будущего подвоза к нему продуктов, построили прекрасную дорогу «Симплон», проведенную по бокам гор. Но, с открытием Риоской железной дороги и с отменой невольничества, этот город пришел в упадок, а окрестные плантации большею частью были заброшены и поросли низким кустарником. Во время процветания невольничьего торга, порт Мангаратиба, с соседними бухточками и пляжем, замаскированными косой Марамбая, служил сборным местом, где торговцы неграми заключали сделки со своими клиентами-плантаторами. Ангра-дос-Рейс, лежащий на берегу совершенно защищенного залива, прикрытого со стороны моря высоким островом ильяГранде, есть один из старинных городов Бразилии: с 1532 г. бухта, посещенная Аффонсо-де-Соуза, носит его имя; в её глубоком рейде, защищенном островом Гранде, стоят суда, кото-

рые, направляясь в Рио, должны выдержать известный карантин. Движение судов на карантине острова Гранде в 1892 г. (с 29 июля по 31 декабря): 295 судов, вместимостью 345.362 тонны, с 35.296 пассажирами и 11.841 человеком экипажа.

Далее к западу другой приморский город занимает оконечность залива, к югу от которого выступает дуга очень высокого мыса, превышающего илья-Гранде и составляющего часть той же самой цепи, т.е. продолжение гор Рио-Жанейро. Этот приморский город, Тарати, ведет небольшую торговлю съестными продуктами, рыбой и тафией—известной водкой, дистиллированной из сахарного тростника.

Важнейшие города штата Рио-Жанейро с приблизительным или оказавшимися по переписи 1890 г. населением их «муниципии» в 1892 г., по Фавиллу Нунес:

Рио-Жанейро—523.000 ж.; Никтерой, сиудад,—36.050 ж.; Кампос, сиудад,—26.950 ж.; Рио-Бонито, сиудад,—20.930 ж.; Итаборахи, сиудад,—18.200 ж.; Резенде, сиудад,—15.750 ж.; Сан-Фиделис, сиудад,—14.350 ж.; Барра-Манса, сиудад,—12.230 ж.; Петрополис, сиудад,—12.110 ж.; Пирахи, сиудад,—12.030 ж.; Сан-Педро-д'Алдеа, вилла,—11.870 ж.; Макаку, вилла,—11.280 ж.; Сумидуро, вилла,—10.550 ж.; Вассурас, сиудад,— 9.400 ж.

Все другие города, «ciudades» или «villas», штата, по порядку их важности, Парати, Кабо-Фрио, Барра-до-Парохи, Параиба-до-Суль, Нова-Фрибурго, Валенса, Маге, Кантагалло, Макахе, Ангра-дос-Рейс, Терезополис, имеют менее 10.000 жителей.

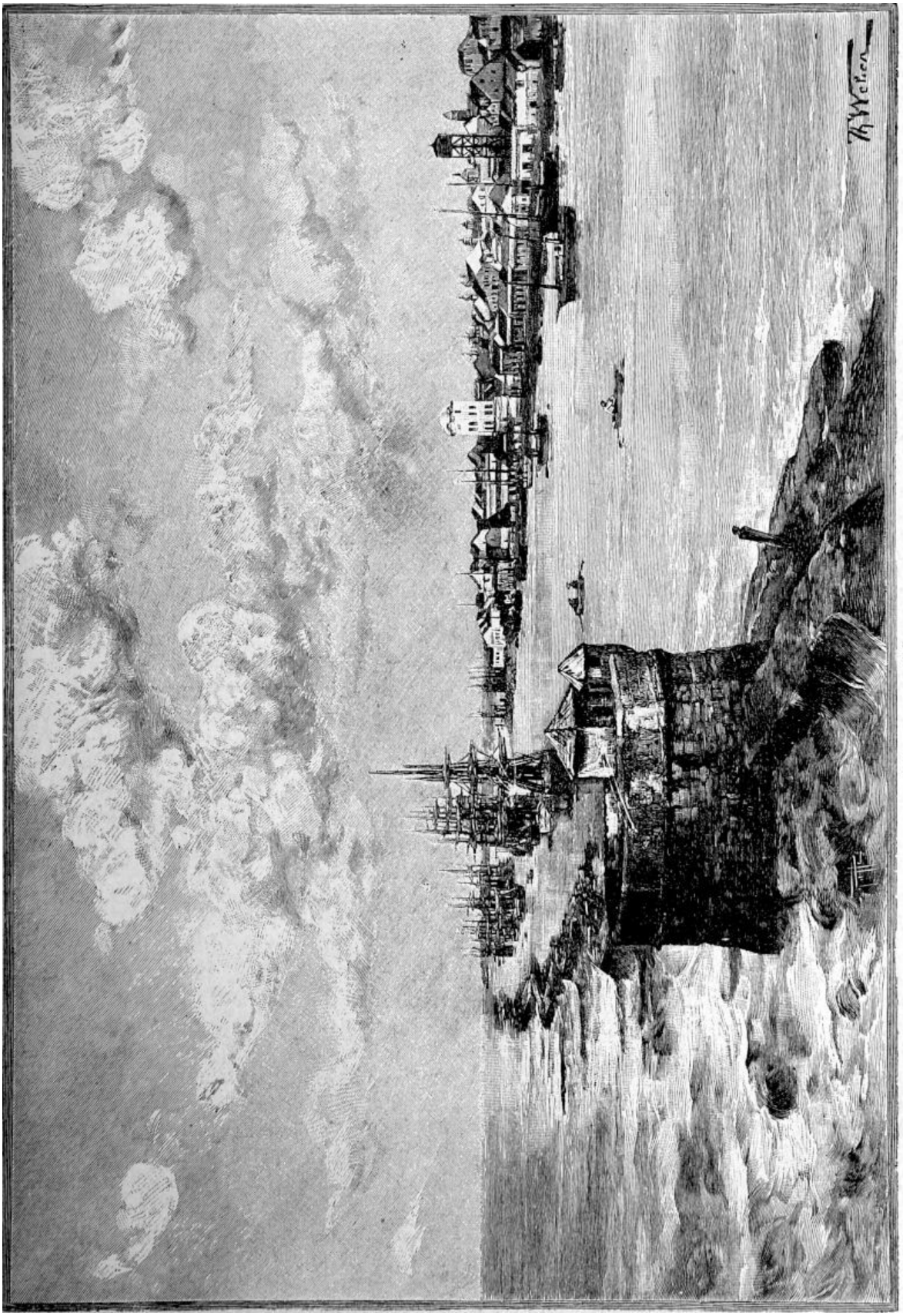
VII. Покатость р. Параны и океанский контр-склон

Штаты: Сан-Пауло, Парана, Санта-Катарина.

Естественная область, покатая на юго-запад, к р. Паране, представляет замечательное единство, несмотря на то, что территория разделена на несколько штатов, и зона истоков неодинаково распределена между Минас-Жераесом, Гоясом и Матто-Гроссо. Это—отрывок плоскогорья, расположенный большою дугою между двумя параллельными линиями—океанского побережья и долины Параны. Остальные границы—следующие: на севере, Рио-Гранде, одна из главных ветвей верхней Параны, а на юге—верхняя долина Уругвая. В юго-западном углу страны, на узкой косе, врезавшейся между Параной и Уругваем, граница между Бразилией и Аргентиной остается неопределенной, но колонизация и не посягает на это оспариваемое пространство. В действительности естественная провинция, которую образуют три штата, не так обширна, как это кажется по карте. Даже в штате Сан-Пауло, значительно более населенном, чем два другие, встречаются большие пространства «неизследованных земель», которые разрезаны верхними притоками Параны на параллельные полосы. Из рассказов разных искателей приключений известно, что эти земли большею частью плодородны и, без сомнения, могут прокормить не одну тысячу жителей: мало-по-малу, из года в год, изо дня в день заселение этого края идет вперёд.

Бразильцы Сан-Пауло отличаются среди всех других жителей республики духом инициативы: можно сказать, что во многих отношениях здесь-то и находится настоящий центр португальской Америки. Не было ли бы гораздо проще устроить столицу не в гидрографическом центре страны, а именно на этом месте, где национальная деятельность проявляется с наибольшею самобытностью и энергиею? Уже в первые времена открытия один колонист, Жуан Рамальо, заручившись расположением индейцев, смело поселился на внутренних плоскогорьях, вдали от моря. В 1532 г., в Пиратининге («Сухой Рыбе»), недалеко от того места, где впоследствии был построен город Сан-Пауло, основался небольшой укрепленный городок, и метисы, говорящие португальским языком, начали мало-по-малу заселять эту страну, группируясь около белых. В 1552 г., между туземцами стали, в свою очередь, расселяться иезуитские миссионеры, которые положили начало первым постройкам Сан-Пауло, счастливого соперника первой колонии—Санто-Андрес-де-Пиратининга. Но между этими

двумя иноземными элементами, т.е. свободными колонистами и патерами, вскоре возникли враждебные недоразумения. Первые, падкие до наживы, порабощали индейцев и заставляли их обработывать землю или добывать золото, тогда как вторые, пользуясь индейцами для

Ресифскій портъ.

своей службы, защищали их от притеснений колонистов и от рабства; обратив их в католическую религию, они не желали, чтобы эти верующие, самые послушные из всех адептов церкви, были притесняемы всякими авантюристами. С другой стороны, когда миссии были

основаны также и на испанской территории, как на португальской, между иезуитами обоих государств, по ту и другую сторону колониальных границ, укрепилась солидарность; при таких условиях, если не считать того времени, когда весь Иберийский полуостров объединился под властью испанского короля,—легко можно было воспользоваться этим международным союзом миссионеров, чтобы обвинить их в измене, когда они стали употреблять энергичные меры и даже наказания против паулистских *bandeirantes*, совершавших набеги в миссии Парагвая и в равнины Боливии. От этого происходила постоянная борьба, в которой миссионеры должны были наконец уступить, хотя их нередко поддерживала верховная власть и постоянно—авторитет папы. Преследователи индейцев пользовались полной свободой и, во время своих экспедиций за этим живым товаром, они переплывали реки и проходили через торы, добирались до самой Амазонской реки и даже дальше до склонов экваториальных Анд. Муратори определяет в два миллиона количество индейцев, захваченных паулистами впродолжении ста тридцати лет.

Ту же самую неустанную энергию, с какой паулисты преследовали индейцев, они применяют теперь к труду, и действительно, начиная с середины истекшего столетия, они превзошли в этом отношении всех других бразильцев. С особенным рвением они занялись культурою кофе, и им-то главным образом Бразилия и обязана своим первенствующим положением, которое она занимает среди всех других наций по производству кофе. Став во главе земледельческой промышленности, паулисты, не будучи односторонними, принялись за развитие другой области труда: сеть их железных дорог считается самою полною во всей Бразилии, а топографическими работами они даже превзошли штаты Минас-Жераес и Рио-Жанейро, по составлению топографической карты, сделанной в сто-тысячном масштабе. Более того—одна экспедиция, состоявшая исключительно из бразильцев, исследуя одну из больших естественных дорог, которая современем свяжет их страну с лаплатскими областями, составила в пятидесяти-тысячном масштабе карту всего течения Итапиринги и Паранапанема; труд этот несомненно превосходит другие подобные же карты, как например, карту Кастельно для Тапажоса и Арагвая, карту Гальфельда для рио-Сан-Франсиско и карту Лиэса для рио-дас-Вильяс. Впрочем, эти картографические работы составляют лишь внешнюю и видимую сторону глубоких изысканий, производимых исследователями по всем отраслям естественной истории.

Наименее известной областью остается бассейн верхних паранских покатостей. Несмотря на превосходство своего климата, на плодородие земель и удобство для проведения дорог, несмотря на значительное протяжение судоходных путей её верхнего бассейна, эта область бразильской Параны не была исследована так же тщательно, как области рек Амазонской, Сан-Франсиско и Парагвая. Большая часть документов, имеющихся об этой стране, которую ожидает такая великая будущность, принадлежат прежним португальским исследователям и бандейрантесам, которые ходили на поиски золотых россыпей. С половины XIX столетия, инженеры, которым было поручено производство изысканий для проведения железных дорог и изучение судоходности рек, покрыли страну сетью своих маршрутов; но эти исследования, имевшие лишь специальную цель, мало способствовали общему ознакомлению со страною и с её обширными земледельческими рессурсами. Серьезные работы по географическому изучению этого края начались только в недавнее время, с тех пор как группы ученых, состоящих при музее в Сан-Пауло и при горном институте в Оуро-Прето, предприняли систематические исследования.

Штат Сан-Пауло один составляет около половины всей паранской территории Бразилии, и по населению своему он значительно превосходит два других штата, взятых вместе.

Пространство и население трех паранских штатов, включая территорию Миссий, на которую заявляет притязания Аргентина:

Сан-Пауло—290.876 кв. кил., 1.500.000 ж., 5,2 жит. на кв. килом.; Парана—221.319 кв. кил., 320.000 ж., 1,45 жит. на кв. килом.; Санта-Катарина—74.156 кв. кил., 250.000 ж., 3,5 жит. на кв. килом.; итого—586.351 кв. кил., 2.070.000 ж., 3,5 жит. на кв. килом.

Санта-Катарина, самый малый из этих трех штатов по занимаемому пространству, но не наименее населенный при равенстве площади, рискует ещё более уменьшиться в своем объеме, так как западную его часть занимает территория Миссий, на которую претендует Аргентинская республика. Эта спорная страна остается нераздельной и почти пустынной с тех пор, как испанцы и португальцы подвигаются всё далее внутрь страны, первые—по низовью Параны, вторые—по побережью. После первого договора, заключенного в 1750 г., смешанная коммиссия занялась разграничением двух «зон влияния», но её работы остались неоконченными, и даже не могли отождествить рек, на которые с той и другой стороны предъявлялись притязания, как на пограничные. В 1777 г., по договору, заключенному в Сан-Ильдефонсо, было решено, что граница пройдет по вершине водораздела между истоками рек, с одной стороны—Пипири-Гуасу, притока Уругвая, с другой—Сан-Антонио, притока Игуассу, и «отделит испанские владения и миссии от португальских». Коммиссары, призванные для разграничения территории, не могли придти ни к какому соглашению по идентификации указанных рек; некоторые из них заблудились в лесах и даже не достигли спорных областей; затем, после восемнадцати лет бесплодных попыток, коммиссия прекратила свою деятельность[1]. Испано-Американские республики наследовали претензии Испании против Бразилии, занявшей место Португалии; но которой из двух республики—Аргентине или Парагваю—будет принадлежать оспариваемый край в том случае, если даже будет признана законность испанских требований? Силою оружия Парагвай был устранен от участия в этой тяжбе. Ранее уже утративший свои «миссии» между Параной и Уругваем, Парагвай слишком слаб для того, чтобы предъявлять свои притязания на оспариваемое владение, так что тяжба ведется только между Аргентиной и Бразилией. В силу договора, заключенного в 1887 г., посредником в этом спорном вопросе избран президент Соединенных Штатов, который обязан решить дело в пользу той или другой стороны, при условии, чтобы оспариваемая территория, заключающая в себе 30.018 кв. кил., отнюдь не была раздроблена половинным делением. *Третейским решением президента северо-американского Союза территория Миссий присуждена Бразилии*. Бразильцы подвинулись наидалее в этой области густых лесов, до Кампо-Ере, за Чапеко, называемый Пиквири-Гуассу у испанских дипломатов. В 1890 г. всё население нейтральной области состояло из двух тысяч человек, имевших более 40.000 голов крупного скота.

Скалы, составляющие рельеф штата Рио-Жанейро, тянутся и по южным штатам республики, только с значительными изменениями в высоте и направлении. Несмотря на свое название, серра до-Мар, или «Приморская Цепь», вовсе не имеет характера горного хребта, по крайней мере на юго-западе массива Бокайна. Перебравшись через склон, обращенный к морю, и через небольшой выступ, образуемый окраиной плоскогорья, путешественник, едущий из Сантоса, попадает в равнину, имеющую видимыми границами одни только отдаленные вершины. Вид растительности сразу меняется: с одной стороны—роскошные и густые деревья тропической зоны, с другой—низкорослые деревца, напоминающие во многих местах ланды северной Германии, а на террасах—великолепные, стройные араукарии, сквозь правильные ветви которых свободно проходит свет[2]. Неудобство сообщения между побережьем и слегка холмистыми землями внутреннего края объясняется не столько крутизною откосов, сколько непроницаемостью лесных чащей: пионеры, расчищающие сабельными ударами извилистые пикады на мысах склона, работают иногда по целым дням, даже неделям, чтобы пробраться на террасы плоскогорья. Хотя краевые морщины правильно продолжаются вдоль всего плоскогорья, но они меняют свои названия соответственно городам или деревням, лежащим у их основания. Возвышающиеся над портом Убатуба горы называются серра Убатуба; между Сантосом и Сан-Пауло их называют серра Кубатао, по одной деревушке, приютившейся среди болотистого кустарника, на берегу одного байю, который огибает

1 Visasoro, „Boletin del Instituto Geographico Argentino“, 1892.

2 John Ball, „Notes of a Naturalist in South America“.

остров Сантос. Высота хребта со стороны побережья кажется везде почти одинаковой. Горы, состоящие из гнейса и гранита и пересекаемые вулканическими массами черного порфира, высятся почти на тысячу метров. Серра-дос-Итатинс, остроконечные вершины которой возвышаются на побережье между Сантосом и Игуапе, достигает, по определению Мушеса, 1.330 метров; следующая далее серра Гуараху по высоте равняется предыдущей, а в штате Парана серра Грасиоза, с сильно иззубренным гребнем, достигает, по исчислению Орвилля Дерби, почти 1.500 метров. Железная дорога, идущая из Сантоса в Сан-Пауло, пересекает серру до-Мар на высоте 799 метров, а Паранагуа-Куритибасская дорога, проложенная ещё выше, перерезывает своим туннелем хребет на высоте 955 метров. В штате Санта-Катарина серра прерывается глубокою долиною Итаяхи, затем продолжается южнее, чтобы образовать великолепные террасы Кампос-де-Боа-Виста и живописные гранитные горы Тубарао, часто сравниваемые с цепью Органос. Песчаник и палеозойский известняк опираются на западе на кристаллические породы серры до-Мар, и страна перерезывается обширными сталактитовыми пещерами, в которых текут ручьи. Золотоносные месторождения этой области, так счастливо эксплоатировавшиеся в XVIII столетии, теперь совершенно заброшены.

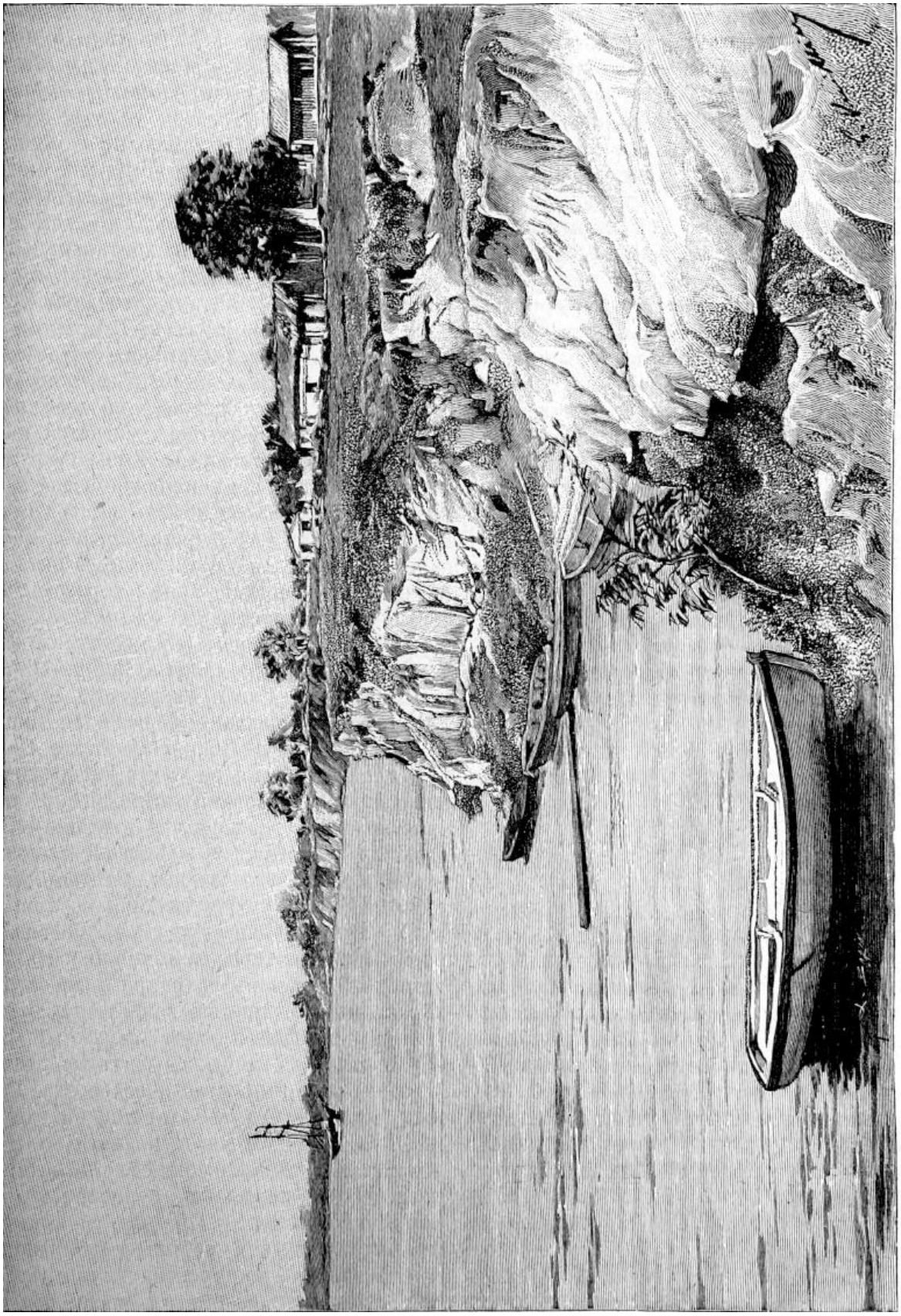
По штату Сан-Пауло, так же, как и в Рио-Жанейро, проходят отроги серры Мантикуейра, которая развертывается внутри страны параллельно серре до-Мар, но не имеет столь же значительных высот. Образовав массив Итатиая, самый могущественный во всей Бразилии, она понижается более, чем на тысячу метров; однако, к северу от Пиндомоньянгабы обширное плоскогорие, известное под названием Кампос-до-Журдан, представляет вершины и пики различной высоты, от 1.500 до 1.800 метров, а одна из вершин достигает даже 1.782 метров. В Морро-до-Лопо, на общей границе штатов Минаса и Сан-Пауло, горная цепь имеет всего лишь 1.655 метров высоты, но зато она наверстывает в широте то, что теряет в высоте, и выделяет из себя к северу многочисленные боковые массивы. Пики, возвышающиеся в соседстве города-курорта Посос-де-Кальдас, и вершины которых достигают 1.600 метров, господствуют над обширным горизонтом гор: можно сказать, что видишь море с огромными окаменевшими волнами[1]. Железная дорога переходит эти горы перевалом в 1.200 метров. Горы Кальдас принадлежат к той же формации, как и массив Итатиая: рядом с гранитом и гнейсом там встречаются фонолит и туф, свидетельствующие о прежних вулканических извержениях.

Серра-Мантикуейра, понижаясь и разделяясь на гранитные эллиптические массивы, возвышающиеся на несколько сот метров над плоскогорьем, меняет свое название. К северу от главного города цепь называется серра-да-Кантарейра: она понижается на пороге, которым воспользовались для линии северной железной дороги, затем образует серру-де-Ярагуа, заимствовавшую свое название от одного из своих питонов (1.100 метров), профиль которого, имеющий форму человеческого лица с резко очерченными контурами, вырисовывается на горизонте, к западу от железной дороги. Затем, к западу и к югу-западу цепь, прорезанная глубокой и широкой долиной Тиете, соединяется, с одной стороны, с плоскогорьями, а с другой, с высотами, принадлежащими к системе серры-до-Мар. Главная вершина, серра Паранапиакаба или «Видимая с Океана», состоящая из метаморфического сланца и гранита, спускается на север длинными склонами, в которых реки паранской системы прорыли себе извилистые долины: там и сям между бассейнами текучих вод выступают волнистые возвышенности, покрытые лесами и называющиеся тоже *serras*, как настоящие горы; их хребты поднимаются на сто или двести метров над долинами. Вершина этих гор унизана скалами с вертикальными откосами, похожими на крепости. Это—остатки вулканических извержений, устоявшие от действия метеоров; но, с внешней стороны, почти на всём своем протяжении, эруптивные массы превратились в «красную землю», *terra-roxa*, дающую обильные урожаи на кофейных плантациях; впрочем, во многих местах эта земля в прежнее время, вероятно, была взрыта водами, так как в ней находят раковины и остатки растений[2]. Цвет этой горно-

1 Orville A. Derby, рукописные заметки.

2Glasiou, рукописные заметки.

каменной породы, представляющей в некоторых местах толщину в двадцать, тридцать и даже сорок метров[1],—более темный красный, чем у *terra vermelha* или *massape*, которая встречается во многих других местах Бразилии, образовавшись от разложившагося гранита.

Видъ на берегу Парагвая.

Сельские хозяева хорошо знают оттенки этих различных почв и по ним регулируют продажную цену.

1 Fr. Leite Guimaraes, рукописные заметки.

На Паранском склоне значительная часть возвышенностей настолько ровна, что заслуживает название *campos*. Впрочем, они меньше отличаются по рельефу, чем по флоре; однако, неровные земли, с резким рельефом, никогда не называются этим именем. Кампосы представляют или травянистые пространства, или покрытые низкой древесной растительностью, составляющей контраст с девственным лесом или *capoeiras*. Так как пожары способствуют расширению поверхности кампосов, то многие писатели,—по всей вероятности ошибочно,—предполагали, что бразильские кампосы, как и миссисипские прерии, обязаны своим происхождением действию огня[1]. Нет сомнения, что эти безлесные области получают количество дождя, достаточное для произрастания деревьев: и это видно из того, что деревья, посаженные редкими здесь культиваторами, отлично ростут и продолжают процветать после отъезда колонистов.

Восточные покатости серры-до-Мар, несмотря на то, что в изобилии получают речную воду, изливают в море лишь весьма незначительные потоки, протекающие по коротким долинам. Между штатами Рио-Жанейро и Рио-Гранде-до-Сул главною рекою на атлантическом побережье является Рибейра-де-Игуапе, верхние притоки которой, начинающиеся на внутренних плоскогорьях, перерезывают глубокими долинами серру-до-Мар. В своем низовье Игуапе близко подходит к морскому берегу и даже выделяет из себя канал, в 5 километров длиною, который соединяемся с лагуной Кананса; но главный поток направляется к северо-востоку и впадает в море в том месте, где берег открыт и совершенно свободен от островков. По нижнему течению Рибейры-Игуапе и даже по её двум притокам, Юквиа и Якупиранге, могут ходить небольшие пароходы.

Поверхность бассейна Рибейры-Игуапе, по вычислению Бауера: 28.900 квадр. километров. Итаяхи, главная река штата Санта-Катарина, значительно уступает Игуапе; но благодаря тому, что она протекает по немецким колониям, которые часто посещались европейскими учеными, она лучше исследована, чем другие реки этого склона.

Известная обыкновенно под названием Серра-абаиксо, или «Подошвы», в противоположность Серре-асима, или «Верхушки плоскогорий»,—узкая полоса низких земель, отделяющая подошву серры-до-Мар от океана, целиком образовалась из морских наносов, которые там и сям покрыты болотами и ручьями. Песчаник океанического происхождения, на котором развертываются песчаные дюны, содержит остатки древесных стволов и корней, очень похожих на стволы нынешних манговых деревьев. Эти наносы ещё в недавнее время несомненно были покрыты морскими водами, и полагают даже, что в этой своей части морское побережье испытывало ряд последовательных оседаний и поднятий, так как берега, содержащие растительные остатки, представляют восемь или десять различных пластов, все горизонтальных, но неодинаковой толщины. Один из этих пластов, состоящий из почти чистого железа-лимонита, превратился в болотистые воды[2]. По словам Карла Рат, всё побережье Южной Бразилии от Рио-Жанейро до Рио-Гранде-до-Сул ныне постепенно поднимается. Прежние индейские курганы и тамбакви, или холмики из раковин, которые во множестве попадаются вдоль побережья, находятся все на 12—25 метров выше уровня моря, а между тем эти кучи, результат лова, были сложены некогда на берегу моря.

Впрочем, теперь уже вполне установлено, что всё южное побережье Бразилии, начиная с Сантоса, подвергалось частым изменениям в своих очертаниях; с одной стороны, море врезывается в континент бухтами и байю, с другой—материк обрамляется илистыми мелями, песчаными стрелками и береговыми валами. Вторжения моря чередовались с захватами со стороны материка. В то время как на севере побережье Сан-Пауло, составляющее продолжение побережья Рио-Жанейро, оканчивается на море каменными утесами, и мысы погружают свои крутые скалы в глубокия воды, а большой остров Сан-Себастиано выступает из моря на 1.300 метр, вершиной своей горы,—берега, развертывающиеся южнее, окаймлены песчаными землями: таким образом, некоторые скалистые острова соединились с материком

1 Alberto Loefgren, „Contribuicoes para a botanica paulista“.

2 Henrique E. Bauer, „Berichte des naturwissenschafilichen Vereins in Regensburg“ 1890.

посредством недавних аллювиальных образований, каковы, например, холмы Сантоса и Санто-Амаро, от прежних проливов которых остались одни лишь неглубокие протоки. Обширная бухта Паранагуа, очень похожая на бухту Рио-Жанейро, и которая, по толкованию этимологов, носит свое прежнее перевернутое название—Гуанабара, т.е. «Бухта», «Морской мешок»,—окаймлена, подобно заливу Сантос, болотистыми землями, чуть-чуть лишь возвышающимися над поверхностью моря. Большой остров Сан-Франсиско, лежащий впереди Жуанвильских лиманов, сохранил свой островной характер, и открытый канал отделяет его ещё от побережья, хотя наружный берег, обращенный к морю, служит точным продолжением континентального берега. Гранитный остров Санта-Катарина находится в подобных же условиях: поднятие в два или три метра соединило бы его с материком посредством перешейка, перекинутого между двумя проливами, северным и южным[1].

Крутому склону территории, обращенному к Атлантическому океану, соответствует длинный контр-склон, спускающийся далеко к реке Паране. Дожди там менее обильны, но зона истечения занимает гораздо более значительное пространство, по которому протекают большие реки, соединяющиеся в обширное разветвление, главный ствол которого составляет лиман Ла-Платы. Одна часть покатости даже обращена к северу, как-будто бы гидрографический бассейн при своем начале стремился соединиться с Амазонской системой. Некоторые из больших рек штата Сан-Пауло, как Тиете, Могигуассу, текут по направлению к северу. Но высоты центрального водораздела окончательно отбрасывают воды на юг и на юго-запад, на встречу к р. Парагваю.

По массе речных вод гидрографическая система Ла-Платы скорее принадлежит к Бразилии, чем к испано-американским территориям, т.е. Аргентине и Парагваю. Если главной водной артерией, по направлению своего течения и по соединению в низких землях с притоками Амазонской реки является река Парагвай, то по количеству катимой воды первое место принадлежит бразильской Паране. Хотя она не идет по оси главной долины, но тем не менее получает с прилегающих к Атлантическому океану хребтов самые обильные и многочисленные притоки и развертывается в длину гораздо больше, чем Парагвай; в этом отношении Парана соответствует Северо-Американской Миссури, тогда как в южной речной системе Парагвай уподобляется Миссисипи.

Главный исток Параны или «Реки» носит не то название, которое река получает ниже, и даже невозможно указать, которая из её главных ветвей, Корумба, Сан-Маркос или Паранаиба, имеет право на первенство[2]. Эта последняя река начинается в наиболее отдаленной от речной оси части бассейна и течет по направлению к северу, образуя веер с Сан-Франсиско. Ещё незначительным потоком, она поворачивает сначала на северо-запад, затем на запад, и соединяется с Сан-Маркосом, идущим с севера. Далее, в 200 километрах ниже, излучистый поток сливается с многоводною Корумбою, вытекающей из каменистых оврагов, над которыми господствуют бразильские Пиренеи; рио-да-Мея-Понте и рио-дос-Бойс, получающие свое начало, вместе с многочисленными притоками, на той же самой водораздельной возвышенности, способствуют увеличению водной массы Параны; тогда как с другой стороны в неё несет свои воды река, называемая рио-дас-Вельяс, как другая, более известная река, принадлежащая к бассейну Сан-Франсиско; приток этот сам получает свои воды с гор Канастра и Мотта-де-Корда. Река Парана представляет уже собою большую реку, когда принимает в себя многоводную рио-Гранде, которая начинается на плоскогорьях Минас-Жераеса, в главном узле речных истоков Восточной Бразилии.

Рио-Гранде, самая обильная из всех ветвей верхней Параны, отличается от последней гористой природой своего верхнего бассейна. Главный её исток начинается в массиве Итатиая, на высоте более 2.500 метров над уровнем моря. Рио-дас-Мортес, Сапукахи, её северные притоки, тоже текут по скалистым и холмистым местностям; но рио-Пардо, орошающая южную часть плоскогорий Сан-Пауло, представляет более правильное течение. Протекая по

1 Varnhagen, „Historia geral de Brazil“.

2 Orville A. Derby, „Contribuito para o estudo da Geographia physica do valle do rio Grande“.

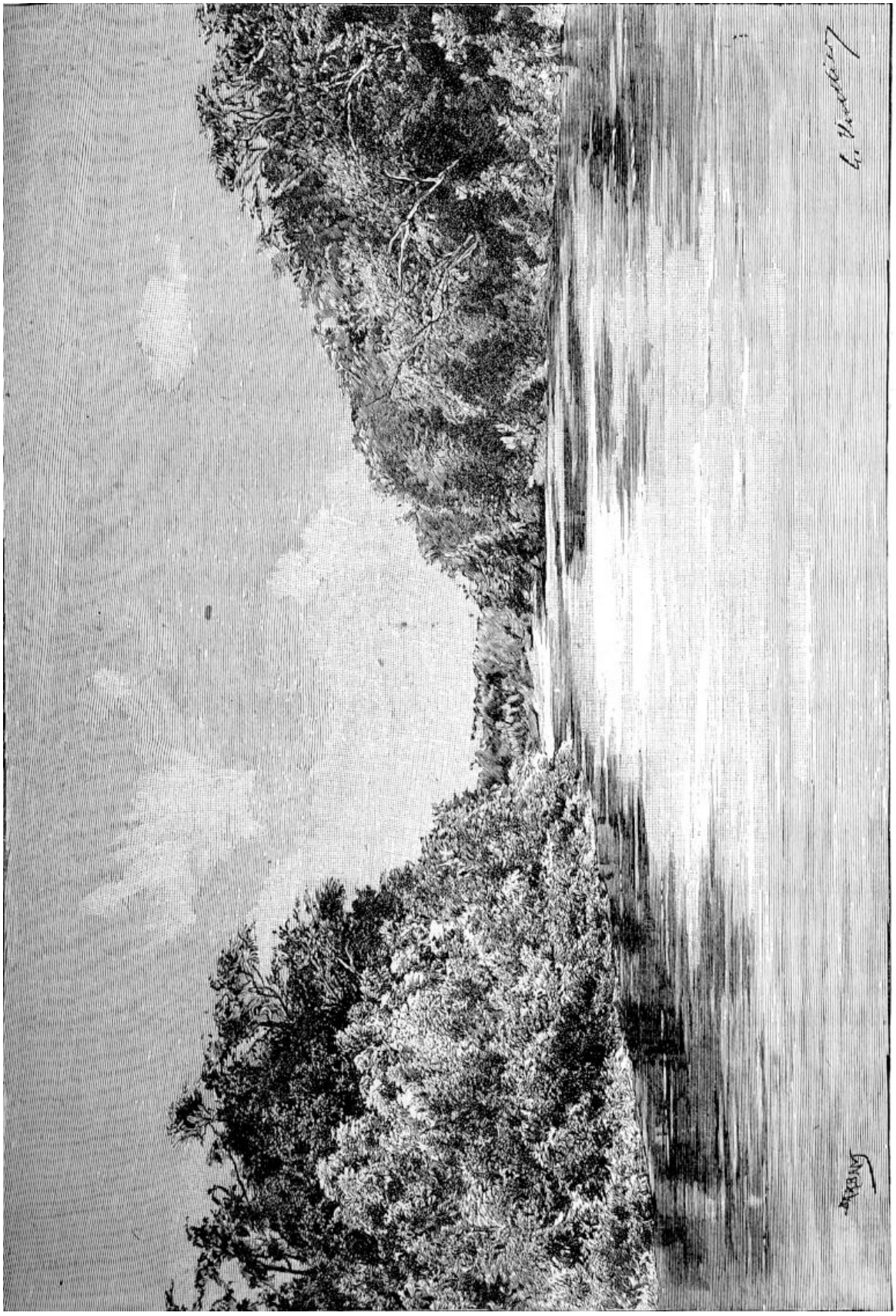
очень наклонной области, рио-Гранде в своем верхнем течении или вовсе не судоходна или местами дает проход только баркам; течение её прерывается многочисленными водопадами, из которых многие представляют величественное зрелище: таков, например, водопад Марибондо, находящийся ниже слияния с рио-Пардо; в этом месте водная масса, уже достаточно могучая, низвергается с высоты 20 метров. Другие каскады были постепенно уничтожены разрушением скал, которые заграждали течение: так были постепенно разъедены сланцовые глыбы, которые загромождали реку южнее Уберабы; теперь там остаются одни только массы крепкого кварца, образующие целые островки поперек реки; инженеры соорудили через рио-Гранде мост почти в 400 метров длины, двадцать пять быков которого опираются на выходящие из воды выступы скал.

Пардо и его приток Моги-гуассу, а также и река Тиете, текущая южнее, параллельно рио-Гранде, судоходны в своем верхнем течении, отчасти благодаря более ровному руслу, отчасти вследствие искусственного углубления его. Моги-гуассу, протекающая по области цветущих кофейных плантаций, представляет, на протяжении 230 километров, сплошной судоходной канал, где незначительные пороги устранены искусственным продолжением и выравнением их скатов посредством боковых плотин. Тиете—один из всех притоков Параны начинается у самого Атлантического океана: иные из его истоков находятся всего лишь в двенадцати километрах от морского побережья, но выше его на тысячу метров. Верхние ручьи, соединившись в бывшем разветвляющемся озере, которое, захваченное растительностью, обратилось теперь в торфяник, образуют уже значительную реку под «Большим Мостом» в Сан-Пауло. Тиете, соединенная железными дорогами с портом Сантос, способствует до некоторой степени установлению торговли в недавно ещё совершенно пустынных областях паранских кампосов; однако, два высоких водопада, Аваньяндава и Итапура, заграждают судоходство в нижней части реки. У водопада Аваньяндава, Тиете наискось пересекается скалою, шириною около 150 метров, и водная масса, только-что миновавшая порог, падает широкой пенистой пеленою с высоты 13 метров; в салто-Итапира, лежащем немного выше слияния, воды низвергаются с высоты 20 метров несколькими водопадами, между неровными столбами, осененными высокими араукариями. В нескольких километрах выше слияния, Парана сама образует большой водопад «Ястреба»,—Урубупунга.

Ниже впадения Тиете, Парана усиливается несколькими реками, из которых самые обильные приходят с восточного, пологого, ската. По западному, более крутому, склону спускаются довольно значительные реки, однако, уступающие рио-Гранде и Тиете: Сукуриу, рио-Верде, рио-Пардо, Ивинхейма. Этот последний приток соединяется с Параной немного ниже впадения в неё Паранапанемы, верхние притоки которой начинаются по соседству с Атлантическим океаном, на западной стороне уступов, спускающихся к морю. Около половины речного бассейна, общим резервуаром которого служит нижняя Паранапанема, остается неизвестною местностью, и, хотя Сан-Пауло является в некоторых отношениях первенствующим штатом, благодаря своим естественным преимуществам, также как географическому обследованию его территории, обширное треугольное пространство, почти в 75.000 квадратных километров, заключенное между Тиете и Паранапанемой, носит на картах название *Zona desconhecida* («неведомый пояс»),

Паранапанема, т.е., по объяснению некоторых этимологов, «Безполезная река», вполне заслуживает это название, благодаря своим порогам, запрудам из камней и водопадам, которые прерывают её течение в местах скрещивания всех скалистых кряжей. Один очень высокий водопад, сальто или кашоейра Гранде, перерезывает её русло ниже рио-Пардо, нынешней границы колоний: в этом месте река, несущая тридцать кубических метров воды в секунду, низвергается с высоты десяти метров в огромный кипящий котел, из которого вода вырывается через узкую щель. За этим сальто-Гранде следуют другие водопады, так что судоходство может начинаться только книзу от впадения реки Тибаги; отсюда и можно бы было утилизировать этот судоходный путь для сообщения между прибрежными штатами и Матто-Гроссо. Мелкие суда спускаются по Паранапанеме до места слияния её с Параной, на

высоте 258 метров, затем плывут по течению реки до устья Ивинхеймы, по которой они поднимаются до Миранды, на склоне Парагвая. Вся длина этого судоходного пути равняется 707 километрам.

Видъ на берегу Пилькомайо.

Реки Ивахи, Пиквири, текущие параллельно Паранапанеме, впадают ниже её в Парану, которая по своим высоким скалистым берегам, клюзам и порогам принадлежит ещё к области плоскогорий. Но в горах открывается проход, чрез который она спускается в равнину.

Серра-Маракажу (Мбаракаю), служащая границей между Бразилией и Парагваем, простирает свои передовые отроги по направлению с запада на восток и суживает речное русло, которое выше расстилается в виде озера, шириною в несколько километров, обнимая своими двумя рукавами большой остров. Достигнув края скалы, образующей преграду, Парана низвергается по очень крутой, но не вертикальной, стене несколькими водопадами в 15—18 метров высоты, различающимися между собою расположением скал и растительностью, а также массой и толщей воды. Обыкновенно эти водопады называют *Sete Quedas* (по-испански *Siete Caidas*), но это название «Семь Водопадов» вовсе не показывает точного числа их, так как при низкой воде река разделяется на многочисленные частные потоки, иногда на двадцать и более, тогда как во время половодий могучая водная масса, покрывающая все выступы скал, низвергается между двумя берегами одною сплошною пеленою. Стволы плывших по реке деревьев, приметные на различных высотах в извилинах берегов, указывают из сезона в сезон последовательные уровни падения. На полукруге, образуемом общею массою низвергающихся вод, там и сям выступают группы араукарий, растущих на острове и его островках. В 1631 г., когда верхне-паранские иезуиты принуждены были покинуть свои миссии в Гуайра, они потеряли в этих водных пространствах, выше и ниже водопадов, более трехсот своих судов. С этого времени Сете-Кедас стали называть также водопадами Гуайра.

Ниже Семи Водопадов река течет ещё быстринами, которые крайне затрудняют плавание лодок вверх по течению; после этого Парана мало-по-малу успокаивается. В этой части своего течения она принимает свой последний большой приток, называвшийся прежде рио-Гранде-де-Куритиба, но более известный под гуаранским названием Игуазу (И-гуассу). Протекая параллельно Паранапанеме, Тиете и другим значительным бразильским притокам Параны, Игуассу тоже пересекается водопадами, с соответствующими уступами, и кончает свое течение у каскада Виктория, представляющего, подобно Семи Водопадам, обширный полукруг водопадов с декорацией из скал и араукарий: самый высокий из них имеет 60 метров. Плывущие вверх или вниз по Паране, уже на расстоянии 8 километров, слышат непрерывный гул водопада. В этом месте бразильское правительство устроило военный пост и арсенал для контроля за судоходством по всему нижнему течению Параны до аргентинских вод. В 1542 г. знаменитый завоеватель Альвар Нуньес, «Коровья Голова», первый исследовал этот путь во время своего полного приключений путешествия из Бразилии в Парагвай[1].

Ниже Игуассу, Парана, освобожденная от каскадов и опасных порогов, течет по узким клюзам: таково—ущелье Итангуайми, где река, достигающая в некоторых местах четырех и пяти тысяч метров ширины, суживается до 140 метров[2]. Ещё ниже Парана окончательно расширяется и, оставив свое направление, параллельное океанскому побережью Бразилии, как бы для того, чтобы соединиться с нижним течением Уругвая, направляется к западу и омывает своими желтоватыми водами низкие острова, рассеянные между болотистыми берегами. В том месте, где она встречает осевую реку бассейна, Парагвай, она катит, сплошь и рядом, в десять раз большее количество воды, чем её соперница.

Климат Сан-Пауло, Параны и Санта-Катарины, областей с узким океанским побережьем и с обширными неровными плоскогорьями, имеющими отлогий склон внутрь страны, походит в общем на климат Минаса, с той лишь существенной разницей, что эти страны, лежащие отчасти на юге, вне тропической зоны, представляют более резкий контраст во временах года, смотря по расстоянию солнца от зенита. Зимы в Сан-Пауло и особенно в двух более южных штатах могут вполне считаться настоящими зимами, характеризующимися значительным понижением температуры, резкими холодными ветрами полярного происхождения, падением термометра ниже точки замерзания, а иногда даже и выпадением снега. Но главный контраст проявляется не между севером и югом, а между востоком и западом, в зависи-

1 Theodoro Sampaio, „Consideracoes geographicas e economicas sobre o rio-Paranapanema“.

2 Demirigo Parino, „Bulletin de la Societe de Geographie“. Август, 1868.

мости от высоты. Береговая зона, лежащая у подошвы гор, принадлежит ещё отчасти к жаркой области и продолжается к югу подтропическими странами, напоминающими Италию, как климатом, так и иссечениями и зеленеющими возвышенностями морских берегов. Другая, параллельная, зона, именно зона «Серры» или «горная», отличается от береговой более низкой температурой; но она находится ещё под непосредственным влиянием моря, откуда получает ветры и дожди: летом почти ежедневно в Сан-Пауло дует юго-восточный ветер, вызываемый притоком на плоскогорья более теплого берегового воздуха. Внутренняя зона или *campos*, значительно более широкая, представляет нормальные условия континентального климата с его термометрическими крайностями: годовая разница температуры при значительных отклонениях доходит до 30—40 градусов. К западу от холмов, служащих продолжением серры Мантикуейры, летние жары и зимние холода гораздо сильнее, чем в двух восточных зонах; туманы, очень распространенные на высотах, господствующих над береговою областью, редко проявляются в этих западных странах, исключая только болотистых мест и берегов рек.

На кампосах, которые постепенно захватываются культурою, морозы бывают очень сильные: поля зачастую покрываются инеем, а эти ночные холода сменяются дневною жарою, которая достигает, а иногда даже превышает 30 градусов. Наблюдения, сделанные в 1886 году в Итапетининге, в верхнем бассейне Паранапанемы, констатировали 14 морозных дней в течение шести зимних месяцев, с мая по сентябрь. Морозы бывают главным образом после сильных дождей, когда небо, очень ясное, способствует свободному лучеиспусканию, но констатировано, что для полей в самых высоких частях плоскогорья эти морозы не опасны. В лощинах, где царит полное затишье, кофейные плантаторы живут в постоянном страхе за свою жатву, которую мороз может сгубить в одну ночь; между тем, на триста и четыреста метров выше, на вершинах Бататаеса и Франса, расположенных на высоте тысячи метров над уровнем моря, кофейная культура не страдает от морозов[1].

Влияние рельефа и расположения почвы на выпадение дождей весьма ясно выражено в дождевых измерениях, произведенных в провинции Сан-Пауло. В то время, как в Сантосе количество выпавшей воды, определенное в 1867 году почти в 3 метра, на хребте соседних гор превышало 4 метра, в Сан-Пауло, на противоположном склоне, оно не достигало даже 1 метра. Впрочем, в обыкновенные годы контраст бывает не столь резкий. Горы, заграждающие Сан-Пауло со стороны моря, не настолько высоки, чтобы задерживать дожди. Здесь насчитывают 150—190 дождливых дней в году, к которым нужно прибавить ещё 40—127 туманных дней[2]. Что касается до среднего направления ветров, то оно довольно однообразно; ночью и утром преобладает юго-восточный морской ветер, а вечером— северо-западный, материковый. Поэтому Сан-Пауло, хотя и лежит на плоскогорье, но имеет полуморской климат: несколько километров далее климатические условия значительно меняются.

Метеорологические условия некоторых городов при-паранских штатов:

	Широта	Высота	Средняя температура	Дожди	Дожд. дни
Сан-Пауло (за 5 л.)	23°33'	740 м.	18°,3 (31°; —0°,7)	1м,38	152
Кампинас	22°58'	660 м.	19°,8 (33°,1; —2°,3)	1м,45	171
Итапенинга	23°35'	647 м.	18° (32°,3; —1°,05)	1м,376	?
Блюменау (за 7л.)	26°55'	50 м.	21°,6	1м,103	113

Линия одинакового магнитного склонения проходит в штате Сан-Пауло, отклоняясь постепенно к западу; в 1885 г. она достигала побережья выше Игуапе, в небольшом расстоянии к западу от Сантоса.

Когда проходишь по Кампосам в зимние месяцы, т.е. в июне, июле и августе, голые деревья, высохшая трава, лишенная цветов, придают им печальный вид; но после первых же дождей природа сразу оживает, и как бы по мановению волшебного жезла появляются зеле-

1 Theodoro Sampaio, цитиров. сочинение.

2 Alberto Lofgren, „Dados climatologicos do anno de 1890“.

ные верхушки новых растений, даже блестящие венчики. На полях распускаются различные цветы, и смотря по сезонам, они принимают окраску преобладающих растений, то голубую, то желтую или красную[3]. Лефгрен исчисляет в две тысячи количество всех растительных форм, встречающихся на кампосах Сан-Пауло. Характерным деревом на высотах, отделяющих бассейн Параибы от Тиеты, является *araucaria paranensis*. Сначала она показывается одинокими экземплярами, но, встречая благоприятные условия для своего развития, по мере приближения к умеренной зоне, она всё более и более разростаетсяи в южном Сан-Пауло, на холмистых плоскогорьях, уже характеризует пейзаж: со всех сторон видны великолепные канделябры араукарий, вызвышающиеся над однообразной линией лесов.

В при-паранских штатах скрещиваются две большие области Южной Америки—тропические сельвасы и лаплатские кампосы. Густой лес деревьев тянется по всему побережью и океанскому склону гор; он простирается за пределы береговых возвышенностей, покрывая долины и берега рек, спускающихся к Паране; он образует даже острова зелени, противопоставляющие колонистам трудно одолимую преграду. Однако, его истребляют топором и огнем, так как лучшие земли именно те, которые покрыты самым высоким и густым лесом; и плантаторы спешат воспользоваться ими, заменяя кофейным деревом эти лесные породы, которые во всякой другой стране имели бы такую высокую ценность. Во многих местах, однако, слишком поспешили вырубить лес: худо расчищенные земли были заброшены после рудиментарной культуры, и новый лес, состоящий из других древесных пород, вырос на месте первобытной сельвы: *capoeira*, менее красивый, менее живописный, чем девственный лес, но недоступный, благодаря его непроходимым тернитым чащам, куда отваживаются забираться только тапиры, да преследующие их охотники.

Лесная область от побережья распространяется внутрь страны; напротив, изнутри к побережью выдвигаются параллельными зонами травянистые области кампосов, мало отличающиеся по виду и растительности от пампасов. Паранские кампосы покрыты большею частью невысокими деревьями, теряющими свою листву в течение сухого времени года; но огромные пространства вовсе не имеют древесной растительности, отчасти оттого, что густая трава не дает росту древесным стволам, отчасти вследствие периодических пожаров, которые истребляют деревья. Но низкорослые формы являются здесь в большом разнообразии видов, напоминая своим видом растительность лаплатской пампы и даже андской пуны[1].

Фауна южных штатов представляет такие же контрасты, как и их флора. В Сан-Пауло и Паране водятся ещё обезьяны, коати, двуутробки, заморские свинки, ленивцы, муравьееды и тапиры; в реках живут также черепахи и крокодилы; колибри и блестящие бабочки кружатся в воздухе среди цветов. Нанду, лаплатский страус, исчезнувший уже в Северной Бразилии, встречается ещё довольно многочисленными группами в паранских кампосах; но долго ли он избегнет зубов собаки и ружья охотника? Вскоре американский страус станет несомненно такою же мифическою птицею, как и многие другие исчезнувшие виды. Его будут считать каким-то сказочным животным, созданным народною фантазиею. По единогласному свидетельству туземцев, в области водораздела источников Параны и Уругвая существовал огромных размеров «червь»,—вероятно змей,—который, ползая в болотистой земле, вырывал с корнем деревья[2]. Эта легенда указывает на остаток того «змеинаго» культа, который находим в начальном периоде всех обществ.

Побережье южных штатов очень богато до-историческими памятниками индейскаго происхождения: там целыми сотнями находили горки из раковин, сходные с такими же горками европейского побережья и заключавшие в себе также обделанные камни и другие произведения первоначальной промышленности. Эти кучи, происхождение которых современные рыболовы приписывают действиям потока, известны у бразильцев под гуаранским

3 Alberto Lofgren, „Contribuicoes para a botanica paulista“.

1 Alberto Lofgren, цитирован. сочинение.

2 Fritz Muller, „Nature“, 21 февр. 1878.

названием—*tambaqui*, или, как обыкновенно говорят, *sambaqui*, что значит «устричники». Эти искусственные холмики действительно состоят большею частью из раковин, особенно из *babirgoes* (tellina antediluviana). Открытые там человеческие скелеты, принадлежащие, впрочем, к весьма различным типам, были найдены в сидячем положении, а подле них лежали предметы, служившие покойнику при жизни,—оружие, сосуды, украшения и различные орудия. Материал, из которого они сделаны, неодинаков: почти все каменные инструменты сделаны из базальта, но есть также из порфира, кварца и метеорического железа. Самбакви принадлежат несомненно к отдаленной эпохе, так как многие из них скрыты под наносами, оставленными прежними потоками, и в них пустили корни большие деревья девственного леса. Сумма труда, потраченного на сооружение этих холмиков, по-истине, изумительна, так как можно встретить кучи в 100 метров ширины и 15 метров высоты. О величине этих огромных отложений можно судить по тому, что впродолжении двух или трех веков такие города, как Рио-Жанейро, Анградос-Рейс, Сантос, Паранагуа, и даже другие города, расположенные на двадцать миль внутрь страны, пользуются известью из самбакви, в которых этого материала всё ещё остается довольно много. На плоскогорьях возвышаются также многочисленные могильные курганы, известные в этой стране под совершенно верным названием sepulturas velhas (старые могилы); земля, из которой они состоят, всегда отличается от первобытной почвы. Некоторые из них сооружены из камней, и в этом случае материал был взят из какой-нибудь отдаленной пещеры.

По форме большинства черепов, найденных в древних могилах, и по открытым в них предметах, можно заключить, что до-исторические аборигены принадлежали к той же расе, как тупи и современные гуарани; впрочем, натуралист Лефгрен нашел в одном тамбакви, расположенном в 9 километрах на запад от Сан-Винценте, череп, тождественный с теми, которые Лунд исследовал в пещерах Лагоа-Санта. Когда первые европейцы прибыли в страну, то господствовавшая там нация тамойосов была очень могущественной и, по её инициативе, был заключен союз между всеми береговыми племенами, для совместного сопротивления португальцам. Эти последние были бы наверно истреблены, если бы иезуитские миссионеры Нобрега и Аншиэта не отправились самоотверженно просить мира у индейских воинов, совет которых собрался в одной прибрежной деревне, около нынешнего города Убахуба. Другие туземцы прибрежной области, гояназы, итатины, питуруна, гуаньянари, карижосы, слились с остальным населением, которое в настоящее время очень быстро смешивается с самыми разнородными элементами. Итальянцы толпой переселяются в Сан-Пауло и во многих округах составляют уже главный этнический элемент. Вместе с ними прибывают представители всех европейский наций, включая также цыган, восточных евреев и сирийских маронитов. Эмигранты из Минас-Жераеса направляются к областям кофейных плантаций в Паулo. В общем, паулистский тип слывет в Бразилии самым красивым. Пословица говорит, что отличаются красотой: в Бахии—elles nao ellas (только мужчины); в Пернамбуке—ellas nao elles (только женщины); а в Сан-Пауло—ellas e elles (и мужчины, и женщины)[1].

Раздробленные на бродячия племена, туземцы паранских штатов не имеют ни малейшей солидарности в своей борьбе с белыми и погибают в отдельности. Те, которых иезуиты сгруппировали в миссии Гуайра, чтобы обратить их в христианскую веру и сделать их своими преданными слугами, исчезли первыми. Тщетно иезуиты старались защитить свою паству от охотников на человека. Эти последние, нападая на мирные племена, утратившие уже всякую инициативу и приучившиеся больше петь гимны и читать молитвы, чем отражать нападения неприятеля, возвращались на восточные рынки почти всегда с полным грузом добычи, с целыми сотнями, даже тысячами пленных: с начала первых набегов в 1628 г., в течение десяти лет, были уничтожены целые приходы. Иезуиты должны были бежать, и в 1641 г. отец Монтоя перевез остатки своей паствы на берега нижней Параны, в территорию, называемую и до сих «Миссиями». Это ужасное бегство стоило жизни половине всех обращенных: после резни, массовых потоплений, изнурительного странствования, от них оста-

1 Spix und Martius, цитированное сочинение.

лось лишь двенадцать тысяч[1]. В последнее время в туземном населении замечается некоторое возвратное движение. Оттиснутые увеличивающимся приливом аргентинской колонизации, индейцы чуарани, пришедшие с юга, двинулись обратно к верховью Параны: некоторые семьи, иммигрировавшие из Парагвая, живут в западных лесах штата Сан-Пауло и работают в качестве судовщиков и перевозчиков товаров по реке; но они не группируются деревнями вместе с белыми, да и от туземцев тоже держатся особняком.

Дикари, уцелевшие в этих областях лесов и кампосов, обозначаются обыкновенно бразильцами общим названием «бугров» (Bugres, Bougres), которым заклеймили туземцев первые французы, высадившиеся на этом побережье. Они принадлежат к трем различным семействам: шавантесам, каюа или кайова и короадосам. Неизвестно, родственны ли шавантесы с одноименным народом, живущим на берегах Арагвая и Токантина: их соседи короадосы называют их также курутон, т.е. «неодетые», «голые»[2]. Очень некрасивые, почти черные, они ведут самое жалкое существование, не имея ни хижин, ни даже шатров: они довольствуются шалашами, сделанными из пальмовых прутьев, острые концы которых воткнуты в землю, а верхние связаны вместе; такой примитивный шалаш вмещает в себе обыкновенно двух лиц. Паулистские шавантесы совсем не обработывают земли, а питаются растениями, корнями, ящерицами и крысами; в сухое время года они поджигают саванны и убивают прутьями мелких животных, спасающихся от пожара; иногда они по целым дням копают землю, отыскивая мед одного маленького вида пчел, пользуясь при этом простым куском железа, который при случае украден у колонистов.

Каюа, живущие, в количестве около трех тысяч, в бассейне Паранапанемы, в штатах Сан-Пауло и Парана, по всей вероятности, происходят от тупи; их язык абанхеенга очень мало отличается от *lingua geral*. Многие семейства этого племени присоединились к белым и участвуют в их работах, но говорят, что каюа очень подозрительны, и колонисты должны быть постоянно настороже, чтобы ничем не оскорбить их. Эти индейцы, оставшиеся свободными,—отличные лодочники и неустрашимые пловцы, умеющие с замечательною ловкостью обходить речные водопады. Кроме того, они занимаются тканьем материи из волокон крапивы и выделывают из неё прекрасные одеяла. Наконец—они славятся своими гончарными изделиями, и им не чуждо также земледелие: они возделывают маис и, между прочим, одну неизвестную белым разновидность этого хлеба. Их система счисления—семеричная[3]. Будучи по большей части красивыми, они имеют более светлый цвет кожи, чем другие индейцы; ещё и до сих пор каюа продолжают украшать себя тембетами (*tembeta*), или черимбитами (*cherembita*); это украшение состоит из каучукового прутика, который продевают в нижнюю губу, что делает её похожей на какой-то длинный отросток. Известно, что подобные предметы, сделанные только из прозрачного кварца или из других крепких камней, служат ещё или служили некогда украшением для губ у других бразильских индейцев, и из этого можно заключить, что обычай просверливать нижнюю губу очень распространен и даже, может-быть, свойствен всем индейским племенам обширной территории, заключающейся между берегами Амазонской реки и Параны[4]. У кайюа практикуется обычай кувады.

Название короадосы, или «Венценосные» которое дают третьему туземному народцу населяющему Сан-Пауло, принадлежит индейцам, которые по происхождению не имеют ничего общего с короадосами, жившими в штате Санта-Катарина и оставившими после себя туписские названия всем рекам страны[5]. Это слово «короадосы» указывает только на то, что у этих индейцев волоса на голове расположены в форме короны вокруг тонзуры. Паранапанемские короадосы представляют собою коренастых и сильных индейцев, с широкими пле-

1 Simao de Vasconcellos, „Chronica da Campanhia de Jesus do Estado do Brasil“;—Milatorie, „Paraguai“;—Alfredo Lomanoco, „Al Brasile“.

2 R. Emerton Quadras, „Instituto Historico“, том LV, 1892.

3 R. Emerton Quadras, цитирован, сочинение.

4 Theodoro Sampaio, „Consideracoes geograficas e economicas sobre o valle do rio Paranapanema“;—Keller Leusinger, цитирован. сочинение.

5 De Capanema, „Jornal do Commercio“, fevereiro 1893.

чами, большой головой, выступающими скулами и маленькими глазами. В то время, как тупи имеют нередко орлиный профиль, напоминающий чертами краснокожих Северной Америки, паулистские короадосы представляют тип, схожий с азиатскими монголами. Ни каюа, ни шавантесы не понимают языка короадосов. Говорят, что эти последние имели обыкновение выражаться фигурально и символически, так что белым был совершенно непонятен этот язык; по всей вероятности, он может и исчезнуть неразгаданным. Проходя по лесам, которые в виде четыресторонника ограничены реками Парананемою, Параною, Ивахи и Тибаги, можно часто встретить по близости покинутых хижин нарочно натянутые снасти из лиан и декорированные разными причудливыми подвесками—кусочками дерева, перьями, костями, птичьими когтями, обезьяньими и тапировыми челюстями. Предметы эти, очевидно, служили какими-нибудь символическими приметами, которые предназначались для союзных племен. В некоторых случаях короадосы пользуются этими таинственными знаками в качестве угрозы белым: оружие, воткнутое в землю, и крылья ара, похожия на те, которыми они оперяют свои стрелы, служат символами, в смысле которых нельзя ошибиться.

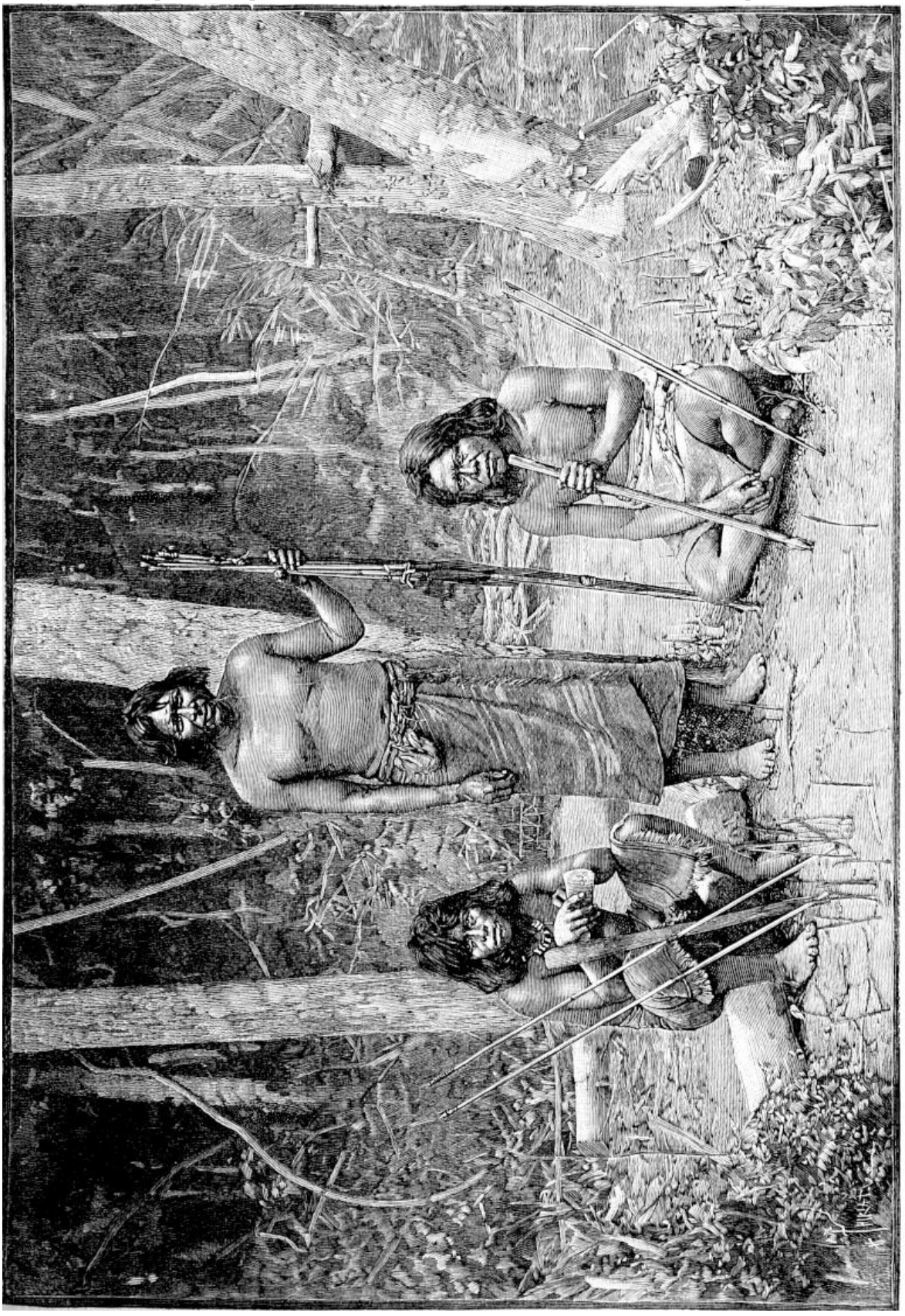
Железные дороги изменили центры притяжений. Благодаря им, население верхнего Сан-Франсиско и его главных городов: Оуро-Прето, Сабара, Питангуи тяготеют к Рио-Жанейро, несмотря на естественный склон почвы, который бы должен притягивать их к Бахии. Тем более рудные города (*mineiras*), расположенные на юго-востоке, в бассейне Параибы, и на юго-западе, где протекают верхние притоки Параны, находятся в экономической зависимости от Рио и Сан-Пауло. Многие из них приобрели уже значение второстепенных центров, и по своей торговле и промышленной деятельности превосходят даже город Оуро-Прето, который сохраняет ещё (1893 г.) за собою роль столицы, но остается уже в стороне от больших путей, в узкой долине, даннице рио-Досе,

На склоне Параибы наиболее оживленным и быстро развившимся центром является город, носящий странное название Жуис-де-Фора («внешний судья»), данное ему в честь одного должностного лица, жившего в этом городе. Жуис-де-Фора расположен на высоте почти 700 метров над уровнем моря, на правом берегу Параибуны, которая здесь представляет собою ещё маленький ручеек, в болотистом цирке, окруженном отлогими холмами. На берегу реки группировалось всего несколько домиков, когда сооружение колесной дороги Униао и Индустриа связало Жуис-де-Фора с Петрополисом и включило его таким образом в круг притяжения Рио-Жанейро. По соседству поселилась колония немецких крестьян и завязала торговые сношения с нарождающимися городами долины Параибы; затем центральная железная дорога обратила этот город в одно из своих складочных мест. В настоящее время Жуис-де-Фора, главная станция параибского склона выше кампоса, является самым деятельным земледельческим центром штата Минас и в то же время промышленным городом, славящимся своими пивоваренными заводами, ткацкими фабриками и деревянными изделиями. Его разростающиеся улицы, застроенные низкими домами, вышли уже за пределы равнины и тянутся вверх на окрестные холмы. Жуис-де-Фора принадлежит к числу тех честолюбивых городов, которые стремятся стать наследниками Оуро-Прето, как будущая столица штата Минас.

Другие города этого края также быстро прогрессируют, как в населении, так и в промышленности; Параибуна, застроенная небольшими белыми и розовыми домиками, которые тянутся по берегу одноименной с городом реки, раскинулась у основания горделивой скалы, Форталезы, бока которой покрыты полосами белых и черных лишаев; на север от Параибы стоит на террасе, покрытой кофейными плантациями, город Мар-де-Эспанья; город Леопольдина дал свое название целой сети железных дорог, имеющих исходным пунктом Никтерой, на берегу бухты Рио-Жанейро, и разветвляющихся многочисленными линиями в штатах Эспирито-Санто и Минас. Уба, получивший свое название от одного вида очень распространенного злака, называющагося также *canna brava*, лежит среди кофейных плантаций на южном склоне серры де-Сан-Жеральдо, через которую проходит железная дорога, на

высоте 732 метра.

На паранской покатости Минас-Жераеса, город Барбасена занимает такое же положение, как Жуис-де-Фора на параибском. Расположенная на значительной средней высоте 1.120

Группа индѣйцевъ ангалтесъ изъ Южнаго Чако.

метров, недалеко от раздельной возвышенности, составляющей главный горный узел Бразилии, Барбасена господствует над водоразделом четырех больших рек: Параибы-до-Суль, рио-Досе, Сан-Франсиско и Параны; её можно считать центральным городом Бразилии, как

пункт, вокруг которого сосредоточивается население обширной территории. Поэтому Барбасена, подобно Жуису-де-Фора, сильно претендует на звание столицы и даже одно из своих зданий заготовила для дворца будущего конгресса. Впрочем, этот город имеет очень красивый вид, раскинувшись полукругом на вершине длинного холма, покрытого банановыми и апельсинными деревьями, отлично произрастающими здесь, несмотря на значительную высоту. Главная его промышленность—гончарное производство. Многие из его окрестных долин служат в летнее время санаториями для жителей Рио-Жанейро.

Рио-дас-Мортес, напоминающая о кровавых сражениях, происходивших некогда между паулистами и горнопромышленниками других провинций, берет свое начало на соседних с Барбасеной высотах и течет к западу, в долине, где расположены два города: Тирадентес—прежде называвшийся Сан-Жозе-дель-Рей—и Сан-Жуан-дель-Рей. Эти два города-близнеца, основанные паулистами во второй половине XVII века, не имеют более значения, как рудные центры, несмотря на то, что даже дорожная пыль и та содержит в себе песчинки золота; они сделались земледельческими рынками, и иностранные колонисты, немцы, бельгийцы, итальянцы, занимаются только культурою хлебных растений и табака, скотоводством и сыроварением. Виноград там тоже произрастает, хотя не так успешно, как в окрестностях промышленного города Кампанья, расположенного на юго-западе, в другой долине, даннице Рио-Гранде. Сан-Жуан-дель-Рей принадлежит также к числу тех городов Минаса, которые претендуют на титул «федерального города»; ученая коммиссия, назначенная для изыскания наиболее удобного места для будущей столицы, вернулась к проекту маркиза Помбаля, который хотел сделать столицей Бразилии город Сан-Пауло[1]; она остановила свое внимание прежде всего на Варзеа-до-Марсал, прекрасной долине с отлогими склонами, которая тянется к востоку от Сан-Жуана, с другой стороны рио-дас-Мортес. Несмотря на то, что Сан-Жуан лежит в тесном ущелье, между двумя крутыми склонами, задерживающими свободную вентиляцию, и рядом с оврагом, где прежде скоплялись воды с окрестных рудников, он всё-таки здоровый город; его восточное продолжение, Варзеа-до-Марсал, расположенный на хорошо проветриваемых террасах, орошаемых чистой, как хрусталь, водою и удобных для дренирования по системе сточных труб, пользуется ещё более благоприятным климатом и мог бы свободно разростаться по направлению к Тирадентесу[2].

Эта южная область Минас-Жераеса, врезывающаяся клином между штатами Рио-Жанейро и Сан-Пауло, изобилует теплыми ключами, которые при общем здоровом климате края привлекают сюда много больных из Рио, уезжавших прежде лечиться в Европу. Холмы, возвышающиеся на юге Кампаньи, носят название серры *das Aguas Virtuosas* или «Серры Пользительных вод», а церковь, которую там достроили, посвящена Божьей Матери *da Laude*, или «Целительнице». Минеральные воды курорта, находящиеся в соседстве, близ реки того же названия, привлекают уже иностранцев, менее, однако, чем ключи Каксамбу, другого термального города, лежащего в шести километрах к юго-западу от Баепенди, у подошвы куполообразной горы. Каксамбу представляет собою один из известнейших по своим минеральным водам городов Бразилии: его шесть главных ключей, газовых и щелочных, воды которых пьют от многих болезней, по качеству сравниваются с водами Контрексвиля. В соседней долине, в Контендасе, находятся ещё другие источники минеральных вод. Наконец, почти на 200 километров западнее, в очень гористой области, воды которой изливаются в Рио-Гранде через Сапукахи, находится центр другой области горячих источников, именно—Кальдас («Горячия»), прежде называвшийся Оуро-Фино. В Посос-де-Кальдас виллы и различные лечебные заведения группируются на берегу ручья, который питается четырьмя сернистыми ключами. Эта область Минаса уже входит в зону Сан-Паулистского центра: направляющиеся туда пассажиры едут через станции Кампинас и Моги-Мирим, на одной из железных дорог, принадлежащих к сети этого штата.

Вся западная часть Минас-Жераеса, выступающая полуостровом между двумя главными

1 R. Walsh, „Notices of Brazil“.

2 Jose de Carvalho Almeida, „Relatorio da Commissao d’Estudo“.

рукавами Параны, Паранаибой и Рио-Гранде, получила прозвание *Triangulo Mineiro*, или «Рудного треугольника». Это тоже край, географически отличный от остального штата, и даже для своих оффициальных сношений с Оуро-Прето жители его вынуждены делать большой крюк через станции Сан-Пауло, Жуис-де-Фора и Барбасену. Естественный главный город этого округа, Убераба, расположенный в кампосах, к северу от Рио-Гранде, по соседству с сырой и нездоровой местностью, является в настоящее время важнейшим городом «Великого Запада» Бразилии, хотя его первые постройки были воздвигнуты в 1807 г., среди индейского населения каяпосов. Он вывозит в Гояс и Матто-Гроссо товары, подвозимые по железной дороге, в обмен которых посылает в прибрежные порты скот и некоторые земледельческие продукты. В этом городе было организовано в 1865 г. нападение на Парагвай, а в 1893 г. снаряжена ученая экспедиция для исследования Гоясских плоскогорий. К западу от Уберабы железная дорога продолжится в долину Рио-Гранде через богатый город Фруктал до водопада Марибондо, где начинается уже речное судоходство. «Рудный треугольник» был прежде одним из самых богатых в Бразилии по добыче алмазов: около Багагема, в булыжниках одного ручья, который впадает в Паранаибу, был найден в 1854 г. самый большой алмаз Нового Света, Крусейро-до-Суль или «Южная Звезда».

В долине реки Параибы, по которой идет главная дорога из Рио-Жанейро в Сан-Пауло, и где скрещиваются многие другие железнодорожные линии, расположены следующие значительные города: Касапава, Таубате, Пиндамоньянгаба, Гуаратингета, Лорена, Крусейро. С исторической точки зрения первое место занимает Таубате, прежний гуаянский Итабоате. Туземцы, населявшие страну в XIV веке, когда прибыли первые португальские колонисты, находились во вражде с жителями Пиратининга, колонии, которая положила основание Сан-Пауло, и соперничество индейцев между собою передалось их потомкам метисам. Между горнорабочими Сан-Пауло и Таубате зачастую происходили стычки, а в начале XVIII века, во время войны эмбоабасов, которая обагрила кровью берега рио-дас-Мортес, вражда между этими двумя городами дошла до того, что даже дети враждебных лагерей вступали между собою в ожесточенные схватки. В настоящее время Таубаде значительно отстал от Сан-Пауло, хотя и он заметно ушел вперед, сделавшись фабричным и земледельческим центром. Его золотые прииски более не разрабатываются, но на смену им явились нефтяные источники, доставляющие минеральные масла и газ для местного потребления. В скором будущем строющаяся ветвь железной дороги, которая соединит его с главной станцией, сделает Таубате складочным местом для кофейных плантаций восточного Сан-Пауло. Эта ветвь, проходящая чрез Параибуну, на верхней Параибе, пересекает затем береговую цепь гор и спускается крутыми скатами к порту Убатуба. Это иссечение морского побережья, не имеющее теперь особого значения, несмотря на его глубину и прекрасную защиту от волнения с восточной стороны, в виде мыса Понта-Гросса, сделается несомненно одной из главных морских гаваней, и на берегах его возникнет значительный город, когда оно, благодаря Таубатской железной дороге, продолженной на север к Кампинасу, станет конкуррентом Сантоса по вывозу кофе, получаемого с плоскогорий.

К западу от верхнего бассейна реки Параибы, главная линия железных дорог, соединяющих Рио-Жанейро с Сан-Пауло, проходит через раздельный порог почти в 800 метров высоты. Гористая область, ещё недавно сплошь покрытая лесом, теперь тщательно распахивается вокруг многочисленных селений итальянских колонистов. Плодородные земли склонов быстро заселяются, но обширные равнины, бывшие прежде озерными, на западе которых извивается нарождающаяся рио-Тиете, остаются ещё пустынными на огромных пространствах: между холмами расстилаются, подобно морским рукавам, травянистые луга, на которых виднеются там-и-сям гнезда термитов, возвышающиеся в виде остроконечных утесов. Моги-дас-Крусец, главный город этой области равнин, представляющий в настоящее время не что иное, как простое село, в недалеком будущем, несомненно, сделается пунктом скрещивания железной дороги, которая разовьет, подобно Таубатской железной дороге, обширную торговлю, монополизированную до сих пор Сантосской дорогой. Из Моги-дас-Крусес новый путь пройдет по долине Тиете и пересечет серру до-Мар, чтобы спуститься затем к городу

Сан-Себастиан, лежащему у пролива, против острова одного с ним названия. Этот великолепный порт, в котором находят 20—30 метров глубины, при том отлично защищенный, легко бы мог сосредоточить в себе всю торговлю Бразилии, но, лишенный путей сообщения, он остается почти не утилизированным. Жители ведут лишь небольшую каботажную торговлю, поставляя овощи на рынок Сантоса.

Сан-Пауло, столица самого торгового и промышленного штата во всей Бразилии, уже своим внешним видом достаточно свидетельствует о благоденствии края. Со стороны пристани, которая называется до-Норте, хотя и лежит к востоку, этот город, поэтически именуемый его жителями Паулисеа, выступает величественным фасадом своих белых домов, раскинувшихся по холму, над которыми господствуют башни и куполы церквей. Первые городские постройки, возведенные, в 1560 г., иезуитами, после того, как они оставили прежний город Санто-Андре-де-Парахининга, лежащий около нынешней деревни Санто-Амаро, до сих пор ещё занимают центр города на высоком берегу, у подножия которого извивается Тамандуатехи, или «ручей Муравейника». Первоначальное ядро Сан-Пауло находилось сначала на треугольном мысу, ограниченном с восточной стороны рекою Тамандуатехи, а с западной—Саракурою; затем оно соединилось крутыми подъемами с наружными кварталами, быстро возникавшими со всех сторон. На пространстве по крайней мере 25 квадратных километров город представляет нечто неожиданное в расположении своих кварталов, которые образовывались каждый отдельно и далеко растянулись по окрестностям своими расходящимися бульварами, застроенными виллами и мызами. Самая правильная часть города, с широкими улицами, перекрещивающимися под прямыми углами, развертывается на северо-запад по направлению к отлогим косогорам. Великолепный мост-виадук, перекинутый через долину Саракуро с её масличными полями и огородами, соединяет этот новый квартал с старым городом. На востоке другой квартал, населенный главным образом итальянцами, далеко раскинулся по низкой равнине; своими заводами, грязными улицами, сточными канавами он представляет полный контраст с изящными постройками и виллами западных кварталов. Следовало бы осушить почву и развести там парки и сады, но быстрое разростание города идет в ущерб его оздоровлению, и недостаток места заставляет алчных строителей захватывать болотистые, зараженные нечистотами земли, где собираются воды ручьев перед своим впадением в реку Тиете. Несмотря на то, что Сан-Пауло лежит на средней высоте 750 метров, на высоком плоскогорье, которое отделяется от океана серрой до-Мар, несмотря на то, что он в изобилии снабжается чистой водой посредством водопровода с серры-Кантарейры, он тем не менее не может считаться вполне здоровым городом, а в последнее время здесь стала появляться даже желтая лихорадка, заносимая из главного её рассадника, Сантоса. В северной части города, около «английской» пристани, находится прекрасный общественный сад, а теперь рядом с естественно-историческим музеем разводят ботанический сад.

Прежняя иезуитская коллегия преобразована в правительственный дворец, а дом, который иезуиты построили для Тебициры, кацика покоренных индейцев, обращен в монастырь Сан-Бенто. По соседству с этими двумя зданиями возвышаются главные монументы—церкви, почтамт, банки, училище правоведения, «Орлиное гнездо», в котором во множестве оперяются будущие политики Бразилии; ещё будучи студентами, они принимают большое участие в политических событиях. Несмотря на свое значение правительствующего города, Сан-Пауло не имеет высших учебных заведений, и его естественно-исторический музей находится ещё лишь на пути к образованию. Но этот город привлекает к себе массу образованных людей, которые систематично изучают страну и издают свои мемуары, из которых составилась уже драгоценная библиотека. Разростаясь с неимоверною быстротою (его население в течение последних десяти лет почти утроилось), Сан-Пауло не имел времени приноровиться к своему будущему предназначению, и население его не могло ещё слиться в городское общество, сознающее свою общую жизнь. Около половины всех жителей Сан-Пауло—итальянцы, которые чувствуют себя ещё чужими в этой среде Нового Света.

Паулистская промышленность заключает в себе уже все фабрики и заводы, производя-

щие предметы обычного потребления. Несколько колоний, Сан-Бернардо, Сан-Каетано, Санта-Анна, называемые *nucleos*, т.е. «ядра», потому что они служат центрами группирования эмигрантов-земледельцев, доставляют на городские рынки овощи и фрукты; в гористой зоне, расположенной с северной стороны города, на многочисленных заводах Каиейрас, где живет до 4.000 рабочих, обтесываются камни, фабрикуются кровельные черепицы, приготовляются глина и другие строительные материалы, служащие для возведения новых кварталов. С недавнего времени Сан-Пауло старается обзавестись также стеклянными заводами; дно прежних озер, где разветвляются воды рио-Тиете и её притоков, состоит из кремнистых пластов, которые могут быть утилизируемы для этого производства; что касается топлива, то заводы могли бы пользоваться торфом, которым постепенно заполнились прежния озера и болота равнины. Что касается золотых приисков в Жарагуа, то они давно уже заброшены.

Главный город штата, Сан-Пауло дополняется разными увеселительными местами, также как земледельческими колониями и промышленными заведениями. В праздничные дни население устремляется к ипподромам и в Пенья, к чтимой часовне, которая находится на вершине скалы, на восток от города; современем притягательным местом для него будет также прекрасный дворец Ипиранга, построенный на вершине косогора итальянским архитектором Бецци, в память присяги, принесенной императором Педро I за независимость; но это величественное здание, образцовое произведение бразильской архитектуры, остается ещё пустым в ожидании фресок, картин и статуй, которые должны украсить этот бразильский Пантеон.

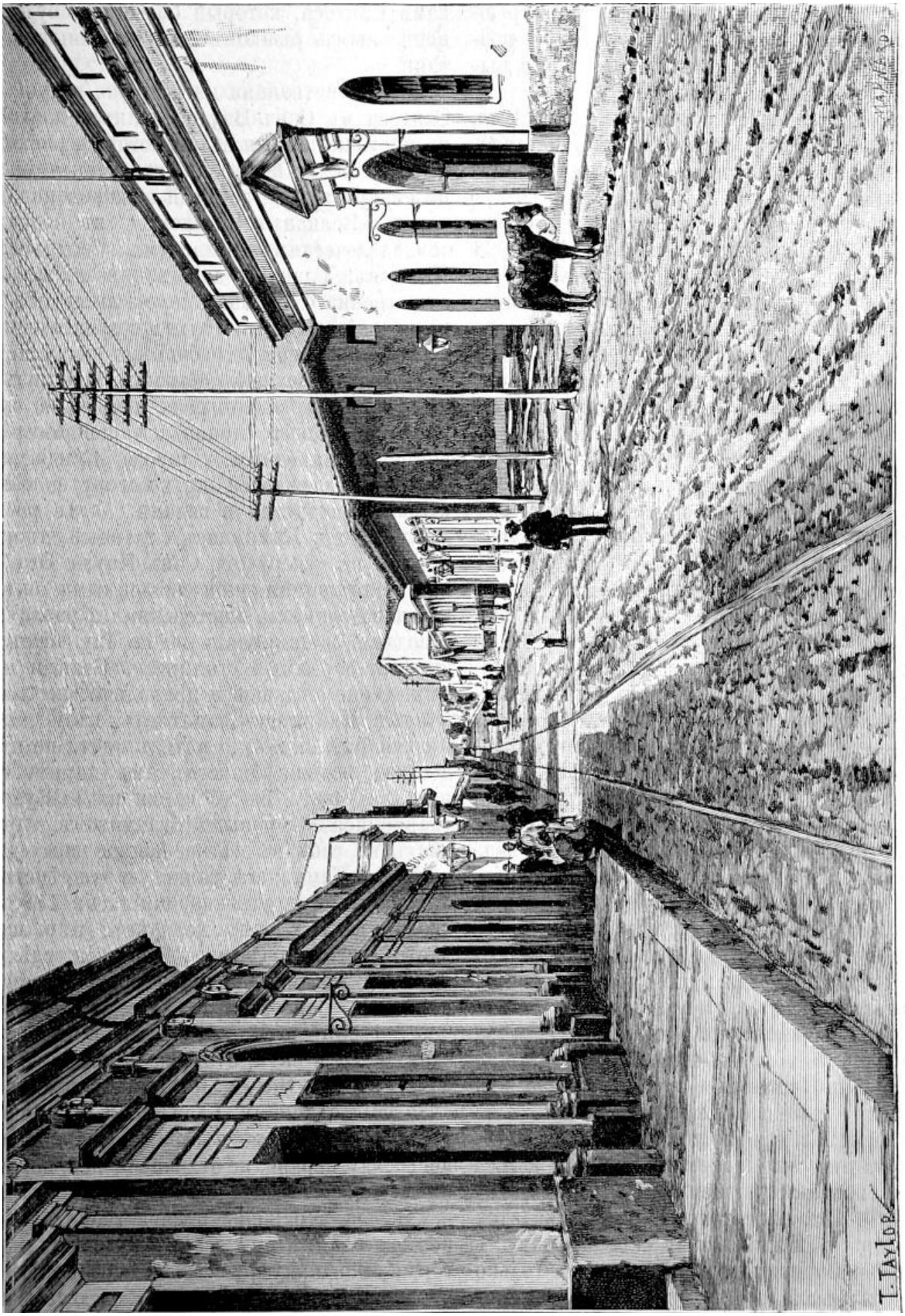
Город Сантос—прежний Тодос-ос-Сантос, или «Всех Святых»—составляет с Сан-Пауло один общий организм, служа ему складочным местом и морскою гаванью. Это побережье было известно уже с первых времен португальской иммиграции, представляя притягательный центр для внутренних сношений. Сан-Висенте, находящийся в 98 километрах от Сантоса, служит в настоящее время лишь дачною местностью для сантосских негоциантов; но этот город известен уже с 1532 г., когда на пляже его стояли одинокия тростниковые хижины, а жители занимались экспортом золота, доставляемого из Пиратининга. Здесь, впервые в Бразилии, стали фабриковать сахар из сахарного тростника, привозимого с Мадейры, а в 1566 г. иезуиты учредили здесь первую элементарную школу[1]. Этот внешний порт, расположенный, подобно Сантосу, на острове, отделенном от материка узким протоком, вывозил свои товары на континент через небольшой порт Кубатао, расположенный у подошвы горы, позади Сантоса: мол, постепенно преобразованный в перешеек, сделал этот второй порт бесполезным, и с тех пор суда стали бросать якорь в глубокой воде залива, на берегу которого выстроился Сантос. До 1709 г. Сан-Висенте сохранял свои титул столичного города для всего бразильского побережья, на протяжении почти тысячи километров, между Макаха и Кананеа.

Сантос, построенный правильно, но ещё очень грязно содержимый, расположился застроенными островками у подошвы крутого холма Монсерате, занимающего центр острова, над которым возвышается паломническая церковь, с восхитительною панорамою. Чтобы сделать Сантос здоровым городом,—если только это возможно,—необходимо было бы поднять грязную почву, где дождевая вода смешивается с сточною и с приносимою морскими приливами; большая часть побережья представляет собою ямины, то полные водой, то высохшие, где гниют оставленные приливом животные, обратившиеся в падаль. Поэтому ни один город в Новом Свете не страдает столько от желтой лихорадки, как Сантос: во время больших эпидемий все работы останавливались вследствие смерти или бегства рабочих; суда стояли в бухте покинутые, лишенные своего экипажа. Как только начинается опасный сезон лихорадок, город пустеет: жители переселяются на плоскогорье и в купальные курорты. Одна из таких летних деревень, очень живописная, Бальнеариа, лежит в близком соседстве с Сантосом, на одном песчаном островке, недалеко от острова Санто-Амаро. На террасах соседних гор находится несколько санаторий.

Несмотря на лихорадку, в Сантосе сосредоточивается очень большая торговля. В преж-

1 Pires de Almeida, „Instruction publique au Bresil“.

ния времена он вывозил продукты Минас-Жераеса и даже Матто-Гроссо, теперь же он обслуживает один только штат Сан-Пауло, но он должен удовлетворять нужды товарного движения, год-от-году увеличивающагося. В виду разростающейся торговли было приступлено

Ассумпсіонъ.

к упорядочению порта, и строющаяся вертикальная стена даст вскоре возможность большим судам нагружаться и выгружаться у самой набережной.

Годовое торговое движение в Сантосе в течение последнего десятилетия: ценность ввоза

—75.000.000 франк.; вывоза—300.000.000 франков.

Движение мореходства по приходу судов, в 1892 г., без каботажного плавания: 1.034 судна, вместимостью в 537.000 тонн; вывоз кофе: 2.500.000 мешков или 150.000 тонн, ценностью в 190.000.000 франков; таможенный сбор в Сантосе в 1892 году: 24.170.973 мильрейсов или, считая 1 фр. 30 сант. за мильрейс=31.422.265 франков.

Сантос служит пристанью для двадцати линий правильного пароходства. Самая значительна» часть торговли принадлежит англичанам, а за ними норвежцам. Единственная железная дорога подвозит из Сан-Пауло в Сантос кофе, а отсюда забирает разные товары и уголь, привозимые из Европы и Соединенных Штатов, рис—из Индии, треску—из Ньюфаундленда: эта превосходная железная дорога, английской постройки, проходит через девственный лес Кубатао, затем, достигнув «Корня Горы»,—*Raiz da Serra,*—подымается по откосам гор по четырем последовательным наклонным плоскостям, с уклоном 104 миллиметра на метр, где поезда буксируются посредством неподвижно установленных машин. Подъем, начинающийся с уровня 19 метров и достигающий окраины плоскогорья на высоте 799 метров, есть одно из чудес Бразилии, благодаря красоте лесистой местности, расстилающейся у подошвы горы; но как транспортный путь, эта дорога совершенно неудовлетворительна: машины не достаточно сильны, и при подъеме и спуске длинные поезда расцепляются на отдельные группы в два или три вагона; ежедневный транспорт далеко не удовлетворяет потребностей товарного движения. Запоздания в перевозке грузов ведут за собою неизбежную порчу товаров и заставляют делать объезды, что обходится очень дорого. Выписанные для кофейных плантаций машины получаются иногда только через год, если не дольше, после их прибытия в порт. Поэтому две паулистские компании, одна—западная, другая—восточная, усердно оспаривают у английского общества право провести железную дорогу до набережных Сантоса через зону земель, уступленных обоими заинтересованными штатами нынешней железной дороге. Кроме того, составляются независимые компании для открытия других мест сбыта на побережье; Убатуба, Сан-Себастиан, может-быть, также Игуапе и Кананга, сделаются со временем соперниками Сантоса, который больше не будет монопольным рынком для кофейных плантаций.

Эта единственная магистраль, ведущая из Сантоса в Сан-Пауло, делится на севере на многочисленные ветви, которые расходятся по всей области кофейных плантаций, т.е. по северу штата, который обыкновенно называют «Великим Западом», в подражение земледельческим областям Соединенных Штатов. Главная дорога, независимая от естественного склона, пересекает рио-Тиете по выходе из Сан-Пауло и вступает в горы Кантарейра, через хребет которых переходит восточнее пика Жарагуа. Одна из первых станций, конечный остановочный пункт железной дороги, принадлежащей английской компании, находится у города Жундиахи, который продолжается по косогору за банановыми плантациями и садами. Далее расположен город Кампинас, главный торговый центр к северу от Сан-Пауло. Эта станция, окруженная многочисленными складочными магазинами, мастерскими и различными заводами, напоминает по своему оживлению железно-дорожные станции в Бельгии и Англии. Очень большой и правильно распланированный Кампинас занимает, к несчастью, низкую равнину, куда ветер почти не имеет доступа, вследствие чего там царит невыносимый зной. В то время как Жундиахи, славящийся здоровым климатом, привлекает в себе в летнее время массу дачников, в Кампинасе зачастую свирепствуют лихорадки и другие эпидемии: в 1892 году около трех тысяч человек, т.е. шестая часть всего городского населения, сделались жертвой желтой лихорадки, которая явилась сюда из Сантосского очага, перебравшись через серру-до-Мар. Несмотря на свой нездоровый климат, что мешает ему соперничать с Сан-Пауло, Кампинас ведет свои дела по-столичному. С 1817 г. муниципалитет израсходовал несколько миллионов на постройку церкви, не отличающейся, впрочем, ничем особенным; но средняя часть храма и капелла украшены резною работою, исполненною одним минасским художником, который, по примеру своих средневековых предшественников, посвятил всю свою жизнь на это излюбленное им творение: ради этих-то резных орнаментов и

была главным образом выстроена кампинасская церковь. Кампинас гордится честью быть родиною известного композитора Карлоса Гомеса. В последние годы существования империи Кампинас был центром республиканской пропаганды. Соседнее местечко Санта-Барбара представляет собою колонию северо-американских плантаторов, которые приобрели дурную славу своим варварским обращением с невольниками.

В недавнее время главной земледельческой промышленностью страны было производство сахара; ныне первенствующей культурой является кофейное дерево, которое отлично произрастает на так-называемой «красной земле», составляющей значительную часть территории на севере и востоке штата. Земледельческое училище, устроенное в окрестностях Кампинаса, служит главным образом интересам кофейной культуры, и железные дороги, ветви которых расходятся за Кампинасом во все стороны, не приносят другой промышленной пользы, кроме как для кофейных плантаций. Как только какой-нибудь богатый землевладелец, перейдя за полосу однолетней культуры, начинает распахивать девственную почву, тотчас же через пустыни прокладываются линии железных дорог. Там проводят рельсы, не ожидая появления городов, подобно тому, как это делалось недавно в Соединенных Штатах, где железные дороги предшествуют заселению местностей. Однако, главная дорога, проведенная на север от Кампинаса, идет везде в направлении тропы, которою прежде следовали караваны между Сан-Пауло и западными штатами Гояс и Матто-Гроссо. Она захватывает значительные города, Каза-Бранка, Сан-Симан, Риберан-Прето: этот последний, разросшийся как бы по волшебству, в течение нескольких лет сделался центром самых обширных во всём свете кофейных плантаций. Затем, железная дорога поднимается на плоскогорье, на высоту почти 1.000 метров, где находятся города Бататаес и Франка, после чего снова спускается в долину Рио-Гранде, которую она пересекает по виадуку в 400 метров. В окрестностях города Франка попадаются алмазы; этот город получил свое название, по всей вероятности, от того, что служил местом убежища для ссыльных из береговых провинций[1].

Другая дорога, выходящая также из Кампинаса, идет в Лимейру, где она раздваивается, с одной стороны, по направлению к Арарасу и Пирасунунге, где её сменяет водный путь по Моги-гуассу, а с другой стороны—к Рио-Клара, «Принцессе Запада». Этот бразильский город больше всех других походит на северо-американские города; дух подражания сказывается здесь даже в том, что улицы различаются не по названиям, как во всех других бразильских городах, а по нумерам; он также первый осветился электричеством[2]. Ветвь железных дорог, идущая к северу от Рио-Кларо, тянется до самой области кампосов, к Жаботикабалу.

Долина р. Тиете, тоже соединенная железной дорогой с Жундиахи и Сан-Пауло, также заключает в себе несколько разростающихся городов. Город Иту, «очень верный», гордится своей древностью: с 1610 г. иезуиты-миссионеры основали там колонию индейцев, обращенных в христианство. Как центр католицизма в штате, он имеет церквей больше, чем всякий другой город относительно числа жителей, и главное его здание—иезуитская коллегия, посещаемая четырьмя стами воспитанников. Торговый квартал помещается не в самом городе, а внизу занимаемой им террасы, в том месте, где река Тиете низвергается великолепным водопадом: большие заводы и мастерские, расположенные по левому берегу, составляют отдельное большое село, называемое, по плеоназму, и Сальто д'Иту, так как на языке гуарани слово «Иту» означает «водопад». Точно также двигательной силе своего водопада и город Пирасикаба, расположенный на северо-запад от Иту, на реке того же имени, притоке Тиете, обязан существованием своих бумого-прядильных фабрик и сахарных заводов. Р. Пирасикаба становится судоходною сейчас же за городом, тогда как рио-Тиете доступна для судоходства только ниже Порто-Фелис, на пятьдесят километров западнее Сальто д'Иту. Пароходы, ходящие, по Тиете и Пирасикабе, нагружаются кофе с западных плантаций, лежащих за областями железных дорог. Две военные колонии, основанные ниже водопадов Аваньяндава и Итапура, не имели успеха: впродолжении долгого времени, как сказано в одном из рапор-

1 „Revista de Instituto Historico", 1874.

2 Alfonso Lomonaco, „Al. Brazile".

тов, они числились только «по названию».

Город Сорокаба, расположенный в 111 километрах к западу от Сан-Пауло, на южном притоке р. Тиете, представляет собою исключительное в штате Сан-Пауло явление упадка. Железные дороги, поднявшие значение стольких других городов, послужили разорением для Сорокабы. Ещё недавно он был центральным рынком по продаже скота и особенно мулов, приводимых скотоводами из Рио-Гранде-до-Сул, и которых покупали здесь fazendeiros (фермеры) Минас-Жераеса и других северных провинций. На ярмарке скапливалось иногда до 200.000 голов скота; про Сорокаба можно сказать, что, по своему важному значению в экономическом и торговом строе Бразилии, он играл первую роль для «национальнаго» единства[1]. Мулов из Рио-Гранде всегда гонят через штаты Санта-Катарина и Парана и через Факсину в штат Сан-Пауло; но по прибытии на станции железных дорог их отправляют гуртами на плоскогорья и побережье: таким образом Сорокабская ярмарка год от году всё более и более пустеет. Не меньшая опасность грозит и железной промышленности соседнего города Ипанемы. Ипанема, что значит «Безполезная река», названный так от речки, извивающейся в его долине и впадающей в р. Сорокабу, прославился в минералогии своими холмами железной руды, доставлявшей 70—80 проц. чистого металла превосходного качества. Даже не трогая скалы, довольствуясь лишь её обломками, валявшимися по земле, можно бы было снабжать железом в течение многих лет самые большие металлургические заводы; однако, казенный завод, который был там основан в 1811 г. и с тех пор несколько раз подвергался преобразованиям, не имел успеха: он может служить наглядным примером неспособности казны, когда она вступает в конкурренцию с частною предприимчивостью. Все работы не окупают там даже своей стоимости, и железистый холм Арасояба (970 метров), называемый обыкновенно *o morro do ferro* (железная горка), остается почти без утилизации.

В настоящее время последним значительным городом населенной области является Ботукату, расположенный в гористой зоне, ограниченной с севера рекою Тиете. За кофейными плантациями, окружающими этот город, на которых культивируют преимущественно дерево, дающее желтоватые бобы, начинаются огромные неисследованные пустыни, лежащие между низовьем Тиете и Паранапанемой. С XVII века в этих странах произошло большое попятное движение. Более ста тысяч цивилизованных индейцев группировались вокруг миссионеров, и на берегах Паранапанемы существовали города, Сан-Игнасио-Майор и другие; другая миссия находилась на реке Паране, в нескольких километрах выше большого водопада. Но охота на человека обезлюдила страну. Исследование, порученное Сан-Паулистской географической коммиссии, несомненно позволит возобновить дело колонизации этого края. Уже достаточно обстоятельно успели изучить реку с её водопадами, порогами, мелями и естественными портами, и определенно отмечены все земли; благоприятные для культуры или для скотоводства. Там уже появляются колонисты, а ниже водопадов и при слиянии рек начинают мало-по-малу возникать зародыши городов. В 1890 г. годовое производство скота в этих вновь открытых областях оценивали в сто тысяч голов; кроме того, некоторые предприимчивые люди занялись культурою сахарного тростника, кофе, хлопка и табака[2].

Южная часть штата, не соединенная ещё с Сан-Пауло никакою дорогою, составляет с пограничными округами Параны совсем отдельное географическое целое. Эта территория населена ещё крайне слабо, и её главные города представляют собою простые деревни как-то: Апиахи, совершенно покинутая золотопромышленниками; Ксиририка, прекрасный белый мрамор которой не находит ещё себе эксплоататоров; Игуапе и Кананеа, два порта, посещаемые только каботажными гоэлетами. Игуапе, расположенный около устья Рибейро, сообщается также посредством судоходного канала с ветвью дельты Мар-Пекено, которая тянется по побережью более, чем на сто километров. Если бы вход в порт Игуапе был искусственно сделан более удобным, а железная дорога соединила бы его с Сорокабскою линией, то этот

1 Eduardo Prado, рукописные заметки.

2 Theodoro Sampaio, „Consideracoes geographicas e economicos sobre o valle de rio Paranapanema“.

береговой пункт скоро приобрел бы довольно важное значение по вывозу кофе, получаемого с плоскогорья, риса и железной руды, доставляемых с соседних гор. Кананеа, построенный на одном острове у берега Мар-Пекено или речного притока Игуапе, представляет больше преимуществ, и большие суда могут при приливе бросать якорь у самого берега: островок Бон-Абриго, освещаемый маяком, дает судам «надежное убежище», как об этом и свидетельствует само его название. Кананеа имеет историческое прошлое: здесь в 1503 г. высадились Христован-Жак и Америго-Веспуччи, и оттуда же отправилась первая *bandeira* для искания золота во внутренних областях: из составлявших её восьмидесяти авантюристов не вернулся ни один. Кананеа может вернуть свое прежнее значение, если будут приведены в исполнение проекты, по которым он должен сделаться конечною гаванью железной дороги, проведенной прямо в Матто-Гроссо по долинам Паранапанемы и Ивинхеймы.

Население штата Параны распределяется таким же образом, как и в Сан-Пауло, и города, впрочем менее многочисленные и не столь населенные, занимают там такое же положение. Главный город Куритиба (Коритиба), т.е. город кури или араукарий[1], расположен, подобно Сан-Пауло, на плоскогорье, окаймленном с восточной стороны серрой до-Мар, и так же соединяется с своим приморским портом, вторым Сантосом, лежащим на берегу залива, усеянного островами и островками. Два города, *serra-acima* и *beira-mar*, т.е. «нагорный» и «приморский», составляют одно нераздельное целое.

Куритиба широко раскинулся по равнине, покрытой некогда лесами, а теперь почти совсем обезлесенной: общественный сад и бульвары бедно заменяют собой прежнюю лесную растительность. Куритиба, расположенный на высоте 889 метров над уровнем моря, с климатом, напоминающим Западную Европу, является на половину европейским городом; на рынок его стекаются европейские колонисты для продажи фруктов и овощей, введенных из Старого Света. Подобно Сан-Пауло, город этот разросся лишь в последние годы; в начале XIX столетия он представлял лишь скромную деревушку, менее населенную, чем Паранагуа, его приморский город, а положение столицы он занял лишь с 1854 г., когда территория Параны отделилась, как особая провинция, от территории Сан-Пауло.

Колесная дорога, которою ещё пользуются обозы, везущие кладь на мулах, спускается из Куритибы к морю, проходя на склоне серры через город Грасиоза, который вполне оправдывает свое название. Железная дорога проведена только с 1885 г. Огибая великолепную гору Морумби (1.430 метров), голые скалы которой составляют полный контраст с темною зеленью наружных откосов, дорога спускается по целому ряду траншей, туннелей и виадуков в низкие прибрежные земли, где для проведения её потребовались другие сложные работы, как-то: насыпи и свайные мосты. При спуске с верхнего города открывается ещё более красивый и обширный вид, чем на наклонных плоскостях Сантоса: горы, более высокие и более гордого профиля, долина, шире открытая на равнины, более обширные, и на залив, более разнообразный,—придают пейзажу удивительно величественный и живописный вид. Самые крутые подъемы имеют 3 сантиметра уклона, что слишком затрудняет перевозку грузов; тем не менее Куритибская железная дорога в этом отношении стоит выше сантосской: локомотивы тащат там поезда, состоящие из 8 вагонов, со скоростью 20 километров в час. Кульминационный пункт дороги находится на высоте 956 метров над уровнем моря, при входе в туннель.

Город Морретес расположен у подошвы горы; до устройства колесной, а затем железной дороги, он служил пристанью, где барки грузились парагвайским чаем, доставляемым сюда носильщиками; затем этот драгоценный продукт отправляли в порт Паранагуа по реке Ихундиакура и по заливу: в городе до сих пор ещё существуют заведения для приготовления этого парагвайскаго чая. Одна ветвь, идущая от Морретеса, направляется на северо-запад в порт Антонина, не столь глубокий, как Паранагуа, но всё-таки доступный для судов в 4—5 метров осадки; во время наводнений, когда вышедшие из берегов реки закрывают главный

1 Adolpho de Varnhagen, „Historia geral do Brasil“.

путь между Морретес и Паранагуа, на южном берегу залива, Антонинская ветвь служит свободным экспортным путем для куритибаской торговли.

Приморский город Паранагуа, построенный при устье реки Итубере, недоступен уже более для судов глубокой осадки: вследствие занесения порта илом, большие суда принуждены останавливаться в двух километрах к северо-западу, на рейде, защищенном с восточной стороны гористым островом Котинга; таким образом, город стал постепенно перемещаться на другое место, выстраиваясь по линии нового порта. Торговля Паранагуи состоит почти исключительно из лесных продуктов, дерева араукария и парагвайского чая, происходящего от особой породы *ilex corityhensis*, однородной с парагвайской; продукты культуры, сахар и хлебные растения, составляют лишь крайне незначительную часть экспортной торговли.

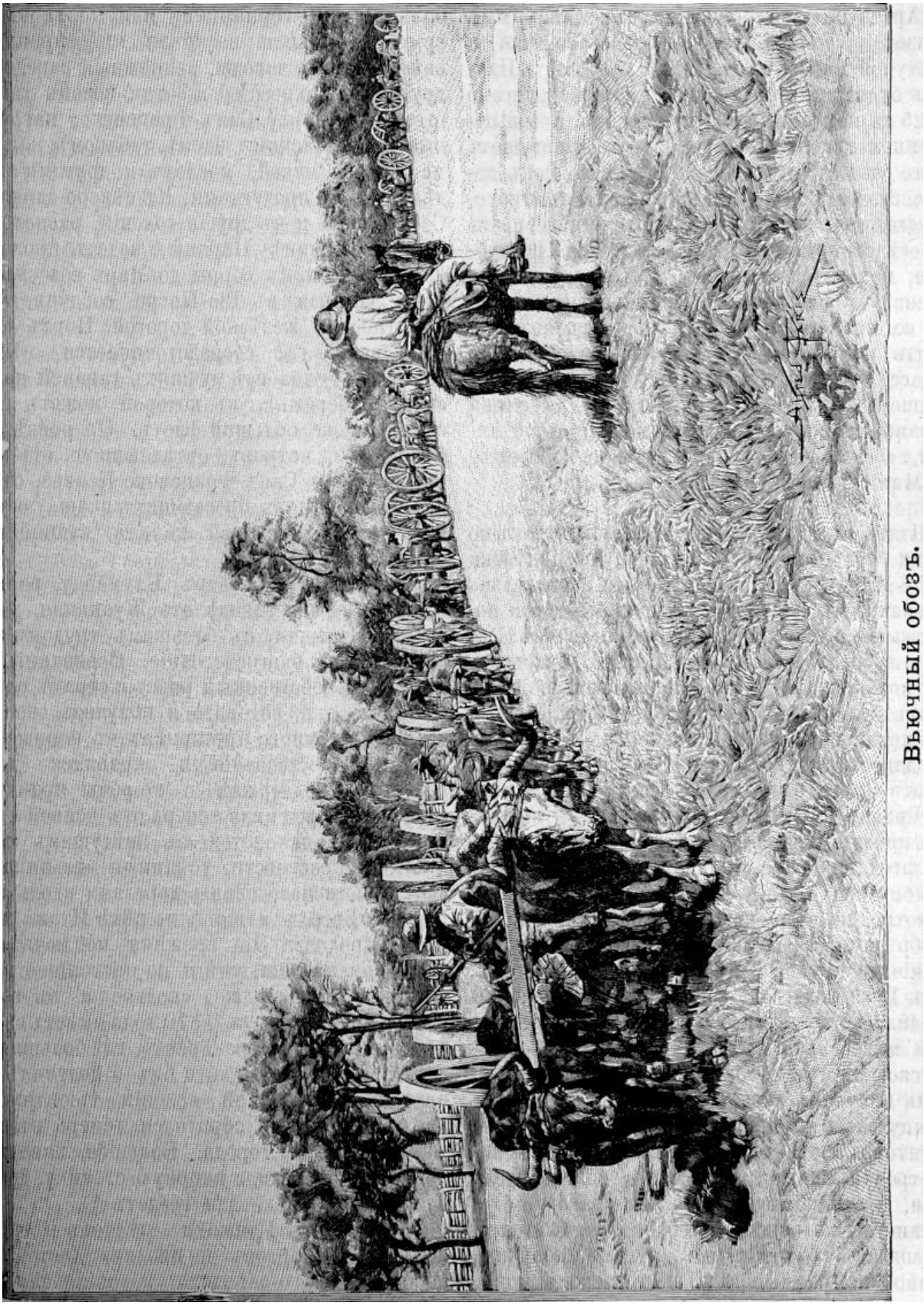
Торговое движение Паранагуа по приходу судов в 1892 г.: 376 паровых и парусных судов. Вывоз парагвайского чая в 1892 г.: 19.351 тонна. Ценность: 6.000.000 мильрейсов, или, считая мильрейс за 1 фр. 30 с.—7.800.000 франкам.

В городе существуют ещё развалины старинной иезуитской коллегии, которая была в свое время центром паранских миссий. В лесных просеках, между Паранагуа и Морретесом, рассеяны различные земледельческие колонии. Значительнейшая между ними—колония Александра, в которой итальянцы занимаются главным образом культурою пищевых растений; кроме того, у некоторых имеются сахарные и кофейные плантации.

Внутри края, к западу от Куритибы, заселение совершается методически, учреждением колоний, из которых некоторые, занимающие удачное местоположение, разрослись настолько, что могут считаться настоящими городами; таковы: Кампо-Ларго—на юго-западе от Куритибы, Палмейра—на западе, Понта-Гросса—далее на север, в верхних равнинах, по которым протекает Тибаги. История Параны, как и история штата Сан-Пауло, есть история колонизации; но здесь колонизация имеет особый характер, вследствие естественного разделения, происходящего в потоках иммиграции. До недавнего времени почти все немецкие колонисты направлялись в штаты Санта-Катарина и Рио-Гранде-до-Суль; теперь же итальянцы толпой устремляются в штат Сан-Пауло, тогда как штат Парана заселяется главным образом поляками. Однако это заселение началось, в 1878 г., очень несчастливо. Эмиграционные агенты привезли тогда 1.366 славянских крестьян, для которых решительно ничего не подготовили, и несчастные чужеземцы были брошены на площади Пальмейры на произвол судьбы, без всяких рессурсов. Многие из них умерли, некоторым удалось вернуться на родину через Гамбург, а остальные в конце-концов перебрались в Соединенные Штаты[1]. Несмотря на такое злополучное начало, некоторым удалось устоять против гонений судьбы, и они-то и положили основание новым колониям, которые мало-по-малу разрослись в области верхних кампосов, орошаемым рекою Игуассу. Почти все эти польские эмигранты, известные здесь под коллективным названием «Русских», выходцы из прусской и австрийской Польши; переселенцы из Литвы и Царства Польского появились в Паране только за последнее время. Теперь к ним присоединились славяне, жившие в немецких колониях штата Рио-Гранде-до-Суль, которых симпатии привлекли к их землякам: в этом, чисто славянском обществе нет ни одного еврея. Город Куритиба окружен на пространстве 30 километров исключительно польскими колониями, известными под оффициальным названием «Новой Польши». Вокруг города Палмейры тоже сгруппировались поляки; весь правый берег р. Игуассу вплоть до новой станции Порто-Унион занят также польскими колониями. В ярмарочные дни Куритиба и Палмейра до поразительного напоминают небольшие галицийские города. Вдали от столицы, в южной части штата, при рио-Негро и рио-Вермельо, на границах Санта-Катарины, образовалась другая группа польских колоний. В Паране насчитывают приблизительно сто тысяч польских колонистов, т.е. почти треть всего населения, и, так как смертность среди них крайне незначительна, то ежегодный прирост населения, вследствие преобладания рождаемости над смертностью, достигает в общем 4 процента,—пропорции совершенно исключительной между нациями. Паранские поляки сохраняют свой язык, костюм и нравы:

1 De Taunay, „Revisto de Instituto Historico“, 1890.

они имеют свои церкви, школы, даже свою собственную газету. Занимаясь исключительно земледелием, они монополизировали культуру хлебных растений и овощей и начинают даже оттеснять к Сан-Пауло колонистов других национальностей[1]. Тем не менее здесь удержалось

Вьючный обозъ.

ещё несколько групп неславянских эмигрантов, и между ними колония коммунистов, состоящая почти целиком из итальянцев, в Ла-Сесилиа, около Палмейры.

1 Josef Semiradzki, цитированное сочинение.

Паранская Польша располагает металлоносными месторождениями, золотыми россыпями в Кампо-Ларго и ртутными залежами в Палмейре; но эти богатства совсем не эксплоатируются. Край этот славится более своими естественными достопримечательностями, чем рудами. В тридцати километрах к востоку от Понта-Гросса в глинистой почве открываются три замечательных *buracos* или колодцев, из которых один, имеющий 80 метров в отверстии, достигает 170 метров глубины; медленно проходящая по дну вода, переходя из пропасти в пропасть, утекает в лагуну, данницу р. Тибаги; в углублениях стен колодцев гнездятся вороны и разные виды ибисов. Далее к востоку достойна внимания одна скала старого красного песчаника, разложившаяся на глыбы, пирамиды, причудливые кучи обломков, так что её прозвали Вилла-Велья, т.е. «Старым, городом»[1].

Куритиба не имеет ещё, подобно Сан-Пауло, целой сети железных дорог, проникающих в годные для культуры западные зоны; он располагает всего лишь одною дорогою, которая идет к границам штата Санта-Катарины через город Лапа, окруженный скалами и пещерами. Река Игуассу, пересекаемая этой дорогой, становится судоходной в ста километрах на запад от Куритибы, в местечке Порто-до-Амазонас, но в 200 километрах ниже речное течение прерывается многочисленными водопадами. Вследствие недостатка дорог, почти вся западная область штата, отличающаяся большим плодородием и здоровым климатом и как бы самою природою предназначенная быть отечеством для миллионов людей, представляет теперь почти сплошную громадную пустыню; на берегах её рек живут небольшими группами одни лишь короадосы. Путешественник видит только бесформенные развалины бывших городов, построенных некогда иезуитскими миссионерами; среди долины рио-Ивахи находился некогда город «Вилла-Рика», а на берегу Параны, при устье Пиквири, помещались правительственные здания Гуайры, главного города обширной теократической империи Миссий, которая осталась покинутой вследствие нашествия паулистов. Ныне начальным пунктом земледельческого возрождения края является молодой город Гуарапуава, расположенный на высоте 1.200 метров в гористой лесной местности, окруженной кампосами; он принадлежит уже склону Игуассу, хотя стоит близ истоков Ивахи, которая образует великолепный водопад, в 75 метров высоты[2]. На севере Гуарапуавы, в верхней долине Ивахи, совершенно заглохшей без путей сообщения, была основана французская колония, но, несмотря на все усилия поддержать свое существование, она должна была распасться.

В то время, как внутри страны, где нет удобных путей сообщения, колонизация страны развивается довольно медленно, поток иммиграции проникает другим путем, именно по реке Паране, на границе с Аргентинской республикой. В 1889 г. бразильское правительство основало селение в месте слияния Параны и Игуассу, ниже великолепной «Ниагары», образуемой этою последнею рекою. Основанная в качестве военной колонии, Фоц-де-Игуассу представляет теперь свободную общину, имевшую в 1893 г. 700 жителей, бразильцев, парагвайцев и южных французов; все они были привезены на пароходе из Аргентины и теперь занимаются главным образом собиранием парагвайского чая и культурой маиса и других хлебов. Площадь будущего города занимает пространство в 25-ть квадратных километров, а вся отведенная колонистам территория заключает во сто раз большую поверхность. В Фоц-де-Игуассу, имеющем важное значение с стратегической точки зрения, как пограничный пост в соседстве Парагвая и Аргентинской республики, находятся первоначальные сооружения арсенала и флотилии. Не подлежит сомнению, что со временем здесь возникнет большой город или на месте нынешнего Фоц-де-Игуассу, или в каком-нибудь другом ближайшем пункте слияния, там, где долина Параны скрещивается с самой короткой линией, соединяющей Атлантическое побережье с Матто-Гроссо, центром материка[3].

Штат Санта-Катарина, названный так по имени продолговатого острова, по-индейски

1 De Taunay, цитированное сочинение.

2 De Taunay, цитированное сочинение.

3 Max Einerich, „Petermann's Mittheilungen", 1876, Heft IX.

Журу-Мирим— который тянется параллельно материку, в наиболее выдающейся части побережья,—больше всех других штатов Бразилии воспользовался оффициально руководимой колонизацией, так что его население состоит большею частью из чужестранцев и их потомков. Немецкие патриоты с радостью взирали на это нарождение будущей Германии Нового Света в штатах Санта-Катарина и Рио-Гранде-до-Суль. По крайней мере во многих провинциях преобладает немецкий язык, и, благодаря более солидному образованию, даваемому их компатриотами, Санта-Катарина, несмотря на свое незначительное население, приобрела в Бразильской конфедерации такое влияние, какого не имеют и большие штаты.

В 1849 году, на берегах реки Качоейры поселились немецкие земледельцы, которые были вывезены в этот штат одною гамбургскою торговою компаниею. Основанная деревня получила название Жуанвиль, в честь французского принца, которому была дана территория почти в 152.000 квадратных километров, как вдовья часть донны-Франсиски, сестры бразильского императора. Эти колонисты, которым судьба более благоприятствовала, чем многим другим, получили удачно выбранные наделы, располагающие удобными дорогами; благодаря этому, колония скоро приняла вид богатой немецкой деревни, с отлично обработанными полями; город с прямыми, широкими улицами, с уютными домиками, окруженными садиками и опутанными вьющимися растениями, выстроен по типу прирейнских городов, только в улучшенном виде. Из 19.000 городских жителей более 14.000 германцев или поляков. Вокруг Жуанвиля возникли пивоваренные и винокуренные заводы, экипажные заведения и другие фабрики; целые сотни возов тянутся отсюда к порту Сан-Франсиско, нагруженные парагвайским чаем, табаком, маисом, маниоковой мукой, маслом и другими земледельческими продуктами. К северо-западу, в Сан-Бенто и в другие колонии, расположенные на границе Параны, ведет проложенная по склонам серры до-Мар колесная дорога, которая в Рио-Негро соединяется с куритибской железной дорогой. Порт Сан-Франсиско, где сосредоточивается местная торговля,—одна из лучших гаваней на морском побережье, в которой может поместиться даже большой флот. На рейде, глубиною в 6 метров, отделяющем от материка остров Сан-Франсиско Ксавье, открывается для судов, бросающих якорь у островного берега, удобный канал, защищенный от всех ветров.

Колониальный центр Блуменау, расположенный на юго-западе от Жуанвиля, на берегах Итажахи, с большим трудом завоевал свое благосостояние. Основанный в 1852 г. на собственный риск и страх одним немцем, от которого и получил свое название, он много претерпел в первые годы своего существования и оправился только благодаря поддержке со стороны правительства. Освобожденная теперь от всякой опеки, эта колония находится в цветущем состоянии; её окрестности, усеянные мельницами и заводами, исполосованы дорогами вдоль и поперёк. Вверх и вниз по реке Итажахи ходят пароходы. Эта прежняя исключительно немецкая колония, где и по настоящее время немцев столько же, сколько и в городе Донна-Франсиско, с 1870 года имеет своим портом город Нова-Тренто, где большинство жителей германцы, хотя он и получил свое название от одной колонии триентинцев; прежний Итажахи обратился теперь в предместье нового города. Большое наводнение 1880 года повредило якорную стоянку, доступную теперь только для гоэлет[1].

К югу от Итажахи следует несколько небольших портов до пролива Дестерро, на берегу которого зародила колониальная история страны. Первым вошел в этот великолепный канал Жуан-де-Солис, в 1515 году; за ним, десять лет спустя, последовал Себастиан Кабо, но страна заселялась крайне медленно; главный город острова, сделавшийся столицей штата, возник лишь в 1650 году. Изгнанник Вельо Монтейро дал ему при основании название Носса-Сеньора-до-Дестерро, или «Божья Матерь Ссыльных», а остров получил название Санта-Катарина, в честь одной из дочерей Монтейро. Дестерро, расположенный на западном берегу острова, в том месте, где он наиболее приближается к материку, заметно разростается с каждым десятилетием; тем не менее он далеко не приобрел того значения, которого, повидимому, заслуживает, благодаря своему порту, очень удобному для торговли, пользующейся суда-

1Hugo Zoller, „Die Deutschen im brasilischen Urwald".

ми небольшой осадки. Ввоз в 1891 г.: 1.022.102 мильрейсов, или, считая 1 фр. 60 сантим. за мильрейс, 1.635.000 франков.

Суда, входящие в рукав по северному пути, находят ещё в небольшом расстоянии от берега 8—10 метров воды; но в узком проливе, имеющем всего 350 метр. ширины, который открывается на юге, между мысами Дестерро и Пьедаде, порог, образовавшийся из мягкого ила, поднимается до 1,5 метра под поверхностью: для свободного доступа больших судов вокруг всего острова необходимо прорыть канал между двумя «морскими косами», северной и южной. Впрочем, в этом морском рукаве, простирающемся на 60 километр. в длину, между Барра-до-Норте и Барра-до-Суль, можно найти много хороших якорных стоянок. Со стороны континента суда располагают двумя главными гаванями: Бигуассу, при устье реки того же названия, и Сан-Жозе, лежащею почти против Дестерро, на одной бухточке южного рукава. Почва острова Санта-Катарина, некогда богатого очень производительными своими кофейными плантациями, в настоящее время совершенно истощена, и холмы его заросли низким кустарником[1].

Равнины, орошаемые рекой Тубараон, приобрели за последнее время некоторое значение, благодаря залежам каменного угля, открытым в верховьях этой реки, на склонах серры-Жераль. Добываемый в этих копях уголь, по качеству своему далеко уступающий английскому, легко поддается разработке, и эксплоатируемые пласты дали уже по крайней мере 50 миллионов тонн. По долине Тубараона идет железная дорога, в 111 километров протяжения, построенная специально для перевозки каменного угля; она переходит прибрежный байю по мосту-виадуку дас-Ларанжейрас, длиною в 1.430 метров: это самое замечательное сооружение этого рода во всей Южной Америке. Затем дорога раздваивается на две ветви, из которых одна идет на север, к порту Имбитуба, а другая—на юг, к Лагуне. Одно время думали, что экспортная торговля направится через этот последний порт, расположенный на оконечности песчаного полуострова, ограничивающего с восточной стороны неглубокую лагуну; но опасности бара и недостаточная глубина заставили избрать более доступный и лучше защищенный порт Имбитуба: впрочем, и он имеет свои недостатки—дюны, которые под напором южных ветров медленно подвигаются к северу. Приливы и отливы в Лагуне крайне неправильны, благодаря встрече двух морских течений: они обусловливаются главным образом направлением ветров, и нередко колебание уровня происходит не более одного раза в день, при чём высота приливов не достигает даже одного метра[2]. Почти вся стрелка Лагуны, к западу от города, занята огромным тамбакви,—доисторическим складом раковин.

В штате Санта-Катарина береговая зона Серры-Абаиксо или «Пьемонта» гораздо шире, чем в более северных штатах Парана и Сан-Пауло, и климатические условия гораздо благоприятнее: оттого здесь почти всё население сосредоточилось в одном месте, и область плоскогорий не имеет значительного города, составляющего один городской организм с приморским городом. Главный по населенности пункт кампосов, Лагес, является центром скотоводства; отсюда скот отправляется сухим путем в Сорокабу. На пастбищах Санта-Катарины, простирающихся далеко вглубь к западным саваннам, на которые претендует Аргентинская республика, пасется до трех сот тысяч рогатого скота, принадлежащего Лагеским скотопромышленникам.

Главные бразильские города паранской покатости и смежного с нею побережья, с их приблизительным населением.

Штат Минас-Жераес: Жуис-де-Фора—15.000 ж.; Убераба—12.000; Сан-Жуан-дель-Рей—8.000; Барбасена—6.000; Тирадентес (Сан-Жозе)—5.000; Каксамбу—3.000.

Штат Сан-Пауло: Сан-Пауло—100.000 ж.; Кампинас—18.000; Сантос—15.000; Таубате—15.000; Пиндамоньянгаба—15.000; Лорена—11.000; Гуаратингуета—10.000; Рио-Кларо—8.000; Рибераон-Прето—8.000; Иту—6.000; Факсина—6.000; Жундиахи—5.000; Пирасикаба—5.000; Сорокаба—4.000.

1 Hugo Zoller, цитированное сочинение.

2 „Relatorio apresentado pelos Engenheiros".

Штат Парана: Куритиба—6.000 ж ; Паранагуа—3.000.

Штат Санта-Катарина: Дестерро—15.000 ж.; Блуменау—5.000; Лагуна—3.000; Жуанвиль —3.500.

VIII. Покатость р. Уругвай и смежное с нею побережье

(Штат Сан-Педро или Рио-Гранде-до-Суль).

Незначительная по своему пространству часть Бразилии, называемая штатом Рио-Гранде-до-Суль, по имени одного лпмана, который первые мореплаватели приняли за реку, как и бухту Рио-Жанейро, представляет собою одну из тех областей, которые, благодаря своему естественному богатству, могли бы вполне обходиться собственными ресурсами и образовать самостоятельную страну. И, действительно, эта промежуточная область, лежащая между лаплатскими землями и Бразилией, не раз проявляла свою самостоятельность. Во время португальского режима территория Рио-Гранде находилась в непосредственной зависимости от королевской власти и никогда не была ленным владением, подобно другим провинциям Бразилии. Являясь пограничною областью с испанскими владениями, эта страна имеет слишком большое политическое значение, чтобы само государство не считало себя обязанным защищать её и, по возможности, расширять её пределы. Рио-грандезцы с энтузиазмом приняли провозглашение независимости, но, теснимые притязаниями со стороны Рио-Жанейро, как некогда требованиями лиссабонского правительства, они попытались завоевать себе свободу, и в течение девяти лет, с 1835 до 1844 г., между *farrapos*, т.е. республиканцами, и *caramurus* или монархистами, шла ожесточенная война. То была героическая эпоха в истории Рио-Гранде, когда Гарибальди, только-что выступивший на арену своих легендарных похождений, неожиданно выростал перед имперскими войсками со своим легионом настоящих кентавров, появляясь то на берегах Уругвая, то на побережье, и победоносно овладевал неприятельскими постами: с большим трудом бразильской армии удалось отвоевать у горсти авантюристов небольшую республику Рио-Гранде. Впоследствии эта южная провинция, по самому положению своему, должна была пострадать больше всех других штатов от войн, направленных против Аргентинской республики и Парагвая, в которых она принимала самое деятельное участие. Наконец, даже до последнего времени, уже после провозглашения Бразильской республики, Рио-Гранде, следуя своим политическим традициям строгого федерализма, неустанно продолжает бороться за сохранение своей местной автономии: этот-то штат и был рассадником тех революционных стремлений, которые постепенно охватили всю Бразилию, заставив её подняться против военной диктатуры.

Со стороны Аргентинской республики Рио-Гранде ясно отделен естественной границей, т.е. течением реки Уругвая; но на юге, на границах Восточной Банды, линия раздела, благодаря превратностям войны, начертана совершенно условно. На морском побережье международной границей служит небольшой ручей Шуй, затем раздельная линия идет среди Лагоа-Мирим до устья Жагуарон. Эта река служит границей до ручья Альто-да-Мина, где начинается извилистая линия, направляющаяся на северо-запад по холмам, до раздельного порога двух рек—Ибикуи-Гранде и Такуарембо. Дальше пограничною линиею служит течение Рио-Куараим.

В прежния времена, когда внутренния области были ещё нераздельными, испанцы доходили до самых истоков Уругвая, т.е. до самой верхней зоны; там лежат одна против другой две лесные территории, Матто-Кастельяно и Матто-Португес, отделенные друг от друга каймою саванн, Кампо-до-Мейо, или «Срединным полем». Территория Рио-Гранде-до-Суль образует четырехсторонник, имеющий в окружности почти 500 километров длины; хотя эта область была исследована по всем направлениям, за исключением северных кампосов, тем не менее она всё ещё не имеет точной карты, и здесь не приступлено даже к предварительным

съемкам, как в Сан-Пауло и в Минасе.

Число её жителей возрастает как благодаря иммиграции, так и вследствие значительного перевеса рождаемости над смертностью, что свидетельствует о вполне здоровом климате этой страны. Поверхность и население Рио-Гранде-до-Суль, по переписи 31 дек. 1890 г.:

236.553 квадр. кил.; 897.455 жит.; 4 жит. на кв. кил.

В истории Рио-Гранде принимало некоторое участие население иностранного происхождения. Первыми колонизаторами края были не континентальные португальцы, как в большей части других провинций, а жители Азорских островов, которых голод выгнал с их архипелага; им обязаны своим возникновением, в 1737 и 1741 годах, два города: Рио-Гранде и Порто-Алегре. Немецкие эмигранты появились в этом штате с первых же лет бразильской независимости: в 1824 году более ста двадцати немцев поселились в императорском имении, около того места, где стоит город Сан-Леопольдо, и получили для культуры небольшие участки земли; впоследствии к ним присоединились отставные солдаты и в середине столетия в этом штате насчитывалось уже более 7.000 немецких колонистов[1]. Европейские революции отразились на этом штате иммиграцией более тысячи *Brummer*'ов, или солдат-волонтеров, навербованных Бразилией в Гамбурге во время войны её с диктатором Розас и большая часть которых принимала участие в германских революционных бунтах 1848 года. Многие выдающиеся люди, находившиеся среди этих новых граждан Рио-Гранде, прославили гостеприимную страну и посеяли там семена просвещения, благодаря чему штат этот занял такое видное место в Бразильской республике. Хотя прежние земледельческие колонии и утратили ту организацию, которая была им дана центральным или областным правительством; хотя все эмигранты и их дети сделались по закону бразильцами,—тем не менее германский элемент ещё не вполне ассимилировался, и во многих местах поддерживается крепкая связь, явившаяся результатом общего языка, воспитания и нравов; но это «государство в государстве», состоящее из иностранцев, расходящихся с туземцами в образе мыслей, слишком незначительно в сравнении с быстрым разростанием других этнических элементов—итальянцев, испанцев и славян, одним словом—людей всевозможных рас, вошедших в состав бразильской нации. В 1875 году в этом штате было более 90.000 невольников: до окончательного декрета об освобождении, Рио-Гранде-до-Суль даровал свободу более чем половине всех своих рабов; в 1885 году эта область отпраздновала годовщину независимости дарованием свободы десяти тысячам людей.

Четыресторонник Рио-Гранде-до-Суль разделяется естественным образом на четыре области, отмеченные главным рельефом. Как и в соседних штатах, по атлантическому побережью тянутся низкие земли, а высокие, лежащие на высоте тысячи метров, отделяют береговую зону верхних земель, спускаясь ровным скатом к Уругваю. Но эти две области, нижняя и верхняя, разделены, в свою очередь, глубокою впадиною, на восточной стороне которой извивается река Вакакахи, с её продолжением—рекою Жакухи, а на западной—Ибикуи-Гранде, приток Уругвая. Северо-восточные горы сохраняют название серры-до-Мар, под которым они вступают и в пределы штата Рио-Жанейро; но к югу от р. Жакухи они последовательно принимают другие названия. Между Жакухи и Камакуамом береговая гора называется серро-до-Эрваль; на юге между реками Камакуам и Жагуараон, она известна под названием серро-дос-Тапес, а различные отроги этих гор носят опять-таки другие названия. Подобно серре-до-Мар в собственном смысле, южные серры тоже состоят из кристаллических горных пород—гнейса и гранита.

Поперечное понижение, лежащее между морем и Уругваем, ограничено, словно высоким берегом реки, краем северного плоскогорья, и этот крутой склон, представляющий по одной из своих сторон горную цепь, называется обыкновенно серрою. Он распадается на несколько отдельных массивов, ориентированных на запад. В то время, как по соседству с морем, серра вздымает живописные скалы, изрезанные пропастями, над кампосами, покатыми к Уруг-

1Hermann von Jhering. „Rio Grande do Sul".

ваю, возвышаются лишь одни холмы с очень отлогими склонами, или даже простая волнистость, делающая почву похожею на волнующееся море. Цепи, отделяющиеся от главной серры, а также и возвышенности южных земель, лежащих по соседству с Восточной Бандой, известны под названием *coxilhas* (cuchillas), несколько искаженным против своего первоначального значения. Кочильясы этой части Америки представляют собою не острые кряжи, в виде острия ножа, а, напротив, хребты с длинными скатами, как холмы «Аркадии».

Гранитные скалы, образующие остов страны, покрыты во многих местах третичными песчаными пластами; но относительно недавние формации являются по преимуществу в виде эруптивных масс, которые, разлагаясь от влияния воздуха, покрываются темною или охрово-желтою корою и превращаются в красноватую глину, из которой состоят почти все поля. Кроме того, в Рио-Гранде-до-Суль попадается настоящий базальт. Красота пейзажей много выигрывает от разнообразия этих вулканических масс, разъедаемых действием метеорических сил; заметные уже издали скалы в виде колоколов, сундуков, пирамид, саркофагов и пропилей, представляют остатки прежних вулканических потоков. В некоторых центральных областях траппы занимают почти всю поверхность земли, но по направлению к западу, к реке Уругваю, они заметно редеют. Геологи связывают обыкновенно с появлением эруптивных масс превращение глинистых веществ в агат, халцедон, яшму и аметист, которые в необыкновенном множестве встречаются в некоторых местах штата Рио-Гранде-до-Суль. Превращение медуз и других морских организмов в кремнистые прозрачные тела, содержащие ещё в себе воздушные пузырьки и водяные капли, объясняют неожиданным разлитием лавы, извержением пепла или обвалами земли, прерывающими сразу всякое сообщение с наружным воздухом[1]. Эти действительно драгоценные камни, вывозимые в большом количестве на немецкия гранильные фабрики на р. Наэ, не единственные рудные богатства страны: Рио-Гранде-до-Суль заключает в себе так сказать, совокупность богатства всего мира: золото, серебро, медь, олово железо, свинец, каолин и уголь.

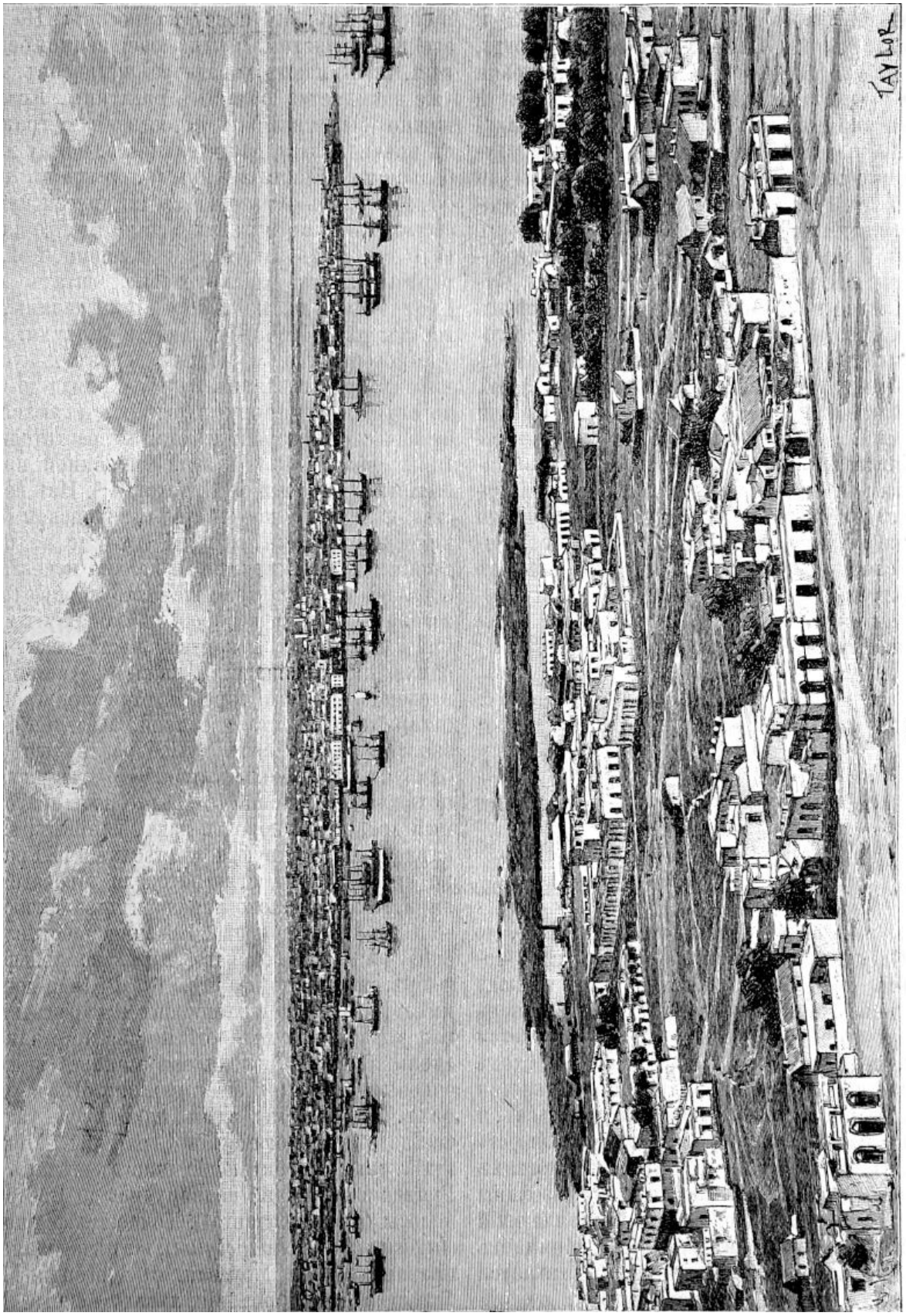
Длинный пляж, развертывающийся красивыми изгибами по всему атлантическому побережью Рио-Гранде, весь состоит из океанской формации: волны нанесли этот песчаный пояс и при каждом приливе изменяли его новыми наносами и размыванием. Различные признаки заставляют предполагать, что относительно уровень земли и моря постоянно изменяется, и из воды постепенно выступают пляжи. Вследствие образования берегового пояса, от моря отделились обширные водные пространства, обратившиеся в лагуны, вода которых, беспрестанно возобновляемая речною, сделалась или солоноватою, или даже совсем пресною. Ряд прудов начинается уже в штате Санта-Катарина лагуною Тубараон. В незначительном расстоянии от побережья лежат водные площади всевозможной величины; из них одни совершенно замкнуты, а другие сообщаются байусами и вливаются в море через соединительные протоки, открывающиеся в дождливое время года и закрывающиеся в сухое. Позади этого первого ряда береговых прудов образовался более неправильный второй, соединяющийся через Капивари с внутренним морем, поверхностью почти в 9.000 кв. километров, которое носит название Лагоа-дос-Патос, что значит «лагуна Уток»; впрочем, название это не следует понимать в прямом смысле, так как оно дано вовсе не ради тех уток, которые плавают в водах лагуны, а в воспоминание об индейцах патос, защищавших вход в эту лагуну от вторжения европейцев[2]. В южной части штата лежит другое, отделенное от моря озеро,—Лагоа Мирим, что на языке гуарани означает «Маленькая лагуна»; но это название она получила не по размерам своим, в общем довольно значительным, а по сравнению с Лагоа-дос-Патос. Оно тянется с северо-востока на юго-запад, между штатом Рио-Гранде-до-Суль и Уругваем, на пространстве около 200 километров.

Целая речная сеть принадлежит к озеру Патос и к его истоку Рио-Гранде. Главный приток, известный под разными именами, образуется в центре штата соединением рек Вакакахи и Жакухи, из которых последняя считается главной ветвью. Ниже большого водопада, са-

1 Durand-Savayat, рукописные заметки.

2 Hermann von Ihering, цитированное сочинение.

choeira, соединенная река становится судоходной и быстро увеличивается в объеме, усиливаемая притоками, приходящими преимущественно с севера: Таквари, Кахи, рио-дос-Синос спускаются с этих северных возвышенностей. Но уже главная река превращается в лиман;

Монтевидео.

ветвь её, Жакухи, принимает название Гуахиба и соединяется посредством пролива с озером Патос. С своей стороны, озеро или лагуна Мирим принимает в себя уругвайскую реку Себолати и реку Жагуараон, составляющую границу двух государств, Бразилии и Уругвая, затем

направляет избыток вод к своей северо-восточной оконечности и изливается в озеро Патос каналом Санградоуро, называемым также Сан-Гонсало, и усиливаемым в своем течении притоком Пиратинин; выправительные и водоуглубительные работы сделали судоходным этот канал, которым ныне пользуются пароходы, поддерживающие торговое сообщение между двумя озерными бассейнами. Другая река, Камакуан, впадает прямо в озеро Патос. Вся эта речная масса искала себе выхода к морю и нашла слабый пункт пляжа на южной оконечности озера Патос, где открывается выходной поток, называемый рио-Гранде-до-Суль («Южная Большая река»). Перед входом расположен очень опасный бар, часто окаймленный ставшими на мель судами. До сих пор не удалось закрепить песчаные мысы, между которыми изливается река.

На северо-востоке и на северо-западе, на двух фасах своей обширной окружности, провинция Рио-Гранде-до-Суль точно ограничена течением Уругвая. Эта река,—гуаранское имя которой, означающее, по толкованию различных этимологов, «Хвост Курицы», или «реку разноцветной Птицы», применяется также к независимой республике,—принадлежит Бразилии областями истоков, и в большей части своего течения пересекает или омывает бразильские земли. Она зарождается в приморской цепи, серра-до-Мар, в пятидесяти километрах от Атлантического океана, и под различными наименованиями пробегает область кампосов. Прилегающие к Рио-Гранде кампосы изливают в неё реку Уругвай-Мирим, или «Малый Уругвай», а штат Санта-Катарина посылает ей многочисленные притоки, между прочим, Шапеко и Пепири-Гуасу,—«Большая река палевого цвета»—которые давали и дают ещё повод к бесконечным спорам между историками и дипломатами по вопросу о границах между Бразилией и Аргентиной. Ниже Пепири-Гуасу, Уругвай, бежавший до того в западном направлении, вдруг низвергается водопадом Сальто-Гранде и принимает нормальное направление на юго-запад, сохраняя его во всей части своего течения, разграничивающей две республики. Самый крупный его приток в этой средней области—рио-Ибикуй-Гранде, судоходная для мелких гребных судов на протяжении нескольких сот километров. Уругвай также носит суда, но местами русло его перерезано порогами, и беспрепятственное судоходство начинается только гораздо южнее бразильской территории, ниже водопада при Сальто, городе области Банда-Ориенталь.

Рио-Гранде-до-Суль, самый южный из штатов Бразилии, по климату всего более походит на Западную Европу. Контраст времен года там резко обозначен: край этот имеет знойное лето и холодную зиму, крайности температуры могут достигать там разности, превышающей 40 градусов; в январе и феврале случалось наблюдать жары в 38 и 39 градусов по Цельсию, а зимой иногда, как, например, в июле 1870 года, страна бывала покрыта снежной пеленой. В области холмов термометр опускается до 8 градусов; но подобные скачки температуры случаются вообще редко, обыкновенно же смена времен года происходит постепенно: средняя разность температур между самым теплым и самым холодным месяцами составляет не более двенадцати градусов. Самые резкия перемены температуры имеют место тогда, когда дуют западные или юго-западные ветры, *типпапо*, спускающийся с холодных плоскогорий Андов, или *pampeiro*, проносящийся перед тем над аргентинскими пампасами. Дожди распределены весьма неравномерно в году. Нормально они выпадают зимой; но и летние дожди, более короткие, но зато и более сильные, проливают почти столь же значительное количество влаги. Годовой слой дождевой воды составляет, в среднем выводе, около 1 метра.

Климатические условия штата Рио-Гранде-до-Суль, на морском берегу и внутри страны:

	Широта	Температура	Дожди	Дней с дождем в году
Санта-Круц	29°,45'	19°,2 (35°—0°)	?	107
Пелотас (Пелоташ)	31°,46'	17°,2 (37°,5—0°,5)	1,066 метр.	83
Рио-Гранде (6 лет)	32°,7'	18°,8 (32°,4; 1°)	0,912 метр.	80

Так же, как в соседних штатах, до Сан-Паоло, в Рио-Гранде-до-Суль леса чередуются с кампосами. Контраст между двумя пейзажами иногда выступает очень резко, и море деревьев вдруг сменяется морем травы. В других местах переход совершается постепенно: лес продолжается архипелагами, затем островками деревьев, и catingas, или полулесье, возвещают близость кампосов. Во многих степных местностях низкорослые пальмы (*butia rasteira*) рассеяны среди травы. Большой лес, составляющий продолжение сельвасов севера, занимает горную цепь серра-до-Мар и продолжается по окраине гор, господствующих на севере над долиной реки Жакухи. На севере и северо-западе штата, области, опоясываемые течением Уругвая, также образуют обширные лесные пространства, самые богатые по разнообразию древесных пород и обещающие, благодаря плодородию своей почвы, сделаться самой многолюдной частью штата. На юге от реки Жакухи, высокие горы цепей Эрваль и Тапес также покрыты девственными лесами; но почти вся центральная и западная область штата Рио-Гранде-до-Суль принадлежит к поясу кампосов. На юге, эти пространства, почти совершенно безлесные, принимают характер пампасов: здесь уже начинается область Аргентины. Если бы нужно было выбрать естественную границу, с точки зрения растительности, между двумя большими областями, из которых в одной осью служит Амазонка, а в другой центр составляют аргентинские пампасы, то следовало бы взять закраину возвышенностей, перерезывающую диаметрально штат Рио-Гранде-до-Суль, на севере от впадины, где текут реки Ибикуй-Гранде и Жакухи.

Многочисленные породы дерев и кустарников представляют в Рио-Гранде-до-Суль аргентинскую флору и перемешиваются с бразильской флорой: некоторые растительные типы связывают в этой умеренной полосе области Амазонки и Патагонии[1]. Из семейства пальм в южной рио-гранденской ботанической области встречается уже не более десятка видов: кокосовая пальма исчезла, но осталась ещё смежная порода, жерива (cocos coronata), листья которой, с завернутыми в них колосьями кукурузы, составляют любимую пищу лошади. Шишки араукарий привлекают на эти деревья стаи попугаев и откармливают стада свиней. Местная флора заключает в себе также различные виды бамбука и бромелию «кравата» (карагуата), похожую на ананас. Некоторые драгоценные древесные породы, как, например, жакаранда, отсутствуют в лесах Рио-Гранде; но число пород строевого или дорогого столярного леса далеко переходит за сотню.

Южная оконечность Бразилии составляет ещё часть амазонского мира, не только по флоре, но и по фауне. Рио-Гранде-до-Суль имеет обезьян и вампиров, ягуаров и пум или «львов»,—хотя эти последние стали уже очень редки,—крокодилов жакаре (кайман очковый, *alligator sclerops*), игуан и черепах. Однако, мы здесь находимся уже в соседстве зоологической границы. Пекари, кутиа, тапир, обитающие ещё в лесах Рио-Гранде-до-Суль, не подвинулись до Восточной полосы (Banda Oriental). Точно также вискача (*lagostomus trichodactylus*), встречающаяся на правом берегу Уругвая, в Аргентине, неизвестна на территории левого берега. Река эта служит пределом и некоторым другим животным видам: так, муравьеед большой и коати (*nasua socialis*) живут только на восточной стороне речного течения[2].

Исследование древних могил на побережье обнаружило доисторическое существование туземцев, имевших тип, аналогичный типу айморов или ботокудов, но с характером почти зверским. Один череп, открытый близ океанского берега, к юго-востоку от Порто-Алегре, имеет выдавшиеся брови и очень выдвинутую нижнюю челюсть: в целом физиономия должна была иметь свирепое выражение[3]. Население, которое нашли завоеватели, было всецело гуаранского происхождения и состояло из многочисленных племен, карижо, пато, минуано, тапе, шарруа, оставивших по большей части свои имена горам, озерам или другим чертам

1 H. von Ihering, „As Arvores de Rio-Grande do Sul“.

2 H. von Ihering. цитированное сочинение.

3 S. Carlos von Koseritz, „Nature“, 21 Aug. 1884.

страны. Но чистая раса почти исчезла, и кровь индейцев течет только в жилах смешанного белого населения. Много-много что какая-нибудь тысяча туземцев, обыкновенно называемых короадосами или бугресами, сохранилась ещё на севере штата, вокруг военного поселения Казерос. Но эти аборигены, «христиане» по имени, утратили уже всякую память о своих предках и ведут такой же образ жизни, как аргентинские гаучо. Африканская раса, которую во времена невольничества учреждения и нравы держали в отчуждении от других жителей, поглощается, в свою очередь, массой господствующего населения. Тогда насчитывали около сотни тысяч чернокожих в провинции Рио-Гранде; в наши дни статистика дала бы гораздо меньшее число представителей этого племени.

Другие этнические элементы также растворяются постепенно в португальском населении штата Рио-Гранде. Немцы,—обозначаемые этим именем, как образующие отдельную нацию,—составляли прежде шестую или седьмую часть общего числа жителей; ныне же они составляют много что восьмую часть, и даже не более десятой, если считать принадлежащими к этой расе только тех, которые обыкновенно говорят языком предков; но эти колонисты обладают четвертью народного богатства и половиной местной промышленности. Те из немцев, которые представляют наиболее сильную национальную связь, колонисты серры-да-Коста,—т.е. совокупности гористых земель,—всего менее прогрессируют во всех отношениях: они ещё не научились говорить по-португальски, придерживаются дедовских приемов в земледелии и одеваются по старой моде, тогда как сыновья их, живущие в городах, отличаются знанием языков, инициативой и промышленным духом: почти все фабрики и экспортные дома в их руках. Что касается иммигрантов итальянских, португальских, испанских (из Галисии), прибывших в эти последние годы, вдесятеро более многочисленных, чем немцы и составляющих главную массу иностранного населения, то они, благодаря своим нравам и своей латинской речи, гораздо быстрее увлекаются в поток национальной циркуляции. Число иммигрантов в Рио-Гранде-до-Суль в 1890 г.: 12.034; в 1891 г.: 24.325.

Близость Аргентины сказывается в Рио-Гранде-до-Суль в деятельности и характере жителей. Производство мяса составляет господствующий промысел в этом штате, также как в Уругвае и пампасах. Несметные стада бродят на пастбищах, и бойни являются главными промышленными заведениями в городах этой области. Характеристический тип рио-гранденского поселянина походит на тип аргентинского гаучо: это тоже неутомимый наездник, человек редкой силы и ловкости, смелый и хитрый, не содрогающийся при виде крови. В войнах Бразилии, гражданских или внешних, рио-гранденская кавалерия играла решающую роль в битвах.

Нынешний главный город штата Рио-Гранде-до-Суль, Порто-Алегре, лежит в истинном географическом центре страны, в том месте, где река Жакухи, принявшая уже все свои притоки, вдруг расширяется, чтобы образовать лиман Гуахиба: здесь сходятся сухопутные и водяные дороги. Он занимает на восточном берегу лимана живописный мыс, находящийся непосредственно ниже целого архипелага лесистых островов, и выдвигает на север и на юг, между садами, свои элегантные предместья: один из этих внешних кварталов, на северной оконечности, населен моряками или *navegantes*. Почва, на которой построен город, довольно волниста, так что здания поднимаются в виде амфитеатра, и высящиеся на восточной стороне лесистые холмы, усеянные домиками, придают смеющуюся физиономию всему пейзажу. Порто-Алегре не может похвалиться древностью происхождения; несколько семей переселенцев с Азорских островов устроили в этом месте пристань в 1742 году: это и было начало поселения, которое, в 1773 г., приняло имя Порто-Алегре. Процветание его началось только с того времени, когда немецкие колонии серры-да-Коста сделали из него складочное место своих земледельческих произведений; теперь это—промышленный город, имеющий сигарные фабрики, пивоваренные заводы, судостроительные верфи. Бразильское правительство поместило там военное училище, стратегический центр южных штатов. С точки зрения литературной и научной, Порто-Алегре может быть рассматриваем как род столицы, благодаря своим школам, коллегиям, периодическим изданиям. В небольшом расстоянии к западу,

близ южного берега реки Жакухи, находятся каменноугольные копи св. Иеронима, доставляющие около 2.000 тонн топлива в год; они находятся в угленосной полосе, которая тянется с северо-востока на юго-запад, параллельно побережью, от залежей Тубараон до залежей Жагуараон.

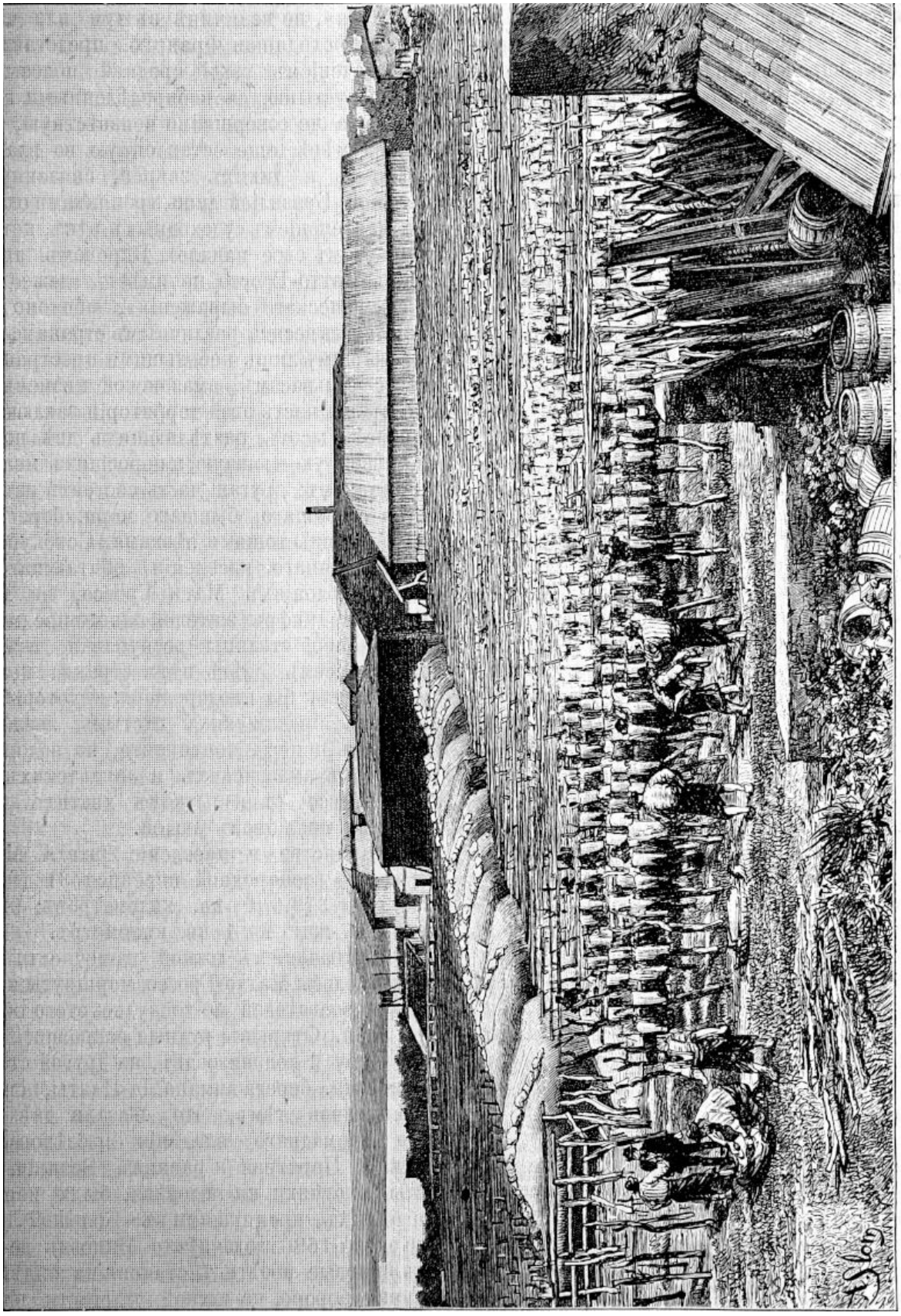
Естественный торговый путь по реке, дополняемый выше Таквари железной дорогой, которая проникает на западе в бассейн Ибикуй-Гранде, проходя чрез промышленные города Рио-Пардо и Кашоэйра, приносить ему произведения западных сельских местностей, а другой железный путь, идущий в северном направлении, на Сан-Леопольдо и Нова-Амбурго (Hamburger Berg), связывает немецкие колонии с их естественным рынком. Судоходные воды озера, продолжающагося на юг, ставят столицу штата в прямое сообщение с городами Пелотас, Рио-Гранде и иностранными портами для судов, имеющих до двух с половиной метров водоуглубления.

Но так как опасности морского бара не позволяют Порто-Алегре развивать свою внешнюю торговлю, то жители его предполагали дать ему другой выход к морю, утилизируя цепь озер, которая от озера Патос направляется на северо-восток, к лагуне Тубараон. Канал начался бы в бухте Капивари, и около середины его протяжения, на границе двух штатов Рио-Гранде и Санта-Катарина, коснулся бы порта Санто-Домингос-дас-Торрес—или просто Торрес,—названного так от трех гранитных скал, выступающих из песков в форме «башен». Но этот порт открыт всем ветрам, и необходимо было бы защитить его поясом жете и волноразбивателей. Это работы весьма значительные, которые бюджет штата Рио-Гранде ещё не позволяет предпринять. Инженеры предлагали также прямо перерезать перешеек, защищающий на востоке озеро Патос, и создать искусственный порт на оконечности этой купюры.

На другом конце речного бассейна, город Жагуараон, «Тигровый», названный так либо от ягуаров, рыскавших некогда в этих ущельях, либо по причине опасностей прохода, прислонен к высокому холму, откуда открывается обширный вид. Основанный в 1763 году переселенцами с острова Мадеры, Жагуараон принимал участие в войнах и в местных революциях, и ведет кое-какую торговлю с соседней республикой через свое уругвайское предместье Артигас, от которого он отделен лишь течением реки; но главным рынком страны является город Пелотас (Пелоташ), построенный на левом берегу рио-Сан-Гонсало, недалеко от впадения этой реки в озеро Патос, Из всех бразильских городов, Пелотас приготовляет на своих мясных заводах наибольшее количество *carne secca* (сушеного мяса): на бойнях его ежегодно убивается свыше 300.000 быков,— даже 400.000 в 1890 г.,—мясо которых, высушенное, отправляют в северные города, Рио-Жанейро, Бахию, Пернамбуко. Торговля эта представляет среднюю ценность в тридцать миллионов франков; кроме того, сало идет на мыловаренные и свечные заводы, а отбросы утилизируются в виде удобрения.

Два города стоят друг против друга на берегах потока, уносящего в море избыток вод озера Патос: на востоке—Сан-Жозе-до-Норте, на западе—Рио-Гранде-до-Суль. Последний, бывший главным городом провинции, которой он дал свое имя, имел бы красивый вид, если бы его не безобразили форты, крепостные стены, военные постройки, наполняющие оконечность узкого полуострова между двумя лагунами. Озерное течение оставляет далеко в стороне этот полуостров и проходит у самого берега Сан-Жозе-до-Норте. Оттого купеческие суда должны избегать мелей и подводных камней у подходов Рио-Гранде и бросать якорь около Сан-Жозе, на противоположном берегу. Другое, ещё более важное, неудобство порта составляют пески бара, который до сих пор не удалось закрепить, и на пороге которого глубина воды варьирует, в зависимости от приливов и бурь, между 2-мя с половиной и 4-мя метрами; бар этот имел всего только 11 футов,—3 метра 35 сантиметр.,—глубины, когда, в 1885 году, открылся южнее новый фарватер в 4 с половиной метра глубины, которая увеличивается при северо-восточном и уменьшается при юго-восточном ветре. Проект улучшения порта предлагает сооружение двух параллельных молов, доведенных до глубины моря в 6 метров и драгаж между этими молами фарватера шириной в 400 и глубиной в 8 метров. Но, в ожидании осуществления этих проектов, торговля города Рио-Гранде, состоящая почти ис-

ключительно в вывозе мяса, уменьшилась: она ищет сухопутных дорог, чтобы избегнуть опасного прохода. Земледельческая промышленность в Сан-Жозе ограничивается культурой лука, единственного растения, которое хорошо родится на песчаной почве этой местности[1].

Саладеро въ Сальто.

Ценность торговли Рио-Гранде в 1891 году: 42.000.000 мильрейсов или 67.200.000 франк, (считая мильрейс в 1 фр. 60 сантим.). Движение судоходства в Рио-Гранде в 1891 году:

1 H. v. Ihering, „Petermann's Mittheilungen", 1887, Heft X.

326.000 тонн.

Железная дорога, соединяющая Рио-Гранде-до-Суль с городом Пелотас, продолжается на запад, вдоль Уругвайской границы, до города Баже, лежащего близ бывшей Санта-Теклы, уже на покатости Рио-Негро, почти всё течение которой развертывается в территории соседней республики. По своему скотоводному промыслу, так же, как по своим торговым сношениям, Баже принадлежит к той же зоне, как испанские города юга, и с обеих сторон границы население очень смешанное. Баже и лежащий западнее город Санта-Анна-де-Ливраменто во время гражданских войн служат местами убежища для побежденных уругвайцев и главными квартирами, где вновь формируются рассеянныя банды, чтобы предпринимать новые набеги. Соседния горы изобилуют металлами, свинцом, медью и золотом: близ местечка Лаврас, или «Золотые прииски», этот последний металл эксплоатируется с 1835 года. В некоторых местах железная дорога из Баже в Пелотас пересекает пласты каменного угля, впрочем, плохого качества, который употребляли как материал для постройки насыпей[1].

Северная область кампосов Рио-Гранде не имеет ещё достаточно многочисленного населения, чтобы могли возникнуть в верхнем бассейне Уругвая города в собственном смысле. Первое местечко на верхнем течении этой реки—известная Санта-Боржа, бывшая миссия иезуитов, вокруг которой группировались индейцы гуарани; Эме-де-Бонплан, друг Александра Гумбольдта и его спутник в путешествиях по «экваториальным странами», провел здесь остаток своих дней, после того, как был отпущен на свободу из плена, в котором его держал многие годы парагвайский диктатор Франсиа. Ниже, почти против устья реки Агвапей, стоит город Итаки, где бразильское правительство учредило свой арсенал на границе Аргентины. Уже Итаки ведет торговлю непосредственно с Монтевидео во время разливов; главный рынок, который служит портом городу Алегрете, административному центру бассейна реки Ибикуй, есть Уругваяна, построенная напротив города Реставрасион; брод, где проходят всадники, называемый Paso de los Libros, соединяет эти два города и два штата. Основанная аргентинскими изгнанниками, Уругваяна, исходный пункт судов, в крайнем углу бразильской территории, приобрела громкую известность во время парагвайской войны. Пятитысячное неприятельское войско, вторгнувшееся туда, в 1865 году, должно было сдаться, после правильной осады, веденной против него тремя союзными армиями, под начальством императора дон-Педро. В Бразилии нет города, который не имел бы, в память этой победы, улицы, площади или бульвара, носящих имя Уругваяны.

Главные и исторические города штата Рио-Гранде-до-Суль, с приблизительной цифрой их населения:

Порто-Алегре—52.000 жит.; Пелотас—33.000 ж.; Рио-Гранде и Сан-Жозе—23.000 ж.; Баже—22.000 ж.; Сан-Леопольдо—8.000 ж.; Уругваяна—8.000 ж.; Санта-Круц—6.000 ж.; Санта-Анна-де Ливраменто—5.000 жит.; Жагуараон—5.000 ж.; Алегрете—4.000 ж.; Итаки—4.000 ж.; Санта-Боржа—2.500 ж.

IX. Матто-Гроссо

Обширная область Матто-Гроссо, или «Большого Леса», по величине в три или четыре раза превосходящая Францию, представляет, за исключением узкой средней полосы, громадную пустыню, с неопределенными границами, если не совершенно неизвестную, то, по крайней мере, ещё оставленную во владении индейцев и диких зверей, связанную с остальной Бразилией лишь тропинками охотников да течением судоходных рек, которые берут там свое начало. Впрочем, это название Матто-Гроссо не имеет даже цены «географического выражения», ибо оно применяется к весьма различным странам, принадлежащим лишь небольшими пространствами к сельвасам амазонской низменности: наибольшая часть этой

1 H. v. Ihering, „Petermann's Mittheilungen", 1887, Heft X

территории заключается в поясе высот, разделяющих две покатости, северную и южную, и поросших мелким кустарником; другая часть состоит из дна, частию обсохшего, бывшего моря, берега которого усеяны тощими лесками. Совокупность цивилизованного населения, обитающего в редких колониях Матто-Гроссо, не достигает даже цифры жителей одного предместья Рио-Жанейро, столицы республики, а между тем во всём свете нет страны, которая превосходила бы плодородием некоторые части этих бразильских пустынь, лежащих в самом центре континента, на водоразделах рек амазонских и лаплатских. В Матто-Гроссо с избытком хватит места для сотни миллионов людей.

Пространство и население штата Матто-Гроссо, по всенародной переписи 31 декабря 1890 г.: 1.379.651 кв. километров; 92.827 жит.; 0,07 жит. на 1 кв. километр.

За исключением южной оконечности и западной полосы Матто-Гроссо, маршруты испанских завоевателей не коснулись этого обширного края. Открыв рудные сокровища верхнего Перу и колонизовав, на другой стороне континента, берега лимана Ла-Платы, испанцы ограничились тем, что связали две части этого громадного владения исследованием верхнего Парагвая и равнин Боливии. Паолисты, охотники на человека, были первыми из белых, проникшими в «Большой Лес». Уже около 1680 года некто Маноэль де-Кампос впервые посетил становища индейцев племени бороро, на южной отлогости плоскогорий; за ним следовали другие торговцы. С открытием золота вдруг возросло число паолистских путешественников, и каждый год караваны, из которых иные состояли из нескольких сотен *bandeirantes*, отправлялись в эту «Обетованную Землю», где, по народной молве, собирали арробами самородки золота. Но, пускаясь в свои moncoes или ежегодные экспедиции, авантюристы из Сан-Паоло шли наугад, так как проложенных дорог не существовало. Подвергаясь нападениям враждебных индейцев, не имея других источников продовольствия, кроме продукта своей охоты и рыбной ловли, или съестных припасов, украденных в становищах туземцев, они должны были строить себе лодки и плоты, избегать крушений, лихорадок, ран. Нельзя было останавливаться, чтобы ухаживать за больными: раненые, заболевшие лихорадкой, ослабевшие от голода,—все, кто не мог следовать за караваном, были покидаемы в кустарнике на произвол судьбы, во власти диких зверей. Случалось, целые экспедиции исчезали до последнего человека[1]. В этих областях, почти пустынных, расстояния мало известны, и в своих оценках пройденного пути путешественники могут сильно ошибаться: как некогда во всей Бразилии, там считают ещё переходы «милями» средней длины от 5 до 8 километров, но допускающими гораздо большую разницу, от *legoa grande* (большая миля) до legoa *pequena* (малая миля) и до *legoa de nada*, или «ничтожной мили»[2].

Чтобы добраться до приисков Куйяба, где теперь находится главный город штата, территории, отделенной от бывшего капитанства Сан-Паоло, золотоискатели плыли сначала по течению рио-Тиете, затем спускались по Паране до впадения рио-Пардо, по которой поднимались, чтобы достигнуть, через её приток Аньямбухи, серры-Санта-Барбара и кампосов Ваккариа, откуда река Миранда, рио-Парагвай и рио-Куйяба приводили их к цели, после многомесячного странствования. В свою очередь, минейросы (жители Минас-Жераеса), соперники паолистов, узнали дорогу в Матто-Гроссо и, перейдя Гойас, следовали прямым путем, ведущим в Куйябу, по долине рио-дас-Мортес. Но золотые прииски, так же худо разрабатывавшиеся, как и в остальной Бразилии, утратили постепенно свою притягательную силу, и Матто-Гроссо снова почти впал в забвение, когда, вместе с бразильской независимостью, началась эра научных исследований. Д'Орбиньи, де-Кастельно, д'Аленкур, особенно Леверже, способствовали ознакомлению с природой страны; затем, когда война с Парагваем доказала, что Матто-Гроссо находился ещё материально вне империи, многочисленные коммиссии, одна за другой, исследовали этот край. И действительно, политическая зависимость Матто-Гроссо от Бразилии была бы непонятна, если бы факт этот не объяснялся численной незначительностью белого населения, затерянного среди индейских племен. Сильная коло-

1 Barbosa de Sa, „Relacao des Povoacoes“;—Severiano da Fonseca, „Viagem ao redor do Brazil“.

2 Henry Koster, „Travels in Brazil“.

ния захотела бы завоевать себе автономию и, без всякого сомнения, достигла бы этой цели, так как полное отсутствие удобных для прохода войска дорог оградило бы страну от всякого вторжения извне. Даже в своем состоянии крайней политической слабости жители Куйябы пытались неоднократно, между прочим, в 1834 году, организоваться в свободное государство; но представители центральной власти каждый раз одерживали верх. Тем не менее, однако, при начале парагвайской войны, бразильское правительство должно было оставаться бессильным зрителем вторжения неприятеля в пределы Матто-Гроссо и взятия его передовых постов: только через лиман Ла-Платы, и с помощью республик Аргентинской и Восточной, ему удалось отвоевать утраченную территорию.

До этой эпохи Матто-Гроссо, открытый паолистами, оставался в торговом районе порта Сантос, стране его бывших открывателей, но торговля, следовавшая этим длинным и дорого стоившим путем, представляла лишь незначительные обороты. Трудности сообщений были так велики, что когда Парагвай объявил войну Бразилии, войскам, собранным в приморских провинциях, невозможно было идти прямо на помощь своим соотечественникам в Матто-Гроссо. Экспедиционный корпус, отправленный из Рио-Жанейро в апреле 1865 года, мог организоваться в Уберабе, в верхнем бассейне Параны, только в июле месяце; численностью в 3.000 человек, он двинулся через пустыни, но на этом переходе потерял более трети своего наличного состава от лихорадок и особого рода эпидемической болезни, называемой берибери: прошло почти два полных года, когда, наконец, солдаты достигли местечка Миранда, близ парагвайской границы. Перейдя реку Апа, в апреле 1867 года, это маленькое войско состояло уже всего только из 1.680 боевых людей; но, не найдя там возможности доставать продовольствие, должно было ретироваться, постоянно преследуемое неутомимым неприятелем, который оспаривал у него переправы через реки и старался запереть отступавший отряд в саваннах, оцепляя его кольцом нарочно зажигаемых пожаров. К преследовавшему неприятелю присоединилась холера, и больных приходилось покидать среди леса, на жертву голоду, врагам, коршунам. Когда бразильцы добрались до продовольственного поста, недосягаемого для неприятеля, из отряда оставалось всего семьсот человек: остальные погибли от лишений, болезней, огня и неприятельских пуль[1].

Торжество Бразилии над Парагваем раскрыло ей настежь входные ворота: по естественному наклону почвы и стоку вод, Матто-Гроссо связан с бассейном Ла-Платы, и благодаря свободе судоходства по рекам, обеспеченной победой, установилось правильное пароходное сообщение между Рио-Жанейро и Куйябой через Буэнос-Айрес. Но путь этот, слишком дорогой, доступен только людям богатым да чиновникам, едущим по казенной надобности: чтобы проехать его, требуется не менее 31 дня (разстояние от Рио-Жанейро до Куйябы по прямой линии 1.420, а через Буэнос-Айрес 6.200 километров). Что касается другой речной дороги, по Гуапоре, Мадейре и Амазонке, то ею теперь пользуются меньше, чем в прошлом столетии, после обследования её, произведенного в 1742 г., под предводительством Маноэля де-Лима. С пятью спутниками, этот смелый исследователь спустился в пироге из Матто-Гроссо в океан, и пример его нашел много подражателей; но главное препятствие правильному судоходству, лестница порогов на Мадейре, пока ещё не обойдено, так как проект обходной железной дороги не получил осуществления, по недостатку капиталов и по причине столкновения интересов. Редкие путешественники, решающиеся пуститься в барке по водам Гуапоре, должны совершить утомительные переходы, через длинные волоки, прежде чем достигнуть пристани Санто-Антонио, откуда начинается паровая навигация по Мадейре. Прямой путь из города Матто-Гроссо к Амазонке и Пара переходит водораздельный хребет на севере и спускается по течению рек Журуэна и Тапахос; но путь этот, обследованный с большим трудом несколькими путешественниками со времен Франсиса де-Кастельно, слишком труден, чтобы торговля могла им пользоваться. Его утилизируют, как и путь по Мадейре, только для ввоза бобов гуараны (*paullinia sorbilis*), собираемых индейцами мауге на берегах Амазонки: порошок гуараны, смешанный с водой, составляет любимый напиток жи-

1 A. d'Escragnole-Taunay, „La Retraite de Laguna".

телей Матто-Гроссо.

Однако, постепенное уменьшение расстояний приближает Матто-Гроссо к приморским штатам, и скоро страна эта, некогда изолированная, соединится фактически с остальной Бразилией. Телеграфная линия уже связывает Рио-Жанейро с Куйябой, и железная дорога, описывая обширный круг через Сан-Паоло, доведена до Рио-Гранде, более чем на треть полного расстояния, отделяющего Куйябу от побережья. Пути, составляющие продолжение этой дороги, подготовляются на всех линиях фронта, и теперь работают над устройством смешанных путей, заключающих судоходные для пароходов потоки и промежуточные между реками сухопутные дороги. Так, две реки, Ивахи и Паранапанема, в штатах Парана и Сан-Паоло, продолжатся за Параной подъемом по рекам Ивиньеима и Брильянте до гор, лежащих в соседстве Миранды, в южном Матто-Гроссо. Однако, этих дорог ещё недостаточно для того, чтобы сильный поток иммиграции направился к этим великолепным областям парагвайских и амазонских водораздельных возвышенностей и покатостей, которые обещают сделаться в близком будущем большим центром заселения. Колонизация будет совершаться, без сомнения, южным путем, со стороны Парагвая и Аргентины. Как ни малочисленно теперешнее население штата Матто-Гроссо, констатировано, однако, что из двух оконечностей этой территории оконечность южной покатости содержит огромное большинство жителей: за исключением одного местечка и его округа, почти вся амазонская покатость остается ещё пустынной.

Матто-Гроссо—одна из наименее гористых частей южно-американского континента; там нет высот, которые составляли бы настоящие горы, хотя местные жители насчитывают «serra» десятками. Возвышенности Бразилии, кульминирующие точки которых находятся в восточных цепях, в Мантикейре, Айморес и на хребте Эспиньясо, понижаются постепенно к западу от южного Гойаса, а с другой стороны, андские горные массы наклоняют к востоку свои отроги и террасы. Между этими двумя орографическими системами извивается, в форме долины, промежуточная равнина, которая некогда была морским проливом, разделявшим два больших острова, Восточную Бразилию и Анды. Речные воды текут во впадине, где прежде проходили морские воды, и наносы их заполняют теперь равнину. Раздельный порог между истоками Гуапоре и главными составными реками Парагвая не достигает, или едва превосходит 500 метров высоты: повидимому, существует лишь очень узкий перешеек из древних пород, соединяющий бразильские возвышенности с горами страны чикитосов[1]. Здесь, между двумя главными городами штата, Матто-Гроссо и Куйяба, находится истинный центр Южной Америки.

По незнанию страны, смешивают иногда водоразделы с серрами и рисуют на картах непрерывную цепь гор между бассейнами Мадейры и Тапахоса, затем, между истоками Тапахоса и Парагвая, и, наконец, между Тапахосом и рекою Арагвайя. Между тем, несомненно, что этот полукруглый хребет существует лишь в виде отрывков. Высоты, доминирующие над равнинами верхнего Парагвая и его притоков, представляют на самом деле закраину плоскогорья, с горизонтальными или очень слабо наклоненными пластами, размытыми течением рек, спускающихся к Амазонке: это—*taboleiros*, а не горы, или, по крайней мере, горы эти возвышаются только на некоторых краях плоскогорья, достигая там и сям тысячи метров, тогда как самый вал имеет только 500 метров средней высоты. Таким образом, орографическая система возвышенностей Матто-Гроссо, которые называют безразлично кордильерой или кампосами Парекси, по имени кочующих там индейских семей, представляет гористый вид только с южной стороны; на этом обрывистом фасе скала высечена в виде стен, разрезана на остроконечные пики; с противоположной стороны, к рекам Тапахос, Кингу (Ксингу), простирается длинный пологий скат, сливающийся постепенно с равнинами Амазонки. Коуто де-Магальянес и после него большинство географов, изучавших Матто-Гроссо, дают этим высоким краям плоскогорья, сверкающим ослепительной белизной при первых лучах

1 Francis de Castelnau, „Exploration dans les parties centrales de l'Amerique du Sud";—Orville A. Derby, „Geologia e Paleontologia de Matto Grosso".

восходящего солнца, наименование *Аракса*,—слово гуаранское, которое означает высочайшие пики, облитые светом и окруженные чистым воздухом.

Уже д'Орбиньи признал в высотах Северного Матто-Гроссо существование пластов, принадлежащих к каменноугольному веку и соответствующих породам того же происхождения, которые на другой стороне области показываются в боливийских предгорьях, близ города Санта-Крус-де-ла-Сиерра. После д'Орбиньи, Харт и Дерби констатировали, что южные части Араксы относятся, по всей вероятности, к палеозойским формациям, и что там представлены слои каменноугольные, девонские и силурийские; пласты с ископаемыми остатками, найденные геологом Смитом под холмами Чапада, в пятидесяти километрах к востоку от города Куйяба, поставили эти факты вне сомнений. Севернее, в поясе скал, через который проходят водопадами реки Мадейра, Тапахос, Хингу, Токантин и их притоки, стены, обнаженные размывающим действием вод, везде представляют кристаллическое строение и состоят из гранитов, гнейсов, порфиров и кварцев.

Высоты, которые тянутся в южном направлении, между истоками Парагвая и Арагвайи, затем между первой из этих рек и Параной, не представляют того же характера, как северные плато. Эти последние были размыты водами только на южном их фасе, тогда как возвышенности Восточного Матто-Гроссо были изрыты с двух сторон, на востоке и на западе, и суженные этими боковыми размывами, принимают в некоторых местах вид настоящих горных цепей. Так, с севера на юг идут три серры: Сан-Жеронимо, Маракажу и Аньямбахи; будущая железно-дорожная линия Куритиба—Миранда пересечет последнюю из этих цепей на высоте 618 метров. Эруптивные породы, называемые в крае базальтом, но на самом деле, по всей вероятности, порфиры, пробили слои песчаника, составляющие эти горы и, повидимому, образовали своим разложением «красные земли» подобные тем, которые дают плантаторам Сан-Паоло столь обильные урожаи кофе[1]. В цирке, ограниченном полукругом высот, поднимаются отдельные массивы, скалы, пласты которых, видимые издалека, отличаются замечательною правильностью. Самые горки имеют в большинстве геометрические формы: словно целые обширные грани откололись и обрушились, оставив гладкия стены, подобные бокам пирамиды. Верхушки, совершенно горизонтальные, точно выровненные каким-нибудь режущим инструментом, соответствуют другим вершинам, и видно, что они составляли некогда часть одной и той же террасы. Линии соприкасания слоев на окружности гор, повидимому, указывают план, по которому будут продолжаться явления разрушения. По мнению Тонэ, который обошел этот край и прожил там несколько лет, эти песчаниковые массивы, с горизонтальными и правильно наслоенными пластами, образовались из озерных осадков, которые отлагало пресноводное море, покрывавшее некогда страну[2].

Обломки, оторванные от стен и круч, также способствовали изменению физиономии пейзажа. Обвалы и осыпи, унесенные по частям течением речек и рек, покрыли почву, на большую толщину, новыми слоями. Многие выступы скал исчезли под измельченными остатками гор, другие же показывают только одну верхушку над землями более позднего образования. Массивы, которые были соединены с внутренними плоскогорьями и горными цепями, теперь отделены от них, потому что основания их подточены и круто выступают из почвы, без всяких переходных откосов. Эти отдельные горки, которым дают имя *itambe*, как и большой горе серры Эспиньясо, близ Диамантины, вздымают свои пики или куполы над морем деревьев, точно гигантские здания, воздвигнутые рукою человека. На востоке южного Матто-Гроссо они тянутся рядами, группируются в архипелаги, затем, становясь всё менее и менее высокими и менее многочисленными по направлению к западу, или совершенно одинокия в круге горизонта, они показываются до самого Парагвая и даже по ту сторону реки, над её левым берегом. Чикитские высоты, как это говорил уже д'Орбиньи[3], принадлежат скорее к орографической системе Бразилии, чем к системе Боливии.

1 Orville A. Derby, „Nota sobre a Geologia e Paleontologia do Matto Grosso".

2 „Scenas de Viagem".

3 „Voyage dans l'Amerique meridionale".

Верхний Гуапоре,—Исенес боливийцев,— хотя и заключенный в бассейне Амазонки, как приток Мадейры через Маморе, принадлежит специально к Матто-Гроссо, так как город этого имени был основан на его берегах, и почти всё население штата сгруппировалось в низменности, по западной половине которой протекает эта река; своим именем Гуапоре обязан одному племени, давно уже исчезнувшему. Главный источник его, очень железистый, берет начало в гроте или *coríxa*, открывающемся на берегу Араксы, и течет сначала в южном направлении, параллельно другим рекам, спускающимся к Парагваю; но, по выходе из последних холмов, ручей поворачивает к западу, потом к северо-западу, и уже усиленный многочисленными притоками, пересекает равнину, в которой находится город Матто-Гроссо в двух стах пятидесяти километрах от истоков. В ста десяти километрах ниже через поток перекинут мост. Это—последний мост на этом водном пути: далее, свободные воды должны пробежать пять тысяч километров, прежде чем достигнуть океана. Судоходство ещё затруднительно в этих верховьях реки: русло иногда бывает загромождено стволами деревьев, и даже в сухое время года суда часто задерживаются песчаными отмелями, под которыми вода медленно сочится; приходится открывать себе дороги, вырывая временные каналы[1].

Парагвай, имя которого, как оно теперь произносятся, означает в переводе «реку Попугаев», но в котором нужно видеть, по всей вероятности, вместе с Бонпланом, «реку индейцев Паягуа», есть один из замечательнейших в свете потоков, как судоходный путь. Немногие реки имеют более слабое падение относительно длины течения. По Франсису-де-Кастельно, Парагвай зарождается на высоте 305 метров; впрочем, это измерение, несомненно, гораздо ниже действительности, по единогласному свидетельству путешественников, посетивших страну впоследствии: в верхней части своего течения он является настоящим горным ручьем и ниспадает каскадами; один из его водопадов, приметный сквозь густую листву, образует ряд ступеней, около 12 метров общей высоты, напоминающих «лестницу Нептуна», как её устраивают в парках[2]. Но, оставляя в стороне верхние притоки реки в части их течения, доминируемой горами и холмами, Леверже констатирует, что в том месте, откуда успокоившиеся воды начинают медленно извиваться по направлению к морю, уровень равнины возвышается не более, как на 200 метров. Начиная от одного пункта, лежащего в 4.000 километрах от моря, наклон составляет всего только 5 сантиметров на километр. Оттого пароходы, неглубоко сидящие в воде, могут, не разгружаясь, подниматься внутрь Бразилии значительно севернее двух республик, Аргентины и Парагвая, до основания плоскогорья, по главной реке и её притокам, Жауру, Сепотуба, Куйяба, Сан-Лоуренсо, Таквари. Никакое препятствие, кроме тех, которые изобрела политика для «защиты границы» и «охраны национального труда», не противостояло со времен открытия свободному заселению страны.

Другое замечательное явление Парагвая—это то, что его главные истоки переплетаются с истоками амазонских притоков. Река Жауру, служившая прежде раздельной линией между испанскими владениями и португальскими колониями, так близко подходит к Гуапоре, что легко было бы отбросить, посредством канала, воды западной реки в один из притоков Жауру. Другой данник той же реки, Агуапехи, отделен от рио-Алегре, спускающейся к городу Матто-Гроссо, только узким перешейком слабого рельефа, имеющим, по Леверже, лишь 2.400 «brasses», т.е. 5.280 метров ширины. В 1772 году, тогдашний генерал-капитан пробовал прорыть канал через этот раздельный порог, и, благодаря обильным дождям, ему удалось перевести из одного бассейна в другой большую двенадцативесельную грузовую лодку[3]. Два года спустя, другой губернатор возобновил дело прорытия в другом месте перешейка, где канал, около 10 километров длиной, нашел бы почву, более легкую для работ. Это предприятие не было доведено до желанного конца, вследствие незначительности торговли; но в близком будущем железные дороги заменят собою отсутствие канала, который должен был бы соединить Монтевидео и Пара континентальным судоходным путем длиною в 8.300 кило-

1 Joao Severiano de Fonseca, „Viagem ao redor do Brazil“.

2 Hercule Florence, „Esboco de Viagem...“, перевод. A. de Tounay, „Revista do Instituto“, 1885.

3 A. d'Orbigny, цитированное сочинение.

метров[1]. Если бы дело шло только о том, чтобы соединить рвом с двумя скатами воды, бегущие с одной стороны к Амазонке, с другой к Парагваю, то легко было бы найти восточнее, на окраинах плато, много мест, где простой выемки в несколько метров глубины достаточно было бы, чтобы превратить Восточную Бразилию в остров. Для этой цели указывают обыкновенно, в особенности после Кастельно, два ручья, Эстивадо и Тамбадор, из которых первый спускается к Тапахосу, через Аринос, а второй—к Куйябе: их разделяет пространство всего только в 100 метров[2].

Ниже верхних истоков Парагвай течет в болотистой местности, у подножия плоскогорья, где его светлые водные скатерти образуют как бы лагуны среди водяных трав. Холмы сужива́ют там и сям его течение, но скоро начинается обширная равнина, которая в древние времена была озером, и до сих пор частью сохранила озерной характер. Во время наводнений, когда уровень Парагвая и его притоков повышается на 10 или 11 метров, выступившая из берегов масса вод, где плавают острова и целые архипелаги трав *aquape*, разливается вправо и влево, образуя временное море, простирающееся на необозримое пространство и продолжающееся на более возвышенных местах так называемыми *banhados*, или «затопленными землями», из которых торчат пучки трав и кустарники, и среди которых рассеяны искусственные холмики, служившие прежде убежищем туземцам во время половодья[3]. Первые испанские путешественники, объехавшие эту страну, дали имя озера Харайес этой низменности, где расстилаются почти спящие воды главных ветвей Парагвая. Это озеро тянется в длину приблизительно на 600 километров с юга на север, между устьями Жауру и холмами, называемыми Фечо-лос-Моррос, и в некоторых местах достигает 250 километров в ширину; оно, однако, не постоянно, как это полагали прежде, но во всякое время остаются части его, очень метко обозначаемые туземцами именем *bahias*, ибо это—бухты древнего моря, на половину высохшего в современную нам эпоху. Большинство этих водных площадей находятся в постоянном сообщении с Парагваем, либо через боковые потоки, либо посредством широких проливов: таковы озера Убераба, Гаиба, Мандиоре, Касерес, где кишат крокодилы жакаре «сотнями тысяч». Между этими второстепенными озерами, одни содержат лишь пресную воду, приносимую речными разливами; другие, бывшие впадины, наполненные некогда морской водой, сохранили на дне соляные пласты, придающие воде солоноватый вкус. Этот контраст в природе вод, пресных или соленых, повторяется в характере местностей равнины. Обширные пространства, покрытые богатыми речными наносами, дали жизнь густым лесам, и плантатор может получать там баснословные жатвы; другие земли, одетые бесплодными песками, питают лишь редкую траву или купы деревцов; наконец, площади, где выцвели соляные кристаллы, представляют грозные пустыни, лишенные растительности и влаги. В некоторых необитаемых округах переходы чрезвычайно затруднительны; тонкая кора скрывает под собой топи соленой грязи, в которой путешественник рискует увязнуть[4].

Около средины бассейна наводнения Парагвай соединяется с Куйябой, которая, в свою очередь, усиливается водами рио-Сан-Лоуренсо, называемого также рио-дос-Поррудос, в память индейцев, надевавших на себя род мешка, для защиты от укусов прожорливых рыб *пиранья*, при переправах через реки. Горизонтальность почвы мешает потоку, после слияния, держаться в правильном русле; воды, изливаясь вправо и влево, разветвляются в виде лабиринта рукавов и ложных речек, среди которых высится правильный и однообразно поросший лесом купол горы Каракара. Боковые ветви извиваются между болотистыми полосами до слияния рек Таквари и Миранда, спускающихся с восточных гор. Таквари в верхней своей части получает приток Кошин (Coxim), признанный путешественниками одною из живописнейших рек Бразилии: в некоторых местах он сдавлен между вертикальными стенами в 50 метров вышиной; барки скользят, как бы на дне глубокой траншеи, по быстрому по-

1 Bartolomeo Bossi, „Viagio pintoresco par los rics Paraguay, Parana“ и т. д.
2 Ed. Jose do Moraes, „Navegacao interior do Brasil“.
3 Conto de Magalhaes, „O Homem no Brasil“.
4 De Taunay, „Scenas de Viagem“.

току, шириною всего только от 10 до 12 метров. Миранда—также очаровательная река, как и её приток Акидауана, или Мондего, на который парагвайцы заявляли притязания, как на северную границу их территории: спускаясь с высот Амамбахи, эта река извивается длинными излучинами между лесистыми, высокими берегами и соединяется с Мирандой при входе в болотистые равнины, бывшие некогда внутренним морем Харайес.

К западу от главной реки, в области чикитосов, водные потоки становятся редки; только один из них, заросший «камалотами», или полосами травы, дотого густой, что пароходы с большим трудом пробираются через неё, достигает течения Парагвая. Это—река Тукабака, или Олиден, которая получает ручей теплой воды, смешанный с Сан-Рафаэлем, затем разветвляется в виде лагун, сохраняя, однако, непрерывное течение до самого устья. Д'Орбиньи, констатировавший судоходность реки Отукис в её верховьях, говорит о важном значении, которое мог бы иметь этот путь сообщения между Боливией и лаплатскими областями. В 1854 году, Пэдж (Page), на судне *Water Witch*, поднялся вверх по этой реке на 56 километров, но должен был вернуться вспять, не вследствие недостатка глубины, а потому, что не мог пробиться через камалоты. В 1886 году, другой моряк, Фернандес, проник на 43 километра выше по Отукису и вынужден был спуститься обратно по той же причине[1]. Представляется вероятным, хотя ещё и не вполне достоверным, что Отукис, урегулированный, очищенный от зарослей, мог бы сделаться выходной дорогой для Боливии. К югу от слияния, называемого Бахиа-Негра, на правом берегу главной реки начинается парагвайская территория Гран-Чако, тогда как на левом берегу граница Бразилии проходит на 250 километров южнее, при впадении реки Апа.

Обитаемые области Матто-Гроссо, расположенные в самом центре континента, как бы в корридоре, открывающемся между кордильерой Андов и возвышенностями внутренней Бразилии, отличаются особенностями климатического режима. Средняя температура здесь очень высока, значительно выше, чем на побережье: слабый рельеф почвы над уровнем моря, под этими широтами, от 15 до 18 градусов, оставляет всю её силу солнечной теплоте, действие которой ещё увеличивается отражением от беловатых скатов соседних высот. Летния жары здесь сильнее даже, чем на берегах Амазонки, под экватором; но колебания термометра не представляют такой же правильности, как там. Перемены совершаются иногда с быстротой, беспримерной в других тропических областях Бразилии: случалось наблюдать на пространстве двенадцати часов скачки в 15 и даже в 18 градусов в высоте термометрического столбика. Эти резкия изменения происходят от внезапной перемены ветров, которые несутся то с северо-запада на юго-восток, то в обратном направлении, с юго-востока на северо-запад. Движения воздушных масс определяются формой корридора, в который они увлекаются; теплые ветры, приходящие из области амазонских сельвасов, сменяются зимой ветрами, дующими со стороны холодной пампы. На высотах амфитеатра плоскогорий и гор, окружающего равнину Матто-Гроссо, температура падает ниже точки замерзания, и путники часто погибали при переходе через Араксу; в марте 1822 года, т.е. в конце лета, караван, шедший из Рио-Жанейро, потерял более двадцати негров, замерзших в долине Мансо, на востоке от Куйяба[2].

Обильные дожди, приносимые круговоротом ветров, которые огибают центральное плато Бразилии и ударяются о первые предгорья Андов, выпадают довольно регулярно в летнее время; очень часто они сопровождаются грозами. Годовое количество атмосферных осадков ещё не было измерено, но, по Севериано-да-Фонсека, оно должно быть не менее 3 метров; насчитали, в среднем, сто тридцать пять дождливых дней в году в городе Куйяба. В общем, климат Матто-Гроссо есть один из тех, которые представляют большую опасность для европейца, по крайней мере, в низменных и сырых равнинах.

Метеорологические условия города Куйяба, по С.-да-Фонсека и Америко-де-Васконсе-

1 A. Quijarro, „Navegabilidad del rio Otuquis“.

2 Luiz d'Alincourt, „Annaes da bibliotheca nacional do Rio do Janeiro“.

льос:

Температура: средняя 26°,25, высшая 41°, низшая 7°,5. Разность 33°,5. Количество выпадающего дождя 1,166 метра. Число дождливых дней 85.

Плоскогорья, пользующиеся относительно здоровым климатом, не принадлежат ещё к числу областей колонизации, и почти все иностранцы должны проходить через испытание акклиматизации в жарких и дождливых равнинах, по которым протекает верхний Парагвай. Страшные эпидемии,—в прошлом столетии корь и после того другие бичи, как оспа и желтая лихорадка,—пронеслись над этой областью, и в некоторые годы население её уменьшалось, несмотря на большую рождаемость. Неоднократно было констатировано в Матто-Гроссо, что большие эпидемии свирепствовали среди животных с такой же силой, как и среди людей. Корь в 1789 году, оспа в 1867 году поражали домашнюю птицу и рогатый скот, и в саваннах, в лесах, на берегах рек валялись трупы оленей, тапиров и ягуаров[1]. В 1857 году, эпизоотия, занесенная из боливийских саванн, почти уничтожила лошадей и мулов в южном Матто-Гроссо, между городами Миранда и Куйяба[2]. Недостаток лошадей не позволяет стеречь стада, которые оценивают различно, от шестисот тысяч до миллиона голов, и животные, полу-одичалые, разбредаются во все стороны[3].

На раздельном пороге между двумя главными бассейнами Бразилии, Матто-Гроссо соединяет флоры и фауны амазонского пояса и аргентинской области. Однако, тропическая флора, с её бесконечным разнообразием растительных форм, преобладает во всех лесистых местностях, т.е. на берегах рек, и между прославленными видами берегов Реки-Моря мало таких, которые не были бы представлены на верхнем Гуапоре, или которые, по крайней мере, не имели бы там сородичей. Нигде ползучия пальмы не достигают более замечательного развития: в 1875 году, разграничительная коммиссия открыла одну из этих пальм урубамба (*calamus procumbens*), имеющую более 200 метров длины, при толщине всего только в один сантиметр[4]. Хлопчатник растет в диком состоянии в равнинах. Ипекакуана, называемая *poaya* в крае, есть также растение, свойственное Матто-Гроссо; её собирают главным образом в лесах верхнего Жауру и соседних рек. В южной части территории, между городом Миранда и рекою Апа, растет матэ, или парагвайский чай, самое замечательное из растений южного пояса. Страус, пришедший из кампосов, или пампасов, проник в прибрежные равнины верхнего Парагвая. Свойство почвы, сырой и низменной, способствовало развитию змеиных пород, представленных здесь громадными удавами, земными и водяными.

В Матто-Гроссо первобытные населения уменьшались гораздо быстрее, чем возрастало число белых, заместителей первоначальной расы. В эпоху прибытия европейцев вся страна была покрыта индейскими племенами; теперь они разбросаны и сильно сократились в числе; случается проезжать обширные области, не встречая ни одного аборигена. По обыкновенным исчислениям, их всего только около двадцати тысяч, самое большее 25.000, а между тем насчитывают десятками имена различных народцев. Одна только нация парекси, или пареси, по имени которой названы возвышенности, где зарождаются Тапахос и его верхние притоки, заключает в себе по меньшей мере четыре из этих племен с различными наименованиями. Ещё недавно говорили о «миллионах» индейцев, живущих на плоскогорьях и в равнинах Матто-Гроссо[5].

Парекси причисляются Эренрейхом к народцам аравакского корня, тогда как д'Орбиньи видел в них племя, родственное обитателям южных пампасов, а Марциус выделял их в особую расу. Со времени прихода рудокопов эти аборигены живут в мирных отношениях с людьми португальского языка, и через смешение стали уже отчасти бразильцами, крещение

1 Severiano da Fonseca, цитиров. сочинение.

2 „Revista do Instituto Historico“, 1874.

3 Karl von den Steinen, „Durch Central-Brasilien“.

4 Alfred Mare, „Le Bresil, Excursion a travers ses vingt provinces“.

5Amedee Moure, „Nouvelles Annales des Voyages“, avril, juin, juillet 1862.

сделало из них «христиан». Искатели золота и алмазов употребляли их в качестве *garimpeiros*, после открытия месторождений этих сокровищ; теперь их посылают в леса собирать ипекакуану и другие лекарственные растения. Искусные плетельщики и ткачи, они выделывают корзины, материи, гамаки и другие предметы, которые и продают в городах равнины.

Индейцы племени бороро, обитавшие некогда в высоких долинах рек Жауру и Кабасаль, на севере от колоний, населенных белыми, водворены теперь частью в колонии Тереза-Христина, на берегах Сан-Лоуренсо, притока реки Куйяба. Эти аборигены составляют резкий контраст с цивилизованными индейцами своим свирепым видом, который делают ещё более диким рассеченные губы и красные узоры, симметрично начертанные на их лице. Чтобы приобрести право жениться, молодой человек должен по крайней мере убить одного ягуара. Когда больной объявлен неизлечимым, его убивают; отец затягивает веревку вокруг шеи ребенка, которого мать держит ещё на своей груди. По смерти жены, муж сжигает всё, ей принадлежавшее, и все предметы их общего хозяйства; он отрезает также её волосы, из которых делает себе пояс и браслет, чтобы предохранить кисть руки от дрожания лука. Бороро твердо верят в переселение душ: считая себя братьями попугаев, они никогда не убивают этих птиц; в коршунах, говорят они, живут души негров, а великие колдуны переселяются в тело рыб ярких цветов. Падающие звезды предвещают близкую смерть одного из членов племени[1].

Индейцы гуато живут в центральной части Матто-Гроссо, у основания плоскогорий, и в высоких долинах некоторые из их семейств пребывают ещё в диком состоянии. Это—красивые люди, более приближающиеся к европейскому типу, чем другие туземцы. Прежде они украшали свою нижнюю губу кружком, подобно ботокудам, и носят ещё ожерелья из зубов ягуара и крокодила. Они собирают волосы на голове в виде шлема и ходят совершенно голыми, кроме как в соседстве с белыми. Бесподобные гребцы, гуато, самое имя которых значит «люди вод», проводят большую часть жизни на реках и озерах, и убивают рыб ударами стрелы; главную их пищу, к которой они примешивают дикий рис, собираемый на болотах, составляет мясо жакаре, крокодила их рек, и этому кушанью приписывают запах мускуса, распространяемый этими индейцами. Они очень храбры и выходят на «тигра» один на один: раздразнив зверя ударами стрел, они спокойно ожидают его нападения и сваливают его ударом рогатины, с острым наконечником из крокодиловой кости, или из куска железа, купленного у бразильцев. Они продают белым шкуры зверей, так же как и прирученных животных, птиц или четвероногих: они удивительно умеют приручать диких зверей, словно чаруют их. Гуато очень ревнивы, и жены их могут разговаривать с чужими мужчинами не иначе, как с распущенными волосами и повернувшись лицом к мужу[2]. Они строго соблюдают данную клятву и правила гостеприимства: во время вторжения парагвайцев в Матто-Гроссо они ни разу не выдали, ни словом, ни взглядом, ни жестом, место убежища бразильцев. Хотя и христиане, гуато, говорят, собираются ещё в священных местах, именно на вершине серры Доурадос и на островах озера Убераба.

Гораздо менее смелые, чем гуато, индейцы племени гуане, живущие южнее в равнинах, по которым протекают реки Таквари и Миранда, повидимому,—южного происхождения. Быть может, они родственны племени гуайкуру, хотя и отличаются от него языком. Лишенные всякой инициативы, они не более, как крепостные белых завоевателей, для которых они собирают лекарственные растения, строят барки, возделывают маниок, абрикосы, бананы, сахарный тростник, приготовляют водку и ткут материи: их *panoes*—куски бумажной материи, около 3-х метров в длину и 2-х метров в ширину,—такой плотной ткани, что самые сильные дожди не могут пройти через неё, основа этих материй исчезает, совершенно скрытая под утком[3]. Гуане перестали теперь раскрашивать себе кожу, обезображивать нос и уши, но кажется, что в первой половине текущего столетия эти моды ещё были в ходу. В ту эпоху

1 Karl von Steinen, цитиров. сочинение.

2 Conto de Magalhaes, цитиров. сочинение.

3 Hercules Florence;—Alfredo de Taunay, „Revista do Instituto Historico“, 1885.

лайяносы,—подплемя, живущее в соседстве Миранды,—покрывали себе тело белыми, красными или черными рисунками, сделанными с замечательной тонкостью. Некоторые из этих изображений представляли животных, которым художники старались придать свирепый вид[1]. Эти индейцы обожали созвездие Плеяд. Язык их отличается чрезвычайной мягкостью, но без всякой энергии, и каждая из их фраз оканчивается обыкновенно протяжным звуком, похожим на стенание. Это—не говор свободного народа.

В южной части Матто-Гроссо, смежной с республикой Парагвай, обитают различные племена, которым дали общее имя гуайкуру, означавшее, как говорят, «скороходов», или «быстрых»[2]: это те же самые индейцы, которых гуарани называли обыкновенно мбайя, т.е. «страшные», или «дурные». Испанцы дали им также прозвище lengoas, или «языки», по причине оттопыренности их нижней губы, оттянутой деревянным кружком и имеющей вид как-бы второго языка. Племена их составляли одну из самых многочисленных наций Южной Америки, и теперь ещё по численности значительно превосходят других индейцев берегов Парагвая, кроме гуарани: Севериано-да-Фонсека определяет в 1.600 человек общее число этих индейцев, называемых обыкновенно кадиэтосами или беакеосами. Вскоре после объявления независимости, насчитывали 4.000 воинов племени гуайкуру. В то время они татуировались и раскрашивали себя в яркие цвета орлеаном и генипой; они выдергивали у себя брови и ресницы и выстригали на темени широкую тонзуру, как индейцы короадосы восточных провинций; женщины из кокетства клали на нижнюю губу жвачку табаку, видимую на зубах: этого требовала мода[3]. Подобно племени гуане, они подчинялись обычаю, обязывавшему беременных женщин моложе тридцати лет производить искусственно выкидыши: это делалось, говорили, для того, чтобы не навлечь на себя впоследствии презрения детей, которые считали бы себя униженными тем, что они родились от слишком молодых родителей[4]. Женщины употребляют в разговоре множество слов, не встречающихся в языке мужчин; вероятно, эта двоякая речь происходит от того, что жены были добываемы путем умыкания.

Гуайкуру носят также имя «наездников» (*Caballeros*, *Cavailleiros*), вполне заслуженное уже три столетия тому назад. Как только испанские завоеватели ввели лошадь в пампасы, индейцы преобразились в центавров. Они укрощают жеребцов с такой же силой и успехом, как аргентинские *гаучо*; но более благоразумные, они дрессируют их не иначе, как в прудах или неглубоких речках, во избежание несчастных случаев. Побежденный конь становится личной собственностью наездника, который ставит у себя на теле знак, соответствующий тавру, которым он заклеймил животное. Во время передвижений от становища к становищу женщины едут на вьючных лошадях, сидя на клади. Индейцев гуайкуру очень боялись по причине их боевой тактики, подобной тактике бедуинов. Спрятавшись в какой-нибудь складке почвы или за кустами, они вдруг появлялись из засады, и, прежде чем подвергшиеся такому неожиданному нападению успеют приготовиться к защите, хищники уже произвели свою атаку, захватили женщин и детей и—исчезли в облаках пыли. На реках эти индейцы также были опасным противником в бою; весла их оканчивались копьями: одно и то же орудие служило и для преследования врага, и для битвы с ним, и для бегства. Летописи Матто-Гроссо рассказывают о многих сражениях, в которых европейцы гибли сотнями; женщины, которые в течение трех веков были похищаемы у колонистов, способствовали в широкой мере видоизменению расы. Многие гуайкуру, особенно в окрестностях городов Корумба и Альбукерке, породнились с белыми и окончательно сливаются с бразильским населением.

Гуайкуру с спокойной гордостью считали себя первой нацией в мире. Они не допускали иных отношений с иностранцами, кроме как для принятия от них дани и изъявления вас-

1 Francis de Castelnau, цитиров. сочинение.
2 S. A. Lafone y Quevedo, „Revista del Museo de La Plata“, vol. 1, 1890-91.
3 Francis de Castelnau, цитирован. сочинение.
4 Alfonso Lomonaco, „Razze Indigene del Brasile“.

сальной покорности; все другие индейцы, жившие на их территории, были порабощены, и если гуане, покорившиеся белым, переносят род рабства, то это для того, чтобы избежать тираннии своих братьев по расе. Но и само гуайкурское общество не состоит из равноправных членов: основанное на силе, оно разделяется на три резко разграниченные класса,—благородных, или *joaga*, плебеев и рабов. Существование индейца было строго урегулировано этим делением на непереступаемые касты. Так, благородный может вступить в брак только с женщиной тоже благородной, титулуемой донной, хотя ему позволительно брать себе наложниц из низших каст; что касается раба, сына пленника, то он никогда не мог быть отпущен на волю[1]. Палатки, которые гуайкуру носят с собой во время своих переночевок, расставляются по правилам местничества. По смерти благородного, ему воздают большие почести и кладут с ним в могилу лук, стрелы, палицу, копье и военные украшения, затем убивают подле покойника его любимого коня.

Бразильское население Матто-Гроссо, как и население штатов Гояс и Минас-Жераес, состоит главным образом из людей паолистского происхождения, к которым примешались постепенно ассимилированные метисы индейских племен. Что касается иммиграции в собственном смысле, то она остается пока совершенно ничтожной, но, без сомнения, возрастет с открытием для судоходства рек, которыми эта область сообщается с лаплатским лиманом. В Матто-Гроссо, который до недавнего времени представлял особый, почти замкнутый мир, старые португальские нравы сохранились лучше, чем в других провинциях: семьи имеют ещё свой гинекей: хозяин редко представляет свою жену и дочь посетителям, а эти последние воздерживаются из скромности упоминать о них в разговоре[2].

Бывшая столица, носящая теперь имя штата, называлась Villa-Bella во времена процветания горного промысла; первые обитатели, в 1737 году, основали в некотором расстоянии стан Порто-Алегре, и река, изливающаяся в Гуапоре, в трех с половиной километрах выше Матто-Гроссо, сохранила это название Алегре, или «Веселая»; город в собственном смысле существует только с 1752 года. Матто-Гроссо имел до 7.000 жителей, но прекращение разработки рудных месторождений разорило его; теперь это одно из самых бедных местечек Бразилии и одно из наименее выгодно расположенных: хотя занимаемое им местоположение, доминируемое на западе величественными горами Рикардо-Франко, имеет грандиозный вид, но его хижины и полуразвалившиеся здания окружены болотистыми землями, часто затопляемыми; болотные лихорадки и другие болезни производят опустошения в рядах жителей. Кастельно говорит о Матто-Гроссо, как о «зачумленном городе»; Севериано-да-Фонсека называет его «проклятым городом». Правительство, с своей стороны, увеличивает дурную репутацию этого города, сделав из него место ссылки для впавших в немилость чиновников. Матто-Гроссо, наверно, единственное в Бразилии городское поселение, где в 1878 году не было ни булочной, ни кофейной, ни мясной, ни табачной лавки, и население которого не заключало в себе ни одного португальца и только одного итальянца. Бедный городок, так сказать, заброшен в пустыне вдали от всякого деятельного центра, и не имеет никакой торговли. Если бы правительство не поддерживало Матто-Гроссо, как военный пост, гражданское население, без сомнения, покинуло бы его, отдав его во власть «больших лесов». Понятно, что в подобной стране проекты каналов для судоходного сообщения между Амазонкой и Ла-Платой откладываются до более благоприятного времени.

Приисковые поселения, основанные некогда в верхнем бассейне Тапахосу, исчезли. Теперь это не более, как *taperas* (заброшенные имения), указываемые либо разбросанными хижинами, либо лесными просеками, либо одичавшими фруктовыми деревьями; неизвестно даже местонахождение некоторых некогда славившихся приисков. Правительство ускорило дело обезлюднения края, воспретив вольным колонистам вход в округа, где были найдены алмазы. Ревниво сохраняя за собой монополию, оно хотело исключительно само руководить разведками и наблюдать за их производством, распространяя пустыню вокруг сокровищ, ко-

1 Fr. Rodrigues do Prado, „Revista do Instituto“, vol. 1, 1839.

2 Sylvio Dinarte (de Tannay), „Innocentia“.

торыми не сумело воспользоваться. Теперь алмазные месторождения в Диамантино, в Буритизале и других деревнях, ещё существующих или опустевших, предоставлены во всеобщее пользование; немногочисленные искатели, вооруженные веревками и корзинами, ныряют ещё в глубокия воды рек, чтобы доставать со дна их песок и извлекать из него драгоценные камни. Надеются, что эксплоатация каучуковых лесов вернет этому краю его прежнее цветущее состояние.

Город Вилла-Мария также переменил свое имя: теперь это Сан-Луис-де-Касерес. Очень счастливо расположенный на левом берегу Парагвая, в том месте, где эта река уже приняла в себя притоки Сепотуба и Кабасаль, и невдалеке от которого она соединяется с Жауру, этот город занимает естественный центр пересечения дорог, а обширные пастбища, которыми он окружен, прокармливают неисчислимые количества скота; здешние сельские хозяева, fazendeiros, имеют заводы, charqueadas, для приготовления мяса. Залежи железной руды, из которых состоят горки и почва окрестностей, не разработываются; но, когда край заселится, они доставят местной промышленности неистощимый запас сырого материала. Один островок лагуны Убераба, через который проходит граница между Бразилией и Боливией, содержит такую большую пропорцию сернистого железа, что рабочие не могут там развести костер на каменистой почве: от действия жара камни разрываются с треском, разбрасывая во все стороны свои осколки[1].

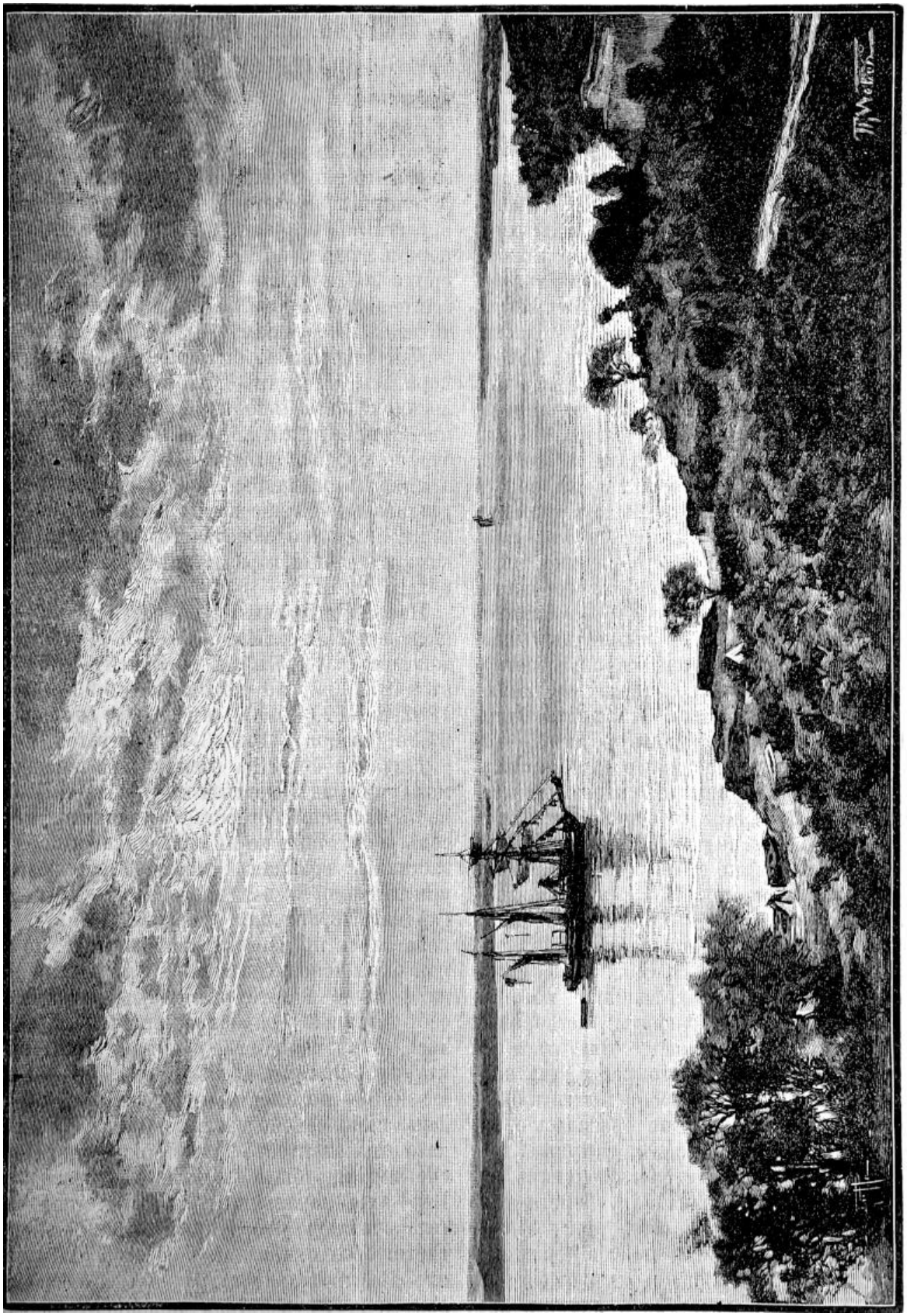
Куйяба (Куяба), столица штата, стоит в цирке равнин, усеянном горками и окруженном амфитеатре холмов, открытым с западной стороны; его первые обыватели, индейцы куйяба, были прогнаны в начале восемнадцатаго столетия золотопромышленниками, которые разрывали почву, в то время очень богатую металлом в виде блесток и зерен; ещё и в наши дни городские дети забавляются после больших ливней, размывающих землю, отыскиванием золота в нанесенных дождевой водой песках[2]. Этот горнопромышленный город, с обедневшими золотоносными песками, сменил, в качестве административного центра, Вилла-Белла-до-Матто-Гроссо в 1820 году, накануне бразильской независимости. Выбранный за его здоровый климат, он оправдал надежды своих новых основателей, и население избавлено здесь от эндемических лихорадок; в то время как Матто-Гроссо приходит в упадок, Куйяба растет и может быть причислен к третьестепенным бразильским городам. Однако, он не имеет ни торговли, ни промышленности; он не разработывает более своих золотых приисков и не обладает таким богатством в виде скота, как города южного Матто-Гроссо. Несколько многолюдных местечек сгруппировалось в соседстве Куйябы, на севере—Розарио, на юге—Санто-Антонио; на юго-западе, на боковом притоке, стоит, среди болот, маленький городок Поконе, а на юго-востоке, на реке Сан-Лоуренсо, военная колония защищает фермеров (fazendeiros) равнины от набегов индейцев.

Город Корумба, основанный в 1788 году под именем Альбукерке, которое принадлежит теперь посту, лежащему ниже устья рио-Миранды, построен на высоком известковом обрыве, господствующем над правым берегом Парагвая и его слиянием с бухтой или лагуной Касерес. В 1865 году это было незначительное местечко с полутора-тысячным населением, которое защищал маленький бразильский гарнизон. Парагвайские солдаты взяли приступом этот городок и держались в нём два года, не тревожимые императорскими войсками. Но тотчас же после войны бразильское правительство, оценив стратегическую важность этого пункта, решило сделать из него оплот своего могущества, не против республики Парагвай, теперь слишком ослабленной, но против склонной к захватам Аргентины. Город укреплен, и несколько батарей расположены на поворотах реки; кроме того, арсенал Ладарио, построенный ниже города, заключает в себе обширные склады, судостроительные верфи, сухие доки и всё оборудование, необходимое для навигации, но это военное заведение было задумано по такому обширному плану, что двадцать пять лет спустя после войны оно ещё не было окончено. Корумба есть в то же время главный порт Матто-Гроссо при его южном входе: самые

1 Severiano da Fonseca, цитированное сочинение.

2 Francis de Castelnau, цитированное сочинение.

большие суда могут подниматься до его набережной впродолжении половины года, и негоцианты, почти все иностранцы, ведут здесь крупную торговлю скотом, солью, известью; со временем они могут утилизировать также существующие в крае очень богатые залежи же-

Рѣка Парана.

лезной руды. В 1876 году, когда бразильский гарнизон очистил город Асунсион, чтобы идти обратно в Корумбу, парагвайские поставщики и служители эмигрировали массами, вместе с войском, и сразу удвоили население этого последнего города; кроме того, многие молодые

парагваянки стараются воспользоваться всяким удобным случаем, чтобы попасть в Корумбу, так как шансов на замужество там гораздо больше, чем в самом Парагвае, где женский пол представляет значительный численный перевес над мужским[1]. Европейские иммигранты также знают дорогу в Корумбу, и боливийцы из города Санта-Крус-де-ла-Сиерра отправляют туда некоторые товары через пустыни.

Реки Таквари и Миранда, впадающие в Парагвай, первая выше, вторая ниже Альбукерке, имеют каждая маленькия колонии, которым суждено сделаться когда-нибудь многолюдными городами. В округе Таквари административным центром служит Эркуланео, более известный под именем Кошин, от реки того же имени. На берегах Миранды, протекающей по менее пустынной области, основались два города, Ниоак, или Левержера, и Миранда. Этот последний существует с 1778 года. Ниоак и посты, расположенные на берегах Парагвая, ниже слияния, были заняты во время войны солдатами Лопеса. Коимбра, на высокой террасе правого берега главной реки, у выхода одной из самых удобных дорог, направляющихся к Боливии, была позицией, особенно энергично оспариваемой друг у друга воюющими сторонами. В 2-х километрах к северу, в скалах конгломерата, образующих уединенный массив Коимбра, открывается «Адский грот», с обширными подземными залами, соединяющимися узкими галлереями. От форта Олимпо,—Борбон при испанском режиме,—который обозначается ещё на всех картах, остались лишь развалины на склоне невысокого холма; после войны с Парагваем, там не держат более гарнизона. Два маленьких массива, которые ниже стоят друг против друга по обе стороны реки, на востоке—Паон-де-Ассукар, на западе—Фечо-дос-Моррос, или «Засов Гор», также пока ещё не укреплены, хотя коммиссия инженеров уже составила план укреплений, которые там должны быть воздвигнуты: нездоровый климат местности заставил отказаться на время от этого проекта. По указаниям карты, массив Фечо-дос-Моррос должен был бы принадлежать Боливии; но бразильские дипломаты, считая невозможным уступить другим столь важный стратегический пункт, решили, что эти холмы западного берега принадлежат Бразилии, так как река, выступая из берегов во время своих периодических наводнений, обращает их в остров и таким образом отодвигает их к востоку.

Города штата Матто-Гроссо, с приблизительной цифрой их населения:

Куйяба—18.000 жителей; Корумба и Ладарио—7.000; Сан-Луис-де-Касерес—4.500; Санто-Антонио—4.000; Розарио—3.000; Матто-Гроссо—1.400; Диамантино—1.000 жителей.

X. Материальное и социальное состояние бразильского населения

Хотя до сих пор невозможно было составить сколько-нибудь точную статистику бразильского населения, но из приблизительных рассчетов известно, что число жителей не переставало возрастать в очень быстрой пропорции. Около 1780 года бразильцев, в то время подданных Португалии, насчитывалось всего два миллиона, и с той эпохи, в столетие с небольшим, цифра эта по меньшей мере усемерилась, быть может, даже увосьмерилась. Численное удвоение нации совершалось, следовательно, в период двадцати восьми—тридцати лет. Если возрастание и далее будет продолжаться с той же быстротой,—а приток иммиграции, естественно, должен усиливать движение народонаселения,—то Бразилия будет заключать столько же граждан, как и Франция, гораздо ранее половины двадцатого столетия.

Население Бразилии, по результатам переписи или вычисления: в 1776 г.—1.900.000 жителей; в 1819 г. (по переписи)—3.617.000; в 1872 г. (по переписи)—9.930.000; в 1883 г.—12.600.000; в 1890 г. (по переписи 31-го декабря)—14.333.915 жителей.

Никакая попытка всенародной переписи не может вполне удасться в Бразилии. Большая часть населения остерегается всяких расспросов, и счетчики не имеют никакого средства заставить граждан вписать или позволить вписать имена свои и своих близких. Последняя

1 Karl von Steinen, „Durch Central Brasilien“.

переписная операция, которую предполагалось произвести в 1890 году, но которая была исполнена лишь двумя, годами позже, да и то не во всех штатах, заключала в себе длинный вопросный лист, где находились, между прочим, рубрики, относившиеся к «физическим недостаткам» и к имущественному положению; оттого знатные особы, даже сами законодатели, подали пример отказа от ответов. Везде числа, показанные счетчиками, были меньше действительных. В Бахии начальник статистического комитета считает, что данные оффициальной статистики более, чем на одну восьмую, разнятся от действительности. В иных местах целые приходы избегали переписи: в одном только штате Рио-де-Жанейро была пропущена целая треть жителей[1]. В конце 1890 года предприняли новую перепись, но результаты её были, без сомнения, весьма ненадежны, так как администрация даже не огласила их; наконец, в 1892 году, на Фавилья Нунеса было возложено руководство третьей переписью, от которой, однако, шесть округов на-отрез отказались, несмотря на все его усилия. Тогда как по данным переписи число жителей оказалось немного выше 1.050.000, по рассчетам Нунеса[2] действительное число их должно было составлять по крайней мере 1.400.000,—результат, считаемый другими статистиками тоже весьма сомнительным. Как бы то ни было, не подлежит сомнению, что весьма крупные ошибки допущены при производстве переписи даже в этих приморских штатах, где контроль был бы, однако, гораздо легче, чем во внутренних областях; каких же результатов ожидать в тех округах, где иные из служащих, которым поручена была переписная операция, не умели даже ни читать, ни писать? Во многих случаях, статистики, изучающие ту или другую провинцию, предпочитают определять население посредством исчисления, чем принимать на веру цифры, называемые оффициальными, но, очевидно, ошибочные.

Колонизованная жителями европейского и африканского происхождения, значительно превосходящими числом американских туземцев, Бразилия населена весьма неравномерно: иммигранты должны были группироваться на побережье, вокруг портов, образующих естественные центры притяжения; но в этом заселении прибрежного пояса замечается тот факт, что белые направлялись главным образом в области юга, климат которых соответствует климату их родины, а чернокожие, введенные в качестве невольников, были ввозимы в огромном большинстве в жаркия области, с африканской температурой. Что касается амазонского мира, бразильской страны, ближайшей к Европе по географическому положению, но наиболее отличающейся от неё по своей природе, то он остается, так сказать, вне круга колонизации. Километрическая плотность жителей сильно разнится в различных областях: тогда как в некоторых городских кварталах население тесно скучено, как в европейских городах, более половины территории не имеет даже одного жителя на десять квадратных километров. Взятая в целом, Бразилия ещё в 36 раз менее заселена, чем Франция, и в 109 раз менее, чем Бельгия.

Некоторые статистики пробуют ещё классифицировать обитателей Бразилии по расам и подрасам, разделяя их на белых, черных, красных и желтых, по цвету кожи. Так, в провинции Сан-Паоло, по данным переписи 1886 года оказалось на 1.000 паолистов 677 белых, 135 *pardos*, т.е. цветных людей, 104 *pretos*, т.е. чернокожих, 84 *caboclos*, т.е. потомков индейцев. Но если самая перепись не могла достигнуть даже некоторой приблизительности, то тем более нельзя определить точным образом долю происшедших скрещиваний: так, в Матто-Гроссо и других внутренних провинциях различают два сорта «белых»: одни, португальцы, —*brancos verdadeiros*, «настоящие белые»; другие, *brancos da terra*,—«туземные белые»[3]. Вне всякого сомнения тот факт, что белое, или считаемое таковым, население должно непрерывно возрастать, так как иммиграция постоянно вводит европейские элементы в бразильские семьи; многие из португальских и итальянских иммигрантов женятся на негритянках.

1 Favilla Nunes, „Popnlacao, territorio e representecao nacional do Brazil“;—A. A. Ferreira da Silva, „Estudos de demographia sanitaria“.

2 J. P. Favilla Nunes, „Recenseamento do Estado do Rio de Janeiro“.

3 Francis de Castelnau, цитированное сочинение.

Долго можно было сомневаться, удастся ли европейским колонистам акклиматизоваться в Бразилии. Опыт решил этот вопрос очевидным образом в южных провинциях, от Сан-Паоло до Рио-Гранде-до-Суль, а также и на возвышенностях штата Минас-Жераес. Даже иммигранты, пришедшие из Северной Европы, лучше преуспевают материально в своем новом отечестве, чем в своей первоначальной родине. Здесь бывали примеры, что у женщин наступала вторая молодости и случалось, что годовая рождаемость в три, четыре, пять и даже шесть раз превосходила смертность[1]. Напротив, массовое переселение европейских колонистов в тропические провинции сопровождается опасностями; однако, пропорция чистокровных белых, сохранившихся в ряде поколений в амазонских штатах, доказывает, что и там эта раса может акклиматизоваться. Приморские области от Мараньона до Бахии населены четырьмя миллионами людей, из которых более миллиона принадлежит к белой расе, без заметного смешения. Эти белые прибыли с Азорских островов, из Галисии, с берегов Миньо и Дуро. Баски, испанцы, провансальцы здесь одинаково акклиматизуются, и их отличительные качества, изящество, сила и ловкость, передаются и потомкам[2]. Наиболее здоровые области,—это, повидимому, плоскогорья штатов Бахиа и Минас, кампосы штата Парана и возвышенные равнины в штате Рио-Гранде-до-Суль. Городок Санта-Анна-де-Контендас, в гористой и лесистой местности, доминирующей на востоке над рекой Сан-Франсиско, ниже впадения рио-Вельяс, славится во всей Бразилии своим прекрасным климатом и быстрым возрастанием семей. Без иммиграции, число семей быстро удесятерилось, затем увеличилось в сто раз в этом округе, с конца прошлого столетия. Там не редки патриархи, могущие соединить за своим столом сотни потомков[3]: в некоторые годы насчитывали всего только двух умерших на сорок родившихся.

Как известно, европейцы, новоприбывшие в города бразильского побережья, всего более боятся желтой лихорадки, и не без основания. С конца семнадцатого века этот бич не посещал Бразилии до половины истекшего столетия, когда эта эпидемия несколько раз разражалась с страшной силой в прибрежных городах, особенно в Рио-Жанейро и в Сантосе. Но на некоторой высоте над уровнем моря желтая лихорадка не имеет более власти над организмом, и вновь прибывшие колонисты совершенно застрахованы от этой болезни, если они поселятся на высоте восьми или девяти сот метров, за щитом, образуемым горами серры-до-Мар. Точно также плоскогорья штатов Минас-Жераэс и Гойяс безопасны от посещений желтой лихорадки. Нужно прибавить, что одна медицинская школа в Рио-Жанейро, по её словам, открыла микроб этой страшной болезни, и уже лет десять практикует лечение её. Холеру, которая особенно набрасывается на негров, не останавливают, как желтую лихорадку, известные пределы высоты или климата: она находит свои жертвы на высоких плоскогорьях так же верно, как и в равнине, и, хотя, вообще говоря, она следует главным образом по людным дорогам и поражает жителей больших городов, но нет такого поселения, даже самого уединенного, которое избегло бы её опустошений. Посещения холеры, к счастью, не часты, и гигиенисты приобрели некоторое искусство в борьбе с нею: этот бич, несомненно, уносит в Бразилии гораздо менее жертв, чем чахотка и берибери. Во внутренних провинциях довольно распространен зоб; на побережье констатированы многочисленные случаи слоновой и других подобных болезней. Можно сказать вообще, что, кроме некоторых городов поморья, белые, даже переселившиеся из Европы, реже болеют и имеют более продолжительную среднюю жизнь, чем индейцы и чернокожие. Раны и ампутации заживают гораздо легче в этих климатах, чем в Западной Европе. По сравнению с госпиталями Парижа, пернамбукская больница, где, впрочем, большинство больных живут как под открытым небом, показалась бы медикам местом чудесных исцелений.

Размеры европейской иммиграции варьируют, смотря по годам; но с половины текущего столетия она сделалась настолько значительной, что чувствительно влияет на увеличение

1 Herman von Iherinn, „Rio Grande-do-Sul“.

2 H. Coudreau, рукописные заметки.

3 Spix und Martius;—Auguste de Saint-Hilaire, цитированные сочинения.

бразильского населения: в 1891 году, число иммигрантов, быть-может, равнялось естественному приросту, происходящему от избытка рождений над смертностью. До провозглашения независимости одни только португальцы имели право, да и то ограниченное всевозможными регламентами, переселяться в часть Нового Света, принадлежавшую их монарху. Иностранцы, поселявшиеся на постоянное жительство в Бразилии, все обязаны были случаю или особой милости данным им позволением пребывания в стране: это были потерпевшие крушение, моряки, пленные, главным же образом наемные солдаты, которых трудно было бы доставить обратно на родину, и которым давали участки земли. Однако, португальское правительство ввозило также и непосредственно «островитян», т.е. жителей Азорских островов, когда ему не хватало колонистов в самой Бразилии, чтобы занять округа, имеющие какое-либо стратегическое значение.

Колонизация в собственном смысле слова началась в 1820 году, когда король Иоанн VI водворил швейцарских крестьян-католиков в землях Нового Фрибурга (Nova Friburgo). Четыре года спустя основалась в провинции Рио-Гранде-до-Суль немецкая колония Сан-Леопольдо, которая сделалась ядром многих других общин того же рода, и которая до сих пор является в Бразилии самым важным центром иностранной колонизации. Частные колонии прибавлялись к тем, которые были основаны стараниями самого правительства, и многие крупные землевладельцы, которых запрещение торга неграми лишило возможности пополнять свою рабочую челядь, и которые предвидели близкую отмену невольничества, пришли к мысли о замене на своих плантациях чернокожих вольными рабочими. Но слишком часто они заботились лишь о том, чтобы заместить невольников другими невольниками, и многие из этих, так-называемых «свободных» колоний, особенно основанные на берегах болотистых рек, в знойных землях южной части штата Бахиа и в штате Эспирито-Санто, имели печальный конец: колонисты гибли сотнями и тысячами. Можно сказать вообще, что опыты колонизации имели успех прямо пропорционально степени свободы, предоставленной новоприбывшим поселенцам; колонии процветали там, где иностранец сделался бесспорным собственником отведенного ему надела; наоборот, они скоро прекращали свое существование там, где земледельцы не были сами хозяевами. Что касается португальцев, которые до 1870 года составляли почти две трети общего числа иммигрантов, то они переселялись по собственному почину, поодиночке или целыми семьями, и, без предубеждения в выборе труда, искали себе какой-нибудь работы, не обращаясь к правительству, крупным финансовым компаниям, или к каким-либо синдикатам плантаторов; оттого почти все они преуспевали: как надсмотрщики над невольниками, ремесленники, носильщики, барышники, крупные торговцы, они имели в совокупности бразильской деятельности пропорциональную долю гораздо большую, сравнительно с долей других колонистов, и многие из них возвращались в *Terrinha*, т.е. «земельку» в Европе, как они называли Португалию, чтобы строить пышные дворцы на месте отцовской лачуги[1].

Статистика иммиграции, ещё более неточная, чем общие переписи, отмечает, как иммигрантов, только пассажиров третьего класса, высаживающихся с кораблей, при чём даже и этот счет ведется не во всех портах; точно также не принимают во внимание обратного движения переселенцев. Опубликованные цифры имеют поэтому лишь весьма относительную цену, но они достаточно показывают быстрое возрастание иммиграции. В течение первых двадцати лет второй половины истекшего столетия насчитывали, в среднем, от 7.000 до 10.000 иммигрантов в год. Число это удвоилось в следующие десятилетия, затем оно упятерилось, а в последнее десятилетие даже удесятерилось; в 1891 году около 219.000 европейских колонистов ступили на берег в трех портах, Рио-Жанейро, Сантос, Дестерро; кроме того, города Виктория, Бахиа, Пернамбуко, Пара также получили свою долю рабочих. В этой массовой иммиграции первое место принадлежит итальянцам: в одном только 1892 году они прибыли в числе свыше 100.000, а во всей Бразилии их, по крайней мере, 600.000, не считая их потомства; колония, которую они составляют в этой стране, превосходит по чис-

1 Onesime Reclus, „Nouvelles Geographiques“, 4 novembre 1893.

ленности колонии, основанные ими в Аргентине и в Соединенных Штатах (Итальянская колония в Бразилии к 1-му января 1893 года: 554.000 душ[1]). Они вдвое, может-быть, даже втрое многочисленнее поселенцев немецких и германской расы, сгруппированных в штатах Рио-Гранде-до-Суль и Санта-Катарина; теперь насчитывают, средним числом, между высаживающимися на бразильский берег европейцами, десять итальянцев на одного немца. Испанцы, которые до недавнего времени не эмигрировали, прибывают ныне в большом числе; поляки, часто обозначаемые под именем немцев, потому что они по большей части уроженцы Познани[2], доставляют новый элемент, к которому присоединяются литвины и русские; наконец, и восточные люди, обыкновенно называемые «турками», но в действительности сирийцы-мароните, высаживаются в порте Рио-Жанейро.

Оффициальное число иммигрантов с 1804 по 1892 год: 1.327.021. Первый период, от 1808 до 1854 г.: 140.000, т.е. 3.000 в год. Второй период, от 1855 до 1885 г.: 498.115, т.е. 16.066 в год. Третий период, от 1886 до 1892 г.: 688.906, т.е. 98.415 в год[3].

*В 1893 г. прибыло иммигрантов: 84.143; в 1894 г.: 63.294; в 1895 г.: 164.371; в 1896 г.: 157.948; в 1897 г.: 112.495; в 1898 г.: 53.822 *:

Нужно, однако, сказать, что наибольшая часть этой иммиграции не добровольная, и если бы считать настоящими иммигрантами только людей, переселившихся по своей доброй воле и по собственному побуждению, без всякого заманивания со стороны заинтересованных агентов, то первое место по-прежнему принадлежало бы иберийскому элементу: испанцам, португальцам, галисиянам. С 1847 по 1875 год императорское правительство заключило 35 контрактов с иммиграционными компаниями, взявшими на себя обязательство ввести в страну, в сложности, около полмиллиона работников, и израсходовало на этот предмет свыше 140 миллионов франков, из которых более двух третей потрачены напрасно: из 148 колониальных групп, основанных за этот период времени, теперь существует только около пятидесяти; остальные рассеялись. С той поры дело иммиграции ведется более правильным и более надежным способом. Вербовка колонистов итальянских, русских и польских производится заботами центрального правительства, и, в меньшей мере, благодаря фондам, вотированным штатами Сан-Паоло и Минас, наиболее заинтересованными, в лице крупных землевладельцев, в том, чтобы доставать рабочия руки в изобилии.

Национальность 191.151 иммигрантов, высадившихся в Рио-Жанейро в 1891 году: Итальянцы—116.000; португальцы—30.071; испанцы—18.668; поляки и русские—11.598; немцы—4.317; австрийцы—2.883; скандинавы—1.847; англичане—1.933; французы—1.309; «турки»—863; бельгийцы—378; швейцарцы—198; прочие—439.

Распределение иммигрантов по штатам: Сан-Паоло—117.396; Рио-де-Жанейро, включая столицу—19.686; Рио-Гранде-до-Суль—17.642; Парана—10.782; Санта-Катарина—4.925; Эспирито-Санто—1.902; Пара—251; Амазонас—226; прочие штаты—360.

Переселенцев, прибывших в Сан-Паоло в 1891 году: 86.654; в том числе: ввезенных центральным правительством—83.237; ввезенных правительством штата Сан-Паоло—563; прибывших по своей воле—2.954.

Иммигранты, принимающие предложения вербовщиков, перевозятся бесплатно, или за уменьшенную плату, и, по прибытии в Рио-Жанейро или в Сантос, пользуются гостеприимством в каравансарае, где происходит «ярмарка» на землекопов и сельских рабочих. Европейские рабочие, приходящие из Аргентины, не причисляются к иммигрантам. За десятилетие с 1881 по 1891 год было принято в *hospedaria* в Сан-Паоло 330.393 иммигранта.

Площадь возделываемых земель составляет лишь весьма малую долю пространства Бразилии. В многих частях страны малейший распаханный клочек, встреченный на пути, при-

1 Bodio, „Annuaria Statistica Italianna“, 1893.

2 Josef Siemiradski, рукописные заметки.

3 Onesime Reclus, цитирован. сочинение.

влекает внимание,—до такой степени глаз привык видеть по обе стороны тропинки бесконечные леса или необозримую степь. Было бы, впрочем, чрезвычайно трудно составить статистику культур, ибо бразильский земледелец—полу-номад. В почве нет недостатка, и как только земля покажется ему истощившейся, как только урожаи делаются беднее, он покидает свое поле, чтобы расчистить себе другое в лесу. В этой столь плодоносной стране теплота и влажность достаточны, чтобы одеть прекрасной растительностью почвы, по природе самые неблагодарные; самая скала, разлагаясь, покрывается растительной землей; камни, которые в странах Европы не имели бы иного наряда, кроме серого или желтоватого ковра из мхов, здесь скрыты под гирляндами ветвей девственных лесов. Здешний пахарь пренебрегает всеми землями, которые не кажутся ему превосходными, и, набрасываясь на великолепнейший лес гваякового (бакаутового), железного или палисандрового дерева, рубит его без сожаления и уничтожает огнем поваленные деревья, чтобы на месте их посеять свои бобы или кукурузу. Оскудение земли, вызывающее новые распашки, обнаруживается нашествием некоторых растений: таково, например, в провинции Сан-Паоло, растение *polypodium incanum*, называемое *samambaia*. В южной части штата Минас и в южных провинциях, «сальное растение», *capim gordura* или *melado* (*tristegis glutinosa* или *panicum melinis*), названное так от его липких листьев, повсюду следует за земледельцем и тотчас же овладевает подходами к его жилищу и полями, которые он оставляет под паром[1]. Истощенные земли легко узнать издали по *gorduraes* или *caninzaes*, беловатым и волнующимся площадям захватившего почву злака. Иногда на месте уничтоженного леса тотчас же появляется новая лесная поросль; но этот новый лес по виду совершенно разнится от первоначальной сельвы, и всякий бразилец, привыкший к жизни среди природы, сразу отличит новый лес от старого. В новых лесах ветви менее переплетены лианами, но все промежутки между стволами загромождены колючим кустарником: менее красивые, менее торжественные, без величественных высокоствольных дерев, без куполов зелени, они имеют более веселый вид, благодаря удивительному разнообразию их ярких цветков и разноцветных плодов. Но эти *capoeiras*, или вторичные леса в конце концов делаются похожими на первоначальные большие леса и их блеск молодости исчезает с летами[2].

Земледелие, вне больших имений, утилизируемых для промышленных растений, ведется самым первобытным способом, перенятым от аборигенов, индейцев тупи; в нём скорее следует видеть хищническую эксплоатацию почвы, чем правильную промышленность. О характере сельского хозяйства в западной полосе можно судить по тому факту, что иной крестьянин с берегов Парананемы везет на рынок полсотни кочнов пальмовой капусты, истребив для этого полсотни дерев[3]. Однако, каждый поселянин получает в изобилии, простой рутиной земледельческого труда, продукты, потребные для своего пропитания, маниок, черные бобы, рис, маис, бананы, пататы, иньямы. Фундаментальное блюдо бразильского стола, *feijoada*, мало отличающееся от обычного кушанья континентальных португальцев, заключает в себе три первые ингредиента, к которым обыкновенно прибавляют сушеное мясо, *carne secca*, ввозимое из Рио-Гранде-до-Суль или из лаплатских областей. Известно, со времен Гумбольдта, какое огромное количество питательного вещества производит даже небольшая банановая плантация: гектар, заключающий 320 пней, по 2 ветви на каждом, дает, в среднем, слишком 38 тонн бананов[4]. Дичь, обильная ещё в первые годы этого столетия, и без которой невозможно было бы объяснить экспедиции мамелюков через весь континент, сильно уменьшилась.

После культуры жизненных припасов, натурально, самой важной и дающей материал для деятельнейшей внутренней торговли, главный продукт Бразилии составляет кофе. Первое кофейное дерево, вывезенное из Кайенны, было введено в Белен-де-Пара в 1727 году и

1 Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage dans le district des Diamants“.
2 Richard Burton, „The Highlands of Brazil“.
3 „Valle do rio Paranapanema, „Bolletim da Commissao Geographica de Sao Paulo“, 1890.
4 „Jornal do Comercio“, 24 de setembro de 1893.

оттуда распространилось в португальской колонии; но в первые сто лет культура эта не имела никакого экономического значения. Говорят, что в 1800 году всё производство не превышало 750 килограммов; оно получило действительную важность только со времени приобретения страной своей автономии; но тогда развитие его пошло так быстро и успешно, что, несмотря на финансовые кризисы и революции, несмотря на болезни растения, Бразилия опередила в этом отношении Яву и все другие производящие кофе страны, и доставляет теперь торговле количество этого продукта, покрывающее более половины мирового потребления. Кофейное дерево можно культивировать во всех провинциях, кроме некоторых слишком холодных плато,—земель, прозванных «Норвегией»[1],—и не защищенных местностей в штате Рио-Гранде-до-Суль. Однако, площадь крупной кофейной культуры ограничивается областями, имеющими центром город Рио-Жанейро, от Эспирито-Санто до Параны. Штат Рио-Жанейро был до недавнего времени главным производителем кофе, и до сих пор ещё сбор этого продукта вывозится на половину через рио-жанейрский порт; но в настоящее время самые обширные плантации, производящие кофе в наибольшем обилии и лучшего качества, находятся в штате Сан-Паоло: кофейное дерево создало нынешнее цветущее состояние этой провинции, привлекая к её деревням всё усиливающийся поток иммиграции. Когда невольничество было отменено, пророки несчастия провозгласили, что всё погибло, что Бразилии неминуемо грозит такое же разорение, какое постигло Сан-Доминго. Правда, многие плантации, особенно в штатах Рио-де-Жанейро и Минас, принадлежавшие обремененным долгами и почти всегда отсутствовавшим из своих имений помещикам, не могли преодолеть испытание, вызванное переменой режима, но плантаторы Сан-Паоло заблаговременно приготовились к надвигавшейся грозе введением вольных работников и не только не пострадали от реформ, но, напротив, богатство их ещё более возросло. Когда невольничество, ещё существовавшее, было уже осуждено, один крупный плантатор, виконт де-Нова-Фрибурго, трагически воскликнул по адресу Явы и других иностранных колоний: «вам принадлежит будущее! всякая надежда сохранить наши культуры потеряна отныне!»

Бразильское кофейное дерево, как говорят, из всех пород этого дерева самое богатое кофеином, начинает приносить плоды не ранее четырехлетнего возраста; начиная с шести лет, оно дает, до шестнадцатого или двадцатого года, обильные урожаи, затем плодовитость его постепенно уменьшается до 35-ти или 40-ка-летнего возраста, после чего нужно обновлять насаждения. Обыкновенно это дерево не получает другого удобрения, кроме своих собственных листьев да травы, выпалываемой между рядами саженцов; однако, не боятся истощить землю, засевая промежуточные борозды кукурузой, бобами, пататами. Всего более опасны заморозки, особенно на низких почвах, ибо после подобного бедствия кофейные плантации перестают почти совершенно приносить плод в течение двух или трех лет. Обыкновенный пень дает всего только около трети килограмма вышелушенных бобов; в своей классической книге[2], ван-Дельден-Лерне считает 750 граммов на пень, тогда как хорошие деревья, растущие в плодородной почве и при заботливом уходе, могут давать вдесятеро большее количество, а на исключительно плодовитых пнях собирают даже до 15 килограммов[3]. В Бразилии, в почти умеренном климате Рио-де-Жанейро и Сан-Паоло, нет надобности защищать кофейное дерево от солнечного зноя, как в Венецуэле и в других тропических странах, где ветви шоколадного дерева, эритрины и других «матерей» прикрывают молодое растение. Бразильское кофейное дерево, как и яванское, имеет свои паразитные болезни, которые, впрочем, до сих пор не причиняли серьезного вреда.

Значительные кофейные плантации, *cafezales*, дополняются обширным промышленным оборудованием для очистки, шелушения и сушки кофе. Недалеко от жилища, на отлогих землях, расположены сушильни, куда вагонетки ссыпают собранные плоды кофейного дерева, которые раскладывают на солнце тонкими слоями. Канавы, вода которых, регулируемая

1 A. de Taunay, рукописные заметки.

2 „Bresil et Java“.

3 Fr. Leite Guimaraes, рукописные заметки.

шлюзами, разветвляется по всему пространству сушильни, принимают эти плоды; от пребывания в воде оболочка плода загнивает, затем зерна, увлекаемые из резервуара в резервуар, вступают под вальцы мельницы, где трение освобождает их от мязги. После очистки и шлифовки, кофейные бобы поступают в барабан с круглыми ситами, где сортируются, смотря по форме, на «мокку», «мартинику», «лагвайру» и другие торговые «сорта», и падают, наконец, в открытые мешки, готовые для нагрузки в поезд, ожидающий у ворот завода. В больших плантациях, пространство, необходимое для прохода кофе через все стадии обработки, от вступления на *terreiro* до вывоза с плантации, обнимает площадь в несколько десятин, с мельницами, складочными амбарами, сараями для машин. Персонал, употребляемый для земледельческих и промышленных работ имения, состоит из сотен семей, живущих в деревнях, невзрачный вид которых напоминает худые дни невольничества. Обыкновенно без садиков, домики, впрочем, довольно чистенькие, выстроились в одну или в две линии, точно солдаты на смотру, так что эконом может одним взглядом обозревать всё поселение.

Статистика производства кофе, составляемая соперничающими экспортными домами, не отличается точностью, и некоторые частные данные её противоречивы. Однако, не подлежит сомнению, что общий сбор значительно увеличился в последние годы, несмотря на отмену невольничества.

Производство кофе в Бразилии в разные эпохи: в 1820 г.—5.085 тонн; в 1840 г.—68.000 тонн; в 1870 г.—132.500 тонн; в 1880 г.—330.000 тонн; в 1890 г.—490.000 тонн; в 1892 г.—444.000 тонн.

Сбор кофе в округе Рио-Жанейро: в 1897—98 г.—10.774.000 мешков (по 60 килограм.); в 1898—99 г.—6.750.000 мешков; в 1899—1900 г.—7.250.000 мешк.

Место Бразилии в ряду производящих кофе стран в 1890 году: Бразилия—490.000 тонн; Центр. Америка и Мексика—80.000 тонн; Ява и Суматра—60.000 тонн; Гаити и С.-Доминго—43.000 тонн; Куба и Пуэрто-Рико—35.000 тонн; Английск. Индия—30.000 тонн. Западн. Африка—20.000 тонн; прочия страны—100.000 тонн.

Возрастание сборов кофе происходит почти всецело в пользу крупных землевладельцев: мелкое сельское хозяйство имеет лишь весьма малую долю участия в этом производстве. В «красноземной» полосе штата Сан-Паоло есть имения в десять и двадцать тысяч гектаров, и иная важная железнодорожная станция была основана единственно для обслуживания одной плантации. Одна кофейная плантация, принадлежащая финансовой компании, располагающей капиталом в 8.500 конто,—приблизительно 10 миллионов франков,—заключает в себе, по оффициальным сведениям[1], около шести миллионов дерев и дает занятие 4.200 лицам, почти все итальянского происхождения, размещенным в 26 деревнях и поселках; в хорошие годы насаждения этой фазенды могут приносить до 1.000 тонн кофе. Конечно, кофейная промышленность в Бразилии, особенно в штате Сан-Паоло, где насчитывают свыше миллиарда посаженных кофейных дерев, есть чудо агрикультуры и справедливо вызывает удивление экономистов; но можно задать вопрос, не заключается ли опасности в этом принесении всех производств в жертву одной культуре, как бы она ни была доходна: население, быстро возрастающее, подверглось бы внезапному обеднению, если бы какое-нибудь экономическое явление или стихийное бедствие вдруг уничтожило источник этого изумительного богатства.

Было также время, когда Бразилия поставляла миру наибольшее количество сахара; но давно уже, лет полтораста тому назад, она утратила свое первенство в этой отрасли земледельческой промышленности в пользу Антильских островов, которые и сохранили его с тех пор; округ Сан-Висенте, где Мартин Аффонсо-де-Суза ввел сахарный тростник, привезенный с острова Мадеры, в первой половине шестнадцатого столетия, теперь производит лишь незначительные количества этого продукта. В настоящее время сахарная промышленность всего более развита в Пернамбуко, Бахии и соседних провинциях; округ Кампос, в штате Рио-Жанейро, занимается специально культурой сахарного тростника, и нигде нет за-

1 Companhia agricola Fazenda Dumont, „Relatorio de 1892“.

водов, лучше устроенных для производства кассонад и сахара. К сожалению, крупные бразильские плантаторы добились от правительства, чтобы оно покровительствовало их промышленности основанием «центральных заводов», с гарантией 7% интереса на вложенные в дело капиталы. Как и следовало ожидать, эти фабрики, субсидируемые, но вяло управляемые, как все казенные предприятия, дали наименее успешные результаты. Значительная часть сахарного тростника идет на приготовление *cachaca*, водки, которую найдешь в каждом бразильском доме, но которая не по вкусу иностранцам.

Производство сахара в Бразилии, в среднем выводе: 200.000 тонн, ценностью в 80.000.000 франков. Производство водки из сахарного тростника: 100.000 гектолитров, ценностью в 4.000.000 франков.

Хлопчатник также составляет одну из промышленных культур Бразилии, именно в Сеаре и других северных штатах; северо-американская междоусобная война дала сильный толчек этой культуре, которая с тех пор сократилась, но которая теперь снова возрастает, благодаря высоким почти запретительным ввозным пошлинам, которыми обложены иностранные бумажные материи. Бразильские табаки очень ценятся, особенно табаки штата Бахиа или *fumos* штата Гойяс; более пяти шестых экспорта, направляющагося главным образом в Германию и Францию, идет через порт Бахиа, в виде листьев, которые затем привозятся обратно, в форме сигар и папирос. Годовое производство табака можно считать приблизительно в 40 или 50 тысяч тонн, на сумму от 25 до 30 миллионов. Какаовое дерево успешно разводится в Амазонии и на южных берегах штата Бахиа, особенно в окрестностях Канавиейраса, благодаря иностранным колонистам, занимающимся этой культурой, которая дает, в сложности, около 6.000 тонн в год, т.е. десятую часть мирового производства какао. Опыты разведения чайного дерева вполне удались на плоскогорьях штатов Сан-Паоло и Минас-Жераес, и, однако, теперь его можно увидеть лишь в садах, так как это растение не могло выдерживать конкурренции с однородными продуктами Китая и Индии; то, что называют «бразильским чаем», есть не что иное, как матэ (*ilex paragnayensis*), происходящий из провинции Параны, которая вывозит его, средним числом, до 14.000 тонн в год, на сумму около 8 миллионов франков; главным покупателем этого чая является Бельгия. Апельсинное дерево, которого в Бразилии существует множество разновидностей, и при том превосходных, растет без всякого ухода, и апельсины отправляются «насыпью» в Ла-Плату; производством померанцевых вин занимается одна только провинция Санта-Катарина. Виноградарство и виноделие, повидимому, может рассчитывать на более счастливое будущее, особенно в штате Минас-Жераес, где американские лозы растут отлично (производство виноградного вина в этой провинции, в 1892 году, 9.450 гектолитров). Некоторые виноделы уже получили очень ценимые вина, которые они сравнивают с «токайским», с «шампанским», с «бордо». В Сан-Паоло, где эта промышленность прочно водворилась, почву вокруг лоз покрывают деревянным настилом, чтобы воспрепятствовать слишком быстрому излучению во время ночи. Первый сбор винограда делается не ранее, как на пятом году жизни растения; но как ни велики издержки, они с лихвой вознаграждаются высокой ценой продукта, за который платят вдесятеро дороже, чем сколько бы за него дали во Франции.

Другие культуры европейского происхождения, например, культура пшеницы, имеют для бразильских агрономов лишь интерес любопытства, за исключением штата Рио-Гранде-до-Суль; но даже и в этой провинции, «ржа» часто поражает пшеницу, посевы которой всё более и более сокращаются, уступая место скотоводству. Что касается риса, который абсолютно необходим бразильцам, так как он входит в их повседневное питание, и который так легко было бы возделывать во всех низменных местностях, то он почти всецело ввозится из английского Индо-Китая. Муравей, который до недавнего времени делал невозможной всякую культуру в некоторых округах, и которого прозвали «королем Бразилии», теперь уже не страшен: «формициды», введенные в муравейник, отравляют его обитателей, дым от взрыва бьет из всех щелей почвы. Чтобы избавиться от крыс, многие садоводы и сельские хозяева держат у себя на службе змею *giboia*, маленького удава, длиной от 3 до 4 метров, который

спит весь день, а по ночам охотится. Очень привязанная к своему жилищу, жибойя уползает, чтобы отыскать его, когда её перенесут в другое место.

Страна больших лесов, Бразилия всё ещё имеет капитальную важность, как страна сбора лесных продуктов. По вывозу каучука, как и по экспорту кофе, она заняла первое место; как складочный пункт каучука,—называемого *borracha* бразильцами,—город Пара монополизировал отпускную торговлю этим продуктом. Производство каучука: в 1840 г.—400 тонн; в 1860 г.— 2.500 тонн; в 1891 г.—20.000 тонн.

С 1839 по 1891 год: 269.206 тонн, ценностью около 1.440.000.000 франков.

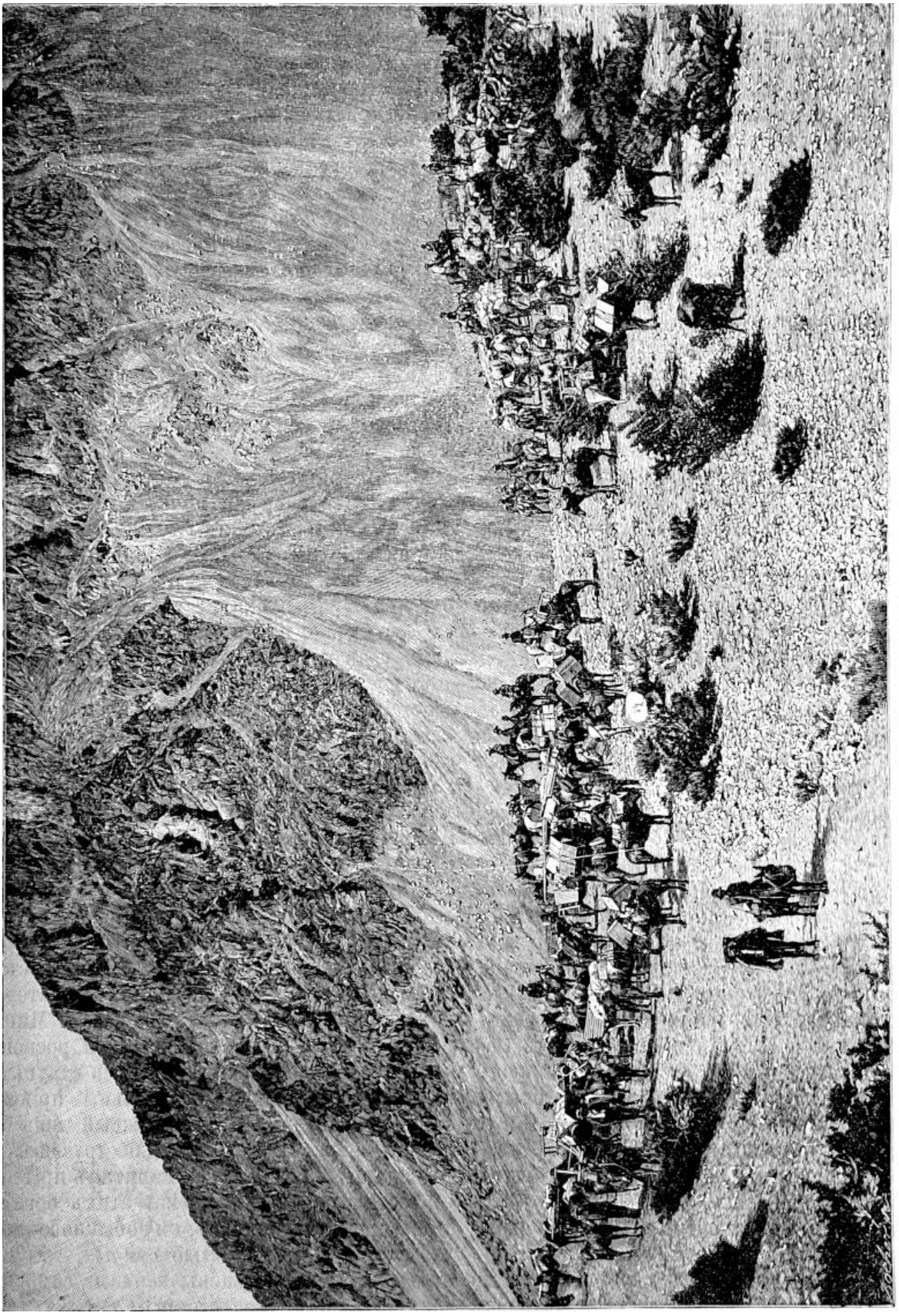
Тот же город Пара почти один отправляет за границу бразильские «орехи» или «каштаны», плоды великолепного вечнозеленого, достигающего 30 метров вышины дерева *bertholletia*, предназначенные главным образом для петербургского рынка. Амазония вывозит также бобы гуараны, почти необходимые жителям Матто-Гроссо, и продает в значительном количестве лекарственные растения, тогда как Сеара и соседние морские берега поставляют воск карнаубы, пальмы, которая, кроме вина, дает камедь, подобную саге, сердцевину, заменяющую пробковое дерево, съедобные плоды, листья, волокна которых служат для выделки тканей; воск, покрывающий листья в виде липкого порошка, и который извлекают при помощи огня, вывозится в Европу, где его употребляют, между прочим, для окраски бумаги, для приготовления свечей и лака[1]. Волокна пальмы пиассава (*atalea funifera*), или «черного тростника», растущей в Амазонии, Бахии и Эспирито-Санто, покупаются Англией для фабрикации метел и щеток. Хинное дерево уже несколько лет тому назад введено в горах Терезополиса, но пока ещё не дает материала для экономически важного производства. Наконец, все приморские штаты изобилуют строевым, дорогим столярным и красильным лесом, утилизируемым в промышленности; одному из красильных дерев, *echinata caesalpinia*, Бразилия обязана своим именем (pao do Brazil—«жар-дерево»). Другое дерево, жакаранда, имеет такое красивое волокно, что его прозвали «святым деревом», *palo Santo*,—по-французски «palissandre» (палисандровое дерево).

По количеству скота, именно лошадей и рогатого скота, Бразилия стоит ниже Аргентинской республики, хотя имеет, на центральных плато и в южных кампосах, почти столь же обширные пастбищные пространства, как и аргентинские. Один из её штатов, Рио-Гранде-до-Суль, занимается скотоводством так же деятельно, как и лаплатские страны, и доставляет Рио-Жанейро и другим городам тропической области маленьких мулов, неутомимых на бегу и удивительно выносливых. Штаты Гойяс, Матто-Гроссо, Минас посылают на побережья свои *boiadas*, или гурты быков, идущих короткими этапами и пасущихся в кустах, по обе стороны привычной тропы. В центральных областях Бразилии эти животные принадлежат к двум разным породам, которые легко отличить, особенно по размерам рогов; у быков из Минас-Жераеса ширина между рогами достигает иногда двух метров. Джерсейская корова, индийский зебу и некоторые другие животные способствуют теперь облагорожению расы. На экваториальных берегах, штаты Сеара, Пиаухи также имеют табуны лошадей, стада коров и баранов, но часто теряли их почти целиком, по милости продолжительных засух. В штате Минас-Жераес сыроваренное производство получило широкое развитие: на всех столах находишь минасский сыр. Общее число рогатого скота в Бразилии, по приблизительному рассчету, простирается до 18 миллионов голов.

Традиции старой монархической Бразилии сохранились доныне в отношении порядка землевладения. Короли вначале разделили землю на большие лены или «капитанства», и, позднее, когда непосредственная собственность всей страны снова перешла к королевской власти, последняя раздавала имения по своему капризу, жалуя *sesmarias* или «участки», вообще очень обширные: нация имеет теперь в своем распоряжении очень мало свободных земель, тогда как небольшое число помещиков владеют громадными пространствами, которых они не знают даже границ. Некоторые поместья, даже в округах со скученным населением, занимают многие квадратные мили, и землевладельцы, которые не могут найти нужное чис-

1 A. Baguet, „Bulletin de la Societe de Geographie d'Anvers", 1886—87.

ло людей для обработки этих обширных территорий, постоянно жалуются на недостаток рабочих рук. Может-быть, дело пошло бы лучше, если бы эти плодоносные области, владеемые одним лицом, были распределены участками между *matutos*, т.е. мелкими земледельцами.

Вьючный обозъ въ Кордильерахъ.

После отмены невольничества, когда почти все негры бежали от своих господ, плантаторы обвиняли в лености этих вчерашних рабов; но последние, наскучив работать на помещика, удалились в лесные прогалины, где и живут с семьей и несколькими домашними животны-

ми, возделывая свое маленькое поле бананов, бобов и маниока, не забывая и цветов в саду[1]. Впрочем, многие из освобожденных невольников вернулись потом на родимые плантации.

Что бы ни говорили, это чернокожие, сыны бывших невольников, доставляют наибольшую часть земледельческого труда в областях, куда ещё не пришли им на подмогу колонисты итальянские, немецкие и другие. Белые, не имеющие никакой доли во владении землей, те, которых в Луизиане и на Антильских островах назвали бы «маленькими белыми», предпочитали жить в качестве *agregados*, т.е. паразитами в имении помещика: иной крупный землевладелец имел их сотни в своей фазенде. При случае они могли оказывать кое-какие услуги; если у них имелась скотинка, они пускали её пастись вместе с господскими стадами, и сами черпали в полных житницах, когда у них не хватало хлеба насущного. Обходительные и доброжелательные нравы населения мирились с этим положением вещей, тем более, что *agregados*, избирая помещика в крестные отцы своих детей, «кумились» с ним,— узы, считающиеся почти священными: но совершившиеся политические и социальные перемены изменяют отношения между крупными землевладельцами и не обласканными фортуной жителями. Можно избавиться от большинства этих «маленьких белых» при помощи бесчисленных бюрократических должностей в штатах, комарках (округах) и муниципальных управлениях; но проблема земельной собственности остается, тем не менее, во всей своей силе для всех жителей деревень, чернокожих, маленьких белых или колонистов иностранного происхождения. Благодаря умеренности своих потребностей, африканцы могли довольствоваться клочками земли, полученной там и сям на границах помещичьих имений или в областях, принадлежащих государству; но иностранные работники требовательнее, и земельные участки, нарезанные им, либо в раздробленных крупных поместьях, либо в национальных владениях, удовлетворяют лишь незначительную часть требований; что касается системы *pasceria*, или «арендования исполу», то она не находит сочувствия у земледельцев, переселившихся из Старого Света, в надежде сделаться собственниками.

В этом великий вопрос для ближайшего будущего Бразилии: сельские работники требуют земли, они даже в некоторых местах берут и возделывают её насильно, владельцы же отказывают в ней или стараются забрать её обратно. Землевладельцы, желая восстановить под другой формой отмененное невольничество, побудили законодательное собрание вотировать закон, разрешающий введение китайских кулиев на их плантации, и на специальном съезде, собравшемся в Жуиз-де-Фора, приняли на себя обязательство давать средства для покрытия расходов по перевозке этих наемников, условливающихся служить известное число лет, от трех до пяти, за помещение, харчи и жалованье, величина которого не превышает 35 мильрейсов, т.е. около 45 франков, в месяц. Но эта иммиграция «небесных» людей, давно уже вотированная, ещё не осуществилась и едва-ли осуществится, по крайней мере в значительных размерах. Пекинское правительство не особенно охотно поддается желаниям бразильских плантаторов, и транспортные компании ещё не имеют возможности вести дело на широкую ногу, хотя спекуляторы являлись уже толпой предлагать свои услуги для осуществления этого предприятия. Китайцев редко можно встретить на улицах Рио-Жанейро, и ещё реже во внутренних сельских местностях. Ввоз нескольких азиатских колонистов на бразильские плантации не может устранить проявляющиеся затруднения, и борьба не преминет обостриться между крупными землевладельцами, и безземельными поселянами.

Земледелие заняло теперь первое место в бразильском производстве, но в прошлом столетии горная промышленность доставляла материал для гораздо более значительного экспорта. Сравниваемая с Мексикой и Перу, странами серебра, Бразилия была страной золота. В первом же веке оккупации португальцы открыли золотоносные места, именно в Таубатэ, между Рио-Жанейро и Сан-Паоло, и вскоре паолисты, продолжая свои поиски в северном и западном направлении, нашли *rios de Ouro* (золотые реки) почти во всех частях громадной территории, заключающейся между Андами и побережьем Бахии. Большинство этих месторожде-

1 James W. Wells, „Three thousand Miles through Brazil".

ний ныне оставлены. Натурально, прииски, которыми владели португальские авантюристы в Перу, были покинуты прежде всего, вследствие зависти испанцев и преследований, которым вице-король подвергал иностранцев, обвиняемых в подготовлении завоевания страны. Говорят, что многие португальские золотопромышленники, чтобы избавиться от суда инквизиции, бежали, побросав свои сокровища на дно озер или рек, и засыпав входные галлереи своих подземелий[1]. Прииски в Гойясе, доставлявшие в прошлом столетии весьма значительные количества золота, теперь разработываются лишь небольшим числом *faiscadores*, или золотопромывальщиков, не имеющих других инструментов, кроме кирки и кадушки. В штатах Парана, Рио-Гранде-до-Суль, Санта-Катарина, Мараньон, Пиаухи также находят золото, но там не существует правильной разработки его месторождений.

Почти всё количество вывозимого из Бразилии желтого металла происходит из Минас-Жераес, штата по преимуществу горнопромышленного. Промывка песков и гравия или *cuscalhos*, отделяемых от золотоносных пород, почти везде покрытых железистым конгломератом, *canga*, началась в конце семнадцатого столетия, и с 1698 года были початы горы Оуро-Прето («Черного золота»). Золотоискатели овладели туземцами и заставляли их под плетью копать землю и промывать пески. Располагая этой даровой рабочей силой, они совершали чужими руками гигантские работы с помощью самых примитивных орудий и способов. Почти везде разрыли почву на пространстве 450 километров длины и 220 километров ширины по обе стороны Станового хребта и в боковых долинах реки Вельяс. От массива Оуро-Бранко («Белого золота») до Сидаде-до-Серро, почти всё время идешь по кучам гравия, которые были пропущены, иные даже много раз, через промывальный сосуд золотоискателя. С дороги между Оуро-Прето и Сабара, приметен вал, тянущийся на несколько километров, который можно принять за стену, образовавшуюся вследствие сползания скал; на самом деле это открытая траншея, вырытая рудокопами до глубины 40 слишком метров[2]. Над соседним с горами Оуро-Прето горнозаводским местечком Пассаген, холм изрезан в виде башен и стен, как будто произведенных извержениями лавы: это остатки работ, сделанных прежними искателями. В период процветания, потентаты Минас-Жераеса жили с такой безумной роскошью, какою во все времена отличались вдруг разбогатевшие выскочки. Владельцы приисков строили себе дворцы, где каждый день был пышно сервирован стол для друзей и проезжих. Когда генерал-капитан приезжал в гости к кому-нибудь из этих богатых золотопромышленников, ему обыкновенно подавали за обедом блюдо *cangita*, где зерна кукурузы были заменены зернами самородного золота. Для перенесения Святых даров из одной церкви в другую, употребляли экипаж, запряженный лошадьми с золотыми подковами; тяжущиеся подкрепляли свои челобитные подношением судьям бананов, начиненных золотом.

Общее количество чистого металла, извлеченного из бразильских рудников со времени первых открытий паолистов, определяют различно. По исчислению Gorseix'а одна только провинция Минас-Жераес доставила торговле с 1700 до 1888 года около 660.000 килограммов золота, соответствующих ценности приблизительно 1.850.000.000 франков. Общее производство золота во всей Бразилии, кажется, было не менее 3-х миллиардов. Теперешняя годовая добыча этого металла оценивается в 4—8 миллионов. Большинство компаний, эксплоатирующих бразильские золотые прииски, образовались в Англии, и операции их ограничиваются областью штата Минас, лежащей к северу от горного узла Келуз и продолжающейся по обе стороны Станового хребта, между Оуро-Прето и Сабара. Компании эти не разработывают более аллювия рек, но делают раскопки в самой скале, прослеживая и вырабатывая содержащие колчедан жилы до больших расстояний и на несколько сот метров в глубину. Вынутая руда по железной дороге или по наклонной плоскости подвозится к толчее, где вода рек и каналов позволяет промывку и растирание в порошок размельченного камня. Уменьшение добычи и возрастающая дороговизна рабочих рук постепенно замедлили ход

1 I. Tschudi, „Peru".

2 H. Gorceix, „Bulletin de la Societe de Geographie", Seance du 18 october 1876.

работ; тем не менее, промышленность эта всё ещё хорошо вознаграждает вложенные в дело иностранные капиталы.

Поиски алмазов подали повод ко многим разочарованиям, так как открытие алмазных копей в Южной Африке сразу подорвало бразильский промысел. Первые исследователи области Минас искали только «зеленых камней», и открывшие алмаз, прозрачные камешки которого служили игрушками индейским детям, не знали цены этих кристаллов. Один чиновник, живший ранее в Гоа, первый заметил, что марки, употребляемые для означения ставок в игре, были алмазы, такие же великолепные, как алмазы Индии, и поехал в Португалию объявить о своем открытии, набрав предварительно коллекцию этих пренебрегаемых камешков[1]. В 1733 году, лиссабонское правительство было оффициально извещено об открытии, сделанном в его заморских владениях, и верное своему принципу видеть в Бразилии лишь свою *vacca de leite*, «дойную корову», объявило себя единственным обладателем алмазоносных земель, и велело очертить вокруг Диамантины окружность в 42 мили, указывающую пределы запретной территории; даже рыть фундаменты для нового дома дозволялось не иначе, как под условием, чтобы при этой работе присутствовали судебный пристав и три чиновника[2]. Только некоторые привилегированные получили право эксплоатации содержащих алмазы ручьев за уплату подати, соразмерной числу занимаемых рабочих. Затем алмазные месторождения были сданы откупщикам, и, наконец, король португальский велел разработывать эти копи за его собственный счет[3]. При нынешнем режиме, искание алмазов сделалось свободным. Название *catas*, встречающееся во многих местах на картах Бразилии, означает «копани» и относится к бывшим золотым или алмазным приискам.

Garimpeiros, или искатели алмазов, открыли этот драгоценный камень не только в провинции Минас, но также в Матто-Гроссо, и, после того именно в 1845 году, в округе Шапада-Диамантина, в западной полосе провинции Бахиа. Разработка ведется по большей части без определенной методы: они отводят течение ручьев и ручейков, почти пересыхающих в сухое время года, затем пропускают хрящ сквозь сито, пока продолжается благоприятный сезон; с наступлением дождей мастерские искателей исчезают. Алмазы встречаются рядом с другими камешками в древних конгломератах палеозойского происхождения, а также в более новых породах, образовавшихся из размельченных фрагментов первичных пластов; но их нигде не видели в плутонических формациях[4]. Между знаменитыми камнями, собранными в Бразилии, указывают брильянт из Абаэте, весивший 144 карата, и «Южную Звезду», которую нашла одна негритянка в 1853 году: до шлифовки этот последний брильянт весил слишком 254 карата. Общее количество алмазов, доставленных Бразилией мировой торговле, определяют в 12 миллионов каратов, т.е. почти в 2 с половинной тонны, представляющих полмиллиарда франков. Промысел этот быстро уменьшается с тех пор, как конкурренция Южной Африки понизила цены. В 1867 году добыча алмазов составляла ещё 37 килограммов, ценностью в 7 миллионов франков; в 1880 году около 15 килограммов, а теперь её оценивают в 7 или 8 килограммов, представляющих 1 миллион франков. Африканские алмазы менее красивы, но итог их продажи уже далеко превосходит совокупность торговли бразильскими алмазами за полтора столетия. Алмазоносная формация Бразилии дополняется большим числом других драгоценных кристаллов, гранатов, топазов, корундов, берилов, аметистов; но настоящих изумрудов там не существует: «зеленые камни», которые принимали за изумруды, были, вероятно, турмалины[5].

Другие рудные месторождения, кроме золотых приисков, почти не эксплоатируются, несмотря на их богатство, и в большинстве штатов ограничиваются лишь указанием на них, не отдавая даже себе отчета о содержании в них металла. Штат Рио-Гранде-до-Суль обладает

1 Auguste de Saint-Hilaire, „Voyage dans le district des Diamants".
2 Mawe, Auguste de St.-Hilaire;—Richard Burton, цитированные сочинения.
3 H. Gorceix, „Association Scientifique", fevrier 1882.
4 Orville A. Derby, „Contributions to the Study of the Geology of Brazil".
5 Aug. de Saint-Hilaire, цитирован. сочинение.

единственными в стране утилизируемыми медными рудниками. Штат Минас-Жераес доставляет также свинец, а его две железные горы, Итабира-до-Кампо и Итабира-до-Манто-Дентро, дают чугуноплавильным заводам, так же как и гора Ипанема в штате Сан-Паоло, некоторое количество руды, извлекаемой из неистощимых масс. Метеориты, найденные на острове Сан-Франсиско, в 3-х километрах от города, целиком прошли через огонь кузнечного горна. Залежи каменного угля, открытые в штатах Санта-Катарина и Рио-Гранде-до-Суль, питают слабо развитую местную промышленность. Минас-Жераес обладает, близ города Марианна в Сан-Каэтано, месторождениями превосходного каолина. В Сан-Паоло разрабатывают также пласты лигнита и уже почали кое-где слои торфа, заполнившего бывшие озера. Что касается соли, которую страна могла бы добывать в громадных количествах из своих залежей, своих рек с соленой водой и своих прибрежных болот, то она ввозится ещё из Европы, грузимая, в виде баласта, английскими судами.

Почти все роды мануфактурной промышленности представлены в Бразилии; сырой материал: металлы, лес, камеди, красильные соки, растительные волокна, кожи,—существует в изобилии, разработываемый специалистами, инженерами, винокурами, мастерами, ежегодно иммигрирующими в большом числе. С своей стороны, правительство обложило весьма высокими пошлинами большую часть произведений иностранной промышленности. Совершенно естественно, что стараются получать у себя дома предметы, которые прежде обыкновенно ввозились из-за границы; но тут есть очевидная потеря в общей совокупности человеческого труда, ибо издержки производства в Бразилии гораздо выше, чем в промышленных государствах Европы, и разница должна быть компенсирована очень обременительными «покровительственными» пошлинами. Прядильные и ткацкие фабрики занимают первое место между промышленными заведениями, которые вызвала к жизни необходимость заменять туземными произведениями иностранные товары, слишком вздорожавшие, благодаря покровительственной системе. Каждый из больших бразильских городов имеет несколько мануфактур, и они возникают даже в самых отдаленных внутренних округах. Отмена или даже только сбавка таможенных пошлин повела бы к закрытию половины этих фабричных заведений.

Но кроме этих предприятий, обязанных своим происхождением протекционизму, в Бразилии существуют многочисленные промышленные заведения, необходимые для содержания городов: кирпичные и цементные заводы, мебельные и экипажные мастерские, пивоваренные и винокуренные заводы, судостроительные верфи. Ей нужны также все орудия для ведения её главных культур, кофейного дерева и сахарного тростника; наконец, громадность территории требует всё возрастающего числа паровозов, вагонов, пароходов. Сеть путей сообщения расширяется, и соответственно тому повсюду увеличивается национальная деятельность. О состоянии этой деятельности во времена колониального режима можно судить по следующему факту, передаваемому Огюстом-де-Сент-Илером: на главной дороге из Рио-Жанейро в Минас, замененной теперь Центральной рельсовой линией, которая перевозит семь миллионов пассажиров в год, ни один путешественник не перешел границу этих провинций с 19 февраля по 28 мая 1819 года. Путешествие погонщиков мулов из Оуро-Прето в Рио-Жанейро, ходивших почти всегда группами из семи человек и семи животных, продолжалось, в среднем, целый месяц. Когда одна английская компания предложила постройку дороги, ей ответили, как это сделали бы теперь на Мадагаскаре, что дороги могут облегчить завоевание страны какой-нибудь иностранной державой[1].

Со времени окончания колониального режима бразильская торговля, несомненно, удесятерилась, ибо, как не стеснительны таможенные тарифы, но, по крайней мере, обмен с заграницей не воспрещен совершенно, как это было до 1808 года. Долгое время одна финансовая компания владела монополией торговли с Бразилией и располагала военным флотом с экипажем из пехотинцев и артиллеристов. Но богатства страны, золото, алмазы, колониальные продукты, красильное дерево, заставляли, тем не менее, иностранцев прибегать к посредничеству лиссабонских негоциантов, и говорят, что в начале истекшего столетия оборо-

1 Friedrich von Weech, „Brasilienn's Gegenswartigen Zustand und Colonialsystem".

ты этой торговли, монополизированной Португалией, простирались до 150 миллионов франков[1]. В половине этого столетия они достигали 500 миллионов. К 1880 году совокупность торгового обмена уже перешагнула за миллиард, и с тех пор возрастание всё продолжалось, несмотря на революции и гражданскую войну и несмотря на бешеные спекуляции, биржевую игру и злоупотребления всякого рода; бывали случаи, что общества с номинальным капиталом, возникавшие сряду одно за другим, предъявляли в течение каких-нибудь двух недель спрос на один или даже на два миллиарда. В 1891 году, различные акционерные предприятия представляли, в сложности, складочный капитал, в одиннадцать раз превосходивший всё народное богатство Бразилии.

Ввоз главным образом состоит из мануфактурных изделий, но он заключает также предметы, которые страна могла бы очень легко производить у себя дома, как-то: кирпич, плиту, черепицу, муку, мясо, в особенности же рис из Бирмании и *carne secca* или *xarque* (сушеное мясо) из ла-платских государств; нет такой мелочной лавочки в самом бедном, захолустном городишке, в котором не нашлось бы английского печенья, сардинок из Нанта и бутылок пэль-эля. Вывоз, в среднем, более значительный, чем ввоз, состоит на четыре пятых или даже более, из кофе, бразильского продукта, господствующего на мировых рынках. Кроме кофе, страна вывозит каучук на сумму около 125 миллионов франков (экспорт каучука из Пара в 1897 году: 149.691.325 мильрейсов), сахар, хлопок, табак и, в количестве значительно меньшем, какао, бразильские «орехи», или «каштаны», плоды дерева бертоллетия, от 4.000 до 20.000 тон матэ, или парагвайскаго чая, смотря по годам, наконец, золото и алмазы.

Внешняя торговля Бразилии в 1890 году:

Ввоз: 260.100.000 мильрейсов, т.е. 572.220.000 франк, (считая 1 мильрейс=2 фр. 60 сант.); вывоз 317.822.000 мильрейсов, т.е. 600.208.400 фр.

Вывоз кофе: 400.000 тонн, что составит, при средней цене бразильского кофе в 1892 году: 100 франков за мешок, т.е. 1 фр. 66 сант, за килограмм, сумму в 664.000.000 франков. *Обороты заграничной торговли в 1897 году: вывоз—831.806.918, ввоз— 671.603.280 мильрейсов*.

Благодаря специальным тарифам, Северная Америка занимает первое место по торговле с Бразилией. Большая часть сбора кофе направляется всегда в Соединенные Штаты. В 1892 году туда было вывезено из Рио-Жанейро более 2.400.000 мешков, а все остальные страны получили из того же порта менее миллиона мешков бразильского кофе. Сантос, напротив, посылает свой кофе главным образом в европейские порты, в Бремен, Гавр, Антверпен, Триест; Нью-Йорк получает лишь четвертую часть сбора штата Сан-Пауло.

Подвоз кофе в сезон 1892—93 года: в Рио-Жанейро, Сантос и Викторию—5.422.000 мешк. или 312.300 тонн. Вывезено в северо-американские порты—2.382.000 мешка или 142.920 тонн, вывезено в европейские порты—2.452.000 мешк. или 148.120 тонн. Осталось невывезенным—416.006 мешк. или 25.240 тонн.

Великобритания, которая, благодаря своему коммерческому флоту, сделалась главным посредником бразильской торговли, следует за Соединенными Штатами по размерам непосредственного обмена. Франция занимает третье место, затем идет Германия, которой немецкия колонии в штатах Рио-Гранде-до-Суль и Санта-Катарина обеспечивают дальнейшее развитие торговых сношений. Торговля с Италией также из года в год увеличивается, с тех пор, как иммиграция сблизила Геную и Неаполь с бразильскими портами. Метрополия, которая прежде держала в своих руках монополию торгового обмена с Бразилией, отодвинута теперь на пятое место, несмотря на родство обитателей и общность языка; но большинство негоциантов принадлежат к лузитанским иммигрантам: в самом Рио-Жанейро насчитывают между промышленниками и торговцами вчетверо больше португальцев, чем бразильцев. Бывшая колония всё ещё является лучшим покупателем Португалии по части вин; так, в 1892 году ввоз португальских вин в Бразилию составлял 280.627 гектолитров, на сумму 10.145.000 франков. В то время, как внешняя торговля быстро возрастала, движение кабота-

1 Adolpho de Varnhagen, „Historia geral do Brasil".

жа между бразильскими портами уменьшалось, вследствие развития пароходного сообщения, которое, направляясь из Европы ко всем пунктам побережья, сделало бесполезными большие товарные склады, сосредоточивавшиеся некогда в Рио-Жанейро.

В Бразилии, как и в Соединенных Штатах, нужды торговли заставили жителей строить железные пути прежде, чем они успели заменить свои тропинки хорошими проезжими дорогами. Дорога из Рио-Жанейро в Петрополис и продолжение этой прекрасной горной дороги другою, которая спускается к Энтрериосу, в долине Параиба, чтобы затем снова подняться к Жуис-де-Фора,—таковы были, вместе с несколькими другими дорогами в соседстве городов, главные пути сообщения, когда страна предприняла постройку паровых рельсовых линий. Так называемые, «большие дороги», соединяющие Рио-Жанейро со штатами Минас-Жераес, Гойяс, Матто-Гроссо,—не что иное, как широкия ленты каменистого или земляного грунта, извивающиеся в лощинах и по холмам, изрытые глубокими выбоинами в сырых низинах и разделяющиеся на боковые тропинки в крутых местах. По этим пыльным, грязным или каменистым дорогам шесть, восемь или десять пар волов медленно тащат повозки со скрипучими колесами; для значительных транспортов сельскохозяйственных продуктов или минералов, fazendeiros составляют огромные обозы, растягивающиеся на несколько сот метров или даже на целый километр. Такими же группами совершают путешествия и вьючные мулы по дурным тропинкам в болотах и горах; старая лошадь *madrinha*, без ноши, но с колокольчиком и бубенчиками на шее, часто украшенная, кроме того, перьями и разноцветными лоскутами, шествует во главе каравана[1].

Когда Бразилия открыла для движения свою первую железную дорогу, в 1856 году, испанская Америка имела их уже несколько. Начальная линия, предназначенная соединить город Петрополис со столицей, останавливалась ещё тогда у подножия береговых гор. То же было и с железной дорогой, которую открыли два года спустя, в направлении к верхней Параибе. Выходя из Рио-Жанейро, рельсы направлялись к северо-западу, через болотистую и лесистую равнину, до станции Белен, лежащей у основания Приморской цепи (серра-до-Мар). Этого было мало, и с самого начала строители очутились лицом к лицу с весьма серьезным препятствием. Они восторжествовали над ним, поднявшись посредством крутых всходов и шестнадцати туннелей на цепь гор, отделявшую их от долины Параиба: с этого времени они обладали начальным стволом, из которого могут выделяться другие магистральные линии, сообщающиеся со столицей. После того бразильские инженеры построили железные пути, которые по грандиозности сооружений могут сравниться с железными путями Европы. Они уже перешли береговой вал серры-до-Мар в пяти пунктах, три из которых находятся в соседстве Рио-Жанейро, и готовятся подняться к другим перевалам. Они также перешли главные цепи, серру Мантикейра, серру Эспиньясо, и теперь, когда преодолены эти большие препятствия, им остается только прокладывать путь дальше, по отлогим скатам плоскогорий. Самая значительная высота, до которой поднимаются рельсы, находится на ветви Оуро-Прето, которая проходит траншеей в 1.362 метра длины, почти на высоте соседних пиков, на 100 метров выше Моданского туннеля; но некоторые подъемы пути ещё более замечательны своими инженерными работами: таков подъем Жуан-Айрес (1.115 метров), который идет многочисленными полукруглыми извилинами по бокам поросших травой холмов. Паровозы ещё не проникли в область больших рек; однако, они имеют уже несколько грандиозных виадуков, именно: виадук, пересекающий реку Парагуасу, между Кашоэйра и Сан-Феликс, мост через Рио-Гранде на Уберабской железной дороге и путевод, длиною более километра, по которому перевозится каменный уголь из Тубарана.

Бразилия имеет ещё только две железнодорожные сети в собственном смысле слова, из которых для одной исходным пунктом служит Рио-Жанейро, а для другой—Сантос; впрочем, эти две системы соединены линией в 596 километров, поднимающейся в долину Параиба и затем спускающейся к Сан-Паоло. Сеть Рио-Жанейро далеко проникает в штат Минас-

1 Francis de Castelnau, цитированное сочинение.

Жераес и с каждым годом продолжается на одну или две станции в долине Рио-дас-Вельяс, где начинается судоходство по притокам реки Сан-Франсиско. Развитие путей сообщения идет ещё более быстрыми шагами в штате Сан-Паоло, где дороги, пересекая область кофейных плантаций, достигли уже судоходного течения рек Рио-Гранде, Пардо, Можигуасу, Тиетэ, Пирасикаба. В других местностях проложены ещё только отдельные линии или дороги, сходящиеся веерообразно, каковы дороги в Ресифе и на берегах залива Бахиа. Большой магистральный путь, который соединил бы все эти отдельные линии, в направлении с севера на юг, представляет предприятие, осуществление которого ещё не по силам бразильским финансам. Проекты, которые нужно было бы привести в исполнение как можно скорее, чтобы дать стране более прочное политическое положение,—это проекты тех путей, которые должны связать Рио-Жанейро и Минас-Жераес с покатостью Матто-Гроссо и штат Сан-Паоло с южной оконечностью республики. В настоящее время штат Рио-Гранде-до-Суль, в отношении своих путей сообщения, находится в экономической зависимости от ла-платских государств. Для своих сношений с Европой Бразилия должна была бы также провести береговой путь из Кампоса в Ресифе, первый порт прибытия для трансатлантических пароходов.

Бразильские железные дороги строились не по однообразному плану, и на некоторых линиях, между прочим, на Центральной, которая служит торговой осью штата Минас-Жераес, ширококолейный путь сменяется узкоколейным; на большей части новых дорог ширина колеи не превышает одного метра. Правительство владеет лишь небольшим числом дорог. Большинство линий принадлежит частным компаниям, национальным или иностранным, из которых некоторые не требовали ни пособий, ни земель, ни гарантии процента; но главные железнодорожные общества выхлопотали себе, кроме концессий, полосы земли по бокам пути, и получили от правительства гарантии дохода или субсидии, достаточные для того, чтобы предприятие не представляло никакого риска; мало того,—они выговорили ещё условие, чтобы никакое другое общество не имело права строить линии параллельные или примыкающие в определенном поясе. Так постепенно создаются монополии, как, например, монополия железной дороги Сантос-Жундиахи, которая, не будучи в состоянии сама удовлетворять потребности грузового движения той области, присвоивает себе право запрещать производителям отправку их продуктов по другим путям. В отдаленных округах существуют железнодорожные предприятия, старающиеся о том, чтобы о них позабыли: один поезд в неделю между двумя пустынными станциями—этого достаточно, чтобы в конце года владельцы дороги получили свой дивиденд, исправно уплачиваемый из государственной казны.

Железные дороги в Бразилии к 1 января 1892 года, по Альфредо Лисбоа: дороги, принадлежащие государству—2.556 километр.; компаниям, пользующимся гарантией прибыли—2.840; компаниям без гарантии прибыли—5.237; общая длина железнодорожных линий—10.633 килом.

В начале 1898 г. железных дорог в эксплоатации: 14.038 километров (в том числе казенных—2.947 килом.); в постройке: 8.034 килом.

Взятые в совокупности, железные дороги Бразилии, длиною несколько уступающие аргентинской сети, имеют, сравнительно с этой последней, менее важное значение, вследствие недостатка географического единства. Однако, они уже составляют первичный элемент национального богатства, и год от году изменяют положение страны, изменяя направление путей, которыми следует торговое движение. В Бразилии, как и в других странах мира, унивеллированных дорогами, первоначальные покатости теряют свое значение. Уже дорога к верхним притокам Амазонки не пользуется более речным течением; точно также, город Рио-Жанейро, не имеющий речной покатости, ограниченный со всех сторон крутыми горами, сделался выходом для долины Параиба, для верхних рек бассейна Параны и даже для областей, по которым протекает верхний Сан-Франсиско. Более того—наступит день, когда Парагвай, Матто-Гроссо, даже часть Чили и Северная Аргентина также найдут для себя в этом направлении кратчайший путь в Европу.

Бразильские железные дороги в 1893 году: линии, открытые для движения—11.000 ки-

лом.; сеть, окончательно концессионированная к 1 янв. 1893 года—29.119; стоимость постройки дорог, открытых для движения—1.525.000.000 фр.

Ещё лишенная железных дорог, кроме как вокруг города Пара, амазонская область обязана единственно пароходам тем, что имеет сношения с остальным миром. Одна английская компания, субсидируемая бразильским правительством, правильно обслуживает все пристани Амазонки между городом Белен и городом Икитос, в Перу; пароходы, рейсы которых связаны с главной линией, поднимаются по рекам области каучуковых лесов, Жутахи, Журуа, Пурус и по его притоку Акири; они посещают также пристани четырех больших притоков, Рио-Негро, Мадейры, Тапахоса, Хингу, и проникают в Токантин до порогов. В остальной Бразилии речное судоходство имеет сравнительно меньшую важность: в северных штатах, где летние жары часто иссушают воды, нет рек с постоянной глубиной, а восточные штаты представляют в нижней части своих рек, ограничиваемой к верховью каскадами, лишь судоходное пространство незначительной длины; самый большой поток, рио-Сан-Франсиско, не имеет обходного канала вдоль порогов между верховым и низовым плесами. Что касается бразильских рек бассейна Параны, то они, так сказать, разрезаны на многочисленные отрывки, и навигация должна разделяться на маленькия линии, соединенные между собою сухопутными дорогами.

Морские берега, прежде обслуживаемые исключительно парусным судоходством, окаймлены теперь по всей окружности линиями пароходов, которые скоро заменят парусные суда побережья, за исключением рыбачьих лодок и *jangadas*, завещанных индейцами тупи сынам африканцев. Насчитывают около пятидесяти маленьких гаваней, где пристают пароходы регулярного каботажа, тогда как дюжина главных портов, Пара, Сан-Луис-де-Мараньон, Форталеза, Парнамбуко, Масейо, Бахиа, Виктория, Рио-Жанейро, Сантос, Паранагуа, Дестерро, Рио-Гранде-до-Суль, принимают пакетботы и большие пароходы, принадлежащие семнадцати иностранным компаниям, английским в большинстве, которые ведут непосредственную торговлю с Бразилией. По новому закону, каботаж разрешается только судам под бразильским флагом и с экипажем, состоящим в большинстве из туземцев. Но так как моряки сравнительно редки между природными бразильцами, то этот закон не мог бы быть применяем, если бы натурализация не доставляла постоянно стране матросов, в которых она нуждается.

Движение судоходства в бразильских портах 1890 г.: 13.900 судов, вместимостью в 6 миллионов тонн.

Коммерческий флот Бразилии в 1898 году: 344 парусных судов, вместимостью—88.000 тонн; 229 паровых—94.262 тонны.

В обыкновенное время десять пакетботов в неделю бросают якорь в больших бразильских портах. Одиннадцать дней—такова средняя продолжительность путешествия из Европы в Бразилию, именно из Лиссабона в Пернамбуко; между ближайшими берегами двух континентов от Африки до Америки, очень быстроходные суда, каковы, например, трансатлантические пароходы Нью-Йорка, могли бы совершить переезд в два с половиной дня. Телеграфные сообщения производятся прямо из Пернамбуко в Европу и Соединенные Штаты по подводным проводам; кабель длиною в 6.000 километров проложен вдоль всего бразильского берега, от устья Амазонки до устья Ла-Платы.

Длина телеграфных линий в Бразилии в 1895 году: 16.320 килом. Число станций: 289. Число депеш, отправленных в 1895 году: 1.300.000.

Число писем, пересланных в Бразилии в 1893 году: 43.100.000 т.е. 2,4 письма на одного жителя.

Народное образование не могло делать быстрых успехов в стране, труженики которой были в огромном большинстве невольниками ещё в нынешнем поколении. Однако, уже во время колониального режима миссионерами-иезуитами было основано несколько школ и коллегий, а во второй половине восемнадцатого столетия маркиз Помбаль открывал «королевския» заведения народного просвещения; тем не менее, масса населения оставалась неве-

жественной. В 1834 году, семь лет спустя после опубликования первого закона относительно народного образования, во всей провинция Рио-Жанейро было только тридцать школ, с 1.369 учащимися обоего пола. С тех пор цифры эти, к счастию, изменились; однако, отсутствие школьной статистики в большинстве штатов свидетельствует о малом усердии к распространению народного образования, а те данные, которые публикуют местные собрания в самых передовых провинциях, доказывают, что большая часть молодежи остается ещё вне школ. Во время переписи 1872 года процент умеющих читать был 23 мужчины и 13 женщин на 100; кроме того считали одного грамотного негра на 1.000. Двадцать лет спустя, по приблизительной оценке, более трех четвертей населения, мужчин и женщин, белых, цветных и чернокожих, были ещё незнакомы с первыми начатками науки.

Предполагаемое число школ в Бразилии в 1893 году: 8.000.

В 1889 году, по оффициальным данным, было 7.500 начальных, общественных и частных школ, с 300.000 учащихся.

В 1886 г. было 63 средних учебных заведения, с 9.482 учащихся.

Оставляя в стороне детей раннего возраста, констатировали, что число бразильцев, умеющих читать, не достигает ещё половины числа жителей. Но многие молодые люди отсутствие школьного обучения вознаградили самообразованием. Нет, может-быть, города, где бы не встречались люди, изучившие без помощи учителей, одним только чтением, какой-нибудь иностранный язык или даже какую-нибудь профессию; в центральных штатах, Минас-Жераес, Гойяс, Матто-Гроссо, большинство *curandeiros*, или «исцелителей», часто очень счастливых в своем лечении, образовались совершенно самоучкой, путем изучения лекарственных трав и книг. Негры, у которых, говорят, музыкальное чувство развито более, чем у белых, тысячами участвуют в хорах.

Высшие школы содержатся государством, за исключением различных заведений, основанных иезуитами в стороне от больших городов: таковы лицей в Иту, в штате Сан-Паоло, и коллегия в Караса, в штате Минас-Жераес. Большая часть высших учебных заведений сосредоточены в Рио-Жанейро; здесь находятся: медицинский факультет, фармацевтическая школа, нормальная школа, школа изящных искусств, музыкальная консерватория, лицей искусств и ремесл, морское училище, военное училище, военная академия, не образующие, однако, университета. Города Ресифе, Бахиа, Сан-Паоло, Оуро-Прето также имеют высшие школы, медицинские, юридические и горные (число высших учебных заведений в Бразилии: 23; число учащихся в них в 1890 году: 3.485). Во всех этих высших школах преподавание в весьма значительной части ведется на французском языке; оттого, в публичных библиотеках число читателей, спрашивавших французские сочинения, ещё недавно превосходило число читателей, бравших португальские книги; теперь язык страны снова приобрел первенствующее значение, кроме как в библиотеках высших школ, где девять десятых научных сочинений состоят из книг на французском языке.

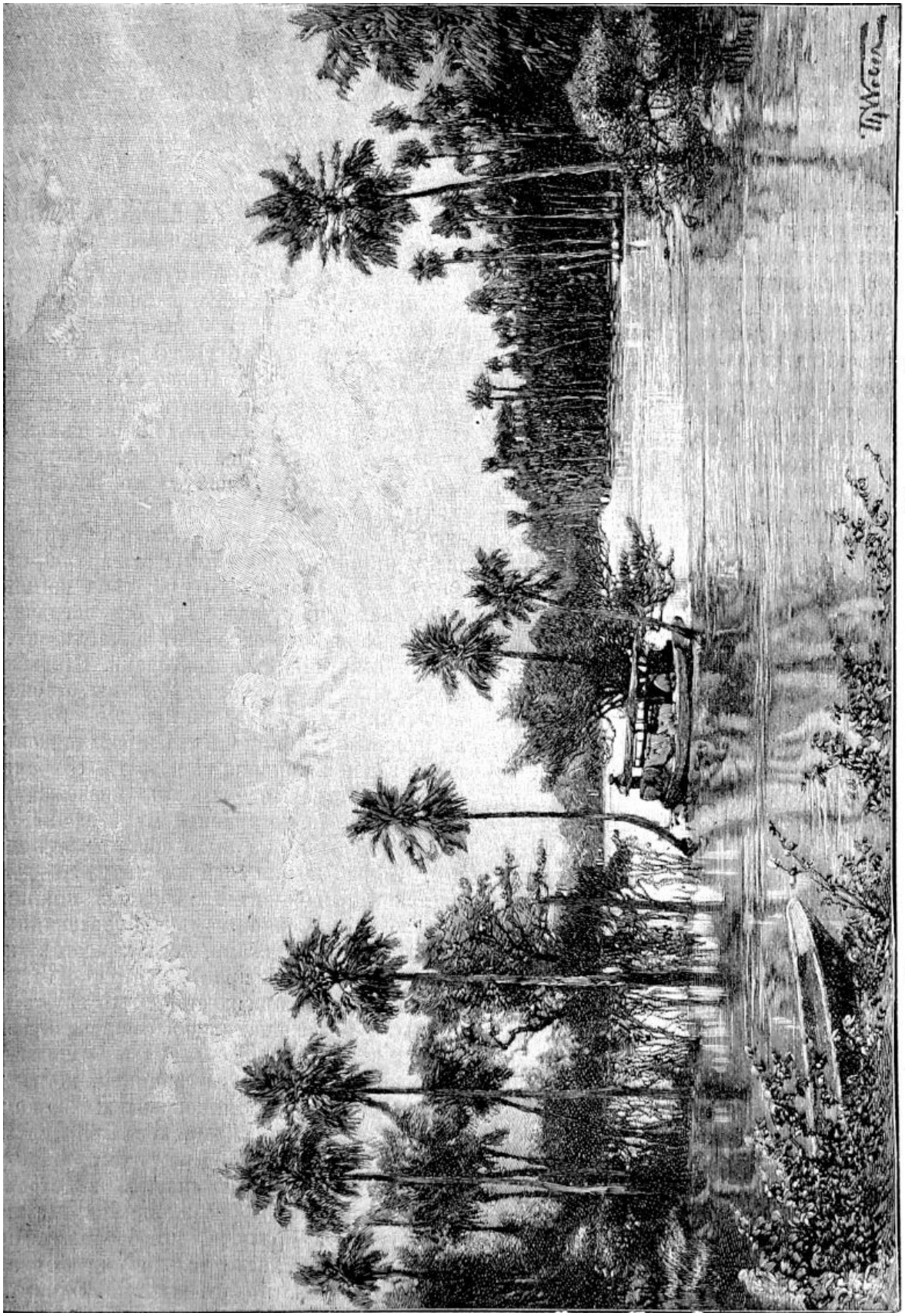
Первая типография в Бразилии, основанная в 1744 году, просуществовала только три года; она была закрыта по приказанию центрального правительства, и только в 1808 году король, бежавший из Португалии, привез с собою печатный станок, для публикования своих декретов. Газеты с большим трудом влачили существование до периода независимости, и история их первых годов повествует об изгнании, заключении в тюрьму и даже казни их редакторов. В 1828 году в стране насчитывали уже 31 газету; в 1876 году их было 271, а десять лет спустя число это более чем удвоилось[1].

Церковь была прежде всемогуща в Бразилии. Инквизиция, учрежденная здесь в 1702 году, яростно преследовала еретиков; однако, ересь состояла у большинства обвиняемых не в исповедании противных ортодоксальному учению идей, но в присутствии в их жилах еврейской крови[2]. После провозглашения независимости, римско-католическая и апостолическая религия удержалась, как национальный культ, и всякое публичное отправление дру-

1 De Rio Branco, dans „le Bresil", par Levasseur.

2 Adolpho de Varnhagen, „Historia geral do Brazil".

гих религиозных обрядностей было строго воспрещено. Революция, ниспровергнувшая империю, отделила также церковь от государства, продолжая, впрочем, платить жалованье состоящим на службе священникам. Однако, было немало столкновений по этому поводу, и

Пальмовыя лагуны на низовьяхъ Пилькомайо.

даже в 1892 году легальное упразднение распятия в залах судебных учреждений вызвало яростные демонстрации против вольнодумцев. Громадное большинство населения заявляет себя католиками. В штате Рио-Жанейро только менее одной сотой общего числа внесенных

в перепись 1892 года жителей сказались принадлежащими к другому вероисповеданию или не исповедующими никакой религии. Но обычный индифферентизм в деле веры велик, и, несмотря на проповеди, раздающиеся с кафедры, франк-масонство приобретает своих неофитов массами во всех городах. Духовный персонал трудно вербуется между природными жителями, белыми и чернокожими, и должен пополняться каждый год иностранными священниками, почти исключительно итальянцами. Многие четы уклоняются от венчания в церкви или от гражданского обряда. В штате Рио-Жанейро, где, однако, законные союзы более в чести, чем в других штатах, внебрачные рождения составляют почти 30%[1].

Замечательной организацией своих заведений общественного призрения бразильцы могут служить примером другим народам. Их больницы, богадельни и приюты совершенно не зависят от государства: все они созданы и существуют добровольной ассоциацией. Постоянный призыв, провозглашаемый «во имя всех наших страждущих братьев», дает каждый год и в каждом городе средства, достаточные для обильного снабжения всем необходимым благотворительных учреждений. Внешния формы *irmandades*, или «братств», сохранили ещё религиозный характер, и на оффициальных церемониях «братья» облачаются в монашескую рясу; но каждое общество организуется по своей воле, и дело общественного призрения, располагающее в Рио-Жанейро бюджетом в несколько миллионов, остается независимым и от государства, и от церкви.

XI. Правительство и администрация

Согласно обычным формулам конституций, все бразильцы признаются равными перед законом, и никто не может быть принуждаем делать или не делать что-либо иначе, как в силу кодекса. Право ассоциации, полная свобода слова и печати признаны конституцией, кроме случаев анонима. Тайна корреспонденции ненарушима, Каждый гражданин может иметь доступ ко всякой профессии. Республика не знает прежних привилегий дворянства, упраздняет все ордена и знаки отличия, учрежденные монархией, отменяет все дворянские титулы; тем не менее, мало найдется стран, где бы встречалось больше баронов, виконтов и маркизов, не считая советников и докторов. Старый режим был щедр на гербы в отношении искренних друзей, и ещё более, говорят, в отношении примиримых противников, и после падения империи, те и другие сохранили, если не приверженность к низложенным государям, то, по крайней мере, громкие титулы, которыми они были обязаны их милости. Оффициальная отмена титулов дополняется запрещением гражданам принимать пожалование дворянством или орденами от иностранных держав, под страхом лишения политических прав.

Гражданами признаются, вместе с природными бразильцами, все сыновья бразильцев и все незаконные сыновья бразильских матерей, родившиеся за границей, когда они поселяются на постоянное жительство на территории республики, или когда они служат ей в другой стране. Кроме того, иностранцы, владеющие недвижимостью в стране, а также женатые на бразилиянках или имеющие детей в Бразилии, приобретают право национальности, если только они формально не заявят противного желания. Одним из первых актов революции было объявить бразильцами всех жителей иностранного происхождения, которые в течение шести месяцев не потребуют определенно признания за ними их первоначальной национальности. Это было разрешение вопроса, который, по поводу иммиграции, столько лет вызывал столкновения между политическими партиями. В самом деле, ничего нельзя себе представить более противоречивого, чем положение, в котором находились иностранцы ещё во второй половине истекшего столетия: их приглашали настойчивыми зазываниями, оплачивали их путешествие, отводили им земельные наделы, иногда даже давали им на обзаведение ссуды деньгами и скотом, и в то же время отказывали им в бразильском гражданстве;

1 J. P. Favilla Nunes, „Recenseamento do Estado do Rio de Janeiro".

приглашаемые, как надежда страны, они оставались в ней во многих отношениях париями[1]: до 1863 года им было запрещено вступать в брак; в 1881 году ещё ни один иностранец не заседал в провинциальных собраниях, даже в Рио-Гранде-до-Суль, где в их руках была сосредоточена торговля и промышленность.

Избирателями в законодательные собрания отдельных штатов и всей республики признаются все граждане, достигшие двадцати одного года от роду, при том, однако, условии, если они не живут нищенством, умеют читать и писать и не занимаются ремеслом, несовместным с свободой мнения: так, например, солдаты лишены права голоса на выборах, кроме воспитанников высших военных школ; точно также монахи, принадлежащие к общинам, где требуется обет повиновения, теряют избирательное право. Всякий, кто ссылается на религиозный мотив, чтобы избавиться от исполнения какой-либо повинности, налагаемой законом на других граждан, тем самым объявляет себя неспособным к пользованию гражданскими правами. Несмотря на капитальную важность, которую конституция придает производству выборов, этому оффициальному происхождению общественных властей, привычка вотировать не входит в нравы населения: уклонение от участия в комисиях, или избирательных сходах, составляет почти общее явление; в Рио-Жанейро, случалось, всего только несколько тысяч граждан принимали участие в подаче голосов, тогда как около сотни тысяч избирателей могли бы толпиться перед избирательными урнами.

Федеративная республика была провозглашена, и, однако, по странной непоследовательности, народ не был спрошен о том, из каких групп должна состоять федерация. Ограничились простым переименованием административных делений империи: из провинций они сделались штатами, хотя деления эти неудовлетворительны во всех отношениях и нисколько не соответствуют тем, какие образовались бы по собственной воле населений. Не говоря уже об Амазонии и Матто-Гроссо, которые в действительности не штаты, а территории будущего заселения, громадная Бахиа имеет соседками две бывшие провинции Алагоас и Сержипе, в семь и одиннадцать раз меньшие по величине. Другая аномалия: Минас-Жераес, самый многолюдный штат республики, есть один из тех, которые не имеют естественного выхода к океану; реки, берущие там начало, все прерываются порогами, отделяющими верхнее судоходное течение от низовья, находящагося в сопредельных штатах. Впрочем, можно предполагать, что междуштатные границы, ещё не определенные во многих местах, будут изменены. Быть-может, даже образуются новые территориальные группы, изменяя нынешнее политическое равновесие. Но нельзя не удивляться, что в нации, объединенной федеральной связью, спрашивают старые королевские решения, а не желание жителей, чтобы распределить населения в отдельные и автономные области.

Каждый из двадцати штатов имеет свои две палаты и своего президента; каждый издает специальные законы, подчиняемые принципам конституции Соединенных Штатов Бразилии. Рудники и земли, не уступленные частным лицам, принадлежат нации, исключая тех, которые оказались бы необходимыми Союзу для защиты границ и постройки стратегических дорог и общеполезных железнодорожных линий. Два сопредельных штата могут заключать между собой частные конвенции, не имеющие политического характера; но им воспрещается вести войну с другими штатами, отказывать в приеме монеты и бумажных денег, признанных Союзом, отвергать акты законодательные, административные или судебные, провозглашенные для всей республики. В отношении иностранных наций двадцать штатов составляют одно государство.

Палата депутатов, собирающаяся ныне в Рио-Жанейро, в ожидании основания будущей столицы, намеченной на плоскогорьях Гойяса, состоит из народных представителей, избираемых в числе не менее четырех от каждого из штатов и от нейтральной муниципии республики; семьдесят тысяч жителей—такова цифра населения, которой соответствует один избранник народного голосования. Так же как в Соединенных Штатах Северной Америки, государственное устройство которых служило образцом законодателям Соединенных Штатов

1 A. d'Escragnolle-Tannay, „A. Nacionalisacao".

Бразилии, Палата депутатов численно соответствует относительной величине штатов, измеряемой цифрой населения, тогда как Сенат представляет штаты как равноправные, безотносительно к числу жителей. Таким образом, Сенат состоит из 63 членов, т.е. по три на каждый штат и на федеральный округ (столицу), избранных одна треть на 9, другая—на 6 лет, третья—на 3 года, смотря по числу полученных голосов. Как и в северной республике, он обновляется по частям. Одна треть членов этого законодательного собрания выбывает по прошествии трех лет и заменяется новоизбранными; в конце шестого года производятся выборы для замещения второй выбывающей трети сенаторов.

Хотя президент и вице-президент республики были возведены на свои посты казарменной революцией, конституция дает главам исполнительной власти избирательное и народное происхождение. Президент и вице-президент назначаются прямым всенародным голосованием, по абсолютному большинству голосов: если ни один из кандидатов не получил большинства, решает Конгресс. Срок для отправления президентских функций определен в четыре года, при чём то же лицо не может быть избрано на следующее четырехлетие. Президент назначает и увольняет по своему усмотрению министров, командует сухопутными и морскими военными силами, определяет на гражданские должности, зависящие от федерального правительства, выбирает членов верховного суда, посланников и консулов, объявляет войну и заключает мир. Он утверждает и обнародует законы, вотированные Конгрессом, но может воспользоваться своим правом *veto*, заставляя таким образом палаты обсуждать вопросы снова и решать их уже не простым большинством, а большинством двух третей голосов. С своей стороны, Сенат обладает правом,—впрочем, почти призрачным,—судить президента республики, по предложению Палаты депутатов. В действительности, этот последний вооружен монархическими правами, далеко превосходящими права, которые присвоивал себе император. Судебная власть, которую легальная фикция рассматривает как равную по влиянию власти законодательной и власти исполнительной, фактически находится в руках того, кто назначает членов высшего суда.

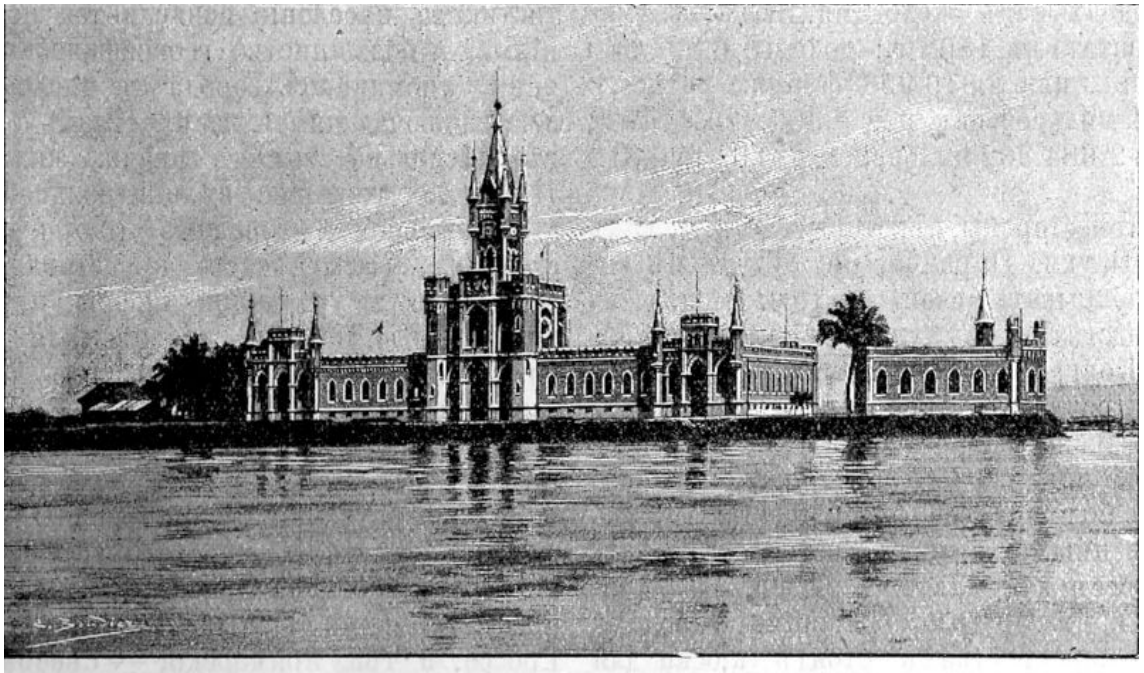
Любопытно, что позитивистская школа Огюста Конта играла немаловажную роль в бразильской революции, низвергнувшей империю. Учение французского философа сделало большие успехи, особенно в военных училищах, и это рвению нескольких позитивистов, участвовавших в революционном движении, должны быть приписаны многие декреты, обнародованные в первые недели республики: отделение церкви от государства, учреждение национального праздника 14 июля, совпадающего с национальным праздником Франции, принятие девизов «Порядок и Прогресс» на знаменах и флагах, «Спасение и братство»—в оффициальной переписке[1]. Однако, этот тщеславный символизм ничего не изменяет в политических нравах. Бразильская конституция, хотя и скопированная почти рабски с конституции Соединенных Штатов Северной Америки, не вдохнет в бразильцев англо-саксонский дух: каждая статья хартии будет истолковываться сообразно образу мыслей, традициям, нравам и страстям южно-американских португальцев.

Так, королевская власть, данная президенту Северо-Американских Соединенных Штатов, и из подражания—президенту Бразилии, быстро привела правительство к диктатуре. Впрочем, уже с самого начала власть, вышедшая из революции, была не что иное, как военная автократия. Армия издавна жаловалась, что её держат в стороне, и когда император, больной, не мог уже принимать большого участия в делах правления, главные военачальники, возбуждавшие недоверие, были систематически удаляемы, даже в нездоровые местности, как верхне-амазонский край и Матто-Гроссо. Однако, армия, гордая своими победами в Парагвае, долго тяготилась своей подчиненной ролью и требовала себе первое место. Вожаки республиканского движения воспользовались этим настроением военных начальников: они предложили им власть в обмен имени «республика», и революция, более, кажущаяся, чем действительная, совершилась без пролития крови, как простая перемена декораций. Со времени падения империи страна управлялась солдатами; в 1893 году более половины губерна-

1 Miguel Lemos, „Apostolat positiviste au Brezil“.

торов были из военных. Но флот, который имел свою долю славы в парагвайской экспедиции, форсируя переходы через реки, в свою очередь, увидел себя обойденным при дележе власти, и этому-то соперничеству двух родов оружия, различно влияемых давлением гражданского элемента, и нужно приписать следовавшие за переворотом события.

Впрочем, армия не представляет из себя силы, исходящей из нации правильным функционированием. Хотя существует закон, устанавляющий жеребьевый порядок, но в действительности полки набираются путем добровольного найма, за премию, уплачиваемую государством в течение шести лет, составляющих легальный срок службы; большинство рекрутов—цветные люди, тогда как кадры состоят главным образом из офицеров белой расы или считаемых таковыми. Во время войны с Парагваем Бразилия имела до 70.000 солдат, считая в том числе мобилизованную национальную гвардию, полицейские команды и гарнизоны на границах[1]. С этой эпохи наличный состав колебался между 15.000 и 20.000 человек; в случае войны он может быть быстро доведен до 30.000. Что касается национальной гвардии, имеющей чисто фиктивное существование, то она заключает в себе миллион граждан. Военный

Дворецъ на Таможенномъ островѣ въ бухтѣ Ріо-Жанейро.

флот относительно значителен; он состоит (1900 г.) из 8 броненосцев; 4 блиндированных крейсеров; 3 неблиндированных крейсеров; 8 канонерок; 30 миноносок; 2 подводных лодок,—всего из 69 судов, вооруженных 440 пушками; нормальный состав экипажа: 700 офицеров и 4.000 матросов. В первые годы империи большинство военных кораблей имело командиров и команду из иностранцев. Ныне флот набирает своих моряков в самой Бразилии, но большая часть судов всё ещё строится на европейских верфях; в туземных морских арсеналах, в Рио-Жанейро, Бахии, Ресифе, Мараньяне и Ладарио, близ Корумбы, спускают на воду лишь суда малого тоннажа.

Война с Парагваем стоила Бразилии полтора миллиарда,—сумма, представляющая почти весь нынешний итог государственного долга, считая по курсу бразильские бумажные деньги, которые своим постепенным обесценением уменьшили более, чем на половину, долги; однако, проценты по займам, заключенным за границей, должны быть уплачиваемы золотом, и Бразилия всегда исправно пополняла свои долговые обязательства, хотя бюджет её до самого последнего времени заключался с дефицитом. Бюджет 1900 г. представлял следующие цифры: доходы: 44.948.000 мильрейс. золотом и 289.038.000 мильрейсов кредита.; расходы: 36.974 мильр. золотом и 263.162.000 мильр. кредита.

1 De Rio-Branco, „dans le Brezil“, par E. Levasseur.

Общегосударственный долг внутренний к 31 марта 1900 г.: 1.225.393 033 мильрейсов: долг внешний к 31 марта 1900 г.: 38.639.281 фунт. стерл.

Долги отдельных штатов в 1898 г. составляли, в сложности, 10.135.729 фунт. стерл.

Главный источник бюджетных доходов составляют таможенные пошлины, которые увеличивают, в среднем, на 60 процентов цену ввозных товаров, а большая часть расходов идет на армию и флот, не считая чрезвычайных рессурсов, употребляемых вне сметных предположений. По бюджету 1900 г., на содержание армии ассигновано 45.596.000, а на содержание флота 23.077.000 мильрейсов.

Благодаря новому распределению таможенных сборов (общая сумма этих сборов в 1892 г. равнялась 195.000.000 франков), известная доля которых, поступавшая прежде в пользу центрального правительства, принадлежит теперь отдельным штатам, многие из последних имеют очень цветущие финансы. В виде примера, можно указать на центральный штат Бразилии, Минас-Жераес. Доходы его утроились в последние двадцать лет, тогда как расходы не возрасли в той же пропорции. Бюджет штата Минас: доходы фискального года 1851—52 (при ценности мильрейса=3 фр.) 303.708 мильр., или 911.125 франк. Доходы фискального года 1891—92 (при ценности мильрейса=1 фр. 30 сант.): 19.199.890 мильр, или 24.960.000 франк.; расходы: 13.776.959 мильр., или 17.900.000 франк.; избыток: 5.422.931 мильр. или 7.060.000 франк.

Финансы штата Рио-де-Жанейро представляли подобное же явление, вследствие повышения таможенных тарифов:

Бюджет штата Рио-Жанейро, в фискальном 1891—92 году: доходы: 16.358.433 мильрейса, или 24.537.649 франк.; расходы: 10.691.132 мильрейса, или 16.036.698 франк.; избыток: 5.657.301 мильрейс, или 8.500,951 франк.

Даже некоторые почти пустынные штаты были обязаны возрастанию экспорта непредвиденными доходами. Так, увеличение таможенных поступлений в штате Амазонки составляло свыше 5 миллионов мильрейсов в 1892 году, и казна главного города этого штата, Манаос, не только не обременена долгами, но даже имеет значительный избыток доходов над расходами. Бюджет Амазонского штата в 1892 г.: доходы: 6.807.660 мильрейсов, или 8.849.958 франк.; расходы: 4.123.328 мильрейсов, или 5.360.326 франк.; избыток: 2.684.332 мильрейса, или 34.896.312 франк.

С другой стороны, некоторые штаты, как Гойяс, Пиаухи, Параиба, не будучи в состоянии покрывать свои расходы собственными средствами, вынуждены были прибегать к Конгрессу с просьбой о пособиях из общегосударственной казны. Почти все штаты извлекают часть своих бюджетных рессурсов из страсти к игре, которою одержимо большинство бразильцев: тираж государственных лотерей составляет главный интерес для миллиона людей. В Рио-Жанейро и в других больших городах на всех перекрестках стоят киоски для продажи билетов этих лотерей.

Самое малое территориальное деление сохранило свое церковное наименование: это—*freguezia*, по первоначальному значению слова—«собрание верующих»;—в 1887 году во всей империи насчитывалось 1.886 этих приходов, из которых иные образуют лишь один квартал города, другие обнимают громадную территорию: в среднем они занимают пространство в 4.220 квадр. километров, равное двум третям французского департамента. В отношении церковного управления Бразилия делится на двенадцать епархий, два архиепископства, Бахия и Рио-Жанейро, 19 генеральных викариатов и 233 духовных округа или благочиния. С точки зрения гражданского управления, одна или несколько *freguezias* соединены в *termos*, которые по большей части соответствуют *municipios*; однако, некоторые *termos* делятся на «муниципии»,—политическая единица, всего более соответствующая, несмотря на её значительное пространство, французской «общине» (commune). В бразильских статистиках население исчисляется по муниципиям, и большинство географических сочинений упоминают города с числом жителей, заключающимся в пределах территории в несколько тысяч квадр. километров. Население, живущее в центральной местности, называемой «городом» (*cidade*)

или «местечком» (*villa*), часто представляет лишь одну десятую указанной цифры, или и того меньше. В 1888 г. насчитывали во всей Бразилии 910 муниципий, в том числе 258 городов и 652 местечка. Соединение нескольких муниципий составляет округ, *comarca*.

Штаты различно сгруппированы в отношении военного и морского управления. В отношении торговли Бразилия делится на пять префектур: две речные, Амазонас и Матто-Гроссо, и три приморские—северная, центральная и южная.

Следующая таблица дает список штатов, с показанием их пространства и цифры населения по последней переписи (31 декабря 1890 г.) и главных городов:

Покатости	Штаты	Пространство в квадратн. километрах	Число жителей	Километр. плотность	Главные города
Амазония	Амазонас	1.897.020	147.915	0,07	Манаос
	Пара	1.149.712	328.455	0,3	Пара
Токантин	Гойяс	747.311	227.572	0,33	Гойяс
Экваториальный берег	Мараньян	459.884	430.854	0,9	Сант-Луис
	Пиаухи	301.797	267.609	0,9	Терезина
	Сеара	104.250	805.687	8	Форталеза
	Рио-Гранде-до-Норте	57.485	268.273	4	Наталь
	Параиба	74.731	457.232	6	Параиба
	Пернамбуко	128.395	1.030.224	8	Ресифе
	Алагоас	58.491	511.440	9	Масейо
Сан-Франсиско и восточный скат	Минас-Жераес	574.855	3.184.099	5	Оуро-Прето
	Бахиа	426.427	1.919.802	4	Бахиа
	Сержипе	39.090	310.926	8	Аракажу
	Эспирито-Санто	44.839	135.997	3	Виктория
Южная Параиба	Рио-де-Жанейро	68.982	876.884	13	Никтерой
	Федеральный округ	1.394	522.651	2	Рио-де-Жанейро
Парана	Сан-Пауло	290.876	384.753	4	Сан-Пауло
	Парана	221.319	249.491	1	Куритиба
	С.-Катарина	74.156	83.769	4	Дестерро
Уругвай	Рио-Гранде-до-Суль	236.553	897.455	4	Порто-Алегре
Парагвай	Матто-Гроссо	1.379.651	92.827		Куйяба
	Итого	8.337.218	14.333.915	1,7	

По новейшему планиметрическому вычислению, пространство Бразилии=8.361.350 кв. километр.

Глава III Парагвай

I

Среди государств Южной Америки, распределенных крайне неравномерно, Боливия и Парагвай остаются отрезанными от моря. Эти две испано-американские республики представляют между собой во многих отношениях резкую противуположность: в то время, как одна из них занимает вершину плоскогорья в 4.000 метров высоты и склоны крутых гор, другая, лежащая между двумя широкими реками, является областью равнин и низких холмов; но обе эти страны имеют почти одно и то же историческое развитие. Как в том, так и в другом государстве нация образовалась изолированно, в Боливии—на островах и берегах озера Титикаки, в Парагвае—в прогалинах дремучего подтропического леса; население в этих странах постепенно наростало, как мякоть около плодовой косточки. Этим можно объяснить, почему Боливия утратила ту часть земель, которую её соседи Тихоокеанского побе-

режья сначала оставили ей на океанском склоне Анд; эта территория досталась Боливии по простому договору; такой же другой договор лишил её этого права. Что касается Парагвая, то он остается окруженным своими девственными лесами, так как поморяне сгруппировались вокруг других притягательных центров.

После характера самих туземцев, главным элементом в истории Парагвая было владычество иезуитов, хотя абсолютными господами они были только в южной части страны. Их мечты о всемирной империи могли быть не более, как утопией в Старом Свете, где им приходилось бороться, с новыми веяниями, совершенно расходившимися с их идеалом. Однако, они не теряли надежды восторжествовать, и известно, как велико было их влияние на судьбы Европы; не раз они могли считать себя близкими к осуществлению своего честолюбивого замысла покорить себе все народы и дрессировать человечество по придуманной ими дисциплине. Не достигнув успеха в странах, где уже началось брожение свободной мысли, они хотели по крайней мере обработывать по-своему смирных дикарей Южной Америки, и создать там, вдали от ревнивых взоров развращенного общества, новый мир, безропотно повинующийся принесенному ими уставу. План их охватывал весь континент. Водворившись сначала на границе бразильского плоскогорья, в своей коллегии Сан-Пауло, они завоевали постепенно, с помощью многочисленных миссионеров, навербованных из всех наций, огромные внутренния пространства, до самой подошвы Андов и до входа амазонских равнин. Но на этих новых землях они встретили других европейцев, которые явились сюда с совершенно иными намерениями. Португальские авантюристы, водворившиеся здесь гораздо раньше иезуитов, не могли сочувствовать идеям созидания образцовой империи, которая шла в разрез с их исключительными целями быстрого обогащения посредством рабовладельчества и добывания золота. Результатом таких противоположных стремлений двух обществ явились постоянные столкновения, которые привели, наконец, к тому, что иезуиты были оттеснены в ту часть континента, середину которого занимаем Парагвайская республика. Они утвердились там довольно прочно, найдя в лице туземцев набожных и вполне покорных людей, охотно подчинивших свою жизнь режиму колокольного звона: целый народ был обращен в толпу богомольцев, по целым дням перебирающих четки и стоящих на коленях перед алтарем. Но новое веяние и здесь продолжало преследовать их, вынудив их в конце концов покинуть эти парагвайские миссии, как они ранее покинули миссии в Лагвайре. Тем не менее дух иезуитского учения крепко укоренился не только в подчиненном ими населении, но даже и у тех народов, которые не подпали их непосредственному влиянию. Учреждая замкнутые общины, стоящие в стороне от сношения с мирянами, иезуиты тем самым подготовляли почву для неизбежных стычек. Небольшая часть человечества не может держаться изолированною от других людей; история многочисленными примерами доказала, что чем значительнее разница, произведенная воспитанием и нравами, тем неизбежнее становится столкновение. Сколько основывалось религиозных обществ, хотевших жить в отчуждении от окружающего мира, и все они погибли насильственно. Недавним примером могут служить мормоны Северной Америки, которые должны были убегать из пустыни в пустыню перед захватывающей волной колонистов «Великого Запада». В конце концов они поселились в замкнутом бассейне, огражденном с одной стороны высокими горами, а с другой—солончаками, суровыми ущельями и безводными оврагами. Эти «Святые последних дней» также создали-было у себя тот идеальный мир, о котором мечтали, образец небесного Иерусалима; но упорно преследовавшие их «язычники» разорвали их законы и осквернили их храмы.

Даже после изгнания иезуитов испанская колония Парагвая продолжала держаться в стороне от правительства Буэнос-Айреса, которому оффициально была подвластна; когда испано-американские провинции отделились от своего отечества, город Асунсион, восставший отдельно в 1811 г., отказался соединиться с другими лаплатскими провинциями под гегемонией своей прежней столицы. Более того,—после нескольких лет волнений, в течение которых независимость, приобретенная новой республикой, находилась в полной безопасности, Парагвай подпал под диктатуру одного властителя, замкнувшего свою страну столь же герметически, как Китай и Япония, куда в то время был совершенно запрещен доступ

«западным дьяволам». Этому диктатору, Каспару Франсиа, удалось вполне достичь своей цели, и в течение двадцати шести лет, с 1814 по 1840 год, Парагвай представлял собою неприступную страну. Этот иностранец, француз по отцу[1] и метис-креол по матери, теолог и юрист по образованию, взявший себе за образец Робеспьера, твердо шел по намеченному пути, не допуская ни малейших отклонений: будучи горячим, хотя и совершенно исключительным патриотом, он создал из Парагвая особый мир; он желал, чтобы его народ жил в мире, пользуясь материальным благоденствием, в полном неведении иностранных революций; несмотря на свое горячее желание видеть испано-американские общины освобожденными от испанского владычества, он не допустил ни одного парагвайца до участия в войне за независимость и ни разу не посылал уполномоченных на различные конгрессы, неоднократно собиравшиеся во время пятнадцатилетней борьбы. Отличаясь полным бескорыстием, он заботился лишь об увеличении народного богатства и установил строгую монополию на торговлю лесом, парагвайским чаем и всякими местными продуктами; как ни велико было его властолюбие, он не хотел тщеславиться сношениями и обменом вежливости с иноземными государствами, предпочитая оставаться игнорируемым всеми. Он порвал связь даже с папским престолом, объявил себя главою парагвайской церкви, уничтожил остатки инквизиционного суда, упразднил существовавшие ещё четыре монастыря, изменил по своему усмотрению духовную иерархию и даже церковный требник, и сам рукополагал приходских священников: противник иезуитов, но неизменный продолжатель их политики, он был одновременно и светским, и духовным диктатором, умевшим подчинить себе весь парагвайский народ. Этот почтенный старец-отшельник, не ведавший ни любви, ни дружбы, имевший «ухо в каждой стене», успел внушить к себе такой страх, смешанный с благоговением, что ни один парагваец не осмеливался произносить его имя. Его называли не иначе, как *el Supremo*, или даже *el Perpetuo*, как бессмертного. После смерти его стали называть *el Difunto*, «Усопший», и в течение долгого времени никто не решался свободно говорить об этой священной личности: упоминая о нем, каждый со страхом озирался, как бы опасаясь, чтобы какой-нибудь тайный агент не послушал его слова.

За этим диктатором следовали другие; первым из них был Лопец и его сын Франсиско-Солано. Но обстоятельству уже изменились. Население увеличивалось с беспримерною быстротою; по ту сторону Параны заселились две междуречные провинции Аргентинской республики, Корриентес и Энтрериос, которые, как колонизационные территории, находились в непосредственных сношениях с европейской цивилизацией. Для смежных государств, Парагвая и Аргентины, невозможно было не прийти в соприкосновение, либо посредством мирных торговых и иных сношений, либо посредством насилий войны. Парагвай не мог больше оставаться в своем прежнем замкнутом положении: ему необходим был доступ к морю, приобретенный или по добровольному соглашению с аргентинской Месопотамией, или же завоеванный силою оружия. Соединившись с Уругваем, который, при своем замкнутом между лаплатской республикой и Бразилией положении, имел совершенно такие же интересы, президент Парагвая считал себя достаточно сильным, чтобы вступить в борьбу с двумя могущественными государствами Южной Америки. Он имел перед своими противниками то преимущество, что располагал отлично организованным войском, богатыми арсеналами и прекрасным состоянием финансов, не обремененных никакими долгами; идя на помощь теснимому Уругваю, он захватил некоторые территории Бразилии и Аргентинской республики. Но, отвлеченный этими завоеваниями, он не успел во-время придти на помощь уругвайцам, которые тем временем, вследствие внутренней революции, изменили своему союзнику и соединившись с бразильцами и аргентинцами, устремились навстречу наступавшему парагвайскому войску. Осада этой маленькой республики, защищенной как бы циркумваллационным рвом, реками Парагваем и Параною, продолжалась более пяти лет; в течение этой ужасной войны Парагвай понес массу утрат, пожертвовав лучшими своими людьми; переходя от окопа к окопу, от Хумайты к Аквидабану, беспрестанно неся потери, но одушевленные

1 Rengger et Longchamp, „Essai historique sur la revolution au Paraguay“.

беспримерным в нынешнем свете патриотизмом, парагвайцы стойко выдерживали напор более сильных численностью неприятелей; при отступлении к новому защитительному посту, они ещё раз имели случай выказать перед врагом свою неустрашимость. На полях битв победители аргентинцы и бразильцы не находили трупов: парагвайцы тотчас же сами подбирали убитых; к тому же многие из них, перед вступлением в бой, привязывали себя поперек туловища к седлу, так что при смертельных ранах воин оставался на лошади, которая привозила труп, хотя бы в виде одних лохмотьев, в свой стан[1]. Раненые пленники нарочно срывали с своих ран перевязки; побежденные искали насильственной смерти; весь народ предпочитал погибнуть, подобно Нуманции и Сарагоссе, чем жить в позоре[2].

В конце концов эта мужественная нация была почти вся истреблена войнами, голодом и холерою: от неё остались одни лишь калеки, дряхлые старики, дети, да женщины. Низведенные до ничтожной горсти вооруженных людей, парагвайцы были оттеснены в одно горное ущелье, где пали все до одного в последнем сражении, вместе со своим диктатором. В течение многих веков, видевших, однако, столь ужасные побоища, человечеству не приходилось выдерживать такой ожесточенной борьбы, такого беспощадного истребления, каким подвергались парагвайцы. Отчужденность, в которой держали парагвайскую нацию с самого начала её истории, и коллективное воспитание, основанное на безусловной покорности, которое она получала от своих духовных и светских властителей,—таковы были первые причины подавления этого народа, одного из лучших и самых кротких, какие когда-либо существовали.

Нынешния границы Парагвая были определены победителями. Восточная часть, составляющая Парагвай в собственном смысле, точно очерчена естественными границами. Река Апа, с прозрачными водами, бегущая по пластам белых горных пород, отделяет испано-гуаранскую республику от бразильского штата Матто-Гроссо: это та самая река, на которую бразильцы ещё до войны всегда претендовали как на пограничную реку. При истоках её, горный кряж, идущий между Парагваем и Параною и ориентированный почти по прямому направлению с севера на юг, служит раздельною линиею между двумя государствами до самого бокового отрога Маракажу, который прямо с восточной стороны соединяется с долиною Параны. Всё нижнее течение этой реки, описывающей большую дугу, до впадения в неё Парагвая, служит восточною и южною границами республики. На западном берегу Парагвая, пустыни Чако были требуемы Аргентинской республикой, которая, захватив у побежденного государства всю территорию пред-паранских миссий, хотела было отторгнуть у него и земли пред-парагвайских пустынь. Однако, Бразилия, прямым интересом которой было покровительствовать Парагваю, удерживая его в своей зависимости, в качестве оплота против стремящагося к захватам соседа, не оказывала Аргентине ни малейшей поддержки в её посягательствах, а правительство Соединенных Штатов С. Америки, избранное в качестве посредника, высказалось в пользу Парагвая. Раздельной линией принята река Пилькомайо, а вся территория, лежащая между правым берегом Парагвая и левым Параны, признана парагвайским владением. Благодаря этой прибавке территории, Парагвай теперь не самая маленькая республика в Южной Америке: по своему пространству он превосходит Уругвай, но значительно уступает ему, как по населению, так и по торговле

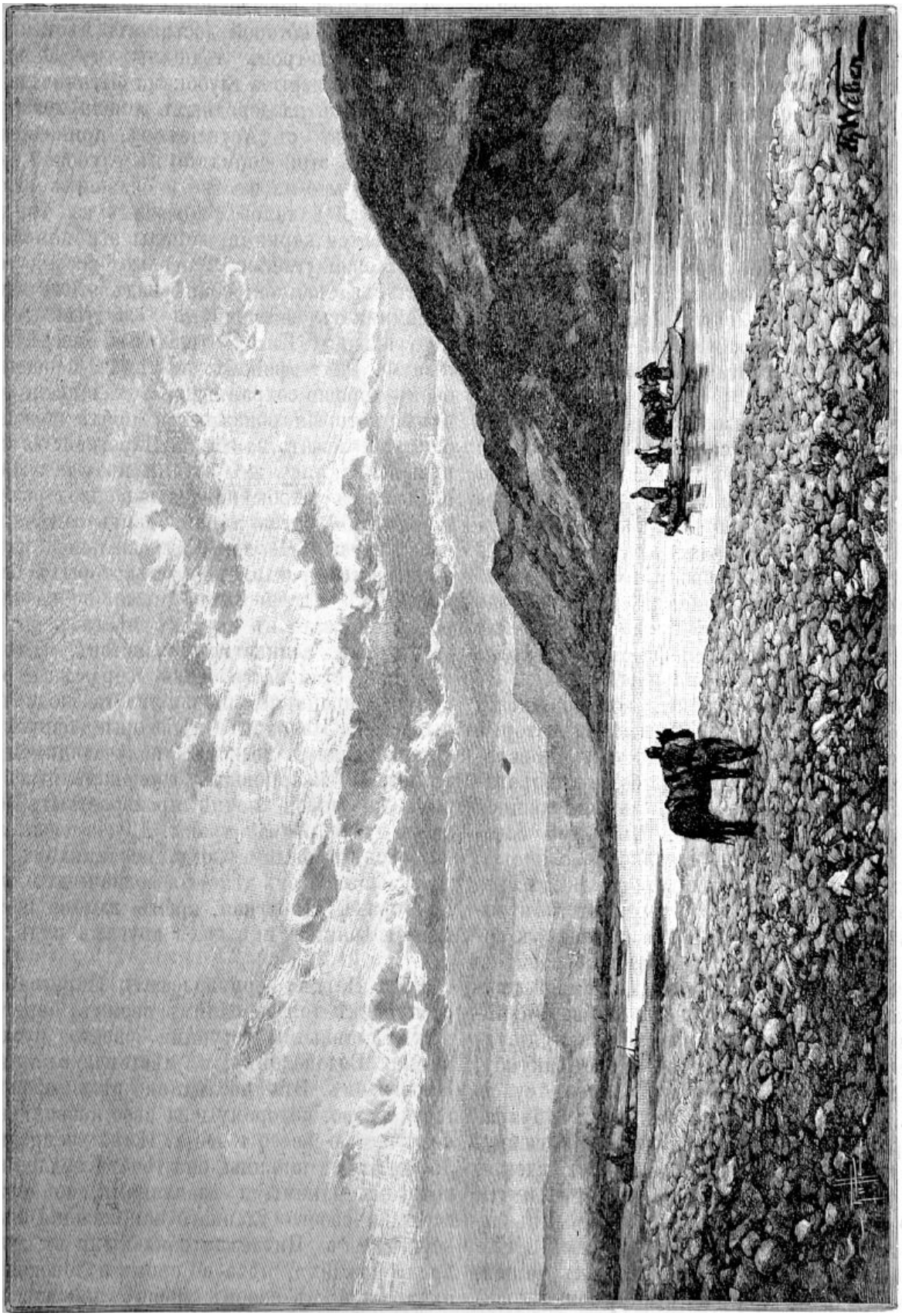
Поверхность и приблизительное количество населения Парагвая: 253.100 кв. кил., 656.000 жителей, в том числе 100.000 индейцев.

Впрочем, оба эти государства существуют лишь благодаря ревнивому соперничеству Бразилии и Аргентинской республики. Особенно Парагваю легко было бы подпасть в настоящее время под власть правительств Рио-Жанейро или Буэнос-Айреса, если бы те согласились между собой на счет раздела. Населенная область Парагвая представляет собою лишь узкую чересполосицу на берегу реки, между пустыней и лесом. Центр этой населенной области, Асунсион, окружен полуовалом возделываемых земель, занимающих поверхность почти в 5.000 квадратных километров: это-то и есть настоящий Парагвай. Единственными следами

1 A. d'Escragnolle-Taunay, „La Retraite de Laguna".

2 W. Gifford Palgrave, „Ulisses or Scenes and Studies in Many Lands".

человеческого пребывания на берегах Параны служат один небольшой городок, да несколько населенных просек. И эта узкая страна пользуется только фиктивной независимостью: в случае стычки ей во всяком случае будет неудобно восстать против победителей.

Аргентинскій пейзажъ.

С первых же времен испанской оккупации, Парагвай привлекал к себе исследователей, и город Асунсион был основан даже до окончательного захвата Буэнос-Айреса: победители расположились в самом центре материка. Парагвайская колония образовалась ещё в 1536

году при Жуане-де-Айолас, и почти всё пространство, занимаемое в настоящее время Аргентинской республикой, Тукуманом, Кордовою и Буэнос-Айресом, находилось под управлением Асунсиона. Прежде всего была исследована судоходная ветвь рек до бразильской области Матто-Гроссо; затем реку соединили с андскими долинами посредством дорог, проложенных в равнинах Боливии. Но, кроме названий исследованных областей и самых общих указаний относительно рельефа страны, Испания не давала Европе никаких сведений о своих центральных владениях на материке: если Европа и узнавала кое-что об этом крае, то исключительно лишь через францисканских и иезуитских миссионеров, живших среди индейцев. С природой этой страны ознакомились только в конце XVIII-го века, благодаря исследованиям Азары, который в течение двадцати лет обследовал бассейн Ла-Платы и её многочисленных притоков: для южной части Южной Америки этот ученый был тем же, чем несколько лет спустя сделался Гумбольдт для бассейна реки Ориноко, т.е. инициатором научных исследований. В 1821 году Эме-Бонплан, захваченный армией диктатора Франсиа, должен был, помимо своего желания, продолжать свои ботанические исследования внутри страны впродолжении девяти лет; после войны его труды были значительно пополнены Балансою. Ренггерсу и Лоншану тоже пришлось против воли провести в Парагвае несколько лет, которыми они и воспользовались для изучения этой страны. Впоследствии некоторые мореплаватели и дипломаты получили уполномочие на исследование течения реки Парагвая и на издание результатов своих трудов.

Француз Леверже, сделавшийся бразильцем под именем барона Мелгацо, занялся, в 1846 г., изучением реки Парагвая и составил карты от области её истоков до слияния с Параной. В 1853 году правительство Соединенных Штатов также добилось пропуска в Парагвай одного из своих судов, и *Water Witch*, под командой Томаса Пэджа, вошел в эту реку, а затем и в её притоки, Чало, Бермехо, Пилькомайо и Отуквис. Шесть лет спустя Мушец, продолжая свое большое плавание около восточной части материка, также поднимался по реке Парагваю. Но главный вопрос—о возможности водного сообщения по Пилькомайо между Боливией и Парагваем оставался ещё нерешенным, да и теперь ещё он разрешен только на половину. Хотя и доказано, что судоходство по Пилькомайо возможно, но оно сопряжено с большими затруднениями и опасностями. Ни одно из многочисленных предприятий по исследованию русла Пилькомайо не достигло полного успеха, но все они достаточно доказали, что без искусственных приспособлений этот приток Парагвая не может служить средством сообщения между подошвой Андов и лиманом Ла-Платы. Тем не менее сношения народов между собою через эти низкие равнины значительно облегчены, благодаря прогрессу, идущему сразу с трех сторон: из Боливии,—где он выражается заселением верхних долин; из Аргентинской республики,—где равнины Чако постепенно обращаются в культурные поля, и из Парагвая,—где дремучие леса расчищаются дровосеками, а огромные пустыри обращаются в выгоны для скота. Маршруты исследователей, о которых имеются, к сожалению, лишь отрывочные сообщения, представляют драгоценные документы для будущей карты республики. В настоящее время о географии Парагвая имеются лишь приблизительные понятия, так как точные планы сняты только с северной границы, да с долин Парагвая, Жежуя и других рек, исследованных Бургадом.

II

Парагвайская республика, составляющая южное продолжение бразильского штата Матто-Гроссо, пересекается в своей средней части цепью возвышенностей, продолжающих собою горный кряж, отделившийся от плоскогорья Парекси. У источников Апы, этот раздельный гребень, выступающий между притоками Парагвая и Параны, носит общее название сиерры-Амамбай. Один из её отрогов, именно тот, передовые скалы которого, загораживая течение Параны, образуют водопад Гуайра, получил название сиерры-Мбаракаю (Маракажу). Эти хребты, служащие политической границей между Бразилией и испано-гуаранской республикой, нигде не представляют таких высот, которых бы не могли преодолеть охотники

и *yerbateros*, свободно переходящие с одного склона на другой: Сандалио-Соза и Бургад достигли этих вершин восточнее истоков Жежуя: название cordillera *de los Montes*, или «цепь лесов», под которым большею частью известны эти горы, служит доказательством того, что главное препятствие для исследования их представляют не скалы, а дремучие леса, покрывающие их склоны. Вершины Амамбай и Маракажу ещё не измерены, но весьма возможно, что они достигают высоты 1.000 метров.

К югу от Маракажу, раздельная возвышенность продолжается внутрь страны, но не в виде правильной цепи, а в виде ряда отдельных хребтов и волнистостей, которые преувеличенно называют сиеррами и кордильерами. Несколько *lomas*, или холмов, и *cerritos*, уединенных горок, обозначают в некоторых местах границы горизонта; но в общем страна представляет покатый склон к югу: последний выступ рельефа образует на реке Паране пороги Апипе. В юго-западном углу страны, возвышенности резко обрываются утесами и мысами, которые ограничены берегами прежнего моря, превратившагося теперь в лагуны, болота и травянистые пространства, едва поднимающиеся над водной поверхностью. В своей совокупности Парагвай представляет волнистую страну, где небольшие холмы обрамляют прелестные долины, где леса чередуются с рощами и пастбищами. Большая часть гор состоит из песчаника, а равнины образованы из пластов глины и песчаных камней, принадлежащих к третичной формации. В некоторых частях территории встречаются вулканические конусы; таков—серро Такумбу, стоящий с южной стороны у самого Асунсиона[1]. Восточнее, у истоков реки Мбуарапей, притока рио-Тибикуари, возвышаются другие вершины вулканического происхождения, сиерра Акай или «Горящая», высотою почти в 600 метров. Доступ к ним очень затруднителен—с одной стороны вследствие крутизны откосов и густоты лесных чащей, с другой—благодаря несметному обилию осиных гнезд, скрывающихся во всех трещинах почвы; тем не менее, находились люди, которые поднимались на главную гору, оканчивающуюся, как говорят, ещё не изгладившимся кратером. Страна эта нередко подвергалась землетрясениям, и в окрестностях находится множество минеральных ключей[2].

Обширные пространства покрыты красной землей, слой которой достигает местами нескольких метров толщины; в соседстве рек почва изрыта глубокими рытвинами. Некоторые из плодородных земель, лежащих по соседству с Асунсионом, принадлежат именно к этой формации; в глубокой массе было открыто множество небольших разветвляющихся каналов, похожих на те, какие оставляются корнями; каналы эти наполнены известковой углекислой солью, весьма тонко кристаллизованной; общий вид этих земель напоминает знаменитые «желтые земли» центрального Китая, тщательно исследованные Ф. Рихтгофеном: в них попадаются очень хорошо сохранившиеся маленькия раковины, которые обнажаются после дождей и остаются лежать на земле. Парагвайские красные земли, так же, как и в Сан-Паулo, отличаются необыкновенным плодородием, и растущий здесь табак дает замечательные жатвы. Черные аллювиальные земли, оставляемые разливами в некоторых благоприятных местностях, также очень плодородны, но зато в других местах они состоят из глинистых пластов, которые, высыхая, становятся очень твердыми и образуют непроницаемый для плуга подпочвенный слой. Наконец, некоторые округи покрыты мелким песком, получающимся от разложения кварцовых горнокаменных пород: на такой почве произрастают одни лишь пучки редкой травы. Другие пески красного цвета были некогда песчаником, растрескавшимся от действия солнечных лучей. В горах Парагвая, кроме железа и соли, не встречается никаких других руд.

Река Парана принадлежит Парагвайской республике только одним своим берегом, между главными уступами своего русла, у «Семи Водопадов», и местом слияния с Парагваем. Эта последняя река орошает государство, которому дала свое название нижнею частью своего течения. Имея в среднем 350 метров ширины, она течет медленным потоком длинными

1 E. de Bourgade la Dardye, „Le Paraguay“.

2 W. Gifford Palgrave, цитированное сочинение.

извилинами, но держась всё-таки своего главного направления с севера на юг. Питаемая обильными в летнее время дождями, река во время половодья увеличивается в своем уровне на несколько метров; даже тотчас же после слияния с Параной вода в этой реке подымается во время разлива более, чем на 6 метров. Воды разливаются тогда по боковым равнинам и отбрасывают вспять речные притоки, но не образуют, однако, таких озер, как в Матто-Гроссо, если не считать низких земель, ограничивающих на севере область слияния, где озера, местами, встречаются. Констатировано, что восточный склон посылает в Парагвай гораздо более текучих вод, чем западный. Это нужно приписать горизонтальности почвы в Чако: выпадающие здесь дожди, которые к тому же не так часты, как в самом Парагвае, не находят для себя достаточного ската и остаются на земле в виде больших испаряющихся луж[1].

К югу от Апы, которую бразильцы назначили границей со своим соседом, первой значительной рекой является Аквидабан, протекающий по живописной долине, где в 1870-ом году погибли последние защитники национальной независимости. В этой части своего течения сам Парагвай представляет прелестную реку с крутыми поворотами, с неожиданными ландшафтами; он бежит то между песчаными берегами, то под сенью склонившихся над ним деревьев, то между мраморными утесами, с таинственными гротами, декорированными грациозными лианами и величественными папоротниками[2]. Здесь в Парагвай впадают сначала Ипане, а затем Жежуй. Эта последняя река, имеющая двойное устье, судоходна для барок почти на всём своем протяжении; течение прерывается только единственным порогом, да с восточной стороны реки, у места выхода её из гор, находится великолепный водопад, открытый в 1879-ом году *yerbateros*'ами, т.е. собирателями парагвайского чая; по одному из её притоков, Капигуари, тоже ходят мелкие гребные суда или *chatos*, имеющие 60 сантиметров осадки[3]. Внутри страна орошается ещё другими небольшими речками, между прочим, рекою Саладо, которая питается солоноватым ручьем, выходящим из озера Ипакарай.—что на языке гуарани означает «Бассейн Святой Воды»,—заполняющего длинную долину у южного основания кордильеры де-лос-Альтос; наибольшая его глубина не превышает 7-ми метров. В южной части течения самым значительным притоком Парагвая является Тибикуари, который описывает огромные излучины и пересекает болотистые, некогда озерные, равнины: от них остался один только бассейн, именно—лагуна Ипоа, представляющая огромную площадь пресной воды, в тростниках которой гнездятся мириады водяных птиц.

Западный склон орошается большою рекою Пилькомайо,—Писку-Маю, или «Река Птиц»,—на исследование которой было потрачено столько бесплодного труда. В 1721-ом году иезуитский миссионер, Габриель Патино, в сопровождении семидесяти человек священников и солдат, испанцев и гуарани, поднялся по реке выше места слияния на расстояние 364 «миль», т.е. почти 1.800 километров(?); но, атакованный индейцами тоба, он должен был вернуться назад, не достигнув Боливии. Двадцать лет спустя, другой иезуитский священник, Кастанарес, плавал по этой реке 83 дня и всё-таки не добрался до Боливии; во время своего второго путешествия он был убит индейцами. Эти неудачные попытки имели по крайней мере то значение, что поддерживали дальнейшие надежды, благодаря чему боливийское правительство, владеющее верховьями Пилькомайо и имеющее наибольший интерес в открытии этого судоходного пути, организовало, более столетия спустя, экспедицию, под начальством генерала Маргаринос; на этот раз исследование должно было идти вниз по реке. Экспедиция отправилась из лас-Юнтас, т.е. с места «слияния», где соединяются две главные ветви реки; но, пройдя лишь небольшое расстояние, суда должны были остановиться за недостатком воды. В следующем году новая компания исследователей, располагавшая лучшими средствами, подвинулась немного далее; но река всё мелела, по мере того, как приближались к цели; гребные суда пришлось сменить индейскими пирогами, а затем—бросить и их и идти пешком вдоль полувысохших каналов и лагун; наконец, не добравшись до места

1 Martin de Moussy, „Description de la Confederation Argentine“.
2 E. de Bourgade la Dardye, цитированное сочинение.
3 Hugo Toppen, „Hundert Tage in Paraguay“.

впадения Пилькомайо в Парагвай, путешественники должны были вернуться, не находя других жизненных припасов, кроме изредка попадавшейся дичи, рыб и корней одного крахмалистого растения.

В 1882-м году Крево, прославившийся уже столькими полезными открытиями во время своих опасных путешествий по рекам Гвианы и амазонского склона, предпринял исследование Пилькомайо, по тому же направлению сверху вниз; но на половине дороги он был убит почти со всеми своими спутниками племенем тоба, этими грозными индейцами, которые уже ранее прогнали Патино и убили Кастанареса. Это несчастное приключение подняло целую бурю среди исследователей, которые во что бы то ни стало решились продолжать предприятие Крево и отомстить за его смерть. Фонтана, делегат аргентинского правительства, совершил исследования по среднему течению Пилькомайо в стране тоба: Фейльберг поднялся вверх по реке на 255 километров до самых порогов, которые не мог преодолеть; Туар и Кампос следовали маршруту Крево и, перерезав равнину, достигли Парагвая; в 1885 и 1886 гг. Туар совершил новые путешествия, но ему не удалось проследовать по речному течению непрерывным путем. Джон Пэдж, сын исследователя Парагвая, умер мучительною смертью в 1890-ом году, после девятимесячного плавания по Пилькомайо, и в том же году другой путешественник, Олаф Сторм, направляясь вверх по реке, удачно миновал пороги, но в конце концов заблудился среди целого моря плавучих трав. По выходе из пределов Боливии, река катит достаточное количество воды для свободного плавания торговых судов; в нижнем своем течении она также судоходна, но средняя её часть разливается по горизонтальной равнине, и, не имея возможности прорыть себе русла, река изменяет направление своего течения, смотря по сезонам. В 1844 году экспедиция Маргариньоса должна была остановиться в песчаной местности, где течение, загражденное целыми грудами древесных стволов, которых у него не было силы снести, разделялось на шестьдесят рукавов с неопределенным скатом; следуя бродом по одной из этих площадей истечения, Маргариньос видел, как воды её даже пропадали в почве: в этом месте река исчезала. Другие путешественники, проходившие после Маргариньоса, иначе описывают разветвления Пилькомайо: каждое половодье, каждое скопление плывущих древесных стволов изменяют течение и число рукавов. Во время разливов вся эта область представляет огромный *banado*, т.е. «затопленную» землю, на которой плавают целые островки трав и листвы. Ниже скат становится более заметным, и в некоторых местах воды бегут по наклонной плоскости, не по скалистым мелям, а по пластам *tosca*, т.е. плотной белой глины, вероятно, солончаковой, так как Пилькомайо несет в Парагвай солоноватую воду.

В течение долгого времени существовало предположение, что устья этой реки неоднократно менялись, но весьма возможно, что боковые протоки, так-называемые ложные реки и байю, неосновательно принимались за рукава Пилькомайо. Нынешнее устье соединяется с главной рекой в пяти километрах ниже Асунсиона, против мыса Ламбаре: в 1721 г., во время исследования миссионера Патиньо, её главный рукав находился на расстоянии «девяти миль», т.е. почти 45 километров. Рио-Конфусо, впадающая в Парагвай в 35-ти километрах выше Асунсиона, представляет собою отдельный поток, о чём свидетельствует и самая вода её, гораздо более соленая, чем в Пилькомайо; но весьма возможно, что во время больших разливов она сообщается посредством *banados* с соседней рекой. Что касается до реки Арагвая-Гуассу, которую Фернандец, руководясь одним местом в книге Азары, исследовал в 1886 г. на протяжении 730 километров от места слияния, то она вытекает, вероятно, из Пилькомайо в средней части её течения[1]. Обе эти реки имеют один и тот же внешний вид, одну и ту же температуру воды и даже одинаково слабую степень солоноватости: название Арагвай-Гуассу применялось туземцами также и к самой реке Пилькомайо.

В нижней части своего течения, именно—ниже Тибикуари, Парагвай принимает в себя с правой стороны лаплатскую реку Бермехо, красные воды которой текут на значительном протяжении рядом с беловатыми водами Парагвая, не смешиваясь с ними; затем река раз-

1 „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, 1887.

ветвляется на два больших рукава, из которых один, именно Умаита, идет вдоль крутого берега, высотою в шесть метров, где ещё недавно стояли грозные парагвайские батареи: в 1858 году наводнение, распространившееся даже за валы, повалило часть пушек прямо в ил. Легкая волнистость почвы в этом месте фиксирует речное течение, которое соединяется с Параной тремя протоками,—*las Tres Bocas*,—изменчивой формы и неодинаковой ширины. В эпоху войны главный водный путь, именно средний, шириной около 250 метров, казался лишь незначительным притоком Параны, настоящего озера, имеющего от одного берега до другого шесть километров протяжения. Восточное устье, представляющее собою узкий байю, соединялось с Параной выше, близ исторического прохода, называвшагося прежде пасо-дель-Рей («Королевский проход»), а теперь—пасо-де-ла-Патриа («Проход Отечества»), Третье устье, западное, окружает длинный остров дель-Атайо, издали указываемый его горкой, *cerrito*, в 16 метров высоты; до войны этот остров принадлежал Аргентинской республике. Впрочем, во время колониального режима все низменные земли, лежащие у подошвы парагвайских холмов, в административном отношении зависели от города Корриентеса, как пустопорожняя местность, куда в сухое время года пастухи могли выгонять свой скот, без права, однако, устраивать там постоянные жилища. Пояс шириной в 200 слишком километров, тянущийся по обоим берегам Параны и занятый водами неглубоких болот, был несомненно бассейном какого-нибудь внутреннего моря, в котором соединялись две большие реки, изливавшиеся тогда к югу в лиман Ла-Платы по двойному склону,—нижняя Парана и Уругвай. После того, как это море высохло, реки долгое время блуждали, отыскивая себе окончательное русло, вследствие чего некоторые болота нижней «Месопотамии» Парагвая сохраняют ещё до сих пор извилистую форму разливавшихся потоков.

Линия южного тропика пересекает республику почти в необитаемой части территории: вся населенная часть Парагвая лежит в умеренном поясе, где чередование времен года уже ощутительно, как и в Западной Европе; впрочем, туземцы различают, собственно говоря, только два времени года—зиму и лето. Смена сезонов происходит очень быстро, так что весна проходит почти незаметно, тем более, что большая часть деревьев сохраняют свою листву и зимой: засуха гораздо сильнее действует на падение листьев, чем холод; зимой здесь зреют апельсины,—самые обыденные плоды парагвайских садов. Крайности температуры идут от сильной жары до точки замерзания; на траве иногда можно видеть иней, особенно в областях, соседних с Чако, и в южных саваннах, где ночное лучеиспускание отличается особою интенсивностью; в лесистых же округах, именно в окрестностях Вилла-Рика, морозы составляют более редкое явление; впрочем, они нигде не причиняют большого вреда, разве только сахарному тростнику, ткани которого разрушаются от внезапного наступления оттепели при восходе солнца.

Ветры, которые вообще дуют по направлению реки, т.е. с севера на юг, или с юга на север, сменяются резким переходом из одного направления в прямо противоположное: эти внезапные контрасты в ходе воздушных течений составляют главное климатическое неудобство, особенно чувствительное для иммигрантов. Чаще всего здесь наблюдается воздушное течение, идущее с северных равнин через Матто-Гроссо; это нечто вроде *sirocco*, при котором летом, даже ночью, воздух становится чрезвычайно удушливым; нервных людей он доводит до крайнего раздражения, тогда как южный ветер, который смешивается иногда с *pampero*, порождает грудные болезни; этот холодный ветер задерживает рост растений и иногда даже губит весь урожай. Восточные, самые приятные ветры, дующие легкими бризами, умеряющими холод и жар, появляются лишь в редких случаях. Дожди, более обильные в соседней с морем области, чем в западных равнинах, по которым протекает блуждающая Пилькомайо, выпадают, обыкновенно, в период равноденствий, в начале и в конце зимы, и нередко сопровождаются грозами и очень сильными ветрами, или *ventarrones*. В Парагвае жители чаще жалуются на засуху, чем на сырость. Метеорологические условия Асунсиона, по Мангельсу (за 7 лет наблюдений): широта—25°16'; высота над уровнем моря—100$_м$; температу-

ры: минимальная 6°,9; средняя +24°,27; максимальная +38°,1; дождливых дней—79; выпавшего дождя—1м,646.

По своей флоре Парагвай принадлежит скорее к бразильской зоне, чем к аргентинской, и даже реки окаймлены густыми лесами, напоминающими бразильские *mattas*. Деревья, принадлежащие к весьма разнообразным породам, имеют, в большинстве случаев, очень плотное волокно и сами по себе держаться на воде не могут, так что при сплаве такого леса под него подводят особые легкие плоты из тростника. Большая часть древесных пород горят худо, но зато доставляют отличный уголь: в промышленной стране такой лес служил бы исключительно для построек, для разного рода изделий и для окраски тканей; карагуста, растение из породы бромелиевых, доставляет очень тонкую и замечательно прочную пряжу, значительно превосходящую волокна конопли; за пределами Ла-Платы она ещё почти неизвестна. Пальмы, между прочим, пальма карандай, перемешиваются с араукариями, которые в некоторых частях этой страны принадлежат к экзотическим растениям; иезуитские миссионеры приносили с собой семена араукарии всюду, где основывали «колонию»; от этого и само дерево называется иногда *arbol de las Misiones*. Своим главным экспортным богатством жители обязаны местному продукту самородной флоры—*yerba mate*, т.е. парагвайскому чаю. Вне лесов, занимающих большую часть Парагвая к востоку от реки, всюду тянутся саванны, почти сплошь покрытые волнистою пеленою злака *macega*, вышиной в рост человека; жесткий стебель и острые грани этого растения чрезвычайно затрудняют переход по саваннам, делая его даже опасным для тех путешественников, у которых имеются хотя бы малейшие раны.

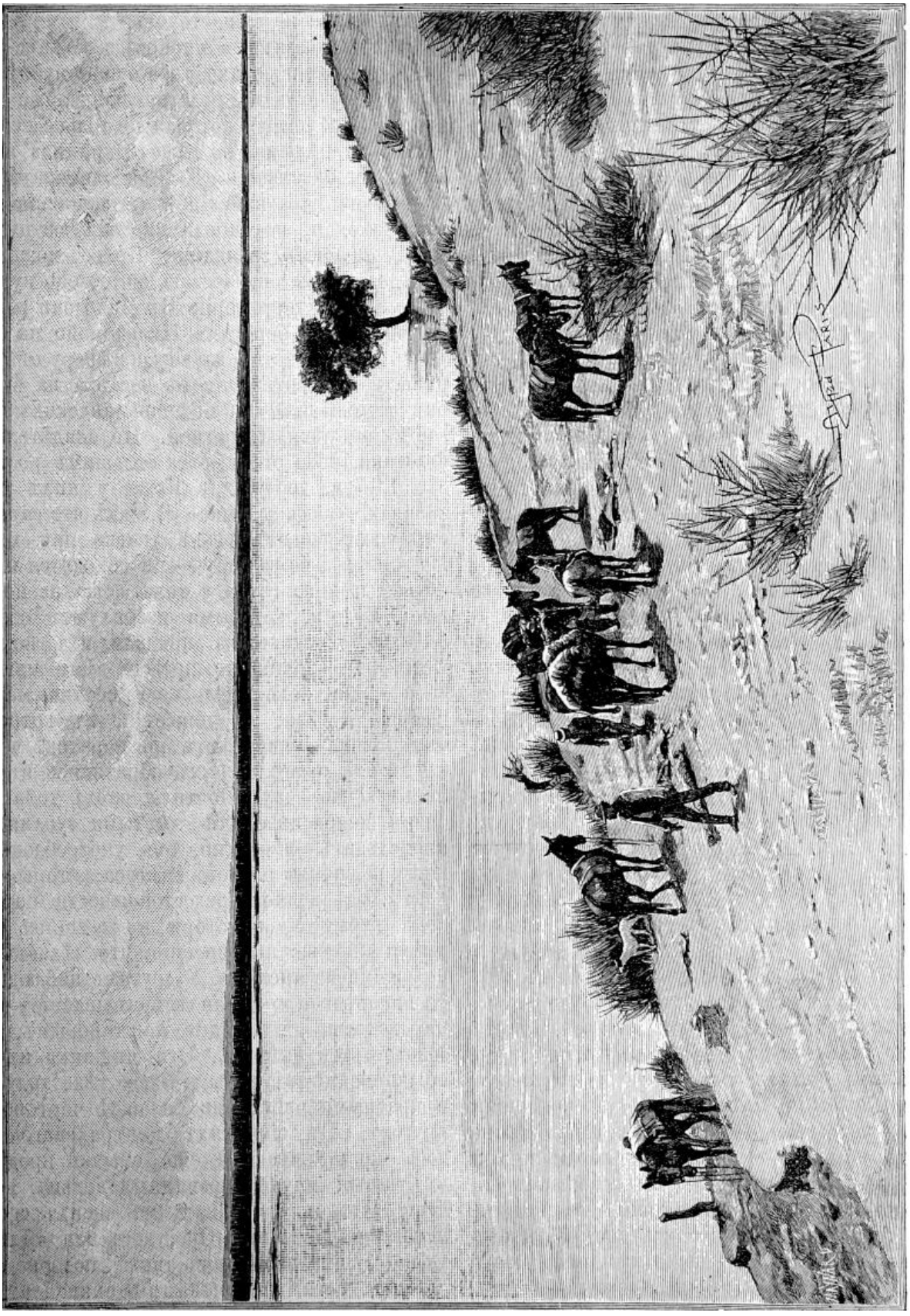
По фауне, как и по флоре, Парагвай тоже представляет собою бразильскую провинцию: здесь встречаются три вида обезьян, вампиры, высасывающие кровь у скота, ягуар и пума, тапир, двуутробки, капивара, боа, крокодил, термиты, муравьи и их враг— муравьеед. Страус нанду попадается в парагвайских кампосах гораздо реже, чем в Аргентинской республике. Река служит границей распространения некоторых пород, и с тех пор, как белые завладели левым берегом реки, усеяв его почти сплошным рядом городов и селений, а правый— остается необитаемым, в фауне обоих берегов этой реки замечается разительный контраст. По объяснению Гарсиласо-де-ла-Вега, слово *Chaco* означает на языке гуарани «охотничье поле», и действительно, эти равнины изобилуют разными животными, на которых охотятся дикие индейцы. Впрочем, нужно сказать, что эта этимология слова Чако многими оспаривается. Так как Чако населен гуаранами, а не квичуа, то название это, может-быть, гуаранское, и в таком случае не обозначает ли оно *banado*, т.е. «болото?»[1]

III

Нация парагвайская по преимуществу, та, к которой принадлежит всё смешанное население городов и округов, есть нация гуарани. Их цивилизация, даже ещё до прибытия иезуитов, успела приобрести известное влияние, так как язык их, как наиболее распространенный, сделался общеупотребительным, *lengua geral*, среди народов различного, происхождения, от берегов Ояпока до берегов Парагвая: рассадником этого «общего языка» был не иезуитский монастырь порта Сегуро, как это утверждает Марциус, а индейские рынки, где он, переходя из уст в устах передавался одним народом другому. В восточных лесах этой страны существует ещё и до сих пор несколько мирных семейств коагуа или коягуа и других индейцев; они держатся особняком, хотя и сознают свое родство с другими гуарани, которым они подражают в грубой форме в своих религиозных церемониях, унаследованных от иезуитских миссионеров. К той же расе принадлежат живущие между верховьями Жежуя и водопадом Гуайра индейцы апитаре, или «Жители Внутренней страны», занимающиеся, пре-

1 Luis L. Dominguez, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, 1889.

имущественно, горшечным и ткацким ремеслами[1]. Гуарани принадлежат к числу тех американских туземцев, которые по своему типу близко подходят к восточным азиатам: почти все они небольшого роста, в среднем 1,27 м., полные и коренастые, с широкими грудью и плечами; круглое, желто-коричневое лицо с низким и узким лбом обрамлено жесткими, гладкими, черными волосами и имеет выдающиеся скулы и немного косые веки.

Пейзажъ на рѣкѣ Неквена.

1 Sandalio Sosa et de Bourgade, „Proceedings of the R. Geographical Society“, 1888.

Паягуа, название которых, по объяснению Бонплана, перешло, в несколько измененной форме, к реке Парагваю, жили по берегам этой реки выше Асунсиона, куда они поставляли рыбу, лес и корм для скота. Эти индейцы, отличающиеся более высоким ростом и не столь широкоскулым лицом, как гуарани, храбро защищали свою независимость против испанцев и почти все погибли во время этих продолжительных войн. Пережившие должны были покориться, и их поселили в предместьях столицы, где их заставляли работать, в качестве рыбаков, дровосеков и скотоводов, для снабжения города жизненными припасами. Во время правления диктатора Франсиа, им поручено было исполнять обязанности речной полиции, заключавшиеся в том, чтобы задерживать иностранцев и не допускать контрабандной торговли[1]. До войны их было около 500 человек, но почти все они пали в сражениях под начальством парагвайских офицеров: в 1878 году от них оставалось не более 17-ти человек. Нельзя без грусти видеть их кроткия, меланхолические лица. Вместе с ними исчезли лучшие из индейцев равнины: они умели плести из тростника циновки, корзины и чехлы, которые покрывали рисунками и арабесками, вытачивали красивые сосуды и даже лепили из глины или вырезывали из дерева статуэтки, отличавшиеся замечательной жизненной экспрессией[2]. Их язык, резко отличавшийся от гуаранского, представлял огромные трудности в произношении: ни один парагваец не мог ему выучиться. Некоторые паягуасские слова походили при произношении на глубокие стоны.

Ленгуасы и мбая или «злые», принадлежавшие некогда к нации гуайкуру, не совершенно ещё исчезли с лица земли: их можно ещё встретить в Чако, против Вилла-Консепсион, недалеко от ангаитов, которые, в количестве почти 1.500 человек, живут немного далее к северу, против места впадения реки Апы, около бразильской границы[3]. Это—остатки тех воинственных народцев, которые, в начале колонизации, окружили небольшую вооруженную банду айоласов и всю её перебили. Но эти племена постепенно вымирают. В смешанной толпе живущих в Парагвае индейцев испанского языка трудно узнать, которые из них потомки гуайкуру и знаменитых абипонов, среди которых жил впродолжении 20-ти лет миссионер Добрицгофер. В южной части страны, около территории Миссий, они недавно жили несколькими семьями близ Санта-Фе. Даже и в свободном состоянии они уже были отчасти объиспанены по крови, так как во время своих набегов они всегда щадили женщин и детей, уводили их с собой и принимали в свою нацию.

Ещё в середине XVIII столетия абипоны занимали огромную территорию в южной части нынешнего Парагвая и по другую сторону Параны, а на западе—некоторые области Чако. Несмотря на это, они были очень немногочисленны, всего в количестве около 1.000 человек; но с 1640 года, когда они выучились управлять лошадьми, которых испанцы ввели в пампасах, они начали объезжать страну, делая сотни и даже тысячи километров с целью нападения на колонии завоевателей. Построенные в эту эпоху города были разрушены и вновь уже не отстраивались. Количество лошадей, захваченных абипонами, в союзе с мокови, у испанцев впродолжении пятидесяти лет, определяют в сто слишком тысяч голов. Напрасно миссионеры старались отвадить их от этой привычки к грабежу: «Земля принадлежит нам», говорили они, «и всё, что она производит, должно быть наше»! Эти грозные воины не имели настоящих военачальников. Предводителем у них избирался кто-нибудь из своей среды, на силу, энергию и ловкость которого они могли положиться; но по окончании битвы этот временный предводитель не пользовался никакими преимуществами, и при первом удобном случае его заменяли кем-нибудь другим. Они жили под открытым небом, не зная другого крова, кроме нескольких ветвей, и смеялись над испанцами, которые «прятались в своих домах, как улитки в своих раковинах». Их главной доблестью была храбрость, и они охотно ходили на тигра, мясо которого ели, чтобы усвоить себе его силу; но они гнушались мясом мирных животных, птицы, баранов, черепах. Они твердо верили в переселение душ и были

1 Alfred Demersay, „Histoire du Paraguay“.
2 Luis Jorge Fontana, „El Gran Chaco“.
3 Albert Hans, рукописные заметки.

убеждены, что души злых и трусов переходят в тела ядовитых и пресмыкающихся животных[1]. Что касается их самих, то они, по их мнению, после смерти делались спутниками чирков, которые парили целыми стаями в небе и по вечерам призывали их своими криками. В отдаленном эхо, в шопоте листьев в лесу им чудились голоса их предков. Их дедом, по их верованию, было созвездие Плеяд: они грустили, когда облако застилало эти звезды, и радовались, когда они вновь загорались на небе; их национальный праздник совпадал с ежегодным возвращением этих звезд на горизонт. Столь храбрые по отношению к людям, абипоны сильно боялись злых гениев и старались обойти их хитростью. Когда им случалось убить застигнутого врасплох врага, они тут же вскрывали ему живот и засовывали туда руку умершего, думая этим сбить с толку духов и заставить поверить в самоубийство. Они вырывали у своих покойников язык и сердце и отдавали их на съедение собакам, чтобы навлечь этим гибель на предполагаемого убийцу. Из боязни дурных влияний абипонские женщины остерегались кормить своим молоком детей других матерей, но без всякого стеснения и отвращения давали грудь маленьким животным. Даже после своего обращения в христианство гордые абипоны продолжали держать себя перед иезуитскими миссионерами как свободные люди: перед смертью они заставляли одевать себя в военную одежду, чтобы гордо войти на тот свет, а родственники отказывались погребать своих покойников в церквах: им даже и после смерти нужен был вольный воздух. Говорят, что нация абипонов, обращенная в христианскую веру в середине XVIII столетия, начала быстро разростаться, как вследствие уничтожения детоубийства и обычая делать искусственные выкидыши, так и благодаря прекращению войн[2]; но как бы то ни было, вследствие ли скрещиваний, или разных повальных болезней, а, может-быть, и каких-либо других причин, нация эта теперь более не существует.

Бывшие союзники абипонов и, может-быть, даже родственные им тоба существуют ещё и до сих пор и представляют даже могущественную нацию, которая не только не была оттеснена белыми, но даже сохранила наступательное положение. Тоба неоднократно нападали на парагвайские и аргентинские колонии Чако, и, по гибели многих экспедиций, между прочим экспедиции Крево, можно судить, с какою опасностью сопряжено путешествие по их территории. В Чако они рассеяны по обоим берегам Пилькомайо на большом пространстве к югу и северу от этой реки, а на протяжении с востока на запад они встречаются от подошвы андских предгорий до реки Парагвая. По свидетельству Фонтана, тоба отличаются большим ростом, от 1,65 м. до 1,82 м. Кожа у них очень твердая, «как у быка»[3], так что сандалии они употребляют разве только при ходьбе по тернам; но зачастую они обходятся и без обуви, до того груба у них кожа на подошвах. Болота, которыми изобилуют области их местожительства, придали их походке некоторую странность: прежде, чем шагнуть, тоба поднимает свою ногу вертикально до высоты колена; те движения, к которым обыкновенно прибегают при переходе через пруд или ручей, у них обратились в нормальную походку. Почти у всех тоба рот очень некрасивый, с толстыми губами, что происходит, вероятно, от употребления в пищу колючих плодов кактуса, которые дети едят без всякой предосторожности, царапая себе губы. У некоторых женщин веки имеют косое направление, что делает их похожими на японок. У других наблюдается весьма редкое среди индейцев явление—гладкие волосы, отливающие каштановым, даже золотистым цветом. Эти индианки имеют обыкновение татуировать свое тело голубыми и красными рисунками в виде черточек и кругов. В областях центрального Чако тоба придерживаются ещё обычая продевать в ушные мочки деревянные кольца, вследствие чего они получили от своих соседей испанцев прозвище Орегудос или «Длинноухие»[4]; их называют также, подобно некоторым другим племенам верхних амазонских склонов, ореионесы. Их наречие совершенно отличается от языка других индейских народцев: несомненно, что тоба не принадлежат к этническому семейству гуарани

1 Charlevoix, „L'Histoire du Paraguay".
2 Dobrizhoffer, „Historia de Abiponibus".
3 Cortes, „Bolivia".
4 Luis Jorge Fontata, цитированное сочинение.

Тобасы—единственно звероловы и пастухи: нигде они не возделывают почву. Они строют себе хижины из ветвей, располагая их иногда многоугольником вокруг центральной площади. Они легко переменяют свое временное местожительство; смотря по времени года, их можно встретить в местностях, весьма отдаленных одна от другой. На реке Пилькомайо они занимаются рыболовством, употребляя для этого сети, сделанные из волокон карагуаты. Очень склонные к пьянству, они, однако, настолько благоразумны, что поручают себя, во время оргий, надзору одного из своих, которому запрещается пить, и который должен разнимать дерущихся. Нередко также, приготовляясь к военным походам, они напиваются и, под влиянием винных паров, неистовствуют и вырывают у себя куски мяса, перед тем, как броситься на неприятеля. После победы они приносят своим женам разрезанные на куски трупы побежденных и сохраняют, как трофеи, их черепа и волосы. Пролить кровь им ровно ничего не стоит, и нередко случается, что дети, из сыновней любви, убивают своих старых родителей, чтобы избавить их от страданий. Когда умирает женщина, вместе с нею хоронят и её грудного ребенка[1]. Когда дочь предводителя достигает совершеннолетия, её держат два или три дня в заключении, после чего справляют большой праздник с музыкой и танцами. Брачная церемония отличается у тобасов крайней простотой. Претендент на руку девушки, заручившись согласием её отца, отправляется на охоту и убивает какого-нибудь крупного зверя, которого и приносит к ногам своей невесты, свидетельствуя этим, что он обладает достаточной силой и ловкостью, чтобы прокормить её. Супруги спят ногами к востоку, чтобы восходящее солнце осветило их подошву и научило бы их ходить по прямой стезе, так как, по их мнению, всякая добродетель исходит из лучей божественного светила. У тобасов не существует полигамии, так как женщины их, до крайности ревнивые, не допускают раздела своих мужей. При малейшем подозрении в неверности они вызывают соперницу на дуэль, нередко кончающуюся смертью одной из дерущихся. Голые до пояса, с бедрами, прикрытыми шкурой ягуара, они вооружаются заостренной козьей костью или каким-нибудь другим острым оружием и стараются вонзить его в грудь или тело противницы. Мужчины присутствуют в качестве бесстрастных зрителей при этом часто смертном бое женщин[2].

В деле покорения индейцев Парагвая и Чако патеры сделали больше, чем солдаты; но эти патеры были иезуиты, которые приезжали в Новый Свет со всем пылом молодого честолюбия, готовые служить своей идее до самой смерти. В течение двух веков они с непоколебимым упорством систематически работали над учреждением своего теократического общества: миссионеры, работавшие сотнями во всех частях Америки, все были воодушевлены той же горячей верой, той же силой воли. Но им приходилось бороться с многочисленными препятствиями, которые, в конце концов, сделались непреодолимыми. Трудность акклиматизации, болезни, стрелы индейцев, опасность путешествий по лесам и через речные пороги, утомление, голод и жажда,—всё это не так парализовало энергию людей, преданных своему делу, как различные козни со стороны единоплеменников и даже единоверцев,—светских колонистов, солдат, монахов других орденов и белого духовенства, которые массами притекали из Европы, гонимые страстью к приключениям, к славе и к богатству, или просто подчиняясь приказу властей. Самая деятельность иезуитов шла в разрез с целями эмигрантов, ставя их в недружелюбные отношения к этим последним. Иезуиты хотели обращать индейцев в христианство, основать с этими призираемыми народцами образцовое общество, которое могло бы служить примером для обществ Старого Света. Между тем эти люди, нравы которых они старались смягчить, считались другими чуть не за зверей, которых можно было травить, сколько душе угодно. Правда, в 1537-м году папа Павел III-й оффициально провозгласил, что индейцы—«настоящие люди, способные понимать католическую веру и воспринимать таинства». Тем не менее, большинство церквей отказывали им в причащении, мотивируя этот отказ их прирожденною тупостью, невежеством и злостью[3]. Торговцы живым то-

1 A. Thouar, „Tour du Monde“, vol. XLIII, 1887, 2-e semestre,

2 Thouar, цитированный сборник.

3 Dobrizhoffer, цитированное сочинение.

варом соединялись в шайки, чтобы захватывать целые племена; при этом они убивали стариков и больных, а здоровых увозили в неволю. Поэтому на иезуитов, группировавших туземцев в общины, смотрели как на присваивателей общественного достояния, старались отобрать у них этот человеческий скот. Их ненавидели также, как «иностранцев», и по самой своей организации они подвергали себя этому обвинению, так как, будучи гражданами отечества более обширного, чем тесные страны Европы, они прежде всего принадлежали к католической, т.е. «вселенской» церкви; испанцы или португальцы, французы или итальянцы, немцы или славяне, они игнорировали политические деления, введенные в Новом Свете, и не интересовались знать, будут ли их индейские общины считаться принадлежащими королю «христианнейшему» или королю «благовернейшему».

Во многих местных восстаниях им приходилось также страдать от зависти других монахов, доминиканцев, францисканцев и *mercenarios*, или «братьев ордена Милосердия», и в городах их изгоняли из церквей, вместе с их паствою, которую обращали в рабство. Наконец, когда им удалось, несмотря на преследования, учредить свою теократию, противники их вообразили себе, что труд их неофитов принесет им груды золота, и со всех сторон поднялся против них крик ненависти; больше всего завидовали их богатствам, к которым причисляли и самих туземцев, как будущих рабов на службе грабителей! Действительно, миссионеры были богаты: они завели культуру и скотоводство, но это богатство имело ценность только при постоянном труде. У парагвайских иезуитов до их изгнания в 1767-м году было скота: быков, 771.840; лошадей, мулов и ослов 120.490; овец и коз 231.000.

Прибыв в Бахию в 1549-м году, вместе с светскими основателями колонии, иезуиты поселились в соседстве морского побережья, среди индейцев поморян. Миссии их распространялись с севера на юг, по берегам Сан-Франсиско, в Порто-Сегуро, в наместничестве Эспирито-Санто, в Паратининге и в Сан-Пауло. Их общины разростались всюду с невероятною быстротою, и в некоторых местах материальное благосостояние поднялось в эту эпоху так высоко, как никогда не поднималось впоследствии. Главной ареной блестящей деятельности миссионеров были оба берега верхнего течения реки Параны, по обе стороны предполагаемых границ португальских и испанских владений. Благодаря своей изолированности, миссионеры могли отвратить от дикого образа жизни и просветить более ста тысяч индейцев; но по их следам пришли охотники на человека и, как говорят, впродолжении трех лет, с 1628 по 1631 год, паулистские авантюристы, сами по своим матерям почти все индейцы, принадлежащие к классу мамелюков, захватили на территории Миссий до шестидесяти тысяч человек[1]. Опекуны гуайраских племен увидели необходимость отодвинуться далее внутрь страны, где преградою между ними и преследователями были дремучие леса и многочисленные пороги. Во время этого ужасного исхода из Гуайры миссионеры утратили более половины своих неофитов, которые гибли от изнеможения, от разных неудач и эпидемий; но им удалось, в конце концов, найти себе убежище в неведомых землях, лежащих по берегам Уругвая и Параны, вдали от поселений испанских и португальских колонистов. Здесь-то и немного западнее, на землях, принадлежащих теперь Боливии, а прежде населенным майосами и чиквитосами, миссионерам удалось, наконец, осуществить свою заветную мечту, основав «царство Божие среди людей», т.е. достигнуть того идеала, за который они столько ратовали и столько претерпели.

Название «обращенные», которые иезуиты применяли к устроенным ими индейским общинам, объясняет ту конечную цель, которую они преследовали. Они хотели привести туземцев на путь истины, устранить их от влияния вольной природы и урегулировать их жизнь согласно установленным обрядам и заповедям. Чтобы привлечь к себе дикарей, они не останавливались ни пред какими средствами, стараясь заманить их даже сытной пищей. У иезуитских священников сложилась даже поговорка, что если проповедь апостола Павла входила в «ухо язычников», то их проповедь проникает через рот»[2]. Они действовали также

1 Charlevoix, „Histoire du Paraguay“.

2 Dobrizhoffer. цитированное сочинение;—Muratori, „Relation des mission du Paraguai“.

на их воображение музыкой и пышными церемониями. Спускаясь по рекам на своих пирогах, прокладывая тропинки в лесах, миссионеры всюду пели священные гимны. Заслышав пение, дикари выходили из своих лесных чащей и радостно приветствовали священников, которые и пользовались случаем для своей проповеди. Во времени религиозных процессий иезуиты усыпали землю пестрыми цветами и благоухающими травами; среди листвы триумфальных арок порхали птички, привязанные на шнурках. Во время крестных ходов индейцы выходили навстречу с дарами из продуктов своей охоты или своих садов. Эта торжественная процессия сопровождалась музыкой, и праздничный день заканчивался фейерверком. Самый труд принимал праздничный характер[1]. На работу шли целой общиной под звуки флейты и барабана, неся впереди образ святого, покровителя общины. Придя на поле, среди зелени воздвигали походный алтарь, затем, проработав полдня, возвращалась домой, шагая под такт музыки.

Наиболее рьяными противниками христианского учения оказывались старухи и молодые люди; первым невыгодно было христианство, так как с принятием его утрачивалось их влияние, как знахарок, исцелявших разные болезни и предвещавших судьбу; молодежь же, обратившись в христиан, должна была расстаться с своею воинственною и привольною жизнью в саваннах и дремучих лесах. Особенным упорством отличались индейцы объездчики лошадей; однако, в конце концов, все волей-неволей должны были вступить в лоно церкви: на границе колоний была расставлена стража, которая задерживала беглецов. С 1610 по 1768 год «отцы» окрестили до семи сот тысяч индейцев. В 1730 году в тридцати иезуитских общинах насчитывалось более 133.000 обращенных индейцев, а некоторые из деревень имели до пяти или даже до шести тысяч жителей. Статистика обращенных велась очень тщательно, так как миссионеры должны были платить королю по одному пиастру за каждого индейца, за что им предоставлялась полная свобода в управлении общин согласно их усмотрению; белым даже запрещено было жить по соседству с миссиями. В первые времена представителем королевской власти в общинах неофитов был испанский *corregidor*, но священники добились права заменять его индейцем, благодаря чему они сделались полными хозяевами «христианских республик»,—«этой драгоценнейшей части Христова стада», как выражался Шарлевуа. Иногда миссионеры уступали своих индейцев правительству для разных крепостных работ; в 1726 году они отправили, в качестве бесплатных работников по постройке укреплений города Монтевидео, две тысячи человек. Наблюдавшие за ними священники жили в хижинах из звериных шкур, тогда как гуаранские рабочие спали под открытым небом[2].

Раз подчинившись режиму христианской религии, неофиты строго исполняли установленные правила. Ежедневно утром, до восхода солнца, дети отправлялись в церковь учиться пению и молитвам, а за обеднею присутствовало всё население. Вечером дети снова учились катехизису, затем все, старые и малые, принимали участие в общей молитве, и день оканчивался повторением молитв по четкам. По воскресеньям церемонии были многочисленнее, и верующие должны были даже повторять таблицу чисел. Обладавшие хорошей памятью должны были повторять проповеди наизусть. Работа была строго регламентирована. Каждое семейство получало в надел отдельный участок земли и известное количество необходимых для посева семян; кроме того, для полевых работ давалась пара быков; но, получая такой надел, семья отвечала за надлежащее содержание скота и культур, которыми она пользовалась лишь временно. Часть территории, обработываемой сообща, находилась под наблюдением священников: это было Тупамбае или «Божья собственность»; вся жатва, собранная с этой земли, убиралась в житницы, как запас на неурожайные годы и для прокормления дряхлых стариков, сирот и ремесленников. Излишек вывозился по рекам в Буэнос-Айрес, где его променивали на предметы роскоши, получаемые из Европы, которые шли на украшение церквей. По бокам центральной площади, тянулись мастерские ремесленников, плотников,

1 Dobrizhoffer;—Muratori;—Charlevoix;—Martin de Monsay, „Les Missions jesuites“.

2 Muratori, „Paraguai“.

каменщиков, слесарей, ткачей, плавильщиков, фабрикантов скрипок и флейт, скульпторов, архитекторов, золотильщиков, резчиков и даже живописцев; все эти мастера работали в пользу церкви, так как, согласно проповедуемой религии, любовь к ней должна была выражаться внешним образом в украшении церквей. Всякий проступок, обнаруженный надзирателем или кем-либо из христиан, влек за собой епитимию. Виновный должен был явиться в церковь перед собравшимся народом и вынести публичное наказание розгами, при чём он возносил благодарение Богу и добрым отцам за наложенное на него наказание.,

Миссионеры особенно заботились о разделении полов. Все мужчины обязаны были стричь себе волоса, чтобы их издали можно было отличить от женщин; только мужчины имели право принимать участие в танцах и то лишь во время религиозных церемоний, а женщины скромно держались в стороне. Браки совершались по приказанию, тотчас по наступлении возмужалости, для девочек с десяти лет, а для мальчиков с тринадцати[1]. Колодцы, фонтаны, портомойни, публичные учреждения, куда имели доступ мужчины и женщины, устраивались в открытом месте, удобном для наблюдения издали, и малейшее нарушение приличий тотчас же наказывалось старцами, вооруженными прутом. «Ревнители», которые обязаны были доносить о всяком предосудительном поступке, присутствовали всюду, среди групп жителей, на гульбище, за трапезой, на работах. Таковы были нравы этой образцовой «республики, где царило безусловное повиновение миссионерам и где была воспрещена всякая личная инициатива». Несмотря на такую строгую дисциплину, иезуиты очень неохотно давали оружие в руки своих неофитов, даже тогда, когда это требовалось для защиты самых миссий. Однако, крайняя необходимость неоднократно вынуждала их к деятельному сопротивлению против «Mammelus»[2] т.е. паулистов, по большей части мамелюков или «метисов». С 1638 по 1661 год они одержали над этими мамелюками четыре победы; но после каждого триумфа они отбирали у победителей мушкетоны, опасаясь влияния военачальников, стяжавших себе популярность во время сражений. Решив не давать больше оружия в руки обращенных индейцев, миссионерам ничего более не оставалось, как только покориться, и когда иезуиты получили приказ очистить эту страну, не было пролито не единой капли крови.

Так как эти колонии иезуитов не имели никакой жизнеспособности, то обращенные ими туземцы стали быстро погибать, как только их перестала поддерживать управлявшая ими рука. Впрочем, для спасения их делались некоторые попытки: их общины поддерживали то миссионеры других орденов, то светские власти; но большая часть туземцев разбежались, предпочитая свободную жизнь в лесах. В 1801 году на территории Миссий насчитывалось всего лишь 14.000 индейцев. Уругвайские бандиты захватывали их деревни, грабили церкви и уводили скот[3]; затем территория перешла в руки европейцев, поселившихся здесь в качестве торговцев или арендаторов: в 1814 году к остававшимся на территории Миссий 8.000 индейцам присоединилось около 1.000 иностранцев—аргентинцев или восточных людей. Наконец, в 1848 году по президентскому декрету последние туземцы иезуитских общин были признаны «гражданами республики» и подчинены общим законам[4]. В настоящее время от иезуитских учреждений не осталось никаких следов, а те из прежних деревень, которые существуют ещё до сих пор, по своему устройству и нравам ничем не отличаются от других парагвайских поселений. Тем не менее воспитание, полученное гуарани, и которое впоследствии поддерживала полувековая диктатура, несомненно оказало на них известное влияние: они отличаются внешними качествами, обнаруживая кротость, вежливость и большую выдержку, но зато воля в них совершенно отсутствует. Хотя, как говорят, в лексиконе их нет ни одного слова, которое бы выражало учтивую просьбу или благодарность, тем не менее иностранца они принимают с полным радушием: подойдя к дому, дверь которого стоит

1 A. d'Orbigny, цитированное сочинение.
2 Charlevoix, цитированное сочинение.
3 Martin de Moussy, цитированное сочинение.
4 Alfred de Memersay, „Histoire physique, economique et politiqne du Paraguay".

запертою, посетитель заявляет о себе приветствием: *Ave Maria*, на что ему следует ждать ответа: *Sin pecado concebida*! и тогда уже он может войти в дом, где ему никогда не отказывают в гостеприимстве. Но когда к ним грубо входит господин с каким-нибудь приказанием, они повинуются ему без всякого протеста. Среди них не было ни одного случая нечестности в отношении государства. Ни один народ не принимал так покорно участия в беспощадной войне, как гуарани, а теперь они беспрепятственно позволяют расхищать их земли. Пища парагвайцев, совершенно иная, чем у аргентинцев, тоже способствует развитию мирных инстинктов: многие из них совсем не едят мяса, питаясь главным образом маниоковым хлебом и апельсинами. Женщины, помимо домашнего хозяйстве и надзора за семьею, занимаются также обработкою земли. Таким образом, преобладающее значение в семье имеют жены, и если брак, в большинстве случаев не имеющий легальной санкции, разрывается, то дети всегда следуют за матерью.

Парагвайцы-горожане сильно объиспанились и с внешней стороны почти совсем не отличаются от коррентинцев, происходящих, как и они, от испанцев и гуарани: они говорят на обоих языках, и некоторые журналы печатают статьи и стихотворения на туземном языке. В первые времена колонизации, элемент басков был, повидимому, преобладающим в Парагвае: Ирала, правивший страною до и после Алвареса Нуньеса, был эвскариец. Пальгрев[1] приписывает баскам такое большое участие в происхождении парагвайской нации, что называет её прямо «васко-гуарани», и, по его мнению, блондины, часто встречающиеся в Парагвае, суть потомки белокурых басков, каких часто встречаешь в Западных Пиренеях. Мартин де-Мусси высказывает совершенно другое предположение: по его мнению, рослые, белокурые испано-гуарани, составляющие значительную часть парагвайской нации, напоминают тип немецких солдат, приходивших сюда, под предводительством Шмиделя, в эпоху завоевания. Нарагваянки блондинки, будто-бы, имеют германский тип лица, и волоса у них действительно русые, как у северных женщин, не того рыжеватого испанского цвета, который видим у жителей всей остальной части лаплатских областей[2].

IV

Маленькая Парагвайская республика имеет весьма немного таких поселений, которые бы заслуживали названия городов; большая часть селений, носящих этот громкий титул, представляют собою группу деревянных или глиняных низеньких хижин, всегда, впрочем, очень чистеньких, крытых пальмовыми листьями или соломой и выходящих широкой верандой на улицу. Массивная, но невысокая церковь, построенная в стиле, введенном иезуитами, занимает одну из сторон главной площади, с деревянным помостом, на котором повешен колокол. При каждом доме имеется свой сад, двор и сарай, обнесенные сплошным частоколом садов, прерывающимся только при проходе улиц. Обширная площадь, поросшая травою, служит пастбищем для ослов и лошадей.

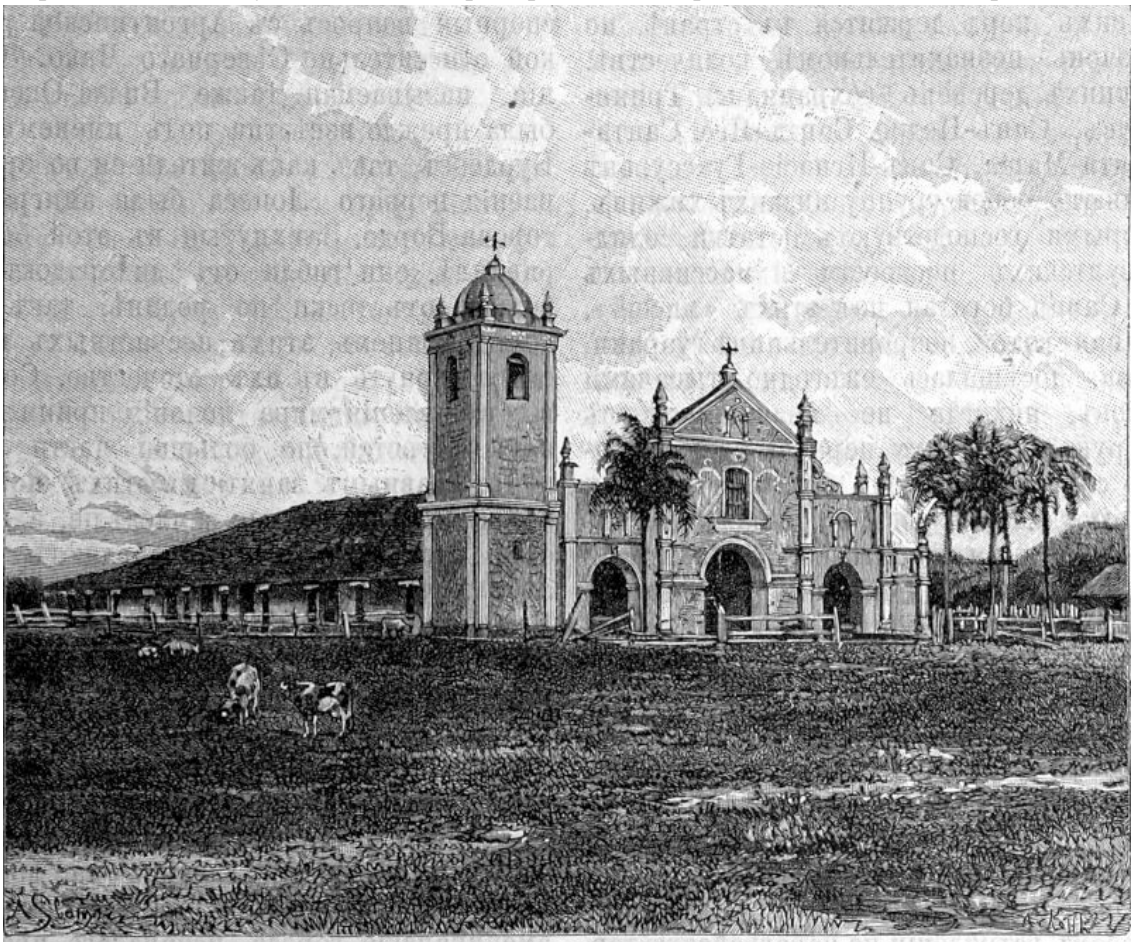
Парагвайский берег Параны почти необитаем. Среди деревьев леса расположено лишь несколько *ranchos*, в которых видят будущие города; пока же они служат только сборным пунктом для торговцев парагвайским чаем: таково селение Гойкочеас, где останавливаются пароходы, идущие вверх по реке; отсюда вывозится огромное количество парагвайского чая. Ниже лежит Такуру-Пуку, складочное место других *yerbales* (чайных плантаций) и конечная станция железной дороги, подходящей к реке в тридцати километрах выше устья бразильской рио-Игуассу. Затем следует Гуаяррос, прежняя Вилла-Азара, названная так в честь известного натуралиста, который провел здесь несколько месяцев в 1788 году, занимаясь изучением местной фауны и флоры. Ниже, против аргентинских Миссий, селения встречаются чаще; на самом берегу реки, в том месте, где, омывая провинцию Корриентес, Парана принимает прямое направление с востока на запад, расположена довольно значительная деревня Итапуа, более известная под названием Энкарнасион, данным ей иезуитами; она

1 „Ulysses or Scenes and Studies in Many Lands“.

2 „Description geographique et statistique de la Confederation Argentine“.

уже более двух веков командует проходом между Парагваем и Корриентесом. Иезуиты устроили в ней складочное место для своих южных миссий, а позднее, во время диктатуры Франсиа, Итапуа была открыта для торговли Парагвая с заграницей. Гуарани приводили сюда караваны мулов, привозили табак и парагвайский чай, а бразильцы из Рио-Гранде продавали кофе и сахар, а также и европейские товары. Вся торговля была меновая, так как *Supremo* запретил вывоз золотой и серебряной монеты[1]. В настоящее время большая часть торговли обходит Итапуа, пользуясь пароходами, совершающими рейсы по Парагваю и Паране; но по проектам, железные дороги, которые пересекут часть территории иербалесов, будут иметь своим конечным пунктом именно этот порт: против Итапуа, на корриентесском берегу, стоит город Посадас, который связывается с нижним течением Уругвая посредством Монте-Казерос.

Энкарнасион лежит уже вне зоны произрастания парагвайского чая, но прежние миссии,

Старинная іезуитская церковь въ Пираю.

расположенные немного севернее, на бугроватых землях, орошаемых большими притоками Параны, до сих пор ещё владеют обширными иербалесами. Индейское население, составлявшее некогда паству миссионеров, ещё до сих пор держится в стране, но уже в очень незначительном количестве. Из прежних деревень сохранились Тринидад, Иезус, Сан-Педро, Сант-Яго, Санта-Роза, Санта-Мариа, Сан-Игнасио-Гуассу; они представляют собою группу низких хижин, над которыми господствуют остатки солидных иезуитских построек и массивных церквей. Самая богатая из этих «миссий», посвященная святой, покровительнице гуарани, Санта-Роза, посещалась ежегодно тысячами пилигримов, никогда не являвшихся с пустыми руками: поэтому церковь, существующая и до сих пор, очень богата золотою и серебряною утварью; ров защищал её некогда от нападения грабителей[2]. Плантация Серрито, лежащая между Санта-Мариа и Санта-Роза, напоминает о пребывании Эме Бонплана, кото-

1 Francis de Castelnau, цитиров. сочинение.

2 A. Baguet, „Rio Grande do Sul et le Paraguay“.

рый провел там девять лет по приказанию диктатора Франсиа. Ниже Энкарнасиона находятся прежняя миссия Сан-Жуан и деревни Кармен и Сан-Косме; далее, за последним порогом Параны, Апипе, по обоим берегам тянутся одни лишь низменные равнины, до самого слияния рек, выше города Корриентеса.

При своем вступлении на парагвайскую территорию река, сообщившая свое имя этой небольшой республике, омывает сначала развалины древней крепости Конфлюенсиа. Вообще от большей части деревень, лежащих ниже, по извилистым берегам Парагвая, у подножия лесистых косогоров, остались одни только груды обломков; впрочем, страна начинает мало-по-малу вновь заселяться, и у входов в долины разводятся кофейные плантации. За Сан-Сальвадором (иначе Дивино-Сальвадор), первой группой жилищ, следует город Консепсион, бывший в прежние времена одним из главных складочных мест для парагвайского чая. В некотором расстоянии от реки, на берегу Жежуя, лежит хорошенький городок Сан-Педро, в котором главная улица окаймлена аркадами по испанской моде[1]; долины, для которых Сан-Педро служит рынком, изобилуют лесами и пастбищами, а, по словам туземцев, в области истоков находили даже золото. Южнее тянутся развалины, последствия прежних войн; но, по мере приближения к Асунсиону, всё чаще встречаешь опыты земледельческой культуры на обоих берегах. На западе, среди низменных полей, орошаемых солеными водами рио-Конфусо и другими байусами, отделяющимися от Пилькомайо, лежит колония Вилла-Гэйс, названная так в честь президента Северо-Американской республики, который, в качестве третейского судьи, в 1879 году решил в пользу Парагвая спорный вопрос с Аргентинской республикой относительно Северного Чако. Эта колония, называемая также Вилла-Оксиденталь, была прежде известна под именем Нуева-Бурдеос, так как жители её во время правления первого Лопеса были эмигранты из города Бордо. Замкнутые в этой болотистой равнине, они гибли от лихорадок, а ещё больше от тоски по родине, так что, в конце концов, этих несчастных пришлось снова вернуть в их отечество. Со времени восстановления мира колония приняла у себя новых гостей, по большей части итальянцев; главным занятием этих новых колонистов служит не земледелие, а скотоводство; кроме того, они сплавляют строевой лес и черное дерево на рынки Асунсиона и Буэнос-Айреса. Колония Крево (Creveaux), основанная в 1883 году, на верхнем течении Пилькомайо, недалеко от Льпантипуку, в том месте, где погиб известный путешественник, имя которого она носит, всегда имела лишь фиктивное существование.

Асунсион, столица Парагвая, расположена на террасе, возвышающейся на 15 метров над левым берегом реки. Как все почти американские города испанского происхождения, он был построен в виде шашечницы, и его пыльные улицы тянутся далеко вглубь полей. Хотя в настоящее время он вновь заселяется довольно быстро, тем не менее ему ещё далеко до того положения, какое он занимал прежде: отдаленные от центра, улицы заросли травой и кустарником, а некоторые площади представляют саванны, по которым извиваются узкия тропинки. Дворцы, составлявшие некогда гордость Асунсиона, так как по красоте своих построек это был самый роскошный город Южной Америки, но впоследствии доведенные до полного разрушения, в настоящее время реставрированы и придают городу величественный вид по сравнению по крайней мере с городами Матто-Гроссо. В арсенале, основанном до войны, где прежде кипела оживленная деятельность, находятся судостроительные верфи, откуда было спущено несколько пароходов. Порт, находящийся в прямом сообщении с лиманом Ла-Платы и с океаном, может принимать большие суда, приходящие из Монтевидео и Буэнос-Айреса; выше же по реке ходят лишь суда небольшой осадки. Как и в большей части городов Нового Света, почти по всем улицам столицы проложены линии рельсов, по которым производится очень оживленное движение. Асунсион является почти исключительно складочным местом для торговли и не имеет другой промышленности, кроме ювелирной, в которой первое место занимает выделка перстней и других мелких золотых вещей. Женщины в изобилии снабжают рынок фруктами и овощами.

1 Albert Hans, рукописные заметки.

Железная дорога, пока единственная в Парагвае, направляется из Асунсиона к юго-востоку через апельсинные и банановые плантации, застроенные дачами. За прелестным городом Луке, бывшим временною столицею в конце войны, когда Лопес приказал очистить Асунсион, дорога тянется по западному берегу восхитительного озера Ипакарай и проходит у подошвы холма Серро-Леон, где находилась в начале большой войны главная квартира. Главными станциями озерной долины служат города Арегуа, Итагуа и Пираю. Далее, при самой дороге, у подножия величественной горы, изрытой гротами, стоит город Парагвари, известный своим табаком, который вывозится на европейские рынки: здесь, по свидетельству одной легенды, св. Фома[1] проповедывал Евангелие индейцам гуарани; легенда эта, по всей вероятности, иезуитского происхождения, так как Парагвари был одною из миссий, основанных иезуитами, которые владели там огромными стадами. В настоящее время край этот, где рассеяны во множестве небольшие города и деревни, представляет собою преимущественно земледельческий центр; но, кроме того, жители завели у себя кое-какую промышленность: фабрикацию масла, сигар и крахмала. Женщины некоторых деревень славятся как искусные кружевницы; жители Иты выделывают глиняную посуду, которую вывозят в Буэнос-Айрес, а жители Ягуарона приготовляют эссенцию из цветков померанцевого дерева. Самая значительная колония, основанная правительством, Сан-Бернардино, находится к северу от озера, на склонах и в долинах кордильеры де-Альтос. Большая часть колонистов, германского происхождения, усердно занимаются скотоводством, приготовляют масло и сыр или продают молоко, для асунсионского рынка, на ближайшей станции железной дороги[2]. Впрочем, большинство первых колонистов Сан-Бернардино покинули свои участки земли вследствие отсутствия удобных путей сообщения. Но на смену ушедшим явились новые, и колония мало-по-малу преобразовывается в сельский городок.

Вилла-Рика, город, основанный также иезуитами, ныне административный центр внутренней области, расположен на спуске центральной кордильеры, в одной из наиболее плодородных областей, орошаемых реками «большою» и «малою» Тибикуари. По берегам этих рек тянутся маниоковые и табачные поля, составляющие контраст с густыми лесами, покрывающими склоны холмов. Небольшие пароходы поднимаются по извилистой реке до самого Вилла-Рика, предназначенного сделаться пунктом схождения парагвайских железных дорог. От Асунсионской линии в недалеком будущем отделятся две ветви, которые соединят её с Параною, одна на востоке через долину Мондай, а другая на юге по направлению к Итапуа или Энкарнасиону. Между иммигрантами, приготовляющимися колонизировать парагвайские земли, называют австралийцев, которым правительство отдало 576 квадратных километров земли, на берегах реки Тибикуари. Цессионерное общество обязалось в течение 1893 и 1894 гг. поселить на уступленных землях несколько сот австралийских семейств, которые будут ежегодно делить между собой продукт труда общины и пользоваться самоуправлением, выбирая себе директора большинством голосов взрослых членов общины, женщин и мужчин. Основанием для такого устройства, начало которого не может похвалиться особым успехом, послужили, очевидно, воспоминания о прежних парагвайских миссиях, где каждая семья была обеспечена во всех своих необходимых потребностях.

По выходе из Асунсиона путешественники, спускающиеся вниз по реке Парагваю, вскоре теряют из виду этот город, скрывающийся за высоким холмом Ламбаре, который возвышается на сто метров над правым берегом реки: по преданию, этот конический холм получил свое название в память одного индейского начальника, который храбро защищался здесь в 1528 г. против первых испанских завоевателей: Себастиан Кабо, несмотря на свои победы над индейцами, не осмелился двинуться дальше. Однако; Шмидель, рассказывая о завоевании Парагвая,—Парабола, как он его называет,—говорит уже о горе «Ламбари». Несколько холмов, содержащих, как и Ламбаре, пласты соли, тянутся по левому берегу и образуют небольшой массив над хорошеньким городком Вильета, окруженным пальмовыми и апельсин-

1 Alfred Demersay, цитирован. сочинение;—E. van Bruyssel, „Republique du Paraguay“.

2 E. de Bourgade la Dardye, „La Paraguay“.

ными рощами: при прибытии пароходов на пристань сбегаются женщины в белых одеждах, неся на головах корзины с фруктами. Группа холмов оканчивается на юге мысом, сжимающим течение реки: это знаменитый мыс «Теснина», *Angostura*, где речное русло имеет не более 80-ти метров ширины. Некогда индейцы храбро отстаивали этот мыс от испанских завоевателей, а триста лет спустя парагвайцы поручили английскому инженеру Томпсону устроить здесь сильные крепости, которыми надеялись затормозить дальнейшее движение союзных войск; но бразильская армия, рискуя быть застигнутой и потопленной внезапным разлитием Парагвая, прошла западнее, через пустыни Чако, и вновь появилась на берегу реки выше Ангостуры[1].

Ниже этого ущелья, в котором парагвайцы думали найти свое спасение, по берегу реки совсем не встречается значительных поселений: последними деревнями, лежащими на холмистых выпуклостях, сливающихся с бугроватыми внутренними землями, являются Олива и Вилла-Франка. На юге Тибикуари разливается по болотам, представляющим собою остатки тех морских бухт, которыми некогда был усеян весь юг страны. Городок Вилла-дель-Пилар, —или, как его обыкновенно называют, Ньембуку,—состоящий из небольшой группы соломенных хижин, занимает, повидимому, отличное местоположение между двумя сливающимися реками, Тибикуари и Бермехо, в пункте скрещивания двух больших естественных путей; но эти преимущества не имеют никакого значения в той пустынной стране. Рио-Ньембуку, впадающая в Парагвай у Вилла-дель-Пилар, представляет собою один из байусов, просачивающихся во внутренних болотах; прежде это было, очевидно, одно из русл Параны, так что когда вздумают осушать эту страну, то придется прорывать канал по направлению первоначального течения. Во время диктатуры Франсиа, Пилар некоторое время был открыт для иностранной торговли: торговцы привозили сюда свои товары, но им запрещено было ездить дальше внутрь страны. Значительное число эмигрантов из Корриентеса поселились в этом городе будущего, лежащем почти напротив аргентинского города Пуерто-Бермехо: всякий успех одного из этих городов несомненно принесет пользу и другому.

Остатки и развалины стен, хижины на высоких берегах, доминирующих над Умаитской лукой, на полпути от устья Бермехо до устья Параны, напоминают парагвайскую Трою, выдержавшую двухлетнюю осаду (1866—1868 гг.) со стороны армии и флота союзных государств. Всё пространство, отделяющее бывшую крепость Умаиту от устья Параны, обагрено кровью. Лежащий на этой реке пост Итапиру был приобретен бразильцами лишь ценою ужасной битвы; другой пост Курузу, находящийся выше, на левом берегу Парагвая, был вооружен батареями, которые долгое время задерживали наступательное движение бразильского флота; ещё дальше возвышались форты Курупайти, которые союзные войска тщетно старались взять приступом; впоследствии, хотя флоту и удалось обойти их, но ему пришлось при этом сильно пострадать. Внутри страны, поля Туюти и Туюкуе, названные так от корня *tuyu*, что значит «грязь», проходы большего болота или *estero* Беллако, высокие берега Параны у пасо-де-ла-Патриа—тоже были ареной ожесточенных сражений; затем разразившаяся эпидемия холеры окончательно обратила эту область в одно огромное кладбище. Что касается крепости Умаиты, то она не была взята приступом: так как воды реки, разлившейся от летних дождей, поднялись на необычайную высоту, то мощная цепь, заграждавшая проход, очутилась под водою более, чем на 5 метров, и в одну темную, беззвездную ночь четыре из семи броненосцев, составлявших бразильский флот, удачно миновали проход. Защитники Умаиты, очутившиеся меж двух огней, с одной стороны—неприятельского флота, с другой—сухопутных войск, расставленных эшелонами на циркумваллационной линии в 40 километров, от Итапиру на Паране до Тайи на Парагвае, должны были оставить это место и искать дальше к северу другого оборонительного пункта.

Главные или исторические города Парагвая, с приблизительной цифрой их населения: Асунсион—70.000 жителей; Луке—8.000; Вилла-Рика—25.000; Сан-Педро—8.000; Парагвари—10.000; Консепсион—15.000: Вильета—2.000; Вилла-дель-Пилар—14.000; Ита—6.000;

1 De Taunay, „Memorias“, tome VIII.

Энкарнасион—7.000 жителей.

Место слияния грязно-зеленых вод Параны с буро-желтоватыми водами Парагвая охранялось прежде военными постами, воздвигнутыми на сваях или на искусственных насыпях; но на этой болотистой почве не основалось ни одного города, ни одной деревни. По Феликсу де-Азара, Парагвай в период мелководья несет всего только 200—220 кубических метров в секунду.

V

Первая всеобщая перепись в Парагвае состоялась в конце XVIII столетия: по свидетельству Азары, всё население провинции, включая индейцев территории Миссий, достигало в то время 97.480 человек. Начиная с этой эпохи и до начала войны, т.е. в период, когда страна пользовалась безусловным покоем, который не нарушался даже во время политической перемены, вызванной стремлением к независимости, прирост парагвайского населения, вообще отличающагося большою плодовитостью, быстрыми шагами шел вперед. Если верить документу, изданному в 1867 году по приказанию диктатора Солано Лопеца, количество парагвайцев достигало в то время 1.337.439 человек; к сожалению, подробные цифры, относящиеся к этой переписи, никогда не обнародовались: поэтому многие писатели высказывали сомнение в возможности такого значительного увеличения населения без участия в этом иммиграции, как это было в Соединенных Штатах С. Америки. На самом деде, с конца XVIII-го столетия период, в который население увеличилось вдвое, не охватил даже двенадцати лет, что составляет совершенно уже необыкновенное явление для страны такого протяжения, как Парагвай. Между тем, если бы количество населения было меньше, чем показывает перепись, то немыслимо было бы представить себе, как столь незначительный по своей численности народ мог совершить подобные чудеса впродолжении пятилетней войны с тремя союзными государствами. Помимо 50.000 солдат, составлявших в начале войны организованные войска, тысячи парагвайцев, входящих в состав резерва, были заняты, благодаря осадному положению страны и прекращению всякого сообщения с заграницей, постройкою плавучих батарей и пароходов, исправлением попорченных судов, литьем пушек и работами на оружейных и пороховых заводах и в обмундировальных мастерских; наконец, как ни нетребовательны были потомки гуарани, тем не менее им необходимо было жить, и те из них, которые были свободны от военных повинностей, должны были обрабатывать землю и подвозить провиант. В то время, как союзные государства располагали большими капиталами, занятыми у европейских держав, и всеми ресурсами, доставляемыми торговлею, Парагвай должен был исключительно в самом себе искать все необходимые средства для обороны.

Спустя восемнадцать лет после войны, в 1887 г. была произведена новая перепись, по которой на этот раз оказалось всего 239.774 жителя: судя по этим цифрам, война поглотила более миллиона человек, т.е. почти четыре пятых всего населения! Но в то время, когда составлялась эта перепись, режим страны переменился, и парагвайцы не так охотно давали сведения должностным лицам: в оффициальных данных приблизительная цифра населения была показана в 330.000 человек. Принимая по другим источникам[1] нормальный прирост населения после войны в 3% в год, можно допустить, что количество культурных парагвайцев, населявших в 1890 г. территорию республики, достигало 500.000 человек. К этому нужно присоединить ещё приблизительно тридцать тысяч индейцев, населяющих равнины Чако, между Пилькомайо и Парагваем. В нынешнем заселении страны принимают также некоторое участие и эмигранты. Уже в 1887 году неполная перепись определяла количество иностранцев в 7.896 человек; но с тех пор иммиграция давала в год почти тысячу новых жителей, а в 1890 году она дала даже 2.395 человек. Большую часть иммигрантов составляют аргентинцы, что обусловливается легким переходом из одной страны в другую; с севера по Игуассу спустились некоторые из бразильцев; среди иностранцев встречаются также представители всех наций Нового Света и Европы, главным образом итальянцы. По частным

1 E. de Bourgade la Dardye, цитированное сочинение.

переписям, а также и по спискам гражданского сословия и по метрическим книгам видно, что девочек родится гораздо больше, чем мальчиков. Это явление, составляющее характерный признак в демографии Японии, встречается очень редко во всех тех странах, где ведутся строгия статистики. Однако, Азара отметил этот факт уже в конце XVIII столетия и определил даже пропорцию полов: 14 женщин на 13 мужчин. Большинство путешественников, посетивших Парагвай, из своих наблюдений пришли к тому же выводу.

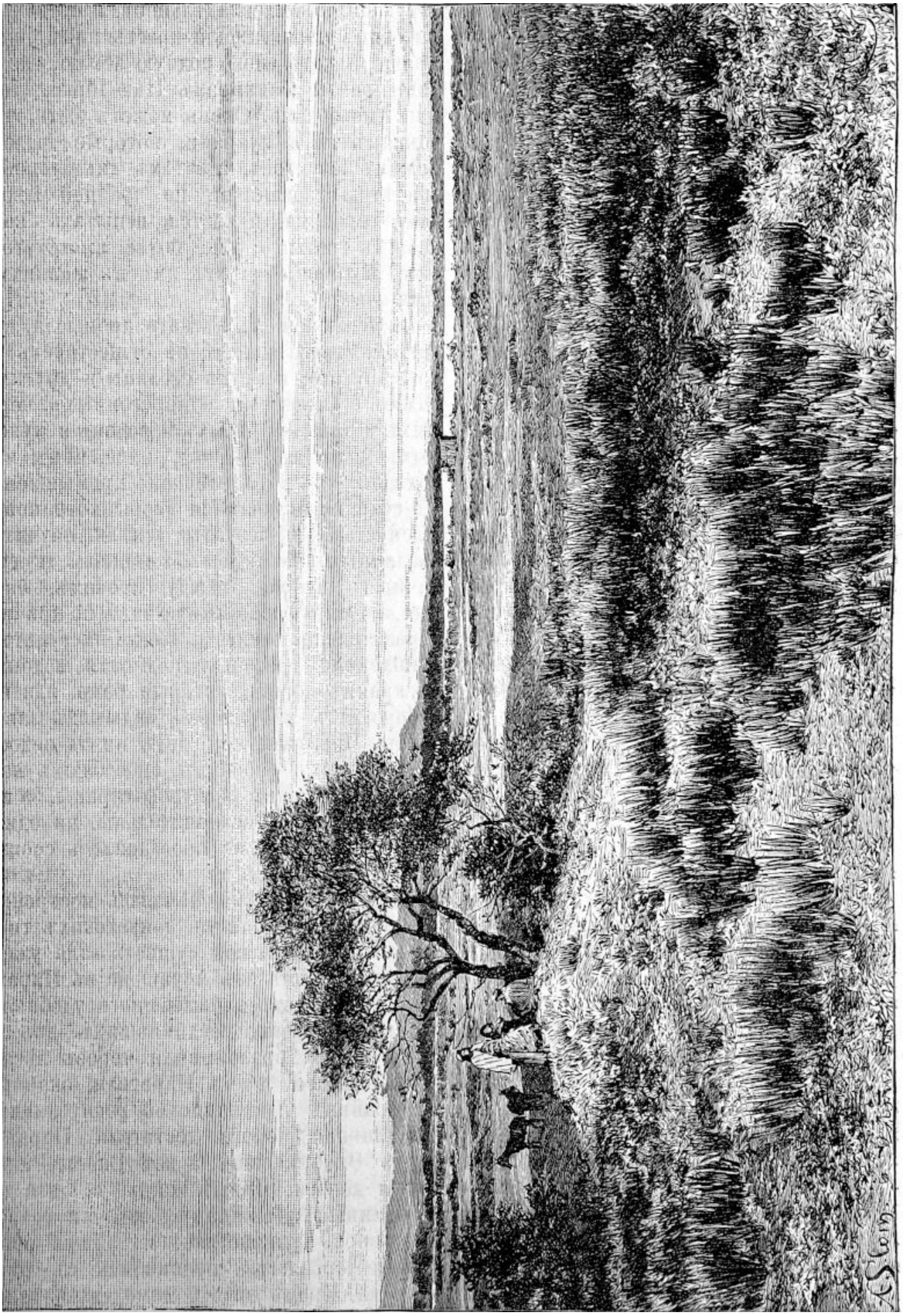
Значительно отставшие от других культурных народов, парагвайцы находятся в таком же экономическом периоде, как мамелюки Амазонской реки и индейцы внутренней Бразилии. Главным их занятием служит не земледелие и не промышленная обработка сырых материалов, а лесной промысел: в Чако, к западу от реки, жители занимаются исключительно *abroges* или рубкою деревьев; каучуковые леса, существующие, как говорят, на границах Бразилии, ещё не эксплоатируются. Парагвай считается обыкновенно монопольным государством по торговле чаем *yerba mate* (ilex paraguariensis), хотя южные штаты Бразилии ведут значительную экспортную торговлю этим продуктом; но нужно сказать, что иерба из бразильского Матто-Гроссо проходит через Парагвай, и что в торговле этот бразильский чай ради увеличения его цены выдается за парагвайский. Распространителями этого напитка среди индейцев территории Миссий были иезуиты, благодаря которым обычай пить чай сделался всеобщим в южной части материка. Гуаранское *caa*, что значит «растение»—слово, которое испанцы перевели термином *yerba* (трава),—представляет собою вовсе не траву, а куст или даже дерево, высотою с апельсинное, но с более тонкими ветвями; на берегах Игатими, притока Параны, каа попадается толщиною в метр и высотою в 8 метров[1]. По сообщению Бонплана, в Парагвае существует три породы чайных деревьев, мало отличающихся между собою и похожих на *congonhas* бразильских плоскогорий. Область распространения этого растения охватывает всё пространство от южных Минас до границ Рио-Гранде-до-Суль и от морского побережья до реки Парагвая. Каа, говорят, встречается также за пределами Чако, в северных частях Аргентинской республики, но эти страны не эксплоатируют этого растения для торговли: лучшей иербой считается парагвайская, особенно та, которая растет в лесах Маракажу. Под управлением иезуитов гуарани культивировали чайное дерево: каждая миссия имела свой иербаль (чайная плантация), производивший *caa mini*, т.е. лучший сорт, чем *caa paua*. В земледельческом промысле Парагвая произошел регресс, так-как теперь пользуются только диким чаем, растущим в лесах, и вовсе не разводят плантаций иербы; а чтобы легче собирать листья, парагвайцы беспощадно рубят целые деревья[2]. Главные места эксплоатаций находятся далеко от городов, так что *yerbateros*'ам приходится совершать длинные путешествия по пустыням, отправляясь за сбором чайных листьев и сучьев[3]; прежде чем пустить в продажу собранный чай, парагвайцы высушивают листья на умеренном огне и затем толкут в порошок, в каком виде этот продукт и употребляется для питья. Напиток, получаемый от настоя парагвайского чая, представляя собою возбуждающее средство, имеет то преимущество, что не вызывает опьянения, ведущего за собою столь пагубные последствия. Половина всего годового сбора парагвайского чая потребляется на месте, остальное отправляется за границу.

Вывоз парагвайского чая в 1887 году: 6.413 тонн; местное потребление: 5.030 тонн; ценность всего производства: 11.000.000 франков. *Вывоз чая в 1897 г.: 6.548 тонн, ценностью около 5.476.000 долларов*.

Вторым по значению продуктом парагвайской земледельческой промышленности являются апельсины. Путешественник Бургад приписывает американское происхождение одной породе апельсинов *арери*, имеющей особый кисловатый вкус. Этот вид деревьев встречается в густых лесных чащах, вдали от всякого человеческого жилья, что служит достаточным

1 Albert Hans, рукописные заметки.
2 De Boargade;—Albert Hans, рукописные заметки.
3 I. P. and W. P. Robertson, „Letters on Paraguay".

основанием считать эту породу апельсинных дерев имеющей местное происхождение[1]; к тому же и самое название её—чисто гуаранское, тогда как деревья, овощи и животные, привезенные из Европы, сохраняют испанские названия, в несколько искаженной форме. Как

Видъ въ центральныхъ пампасахъ

бы то ни было, но различные породы, введенные колонистами, акклиматизировались здесь с поразительным успехом: ни в одной стране апельсины не имеют такого прекрасного вкуса,

1 E. de Bourgade la Dardye, цитированное сочин.

как в Парагвае. Каждая деревня окружена апельсинными рощами, даже каждый дом имеет свой фруктовый сад. Достаточно, чтобы ветер занес какую-нибудь веточку на влажную землю, чтобы она принялась на этом месте, пустила ростки и дала жизнь новому кусту; во время половодья по рекам плывут массы золотистых плодов. Экспортная торговля апельсинов, производящаяся исключительно через порты Асунсион и Вильета, поглощает лишь крайне незначительную часть всего производства, так как отсутствие удобных путей сообщения не дает возможности подвозить на набережную плоды из отдаленных фруктовых садов.

Вывоз апельсинов из Парагвая в 1886 году: 50.000.000; в 1897 г. их было вывезено на сумму 146.485 доллар. Огромная часть плодов пропадает даром; только недавно их стали утилизировать с промышленною целью, выделывая из них на месте вина и водки. Кроме того, из листьев и цветов приготовляют эссенции.

Исчислили, что поверхность обработанных земель занимает всего 65.000 гектаров, т.е. около 400-й части всего пространства Парагвая: почва только ещё начинает распахиваться. Женщины, на которых лежит почти вся земледельческая работа, сеют главным образом маис; потребление маниока уменьшается по мере того, как распространяются посевы хлебных растений. Изредка на плантациях виднеются полосы, засеянные пшеницею; и хотя в окрестностях Асунсиона и восточнее, у Алтоса[1], есть много рисовых полей, этот продукт, так же, как и пшеница, привозится из-за границы. Все веранды украшены виноградными лозами, но настоящих виноградников в Парагвае нигде не разводят. Каждый крестьянин имеет свое поле сахарного тростника, но он утилизирует его только для выделки сахарного песку или для приготовления мутного рома; кофейные деревья и арахиды дают отличный урожай, тем не менее спекулаторы находят выгоднее разводить табак, который, по общему отзыву, отличается здесь высоким качеством и ароматом, ставящими его наравне с гаванским табаком. Производство табаку в Парагвае в 1886 году: 10.497 тонн; вывоз: 4.784 тонн.

Нигде, быть-может, потребление сигар не имеет такого широкого распространения, как в Парагвае: на каждого жителя здесь приходится более 11 кило табаку, тогда как во Франции количество потребляемых сигар не превышает 758 грамм[2]. Быть-может, это огромное потребление табаку играет некоторую роль в необыкновенной терпеливости гуаров.

До войны в Парагвае насчитывалось около 2-х миллионов голов скота; но общее разорение страны повлияло и на скотоводство, уменьшив количество скота до 15.000 голов. Из Корриентеса и Матто-Гроссо ведется усиленный подвоз скота, но тем не менее Парагваю, в отношении скотоводства, далеко ещё до прежних счастливых времен. Скот пасется на полной свободе; за исключением немецкой колонии Сан-Бернардино, молоко остается без всякого употребления, и о выделке масла и сыра парагвайцы не имеют никакого понятия. В 1889 году в Парагвае не было ещё ни одной такой скотобойни, как в соседних республиках. Здесь разводят лошадей, весьма небольшое количество баранов, коз и свиней: говорят, что разведению овец здесь мешает одна ядовитая трава *тио-тио*, пагубно влияющая на животных[3].

Состояние скотоводства в Парагвае в 1891 году: рогатого скота—861.050; лошадей—104.220; баранов, коз и пр. 76.000.

В парагвайском Чако лошади, мулы и ослы быстро мрут от заразной болезни, называемой *mal de cadeira*[4].

Прежний обычай общинного надела теперь больше не практикуется, хотя земля всё ещё не составляет личной собственности того, кто её обработывает. Во время иезуитского режима земля считалась общею собственностью, и продукты её распределялись поровну между всеми общинниками; впоследствии настоящими землевладельцами сделались диктаторы, но каждый крестьянин имел свою хижину и поле. После войны почти вся территория Параг-

1 Albert Hans, рукописные заметки.
2 E. de Bourgade la Dardye, цитированное сочин.
3 W. Gifford Palgrave, цитированное сочинение.
4 Albert Hans, рукописные заметки.

вая, оставшись свободною, перешла в общественное достояние. Сделавшись собственником огромного национального имущества, правительство пустило его в продажу, установив цену «квадратной мили», соответственно стоимости земли и расстоянию её от рынков. Аргентинские, английские и северо-американские спекуляторы набросились на добычу, не щадя даже тех небольших полос земли, которые из-рода в род обработывали гуаранские семьи, которым до того не было никакой необходимости узаконивать свои права на владение; целые компании коммерсантов скупали земли десятками, сотнями тысяч гектаров и затем перепродавали их в десять и двадцать раз дорожи их настоящей стоимости: один концессионер скупил несколько тысяч квадратных километров. В несколько лет огромные пустынные земли очутились в руках отсутствующих землевладельцев, и с тех пор ни один парагвайский крестьянин не имел права пахать свою родную землю, не уплатив ренты банкирам Нью-Йорка, Лондона или Амстердама. Очень может быть, что потомкам тех гуарани, которые выдержали режим иезуитов, а затем диктаторов, засвидетельствованный, по крайней мере, годами героизма, придется испытать на себе режим третьего, ещё более жестокого рабства, которое обратит их в жалких пролетариев.

За исключением лесного промысла, в Парагвае, строго говоря, не существует никакого другого; вокруг столицы и других городов есть несколько перегонных, черепичных и мыловаренных заводов и мукомольных мельниц,—вот и всё, чем может похвалиться парагвайская промышленность. Но гуарани отличаются необыкновенной смышленостью, и иезуиты успели научить их различным ремеслам; женщины ткут различные материи, между прочим, *nanduti*, т.е. «паутину», названную так по причине её поразительной тонкости. Когда наступит промышленная эра, и у подножия водопадов, по краям дорог, которые рано или поздно избороздят территорию, задымят заводския трубы, Парагвай не будет иметь недостатка в искусных рабочих, способных на всякий труд. Рудные рессурсы страны, за исключением железа, незначительны, ни одна из тамошних рек не прославилась своими золотыми приисками.

Ещё прежде чем началась постройка железнодорожной сети в лаплатских государствах, в Парагвае существовала уже одна железная дорога из Асунсиона в Парагуари. Кроме того, здесь было много удобных колесных дорог, соединявших две реки. Одна дорога, проложенная через леса, шла вдоль левого берега Парагвая, оканчиваясь на границе Аргентинской республики; другая главная дорога достигала Параны в порте Энкарнасион, а из Виллы-Рика вели другие дороги. После войны все эти дороги, изрезанные рытвинами, заросли травою; но их вновь расчистили, и таким образом лесные иербалесы соединились с речными портами. Кроме того, помимо двух главных рек, ещё многие другие доступны для плоскодонных судов, на которых развозят кипы парагвайского чая, а по нижнему течению Жежуя и по реке Тибикуари ходят даже пароходы. Большие буэнос-айресские пакетботы могут подниматься по реке Паране до самого Энкарнасиона, а выше—до Такуру-Пуку и Гойкачеаса ходят небольшие суда, которым не мешают речные пороги и водовороты. Гораздо деятельнее судоходство по реке Парагваю, особенно у Асунсиона, на набережных которого сосредоточивается почти вся торговля республики.

Торговое движение Парагвая в 1899 году: ввоз—2.147.837, вывоз—2.021.023 песо золотом.

Движение судоходства в порте Асунсиона в 1898 г.: пришедших—418, отшедших—408 судов.

В настоящее время Парагвай располагает для внешней торговли только одним вывозным портом, который обыкновенно обозначают выражением *abajo*, т.е. «внизу» или «на низовье». Железная дорога из Виллы-Рика в Энкарнасион откроет второй выход, а современем, когда большая восточная линия дойдет до одного из ближайших к океаническому берегу портов, каков, например, Паранагуа, третий и самый прямой выход значительно облегчит заграничную торговлю этой небольшой республики, замкнутой между двумя своими реками. Эта дорога, двумя третями своими принадлежащая Бразилии, избавит от необходимости делать

крюк в 2.500 километров по лиману Ла-Платы.

Длина открытых для движения железных дорог в 1899 г.: 247 километров.

Телеграфное сообщение значительно опередило развитие железных дорог в Парагвае. Количество писем и почтовых отправлений заметно увеличилось с тех пор, как Парагвай принял участие во всемирном почтовом Союзе и как сюда стали стекаться эмигранты.

Количество отправлений по парагвайской почте в 1899 г.: 1.254.864. Количество депеш, переданных по телеграфу в 1899 г.: по внутренней корреспонденции 18.925, по заграничной —39.458.

Школы снова стали открываться с тех пор, как миновало бурное время, поколебавшее многие общественные учреждения, когда позакрывались двери храмов, прекратились брачные церемонии, уничтожились всякие законные союзы. В 1897 г. было 390 начальных школ, с 25.000 учащихся.

До периода независимости преподавание сосредоточивалось исключительно в руках духовенства, и большая часть детей если не умели читать, то, по крайней мере, повторяли наизусть молитвы; дети любили также петь, так как гуарани вообще проявляют музыкальные наклонности[1]. Когда большая часть духовенства была отрешена или просто изгнана диктатором Франсиа, школьное дело было существенно изменено, и воспитание получило почти специально военный характер: во всех деревнях дети созывались по звуку барабана, и алькады, под страхом строгого выговора или даже наказания, должны были привлекать к учению всех мальчиков. До начала войны почти все парагвайцы выучились, по обязательному приказу, читать и писать[2]. Только они ничего почти не читали и не писали. Типографии были редки. У иезуитов были книгопечатни, но после них первый печатный станок был ввезен только в 1844 г. Глава парагвайского правительства словесно передавал свои приказы, которые всегда строго исполнялись. Позднее, когда стала издаваться оффициальная газета, представитель власти собирал жителей каждой деревни и торжественно читал им правительственные указы, которые они выслушивали в благоговейном молчании.

VI

Нынешняя конституция Парагвая, введенная тотчас после войны, была скопирована с конституций других соседних республик. В этом небольшом государстве, как и в других американских общинах, политическая фикция предполагает три вполне равные власти: законодательную, исполнительную и судебную. Общинная группировка составляет *partido*, административное и судебное ядро, первое политическое деление, связанное непосредственно с центральной властью чрез выборных должностных лиц. Иностранцы имеют одинаковое с туземцами право голоса в муниципальных выборах; они даже сами могут баллотироваться, и закон обязывает их подчиняться желанию народа. *Jefe politico*, нечто вроде префекта, является представителем исполнительной власти в каждой общине; кроме того, имеется ещё мировой судья, назначаемый министром юстиции. Две палаты, выбираемые непосредственно всеобщим голосованием, обсуждают на равных правах все законы, за исключением бюджета, который вотируется исключительно и окончательно палатою депутатов. Верховный суд, состоящий из трех членов, при участии нескольких судей, составляет судебную власть. Президент республики, назначаемый, как и депутаты, на четыре года, осуществляет исполнительную власть и выбирает пять министров, ответственных перед палатами. Господствующей религией, как и во времена иезуитов и Лопецов, остается католическая, но при этом допускается полная свобода вероисповеданий. Что касается судоходства по рекам, одной из причин войны, то побежденная нация не могла бы отказать в нём своим могущественным соседям: Парагвай и Парана открыты бразильским и аргентинским судам; иностранцы могут без паспорта проходить через все пограничные пункты.

---

1 E. de Bourgade la Dardye, цитированное сочинение.

2 Rengger et Longchamp, Robertson, цитированные сочинения.

В конце войны финансовое положение Парагвая было крайне плачевное и страна не располагала ни малейшим кредитом. Чтобы пересоздать администрацию со всей иерархией должностных лиц, необходимо было прибегнуть к займу, и одна лишь Англия согласилась дать деньги за большие проценты. Лондонские капиталисты обещали в два приема дать сумму в 1.438.200 фунтов стерлингов; но по одной из тех финансовых тайн, примерами которых так богата история Америки, государственное казначейство не получило даже седьмой части занятой суммы, самое большее—200.000 фунтов. Чтобы уменьшить капитальную сумму этого огромного долга, вступили в переговоры, и банкиры согласились, наконец, уступить, получив за это в подарок «пятьсот квадратных миль» земли, т.е. более 300.000 гектаров. После того правительство продало, тоже английским спекуляторам, железную дорогу из Асунсиона в Вилла-Рику, а благодаря разросшейся колонизации и соответствующему поднятию ценности земель, явилась возможность пустить в продажу огромные пространства пахатной земли. Ежегодное возростание торговли значительно подняло таможенные доходы, которые составляют пять-шестых всего годового бюджета, но всё-таки ещё весьма незначительны; пришлось прибегнуть к выпуску ассигнаций, что вызвало обесценение денег, так что 1 песо золотом равняется 6 песо кредитным. Что касается той части долга, которою Парагвай связан с Бразилией и Аргентиной, то правительство выговорило себе отсрочку, пока оно настолько поправит финансы, что уплата этого долга не поведет к быстрому разорению страны.

Бюджет Парагвая в 1898 году: доходы и расходы сбалансировались в сумме—8.976.255 песо бумажных.

Государственный долг: внутренний—12.085.234, внешний—30.773.089 песо.

Но такая льгота со стороны двух больших могущественных соседей дорого стоит Парагваю, ставя его в полную зависимость от этих государств. Войско состоит из 82 офицеров и 1.500 нижних чинов.

Парагвай разделяется на 23 избирательных округа, из которых три приходится на столицу: эти округа назначают 4 депутатов и 2 сенаторов; сельские округа посылают в Конгресс 32 депутата и 16 сенаторов. Чако составляет особое подразделение.

Глава IV Уругвай

I

Уругвай, самая маленькая из южно-американских республик, обозначается зачастую названием «Восточная Полоса» (Banda Oriental), что свидетельствует уже об её исторической зависимости от Аргентинской республики: это название Восточной полосы применимо лишь по отношению жителей «Западной полосы», т.е. Буэнос-Айреса и аргентинской Месопотамии. Во время колониального режима территория, сделавшаяся впоследствии республикой Уругвай, действительно составляла часть испанских владений, и даже после провозглашения независимости она была до 1815 г. одной из провинций лаплатскаго союза. Но если береговые жители правого берега Ла-Платы считали «Полосу» левого берега принадлежащей к одной и той же естественной области и составляющей один и тот же штат, то с другой стороны португальцы, а затем бразильцы видели в этой полуостровной области, ограниченной океаном, лиманом Ла-Платы и рекою Уругваем, необходимую принадлежность их обширного владения. На этом основании в конце XVII и в XVIII-ом веке два соседних государства энергично оспаривали друг у друга пост Колониа, расположенный против Буэнос-Айреса, и, чтобы иметь возможность угрожать португальцам с тыла, испанцы основали в 1724 г. город Монтевидео, сделавшийся впоследствии столицей Уругвая.

Однако, в 1821 г. бразильцы, воспользовавшись смутами в лаплатской республике, успе-

ли присоединить к себе Уругвай, который они обратили в Цислаплатскую провинцию; впродолжении шести лет они оставались хозяевами этой страны и владельцами всего побережья между Амазонской рекой и Ла-Платой, двумя самыми большими реками континента. Впродолжении нового трехлетнего периода Уругвай составлял часть Аргентинской конфедерации, а когда снова освободился, то сделался ареной «кровопролитной войны», продолжавшейся шестнадцать лет, с 1836 по 1852 г., после которой разоренная страна представляла собою лишь обширную пустыню. Впродолжении союзной войны против Парагвая небольшой штат на берегу лимана сохранял свою автономию только в качестве политической фикции, так как он должен был принять того президента, которого назначат ему победители-бразильцы. Если Парагвай до сих пор ещё остается независимой республикой, то только благодаря соперничеству больших соседних государств; всякое событие, совершавшееся по ту сторону границ, тотчас же отражалось на промежуточной стране. Уругвай волей-неволей должен был принимать деятельное или пассивное участие во всех междоусобных войнах, потрясавших Аргентинскую республику и Рио-Гранде-до-Суль. Однако, несмотря на такое ненадежное положение, страна значительно ушла вперед со времени большой войны. В течение прошлого столетия население увеличилось более, чем в десять раз, а общая ценность продуктивности поднялась ещё в большей пропорции, так как Уругвай пользуется весьма завидными естественными преимуществами—плодородной почвой, здоровым климатом и удобным для торговли положением.

С трех водных сторон—с моря, лимана и реки, Уругвай имеет ясно определенные по договорам северные границы; с восточной стороны границей ему служат небольшая речка Чуй, Лагоа-Мирим и Ягуарао, а на западе река Куараим. Заключенная в таких определенных границах, страна эта легко поддается исследованию, и, действительно, она хорошо известна в своем общем виде, так как плантации и деревни рассеяны во всех частях территории; но рельеф почвы и планы отдельных местностей изучены далеко не во всех деталях. Хотя неоднократно делались съемки земель между обеими окраинами республики, тем не менее страна не имеет ещё карты, достойной этого названия.

Пространство и население Уругвая: 186.920 квадратн. кил.; 841.000 жителей (1897 г.); 4,6 жит. на кв. кил.

Возвышенности Восточной полосы, нигде не превышающие 600 метров высоты, принадлежат к той же горной системе, как и в Рио-Гранде-до-Суль. Хребты и здесь обозначаются названием *cuchillas*, хотя они и не представляют собою острых кряжей, а скорее длинные вершины с отлогими склонами. Большая часть территории покрыта волнистостями, которые отделяют от себя сотни различных массивов, возвышающихся между реками и ручьями. У подошвы этих холмов расстилаются обширные кампосы, т.е. неправильные равнины и, благодаря этому, холмы с своими серыми и голыми верхними склонами кажутся довольно высокими. Некоторые ряды холмов образуют между речными бассейнами длинные горные цепи: таковы кучилла Хаедо, направляющаяся на юго-запад к Пайсанду, и кучилла Гранде, которая, понижаясь ступенями по направлению с севера на юг, выдвигает в море несколько скалистых мысов; между Монтевидео и Малдонадо тянется последняя небольшая цепь, называемая сиерра-а-лас-Анимас, «гора Душ». В северной части республики скалы состоят преимущественно из гранита и гнейса, а пласты вулканического происхождения лежат поверх других формаций. В этих северных областях встречаются месторождения золота, свинца, меди, а также агатов и аметистов, которыми снабжаются гранильни драгоценных камней: все эти камни, которые на берегах Уругвая называют *piedro china*, т.е. «китайский камень», представляют собою древние органические тела, преобразовавшиеся в кремнезем, который заключает в себе нередко водяные капли; некоторые из них сохраняют свой первоначальный цвет[1]; здесь находят также *cocos de mina*, т.е. пустоты в горной породе, наполненные кристаллами, производящими иногда взрывы; туземцы говорят тогда про эти «земные

1 O. Durant Lavoyat, „Un peu de Geologie et de Paleontologie“.

плоды», что они достигли зрелости[1]. Почва равнин покрыта глинистыми слоями, которые от дождей превращаются в грязь; в этих пластах часто находили кости мегатериев и других доисторических животных.

Река Уругвай, давшая свое название этой республике, представляет собою могучую реку уже у города Сальто, где она низвергается водопадом, который, за исключением больших половодий, значительно тормозит судоходство по этой реке. Впрочем, русло Уругвая не вполне ещё уравнено, и некоторые отмели, называемые *Corralitos*, или «небольшие кораллы», затрудняют судоходство для больших судов; во время мелководья толща воды выше Хервидеро («Кипящий») не превышает 3-х метров; согласно проекту по улучшению речного судоходства, навигационный канал между Сальто-Гранде и островом Мартин-Гарсиа будет углублен на 5 с половиною метров, а по берегам устроят шлюзы в тех местах, где теперь выгружают товары при помощи телег с огромными колесами. Ниже река представляет живописный вид своими высокими берегами, своими холмами, поросшими зелеными рощами, своими крутыми поворотами, сразу открывающими новые ландшафты; но глубина её канала обращает реку уже в пролив. За городом Пайсанду,где её ширина достигает 600 метр., река принимает характер лимана, с параллельными берегами, отстоящими один от другого на несколько километров. Берега в этой части течения представляют между собою резкий контраст: западный берег, принадлежащий Аргентинской республике,—низкий, в некоторых местах даже болотистый и тянется до самого горизонта без малейшего выступа; восточный же, напротив того, поднимается террасами и холмами разнообразной конфигурации. Очевидно, Уругвай соединялся прежде с Параной гладкою равниною, затем река постепенно приняла восточное направление, беспрестанно подтачивая основания мысов и отбрасывая обломки на правый берег: это может служить примером того явления естественного размывания, которое, по «закону Бера», заставляет реки южного полушария постепенно захватывать левую сторону своего течения, а реки северного полушария—правую.

Такой же контраст между двумя склонами наблюдается и на притоках Уругвая, из которых более обильные текут со стороны Восточной полосы. Самый значительный из этих данников Рио-Негро обнимает своим бассейном половину территории Уругвая: эта река получила свое название не по цвету её воды, как другие одноименные с нею реки Амазонского бассейна, а по замечательной её прозрачности, благодаря которой в ней с поразительной отчетливостью отражаются все тени; светлая и чистая, река эта резко отличается от других мутных рек, как рио-Верде, рио-Колорадо, рио-Бермехо[2]. Уругвайская Рио-Негро, усиливаемая водами рио-Такуарембо и реки Ий, течет правильно с северо-востока на юго-запад; несколько раньше впадения в Уругвай она поворачивает на юг и огибает, вместе с Уругваем, длинный полуостров Динкон-де-лас-Галлинас, или «Куриное колено». Это—самой природой огороженное поле, которым скотоводы с первых же времен колонизации воспользовались, как пастбищем для скота. Ниже места слияния, Уругвай почти совсем утрачивает характер реки: он разливается в виде озера с почти незаметным течением; по нём, впрочем, легко ходят парусные суда, благодаря постоянному морскому ветру: в самом узком проходе, у Хигуеритаса, речное русло имеет 2 километра ширины. Высокий восточный берег придает очень живописный вид этому лиману, который во время больших половодий принимает в себя воды Параны; маленькия побочные реки расширяются здесь в бухты, куда могут входить суда. В нижнем своем течении, выше островка Мартин-Гарсия, Парана даже и в сухое время года смешивает свои воды с Уругваем. По своим боковым разветвлениям Парана представляет собою настоящий приток Уругвая, хотя, взятая в целом, она катит воды в три раза больше, чем Уругвай. Рано или поздно в гидрологической истории земли, когда землистые частицы, приносимые с гор и равнин, заполнят лиман Ла-Платы, Уругвай обратится в простой приток Параны; в настоящее время он сохраняет полунезависимость; в давно прошедшие геологические времена он был совершенно отдельной рекою. Кроме Уругвая, Восточная

1 Dobrizhoffer, цитированное сочинение.

2 Martin de Moussy, „Description de la Confederation Argentine“

полоса орошается небольшими береговыми ручьями и несколькими речками, которые, посредством Лагоа-Мирим и Сан-Гонсало, принадлежат к бразильскому склону Рио-Гранде. Все эти реки, Себолати, Такуари и Ягуарон (Жагуарон), образующие границу республики, в своем нижнем течении окаймлены болотами и, смотря по времени года, сухому или дождливому, или текут в понизившееся озеро, или широко разливаются по затопленным землям.

Почти весь окруженный водами, Уругвай, в сравнении с областью пампасов, имеет морской климат; впрочем, и здесь разница между крайними температурами весьма велика: в Монтевидео она доходит до 40°. Этот город, лежащий приблизительно на такой же широте, как Алжир в Старом Свете, представляет уже правильное чередование времен года—весны, лета, осени и зимы; впрочем, зима здесь до такой степени мягкая, что жители строго различают только два полугодия—теплое, начинающееся в октябре, и холодное—с мая по сентябрь. Случается иногда, но лишь в виде исключения, что термометр падает ниже точки замерзания вследствие лучеиспускания, происходящего при ясном небе. Самый холодный месяц, июль, соответствует по своей температуре апрелю парижского климата[1]. Внутри Уругвая летняя жара становится иногда прямо невыносимой, что происходит, впрочем, от пожаров, пожирающих кустарник и распространяющих на далекое расстояние целые облака дыма. Главнейшее неудобство уругвайской температуры состоит в довольно резкой разнице между утренней прохладой и дневной жарой. В среднем, эта разница не превышает 6°, но случается, что она достигает 15° и даже 18°; подобное изменение температуры впродолжении 8 часов может быть очень опасно для вновь прибывших в эту страну. Самые сильные отклонения между утренней и дневной температурами бывают весной, т.е. в сентябре и октябре, когда преобладают суровые ветры.

Движение атмосферных течений в долине Уругвая, определяемое формой русла, по которому они идут, главным образом направляется с севера на юг или в обратную сторону. Но в той части побережья, которая обращена прямо к морю, преобладающим течением в теплое время года является юго-восточный ветер, представляющий в этих морских пространствах нормальный пассатный ветер; он дует также и в холодное время года, но тогда вперемежку или с северными ветрами, или с *pampero*, дующим с юго-запада. Этот ветер, самый опасный, но наилучше обновляющий воздух, называется здесь «живительным»: он очищает небо от всех паров, скопившихся там от материковых ветров, разносить пыль и туманы, осушает сырую почву и, сопровождаемый иногда небольшими морозами, убивает всех животных, вредящих растениям. Иногда также пассатный ветер бывает бурным, подобно *памперо*, тогда его называют *su-estada*. Он всегда сопровождается проливными дождями, а зачастую также громом и непрерывной молнией.

На уругвайском побережье воздух обыкновенно влажный, в среднем 0,87. Росы там очень обильны, и после захода солнца избыток водяных испарений разрешается дождичком, до того частым, что его скорее можно принять за туман, который хотя и не заметен, но чувствуется обильным осадком влаги как на платье, так и на земле. Зачастую также выпадают проливные дожди. Хотя число дождливых дней в Уругвае значительно меньше, чем в Западной Европе, однако годовое выпадение его превышает 1 метр; впрочем, год на год не приходится, и иногда разница увеличивается почти вдвое. Определенного сезона дождей в Уругвае не существует; большею частью они совпадают с периодом перехода от тепла к холоду. На морском побережье большая часть дождей разражаются грозами, почти всегда очень сильными, и сопровождающимися иногда градом.

Метеорологические условия в Монтевидео, по Мартину-де-Мусси: число годов наблюдений—10; широта: 34°54'; температура: максимальная 41°; средняя 16°,8, минимальная 0°. Дождливых дней 36; высота дождей 1 м., 106.

Уругвай уже не отличается таким богатством флоры, как южные части Бразилии, по крайней мере до долины реки Жакухи. На берегах рек и на островах Уругвая наряду с такуарой, или бразильским бамбуком, встречаются также дикия пальмы, именно пальма ятай

1 Martin de Moussy, цитированное сочинение;—Feris, „Archives de medecine navale“.

(cocos yatai), но южнее Ринкон де-лас-Галлинас их уже не видно; внутри страны большой лес редеет и не представляет уже того удивительного разнообразия древесных пород, какая замечается в *selvas*'ах и *mattas*'ах Бразилии; гибкия лианы не обвивают уже своими цепкими гирляндами больших деревьев, а араукарий, характерного растения кампосов, здесь совсем нет. На юге тянутся гладкия равнины, без древесной растительности; кое-где только на холме виднеется одинокое омбу, характеристическое дерево лаплатской пампы.

По фауне Уругвай также скорее приближается к Аргентинской республике, чем к Бразилии. Обезьяна-ревун, встречающаяся ещё в лесах на верховьях реки, совсем исчезла из береговых округов, лежащих по нижнему течению Уругвая; в лиманах не видно более кайманов; гремучая змея распространена ещё до скалистых долин Минаса и Мальдонадо. Дикий страус очень редок, но с 1874 г. его стали разводить на многих мызах. Лаплатские воды, омывающие берега «Восточной полосы», изобилуют всякого рода рыбой, и в течение девятилетней осады Монтевидео, с 1843 по 1851 г, жители его питались исключительно продуктами своей ловли, район которой был до крайности ограничен неприятельской эскадрой[1]. В окрестностях Мальдонадо один земной крабб, похожий на ямайского *cancer ruricola*, выкапывает себе норы в сухом песке, вдали от моря и лагун.

Во время прибытия испанцев в бассейн Ла-Платы полуостровная область, омываемая на юге заливом, была населена различными индейскими племенами, которых новые пришельцы хотели немедленно укротить и обратить в своих рабов. Это им удалось по отношению некоторых племен,—может быть, гуаранского происхождения,—которые жили на левом берегу Уругвая и на его островах. Племена яро, бохан, чана тотчас же признали над собою власть испанцев, и вскоре после того совершенно исчезли с лица земли, отчасти вследствие скрещивания, отчасти в сражениях с индейцами, оставшимися свободными. Эти последние, принадлежавшие к племени чарруа, считались самыми красивыми среди всех туземных народов: более рослые, чем европейцы, воздержные, ловкие и сильные, обладавшие замечательно развитыми слухом и зрением, они отличались сильным характером и необыкновенным хладнокровием, что делало их терпеливыми ко всякого рода страданиям: «даже смерть они принимали безропотно»[2]; вместе с тем они были очень храбры, так что испанцам пришлось завоевывать их владения лишь шаг за шагом; в борьбе с таким врагом, пришельцы решились колонизировать страну не иначе, как водворяясь только в укрепленных станах. Сначала чарруа во время битв употребляли только стрелы и дубины; когда же в стране были введены лошади, они быстро научились владеть копьем и лассо, орудиями пампасских индейцев. В середине XVIII-го века чарруа были оттеснены к северу от Рио-Негро, но им явилось вскоре подкрепление в лице индейцев минуан, которые, не имея возможности удержать за собою берега Параны, переправились в Уругвай. «Чарруасов было всего только восемьсот воинов», говорит Азара, «но они стоили испанцам больше крови, чем многочисленные войска Инки и Монтезумы». Окончательно они были побеждены и взяты в плен в 1831 году: некоторых из них недостойным образом продали одному антрепенеру странствующего цирка, и последний из этих несчастных индейцев умер в одной из Парижских больниц[3]. Нет никакого сомнения, что кровь чарруасов, как и кровь других туземных индейцев, вошла в жилы «ориенталов» Ла-Платы: в Уругвае произошло такое же смешение, как и в остальных частях Южной Америки,—сначала между испанскими солдатами и туземными жителями, а затем между их потомками метисами и эмигрантами всех наций, которые в годы деятельной торговли тысячами прибывают в порт Монтевидео. Среди испано-американцев «восточный» тип—один из самых красивых.

1 Martin de Moussy, цитированное сочинение.
2 Felix de Azara „Voyages dans l'Amerique meridional".
3 Emile Daireaux, „Revue des Deux Mendes", 1-er nov. 1876.

II

По выходе из Бразилии, Уругвай орошает деревню Санта-Роза, которую строящийся железнодорожный виадук вскоре соединит с лежащим на противоположном берегу городом Монте-Казерос. Восточный берег реки населен мало до самого города Сальто или «Водопад», названного так по водопаду, заграждающему в этом месте течение Уругвая. Этот город, третий в республике по числу жителей, занимает место, предназначенное быть торговым центром, так как пароходы, идущие снизу, волей-неволей должны здесь останавливаться, за исключением разве времени половодья, и высаживать пассажиров и выгружать товары.

Движение судоходства в Сальто в 1891 г.: 1.626 судов, вместимостью 403.922 тонны.

Построенный на нескольких холмах и расположенный амфитеатром по длинному высокому речному берегу, Сальто представляет грандиозный вид; несмотря на это, до середины истекшего столетия он был простою скромною деревнею; первые его домики были построены в 1817 году. В действительности Сальто составляет один общий город с Конкордией, расположенной напротив, на аргентинском берегу Энтрериоса: между этими двумя городами река имеет всего один километр ширины. К югу открывается долина реки Дайман, окаймленная плантациями, принадлежащими по большей части английским землевладельцам: она носит имя одного из них.

Пайсанду, лежащий на том же берегу Уругвая,—более древнего происхождения, чем Сальто: он основан в 1772 г. одним священником, отцом Санду, который сгруппировал вокруг себя несколько семейств. Он занимает такое же местоположение, как Сальто, на высоком берегу реки, у входа долины, окруженной культурными полями и пастбищами, почти напротив Колона, который, так же, как и Конкордия, принадлежит к Энтрериосу. Пайсанду, второй город «Восточной полосы», величает себя передовым городом маленькой Уругвайской республики; но это честолюбие стоило ему многих невзгод: в 1864 г. он был почти совсем разрушен бразильским флотом, после чего он однако снова возродился ещё более деятельным и богатым.

Движение судоходства в Пайсанду в 1891 г.: 2.867 судов, вместимостью 740.503 тонны.

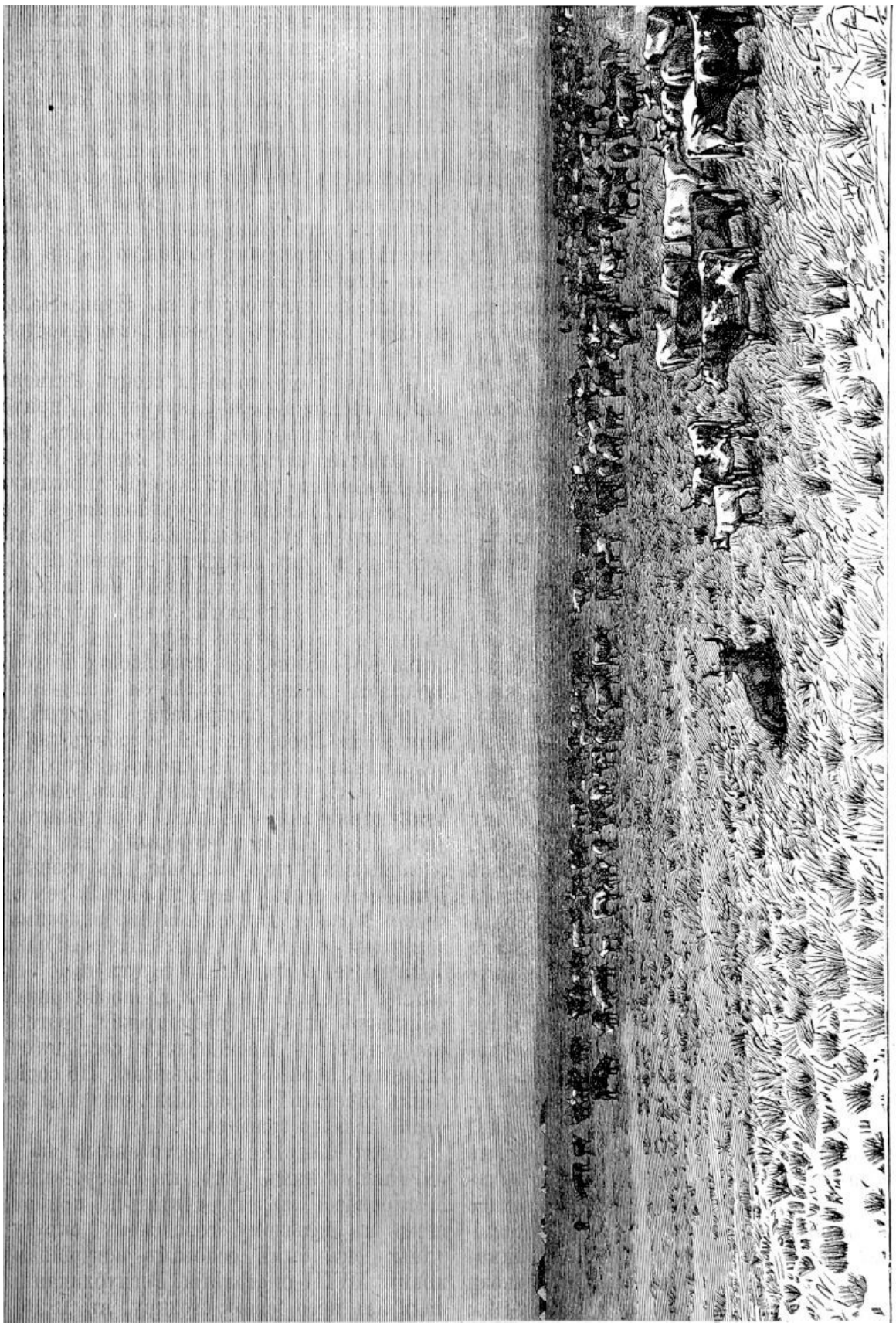
Пайсанду причастен к промышленности, главный центр которой в Лаплатских государствах находится ниже по реке, в Фрай-Бентосе, называемом оффициально Индепенденсиа. В 1863 г. этот «Брат Бенуа» представлял собою не что иное, как часовню, в окрестностях которой было рассеяно несколько хижин; но явившийся сюда один ловкий спекулятор сразу облюбовал это береговое местоположение и устроил здесь скотопригонный двор с бойнею и знаменитый завод, на котором приготовляется «экстракт Либиха». Место это выбрано очень удачно, так как скот без всякаго труда подвозится по верхнему Уругваю, Парагваю, Гуалегуайчу и Рио-Негро. Этот завод, представляющий небольшой городок, вмещает в себе почти двух-тысячное население, а во время периода убоя, здесь убивают ежедневно до тысячи животных. Движение местной торговли, обусловливаемое потребностями обширного *saladero*, делает из Фрай-Бентоса третий, а иногда даже второй речной порт в республике.

Движение судоходства в Фрай-Бентосе в 1891 г.: 4.047суд, вместимостью 868.682 тон.

Река «Черная», впадающая в Уругвай ниже полуострова Фрай-Бентос, орошает половину территории Восточной полосы, и к её бассейну принадлежат несколько значительных городов. Один из них, Ривера, расположенный у истока одного из главнейших притоков, образует одно общее с Санта-Анна-де-Ливраменто, лежащей на Бразильской территории: одна лишь фиктивная граница отделяет эти два местечка и две республики. Река Кунапиру, берущая свое начало близ Риверы, пользовалась некоторое время большою славою после того, как один крестьянин, промывая береговой песок, нашел большие куски самородного золота. К Кунапиру и к соседним с ней долинам хлынула целая толпа горнопромышленников, которые, как говорят, извлекли значительное количество золота. Однако, одна французская компания, потеряв там миллионы франков своих акционеров, должна была оставить это Эльдорадо, предоставив его золотопромышленникам, которых думали оттеснить. Кунапируское зо-

лото происходит из породы белого кварца, который встречается прожилинами в гранитных скалах.

Такуарембо, называвшийся прежде Сан-Фруктуозо, представляет собою простое местеч-

Пампасы.

ко, окруженное персиковыми садами, хотя и служит складочным местом для северной торговли. Другой город, Дуразно, стоящий при реке Ии, на пол-дороге между Такуарембо и Монтевидео, превратился из военной колонии в земледельческий рынок. Здесь в 1828 году

поселили индейцев из территории Миссий, изгнанных бразильскими колонистами; но, вместо того, чтобы предоставить этим изгнанникам мирно обработывать свои земли, их обратили в солдат, которые почти все погибли в междоусобных уругвайских войнах; из их именно среды был генерал Флорес, которого бразильские победители поставили в 1865 году во главе республики. Город Мерседес, расположенный на берегу Рио-Негро, в том пункте, с которого она становится судоходною для пароходов, стоит почти у самого устья реки.

Торговое движение Мерседеса в 1891 г.: 1.545 судов, вместимостью 577.599 тонн.

Деревня Сориано, лежащая при самом месте слияния рек, не имеет почти никакого значения, несмотря на свое выгодное местоположение на берегу реки, соединяющейся в этой части своего течения с лиманом; закладка этого селения была положена в 1624 г., почти за век до Монтевидео; там ещё до сих пор существует часовня, сооруженная Бернардо-де-Гуцманом для индейцев чана, которые просили у испанцев покровительства против чарруа. Другой пост, основанный Себастианом Кабо в нескольких километрах ниже Сориано, по близости нынешней деревни Сан-Сальвадор, не оставил ни малейшего следа своего прежнего существования.

Против устьев Параны, в том месте, где лиман, имеющий раньше 10 километров ширины, суживается почти до двух километров, ограничивая собою превосходный рейд, расположены местечки Хигуеритас, или Нуева-Пальмира, и Кармело иначе Лас-Вакас: в этом естественном бассейне, глубиною в 20—25 метров, могли бы разместиться целые флоты; южнее, несколько илистых островков способствуют засыпке лимана и постепенно соединяются с островком Мартин-Гарсиа.

Движение судоходства в Нуева-Пальмира в 1891 г.: 1.985 судов, вместимостью в 688.084 тонны.

На конце одного мыса стоит знаменитый город Колониа-дель-Сакраменто, приходясь как раз напротив Буэнос-Айреса: иногда, в затишье, наступающее перед бурей, в Колонии можно видеть как бы опрокинутым в водах залива противуположный город, с судами на его рейде. Колониа—город небольшой, но он владеет лучшею после Хигуеритаса якорною стоянкою на лимане Ла-Платы: суда пристают здесь круглый год, находя себе отличную защиту в одном небольшом архипелаге островков; поэтому эта пристань, вскоре после её основания, в 1679 г. горячо оспаривалась португальцем Маноэлем-Лобо, который устроил там контрабандный пост. По близости этого города, на берегах ручья Мартин-Чико, был убит индейцами чарруа великий мореплаватель Солис. От Колониа, который так хорошо оправдывает свое название, в разные стороны разрослись многочисленные земледельческие колонии, заселенные европейскими эмигрантами: одна из них, Нуева-Гельветиа, была, о чем свидетельствует само её название, основана в 1862 г. швейцарцами; в Вальденсе живут пьемонтские протестанты вальденцы; в Космополите сосредоточились главным образом итальянцы. По соседству, близ деревни Розарио, были открыты залежи превосходного графита.

Город Сан-Хозе, построенный на одноименной с ним реке, к северо-западу от Монтевидео, может считаться принадлежащим к большому городскому округу столицы; он был основан астурийцами в конце XVIII-го столетия. Республиканцы сделали из него свою столицу в 1825 г. во время их войны с Бразилией, и с той эпохи город этот был целью всех междоусобных войн; несмотря на это, развитие его быстро шло вперед, не уступая развитию Флориды, лежащей в том же речном бассейне, на берегу Арройо-Пинтадо, через которую перекинут прекрасный виадук северной железной дороги. Сады, рощи и цветники, окружающие дома Флориды, вполне оправдывают данное ей название «Цветущая». Деревня Итуцаинго, расположенная близ Флориды, на берегах реки Санта-Люсиа, напоминает решительную победу, одержанную в 1827 г. аргентинцами над имперскими войсками Бразилии.

Монтевидео, столица Уругвая,—не самый старый город этой республики: губернатор Буэнос-Айреса, Забала, построил здесь первые дома с целью завладеть восточным берегом лимана и предупредить португальских завоевателей; но в течение нескольких лет вновь основанное поселение представляло собою исключительно военный пост: первые колонисты,

сгруппировавшиеся вокруг крепостцы, прибыли из Галиции и с Канарских островов в 1726 г.: всякое судно, нагруженное винами или другими товарами, не имело права выгружать свои товары, если не привозило с собою нескольких семейств колонистов[1]. Уничтожение торговой монополии Кадикса в 1778 г. и открытие порта Монтевидео для свободной торговли сразу привлекли сюда иностранцев, и в конце столетия новый город занимал уже первое место среди приморских городов Южной Америки; ценность его внешней торговли достигла тридцати пяти миллионов франков. Затем наступили тяжелые времена революции и борьбы за независимость: Монтевидео пострадал больше всех других лаплатских городов, но с честью вышел из этого испытания. В течение девяти лет, с 1842 по 1851 гг., *Colorados*, или «Красные», мужественно защищали «Новую Трою», вместе с гарибальдийцами и французскими басками. Генерал Орибе, наместник Розаса, узнав о бедствии, постигшем его начальника в Монте-Казеросе, снял с города осаду, и лаплатцы должны были провозгласить принцип «свободы рек», который столица Уругвая защищала против Буэнос-Айреса. Со времени этого триумфа Монтевидео вырос, не сравнявшись, однако, с городом противуположного берега, столицей более обширной страны и центром более значительной торговли. По приблизительным исчислениям, Монтевидео занимает, по населению, четвертое место в Южной Америке, тогда как в первом году истекшего столетия в нём насчитывалось всего только 3.500 жителей.

Монтевидео занимает отличное местоположение, на высоком полуострове, выступающем по направлению к западу; на северной стороне города расстилается полукругом бухта, оканчивающаяся, против Монтевидео, мысом, на котором стоит, на высоте 148 метров, гора Серро, указывающая судам вход в порт. Выставленный свежим морским бризам и господствующий над живописным горизонтом берегов, Монтевидео—один из красивейших городов Америки. Построенный по склонам полуостровного холма, он громоздит свои постройки амфитеатром на многочисленных террасах, откуда открывается чудный вид на порт, бухту и на отдаленный рейд; в богатых домах имеются *miradores*'ы, защищающие от солнца и дождя. Постройки, которым здесь не угрожают, как в Чили, землетрясения, отличаются более значительною высотою, чем в Вальпарайзо; но в ширину надо было соблюдать экономию пространства: население здесь, так сказать, гнездится друг-на-друге; в этом отношении Монтевидео имеет почти европейский характер. Окна нижних этажей защищены с наружной стороны решетками, заменяющими ставни, какие делают в Испании; внутренний двор, или *patio*, засажен кустами, которые орошаются мелкими брызгами фонтанов. Несколько красивых зданий—банки, театры, биржа—находятся в нижней части городского мыса, где ещё недавно возвышались остатки бывших испанских укреплений, от которых теперь не осталось и следа. Столица Уругвая имеет все большие учреждения, свойственные первоклассному городу, между прочим—университет, курсы которого посещаются преимущественно юристами, будущими политическими деятелями и законодателями. Улицы оживлены так же, как в европейских городах; по движению своих трамваев, составляющих единственное дешевое средство сообщения, Монтевидео соперничает с Рио-Жанейро и далеко превосходит Париж.

Конно-железные дороги в Монтевидео в 1890 г.: длина линий в километрах—171; число лошадей и мулов—3.894; число перевезенных пассажиров—20.300.000.

Порт Монтевидео, кажется, ухудшился с тех пор, как на его берегах поселились испанцы; вокруг всей бухты у краев дно покрылось илистыми наносами; в то время как обыкновенный тоннаж судов возрастал, толщина слоя воды на рейде всё более и более уменьшалась, и порт этот, некогда хвалимый моряками, теперь уже считается небезопасным. По планам города, изданным в разные времена, можно судить, какие большие перемены произошли в Монтевидеоском порте. Правда, не мало сделано по части улучшения его: устроены набережные, сооружены волнорезы, плоский песчаный берег обнесен вертикальными стенами, служащими местом прогулок, у подошвы Серро вырыты доки; но гонимые с юга волны беспрепятственно входят в порт, и до сих пор ещё не найдены необходимые миллионы для

1 Muratori, „Paraguai“.

устройства в открытом море защитительной плотины. Только суда 3—4 метровой осадки могут свободно входить в порт, защищенный городским полуостровом, транс-атлантические же пароходы должны бросать якорь в открытом море, почти всегда бурном. Несмотря на эти неудобства рейда, Монтевидео удержал за собою значение торгового центра, благодаря своему завидному географическому положению, у входа в лаплатские области, что доставляет ему столько важных преимуществ: здесь имеют свою пристань двадцать больших пароходных линий, а устроенные вокруг порта и против самого города, у основания холма, доки дают судохозяевам возможность чинить суда, потерпевшие крупные аварии. Карантинная станция, находившаяся прежде в самом порте, на острове лас-Ратас, теперь перевезена на лежащий среди открытого моря остров Флорес, находящийся в двадцати километрах восточнее.

Торговое движение в Монтевидео в 1890 г.: ввоз—28.700.000 песо, или 154.900.000 фр.; вывоз— 16.600.000 песо, или 89.640.000 франков.

Движение судоходства в порте Монтевидео в 1897 году: прибыло из-за границы—1.126 мореходных судов, вместимостью 1.904.626 тонн; вышло за границу—1.024 судна, вместимостью 1.796.529 тонн.

По речной и каботажной торговле: пришедших—2.439 судов, вместимостью 621.406 тонн; отшедших—2.447 судов, вместимостью 621.244 тонны.

Был возбужден вопрос о сооружении большого порта в глубоком месте, в бухте Бусео, в десяти километрах к востоку от Монтевидео, уже вне рейда; но с одной стороны проекты английского инженера оказывались слишком дорогими для того, чтобы ими можно было воспользоваться, а с другой—горячими противниками нового порта выступили местные негоцианты, которым выгоднее было удержать центр торговли на оконечности полуострова.

Местная промышленность, отличающаяся таким же разнообразием, как и во всех других больших городах, главным образом сосредоточивается в огромных *salederos*'ах, устроенных по склонам Серро, откуда запах крови и битого мяса зачастую разносится по городу. Большая часть фабрик принадлежит иностранцам, а садоводство почти исключительно находится в руках басков: они разводят в окрестностях великолепные древесные питомники. Но городские постройки всё более и более захватывают сады, так что вокруг рассеянных вилл группируются целые предместья, входящие таким образом в городские кварталы. В праздничные дни толпы народа тянутся по направлению к Пазо-Молино, Униону и другим дачным местностям: одним из наиболее излюбленных загородных мест является Серрито, господствующее над великолепною панорамою города, с его бульварами, портом и рейдом. Летом массы горожан разъезжаются по купальным курортам—в Плая-Рамирес и Поситос, которые лежат уже на океанском берегу. Опоясывающие Монтевидео железные дороги соединяют его со всеми значительными пунктами морского и речного побережий. Некоторые из этих городов, расположенные в департаменте Канелонес, окружающем Монтевидео с северной и восточной сторон, именно—Пиедрас, Канелонес, Сауце и Пандо, служат резиденцией многим городским негоциантам. Чистая вода, которою пользуется столица, получается из реки Санта-Люсиа, протекающей по гранитному руслу в 53 километрах к северу: водопроводная башня, устроенная в Пиедрасе на высоте 30 метров над уровнем плоскости, вмещает 12—15 миллионов литров воды.

Мальдонадо, построенный на берегу полукруглой бухты, подобной бухте Монтевидео и защищенной с восточной стороны самым южным мысом на всём уругвайском побережье, представляет лучшую якорную стоянку, чем столица; но он слишком отдален от устья рио-Ла-Платы, и суда пользуются этою гаванью весьма редко или тогда, когда революция делает опасным пребывание в Монтевидео. Этот небольшой город был основан испанцами из Рио-Гранде, изгнанными португальцами; здесь нередко высаживались искатели золота и драгоценных камней, в надежде обогатиться в металлоносных долинах Минаса по ту сторону холмов, которые ограничивают с севера склон Мальдонадо; но это Эльдорадо пока ещё не дало своих сокровищ. Соседнее побережье, образующее угол континента между лиманом и Ат-

лантическим океаном, освещается несколькими маяками; следовало бы также возобновить освещение прежнего маяка, на острове Лобос, или «Тюленей», расположенном в открытом море, против мыса Мальдонадо; но владелец местного тюленьего промысла, боясь, что свет будет пугать этих животных, упросил правительство погасить этот маяк[1]. Тюлени ловятся по всему побережью, между Мальдонадо и мысом Санта-Мариа. Муратори рассказывает, что «морские волки» подплывали прежде к самым судам и очень внимательно рассматривали, людей, скрежеща зубами, подобно обезьянам.

Главный город океанского побережья, Роча, построен не на самом берегу, а близ пруда, отделенного от моря песчаной стрелкой. Самые значительные города этого склона расположены в бассейне лагуны Мирим: Треинта-и-Трес («Тридцать Три»), названный так в честь «тридцати трех» героев, которые перешли в 1825 г. Уругвай, дав клятву изгнать бразильцев; Нико-Перес, конечная, в 1893 г., станция железной дороги, которая соединит Монтевидео прямо с Рио-Гранде-до-Суль; Мело или Серро-Ларго, которому пророчат великое будущее по эксплоатации гранита, порфира, свинца, меди и каменного угля; Артигас, составляющий один город с бразильским Ягуарао, расположенным на противуположном берегу одноименной с ним реки Жагуараон или Ягуарон.

Главные города Уругвая, с их приблизительным населением: Монтевидео—200.000 жителей; Пайсанду—20.000; Сальто—12.000; Мерседес—9.000; Сан-Хозе—7.000; Серро-Ларго (Мело)—6.000; Роча—6.000; Санта-Люсиа—5.000; Фрай-Бентос—5.000; Минас—5.000 жителей.

III

Статистика Уругвая, ведение которой, благодаря незначительному пространству этой страны, не сопряжено с большими затруднениями, может, по всей вероятности, считаться одной из точнейших во всей Южной Америке. После Вальяна, который долгое время старательно руководил статистическими работами в стране, это дело продолжало вестись в том же духе и по той же методе: подробные статистические сборники издаются каждый год.

Население Уругвая увеличивается очень быстро, несмотря на продолжительную осаду Монтевидео и междоусобные войны, нередко опустошавшие целые деревни: период удвоения количества населения, подвергаясь колебаниям в зависимости от политических волнений, эпидемий и отливов и приливов эмиграции, охватывает 18—19 лет.

Число жителей «Восточной полосы» в разные эпохи: в 1796 г.—30.683; в 1829 г.—в 74.000; в 1852 г.—131.900; в 1860 г.—221.300; в 1883 г.—476.000; в 1891 г.—701.800.

Избыток рождаемости над смертностью составляет лишь половину всего значительного прироста населения: другая половина приходится на иммиграцию.

Рождаемость и смертность на Восточной полосе с 1889—1891 гг.: рождений: 83.576; смертей: 41.202; перевес первых 42.374.

Заселение этого края шло ещё бы быстрее, если бы все прибывающие сюда европейцы оставались в этой стране, но многие из них смотрят на Монтевидео лишь как на аван-порт Аргентинской республики: прожив здесь некоторое время, они продолжают свой путь к Буэнос-Айресу.

Количество иммигрантов, высадившихся в Монтевидео: с 1835 по 1852 год—36.000; с 1853 по 1872 год—171.000; с 1873 по 1890 год—224.000; всего с 1835 по 1890 год—431.000; в 1897 году иммигрантов—9.140, эмигрантов—6.779.

Так как большинство переселенцев из Старого Света приходится на мужской пол, то женский составляет в населении Уругвая значительное меньшинство.

Количество мужчин в Уругвае—398.000, т.е. 56,7%: женщин—303.800, т.е. 43,3%.

Так же, как в Бразилии и Аргентине, первое место среди иммигрантов занимают итальянцы; иммигранты составляют в Уругвае почти две пятых всего населения; из них ита-

1 M. G. and E. T. Mulhall, „Handbook of the river Plate“.

льянцы—седьмую часть; затем следуют испанцы, бразильцы, аргентинцы и французы. Это распределение жителей по месту их происхождения замаскировывает то значение, которое с 1836 г. приняла в Восточной полосе иммиграция эвскарийцев. Баски не были внесены в списки отдельно, но они, по всей вероятности, составляют более половины 98.000 испанцев и французов, населяющих Уругвай. Нигде в другом месте вне своей родной страны эвскарийцы, увлекшие за собой значительную эмиграцию беарнцев, не сгруппировались более тесным образом, чем здесь, хотя они и не поддерживают национальной связи. Эчегараи, Эчебарны, Гариспы постепенно растворяются в объиспанившейся массе.

Земледелие и скотоводство составляют главное богатство «Восточной полосы», и, благодаря разростанию населения, поля и сады стали всё более захватывать пастбища. В 1891 г. вся поверхность земли, засеянная кукурузой, пшеницею и другими хлебными растениями, занимала 460.000 гектаров, т.е. сороковую часть всей территории; за семь лет перед тем культурных полей было вдвое меньше[1]. Урожай пшеницы и других хлебных растений превышает нужды местного потребления. Виноград, разводимый по французской системе, но уже пораженный филлоксерой, распространен главным образом в окрестностях Сальто. Что касается скотоводства, то стада действительно могут считаться грандиозными в сравнении с европейскими; впрочем, количество быков и лошадей несколько уменьшилось; зато стада баранов разрослись в короткое время до того, что в течение двух лет, с 1891 г. по 1893 г., количество их увеличилось более, чем на 2 миллиона голов; так как в общем поверхность свободной земли значительно уменьшилась, хотя отдельным лицам и финансовым обществам принадлежат ещё огромные *estancios*, то весьма естественно, что мелкий скот преобладает над крупным, который пасется в полудиком состоянии. Мёлхол исчисляет годовые доходы со скотоводства в Уругвае в 185 миллионов франков, а с земледелия—в 60 миллионов; значительнейшая часть этого дохода принадлежит иноземным землевладельцам.

Скотоводство в Уругвае:

	1860 г.	1884 г.	1890 г.	1897 г.
Лошадей	740.000	670.000	360.000	358.067
Крупного рогатаго скота	5.220.000	6.830.000	5.280.000	4.958.772
Баранов	2.590.000	10.540.000	13.760.000	14.447.714

Долги под залог земельной собственности, исчисленные в сумме свыше 100 миллионов франков, лежат тяжелым бременем на уругвайских землевладельцах. Территория республики заключает в себе 20.000 городских имуществ и 25.000 сельских, т.е. 45.000 участков, превышающих своею ценностью 600 пиастров или 3.000 франков, и следовательно подлежащих налогу. Принимая в рассчет состав семей, можно придти к тому заключению, что половину уругвайцев составляют земледельцы. Из статистических данных о земельной собственности видно, что более половины всей территории находится во владении иностранцев, главным образом басков и итальянцев: на границах Рио-Гранде самыми богатыми помещиками являются бразильцы. В Монтевидео две трети всего недвижимого имущества принадлежат заморским уроженцам.

Статистика земельной собственности в 1891 г.: Уругвайцы: 22.774 владельцев; 119.240.000 песо—общая ценность; в среднем, 5.200 песо на каждого. Иностранцы: 25.018 владельцев; 137.160.000 песо—общая ценность; 5.500 песо на каждого. Итого: 47.792 владельцев; 256.400.000 песо—общая ценность; 5.300 песо на каждого.

В Уругвае естественно имеются те же роды промышленности, какие существуют в Европе, так как все ремесленные корпорации, все профессии представлены европейскими иммигрантами, явившимися сюда с полным запасом молодой силы и смелостью воли. Главным промыслом в Уругвае, как и в соседних с ним Аргентине и Рио-Гранде-до-Суль, является производство мяса: относительно своей территории и количества населения Восточная полоса по этого рода деятельности даже превзошла своих соседей. В прежнее время, когда скот свободно пасся на пастбищах, самою трудною работою на *estancias* было загнать животных в

1 M. G. and E. T. Mulhall, цитированное сочинение.

узкое пространство *rodeo*, где *peones*, или волопасы, вооруженные *lazo*, скакали верхом на коне вокруг животных и последовательно ловили их одно за другим, чтобы отметить на них каленым железом инициалы владельца и сортировать скот для продажи, убоя или на племя. Но эти устарелые способы практикуются теперь только в северных округах: в южных областях, где земля ценится дороже, саванны уже больше не предоставляются в полное распоряжение скота: для пастбищ отведены известные ограды, где скот находится под наблюдением пастухов; вообще его теперь держат уже в домашнем состоянии; поднятие цен на скот вызвало и более старательный уход за ним. Ежегодно убивают более миллиона животных, частью для местного потребления, при чём, в среднем, на каждого приходится по одному быку, частью же для вывоза мяса, шкур и других продуктов скотоводства.

Для вывоза мяса прямо в свежем виде делались различные опыты при помощи охладительных приборов; но эти попытки пока ещё не удались вполне, так как искусственное замораживание мяса делает его менее вкусным[1]. Поэтому продолжают почти всю убоину обрабатывать в *saladeros*, как и в первые времена примитивного убоя. Но в настоящее время работа ведется более методически. Убой скота урегулирован более разумным распределением труда и применением усовершенствованных орудий: животные входят во двор бойни, где на каждое из них последовательно набрасывается роковая петля, конец которой прикреплен к вороту, движущемуся посредством паровой машины; бык, загнанный в узкий проход, задерживается под поперечным бруском, у которого стоит мясник: голова животного упирается на мгновение в дерево, и роковой удар ножа поражает спинной мозг. Убитая туша падает в железную тележку, которая постепенно подкатывается то к одному, то к другому рабочему, на обязанности которых лежит: отрубать голову, сдирать шкуру, выпускать кровь и потрошить тушу, после чего она, ещё теплая, вешается на крючья или кладется в большой котел, где происходит отделение жира и костей; более деликатными химическими операциями разделяют и дозируют различные ингредиенты, служащие для приготовления мясного экстракта. В больших саладеросах не пропадает даром ни одна частица; утилизируется решительно всё—шкуры, сало, кости и всевозможные отбросы, которые перерабатываются в гуано.

Внешняя торговля «Восточной полосы», четыре пятых которой состоят из продуктов саладеросов и из скота, разростается с каждым десятилетием, хотя революции, эпидемии и финансовые кризисы неизбежно влекут за собою застой в делах: об этом можно судить по колебаниям оффициальной ценности земель, которые в 1889 г. котировались вдвое дороже, чем в следующем году.

Вывоз мяса, шкур и шерсти в 1890 г. простирался до 23.440.000 песо, или 126.576.000 франков.

Общее состояние народного богатства в Уругвае в конце 1892 г.: 2.727.000.000 франков, т.е. в среднем, 3.840 франков на каждого жителя.

Внешняя торговля (специальная) в Уругвае в 1899 г.: ввоз—24.000.000; вывоз—37.000.000 песо золотом.

Главным клиентом Уругвая состоит Великобритания, а после неё Франция, которая по закупке шерсти конкуррирует с Бельгией; затем следовали, по порядку важности, в 1898 г.: Аргентина, Бразилия, Бельгия, Германия, Соединенные Штаты и Испания. В порте Монтевидео сосредоточивается более двух третей всей торговли и почти три четверти всего судоходства.

Движение судоходства в портах Уругвая в 1898 г.: в приходе—14.685 судов, вместимостью 6.829.730 тонн; в отходе—14.392 суд., вместим. 6.817.310 тонн.

В сравнении с громадным движением судоходства, сухопутная торговля идет довольно вяло. Железные дороги, первая линия которых была открыта в 1869 г., далеко ещё не заполняют своею сетью всех частей республики и даже не развернулись ещё полным веером вокруг Монтевидео; впрочем, они достигают уже бразильской границы.

Состояние уругвайских железных дорог к 1 января 1891 г.: общая длина линий—1.612

1 Simonnet, рукописные заметки.

километров; стоимость их постройки—362.500.000 франков; количество пассажиров, перевезенных в течение года—630.000; перевезенных товаров—510.000 тонн. В конце 1898 г. длина железных дорог—1.625 километров.

Поперечной линии, которая соединяла бы берега Уругвая с океанским побережьем или с лагуною Мирим, пока ещё не существует, и от одного до другого берега приходится всегда делать большой объезд через Монтевидео. Зато телеграфная сеть втрое больше железнодорожной. По количеству своих телеграфных и почтовых сношений Уругвай, относительно численности населения, занимает среди южно-американских государств одно из первых мест; по почтовой корреспонденции он стоит даже впереди многих европейских наций.

Длина телеграфных линий Уругвая в конце 1898 г.: 7.286 километров; количество переданных телеграмм— 346.000; пересланных по почте отправлений—32.200.000.

Что касается народного образования, то Уругвай в этом отношении далеко опередил своих двух соседей: Бразилию и Аргентину. Начальных общественных школ в 1897 г.: 535, с 45.614 учащихся; частных школ: 346, с 21.733 учащихся.

Число учащихся составляет почти одну десятую всего населения. В округах, соседних с границею Рио-Гранде, где скопилось множество португальских эмигрантов, учителям дан приказ преподавать на испанском языке, как национальном. Большая часть населения состоит из католиков, но допускается полная свобода вероисповеданий. В 1889 г. во время переписи в Монтевидео, 3.524 человека объявили себя «свободомыслящими», а 6.955 «не признающими никакой религии».

IV

Государственное устройство Уругвая того же типа, как и в американских республиках: та же всеобщая подача голосов, те же две палаты и та же президентская власть. Как и в других государствах, конституция была не более как документом, подлежащим сдаче в архив, предлогом к присягам, которые не будут соблюдаемы; торжество той или другой партии зависело от силы, хитрости, финансов, иногда также поддержки из-за границы. Зачастую значительные таможенные доходы употреблялись совершенно произвольно не на то, на что бы следовало, и даже учитывались вперед, отягощая страну долгами, по которым она не могла уплачивать проценты.

Бюджет финансового года, оканчивающагося 30 июня 1900 г. (в pesos nacionales; 1 песо=5 франков 44 сантим.): доходы—16.124.324; расходы—16.123.921; долг (к 1 янв. 1900 г.)—127.159.529 песо. .

В среднем с 1880 г. по 1890 г. годовые доходы равнялись 57 миллионам франков, а расходы—85 миллионам. Половину доходов доставляет таможня. Постоянное войско, на мирном положении, в 1899 г. состояло из 2.276 человек; национальная гвардия—около 20.000 чел.

Уругвай разделен на 19 департаментов, которые поименованы в следующей таблице, с показанием их пространства и цифры населения по переписи 1 марта 1900 года.

Департаменты	Поверхность в квадр. километр.	Жителей	Километрич. плотность (колич. жит. на кв. кил.)
Монтевидео (по исчислению)	664	253.306	381
Сальто	12.603	40.589	3
Артигас	11.378	23.334	2
Пайсанду	13.252	38.543	3
Ривера	9.829	22.509	2
Такуарембо	21.015	34.424	1,06
Дуранзо	14.315	33.733	2
Флорида	12.107	39.985	3
Флорес	4.519	44.431	9

Департаменты	Поверхность в квадр. километр.	Жителей	Километрич. плотность (колич. жит. на кв. кил.)
Рио-Негро	8.471	18.574	2
Сориано	9.223	34.628	4
Колониа	5.682	45.185	8
Сан-Хозе	6.963	37.279	5
Канелонес	4.752	76.984	16
Мальданадо	4.111	24.048	6
Роча	11.089	26.727	2
Минас	12.485	32.595	3
Треинта-и-Трес	9.539	22.757	2
Серро-Ларго	14.929	33.039	2
Итого	186.926	882.670	4

Глава V. Аргентина

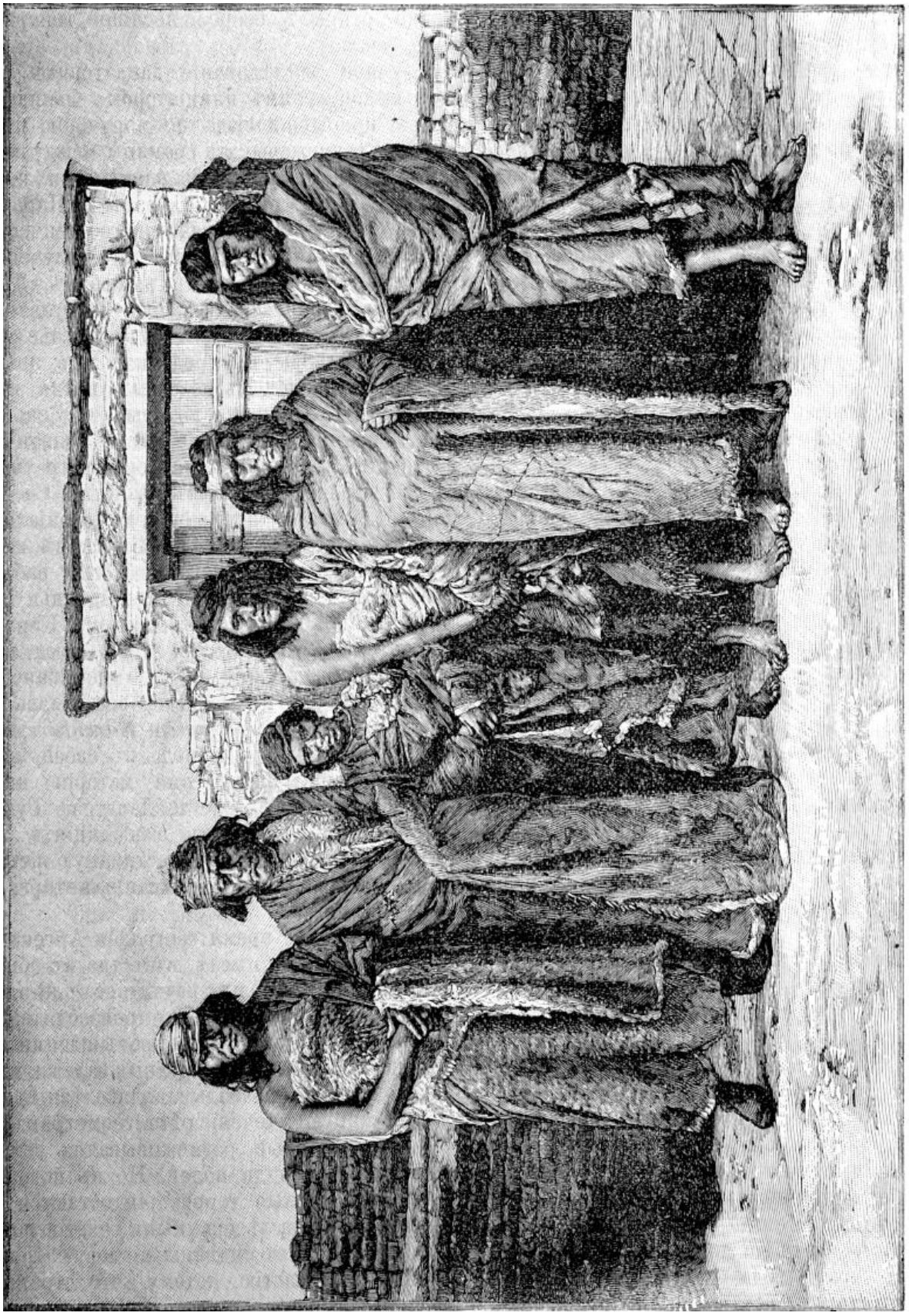
I

По протяжению своей территории, равно как и по количеству жителей, Аргентинская республика принадлежит к главнейшим государствам Южной Америки. По поверхности она уступает только одной Бразилии, по населению—Бразилии и, пожалуй ещё, Колумбии; но в недалеком будущем эта последняя республика останется, по всей вероятности, позади, потому что, несмотря на постоянные колебания прилива и отлива населения, эмиграционное движение идет в пользу быстрого заселения лаплатских областей. Главною географическою причиною быстрого прогресса Аргентины служит её относительная близость к европейскому континенту. Вопреки свидетельству карты, берега Ла-Платы, являясь главною притягательною силою для Европы, привлекающею к себе торговые суда и эмигрантов, представляют собою более близкую к Европе часть южно-американского побережья, чем северные берега, хотя по километрическому расстоянию эти последние лежат вдвое ближе к Европе. Весьма естественно, европейцы направляются главным образом к той области южно-американского континента, которая более соответствует их родной стране по градусам широты, по средним условиям климата, по растительности и по образу жизни.

Поверхность, по исчислению Лаимы, и приблизительное количество населения в Аргентинской республике в 1893 г.: 2.894.257 кв. килом.; 4.020.000 жителей; 1,4 жит. на квадр. килом.

Первые европейцы высадились в лаплатских областях только через семнадцать лет после открытия Нового Света Христофором Колумбом; в 1509 г. в лиман Ла-Платы вошли европейские мореплаватели Винцент Пинсон и Диац-де-Солис, а в 1521 г. Магеллан, в сопровождении Пигафетты, историографа этого кругосветного путешествия, объехал конечный полуостров континента по проливу, отделяющему его от Огненной Земли, который носит теперь его имя. Лимана и пролива было совершенно достаточно для того, чтобы картографы могли уже составить себе представление о настоящей форме восточного берега континента. Но суровые берега Огненной Земли и Патагонии были слишком негостеприимны для того, чтобы исследователи могли отважиться проникнуть вглубь страны. Мореплаватели исследовали только заливы, проходы и проливы, имея целью облегчить переезд из одного океана в другой. Таким образом Франсиско де-Госес, в 1527 г., добрался до самых границ «Конца света»; но там не основалось ни одной колонии; испанцы старались утвердиться в тех странах, которые орошались рекою, называвшеюся тогда ещё по имени её первого исследователя

—рио-де-Солис. В 1516 году Диац-де-Солис опять вернулся к этим берегам, но на этот раз ему не посчастливилось, и он нашел смерть на берегах одной уругвайской реки. Себастиану Каботу удалось, в 1528 г., проникнуть дальше вглубь страны, до самого Парагвая, и он осно-

Группа патагонцевъ.

вал там даже крепость, в том месте, где теперь находится названный его именем город Кабо-то, у слияния Параны с Каркараною. Он первый открыл, что лиманы Солиса и одной из двух больших рек, вливающихся в него, могли бы служить превосходным путем в страну

«Серебра», т.е. в Боливию и Перу; отсюда и произошло это странное название Ла-Платы, данное стране, которая вовсе не изобилует залежами серебра. Скорее бы перуанские и боливийские Анды имели право на это лестное название «Аргентина», т.е. «Серебряная».

Но колония, основанная Каботом, не могла удержаться; несколько лет спустя на южном берегу лимана, в том месте, где теперь стоит Буэнос-Айрес, утвердился испанец Мендоза. Когда индейцы принудили его бросить свое становище, он перевел свое войско в крепость Каркараны, откуда они совершали многочисленные экскурсии по окрестностям. Один из его офицеров, Айолас, основал на левом берегу Парагвая пост Асунсион, который впоследствии сделался столицею республики; затем он поднялся по реке ещё дальше, до Матто-Гроссо, и смело углубившись в саванны равнины, в юнгасы предгорий и в леса Анд, достиг, наконец, Перу; это был первый из всех завоевателей, который сухим путем перерезал материк во всю его ширину. То было в 1537 г., а семь лет спустя Ирала дополнил это грандиозное путешествие: Испания таким образом держала в своих руках соединительный путь между двумя побережьями своих громадных владений на южно-американском материке. В 1542 г. Алвар Нуньес, прозванный «Коровьей головой», предпринял новое путешествие, обставленное, впрочем, меньшим риском: он отправился с бразильского побережья прямо на Парагвай по рекам, а где нельзя, там волоком.

В 1574 году Жуан-де-Гарай исследовал Буэнос-Айрес, где ему удалось основать колонии; с этих пор началось заселение края, предшествуемое исследованиями его. В 1579 г. кормчий Сармиенто, один из замечательнейших мореплавателей, определил настоящее очертание магелланских берегов. Впродолжении последующих двух веков успели исследовать всю область, заключающуюся между лаплатскими берегами и стеною Анд; но на севере и на юге как путешественники, так и колонисты, встречали сильный отпор со стороны диких индейцев: с одной стороны абипоны, мокови и гайкуру в Чако, с другой—пампасские племена в Патагонии с замечательною энергиею отстаивали свою независимость. Однако, иезуитским миссионерам удалось ужиться в мире с туземцами, так враждебно относившимися к колонистам, и они безмятежно правили территорией «Миссий», которую после их отъезда пришлось открывать снова. Иезуит Фалькнер, прожив несколько лет у подошвы сиерры-дель-Вулкан, среди индейцев патагонской расы, первый дал описание внутренних земель южной части пампасов; эта работа, вместе с исследованиями спутника Кука, Форстера, пробудила внимание испанского правительства, и оно снова стало снаряжать экспедиции, прерванные почти на два столетия. В 1778 г., через четыре года после выхода в свет книги Фалькнера, Жуан де-ла-Пьедра посетил бурную бухту Сан-Матиас, называемую также Бахиа-син-Фондо, т.е. «Бездонная Бухта», и открыл там обширный порт Сан-Хозе. С 1779 по 1784 г. братья Видма, а несколько лет спустя Маласпина, объездили, из залива в залив, всё южное побережье, но их отчеты затерялись в королевских архивах[1]. Экскурсии внутрь страны дополнили съемки берегов, а в 1782 г. Вилларино поднялся по Рио-Негро до самой подошвы Анд; в том же году Антонио де-Видма открыл озеро, носящее теперь его имя.

Научное исследование лаплатских областей имело своим инициатором Феликса де-Азара; прибывши сюда по поручению правительства размежевывать границы между испанскими и португальскими владениями на низовьях рек Уругвая, Параны и Парагвая, он не ограничился одними геодезическими работами, а занялся, кроме того, изучением естественной истории этих стран. Другие офицеры испанской службы, де-Сульяк и де-ла-Круц, перешли через ущелье Андской Кордильеры и определили их положение. Тем временем подоспела война за независимость, во время которой ни европейские, ни американские испанцы, политически свободные, не принимали серьезного участия в географических исследованиях. С тех пор, благодаря прекращению колониального режима, открылся свободный доступ и иностранным ученым, которые могли работать вместе с испанцами. Так, д'Орбиньи поселился в 1826 г. в патагонском Кармене, а потом в Корриентесе, чтобы продолжать там свои изыскания над «американским человеком», а в 1833 г. состоялась знаменитая экспедиция *Beagle* и

1 Woodbine Parish, „Buenos Ayres and the provinces of the Rio de la Plata".

Adventure, о которой повествует Дарвин в своей книге, составляющей эпоху в истории наук. Другой английский зоолог, Дальтон Гукер, принимавший участие в экспедициях *Erebus* и *Terror*, изучил естественную историю Огненной Земли и дал описание «антарктической флоры».

В настоящее время география Аргентины, в собственном смысле, известна в общих чертах; остается только изучить её в деталях. Эта дополнительная работа производится постоянно, благодаря горнопромышленникам, которые эксплоатируют рудные залежи, инженерам, которые прокладывают железныя дороги и регулируют течение рек, геометрам-землемерам, которые размежевывают земли и измеряют площади полей. Но в пограничной полосе целые территории остаются ещё совершенно неисследованными, частию потому, что неприязненные индейцы не допускают туда белых, частию, потому, что страна эта опасна по своему климату и недоступна сама по себе. Так, например, на карте области Чако, где живут индейцы племени тоба, находим большие пробелы, да и те местности, которые там обозначены, начертаны весьма неточно. На северо-западе, где округляются длинные вершины андских плоскогорий, увенчанных снежными конусами, сеть ущелий и горных проходов представляет большие сомнения, которые картографы не все разрешают одинаковым способом. Наконец, исследование длинного треугольника Патагонии стоило больших усилий, и та часть Анд, которая отделяет атлантический склон от западных фиордов, остается на большом протяжении совершенно неизвестною.

Насчитывают целые десятки путешественников, натуралистов, геологов и просто любопытных, которые посвятили свое время и труд на исследование Патагонии. Главным исходным пунктом для этого рода путешествий служили чилийские колонии, отделенные от аргентинских равнин толщею Анд; оттуда отправлялись многочисленные изыскатели, которые, вслед за прежними миссионерами, старались перебраться через горные пороги между двумя склонами. Другим центром экскурсий и путешествий был Пунта-Аренас, чилийский пост на Магеллановом проливе, а на восточном берегу аргентинцы основали различные колонии, как земледельческие, так и военные, которые дали начало новым маршрутам. Дескальци, Кокс, Гардинер, Морено, Мустерс, Рамон Листа, Мояно, Фонтана, Роджерс, Поппер, Кинсигуерра, Амегхино, Ронкальи, Карлос Бурмейстер и многие другие, не говоря уже о солдатах, отряженных против индейцев, обратили постепенно Патагонию в совершенно аргентинскую территорию. Палеонтологи и геологи методически изучают эти земли с целью пополнить лаплатский музей и другие коллекции; ското- и горнопромышленники усердно посещают травяные степи и металлоносные месторождения. Патагония, как и остальная часть Аргентинской республики, вступает в эру точной географии.

Главные путешествия по Патагонии со времени войны за независимость, в их хронологическом порядке:

1827 г.—Стокс (Санта-Круц); 1832 г. и след.—Фитц Рой и Дарвин (Санта-Круц, Чубут, Рио-Негро и Сиерра-Вентана); 1833 г.—Дескальци (Рио-Негро); 1854 г. и след.—Джонс (Чубут); 1856 г.—Фонк, Хесс (Нахуэль-Хуапи); 1857 г.—Бровар (Сиерра-Вентана); 1862 г. и след.—Гильермо Кокс (андские ущелья); 1867 г.—Гардинер (Санта-Круц, лако-Аргентино); 1869 г.—Мустерс (основание Анд, Рио-Негро); 1872 г.—Геррико (Рио-Негро); 1874 г. и след.—Морено (Рио-Негро, Санта-Круц, Чубут, лако-Аргентино и т.д.); 1876 г. и след.—Мояно (рио-Чоко, лако-Буэнос-Айрес, Чубут); 1877 г.—Роджерс и Ибар (лако-Аргентино, андские ущелья);—Бэрбоом (Сан-Юлиан, Галлегос); 1878 г. и след.—Рамон Листа; 1879 г. и след.—Высоцкий (Чубут, Рио-Негро); Лоренц (Нейквем); 1882 г.—Ронкальи (Галлегос, Санта-Круц); 1883 г.—Роде (Нахуэль-Хапи, Баригомское ущелье);—Цебаллос (Рио-Колорадо, Рио-Негро); 1885 г. и след.—Фонтана (верхний Чубут); 1886 г. и след.—Карлос Бурмейстер (Чубут, Санта-Круц);—Поппер (Огненная Земля); 1887 г.—Азахелль Белль (верхний Чубут); 1891 г.—Семирадский (Колорадо, Лимай, Нахуэль-Хуапи);—Боденбендер (Нейквем); 1892 г.—Машон и Рот (андские долины, Сенгуел, Чубут).

Изобилие собранных материалов, относящихся к рельефу и геологии Аргентины, а также

к её естественной истории и к её жителям, обогатило литературу географии многими ценными сочинениями, не считая тех многочисленных изданий, которые рассчитаны прямо на рекламу для привлечения эмигрантов и для облегчения земельной спекуляции. Первое место в этих работах по общей географии страны принадлежит Герману Бурмейстеру и Мартину де-Мусси. Некоторые научные центры, как институт в Буэнос-Айресе, музей в Ла-Плате, университет в Кордове, группируют отдельные, частные работы в одно целое. Тем не менее, Аргентинская республика ещё не имеет подробной топографической карты, какими обладают различные страны Западной Европы, и какие уже изготовляются в Северо-Американских Соединенных Штатах, в Мексике, Сан-Пауло и в бразильском Минасе. В 1882 г. буэнос-айресское географическое общество постановило выработать общую карту республики по штатам и территориям, которая теперь уже вся готова, но только самая незначительная её часть сделана по непосредственному снятию плана прямо с земель; этот Зеельстрангский атлас может служить во всяком случае драгоценной картографией документов, изданных в ту эпоху. В 1889 году аргентинское правительство выставило в Париже рельефный план территорий республики в масштабе одной 500.000-ой, и работы, послужившие основою для фигурации этого большого фрагмента шара, поверхностью в 72 квадр. метра, впоследствии были утилизированы для составления карты в масштабе одной миллионной[1]. Исходною точкою аргентинской топографии взята астрономическая обсерватория в Кордове, положение которой было определено с величайшей тщательностью[2]; кроме того, опирались на те пункты, которые уже точно обозначены геодезическими изысканиями: Розарио, Рио-Куарто, Мендоза, Санта-Фе, Ла-Пац, Гоя, Корриентес, Сан-Луи, Вилла-Мерседес, Вилла-Мариа, Тукуман, Сальто, Сан-Жуан. Постоянно производящиеся новые изыскания дадут возможность усовершенствовать эти работы и соединить в одну общую карту многочисленные частные документы, которыми располагает каждая аргентинская провинция, каждый город. Но в отдаленных от центров округах остается ещё масса темных сторон. Об этом можно судить, например, по тому, с какою неточностью обозначается положение Тарии: начиная с д'Орбиньи в 1839 г., все картографы помещают её разно, так что отклонение от первой карты выразилось в 48 минутах по широте и в 1 градусе 43 минутах по долготе.

За отсутствием точных карт и вследствие столкновения юридических карт и традиций, до сих пор ещё не могли определить границ между всеми провинциями республики. Даже и внешнее очертание национальной территории окончательно ещё не утверждено, и этот вопрос о политических границах, столь маловажный для страны, которая владеет некультированными землями в таком изобилии при относительно очень редком населении, тем не менее волнует аргентинцев и не раз заставлял их приступать к решению его с угрозою на устах или с оружием в руках. Находящийся в самом лимане островок Мартин-Гарсиа, имеющий такое огромное стратегическое значение, благодаря своему положению у входа двух рек, изливающихся в лиман Ла-Платы, считается принадлежностью Аргентины, тогда как географически он составляет часть «Восточной полосы»; таким образом, эта узкая скала, без всякого земледельческого или промышленного значения, служила не раз предметом ожесточенного спора. Со стороны Парагвая вопрос решен силою, и территория Миссий, врезывающаяся между двумя реками, Параною и Уругваем, досталась аргентинцам. Но если они имеют право занять место парагвайцев в качестве владельцев этого бывшего владения иезуитов, то не являются ли они также наследниками диктатора Франсии и Лопесов в притязаниях на другие миссии общества Иисуса, присоединенные Бразилией к штату Санта-Катарина? Они в самом деле требуют себе этот лоскут земли почти в 30.000 квадратных километров, и их просьба о третейском суде, адресованная президенту Северо-Американских Соединенных Штатов, ожидает скорого решения. С другой стороны Парагвая, решением третейского суда, состоявшимся в 1875 году, велено возвратить побежденным парагвайцам за-пилькомайскую

1 Luis Brackebusch, „Mapa de la Republica Argentina construida sobre los datos existentes y sus proprias observaciones“, 1891.

2 Геометрич. координаты Кордовской обсерватории: южная широта 31°25', 15°4", западная долгота от Гринвича 64°1'23", L. Breckebusch, „Petermann's Mittheilungen”, 1892, Heft VIII.

область Чако; но на крайнем севере аргентинские карты продолжают «на законном основании» обозначать северною границею провинцию Тарию, которая, по королевскому декрету, была присоединена к ведомству аргентинского города Сальто, но в 1825 году по добровольному соглашению отошла к Боливии.

На западе общая граница между Чили и Аргентиною была установлена трактатом 1881 года, по которому «линия раздела проходит по самым вершинам гребня». Но текст этого трактата заключает в себе некоторое противоречие, так как ломаная линия, соединяющая вершины, не совсем точно совпадает с извилинами водоската. Здесь, следовательно, разногласия неизбежны, особенно когда дело дойдет до установления границ в патагонских Андах, где горные цепи прерываются многочисленными брешами и где равнины, расстилающиеся на восток от кордильеры, омываются целым лабиринтом фиордов, огибающих горную цепь; но во всех спорных вопросах трактат допускает передачу спора на решение третейского суда. Что касается Тьерра-дель-Фуего (Огненной Земли), то раздельный акт между двумя державами не допускает никакого сомнительного толкования. Казалось бы поэтому, что тут не может быть предлога к спорам; тем не менее между этими соседними государствами часто обнаруживалось соперничество, подававшее повод к ожесточенным спорам в их печати и парламентах. Сильные своими войнами, всегда счастливыми, и своею военною организациею по германскому образцу, чилийцы считают себя непобедимыми; со своей стороны, аргентинцы, более многочисленные, владеющие территорией, если не более богатою, то по крайней мере более обширною, вовсе не расположены допустить, что по степени могущества они занимают второе место в ряду испанских республик Южной Америки.

Во всяком случае, сила их, по сравнению с силой чилийцев, умаляется отсутствием политического единства. Если не считать войны, возбужденной диктатурою Бармаседы, Чили, хотя разделенный на два враждебные друг другу класса, почти всегда имел вид страны, пользующейся внутренним миром, тогда как Аргентину обуревали бесконечные местные революции, а иногда и ожесточенные войны, охватывавшие всю территорию республики. С падением колониального режима, во время которого аргентинцы далеко не пользовались счастьем, они, так сказать, вступили в период постоянных войн, прерывавшихся только временными перемириями. Что за причины этого воинственного духа аргентинцев, по которому они стоят выше даже венецуэльцев и мексиканцев? Не следует ли в этом видеть в известной мере явление наследственности? Хотя некоторые туземные народцы, вечно воевавшие друг с другом, в большей своей части исчезли как независимые группы, но они продолжают существовать традициями и нравами в смешанной расе, и под импульсом политических соперничеств дремлющие инстинкты ненависти легко пробуждаются. Плотоядные нравы населения также, должно быть, играют некоторую роль в буйности страстей и равнодушии к кровопролитию. Но всё это только второстепенные причины. Главную причину этого отсутствия политического равновесия и резких переворотов надо искать в постоянном столкновении двух противуположных основных начал—принципов местной автономии и захватывающей централизации, наследия прежнего образа правления. Впрочем, велика ли разница между аргентинскими революциями и тем грозным состоянием вооруженного мира, под которым изнемогает старушка Европа?

Аргентинцы отличаются смышленостью и отвагой и, в сравнении с своими соседями бразильцами, обладают более решительным характером, твердою волею, энергиею и предприимчивостью. Они способны поддаваться самому пылкому энтузиазму под влиянием возвышенных идей, и редкое торжество дышало таким неподдельным восторгом, какой проявили аргентинцы при объявлении отмены рабства в Бразилии. Все чувствовали себя счастливыми при смытии этого позорного пятна американской истории и сознавали себя братьями тех самых бразильцев, которых они так часто обзывали, по привычке, «заклятыми врагами». Преисполненные честолюбия, они захотели «блеснуть своим величием», и на самом деле, в дни своего благосостояния, они сумели с таким редким увлечением развернуть все свои материяльные рессурсы, что даже северо-американцы изумлялись. Среди пустынь, словно по ма-

новению волшебного жезла, возникали промышленные города; вчерашнее становище кочевых дикарей сегодня превращалось в культурный город, где работали паровые машины, телефоны, печатные станки. Большие лаплатские города во многих отношениях не только могли равняться с европейскими столицами, но даже старались перещеголять их. Аргентина любила сопоставлять свою роль в мировой истории с ролью Северо-Американских Соединенных Штатов, и действительно, несмотря на контрасты, обусловливаемые численною разницею населения, между развитием обеих наций существовала известная аналогия, которая особенно выразилась в деле эмиграции.

Однако, и для Аргентины наступили плохия времена. Грандиозные предприятия, начатые на чужие капиталы, не заботясь о будущем, не все имели одинаковый успех, а те, которым судьба благоприятствовала, послужили лишь к обогащению спекуляторов, преимущественно иностранцев и крупных аргентинских собственников. Быстрое обогащение одних и обеднение других повели за собою общественную деморализацию, и в то время, как спекуляторы ударились в биржевую игру, политиканы ловили рыбу в мутной воде. Затем наступила быстрая реакция, и последовавшие банкротства, поведшие за собою разные хитроумные сделки, остановили почти все серьезные предприятия. История Аргентины ещё раз может подтвердить, насколько непрочно равновесие страны, где народное богатство покоится не на труде крестьянина-собственника, и где в основу промышленного развития, составляющего лишь блестящую декорацию внешней торговли, не положены знания и инициатива самого народа.

Тем не менее естественные преимущества, какими располагает эта страна в общей экономии человеческого рода, так велики, что все кризисы, как бы продолжительны и важны они ни были, могли только задержать, но не парализовать развитие Аргентины. Население её продолжает разростаться, иммиграция усиливается, поверхность утилизируемых земель увеличивается, и культура начинает охватывать страну с двух концов, таящих в себе наибольшие богатства: с северо-востока—со стороны территории «Миссий», и с запада—со стороны андских долин, где берут свое начало реки Колорадо и Негро. В этих областях, обладающих плодородною почвою, чистым воздухом, благоприятным климатом и правильною сменою времен года, вполне соответствующею темпераменту европейских эмигрантов,—хватит места для миллионов людей.

II

Взятая в своей совокупности, почва Аргентинской республики имеет легкий, правильный скат от Андского хребта к атлантическому побережью. Но эта наклонная плоскость представляет выступы и неровности, которые нарушают однообразие ландшафта; вдоль треугольника, заканчивающего собою южно-американский континент, тянутся даже несколько изолированных горных массивов, стоящих в некотором расстоянии от Анд.

Могучий Андский хребет, занимающий большую часть территорий Северного Чили и Боливии, проходит также и по Аргентине, в северо-западном направлении, между покатостями рек Пилькомайо, Бермехо, Жураменто. На огромном пьедестале в 4.500 метров средней высоты выступают, следуя правильной линии с севера на юг, отдельные вершины, превышающие 3.500 метров и покрытые снегом почти круглый год. Серро-де-лас-Гранадас представляет собою один из этих великолепных пиков, господствующий над угрюмыми пустынями пуны, в северо-западном углу аргентинской границы. Прерванное на юге огромной котловиной, в которой течет рио-де-лас-Буррас, плоскогорие понижается по крайней мере до 4.000 метров, но далее оно снова поднимается, чтобы образовать другие *nevados*, или снежные вершины, каковы Пасто-Гранде, Акай, Качи. На востоке, другие эрозивные долины продолжаются порогами плоскогорья между долинами притоков Пилькомайо и притоков Бермехо и Жураменто; плоскогорье, разрезанное на отдельные мысы, отроги и цепи, представляет ещё величественные пики в 4.500 метров, на вершинах которых снег держится большую часть года. Сиерра, господствующая на западе над долиною Жужуй, вздымает два

питона на 5.500 метров высоты,—Невадо-Чаньи и Трес-Крусес (Три Креста). К северу от города Жужуй, на остром колене, которое образует верховье р. Жужуй, от плато отделяется ещё, в виде длинного мыса, горная цепь Зента[1]. В горном проходе Зента, где проложена тропинка из Орана в Хумахуаку, перевал находится на высоте 4.513 метров. Другие горные вершины поднимаются почти на 5.000 метров; однако, снег, иногда выпадающий на них, почти тотчас же тает. В этом сухом климате и при такой широте, нижняя граница линии постоянных снегов должна проходить, по всей вероятности, между 5.500 и 6.000 метров.

Все эти горы, все эти склоны плоскогорий носят на себе следы ледяного поля, спускавшагося далеко в равнины. Таким образом, эта внутренняя область имела свой ледяной период или, может-быть, даже несколько последовательных ледяных периодов. В размытых местами откосах морен образовались огромные рвы, отделенные друг от друга обелисками и колоннами «с шапками»; всюду подошва гор обрамлена террасами, высотою в несколько сот метров, где гравий перемешан с пластами песку. Это явление нельзя объяснить простым действием вод и отложением наносов[2].

На запад от Сальто, горные цепи, окаймляющие плоскогорье, по мере приближения к югу, постепенно уменьшаются в ширину и высоту, кромсаемые эрозивными потоками. Один высокий кряж был даже совершенно отрезан от высоких андских земель пустынными пространствами, которые некогда были выравнены льдами и водами. Эта отрезанная горная цепь, развертывающаяся извилистою линиею с севера на юг, на запад от Тукумана, носит название сиерры д'Аконкиха. Со всеми своими отрогами и выступающими мысами, от большого колена р. Жужуй до начала р. Риохи, она имеет не менее 450 километров; но самый кряж, отклоняющийся с северо-востока на юго-запад, составляет всего десятую часть этой длины. Аконкиха, состоящая из гранита, очень резко усечена с её западной стороны, обращенной к Андам, тогда как восточный склон—очень покатый и обрамлен предгорьями, покрытыми там и сям лесом. Центральный массив, где горные отроги разветвляются по всем направлениям, носит название *Clavijo*, т.е. «Лодыжка»; на севере проходит Кумбре-де-Кальчаки; на западе—сиерра-де ль-Атахо; на юге—цепь Амбато; на юго-востоке—лос-Альтос, с её продолжением—горами Анкасте. Зимою 1893 г., геолог Родольфо-Хауталь первый поднялся на высочайшую вершину Аконкихи, которую он определил в 5.400 метров. Прежде чем достигнуть верхнего конуса, он провел два дня в одной расселине скалы, на высоте 4.000 метров, спасаясь там от жестокого ветра. Хотя Аконкиха проходит на умеренной зоне, тем не менее на ней нет ледников, но зато ясно различаются следы прежних кристаллических рек, а на высоте 4.700 метров Хауталь видел два небольших озерка, очевидно, ледникового происхождения, задерживаемые запрудою из фронтальных морен[3].

Невадо-де-Фаматина, возвышающаяся в 200 километрах к юго-западу от Аконкихи, своим величественным видом походит на этот последний хребет, особенно со стороны южных склонов; но эта Невада не имеет такого изолированного, самостоятельного характера, как Аконкиха: перешейком высоких земель, который следует направлению главной горной оси, этот хребет соединяется с Андским. Фаматина выше Аконкихи, так как центральная её вершина, на которую поднимался Караньо, имеет 6.294 метра; но эта сиерра кажется ещё выше вследствие того, что у подошвы её расстилаются равнины на высоте всего 1.000—1.500 метров над уровнем моря. Ядро этого хребта состоит из гранита и порфира, а боковые скалы из метаморфического разноцветного сланца—белого, красного и черного. На юге сиерра продолжается цепью, которая, постепенно понижаясь, теряется к области солончаков; её можно рассматривать как принадлежащую к той же системе пригорков и холмов, которые тянутся параллельно главным хребтам кордильер. Таковы сиерра-де-Чавес и уединенный массив Пье-де-Пало, господствующий с восточной стороны над городом Сан-Жуаном.

На запад от Невады-Фаматины, плоскогорье, стиснутое Андами, разделяется на две па-

1 Martin de Moussy, „Description de la Confederation Argentine".
2 Ludovig Brackenbusch, „Petermann's Mittheilungen", 1893. Heft VII.
3 „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1893, cuadernos 1, 2, 3 y 4.

раллельные кордильеры, почти равной высоты, но разнящиеся по горным породам, из которых они состоят. Западная кордильера составляет раздельный гребень между склонами и в то же самое время служит границею между Чили и Аргентиною. Восточная кордильера, принадлежа целиком лаплатской республике, разделяется на несколько отрогов долинами ручьев, которые там и сям перерезывают её, разнося её обломки по равнинам. В то время, как чиле-аргентинская кордильера, позднейшая по происхождению, состоит из мезозойских формаций, сквозь которые там и сям пробились новейшие массы эруптивного происхождения, более древняя восточная цепь, «прекордильера» или, как её ещё называют, «анте-кордильера», сопровождаемая контр-кордильерой[1], состоит из гранита, порфира и палеозойских пластов. Эта вторая цепь была очевидно первобытным горным остовом, и её разрушение началось ещё в то время, когда воздвиглась сплошная ограда западного хребта; к тому же времени относится значительное вытяжение континента в сторону Великого океана. Эта часть двойной кордильеры представляет некоторое сходство с экваториальными Андами, которые также разделяются на две параллельные цепи; из них западная имеет почти сплошной характер, тогда как восточная, перерезанная в семи местах реками амазонской системы, почти совершенно утратила характер цепи: можно согласиться с Вимпером[2] и принять эту кордильеру за последовательный ряд массивов без естественной связи.

В том месте, где горная цепь Фаматина врезывается в Андское плоскогорье, двойная кордильера вовсе ещё не обрисовывается: громадные снежные вершины, Бонене, Веладеро, Галлина-Муерта, одиноко вздымают свои конусы, на 1.000—1.500 метров относительной высоты, стоя на широком цоколе, отделяющем Чилийский склон от Аргентинского. Высокая равнина, держащая на себе эти одинокия горы, сама имеет 4.000—4.500 метров средней высоты над уровнем моря и тянется с одного горизонта до другого мягкою волнистостью, усеянною полосами фирна, которые обращают землю в грязь. В беспорядке валяющиеся там и сям камни указывают на местонахождение разложившихся гор. В этих суровых пространствах зачастую дует сильнейший ветер, сопровождаемый снежными буранами. Путешествие по этой области пуны, хотя всегда опасное, не встречает естественных преград: в своей совокупности плоскогорье представляет собою как бы горный проход, где разветвляется сеть тропинок, протоптанных аргентинскими погонщиками мулов, которые гонят стада в Копиапо. Дороги этой Андской зоны известны под названием *pircas*.

В той части плоскогорья, где стоит гора Бонете, и которую пересекают тропы мулов, между верхними долинами рек Риохи и Копиапо, восточная кордильера разрезана реками аргентинского склона на четыре совершенно различных отрога. Первый кряж, некоторые питоны которого возвышаются больше, чем на 500 метров, отделяется от аргентино-чилийской кордильеры глубокою долиною, по которой извивается рио-Бланко, одна из главных ветвей рио-Жачал. Вторая цепь, более приближающаяся к границе, имеет много вершин, превышающих 5.500 метров, между прочим пик дель-Сальто. Третий горный вал, принадлежащий к восточной кордильере, расширяется в могучий массив, вершины которого, Маинрике и Тотора, тоже превышают 5.500 метров, нижнюю границу линии постоянных снегов. Наконец, четвертый отрог, носящий название кордильеры дель-Тигре (5.015 метров), примыкает к колоссу Аконкагуа, господствуя над долиною, по которой идет главная дорога из Буэнос-Айреса в Чилийский Сант-Яго через перевал Кумбре. Все тропы, проложенные через Анды, между этим бойким ущельем и пиркасами Копиапо, идут по речным долинам, чтобы обогнуть поперечные барьеры Аргентинской кордильеры; но этими проходами пользуются только скотопромышленники, отправляющие своих аргентинских мулов в Чили. Впрочем, один из порогов послужил в 1817 году для прохода целой армии: это перевал лос-Патос или Валле-Эрмосо, находящийся на высоте 3.565 метров между массивами Аконкагуа и Рамада; через него прошли республиканские войска Сан-Мартина, давшие решительное сражение испанцам. Другие проходы большого хребта, по которым также гонят мулов, нахо-

1 H. Burmeister, „Description physique de la Republique Argentine".

2 „Travels amongst the great Andes of the Equator".

дятся на высоте 4.500 метров; таков перевал Агуа-Негра или Лагуна (4.632 метра), через который проложена прямая дорога из Жачала в Кокимбо.

Кроме двух кордильер с снеговыми вершинами, Аргентина, подобно Чили, имеет ещё предгорья, свою «Малую Кордильеру», которая тянется параллельно оси собственно Анд, перерезываемая местами клюзами или долинами, по которым протекают реки. На запад от равнины, где находятся города Сан-Жуан и Мендоза, эта цепь предгорий составляет уже значительный массив Парамилло, одна вершина которого, серро-Пеладо, достигает 3.437 метров. Эти горы, теперь бесснежные, также имели свои ледники и до самой соседней равнины, в окрестностях Мендозы, можно видеть борозды, оставленные прежними ледяными потоками. Маленькие холмики с круглыми вершинами, называемые *cerrillos*, представляют собою очевидно остатки морен. Они возвышаются на 50—100 метров, вытягиваясь цепью, и состоят из трахитовых глыб, угловатых или слегка притупленных обломков, которые льды нанесли к самым подошвам предгорий[1].

Разрез кордильеры, отмеченный дорогою Кумбре и работами по проведению трансандской железной дороги, почти соответствует естественному делению орографической системы, так как совсем по близости, на юг от громадного снегового Тупунгато (6.178 метров), который сам эруптивного происхождения, открываются кратеры многочисленных вулканов, как потухших, так и действующих. Тут же аргентино-чилийская кордильера удваивается на востоке другой, вполне аргентинской, цепью, тянущейся параллельно первой, но ниже её, в среднем, на 1.500 метров. Потухший вулкан Оверо (4.740 метров), связывающий этот хребет восточных гор с главной кордильерой недалеко от Маипо, окружен одним из тех ледников[2], на которых можно лучше всего наблюдать образование *nieve penitente*, т.е. «снегов покаяния», названных так от размельчения массы на неправильные колонки, похожия на монахов в клобуках: неровности таяния льда в сухом воздухе высот образовали эти странные аллеи, по которым текут ручьи тающего льда.

На юг от Оверо, аргентинская цепь прерывается, чтобы пропустить реку Диаманте, берущую начало в промежутке между хребтами, и над которою господствует великолепный базальтовый конус того же названия; затем возобновляются другие кряжи, параллельные главной кордильере. Расселина, в которой берет свое начало река Атуел, ведет к проходу Планшон (3.023 метра), одному из наиболее оживленных в аргентино-чилийских Андах, которому суждено сделаться большим торговым путем, благодаря проведению железной дороги. Далее к югу, орографическая система расширяется: аргентинская цепь вулканов Маларгуе (Малалхуе), представляя собою контраст с юрскими напластованиями главной цепи, развертывается с восточной стороны глубокой продольной долины, по которой протекает Рио-Гранде или зарождающийся Колорадо; другая, менее высокая, горная цепь служит ей передовым валом; затем, ещё на сто километров восточнее, за высокою пампою, где простираются воды без истечения, озера, представляющего собою остатки бывшего внутреннего моря, тянется снеговая цепь, невадо Сан-Рафаэль (4.935 метров), почти изолированный отрывок гор, которые прежде, по всей вероятности, были гораздо могущественнее. Южнее, другой массив, серро-Пайен,—без сомнения, древняя Этна, извергавшая лаву и пепел,—господствует над долиною, где Рио-Гранде сливается с рио-Барранкас, чтобы образовать Колорадо; на одной стороне горы виднеются три мощных потока застывшей лавы, залегающих слоями один на другом. Близ ущелья Бута-ко, пересекающего на высоте 1.520 метров горную цепь Маларгуе, возвышается огромная глыба песчаника, свалившаяся посреди тропы с соседней стены: это Кура-Кокалио, «божественный камень» арауканцев[3].

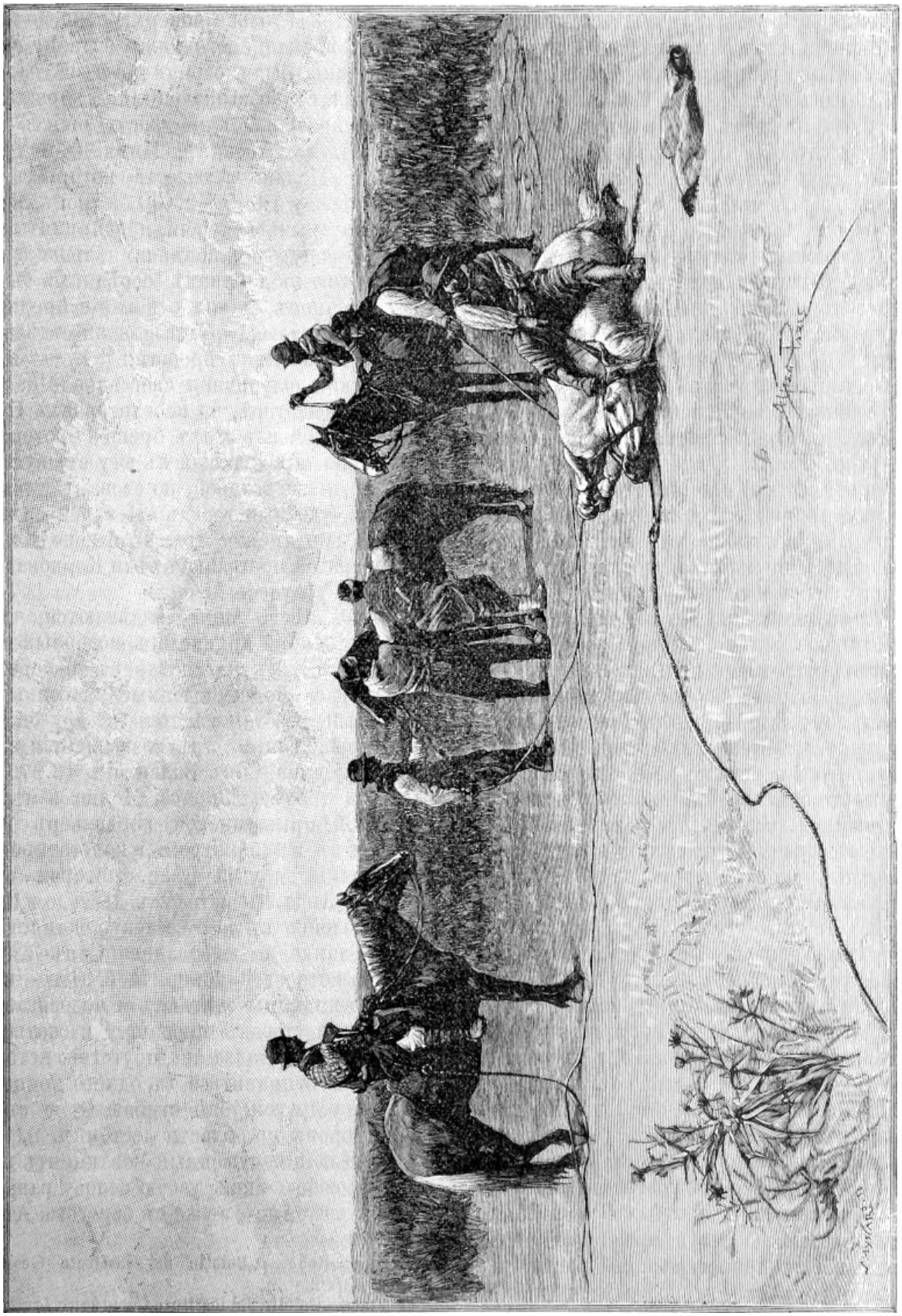
Перерезанная последовательно двумя ущельями рек Рио-Гранде и рио-Барранкас, восточная пре-кордильера, сама очень высокая, развертывается параллельно большому хребту: вершина её, Чос-малал или Бум-махуида, т.е. «гора Ночи», имеет, по исчислению Хоста, не

1 Rodolfo Hauthal, „Revista del Museo de la Plata", tome IV, 1893.

2 Paul Gussfeldf, „Reise in den Anden von Chile und Argentinien".

3 Fr. Host, „Boletin del Instituto Geographico Argentino", tome II, 1881.

менее 5.000 метров. Это—бывший вулкан, окруженный со всех сторон потоками лавы, пепла, камней. Полагают, что вся пре-кордильера этой области состоит из этих эруптивных продуктов, происхождение которых относится к двум различным эпохам: первобытная лава

Группа гаучо.

представляет собою черный трахит, а позднейшая—базальт[1]. Вулкан, на высоте 2.318 метров, отделяется от западной цепи порогом, который разделяет воды, спускающиеся с одной

1 „Boletin del Instituto Geografico Argentino“. tome IX, 1887.

стороны к Колорадо, с другой—к Рио-Негро посредством Нейквена. В Андах немного найдется таких грандиозных пейзажей, как это ущелье аргентинской Швейцарии, господствующее над обширным горизонтом лугов и лесов, которые с северо-востока ограничены колоссальною стеною серро-Пайена, а с северо-запада—конусом Кампанарио, заканчивающимся диадемою скал в виде развалин башен. С южной стороны панорама представляет хаос гор, которые громоздятся за озером Тромен, занимая всё пространство между пограничными гребнем и течением Нейквена: даже на восток от этой реки тянутся массивы, всё более и более понижаясь по направлению к скалистой пампе Патагонии.

На восток от вулкана Лонкимаи и других огнедышащих гор—Льяима, Риньигуэ, Кетрупильян, следующих одна за другой на главном хребте и по соседству с ним, аргентинская кордильера принимает свое правильное направление, поднимаясь до той высоты, на которой вершины зимою покрываются снегом: гора Чапел-ко имеет 2.440 метров, а та часть цепи, которая известна под названием кордильеры де-лос-Сипрезес, достигает 2.000 метров. Но в этом кряже открываются глубокия бреши. Порог, в котором сходятся скаты чилийской рио-Биобио и патагонской рио-Лимай, имеет всего только тысячу метров высоты, и на него свободно могут подниматься двухколесные тележки; далее к югу холм с пологими скатами отделяет приток Лимая от чилийского озера Пикауллу (Лакар, Лахара), расположенного на высоте 700 или 800 метров; третий проход, находящийся на западной оконечности Нахуэль-Хуапи, имеет всего 838 метров: это *boquete* Перес-Розалес. Вторая аргентинская кордильера, развертываясь параллельно первой, менее выемчата, но зато и не так высока: питоны её в сиеррах Каталин и Ангостурас возвышаются всего на 1.500 метров. В этой части орографической системы также были свои действующие вулканы, как и в большой цепи, проходящей на западе: вулканы Алюмине, Меса, серро Чапелько представляют собою андезитовые конусы; кроме того, по обоим берегам реки Колон-куры выступают до двадцати других питонов, широко открывающих свои кратеры, где ростут буки и мирты[1]. Один из этих вулканов, стоящий у истоков Биобио, покрыл своим пеплом всю окрестную территорию. Продукты извержений и прежних ледников напластованы друг на друге: под вулканическими камнями расстилаются слои ледниковой грязи.

К югу от Тронадора, с его «гремучими» лавинами, которые громоздятся между бассейном Нахуэль-Хуапи и чилийским склоном, горы понижаются и, по словам Роде, между берегами Лимая и узким и глубоким фиордом Релонкави не встречается больше настоящих гор, а только небольшие плоскогорья, перерезанные оврагами и долинами. Единственным препятствием на этом пороге, который, по всей вероятности, есть не что иное, как прежний проход Барилоче, по которому следовали иезуитские миссионеры, является необычайное изобилие растительности; в том месте, где дорога спускается к Великому океану, она идет вдоль реки Пуело, между горою Баллено (1.488 метров) на севере и горою Кастильо (1.504 метра) на юге[2].

Дальше, вдоль глубоких проливов, отделяющих континент от острова Чилоэ и Магеллановых архипелагов, раздельный хребет известен только поверхностно, и мореплаватели, видевшие его лишь издали, почти всюду должны были ограничиваться съемкой его профиля, с возвышающимися вершинами уже потухших или ещё действующих вулканов, Яте или Иебкан, Минчин-махуидо, Корковадо, Меллимоя, высота которых колеблется между 1.600—2.400 метров. Впрочем, некоторые экскурсии, предпринятые в разное время путешественниками, дровосеками и рыболовами в долинах, соседних с Великим океаном, дают основание предполагать, что кордильера разделена на отдельные массивы глубокими брешами, куда вторгаются реки, получившие свое начало на восточной стороне гор, на плоскогорьях Патагонии. В одной из этих брешей протекает река Палена, проходящая к югу от вулкана Корковадо, и на которой, по словам легенды, находился чудесный город «Цезарей», южное Эльдо-

1 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen", 1892. Heft III.

2 Jorge Rohde, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1882.

радо континента; кроме того, под более южной широтой протекают реки Корковадо[1], Айсен и Гуэмулес[2].

В этом месте Анды разделяются, чтобы образовать земной архипелаг, подобный тому, какой существует на соседнем побережье, разбитый на многочисленные массивы[3]. Горная цепь восстановляется на другой стороне острова Таитао, где возвышается высочайшая вершина Сан-Валентин (3.876 метров); на той же широте Мояно измерил на боковой аргентинской кордильере пик Зебаллос в 1.685 метров и констатировал существование другой цепи, которая отделяется от Анд к истокам Дезеадо и идет по направлению к юго-востоку, оканчиваясь мысом Бланко на юге залива Сан-Жорже. Какова высота этой поперечной цепи—неизвестно, но индейцы считают её недосягаемой, вследствие её утесов, пропастей и скатывающихся камней, а также по отсутствию источников. Чтобы отправиться с одного конца побережья на другой, они огибают её с западной стороны по области пастбищ[4].

В Магеллании, суженный континент представляет собою лишь узкую полосу равнин, лежащую вне Анд, и уже с берегов Атлантического океана видны вершины, возвышающиеся по соседству с другим океаном. Но в этой полуостровной области, оканчивающей собою континент, параллельные зоны орографических формаций представляются с удивительною правильностью. Андская цепь в собственном смысле, где в виде башни возвышается великолепная гора Чалтен, которую Морено называет также Фицроем (2.100 метров), тянется почти точно по линии меридиана, до самой бреши, куда вторгаются воды больших Магелановых фиордов. За этою цепью на востоке следует пре-кордильера, которой Мояно дал название кордильеры де-лос-Багуалес, или «Диких Лошадей», и которая продолжается, по направлению с севера на юг, на протяжении нескольких сотен километров, мало отклоняясь от точного направления меридиана. К этой пре-кордильере, вершины которой возвышаются на 1.500—2.000 и более метров, принадлежат горы—Стокс, покрытая снегом, и Пайне, почти такой же высоты. Третья горная цепь, менее равномерная и менее высокая (1.500 метров), не достигает границы постоянных снегов, но она превосходит другие горы живописным видом, благодаря своим башням и обелискам из шлака и массам лавы, закаменевшей в виде храмов: цепь эта—эруптивного происхождения; на ней возвышаются истинный Чалтен и много других, как потухших, так и действующих, вулканов. Кордильера Латорре, издали указываемая вершинами Трес-Сабиос, или «Трех Ученых»—Филиппи, Гая и Домейко,—составляет часть этой области лав: здесь есть кратер, по виду очень недавнего образования[5]. На зоне, покатой на восток, к Атлантическому океану, расстилается обширный покров из шлака и пепла[6], на котором местами возвышаются, как отдельно, так и рядами, прежние эруптивные конусы. Известковая гора Леон (300 метров), изрытая гротами, где скрываются пумы, и несущая на своей вершине гнезда кондоров, издали указывает устье р. Санта-Круц[7].

На юг от собственно Анд берег изрезан тысячью зазубрин, и благодаря бесчисленным бухтам и рассеянным всюду озерам, горы принимают островной характер. Между Скиринг-Уатер и большою излучиною Магелланова пролива, цепь низводится до простого порога всего в несколько метров высоты. Далее она снова повышается, образуя грозную стену мыса Фровард, а с другой стороны пролива воздвигая великолепные горы с поясом ледников—Сармиенто, Дарвин, Франсе; затем, развертываясь большою дугою по направлению с запада на восток, оканчивается длинным островом Штатов, где есть горные вершины в тысячу метров высоты. Этим островом, принадлежащим к Аргентинской республике, оканчивается длинный полукруг андских гор, начинающихся Тринидадом, в Караибском море.

---

1 Fontana, „Roletin del Instituto Geografico Argentino", 1886-87.
2 Serrano, Simpson, „Anuario hidrografico de la marina de Chile", 1875,1886.
3 Rodgers, Moyano, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1888.
4 Carlos M. Moyano, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1881.
5 Carlos M. Moyano, Тот же сборник, т. IV.
6 Pogers und Ibar, „Petermann's Geographische Mittheilungen", 1888, Heft II.
7 Francois P. Moreno, „Viaje a la Patagonia austral".

В обширной Аргентинской территории рассеяно ещё много других, изолированных массивов, в настоящее время совершенно отделенных от Анд, но некогда составлявших, по всей вероятности, часть Андского хребта. Первая группа гор, находящаяся на полпути между Ла-Риохой и Сан-Луисом, носит вполне подходящее название сиерра-де-лос-Льянос, так как она со всех сторон окружена равнинами, солончаками и другими низменными и пустынными землями; прежде это был остров, ориентированный по направлению с севера на юг. Сильно поврежденная временем, эта сиерра вовсе не имеет вершины, которая бы гордо выступала над нижними хребтами; она представляет собою длинный ряд возвышенностей кристаллического и метаморфического происхождения, не переходящих за тысячу метров своими самыми высокими массами. Далее к северу идет сиерра-Брава, которая не достигает и тысячи метров; она имеет совершенно такой же вид, как сиерра-Льянос, и составляет несомненно часть той же самой орографической системы: это не что иное, как островок среди прежнего моря. Несколько отдельных пригорков, рассеянных там и сям на аллювиальных пластах равнины, получили от туземцев поэтическое название *reventazoner de la sierra*, т.е. «отпрысков горы»[1].

Центральная система, занимающая пространство более 500 километров с севера на юг, параллельно большой Кордильере, состоит из нескольких отдельных цепей, которые все расположены по той же нормальной ориентации и также стоят на цоколе равнин, имеющем более 500 метров высоты над уровнем моря. В целом, эти горы, кристаллической формации, обращены своим крутым скатом, как и горы Андской системы, на запад; восточный же склон, так же, как и обе оконечности, северная и южная, полого спускаются к пампе. Первая цепь, перерезываемая реками, сходящими с гор Центральной системы, тянется по направлению к востоку, при чём редкия её вершины не достигают и тысячи метров; высочайшая вершина, Кумбре-де-ла-Кал, возвышающаяся на северо-запад от Кордовы, имеет 1.570 метров. Центральная цепь, составляющая ось кордовской системы, своею высочайшею вершиною, Чампаки, переходит за 2.300 метров; вершина эта представляет собою простой конус, стоящий на каменистых плато, на которых кое-где зеленеют пастбища. К северо-западу система расширяется в плоскогорье, обращенное своим фасом к сиерре де-лос-Льянос. Это плоскогорье отличается от Кордовской системы линией бывших вулканов, которая тянется с востока на запад, резко заканчиваясь у западных равнин трахитовою горою серро Иерба-Буэна (1.645 метров). Этот серро не имеет видимого кратера и, на человеческой памяти, не выбрасывал ни паров, ни лавы; но в окрестностях случались иногда легкия землетрясения; говорят, у подошвы этих гор временами был слышен глухой подземный гул.

Сиерра де-Сан-Луис, называемая также, по своему юго-западному мысу, сиеррой де-ла-Пунта, может быть рассматриваема как часть Центральной или Кордовской системы и по времени происхождения принадлежит к той же эпохе; но она довольно явственно отделена от тех гор длинною впадиною, по которой протекает река Конлара, теряющаяся на севере в солончаках. Высоты Сан-Луис имеют горделивый вид настоящих гор, когда на них смотришь с западной или северной стороны, откуда они видны целиком, от основания до вершины; но за этой закраиной скрывается бугорчатое плато, имеющее во многих местах вид настоящей равнины. Одна из самых высоких вершин, Мониготе (1.966 метров), есть одна из этих гор наружного вала; по высоте ей не уступает Гигантильо, «Гигантик», стоящий напротив Гиганта крайней Андской цепи, возвышающагося по ту сторону глубокой впадины Каньяды. Гнейс этой сиерры отличается от гнейса сиерр Кордовской системы чрезвычайным обилием кварца и слюды. Ручьи, протекающие по равнине, выглядят как бы серебряными, а на вершинах холмов возвышаются целые кварцевые массивы, точно мраморные пропилеи. На восток от Мониготе, поперечно оси системы, как и в Кордовских горах, идет небольшой ряд вулканических гор; одна из этих гор, Томоласта, представляет собою кульминационную вершину плоскогорья всего массива (2.117 метров); найденные здесь золотые россыпи стяжали ей название сиерро-де-лас-Минас. Вне гор Сан-Луис, к северу от города Вилла Мерсе-

1 Martin de Moussy, цитирован. сочинение.

дес, возвышается серро-Морро, составляющая другой островной массив, переходящий за 1.500 метров, а мыс Пунта продолжается к югу, к пустыням Патагонии, целым рядом островков, составлявших некогда цепь, долины и бреши которой завалены наносами, так что теперь наружу выступают только каменистые верхушки.

По другую сторону Параны, между этой рекой и Уругваем в аргентинской Месопотамии (междуречьи), нет гор, есть только легкия волнообразные повышения почвы да высокие берега рек, которые иногда называют холмами по контрасту, какой они представляют с окружающими болотами и реками; но по территории Миссий и её продолжению в бразильском штате Санта-Катарине, проходит настоящая горная цепь, вершины которой вздымаются на 300—400 метров над кампосами. На перешейке, образующемся от сближения двух рек, на юго-восток от Посадас, первый ряд возвышенностей тянется по направлению с юго-запада на северо-восток: это сиерра-дель-Иман, или «Магнитная», названная так, без сомнения, иезуитами, которые нашли в её пластах магнитное железо. Дальше к северу и к востоку, по направлению к сиерре до-Мар, поднимаются ступенями пласты песчаника и первобытных горнокаменных пород, которые примыкают к бразильской системе.

Отдельные горные цепи находим также в провинции Буэнос-Айрес и в южных территориях. Первый кряж тянется по направлению с северо-запада на юго-восток, параллельно низовью Параны и её продолжению—рио-де-Ла-Плата, оканчиваясь на окраинах мыса Корриентес. Высочайшие вершины (морны) этого хребта, распадающагося на несколько отрывков, достигают, в сиерре-де-Тандил, 340 метров; далее, на юго-востоке, крутою стеною вздымается сиерра дель-Вулкан, хотя на небольшую высоту (275 метров); как и другие массивы страны, она состоит из гранита, гнейса и архаических горнокаменных пород, но не из лавы, как это можно бы было предполагать по её названию «Вулкан»,—слово пампаского происхождения, означающее «брешь», которое, будто бы, применялось к широкому проходу, открывающемуся между этою цепью и сиеррою Тандил[1].

Южнее, различные массивы, возвышающиеся к северу от Бахиа-Бланка и известные под общим названием гор Вентана, распадаются на параллельные кряжи, которые тянутся по тому же направлению, как Тандил и вулканы. Самые горделивые вершины, находящиеся в собственно Вентанской цепи, превышают 1.160 метров[2]; но прежде они были ещё выше. Эти горы, состоящие из беловатого кварцита, исполосованного во многих местах красными прожилинами окислами железа, принадлежат к древнейшей формации земного шара: они существовали гораздо раньше Анд и, по всей вероятности, занимали тогда место между колоссами континента; это обломки громадных масс, которые почти целиком были размельчены метеорами. Долина ручья Саусе-Гранде, отделяющая цепь Вентана от гор Пильягуинко, была некогда заполнена льдами: скалы с изборожденными боками, кудреватые утесы указывают прежнее русло кристаллической реки[3]; в настоящее время Вентана ежегодно покрывается тонким слоем снега. Сиерра эта только кое-где поросла лесом; со многих мест она кажется совершенно голой. Название Вентана, что значит «Окно», дано ей по отверстию, которое находится близ её вершины, открывая уголок голубого неба.

Внутренняя часть Патагонии, именно та область, которую орошают реки Колорадо и Негро, унизана гранитными и порфировыми кряжами розового цвета, которые при прозрачном свете утреннего солнца кажутся легкими облачками. Эти различные хребты, известные под общим названием *mahuida*, что на языке туземцев значит «гора», имеют среднюю высоту в 400—500 метров и почти все ориентированы с северо-запада на юго-восток, как цепи холмов, расположенные между Буэнос-Айресом и Бахиа-Бланка. Почва между их гранями покрыта корой из округленного булыжника, гранита, гнейса, порфира, отложенных горизонтальными пластами, в перемежку с дюнами. Равнины третичного происхождения, из которых состоит весь цоколь Патагонии на восток от Андской Кордильеры, и в которых нахо-

1 Martin de Moussy, цитирован. сочинение.

2 1.250 метров, по определению Агирра.

3 Rodolfo Hauthal, „Revista del Museo de la Plata", tome VIII, 1892.

дятся в чрезвычайном обилии ископаемые, покрыты этими слоями валунов. Дарвин исчислял эту громадную массу патагонских галек в длину—с севера на юг—в тысячу километров, а в ширину—в 320 километров, при 15 метрах толщины; для того, чтобы получилась такая масса каменьев, должны были размельчиться целые горы, даже цепи гор. К этому нужно ещё прибавить обломки того же рода, покрытые теперь водами моря: так, у Фалкландских островов, мореплаватели, при промерах морского дна, извлекли оттуда порфировые голыши, вдали от всякой островной горы[1].

Этот булыжник происходит, очевидно, с Анд и с более древних гор, которые возвышались некогда в центральных и восточных областях страны, и от которых в настоящее время осталось одно только ядро. Морены, влекомые льдами, доставили, по всей вероятности, первый материал, который морские воды разостлали горизонтальными или слегла наклонными слоями. Затем последовало выступление наружу этих слоев, происшедшее либо вследствие поднятия почвы, либо вследствие отступления моря, и бывшее морское дно, бывшие пляжи обратились в высохшие равнины Патагонии, где встречаются в огромных количествах исполинские устрицы в 30—50 сантиметров в окружности, характеризующие собою обширные пространства патагонской почвы. Самая форма рельефа, как внутри страны, так и на побережье, ясно показывает эту работу последовательного обнажения: во многих местах каменистое плато резко обрывается по соседству рек и потоков и иссечено, подобно морскому берегу, заливами и бухтами, составляя своими травяными степями и рощами контраст с скалистыми массивами[2]; впадины рельефа, служащие единственными в стране местами, удобными для жительства, представляют собою прежние морские плоские берега, о которые море прежде ударялось. Нынешний берег почти на всём своем протяжении имеет вид крутой стены, о которую разбиваются волны; но в окружности возвышенности представляют различные террасы, которые указывают последовательные уровни континентального цоколя: по соседству с Чубутом, эти террасы лежат одна над другой на высоте 25, 60 и 105 метров; близ устья рио-Санта-Круц виднеются площадки морской формации, лежащие ещё на большей высоте. У Поссесион-Бай, у восточного входа в Магелланов пролив, Пурталес открыл на высоте 50 метров пруд, содержащий раковин той же породы, какая живет в соседнем море. Как произошло это явление обнажения—резкими ли толчками, соответствующими появлению каждой террасы, или, что вероятнее, путем медленного движения, совершавшагося по известному ритму колебаний—вопрос этот современем решат геологи.

В современный период наслоения других формаций отложились на пластах булыжников в Патагонии и на глинах Центральной Аргентины. На обширных пространствах почва покрыта песками, развертывающимися в виде дюн, вроде тех, какие образуются во многих местах на берегу моря, под влиянием морского ветра. Но в лаплатских областях эти переменчивые песчаные холмики не океанского происхождения: они происходят из области предгорий, где громадными массами скопились моренические обломки, оставленные у входа в равнины прежними ледниками. Этот мелкий материал, поднимающийся пылью при всяком дуновении ветерка, разнесен на далекое расстояние, где он отложился пластами мелкого песку, похожего на «желтую землю» центрального Китая; но более крупный песок образует настоящие дюны, земляные волны, которые поднимаются и распадаются под давлением атмосферных течений; особенно значительные пространства отвоевали они себе в области Колорадо и Рио-Негро, занимая там почти всю ширину континента. Представляя те же самые явления, что и дюны морской формации, они останавливаются от действия дождей и продолжают свое медленное развитие в сухое время года. Зачастую они скрепляются гибкими корнями ползучих растений, преобразовываясь мало-по-малу в холмы, постепенно покрывающиеся черноземом. Некоторые породы деревьев с сильными корнями продолжают рости на этих движущихся дюнах, которые захватили их в своем движении: таковы, например, *algarrobos*, которым дивится путешественник, видя такия могучия деревья ростущими среди голых пес-

1 Francisco P. Moreno. „Viaje a la Patagonia Austral".

2 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen", 1893. Heft III.

ков[1].

Эруптивные кратеры Андской кордильеры также способствуют изменению почвы Патагонии. Вся область Чубута и Санта-Круц покрыта разноцветным пеплом, лежащим правильными слоями, очевидно, пеплом, эруптивного происхождения, который был выброшен вулканами Андской кордильеры и разнесен западными и северо-западными ветрами. Эти явления, очевидно, повторявшиеся тысячу раз, имеют место и в настоящую эпоху. В 1886 г. такая пыль осела по всей долине р. Санта-Круц и по окружающим горам, до самого Пунта-Аренас. На берегах Атлантического океана этот пыльный дождь был почти нечувствителен; но в нескольких днях ходьбы, внутри страны нельзя уже было различать предметов в расстоянии десяти метров и дышалось с большим трудом. Множество животных погибло от недостатка воды и корма: ручьи, луга совершенно исчезли под этою пеленою пепла. Из какого вулкана вышло это облако мельчайшей пыли, разнесенной на протяжении, по крайней мере, 200—250 километров,—неизвестно; но этот вулкан, по всей вероятности, один из ближайших к истокам рио-Санта-Круц или её притоков, так как впродолжении некоторого времени течение этой реки остановилось, затем воды её вдруг поднялись, несмотря на то, что в это время, в мае, патагонские реки вовсе не разливаются. Со времени этого события, как говорят, приток воды в реке стал слабее, чем до извержения. Без сомнения, кучи пепла задержали течение и образовали из реки озеро, которое во время наводнения, разрушило эту запруду[2]. В 1893 г., при извержении Калбуко, чилийского вулкана, который долгое время считался потухшим, выброшенный пепел достиг самого устья Чубута и залива Нуево. Все растения казались покрытыми снегом. Для этих туч пепла надо было очень немного времени, чтобы пронестись через это огромное воздушное пространство, так как они были ещё горячия[3].

Совершенно гладкия равнины можно встретить только в собственно Аргентине, на севера от Колорадо. Эти горизонтальные пространства занимают различные уровни над лиманом Ла-Платы и представляют также и другие контрасты, происходящие от свойства почвы и климата. Поэтому их нельзя всех обозначить одним и тем же географическим названием. Северная область, заключающаяся между предгорьями и руслами Парагвая и Параны, составляет Чако, северная половина которого принадлежит Парагвайской республике и обязана своим характерным видом колючему кустарнику, пальмовым рощам и лесам, где редким, где густым. Другие равнины, лежащие южнее внутри страны, по обе стороны Кордовского массива, напротив, совершенно голы: одни только огромные пелены солончаков сверкают под лучами ослепительного солнца: эти прежние озерные бассейны или русла высохших рек представляют собою явления, которые связывают их историю с гидрологией. Наконец, саванны, расстилающиеся от Кордовских гор до низовья Параны и от лимана Ла-Платы до предгорий Патагонии, известны под названием *pampas*, заимствованным из языка прежних кичуанских властителей; на высоких плоскогорьях и в Перуанских и Боливийских Андах этим словом обозначают ровные пространства земли или ложа бассейнов. Далее к югу, в Патагонии, травяные пространства постепенно переходят в каменистые степи, поросшие мелким кустарником.

Пампасы составляют ту часть Аргентинской республики, которую чаще всего описывали, потому что она начинается непосредственно по выходе из больших городов—Буэнос-Айреса, Розарио, Санта-Фе, а также потому, что здесь поселилась большая часть колонистов и, наконец, потому, что надо пройти именно через эту область, чтобы попасть во внутренния провинции. Впрочем, пампасы не представляют собою однообразной местности; они состоят в действительности из террасы, которая незаметно понижается с 1.000 на 200 метров между основанием Кордовских гор и рио-Сала-де-Буэнос-Айрес, и из одной низкой равнины, опускающейся с 80 на 40 метров, которая образует полукруглую зону вдоль Параны и лаплат-

1 Ludwig Brackebusch, цитирован. сочинение.

2 Carlos V. Burmeister, „Revista del Museo de la Plata", tome II, 1891.

3 F. Machon, „Bibliotheque Universelle", nov. 1893.

ского лимана до самого моря. Верхняя терраса представляет собою степь, центральную пампу, которая всегда оставалась выше уровня больших наводнений; нижняя равнина прежде заливалась выступавшими из берегов реками: в ней надо видеть площадь наносов, которые пригоняли сюда воды Параны и которые постепенно были высушены ветрами, отлагавшими здесь пласты пыли, вроде лёсса или «желтых земель» Китая. В этих поверхностных слоях пампы не попадается ни одного камня. Нижний каменистый грунт состоит из очень мелкозернистого песчаника, миоценового происхождения, как и третичные наслоения Патагонии[1].

III

Речная система Ла-Платы, самая обширная во всем Новом Свете после системы реки Амазонок, принадлежит одновременно Боливии, Бразилии, Парагваю, Уругваю и той республике, которая получила от лимана свои названия Аргентины или Ла-Платы. Это последнее государство владеет почти половиною бассейна, хотя большую часть водной массы доставляют сопредельные государства. При слиянии двух больших рек, Парагвая и Параны, где соединенные воды, оставив парагвайский берег, вступают в область, принадлежащую обоими берегами Аргентине, количество катимой воды уже гораздо значительнее, чем при выходе речной дельты в лиман: ниже незначительный приток воды, доставляемый данниками, не пополняет собою даже убыли, происходящей от испарения[2].

У Трес-Бокас, внутренней дельты, которую образуют, соединяясь, две названные реки, рио-Бермехо,—Вермехо, или «Красная,—самый значительный данник, протекающий по аргентинской территории, уже присоединяется к речной оси. Эта река, замечательно параллельная рио-Пилькомайо, благодаря одинаковому наклону пересекаемых ими равнин, получает свое начало в андских массивах, стоящих на восточной стороне плоскогорья. Жужуй, одна из главных ветвей Бермехо, в собственном смысле, протекает по боливийской долине Тарии и, сделавшись уже весьма значительной рекой, принимает в себя, ниже Орана, такую же большую реку, Сан-Франсиско, которая вносит в Бермехо воды провинции Жужуй. Выше слияния—по-испански лас-Хунтас—обе реки одинаково удобны для судоходства; многие из путешественников, руководясь примером священника Мурильо, который в 1780 году проследовал по всему течению реки, плавали и дальше, до самого впадения реки в Парагвай, но это путешествие сопряжено со столькими опасностями, представляемыми мелями, не говоря уже о риске встретить вооруженную атаку, что удачные опыты вовсе не породили серьезных предприятий по развитию судоходства в этой части: плоскодонные суда, на которых перевозят некоторые товары, употребляют на это плавание целые месяцы и потому вовсе не могут конкурирровать с железною дорогою, которая сплошною линиею рельс тянется через провинцию Жужуй до самого Буэнос-Айреса.

Выйдя из гор, чтобы спуститься к Парагваю на юго-востоке, по естественному скату равнины, Бермехо сразу почти останавливается за недостатком покатости. Он раздваивается, разветвляется направо и налево на множество рукавов, старается прорыть себе новое русло, проложить себе нормальную дорогу и разливается там и сям в испаряющиеся бассейны. На ширине ста километров констатировано существование целой сети живых или мертвых рек: здесь в виде текущих ещё ручьев, там—в виде озер, болот и рвов стоячей воды. Почти на всём этом протяжении старые леса исчезли, уничтоженные разлившимися водами[3]. Ещё в середине XIX столетия, самый южный ров, сохранивший название Бермехо, собирал все эти воды в одно течение, чтобы нести их в Парагвай; но образование запруд из деревьев и других обломков отодвинуло течение к северу, и, в настоящее время, сплошная река, развертывающаяся параллельно прежнему течению, приблизительно в расстоянии двадцати километров, носит название Теуко или Теухтах, что на языке матаков означает «Поток»[4]. Со време-

1 Ch. Darwin, цитирован, сочинение;—Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen", Heft III.
2 J. J. Revy, „Hydraulics of the Great Rivers".
3 Amadeo Baldrich, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1884.
4 Giavanni Polleschi, „Otto Mesi nei Gran Ciaco".

ни образования нового правильного русла, побочные потоки уменьшались мало-помалу вследствие отложения наносов в ложных реках; прежнее русло Бермехо почти совершенно высохло, за исключением его нижней части, наполненной в настоящее время солоноватой водой. Очень может быть, что через несколько лет или десятилетий Бермехо снова приобретет свою нормальную непрерывность, подобно нынешнему Пилькомайо, который также имел свои блуждающие русла, когда искал себе подходящего ската; однако, сотни матаков работали впродолжении нескольких месяцев для урегулирования нынешнего русла. В своем нижнем течении рио-Бермехо, загроможденная местами банками белой глины, как и Пилькомайо, на которую она так поразительно походит своим режимом, катит красноватые волны, чему и обязана своим названием «Красная». Общая длина её течения, считая все излучины, превышает 1.800 километров; из них на протяжении 1.500 река судоходна впродолжении шести месяцев в году.

Река Жураменто не имеет боливийских притоков, как Бермехо: её первые воды приходят из Невадо-Качи, лежащей на западе от гор Сальто. Вынужденная делать крутые повороты, благодаря горным преградам, которые ей приходится преодолевать, она часто меняет свое направление, а вместе с ним и название: её называют рио-Гуачипас, затем рио-дель-Пасахе, в том месте, где её пересекает большая дорога из Тукумана в Сальто; ниже она принимает название Жураменто, в воспоминание клятвы, данной армией Бельграно, отправлявшеюся в Верхнее Перу завоевывать свободу американским народам. По выходе из области гор, реке Жураменто остается только пересечь Гран-Чако, сначала в направлении с севера на юг, затем с северо-запада на юго-восток. Но на этой почти горизонтальной почве ей трудно прорывать себе русло. На широте Тукумана она разливается *banados*'ами, болотами, каналами с блуждающими руслами, полузаросшими растительностью. Против Сант-Яго-дель-Эстеро река преобразуется, ещё раз теряется в новых баньядосах, образовавшихся, по словам хроники, в 1760 году. Воды соединяются во второй раз, но текут уже медленно и не имеют большой глубины; во время половодья, они далеко разливаются по обоим берегам. Тогда воды эти бывают почти совершенно пресные, но во время засух они становятся слегка солоноватыми, и река совершенно основательно получает в своем нижнем течении название Саладо. Точно так же, как египетский Нил, тихия и извилистые реки Чако: Пилькомайо, Бермехо, Жураменто—утрачивают силу своего течения по мере удаления от гор: испарение и разлитие вод истощают реку. В сезон дождей Жураменто, получая с гор значительную массу воды, изливает её направо и налево по пампе, с одной стороны по направлению к Паране, в виде лабиринта байусов, с другой—к остатку озера, называющемуся мар-Чикита (Малое море). Исследование Жураменто, совершенное в 1885 году американцем Пэджем на судне *Water Witch*, а после него и многими другими исследователями, показало, что река эта судоходна во всей непрерывной части своего течения, и что в рыхлой почве баньядосов не трудно было бы выкопать канал; но колонисты предпочитают вывозить свои продукты по железной дороге, проложенной прямо через равнину Розарио до Тукумана.

За исключением одной, реки, протекающие по пампе к югу от Жураменто, не несут своих вод в Парану, так как они иссякают в пути; между тем, их всё-таки надо рассматривать принадлежащими к паранской системе, потому что иногда они изливаются в главную реку и во всяком случае направляют свое течение к её долине, то приближаясь к ней, то отдаляясь от неё, в зависимости от дождей и засух. К таким недоконченным рекам принадлежит рио-Дульсе («Пресноводная»). Получая свое начало в высоких горах Сальто, она течет с севера на юг, принимая с правой стороны многочисленные ручьи, сбегающие с сиерры Аконкиха,» затем, чтобы обогнуть сиерру Гуазаян, описывает большую дугу по направлению к юго-востоку и развертывается параллельно Жураменто, но несколько колеблясь в выборе направления при пересечении почти горизонтальных равнин. Достигнув северной оконечности южных мысов кордовской сиерры, рио-Дульсе, уже соленая, несмотря на свое название, начинает разветвляться по почти совершенно пустынной местности: констатировано существование по крайней мере шести различных русл, которые во время половодья все наполняются водой и которые служат или служили прежде стоком для главной реки во-

время сухого сезона. До 1825 года главное русло, самое восточное, орошало плантации Лорето, Атамиски и Салавины; засорение русла отбросило течение на запад, в группу лагун Саладилло, воды которых дотого насыщены солью, что их сравнивают с Мертвым морем или с озером Урмиа. Без всякого сомнения, обширные солончаки, расстилающиеся на северо-западе между кордовским массивом и сиеррою-де-лос-Льянос, и конечная кюветта которых служит ещё стоком для всей между-горной впадины, в отдаленную эпоху получали приток воды из рио-Дульсе; в настоящее время Саладилло отступила на восток, чтобы соединиться с прежним руслом, а затем, постепенно истощаясь, теряется в болоте, носящем название делос-Порронгос, или «Тыкв», вследствие обилия этих плодов, ростущих в диком состоянии по его берегам. Среди этой топи там и сям открываются озерки очень соленой воды, а на юге, на высоте 82 метров, топь заканчивается настоящим озером, мар-Чикита или «Маленьким морем», которое на картах помечается разно, да и в действительности оно часто меняет свою форму в зависимости от количества воды, доставляемой ему притоком. Точно определить можно только его северные и восточные берега, состоящие из закрепленных дюн; на западе, можно запутаться в солончаковых бассейнах, прежде чем доберешься до непрерывной водной площади[1]. Самая большая его глубина, при твердом глиняном дне,—34 метра[2].

Реки, спускающиеся с массива Кордова на восток, в пампу, были названы именами числительными порядковыми. Рио-Примеро, т.е. «Первая», которая выше Кордовы обращается в озерной резервуар, почти совершенно иссякает при своем вступлении в пампу; однако, при больших дождях, её желтоватые воды всё-таки достигают озера Чикита. Рио-Секундо («Вторая»), текущая южнее, параллельно рио-Примеро, также исчезает в лужах, высушиваемых солнцем. Более обильная, рио-Терсеро («Третья»), поддерживает свое течение через пампу, но из чистого потока она обращается в соленую реку. К середине своего течения эта река сильно уменьшается, но тут она получает воду одного из тех соленых истоков, которые носят название Саладилло, столь употребительное в аргентинской географии. Этот «маленький солончак» представляет собою, очевидно, остаток вод, которые сочатся в почве выше ирригационных каналов, образованных рекою Кварто, или «Четвертою», принадлежащею к кордовскому массиву. До своего впадения в Парану рио-Терсеро, известная в этой части своего течения под названием Каркараны или Каркаранала, от индейского племени гуарани, встреченного здесь Габото[3], принимает в себя другой ручей, арройо-де-лас-Тортугас, который, может-быть, был истоком мар-Чикита и всей сети рек, изливающихся в него. По Каркаране неоднократно пытались установить судоходство, но этого удалось достигнуть только отчасти, для судов, имеющих не выше 70 сантиметров водоуглубления.

Рио-Квинто, или «Пятая», берет свое начало не в Кордовском массиве, а западнее, в горах Сан-Луис, и ручьи, стекающие с кордовских высот, не достигают её течения. Она спускается на юго-восток, но, истощенная уже на расстоянии 500 километров от своих истоков, теряется в Амарге, «Горькой лагуне», соленые воды которой ударяются о подошву прежних закрепленных дюн. Неизвестно, совершенно ли воды рио-Квинто испаряются в этом бассейне, или же, как полагают туземцы, пройдя через песчаное ложе, снова просачиваются в виде многочисленных лагун, рассеянных на юго-западе провинции Буэнос-Айреса. Очень может быть, что они дают начало Саладо и Саладилло, соединенным притокам бухты Самборомбан, находящейся на юге лаплатского лимана[4]. Но всё это пока одни только предположения, которые остаются загадками до тех пор, пока не будут измерены дебит и убыль воды от испарения в пампаских реках. Болотистые пространства, в которых теряется рио-Квинто, крайне опасны для путешественников, вследствие обилия топей или *guadales*'ов, куда по одному неосторожному шагу могут низвергнуться и лошадь, и всадник: песок оседает, и несчастный засасывается им; сколько бы он ни отбивался,—всё напрасно, через несколько минут он со-

1 Bodenbender, „Petermann's Mittheilungen", 1893. Heft XI.
2 Jorge B. de Grumbkow, „Boletin del Instituto Geografico Argentino". 1890.
3 Felix de Azara, цитированное сочинение.
4 Martin de Moussy, цитированное сочинение.

вершенно исчезает в песке. Рассказывают, что во время пограничных войн между индейцами и белыми, эти последние часто делались жертвами гуадалесов, тогда как дикари, отлично зная местную топографию, спокойно скакали по узким *rastrilladas*, среди опасных болот[1]. Эти зыбкия земли вместе с окрестною зоною лесов долгое время служили лучшею защитою индейцам ранквелесам против завоевателей.

Слева, со стороны аргентинской Месопотамии, Парана принимает только небольшие притоки, так как склон не имеет здесь достаточной ширины, чтобы дать развернуться большому речному течению. К тому же, как и в пампе, почва в некоторых местах имеет такую незначительную покатость, что воды, не имея стока, расплываются в болота: озеро Ибера —«Блестящая вода»—указывает, быть-может, русло прежней Параны, течение которой было тогда параллельно реке Уругваю. В этой части лаплатского междуречья почва так ровна, что делали попытки опорожнить по частям лагуну Ибера, с верхней её стороны прорытием рвов, которые бы уносили избыток вод в верхнюю Парану, а с нижней—углублением и канализацией рек Батела и Корриентеса, куда медленными потоками изливается излишек озерного бассейна. Лагуна тянется в длину на 40 километров; западный её берег ровный, с востока же она ограждена высокими берегами и пригорками, возвышающимися на 10—15 метров над уровнем воды. Водная площадь представляет собою последовательный ряд *esteros*'ов, большая часть которых поросла тростником, но некоторые из них так глубоки, что по ним могут ходить суда; но на это никто не отваживается, страшась комаров, которые целыми тучами роятся над водою[2]. Говорят, что в последние годы эти Корриентесские лагуны захватили и соседния земли.

К югу от рио-Корриентес, которая уносит воды южных бухт Иберы, следует несколько маленьких речек, которые своими водами не уравновешивают утрачиваемого Параною чрез испарение количества водной массы. Самая большая река области Энтре-Риос, т.е. «Междуречья», Гуалегуай, течет на протяжении почти 400 километров параллельно низовью Уругвая; она впадает не в Парану, а в Павон, один из боковых её спутников; это речное ложе принадлежит к числу тех, которые то покидаются рекою, то снова утилизируются, которые то служат руслом для текущих вод, то ложем для цепи прудов. От впадения Трес-Бокас до своих лаплатских устий главное течение Параны становится почти вдвое шире, благодаря целому ряду других рек, извивающихся по обширной речной долине. Даже те реки, которые протекают теперь по пампе, совершенно в стороне от лабиринта паранских данников, были некогда рукавами Параны: к числу таких принадлежат две реки провинции Санта-Фе, извивающиеся на протяжении 400 километров в некотором расстоянии от главной реки; это Саладилло-Дульсе и Саладилло-Амарго, названные так по различию своей солености; оба эти течения уже давно отделились от главной реки и совершенно отличаются от неё составом своей жидкой массы. Эти побочные потоки граничат на западе с прежними озерными пространствами, которые постепенно засорились речными наносами: от них остались одни лишь байусы, да топкие острова.

Собственно дельта Параны начинается ниже мыса Диаманте, в том месте, где река, повертывая на юго-восток, принимает направление лимана. Некогда это была голова морского залива, тянувшагося на пространстве 600 километров. Вся верхняя часть этого континентального иссечения была на протяжении 370 километров занесена аллювием, а продолговатые острова, занимающие широкую зону рыхлых земель между боковыми высокими берегами, были отложены рекою. В этой большой засыпанной дельте, главное течение Параны идет вдоль правого берега, т.е. мимо пампы, до города Сан-Педро, где почти вся речная масса соединяется в одном ложе: в ближайшем к Облигадо проходе главное русло имеет всего 636 метров, при 50 метрах глубины. Боковые реки, текущие вдоль территории Энтре-Риос, принимают различные названия: Викториа, Паранасито, Павон, Ибикуй[3]; но во время боль-

1 Emile Daireaux, „Buenos Aires, la Pampa et la Patagonie".

2 Juan Queirel, „Comptes rendus des seances de la Societe de Geographie", 1893, p. 363.

3 J. J. Revy, цитированное сочинение.

ших половодий, какие были в 1858 и 1868 гг., все они сливаются вместе, заполняя собою весь лиман от одного берега до другого, и промежуточные острова исчезают под сплошною скатертью вод, разделяющею два берега; пароходы ходят прямо из Виктории в Розарио по огромному проливу в 60 километров.

Ниже Сан-Педро, Большая Парана, или Парана-Гуассу, оставляет свое первоначальное направление вдоль пампы и поворачивает на восток к берегу Энтре-Риос, оставляя со стороны Буэнос-Айреса небольшой поток, Барадеро, которым пользуются обыкновенно гоэлеты, чтобы избежать ветров и волнений главной реки. Кроме того, от Параны-Гуассу отделяется ещё другой рукав рио-де-лас-Пампас, которая хотя и катит меньшее количество воды, но зато сохраняет одинаковую ширину до самого лимана, тогда как Гуассу разветвляется на множество побочных речек, из которых некоторые, направляясь к востоку и северо-востоку, изливаются даже в Уругвай. Главное устье, имеющее около 800 метров ширины, открывается на севере дельты, не в оси лаплатского лимана, а в той части залива, куда впадает Уругвай, сейчас же за проливом Хигуеритас. Со стороны обеих рек дельта имеет 60 километров длины по прямой линии и в 1860 г. оканчивалась одиннадцатью протоками; но количество этих речных отверстий меняется в зависимости от массы воды и прироста дельты.

Речные воды, изливающиеся в лиман, уже у самого входа задерживаются морскою водою, так как морской прилив проникает в самую Парану и в Уругвай более чем на 160 километров; поэтому количество катимой рекою воды надо исчислять выше дельты, в тех местах, где течение пресной воды проходит по одному руслу. В этом отношении две реки представляют между собою контраст: при самой низкой воде Парана сохраняет свою мощь и величие, при мелководье она катит столько же воды, как Миссисипи при средней силе, и представляет объем от тридцати до сорока раз больше Сены у Руана. Питаемая реками, идущими из стран с различным климатом, она вознаграждает потери одного бассейна прибылью другого; кроме того, озера и болота, рассеянные по пути большей части её течения, а также Парагвай, Пилькомайо и Бермехо, способствуют урегулированию паранских вод, принимая излишек во время половодья и возвращая его в сезон засух. Объем воды при мелководье никогда не бывает меньше половины среднего объема[1]. При сравнении, Уругвай представляет большую разницу: во время своего наибольшего разлива он почти равняется Паране; при мелководьи же он представляет собою второстепенную речку, катящую всего лишь шестидесятую часть прежнего количества воды. Эти резкия колебания объясняются с одной стороны однообразием климата орошаемой им области; а с другой—отсутствием дополнительных резервуаров по пути его течения.

Сравнительная таблица Параны и Уругвая, по Агиру, Реви и Батману:

	Парана	Уругвай
Пространство бассейна	2.850.000 кв. килом.	389.500 кв. килом.
Длина главного течения	4.700 километр.	1.500 километр.
Минимальное количество воды в секунду	11.100 куб. метр.	550 куб. метр.
Среднее количество воды в секунду	2.055 „ „	4.000 „ „
Максимальное количество воды в секунду	46.945 „ „	13.935 „ „

Пропорция наносов в обеих реках: 1 на 10.000.
Истечение: $0_{м},60$ воды на всей поверхности обоих бассейнов.

К водам, содержащимся в руслах Параны и Уругвая, надо прибавить подземные бассейны, которые медленно струятся в глубине почвы, происходя также от дождей, падающих в речной бассейн. Под верхними пластами почвы разливается бассейн жидких песков, перемешанных с пресною водою, заключающий в себе массу мелких речных раковин. Это подземное море, которое зонд открыл в подпочве Буэнос-Айреса, на глубине по крайней мере 25 метров, находится в прямом сообщении с течением Параны, между Розарио и Сан-Педро, и питается не только непосредственною данью реки, но также и водою, просачивающеюся

1 J. J. Revy, цитированное сочинение.

через почву: поэтому это подземное море можно считать неистощимым[1].

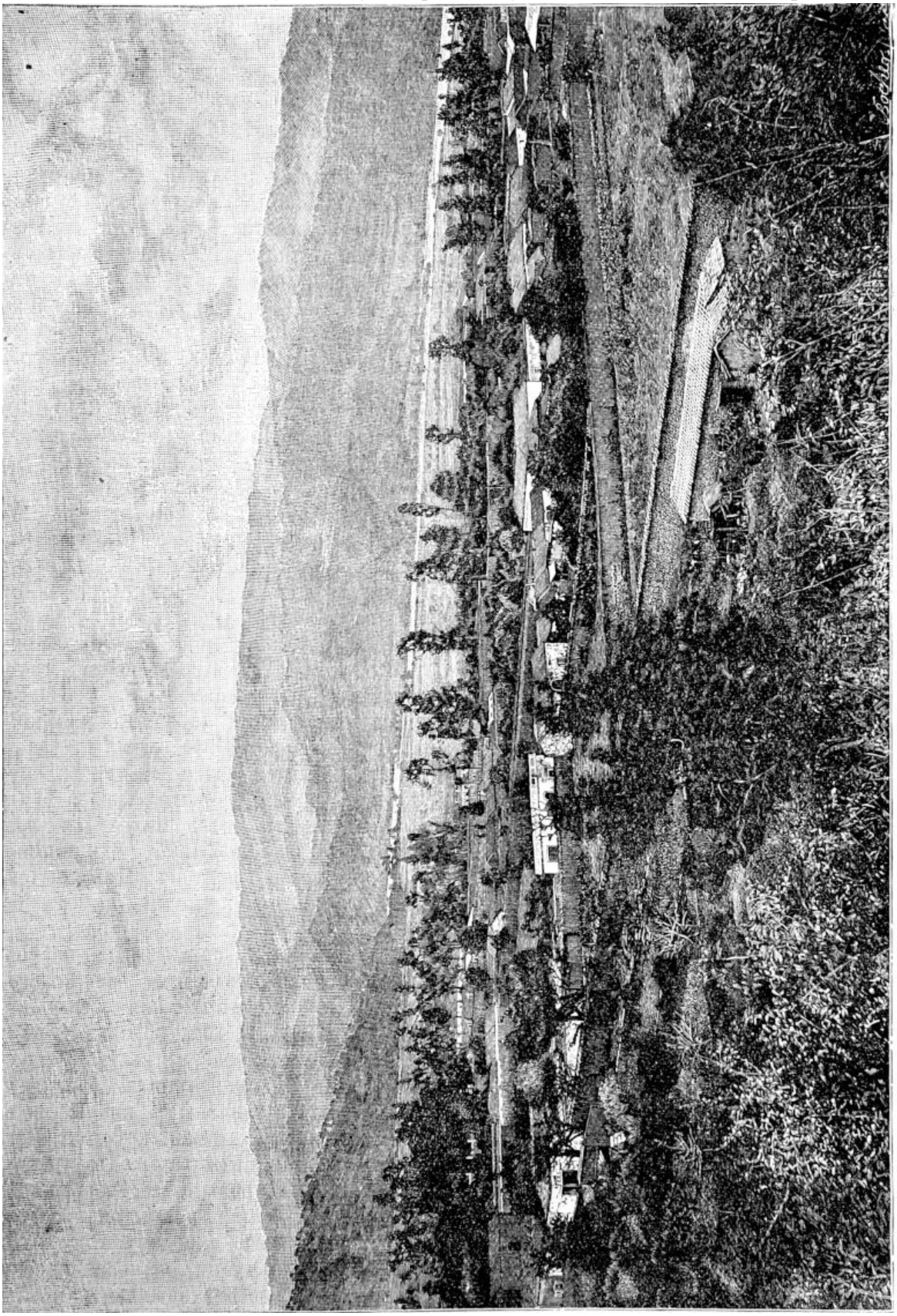
Видимая дельта Параны и Уругвая продолжается в море подземною дельтою, которая современем выступит наружу, если относительный уровень земли и моря сохранится в этих местах без изменения. Банки, разделяемые глубокими рвами, далеко выступают из-за наносных островов, связывая с материком островок Мартин-Гарсиа. Речные наносы, благодаря которым обнажились такия огромные площади равнин, деятельно работают над засорением обширного лимана Ла-Платы. Парана и Уругвай беспрестанно несут муть, которая отлагается банками, и при морском отливе изменяется в лабиринт каналов, где суда подвергаются большой опасности. Средняя глубина лимана, измеренная между Монтевидео и Пунта-де-лас-Пьедрас,—линия, обозначающая настоящий вход,—равняется всего 4 метрам; очевидно, она сильно убавилась в недавнюю геологическую эпоху, так как прежде выше Буэнос-Айреса попадались большие киты, которых теперь вовсе нет, так как в настоящее время они не находят себе здесь достаточного количества воды[2]. Средняя толща вод в собственно лимане не превышает 6 метров, а самые глубокия впадины канала имеют вдвое большую глубину. Прежде, когда ещё не прорывали искусственных входов и не драгировали каналов, все суда останавливались посреди лимана, и высадка пассажиров и выгрузка товаров происходили посредством плоскодонных судов, которые сообщались прямо с берегами, или же, в тихую погоду, посредством тележек, которые перевозили в брод, при чём вода доходила до оси. Несмотря на маяки и баканы, длинная воронка Ла-Платы весьма опасна для судоходства; короткия, полные песку волны, быстрое и переменчивое течение, сильные ветры с резкими переходами—всё это зачастую выбрасывало суда на банки Ортиц, Англэ, Архимед, или на какой-нибудь вновь образующийся остров. Общая поверхность треугольного пространства, покрытого водами собственно лимана, между Монтевидео и Пунта-Пьедрас, исчислена в 13.000 квадратных километров: самое отверстие с одного берега до другого имеет 98 километров ширины. Широкий входный залив, ограниченный с севера мысом Мальдонадо, а с юга мысом Сан-Антонио, служащий преддверием для рио-де-Ла-Плата, занимает ещё более значительное пространство. Из наблюдений морской температуры, произведенных с борта *Gazelle*, выяснилось, что лаплатские воды спускаются на юг до мыса Корриентес, где они соединяются с двумя другими водными массами, из которых одна идет из тропических областей, а другая из Великого океана, огибая мыс Горн[3].

От Жураменто-Саладо до рио Колорадо на Патагонской границе, ни одна из рек, получающих начало между восточным склоном Анд и массивом Кордова, не достигает океана посредством лаплатского лимана. Кюветты без истечения, наполняющие северо-западную область Аргентины и которые почти все ориентированы с севера на юг, соответственно оси самой кордильеры, принадлежат, очевидно, ледниковой формации: их дно усеяно угловатыми глыбами, которые не унесены на дальние расстояния, но слегка попорчены действием ветров, насыщенных песком, и потому не сохранили своих первобытных черт и борозд. Некоторые небольшие ручейки, вышедшие из окрестных котловин, откладывают при своем выходе слой обломков, и если их течение не иссякает совершенно, то оно образует в центре кюветты соленый пруд, почти всегда перемежающийся. Ветер поднимает пыль из глубины и наметает её высокими дюнами в защищенных местах. Соль, отлагаемая во впадинах равнины, происходит, без всякого сомнении, из солончаковых пластов, содержащихся в мезозойских формациях морского происхождения, которые заключает в себе западная кордильера на общей границе Аргентины и Чили. Что касается до солончаков, именуемых *salitrales*, то название это они получили совсем неосновательно, так как вовсе не содержат в себе селитры: налет, находящийся на них вместе с морскою солью, состоит из гипса и сернокислого поташа[4]. Он исчезает от действия дождей, и солончаки покрываются тогда густою раститель-

1 Emilio Goday, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, tome V, 1884.
2 H. Burmeister, цитированное сочинение.
3 „Annalen der Hydrographie“, n° IX, 1876.
4 Ludwig Brackebusch, „Petermann's Mittheilungen”, 1893. Heft VII.

ностью, состоящею главным образом из чащей *jume*, растения из семейства солянковых; но после того, как влага испарится, на поверхности селитренников снова белеет соль.

В недавнюю геологическую эпоху все реки, спускающиеся с Андских гор на запад и на

Поселокъ Жужуй.

юг от Аконкихи, должны были нести свои воды в Атлантический океан посредством рио-Колорадо, бассейн которой был тогда гораздо обширнее, чем теперь: по виду местностей нет ничего легче, как воссоздать мысленно древнее разветвление большой реки, в настоящее

время разбившейся на отрывочные бассейны. Самые южные реки огромного полувысохшего бассейна не дают могучего течения: Часчуил, соединившись с Фиамбалою, а затем и с другими потоками, выходящими с высот плоскогорья, на половину теряется в равнине соленых песков, которая прежде была озером; затем он снова набирает силы и вступает через ущелье в равнины Риохи, где его воды уже совершенно иссякают. От этого пункта до места соединения первой долины с долиною Сан-Жуана, расстояния по прямой линии с севера на юг около 450 километров; но извилистая равнина свободно тянется на юг, и еслибы река потекла снова, она бы не встретила на пути никакого препятствия; притоки, излившиеся в главную реку, продолжают ещё свое течение до самого выхода из гор, затем исчезают, оставляя после себя только небольшие следы, в виде покрытых зеленью полос. Рио-Вермехо (де-Ла-Риоха) и Жачал, спускающиеся с западной стороны массива Фаматины, ближе к снеговой кордильере, имеют достаточно побочных данников, чтобы поддерживать настоящее течение на большем протяжении, чем восточная река, отведенные вправо и влево ирригационными каналами, они не всегда достигают соединения, и их нижнее течение, Занжон, удлиняется или сокращается в зависимости от сезонов, никогда не достигая болотистого бассейна, в котором бы могло соединиться с водами Сан-Жуана.

Эта последняя река, с очень обширным разветвлением потоков, выходит из гор бешеным ручьем, который перехватывается сетью ирригационных каналов, разветвляющихся по всем направлениям. Тем не менее оставшейся в главном русле воды ещё совершенно достаточно, чтобы образовать небольшую судоходную речку, к которой присоединяются ниже стоки с орошаемых земель и которая изливается в болотистые лагуны Хуанакаче. Другая река, рио-Мендоза, выходящая с порога Кумбре и несущая в своих водах тающий снег гор Аконкагуа и Тупунгато, изливает излишек своих вод в ту же впадину, и благодаря этой дани, от одной лагуны до другой, между тростником, пробивается ручей. Дезагуадеро, остающаяся часть года совершенно сухою, принимает излишек вод этих соленых лагун и спускается на юго-восток, отделяя от себя боковой рукав к другому озеру, Бебедеро, «Пей до дна», где прежде оканчивалась большая река, питаемая снегами Аконкихи. С высоты холмов, господствующих над Бебедеро с восточной и западной сторон, среди равнины видно широкое ложе или каньяда, через которое изливались воды, идущие с севера[1]. Смотря по годам, озеро то сокращается до весьма незначительного бассейна, то широко разливается, выделяя из себя на далекое расстояние обширные *banados*. Во время сухих лет Бебедеро, вода которого очень соленая, оставляет на берегах отмели соли, и окрестные жители приходят сюда запасаться этим продуктом. В общем бассейн как будто высыхает; кончится тем, что он обратится в солончак, вроде той впадины, которая лежит севернее, в пространстве каньяды. В непосредственной близости соленых источников, бьют ключи пресной воды. Бебедеро принимает в себя одновременно как притоки, насыщенные солью, так и ручьи самой чистой воды. Не раз случалось, что, скребя банку солончаковой глины, *estancieros*'ы наталкивались на ключи превосходной воды: обе водные площади разделены между собою слоем в несколько метров толщины. Эти явления объясняются подземным разветвлением ручьев, которые спускаются с соседних гор и, скрывшись в песке, снова разливаются медленным течением. Эти маленькие притоки несут пресную воду, тогда как главное течение глубин образовалось из соленой воды. Скотоводы имеют большой навык узнавать, особенно у слияния долин, низкие места, где они могут найти подземные источники пресной воды: они выкапывают там *yaguales*, чтобы устраивать для скота водопой[2].

За озером Бебедеро, отделившийся от Дезагуадеро рукав, наполненный рекою Тунуян, продолжает течь на юг, но в этой почти гладкой равнине, где ветер разносит песок, большие дюны часто преграждают течение или заставляют его искать другого русла. Река, принимающая здесь вполне оправдываемое название Саладо (Соленая), блуждает, так сказать, под давлением ветров. Река Диаманте, сливающаяся с рио-Саладо, и, как говорят, частию судо-

1 G. Ave Lallemant, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tome V, 1884.

2 Martin de Moussy, цитированное сочинение.

ходная, также переместилась, избрав себе новое русло, по тем же самым причинам: прежде она изливалась в более южную реку Атуэл; но песчаные холмы отбросили её на восток, и она течет прямо к Саладо: так образуется большой треугольный остров, ограничиваемый реками Диаманте, Саладо и Атуэлом. Ниже этого последнего притока, выходящего со снеговых гор, река, постепенно мелеющая, неуверенная в своем течении, заграждается рядом дюн и разливается большим испаряющимся бассейном Урре-Лафкен или лагуною Амарга («Горькая»), названною так от своих горьких вод, в которых, впрочем, водится рыба. Дальше видно ещё одно речное ложе, называемое Курако, по которому река прежде вливалась в Колорадо. Можно задать себе вопрос: в этих колебаниях речного течения воды прежней реки не изливались ли в широкий лиман Бахиа-Бланка, который имеет вид речного устья и, повидимому, соединяется с лагуной Урре-Лафкен посредством озер, болот и высохших теперь бассейнов?

Рио-Колорадо, ныне отделенная от всего своего северного бассейна, в семь и восемь раз более значительного, отличается необыкновенным однообразием за пределами андских стран, где образуются её верхния ветви, Рио-Гранде и рио-де-Барранкас. По выходе из гор, она уже не имеет больше притоков и, прорыв себе глубокую борозду, спускается по направлению с северо-запада на юго-восток. Хотя проходящая через страну, где по целым годам не выпадает ни капли дождя, рио-Колорадо получает с гор достаточное количество воды, чтобы иметь вид, по крайней мере в период таяния снегов, значительной реки, глубокой и быстрой, шириною в 300—400 метров. Длина Колорадо—1.600 километров; поверхность её бассейна—45.500 кв. километров; поверхность прежнего бассейна истечения—357.700 кв. километров.

Но зимою она превращается в маленькую речку, которую легко перейти в брод: чилийские скототорговцы, ходящие по прямой долине Колорадо, часто пользуются её песчаным руслом, покинутым рекою. Однако «Красная» река, получившая это название от частиц глины, увлекаемых течением, во всякое время года доходит до моря и даже разветвляется, образуя дельту, оба рукава которой доступны для небольших судов.

Рио-Негро, самая большая река Патагонии и раздельная линия двух естественных областей, двух флор и двух фаун, течет параллельно рио-Колорадо во всей своей восточной части, лишенной притоков; но своим верхним бассейном она охватывает зону гор, гораздо более значительную: все воды восточного склона Анд, между 36 и 40° южной широты, изливаются в Нейкен и Лимай, две её главные ветви, которые ограничивают собою огромное треугольное пространство предгорий и пампы. Рио-Нейкен, берущий начало неподалеку от вулкана Чиллон, в озерке Малбарко, на высоте 2.131 метра, получает несколько притоков, прежде чем войти через ущелье в цепь предгорий, вдоль восточной подошвы которых он течет до слияния с Агрио, своим главным данником, выходящим из продолговатой долины между двух параллельных кордильер. В небольшом расстоянии оттуда, вниз по реке, сходятся почти все тропы, спускающиеся с горных порогов между Антуко и Кетрупилланом: здесь находился главный брод, *Paso de los Indios*, охраняемый в настоящее время фортом. Ниже, Нейкен, огибая плоскогорье, уже не имеет больше притоков.

Многочисленные горные ручьи, берущие начало в кордильере аргентино-чилийского водораздела, на протяжении почти 300 километров с севера на юг, образуют реку Лимай, вторую верхнюю ветвь Рио-Негро. Несколько озер, наполняющих прежния ледниковые долины, изливают из себя потоки в стремительный Лимай, который сам выходит из знаменитого озера Нахуэль-Хуапи, названного «Тигровым островом» вследствие длинной земли, покрытой тростником, которая занимает середину этого бассейна. Озеро Нахуэль-Хуапи, наполняющее собою впадину Анд, весьма важную, как будущий проход трансконтинентальной дороги между Валдивией и Бахиа-Бланкой, известно уже более двух веков: с 1670 г. здесь поселились иезуитские миссионеры среди индейцев-арауканов, а в начале XVIII-го века основали деревню в том месте, где начинается Лимай. Но набег враждебных индейцев разорил миссионерский стан, и хотя впоследствии он был посещаем другими миссионерами, но

окончательное опознание Нахуэль-Хуапи состоялось только в 1855 г. С того времени берега этого прекрасного озера видели многие путешественники, а лет двадцать тому назад им овладел аргентинский отряд войска. Однако, форма Нахуэль-Хуапи ещё до сих пор не определена вполне точно, и исследователи изображают её различно. По словам Семирадского, это альпийское море, гораздо меньшее, чем его обыкновенно изображали[1], имеет всего только 45 километров в длину, а не 80, как утверждали предшествующие путешественники, а ширина его не превышает 15 километров. Но каковы бы ни были размеры озера, всех приводит в восторг этот чудный бассейн прозрачной, как хрусталь, воды, отражающий в себе там стены трахита, здесь гранитные утесы, поросшие буками и соснами, и доминируемый вдали снеговыми пирамидами. Высота озера оценивается различными исследователями в 537—620 метров.

Едва успев выйти из Нахуэль-Хуапи, Лимай сразу бросается к северу, в продольную долину, которая отделяет большую кордильеру от параллельной цепи, называемой кордильера де-лос-Сипрезес; затем, приняв в себя исток озера Трефуль, Лимай пробивает эту стену и соединяется с другою рекою Коллон-Кура, столь же обильною, но ещё более длинною, которая спускается с гор в расстоянии почти 250 километров севернее, извиваясь в долине, открывающейся между второю и третьею кордильерами. Одно из озер, питающих поток, лагуна Алюмине, лежит возле раздельного хребта между бассейнами Биобио и Рио-Негро, и очень может быть, что воды разделяются на едва приметном пороге, чтобы с одной стороны излиться в Тихий океан, а с другой— в Атлантический.

Усиленный всеми андскими ручьями, Лимай быстро течет по направлению к северо-востоку, окаймленный там и сям красноватыми утесами и разливающийся местами в широкие бассейны, усеянные лагунами, которые были некогда излучинами реки, и которые населены мириадами водяной птицы, которая тучами носится над водою. Течение, спускающееся по крутому скату, везде очень быстрое, но не имеет порогов: пароход с достаточно сильной машиной мог бы подняться по Лимаю до самого озера Нахуэль-Хуапи и даже войти в боковой приток, Коллон-Куру. В месте своего слияния обе реки, Нейкен и Лимай, почти одинаковы по годовому количеству катимой воды; но Нейкен, протекая по более сухой области, представляет более резкую разницу между уровнями во время прибыли и убыли вод; Лимай же, благодаря своему сложному происхождению из озерных резервуаров, поддерживает свое течение почти на одном и том же уровне круглый год. По форме своей долины он кажется главной ветвью реки Кура-Леофу или Рио-Негро. Соединенные воды Нейкена и Лимая не образуют однако, «черной реки», такой, как могучий приток Амазонки: может-быть, это название дано реке индейцами не за цвет её воды, но по причине её быстрого течения и опасности плавания по ней. Протекая почти круглый год по слоям гальки и по каменистым порогам, река эта отличается хрустальной чистотой. Только во время больших разливов, когда вздувшиеся воды Нейкена подтачивают берега и размывают равнины, поток содержит в подвешенном состояния глинистые частицы, но эта окраска продолжается всего два, много три дня[2].

Протекая в своей широкой долине с равномерным наклоном, ориентированной сначала на восток, потом на юго-восток, Рио-Негро не получает больше ни одного данника; в этом сухом климате, она мало-по-малу мелеет, по мере приближения к морю; впрочем, средняя её глубина всё-таки превышает четыре метра. На полпути она разделяется на два рукава, которые разветвляются, образуя различные островки, считающиеся за одну землю с меняющимися границами: это Чоеле-Чоел, известный в истории Патагонии как место переправы воинов во время их разбойничьих набегов на аргентинские колонии. Чоеле-Чоел, имеющий в длину сто километров, при десяти километрах средней ширины, состоит из аллювиальных земель, совершенно ровных, покрытых травою и низким кустарником. Направо и налево тянутся низкие равнины, ограниченные откосами плоскогорья, среднею высотою в 250 метров,

1 „Petermann's Mittheilungen", 1893. Heft III.

2 W. H. Hudson, „Idle Days in Patagonia".

и зачастую покрытыми водами Нейкенского разлива, летом—во время таяния снегов, зимою —при выпадении дождей. Рио-Негро впадает в море посредством единственного устья, не изменяя дуги побережья.

Длина Рио-Негро от озера Нахуэль-Хуапи до моря—925 километров; поверхность речного бассейна—122.000 квадр. километров; приблизительное количество катимой воды, по вычислению Геррико—395 куб. метр, в секунду.

Рио-Чубут, неизвестная ещё в 1833 г.,—если только это не та же самая река, что рио-Камеронес, фигурировавшая на старинных картах[1],—катит гораздо меньше воды, чем Рио-Негро. Первые её истоки берут начало в кордильере к югу от Нахуэль-Хуапи и, раз образовавшись, река течет, без больших уклонов через «проклятую землю», усеянную скалами и булыжником, где притоки весьма редки, а с южной стороны даже нет ни одного, её главный данник, приходящий с юго-запада, Сенгер (Сингер, Сенгуел), берет свое начало, как и главная река, в ближайшей к Великому океану части Андов, возле истоков Айсена и, по словам туземцев, приводимым Морено, составляет с этою рекою одну сплошную линию вод между Атлантическим и Великим океаном, перерезывающую весь континент. Сенгер протекает сначала по чудной области лесов и пастбищ, представляющей собою оазис Патагонии; затем, отброшенный на северо-восток стеною скал и встретив ещё новые препятствия, он разливается, уже мутный, в обширный бассейн испарения, который изменяется в протяжении, смотря по времени года, и средняя высота которого над уровнем моря, по определению Фонтана, около 310 метров. Этот бассейн, состоящий из двух озер, Колгуэ и Мустерс, разделенных меридиональной цепью вулканических питонов[2], окаймлен с юга болотистыми землями, куда изливаются воды истечения. Уменьшенный на одну треть в своем объеме[3], Сенгер продолжается на запад от болота и идет на соединение с Чубутом, не принося ему достаточно воды, чтобы сделать из него значительную реку: прежде водная масса, гораздо более обильная, изливалась на севере между крутыми утесами в другое русло, от которого местами ещё виднеются соленые пруды, остатки прежнего течения[4]. Суда могут выходить в реку только при высокой воде, да и то находят в ней всего один, много два метра глубины, за исключением времени таяния снегов. Чубут подтачивает свои северные берега, а на южном отлагает свои наносы: с этой стороны низменная равнина имеет более 30 километров в ширину[5].

Река Десеадо, открытая Кавендишем в 1586 г., изливается в лиман того же названия, на юг от залива Сан-Жорже. Она катит ещё меньше воды, чем Чубут, хотя и перерезывает, подобно этому последнему, Патагонский полуостров почти во всю его ширину. Озеро Буэнос-Айрес, которое, вероятно, было питательным бассейном реки Десеадо, утратило всякий выходной канал и дремлет в глубине своей круглой впадины, подобно кратеру вулкана. В этих областях Патагонии, которая прежде была более богата влагою, путешественники видели много других бассейнов, теперь порожних, но прежде наполненных водою и заключающих в себе пласты озерных отложений. При устье, Десеадо представляет собою лишь ручей, катящий иногда менее 250 литров в секунду, но после дождей становится настоящею рекою. Он изливается в продолговатый залив очень живописной формы, который тянется на пространстве около 37 километров с запада на восток, представляя разнообразную линию берегов, с островами и островками, рифами и мысами, бухтами, оврагами и долинами; все эти холмики не что иное, как потухшие вулканы, пылавшие, по всей вероятности, в плиоценовую эпоху, в конце ледникового периода[6]: береговые скалы состоят из трахита и туфа. Порт Десеадо, «Желанный», может в своей восточной части принимать суда глубокой осадки, а во

1 Francisco P. Moreno, „Viaje a la Patagonia Austral".
2 Z. J. Fontana, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1886—87.
3 Carlos M. Moyano, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tome II, 1881.
4 W. H. Hudson, цитированное сочинение.
5 Antonio Oneto, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tome V, 1884.
6 Muster, „Journal of the R. Geographical Society". 1871.

время приливов, которые достигают высоты четырех, даже шести метров, суда средней величины могут подниматься до самой вершины залива; но здесь они встречают очень сильное течение, так что вход иногда опасен, особенно зимою, во время противных ветров.

Две незначительные реки, изливающиеся южнее рио-Десеадо, тоже, повидимому, пересекают всю патагонскую область, от андских предгорий до моря, имея параллельное друг другу течение исследователи обозначают их разными названиями; но одно из них, Саладо, применяемое к южной из этих рек, доказывает, что она не настолько изобилует водою, чтобы сохранять её чистою, и что при испарении в ней концентрируются соленые частицы[1]. Следующий за этими речной бассейн, орошающий суженное пространство Южной Патагонии, принадлежит реке Санта-Круц и катит относительно весьма значительное количество воды, благодаря большой ширине своего верхнего бассейна, по направлению с севера на юг, а также обилию выпадающих в этом крае дождей. В верхней его части, у восточного основания Анд, следуют одно за другим, на пространстве почти 200 километров, четыре больших озера, как бы в соответствие фиордам противуположного склона. Первое озеро, открытое Морено, в 1877 г., и названное им Сан-Мартин, в память завоевателя Чакабуко, развертывается неправильным овалом между могучими горами вулканического происхождения, откуда низвергаются льдины и лавины; на восток от этого бассейна, лужи и озерки занимают дно глубокой лощины, над которой возвышаются другие вулканы, между прочим Кочаит, или «Птица», с остроконечной пирамидой. Вулканическая сила ещё и ныне волнует эту озерную область Анд; Морено видел даже, как из озера Сан-Мартин вылетел столб воды в виде пара, и это явление показалось ему извержением гейзера[2]. С западной стороны, выходной поток уносит излишек озерных вод, где постоянно плавают льдины, и изливает его в другое озеро, до сих пор ещё неисследованное, лежащее у восточного основания вулкана Фитцрой; это последнее в свою очередь изливается в озеро Виедма, названное так в честь Антонио-де-Виедма, который первый, в 1872 г., достиг его песчаных берегов.

Это озеро, самое большое из всех озер в этих под-андских областях, развертывает свои берега в виде овала на протяжении около 80 километров, по направлению с северо-запада на юго-восток. Яростный ветер, спускающийся обыкновенно с западных гор по оси озерного бассейна, поднимает здесь громадные волны, как волны океана. Могучая ледяная река, впадающая у западного берега, несет сюда кристаллические глыбы, которые длинною вереницею плывут по озеру, как флотилия судов, и натыкаются на восточный берег, где и тают, оставляя песок и камни на ложе ледника. На низких песчаных берегах рассеяны эрратические валуны, а одна из таких скал возвышается даже среди озера в виде островка. Следы прежних берегов на окружности утесов доказывают, что уровень озера был прежде гораздо выше. Он мог понизиться благодаря реке Орр или Леона, которая извивается по направлению с севера на юг в узкой горной долине, а затем соединяется с озером Аргентино у его восточной оконечности. К востоку от озерного бассейна находится речное русло, в настоящее время сухое, которое некогда несло воды рио-Леона прямо в рио-Санта-Круц[3].

Озеро Аргентино («Серебряное»), открытое в 1868 г. Гардинером, и которое пять лет спустя посетил Фейльберг, а в 1878 г. Франсиско Морено, первый совершивший плавание по этому резервуару,—занимает ту самую область, которой Фитцрой и Дарвин, зондируя пространство в западном направлении, дали название «Таинственной равнины»; они же окрестили две из гор, погружающих скалы своего основания в воды этого озера, именами Хоблер-Хилль и Кастль-Хилль. Нынешняя высота озера, по определению Карлоса Бурмейстера, равняется 350 метрам; но, как и Виедма, прежде оно было гораздо выше, и на окружности бассейна можно ясно различить два прежних берега: верхний—скалистый и покрытый эрратическими валунами, и другой, окаймленный дюнами, которые навеял западный ветер, гоня песок пляжей. Подобно озерам Швейцарских Альп, аргентинские озера,

1 Carlos Ameghino, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tome XI, 1890.

2 „Viaje a la Patagonia Austral".

3 Francisco Moreno, цитированное сочинение;—Carlos Burmeister, „Revista del Museo de La Plata", 1893.

представляющие собою кюветы, расположенные параллельно соседним хребтам, повидимому, имеют весьма большую глубину. Морено, располагавший лотом в 37 метров длины, не достал дна в озере Аргентино в расстоянии 3 километров от его западного, наименее крутого, берега[1]. Так же, как в фиордах,—а эти озера, по всей вероятности, были фиордами, как и озера противоположного склона Анд,—оконечность, обращенная к открытому морю, наименее глубока, пучины же находятся у основания гор, в том месте, где озерной бассейн разветвляется на извилистые каналы, окружающие полуостровные скалы. Там каждый рукав озера получает свой ледяной приток, и обломки льдин медленно плывут к выходу реки.

Рио-Санта-Круц, исток цепи озер, начинающейся озером Виедма, выходит из восточной бухты озера Аргентино, в нескольких километрах от устья рио-Леона: эти два потока продолжаются как половины одной и той же реки. Течение прерывается порогами, и плавание вверх по реке возможно только бечевой и приподниманием лодки над порогами; при спуске вниз по реке во время половодья, лодки уносятся течением через препятствия со скоростью 20, даже 25 километров в час; жидкая масса, изливающаяся через этот канал, представляет, по Мояно, огромный дебит, именно, 835 кубических метров в секунду: без всякого сомнения, Санта-Круц—самая многоводная река во всей Патагонии. Предполагая, что среднее выпадение атмосферной воды в верхнем бассейне Санта-Круц представляет слой в 775 миллиметров в год—цифра, кажется, весьма близкая к действительности,—приходим к тому выводу, что поверхность земли, необходимой для образования такой могучей реки, должна превосходить 33.000 квадратных километров;—такова, по крайней мере, должна быть площадь бассейна, который питает озера Виедма и Аргентино. Вода в рио-Санта-Круц, менее холодная, чем окружающий воздух, происходит, очевидно, из более теплых областей, лежащих значительно ближе к экватору. Вся катимая рекою вода выходит из озер: уже Фитцрой, по замечательной прозрачности воды, признал, что она должна выходить из озерных резервуаров; редкие дожди, выпадающие на востоке в речном бассейне, пропадают в вулканическом пепле. Дно русла, так же, как берега и террасы боковых скал, покрыто эрратическими валунами, громадными глыбами объемом до 500 кубических метров. Глубокая долина рио-Санта-Круц служила прежде спуском для андских скал, или потому, что их толкал к морю ледник, или же потому, что они скатывались к фиорду, гонимые западным ветром. Базальтовые массы, покрытые шлаком, суживают речное течение. У своей восточной оконечности долина реки, доминируемая высотами в 30—120 метров, имеет совершенно вид бывшего морского пролива, и Дарвин высказал мысль, что этот разрез плоскогорья был когда-нибудь проходом между двумя океанами, вторым Магеллановым проливом. Однако, вид гор, на запад от озера Аргентино, не подтверждает этой гипотезы[2].

Во входном лимане к водам морского прилива примешиваются воды другой реки, которую многие считают притоком рио-Санта-Круц: это рио-Чико, исследованная Мустерсом в её нижнем течении, а Мояно—до самой области истоков. Так же, как и Санта-Круц, она течет по глубокому рву, прорытому в базальтовом плато, но она не располагает таким количеством воды, чтобы быть полезной для судоходства: при низкой воде это не что иное, как маленький ручей в 40 метров ширины, который легко перейти в брод, погрузившись всего до пояса. Среди живописного ландшафта предгорий, в глубине обширного бассейна виднеется маленькое овальное озеро, «жалкий остаток внутреннего моря, которое некогда наполняло этот бассейн»[3]. Здесь тоже видны признаки осушения климата. Приток воды, вносимый рекою Чико, весьма незначителен для Санта-Круц: вместе обе реки катят 880 кубических метров в секунду, но что значит это количество воды с сравнении с тем, которое вгоняет морской прилив в общий лиман? При низкой воде лот не находит на баре и трех метров; во время же прилива глубина достигает 16, даже 18 метров. Приливные и отливные течения в лимане очень сильные.

1 „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1879.
2 Carlos M. Moyano, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1879.
3 Fremont and Orr, „The East Coast of South America"

Озеро Аргентино продолжается на юг вторым озером, которое, по словам одних, имеет такую же высоту,—т.е. около ста метров,—по свидетельству же других, оно лежит всего только на несколько метров выше уровня моря. Между этими двумя озерами существует ли сообщение посредством пролива, водопада или порога? Мояно полагает, что существует, не утверждая этого положительно. Южнее, у основания гор, тянется длинный пресноводный рукав, полу-река, полу-фиорд, как бы для того, чтобы соединиться с ледниковыми фиордами, окружающими андскую кордильеру и образующими разветвляющиеся заливы Скиринг-Уатера.

К югу от лимана Санта-Круц берег представляет другие бреши в виде полузасыпанных фиордов, принимающих в себя маленькия речки, спускающиеся не с андской кордильеры, а с восточного склона вулканической цепи, а потому почти безводных. Кой-Инлет, одно из этих береговых иссечений, в котором Дарвин видел прежний пролив, вроде Магелланова, принимает всего только один ручей, называемый Койле, искаженным английским именем лимана[1]. Он был совсем высохшим во время посещения Морено; южнее, между стенами лавы, унизанными вулканическими конусами, струится перемежающаяся река Галлегос, получающая начало в плодородных равнинах *Llanuras de Diana*; она судоходна впродолжении только нескольких недель в году. Текущие воды крайнего юга Патагонии отлагают в своих руслах золотые песчинки в песках своего русла.

Берега Патагонии и Огненной Земли не представляют в своем профиле характера единства. От Буэнос-Айреса до Бахиа-Бланка полукруглый контур побережья развертывается по ритмической кривой, где приметно медленное и непрерывное геологическое действие; также на оконечности континента, лезвие палаша, обрисовывающееся от острова Штатов до Кой-Инлета и прерываемое двумя проливами, Лемера и Магеллановым, свидетельствуют о таком же ровном движении в образовании берегов. Но промежуточное пространство, от Бахиа-Бланка до лимана Санта-Круц, очерчено очень неправильно. На юг от Бахиа-Бланка, воронкообразного лимана, глубоко врезывающагося в массу континента, множество параллельных иссечений берега указывают, повидимому, на существование прежней дельты, но река, которая изливалась в этот залив, прекратила свое существование. По странному контрасту Рио-Колорадо и Рио-Негро, вместо того, чтобы течь по долинам, продолжающим заливы или береговые иссечения, следуют по гребню почвы и изливаются в океан на крайней выпуклости выступающей земли. Непосредственно к югу оттуда, залив Сан-Матиас так глубоко врезывается внутрь материка, что ему дали название Бахиа-Син-Фондо, или «Бездонная бухта», тогда как на юге полуостров Вальдес, или Сан-Хозе, связывается с континентом узким перешейком, изгибающимся направо и налево в виде молота, чтобы замкнуть две боковые бухты. На юге большого правильного полукруга, образуемого заливом Сан-Жорже, Рио-Десеадо, также как Рио-Колорадо и Рио-Негро, спускается не к бухте, которая как бы манит его к себе, но посредине полуостровного хребта.

Порты редки на этом берегу Патагонии, открытом для полярных ветров. В южных морских пространствах, моряки предпочитают порты Сан-Жулиан и Санта-Круц, хотя как тот, так и другой при низкой воде заграждены барами, где слой воды не превышает 2—3 метров; но во время прилива, когда уровень повышается у этих берегов на 10, даже на 15 метров, самые большие суда могут свободно входить почти во всякий час. Особенно боятся подходить к берегу в заливе Сан-Матиас у полуострова Вальдес: волны, сталкиваясь, образуют страшную толчею, а встречающиеся здесь противные течения описывают опасные водовороты; здесь невозможно даже бросать лот, так как кружащиеся воды отклоняют в сторону свинец[2].

IV

Аргентинская республика имеет лишь небольшую полосу земли в тропической зоне. В

1 Carlos M. Moyano, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1887.

2 Francisco P. Moreno, „Viaje a la Patagonia Austral".

этой зоне находится только один из её городов, при том один из самых малых, именно Оран. Можно сказать, что Аргентина, по климату, соответствует умеренным странам Западной Европы, от Испании до Оркнейских и Фарерских островов. Но на протяжении от 22 до 55 градуса южной широты, линий, между которыми заключена аргентинская территория, находим целый ряд климатов, переплетающихся под влиянием ветров. К переходам, совершающимся по направлению с севера на юг, прибавляются переходы в направлении с востока на запад, наблюдаемые по мере того, как удаляешься от моря и приближаешься к горам. Таким образом местные климаты разнообразны до бесконечности, но все они имеют ту общую черту, что представляют значительные отклонения и резкие скачки в температуре. Орографический рельеф от равнин Чако до скалистых островков Огненной Земли дает полный простор как теплым ветрам, дующим из экваториального севера, так и холодным, приходящим с полярного юга: никакая стена гор не задерживает на проходе этих воздушных течений, приносящих с собою или раскаленную атмосферу экватора, или стужу антарктических льдов.

В месопотамской области и вообще во всей северной части Аргентины, нормальные ветры ориентируются по такому же направлению, как горы и реки, т.е. с севера на юг или с юга на север, параллельно Андам и их предгорьям, Фаматине и Аконихе, параллельно также Уругваю и Паране. Но наблюдается некоторое балансирование между восточными речными областями и западными андскими. В первых преобладает северный ветер, тогда как у основания Анд первенствует южный ветер. Другой контраст состоит в уклонении северного ветра, который зачастую спускается с горных высот в равнину: это грозная *zonda*, приносящая с собою бури, особенно в зимние месяца, от июля до сентября. Северный ветер и зонда несут высокую температуру и не раз термометр поднимался выше 40°. Если тогда произойдет внезапная перемена ветра, то разница в температуре может дойти в течение дня до 30° и более по стоградусному термометру. Зимою и когда дуют продолжительные южные ветры, очищающие атмосферу и облегчающие лучеиспускание, температура падает ниже точки замерзания, и патагонские реки, начиная с Чубута, быстро замерзают. Говорят, что в Сан-Жуане, у подошвы Анд, воздух дотого прозрачен, что позволяет видеть простым глазом звезды среди белого дня, даже в соседстве солнца.

Побережье Буэнос-Айреса на лимане Ла-Платы и по Атлантическому океану имеет в климатическом отношении, свои характерные особенности. Поморяне пользуются чередованием бриз ила *virazones*: материковая бриза дует днем, а морская ночью. Кроме того, в этой части морского побережья часто дуют общие ветры, т.е. юго-восточные пассаты, и не только летом, но также и впродолжении большей части зимы; иногда даже атмосферические пертурбации, особенно в мае и октябре, обращают пассатный ветер в бурный: тогда, под названием *su-estada*, он волнует лиман и поднимает воды в Уругвае и Паране; большая часть кораблекрушений на Буэнос-Айресском рейде происходит именно от этих юго-восточных штормов, почти всегда сопровождаемых сильными дождями. Другое воздушное течение, характеризующее климат лаплатского побережья, известно под названием *pampero*, т.е. «ветер пампы»; хотя он дует с не меньшею силой, но по своему направлению менее опасен для рейда; *pampero* пересекает равнины центральной пампы, по направлению с юго-запада на северо-восток, и продолжается вдоль берега Уругвая и Южной Бразилии, переходя иногда за Сантос и мыс Фрио. Этот ветер, очень сухой, чистый и здоровый, дует, средним числом, шестнадцать раз в году[1], иногда только в течение нескольких часов, иногда же по нескольку дней сряду. Несмотря на эти резкия перемены атмосферы, климат побережья имеет меньшую амплитуду в своих отклонениях: температура здесь довольно ровная, и жители не страдают от того удушливого зноя, который стоит в тихое время во внутренних «сахарах».

Область юго-восточных пассатных ветров на Атлантическом побережье имеет весьма неопределенные границы; но в столкновении полярных течений с противоположными, эти последние почти всегда осиливают в пределах собственно Патагонии. Северо-западные ветры преобладают здесь отчасти весною и в течение всего лета. Причина этого лежит в конт-

1 Martin de Moussy, цитированное сочинение.

растах температур на западе и на востоке конечного треугольника Патагонии. В пространствах Магеллановых архипелагов протекают холодные полярные воды, тогда как в Атлантическом океане течение идет в обратном смысле, направляясь к исходному полюсу тропической жары. Между тем и другим побережьем образуется под одною и тою же широтою средняя разница в 6 градусов по стоградусному термометру, и столь значительная разница вызывает непрерывное притягательное действие восточной, относительно теплой, зоны на более холодную атмосферу западной зоны. Северо-западные патагонские ветры отличаются такой необыкновенной силой, что всаднику невозможно усидеть на лошади: путешественнику необходимо заблаговременно сойти с лошади и укрыться в каком-нибудь овраге от этого грозного ветра, разгуливающего по равнине. Древовидная растительность, в некоторых местах довольно густая, держится только в лощинах, или *canadones*; всюду же в другом месте, на высушенной ветром почве, ростет только низкий кустарник. Констатировано, что этот воздушный слой имеет весьма незначительную толщу: в небольшом расстоянии от земли можно зачастую наблюдать облака, идущие по направлению, обратному нижнему течению. Буйная бриза начинается обыкновенно с восходом солнца и достигает наибольшей силы в час по полудни; затем она начинает стихать, и к ночи часто наступает полная тишина[1]. Южнее, в Огненной Земле, ветры далеко не имеют такой же правильности в лабиринте фиордов, бухт и узких каналов. Как констатировал мореплаватель Ансон, полтора века тому назад, хорошая погода недолго держится под этими южными широтами, и даже самая безоблачность неба предвещает бурю.

Вообще говоря, в Аргентине дожди уменьшаются постепенно с севера на юг, от под-тропических областей по направлению к под-полярным полуостровам и архипелагам. В равнине Тукумана доля влаги, изливаемой воздухом, гораздо больше, чем в лаплатской Месопотамии, а в этой последней больше, чем в Буэнос-Айресе, который в этом отношении, в свою очередь, превосходит Патагонию. Точно также констатирована убыль в количестве дождей по мере удаления от лимана к основанию Анд. Сухость воздуха возрастает вдали от моря, и в то же время изменяются явления, сопровождающие выпадение атмосферной влаги. Так на побережье роса очень обильна, и часто идет очень мелкий дождик, как в Европе; напротив, во внутренней Аргентине, особенно в Сан-Жуане, туманы почти неизвестны, и по целым годам ни разу не бывает тумана; но влага выпадает в виде проливных дождей, сопровождаемых иногда грозами и даже градом. Дождь, всегда очень сильный, кажется нормальным явлением, вызванным столкновением воздушных течений; в Буэнос-Айресе снег составляет чрезвычайную редкость, однако Герман Бурмейстер видел падавшие снежные хлопья в 1871 г.

Аргентина, взятая в её совокупности, не имеет, даже в соседстве морского побережья, влажности, необходимой для её земледелия. В Буэнос-Айресе до сих пор ещё вспоминают о продолжительной засухе 1827—1831 г., которая известна под названием *gran seca*: в эти три года в окрестностях выпало всего только несколько небольших дождей. Пастбища обратились в пустыню; дикия животные, соединившись с домашними, бродили вместе в поисках травы и воды и гибли в одних и тех же топях[2]. Во внутренних провинциях засухи продолжаются ещё дольше, чем на побережье; но там и не рассчитывают на влагу с неба: урожаи зависят от горных снегов, которые питают ирригационные сети. Чтобы собрать всю воду, спускающуюся с высот, должны были при выходах долин выкопать канавы, а дальше в равнине во многих местах вырыть артезианские колодцы, до 100 и более метров глубины. Однако, кажется, климат сделался суше, и снег выпадает не в таком изобилии, как прежде. Так, рассказывают, что в середине истекшего столетия одна *quebrada*, спускающаяся с сиерры-де-Веласко, могла орошать вокруг Ла-Риохи впятеро большую площадь садов и виноградников, чем та, которая теперь пользуется орошением. Возростание количества населения, а вместе с этим и потребления воды, не вполне может объяснить это уменьшение площади

1 Carlos V. Burmeister, „Revista del Museo de La Plata“, tome II, 1891.

2 Emile Daireaux, „Revue des Deux Mondes“, 13 avril 1877.

культур. Это недостатку атмосферной влаги, в виде снега или дождя, должно приписать иссякание стольких рек в северных равнинах Патагонии. В «проклятых землях», по которым протекают реки Колорадо и Негро,—простые каналы без всякого притока,—дожди до такой степени редки, что иногда проходят целые годы без капли дождя; немного сырее чувствуется только зимой. Железнодорожные станции, стоящие среди пустынь на юг от Буэнос-Айреса, с каждым поездом получают запасы воды. Путешественники должны привыкать пить солоноватую жидкость, которая во многих местах струится из почвы: приучаются считать «пресной водой» горькое питье, от которого везде в других местах отказались бы не только люди, но и животные; в этих областях пумы умирают от жажды, а бараны от голода[1]. Растительность может существовать только благодаря утренним росам[2]. По словам Морено, самая безводная и бесплодная зона Патагонии—это та, которая заключает в себе бассейн рио-Десеадо, длинной реки, берущей начало в области андских снегов, но которая, при своем впадении в обширный фиорд, имеет вид тонкой струйки. Но если равнины и плоскогорья Атлантического океана лишены дождей, то Анды получают их в изобилии. Северо-западные ветры, дующие с такою силою и нагоняющие ливни на побережье Великого океана, встречают на своем пути многочисленные бреши, которые открывают им проход на противоположные склоны, где по близости гор они изливают большую часть влаги. Другие атмосферные течения, задерживаемые на проходе, также роняют свою ношу дождя или снега, образующих там и сям несколько ледников. У подошвы гор с аргентинской стороны тянется ряд озер, и многочисленные бассейны, из которых вода уже испарилась[3], составляли, очевидно, прежде почти непрерывную водную линию, начиная от Нахуэль-Хуапи до Магелланова пролива. Тьерра-дель-Фуего орошается в достаточной мере, даже в её восточных равнинах.

Метеорологические условия различных городов Аргентины:

	Годы наблюдений	Широта	Высота над уровнем моря	Температуры:			Разность	Толщина слоя дождей
				макс.	средняя	миним.		
Сальто	16	24°46	1.200м	43°	17°,6	—5°,8	48°,8	0м,575
Туукман	—	26°50	450	40°	20°	—0°,9	40°,9	0м,971
Сант-Яго-дель-Эстеро	—	27°48	210	45°	21°,5	—2°,6	47°,6	0м,280
Катамарка	—	28°28	520	43°	20°,8	—0°,4	43°,4	0м,303
Ла-Риоха	—	29°26	510	43°,3	19°,9	—0°	43°,3	0м,273
Чилесито	—	29°12	1.075	40°	17°,9	—0°	40°	0м,660
Кордова	—	31°25	438	44°	16°,8	—8°,9	52°,9	0м,065
Сан-Жуан	—	31°32	650	42°,5	18°,7	—3°,4	45°,9	0м,582
Мендоза	—	32°53	760	38°	15°,9	—2°,5	40°,5	0м,082
Сан-Луис	—	33°18	720	39°,4	16°,9	—4°,6	44°	0м,582
Розарио	—	32°56	7	38°,7	17°,5	—2°,8	41°,5	0м,982
Буэнос-Айрес	32	34°36	19	37°,75	17°,11	—1°,9	39°,65	0м,846
Бахиа-Бланка	20	38°45	15	40°,5	15°,8	—5°,5	46°	0м,484
Раусон	5	43°17	30	37°,6	12°,6	—10°,2	47°,8	0м,295
Ушуя	3	54°53	10	27°,3	5°,3	—10°,6	(?)	(?)

V

Тропические леса, подобные сельвасам Бразилии и некоторым частям парагвайских лесных пространств, попадаются только в узкой зоне Аргентины, где климат представляет достаточную теплоту и влажность. Эти климатические условия можно найти только в провинциях Сальто, Жужуй, Тукуман, у основания краевых гор плоскогорий и в Чако, по течению питательных рек, Пилькомайо и Бермехо. На своей окружности эта лесная область изменяется постепенными переходами в естественные парки, где леса, перемешиваясь с лугами, составляют самую красивую и плодородную площадь Аргентины. Между букетами деревьев

1 Machon, „Bibliotheque Universelle“, decembre 1893, III

2 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen”, 1893.

3 Francisco P. Moreno, цитир. сочинение.

можно найти все лесные породы, но кроме того ещё множество таких видов, которые могут произрастать только при достаточном просторе и свете[1]. Леса и рощи занимают большие пространства в северной части республики, но самое превосходство этого строевого, поделочного и красильного леса, разнообразные виды котораго отмечены ботаниками, и скудость лесного богатства в остальной части страны, заставляют опасаться за долголетие этого «аргентинского рая». По соседству с городами варварское опустошение лесов уже началось.

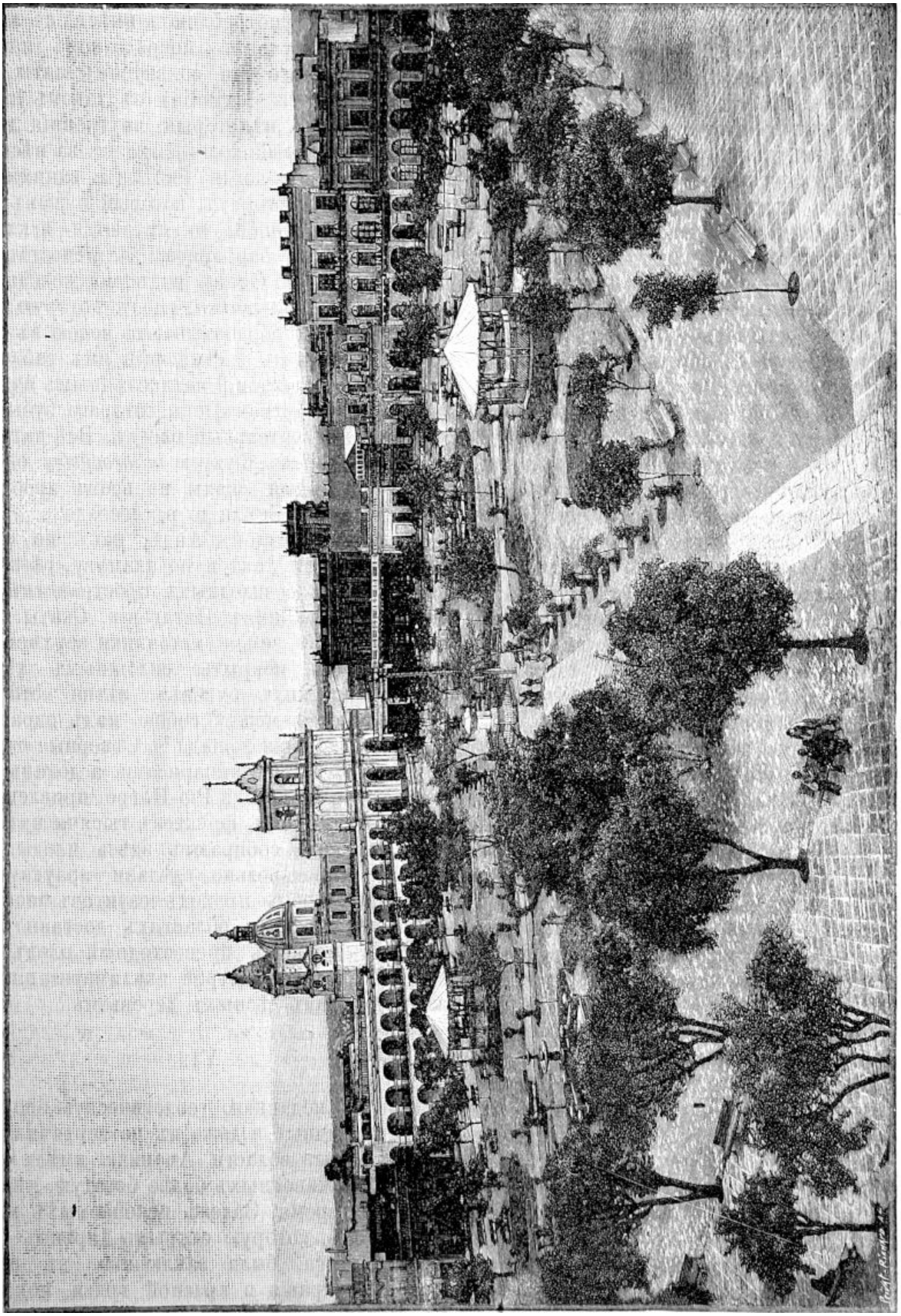
Недостаток влаги и чернозема, вместе с присутствием в почве частиц соли, придают растительности вполне своеобразный вид. Под этим климатом и на такой почве могут произрастать только редко стоящие деревья, с мелкими листьями, с иглами или шипами, дающие мало тени. Ботаники подразделяют эту площадь тощих лесов, похожих на бразильские *catingas*, соответственно преобладающим древесным породам: на склонах краевых гор Катамарка и Сант-Яго-дель-Эстеро встречается *cabil*, род акации, очень полезный для дубления кож, и *quebracho colorado* (*loxopterygium Lorentzii*), также очень богатое танином и очень ценимое строителями железных дорог за его упругость и прочность. На дюнах и вообще на песчаных местах, обыкновенным деревом является альгарробо (prosopis), или рожковое дерево, с изящным зонтиком тонких лапчатых листьев; дальше, на совсем сухих землях, возвышаются колонны деревянистых кактусов и разветвляющиеся диски варварийских смоковниц. Чако также принадлежит к этой области редких лесов, по крайней мере теми своими частями, которые удалены от текучих вод. Некоторые колючия деревья, между прочим, *gleditschia amorphoides*, до такой степени переплетаются своими шипами, что животное, попавшее в эту западню, может найти себе там смерть[2]. Жасмины наполняют воздух своим ароматом. В Чако находятся самые обширные пальмовые рощи, состоящие главным образом из *copernicia cerifera*. По направлению к югу они становятся меньше и составляют лишь небольшие группы, состоящие преимущественно из *trithinax campestris*. Пальма ятаи (*cocos yatai*) принадлежит специально аргентинской Месопотамии, т.е. провинциям Корриентес и Энтре-Риос. В лаплатской флоре насчитывается до десяти пород пальм; из них четыре принадлежат этой области междуречья, которая, благодаря своим лесам и разнообразию растительных пород, может быть рассматриваема как особая ботаническая площадь.

На запад от Параны древесная растительность представляет по направлению с востока на запад замечательный контраст. Самые ближния к морю горы имеют на нижних склонах древесную растительность, по крайней мере в тех областях, которых не коснулся ещё топор, тогда как на Андских предгорьях, лишенных необходимой влаги, склоны совершенно голы, а на высоких плоскогорьях, даже там, где почва была бы благоприятна, растут одни только лишаи и *llareta* (*azerola madreporica*), налипшая на камнях, вроде плесени. Равнины представляют совершенно противуположный характер, чем горы. На западе они частью покрыты кустарником и даже лесами, резко отличаясь этим от совершенно голых пампасов, которые ограничены с востока течением Параны. А между тем пампасы получают гораздо больше дождя, чем западные равнины[3]. Подобно прериям северного полушария, почва пампасов также содержит воду, необходимую для развития древесной растительности, а между тем самородно производит одну только траву. Весьма вероятно, что контраст, существующий между лесами и саваннами, соответствует прежнему распределению стоячих вод. На тех пространствах, которые ещё сравнительно недавно были затоплены, при прочих равных условиях, преобладает травяная растительность; земли, выступившие из воды уже в давния времена, повидимому, более пригодны для того, чтобы сделаться лесными областями.

Лес не вдруг обрывается на границах пампы. Отдельные полуостровки и островки деревьев выступают далеко за опушку леса, а с другой стороны, в самом лесу уже начинают показываться большие прогалины, поросшие травою. К разнообразным травам, составлявшим самородную флору пампасов, со времени прибытия европейцев, примешались многие расте-

1 P. G. Lorentz, „Die Argentiniche Rebublik, von Richard Napp".
2 Ludwig Brackebusch, „Petermann's Mittheilungen", 1893, Heft VII.
3 Griesebach, „Vegetation der Erde";—Lorentz, цитиров. сочинение.

ния, ввезенные из Старого Света, которые быстро распространились от морского побережья до самой подошвы Анд, изменив таким образом физиономию страны: так, равнина стала изобиловать волчецом, который в сухие годы разростается непроходимыми чащами. Кажет-

Тукуманъ.

ся, эти европейские виды способствовали улучшению пастбищ расширением площади *pasto blando* или *pasto tierno*, пригодного для овец, в ущерб *pasto duro*, на котором пасутся пре-

имущественно лошади[1]. Флора пампасов, в сравнении с другими растительными областями, заключает в себе лишь небольшое число видов—злаки, сложноцветные, мотыльковые,—но они все замечательны огромным числом особей. Растение *Gynerium argenteum*, которое в Европе называют «травою пампасов», отсутствует именно в самой пампе в собственном смысле: его можно встретить только на склонах гор, вдали от равнин, и в сырых оврагах, на границах Патагонии. Некоторые части пампы с слегка солоноватою почвою, служащею пастбищем для скота, производят совершенно особые виды травы и служат переходом к солончакам, где ростет преимущественно лебеда. Настоящая пампа не имеет ни одного дерева, а деревья, которые там встретишь,—эвкалипты, тополи, персиковые,—даже растущие вдали от жилищ, все были посажены рукой человека. Между этими человеческими насаждениями, в безграничной равнине, с слегка волнистою почвою, особенно бросается в глаза растение *омбу* (*phytolacca* или *pircunia dioica*), с громадным ноздреватым стволом, узловатыми корнями, расползшимися по земле, и с темными листьями, висящими в виде шаров. Плывущие по реке Паране, издали ещё замечая это своеобразное растение, пользуются им, как характерною приметою, так как оно растет всегда по краям проложенных троп, служа путешественникам вехами в этом море пустынь. Хижины *rancho* строятся обыкновенно в соседстве с порослями омбу, и стада укрываются под тенью его густых ветвей.

Пампасская флора, ограниченная с севера рекою Саладо, а с запада озером мар-Чикита и первыми отрогами Кордовского массива, постепенно расширяется к югу; прежде она охватывала даже всю провинцию Буэнос-Айреса, теперь большею частью завоеванную культурами. На юге она не идет дальше Бахиа-Бланка, но появляется ещё в долине Колорадо, которую вообще можно считать за границу патагонской флоры, характеризуемой кустарниками: в сырых лощинах появляются ещё анклавы пампасов. Лугов, в тесном значении слова, вовсе нет в патагонской зоне, но между кривыми стволами колючих кустов растут пучки травы, злаки и сопыльниковые; в 1884 г. Лоренц и Нидерлейн перечислили всего только 300 видов, как принадлежащих к флоре обширной территории Патагонии[2]. Кактусы с крепкими колючками во многих местах преграждают проход людям и лошадям. Овраги наполнены *totorales*'ами, группами гинериума и других горделивых растений, с гибким стеблем и блестящими белошелковистыми листьями. В патагонской области Рио-Негро единственное большое дерево—особый вид ивы (*salix himboldtiana*), да и то быть-может европейского происхождения[3]. Но скоро от него останутся только слабые отпрыски, так как у береговых жителей нет другого строевого леса, и они поднимаются всё выше по долине, чтобы срубать там хорошие прямые деревья, которые они связывают в плоты для сплава по реке. На террасах, господствующих над долиною, самое обыкновенное дерево, имеющее вид кустарника—*chahar* (gourliaca decorticans), который в октябре покрывается желтыми цветами, похожими на цветы дрока. В некоторых пустынных областях путешествуешь целыми днями, не видя ни одного дерева; те, которые встретишь, наконец, считаются у туземцев за *gualichu*, т.е. «местных гениев»[4]. Некоторые из патагонских растений нашли себе применение в промышленности или употребляются в пищу: таковы, например, колючий ладанник (duvana magellanica), который доставляет превосходную смолу, и Санта-Круцский «чай» (micromeria Darwinii), маленький куст с крепкими корнями, которые употребляют вместе с листьями, для получения, посредством настоя, очень ароматного чая со вкусом мяты. Калафат (berberis luxifolia) в таком изобилии покрывает некоторые внутренния дюны, что его синеватый колер виден за несколько километров: когда индейцы занимаются рубкою леса в горах, который нужен для постройки шалашей, то питаются исключительно ягодами барбариса, за недостатком мяса гуанако[5]. Один вид можжевельника доставляет им *maken*, смолу, которую

1 P. G. Lorentz, цитирован. сочинение.
2 „Informe oficial de la Comision cientifica de la Expedicion al rio Negro“.
3 W. H. Hudson, „Idle Days in Patagonia“.
4 Fr. Machon, цитирован. сочинение.
5 Francisco P. Moreno, „Viaje a la Patagonia Austral“.

они размягчают и обрабатывают водою в превосходный гумми, заменяющий им табак и, кроме того, служащий великолепным очистительным средством, от которого зубы получают замечательный блеск. Все патагонцы жуют макен. Фукусы *macrocystes* окаймляют береговые скалы на всём пространстве Огненной Земли до р. Десеадо.

Орошаемый склон Анд, как по своей растительности, так и по климату, резко отличается от бесплодных пространств плоскогорий и равнин Патагонии. Скаты гор, где бьют из земли источники верхней рио Санта-Круц, покрыты сплошным лесом «антарктических буков», ветви которых переплетаются между собою над оврагами, где пасутся дикия лошади[1]. Северные склоны покрыты дубами и кипарисами, а долины, где берут начало истоки Рио-Негро, привлекают к себе в сезон фруктов тысячи патагонцев, которые собирают здесь плоды. Испанцы непроизвольно сделали арауканцам ценный подарок: проход иезуитов миссионеров в андских областях доставил индейским воинам превосходный плод—яблоко, благодаря быстрой акклиматизации саженцев, как лесных деревьев.

VI

Ещё в недавнюю геологическую эпоху, т.е. в третичный и даже в четвертичный периоды, южные области Америки имели фауну крупных животных более богатую, чем в в наше время. Залежь ископаемых млекопитающих, которую открыл Дарвин близ Бахиа-Бланка, была заключена в пласте слоистого гравия и красной грязи, похожем на морские отложения, которые могли бы образоваться и ныне на неглубоком берегу; найденные там раковины принадлежали в большинстве к недавно существовавшим или к современным видам[2]. Большинство глиптодонов, или гигантских броненосцев, открытых в пампаской формации, непосредственно под слоем растительной земли, сохранились в той же целости, как скелеты быков и лошадей, павших на пампе. Следовательно, условия животного мира были в ту эпоху такия же, как и теперь: на пампе нет крупных плотоядных животных, которые ломают скелеты и разносят их отрывки; здесь водятся только ястребы и другие хищныя птицы, которые пожирают мясо и очищают кости от мертвечины[3]. По мнению натуралиста Амегхино, человек существовал уже в эту эпоху, когда образовались земли пампы, и имел своим жилищем почву, вырытую под черепом иди щитом глиптодонов. Рот нашел человеческий скелет под одною из таких естественных кровель. По словам индейцев, глиптодон жил ещё в очень недавнюю эпоху.

Натуралисты, занимавшиеся раскопкою костей в древней третичной фауне Ла-Платы и Патагонии, были поражены обилием и разнообразием видов, найденных в тесном пространстве. Костняк Бахии-Бланка, покрывавший площадь почти в 200 метров, заключал в себе: черепа мегатериев; одного мегалоникса; почти полный скелет сцелидотериума, четвероногого из того же семейства, приближавшагося некоторыми своими признаками к муравьееду, другими—к броненосцу; три исполинских вида, принадлежащих к отряду неполнозубых; останки лошади; один зуб макраухении, животного, родственного верблюду и ламе; наконец—токсодона, странное животное, по величине приближавшееся к слону, по зубам грызуна—к крысе, по своим водяным нравам—к ламантину: за исключением размеров, он походил на паранскую капивару. На берегах рио Санта-Круц и других рек Южной Патагонии, искатели нашли массу костей неизвестных млекопитающих, которых до сих пор ещё не всех удалось классифицировать. Среди этих открытий наиболее драгоценными были кости гигантских птиц, размерами своими превосходивших новозеландских *dinornis*. Геологические находки, какие доставила патагонская фауна, по количеству и ценности равняются находкам в «Дурных Землях», на северо-американском Великом Западе, и обратили музей Ла-Платы в главное место для изучения австральной фауны[4]. Эти ископаемые животные столь многочислен-

1 W. H. Hudson, цитиров. сочинение.

2 Ch. Darvin, „Voyage d'un Naturaliste autour du Monde, traduit par Ed. Barbier".

3 Carlos M. Moyano, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", 1888.

4 Francisco P. Moreno, „Revista del Museo de La Plata".

ных видов и таких огромных размеров дают основание предполагать, что оконечность Америки есть остаток очень обширного континента, который включал в себе и острова, в настоящее время рассеянные в южной части Атлантического океана. Громадное скопление костей, которые находят под вулканическими туфами, заставляет думать, что в ту эпоху животный мир был представлен мириадами особей[1]: если бы в наше время какая-нибудь катастрофа сразу поглотила всех животных равнины, то скелеты их были бы рассеяны по земле очень редко, за исключением тех животных, которые живут стадами. Как бы то ни было, замечание Бюффона, что рост животных до некоторой степени соответствуют размерам населяемого ими материка, не оправдывается третичной фауной Патагонии: как бы ни был обширен её континент, но во всяком случае вторую Африку он собой не представлял. Даже в современный геологический период большая часть соответственных родов и видов имеют представителей в Новом Свете более крупных, чем в Старом[2].

По замечательному явлению соответствия, нынешняя фауна умеренных областей Южной Америки походит на фауну Северной Америки. Аргентина и Патагония напоминают штаты, соседние с большими Канадскими озерами, если не своими видами, то своими родами. Про некоторые местности можно сказать, что все типы здесь и там одинаковы. Но по отношению беспозвоночных морской фауны констатировано, что соответствующие животные формы на берегах Южной Америки живут дальше от экватора, чем на северо-американском побережье. Так, птицы золотой подорожник и свиток, которые в Соединенных Штатах встречаются только до 30° широты, массами живут в Бахиа-Бланка под 39°; свиток обыкновенен даже в Магеллановом проливе, на 1.600 километров южнее, и это явление соответствует тому, какое наблюдается в морской фауне на южных берегах африканского континента[3].

Рио-Негро составляет приблизительную границу между двумя областями Аргентины и Патагонии: некоторые виды не переступают её и не заходят в область, начинающуюся на другом берегу. Страус нанду, *rhea americana*, уступает место более мелкому виду—*rhea Darwinii*; также и ягуар патагонский гораздо меньше размерами, чем ягуар в Чако[4]. Андская стена также служит раздельной границей южно-американский фауны: с одной стороны идет чилийский склон с своими характерными видами, с другой—аргентинский. Впрочем, некоторые животные пренебрегают этими границами. Пума (felix concolor) рыскает в Патагонии вплоть до Магелланова пролива; два вида диких кошек, собак, один вид хорька и небольшой броненосец (dasypus minutus), а также из грызунов—мыши, водящиеся здесь в необычайном изобилии[5], живут также и на конечном полуострове. Кондор, который в Экуадоре не спускается и на предгорья Анд, в Патагонии появляется даже на Атлантическом берегу. Пресмыкающиеся довольно редки на конечном полуострове континента, а ещё реже моллюски, как земные, так и водные. Что касается морских форм—птиц, китообразных, рыб и низших организмов, то они водятся особенно в Магеллановом архипелаге; но человек некоторым видами угрожает уже близким истреблением: пингвины, которые прежде мириадами унизывали карнизы скал, выстроившись вряд, как полки солдат, не убегая даже от палки охотника, теперь исчезли уже со многих архипелагов[6].

Границы животных видов, принадлежащих к сухой тропической зоне, идут уступами в северной части Аргентины. Обезьяны, трех различных семейств, встречаются ещё в лесных областях Миссий и Корриентеса, соседних с Бразилией, и возле боливийской границы, на склонах гор Жужуй и Сальто. Летучих мышей в лаплатских странах гораздо меньше, чем в провинциях Бразилии, а вампир-кровосос, к тому же менее опасный здесь, чем под тропи-

1 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen", 1893, Heft III.
2 Felix de Azara, „Essai sur l'histoire naturelle des quadrupedes du Paragvay".
3 Henry A. Ward, „Revista del Museo de la Plata", tomo I, 1890-1891.
4 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen", 1893, Heft III.
5 Ch. Darwin, цитиров. сочинение.
6 Ed. Whymper, „Travels amongst the great Andes of the Equador".

ками, вовсе не встречается южнее Тукумана[1]. Плотоядные звери представлены многочисленными видами на севере Патагонии, но крупные виды кошачьей породы, как ягуар и оселот, исчезают, оттесняемые земледельцами и пастухами. Пуме, обитателю области гор, менее угрожает исчезновение; в лаплатских областях он никогда не нападает на человека, и, когда пастух настигнет его, он даже плачет, не дерзая защищаться. Тапир, обитающий в сырых и теплых лесах, и пекари, принадлежащий к той же геологической площади, не заходят южнее провинций Корриентеса и Сант-Яго-дель-Эстеро. Ленивец, которого аргентинцы в шутку называют perigo ligero, «паяцом-прыгуном», не спускается к полюсу ниже Чако, а муравьятник, свойственный северным пустыням, весьма редок в аргентинских провинциях. Что касается рода броненосцев, то он имеет в Ла-Плате многочисленных представителей, по крайней мере восемь видов: это те же аргентинские *armadillos*. Однако, гигантский броненосец, более других напоминающий древнего глиптодона своею полутораршинной броней, составляет уже редкое явление в стране тоба, к северу от реки Бермехо. Броненосец-карлик, или *quirquincho*, попадающийся в Мендозе, имеет размеры крота. Косматый армадильо (dasypus villosus), приспособляется к новой среде, создаваемой для него культурой почвы, обратившись в ночное животное[2].

Обитатель пампасов по преимуществу, *вискача* (lagostomus trichodactylus), напоминает «луговую собачку» северного континента; подобно этой последней, он вырывает себе подземные города в песчаной почве. Этот грызун походит на сурка, с тою только разницею, что он не подвержен зимней спячке. Его норы, шириной от 2 до 20 метров, соответственно величине семейства, расположены спиралеобразно и расширяются по мере углубления. Днем издали можно узнать тушканчиковые норы или, как их здесь называют, *viscacheras*, так как около входа трава выщипана вровень с землею, тогда как над самою норою она растет высокими пучками; зато ночью всадник должен ехать очень осторожно по этому своду скрытых подземных галлерей, иначе лошадь его рискует сломать ноги, провалившись в обрушившееся здание[3]; индейская лошадь, привыкшая к ночным экспедициям, держит всегда голову опущенною и обнюхивает почву, подобно охотничьим собакам, так что чутье всегда во-время предупреждает её об опасности[4]. Как и в прериях Соединенных Штатов, у отверстий тушканчиковых нор часто стоят на карауле совы и другие ночные птицы. Ехидны, ужи, ядовитые пауки пробираются в эти надежные убежища; оттого путешественники, проходящие через эти местности, где вискачи живут в большом числе, всегда запасаются чесноком, чтобы отогнать змей этим острым запахом, который всеми аргентинцами считается за самое верное предохранительное средство. Впрочем, караванам выгодно располагаться лагерем по близости тушканчиковых нор, благодаря привычке этих маленьких животных украшать входы в свои норы; здесь можно найти побелевшие кости, разные предметы, потерянные на пампе, лоскутки одежды, ремни, башмаки, и—вещь более важную для путешественников,—сухия ветки и корни: это готовая вязанка хворосту, и путнику остается только зажечь её, чтобы сварить себе еду. Между рио-Колорадо и рио-Негро самое обыкновенное животное—мерра, или «патагонский заяц» (dolichotis patagonica); идя между кустарником, их можно видеть десятками, снующих по сторонам тропы[5]. В культивируемых местностях пампы дичь, вместо того, чтобы уменьшаться, как можно было ожидать, значительно увеличилась, благодаря прекращению пожаров, которые прежде уничтожали гнезда с молодью[6].

Горы также имеют свою фауну. Шиншилла (calomys), которую её прекрасный мех подвергает опасности близкого истребления, не живет ни в равнинах, ни на снеговых вершинах и не спускается с места своего жительства на Андах в патагонские области. Напротив, гуа-

1 Vinciquera, „Bolletino della Societa Geografica Italiana“. oct. 1889.
2 H. W. Hudson, „The Naturalist in La-Plata“.
3 Martin de Moussy, цитированное сочинение.
4 W. H. Hudson, „The Naturalist in La-Plata“.
5 Carlos Burmeister, „Anales del Museo de Buenos Aires“.
6 Alexis Peyret, „Une Visite aux colonies de la Republique Argentine”.

нако встречается в высоких аргентинских Андах и, под южными широтами, спускается в каменистые пространства Патагонии до берегов Атлантического океана. Охотники уже успели истребить это животное в большей части аргентинских предгорий. Оно только изредка попадается в предкордильерах Ла-Риохи и Катамарки, но в провинции Жужуй, где земледельческое население состоит ещё из кичуа, гуаноко и вигонь щадятся туземцами, и иногда путешественнику случается сотнями видеть их пасущимися на свободе[1]. Как и верблюд, родственное ему животное Старого Света, гуанако долго может оставаться без питья и даже приучается к употреблению соленой воды[2]. В Южной Патагонии, между озером Аргентино и кордильерою Латорр, тянется равнина, на которой Роджерс и Ибар видели однажды более пяти тысяч животных; равнина эта получила от них название Гуанако. Они исчисляли количество этих животных в той области в 1.200.000: индейцы тегуел-че убивают гуанако до 300.000 голов в год, и всё-таки в их громадных стадах не приметно ни малейшей убыли[3]. Самцы гуанако, держащиеся поодиночке и очень быстрые на бегу, трудно досягаемы для охотника, тогда как самки, скорее устающие и ходящие группами, представляют более верную добычу. В южной Патагонии, на берегах Галлегоса и Санта-Круц, раненые или издыхающие гуанако плетутся всегда к какому-нибудь уединенному кустарнику, где и кончаются: тысячи скелетов этих животных устилают земли этих гуанакских кладбищ[4]. Из шкур молодых гуанако, сшитых страусовыми жилами, изготовляют ценные шубы, которые продаются в Буэнос-Айресе по очень высокой цене. Шерсть этих животных идет на тканье *ponchos* и одеял. На окраинах континента водится родственное гуанако животное—гуемул, или *cervus chilensis*, принадлежащий также к фауне перуанских Анд. На Огненной Земле весьма обыкновенны лисицы (canis magellanicus), но их сильно преследуют охотники, благодаря их драгоценному меху. Грызуны имеют целые мириады представителей, и один из них туко-туко (ctenomys magellanica), или «прячущийся» (oculto), размножается в таком изобилии, что земледелие в равнинах становится почти невозможным, так как почва в некоторых местах изрыта его норами по всем направлениям[5].

Аргентинская орнитология крайне разнообразна, представляя многочисленные породы, начиная с могучих коршунов и кончая колибри, этими «крылатыми цветками» Почти все голенастые, свойственные тропической Бразилии и Гвианам, распространены и в южных областях до Тукумана и Корриентеса Многочисленные виды попугайчиков и попугаев, между прочим амазонский попугай, лучшая из говорящих птиц, также принадлежат к аргентинской фауне. В Кордовской сиерре живет особая разновидность колибри (trochilus)[6]; кроме того, до самой Магеллании встречаются ещё другие виды птицы-мухи. Антарктический медосос, родом из Боливии и Чили, куда он и возвращается на зиму, летом перелетает на берега Огненной Земли: во время снежных метелей его часто видали собирающим мед на фуксиях[7].

Кондор, этот пернатый гигант Нового Света, весьма обыкновенен в сиеррах Сан-Луис и Кордова, стоящих в виде сторожевых башен среди равнин, усеянных стадами. Что касается страуса или нанду, этого бегуна равнины, то он прежде населял всю пампу и травяные области Патагонии; но совокупными усилиями хлебопашцев и охотников эта птица была истреблена прежде, чем её успели одомашнить. Всего меньше вреда нашествие белых оказало водным породам птиц, населяющих болота, лиманы, морские берега. Магелланские архипелаги ещё изобилуют пернатыми, гнездящимися в их скалах. Среди этих лапчатоногих первое место занимает утка, которую английские моряки назвали *race horse duck* (утка-лошадь) по

1 Luis Brackebusch, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tome IV, 1882.
2 Fr. Machon, цитирован. сборник.
3 „Petermann's Mittheilungen", 1880, Heft II.
4 Ch. Darwin;—W. Hudson, цитирован. сочинения.
5 „Petermann's Mittheilungen", Heft I
6 Martin de Moussy. цитиров. сочинение.
7 Alfred R. Wallace, „Humming-birds", „Fornightly Reriew", 1 dec. 1887.

быстроте её передвижения, которое она совершает тремя способами—плавая, бегая и летая: чаще эта утка известна под названием *steamer duck* (пароход), так как попеременное движение её крыльев напоминает лопасти у пароходного колеса. Плавает она с поразительной для утки быстротой, оставляя за собою на воде длинный след. Крылья её с твердыми рулевыми перьями сильно рассекают волны, служа главными двигательными орудиями более, чем лапы; некоторые из селезней имеют более метра в длину, считая от клюва до хвоста; они питаются преимущественно ракушками и пасутся на лугах подводных водорослей[1].

Подобно другим отделам фауны, мир пресмыкающихся свидетельствует об ослаблении жизненной энергии на юге жаркого пояса. Различные виды аргентинских черепах гораздо мельче, чем родственные им животные, живущие в Бразилии; крокодилы, водящиеся в болотах и озерах Корриентеса, имеют в среднем всего 2 метра в длину и редко когда достигают трех метров: такие попадаются южнее Санта-Фе. Удавы не переходят за область Сант-Ягодель-Эстеро, которая принадлежит к наилучше очертанным геологическим границам, а гремучая змея не встречается уже за Кордовским массивом. Аргентинские воды, морские, озерные и речные, почти все изобилуют рыбою, а в лимане Ла-Платы, со смешанными водами, до самого Монтевидео и выше, кроме морских и речных видов, имеются ещё свои особенные. Крупная, вкусная форель водится как в пресной, так и в соленой воде; она встречается в Бебедеро и в лагуне Хуанакаче, так же, как и в рио-Сан-Жуане, выходящей из ледников. Китообразные, как большие, так и малые, были некогда очень многочисленны в этих морях: один вид тюленей или *bobo* дал свое название одному острову в лаплатском лимане, а на берегах Патагонии охотники беспощадно преследуют «морских львов», «морских слонов» и других тюленей, пользуясь их жиром и кожей. Киты, совершенно уже истребленные в умеренных водах южной части Атлантического океана, попадаются ещё только по соседству с Огненной Землей и в южных морях, где плавают льды.

VII

Доисторическое состояние Аргентины определить очень трудно, по причине самого разнообразия человеческих типов и всякого рода предметов, которые таят в себе подземелья. Так, в пампасах Буэнос-Айреса находят глиняную посуду, ничем не отличающуюся от сосудов, откопанных в ацтекских некрополях. Трудно сказать, были ли эти предметы завезены с северного континента, или они представляют собою продукт местной промышленности. На берегах рио-Дульсе, близ Сант-Яго-дель-Эстеро, из почвы извлекли урны, содержавшие человеческие останки, вперемежку с раковинами, принадлежащими к видам, которые и ныне живут в Великом океане. Изменились ли с той эпохи контуры берегов, или движение судоходства совершалось из Западного океана в Атлантический? Более того—некоторые каменные или деревянные палицы совершенно одинаковы с теми, которыми сражались маорисы Новой Зеландия и канаки Новых Гебридских островов[2]. Существовали ли торговые и дружественные сношения между народами Австралии и Южной Америки?

Во всей гористой части северо-западной Аргентины, от провинции Жужуй до провинции Мендозы, на мысах и в долинах находят многочисленные развалины, ограды, крепости и города. Некоторые из этих развалин видны даже на высоте 4.000 метров, иногда на отвесных питонах и даже на совсем вертикальных стенах. Многие из этих древних укреплений походят на крепости «Береговых скал» в Аризоне и в Новой Мексике. Большая часть из них не имеют внешних отверстий, которые бы сообщались с редюитами крепости: туда можно было проникнуть только по лестницам, и стены, очень толстые, представляли собою нечто вроде четырехстороннего тротуара, оттуда спускались на двор, окруженный жилищами в виде гротов. Такой способ построек свидетельствует о тревожном состоянии, в каком жили эти нации, но они наследовали народам, которые в предшествующую эпоху разрослись в обширные общины, так как их промышленная цивилизация была довольно развита. А кто был

1 Kind;—D. R. O'Sullivan, „Fortnightly Review", January 1893.

2 Francisco P. Moreno, „Revista del Museo de la Plata", tome I, 1890—91.

строителем дороги «Инков», которая тянется на сотни миль на восток от Анд, пересекает по прямому направлению равнины, выделяя из себя ветви направо и налево к местам, некогда населенным, и направляется к бреши Усполлата, чтобы перерезать Анды? Морено полагает, что, несмотря на её название, она «до-инкаского» происхождения: в ту эпоху текли большие реки и расстилались огромные озерные бассейны, теперь уже исчезнувшие[1].

Традиционное название этой главной дороги, казалось бы, указывает на то, что она обязана своим происхождением кичуа, вассалам инков; но «исписанныя» скалы, камни с резьбой, которые во множестве попадаются на этой дороге или по близости её, не похожи на находимые в верхнем Перу: они принадлежат, очевидно, иной цивилизации. В этих странах, теперь совершенно пустынных, горы обведены рвами, которые служили, по всей вероятности, ирригационными каналами, но теперь горные овраги совсем сухи. Разные ткани, орудия, каменные, медные, бронзовые и серебряные, разрисованная глиняная утварь,—всё это свидетельствует о высокой степени культуры, какой достигли эти исчезнувшие народы. Доисторические войны, а также, наверное, общее осушение страны, истребили этих древних представителей американской культуры. Так же и в Старом Свете исчезло много могущественных народов внутренней Азии.

До самой Патагонии страна, повидимому, была прежде населена очень густо. Почти нет такого места, как бы оно ни казалось теперь негостеприимным, где археологи не находили бы следов временного прохождения или пребывания человека. И это пребывание, по всей вероятности, было не кратковременным, так как некоторые, медленно отлагавшиеся пласты земли заключают в себе до большой глубины остатки продуктов человеческой промышленности: в Энсенаде собрали обломки глиняной посуды на глубине более 60 метров от поверхности земли. Кроме того, большие различия, представляемые черепами, орудиями, надписями на скалах, доказывают, что эти населения принадлежали к различным расам. Континент, оканчивающийся длинным полуостровом, составлял как бы нечто в вроде верши, которая захватывала один за другим оттесняемые из северных стран народы, которые часто истребляли здесь друг-друга. Аргентина представляет собою огромное подземное кладбище исчезнувших рас[2]. Быть-может, яхганы и алакалуфы, живущие на Огненной Земле, являются жалкими остатками народов, отличавшихся прежде более высокою культурою, но которые постепенно были оттеснены в области крайнего юга. В бассейне Самборомбон, на юго-восток от Буэнос-Айреса, натуралист Карлес открыл, вблизи ископаемого мегатерия, замечательный человеческий скелет с тринадцатью спинными позвонками[3].

Последовательные века доисторической эпохи, несомненно, представлены в Аргентине, но индейцы не дошли ещё до уменья делать орудия из железа, когда на их берега высадились европейцы; они знали только употребление меди, да и то не все, а лишь цивилизованные нации северо-запада; большая же часть племен продолжала пользоваться костями, раковинами и камнями. Особенно богатые по археологическим остаткам места известны под названием *paraderos*; Морено нашел таких парадеросов множество в долине Рио-Негро. Археологи находят там наконечники стрел, принадлежащие к двум эпохам, палеолитовой и неолитовой, из которых последняя продолжалась до самого прибытия европейцев. Редко когда эти предметы попадаются вперемежку в одном и том же месте. Оружия древних времен встречаются только на верхних склонах высоких берегов и на террасах, тогда как неолитовые стрелы, попадающиеся чаще, рассеяны по дну долин. По неоконченным стрелам можно судить, что доисторические мастера, жившие на Рио-Негро, практиковали разделение труда, и что некоторые гонялись за красотой материала и с любовью доканчивали вещь тщательною отделкою. Недалеко от Кармена натуралист Гудзон открыл мастерскую, в которой нашел одни только головки стрел, длиною в один или два сантиметра; все они были сделаны из твердого, но прозрачного камня, из горного хрусталя, агата или сердолика. Можно

1 Francisco P. Moreno, рукописные заметки.

2 Francisco P. Moreno, цитированное сочинение;—„Patagonia, resto de un antiguo continente“.

3 Vilanova, „Congres International des Americanistes“, 1892.

думать, что туземные охотники желали обставить свою охоту на мелких пернатых особенно привлекательными аксессуарами, убивая птиц такими стрелами, которые по цвету и красоте подходили к своим жертвам[1].

В начале XVI-го века, во время прибытия испанских завоевателей, обширная страна, составляющая ныне Аргентинскую республику, начиная от плоскогорий Боливии до Южного океана, была населена множеством племен, которые назывались разными именами, но в сущности составляли всего несколько этнических групп. Северо-западная область принадлежала народу калчакви, приобщившемуся к цивилизации кичуан, говорившему на одном с ними языке и, по всей вероятности, даже составлявшему с ними одну и ту же расу. Междуречье, т.е. страна между Параною и Уругваем, была землею гуарани, и нации этой расы, преобладавшей во всей восточной части континента, расселились даже за пределами этих рек, в самых пампасах: на юге Кампаны Станислав Зебальос нашел огромный гуаранский курган, содержавший 27 скелетов. Названия местностей доказывают, что гуаранские народы жили по низовью Параны и даже на юге от лимана, до реки Саладо и до бухты Самбомбон; весьма вероятно, что и керанди, нанесшие испанцам жестокое поражение на месте, где находится ныне Буэнос-Айрес, были также гуаранского происхождения, так как их название соответствует чисто гуаранскому слову *caranday*, которым называют один вид пальм, господствующий в лаплатской Месопотамии[2]. Однако, некоторые писатели, между прочим, Морено, полагают, что керанди могли быть предками индейцев пуел-че, вытесненных впоследствии внутрь пампы. Между цивилизованными калчакви и гуарани, имевшими между собою, по общему языку, известную связь, различные народцы, рассеянные свободными кочевьями по равнинам, не представляли ни малейшего характера единства, но походили один на другой своими воинственными нравами и образом жизни; многие из этих племен были, конечно, родственны между собой по языку и отчасти по происхождению. За отсутствием родового наименования все эти разбросанные племена можно бы называть по имени самой могущественной нации, представляющей их в настоящее время—нации тоба. К югу от местожительства этих племен конечный полуостров Америки был занят арауканами и патагонцами, которые составляют подрасу, совершенно отличную от северных индейцев; наконец, часть Тьерры-дель-Фуега принадлежала туземцам, вытесненным с континента и представленных в настоящее время ещё несколькими индивидами.

С прибытием европейцев началась резня, которая, можно сказать, не прекращается и до настоящего времени, так как самые ничтожные поводы возбуждают ожесточенные войны. Таким образом исчезли многие народцы, истребленные огнем и мечом; режим, которому завоеватели подвергли побежденных и союзников, зачастую приводил к тому же результату. Падкие до легкой наживы, испанцы поделили туземцев на *encomiendas*, обещая пещись о спасении душ, которые они распределили между собой, в качестве либо полных рабов, либо *mitayos*, т.е. «мызников». Под этой суровой властью, именуемой опекой, многие индейские народцы погибли от изнурения, кто на рудных работах, кто на полевых. Что касается тех туземцев, которых иезуиты сгруппировали в своих миссиях, то в периоды мира и в здоровые годы они увеличивались в числе, но лишь для того, чтобы погибать целыми общинами от оружия мамелюков или от эпидемий. Большая часть миссий исчезли, не только жители, но и самые деревни. Но три века сожительства постепенно изменили расу, и то или другое население, которое своею восходящею линиею несомненно связано с американскими предками, приписывает в настоящее время себе испанское происхождение: язык, нравы, политическая жизнь мало-по-малу ассимилировали их с другими аргентинцами. С другой стороны, дикие индейцы, не переставшие красть женщин и детей у своих соседей белых, принадлежат значительным своим большинством, по крайней мере по крови, к расе завоевателей. Кичуа, калчаки аргентинского северо-запада, корриентесские гуарани, повидимому, окончательно слились с европейскою расою. То же самое произошло и с земледельческими народа-

1 „Idle Days in Patagonia“.

2 Estanislao S. Zeballos, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, 1879.

ми Тукумана, Сант-Яго-дель-Эстеро, Сан-Луиса и Кордовы. Комачигоны, населяющие эту центральную провинцию, также как мичилени, живущие в Сан-Луисе, и мендозские гийонесы и калингасты, утратившие свои индейские имена, считают себя чистокровными испанцами; но между аргентинцами и северными воинственными народами племени тоба продол-

Индѣйскія женщины изъ Гранъ-Чако.

жается ещё этническая борьба, и даже очень ожесточенная и кровавая. На юге конец такой же войне положило быстрое уменьшение в рядах пампасцев, но ещё недавно там шла беспощадная борьба. Быть-может, даже испанское влияние сделало этих туземцев более дикими, чем они были, поработив цивилизованные племена, научившие культуре кочевников, и развив в них грабительские инстинкты введением лошадей и огнестрельного оружия.

Потомки кичуа, населяющие провинцию Жужуй, известны обыкновенно под общим названием койосов или коясов. Они сохранили свой язык, несмотря на то, что все умеют говорить по-испански, и с необыкновенным упорством держатся своих привычек. Почти единственные из всех аргентинских индейцев они не выучились езде на лошади и, несмотря на то, что очень любят кочевать, ходят всегда пешком возле своих ослов. Они охотно эмигрируют, отправляясь торговать в городах равнины, но всегда с мыслью о возвращении домой; многие из них занимаются теми же самыми промыслами, как и боливийские коллагуаясы, живущие в Аполобамбе: они продают намагниченные камни, амулеты, разные лекарственные снадобья и лечат больных. Коясы, оставшиеся жить в своих горах, не доверяют иностранцам, и вполне справедливо: как только они заметят белого путешественника, они спешат покинуть свои лачуги. С большим трудом удается догнать их и сделать с ними какой-нибудь торг; они наотрез отказываются провести путешественника на горную вершину: «гора рассердится—говорят они—и покроется облаками»[1]. Подобно перуанским и боливийским индейцам, они придерживаются культа «горных мест» и воздвигают на перевалах кучи камней, *apachetas*, посвящая их Пачакамаку, «творцу мира»; в жертву они приносят ему свой *acullico*, т.е. жвачку коки.

Калчаки, составлявшие могущественную нацию, населяли пространство между нынешней границей Северного Чили и Кордовскими горами, но в большей части этой территории они не оставили других следов своего пребывания, кроме глиняной утвари всевозможной формы, черной и красной, с геометрическими рисунками прямыми линиями; только на погребальных урнах кривые линии перемешиваются с символическими фигурами и с изображениями животных; блюда, вазы, кувшины, трубки, амулеты, куклы, идолы, все эти глиняные произведения калчаков мириадами усеивали землю. Впродолжении более века этим индейцам удавалось отстаивать свою независимость против посягательств испанцев; они пытались восстановить династию Инков и назначили своим властителем некоего авантюриста, называвшего себя «сыном Солнца», но в 1664 году они пали, и большая часть сражавшихся предпочли погибнуть, нежели сдаться: говорят, чтобы освободить своих детей от рабства, они разбивали им головы о скалы. Калчаки, взятые в плен на войне, килмесы, были переселены, в 1677 году, к Буэнос-Айресу, в пригородное местечко, носящее в настоящее время их название; здесь в 1869 году умер последний представитель их расы. Но смешанное потомство калчаков составляет основу трудящагося населения провинций Жужуй, Сальта, Катамарка, Ла-Риоха, и большая часть городов и деревень, особенно в нагорных долинах, были названы по именам этих ассимилированных племен, как-то: Андалгала, Толомбон, Кафаяте, Фиамбала, Тиногаста, Фаматина; Тукуман также носит калчакское название, в несколько измененной форме. Индейцы люле, жившие некогда в стране, и по имени которых до сих пор ещё называется одна деревня—Люлес,—как гласит легенда, передаваемая Гарсиласо-де-ла-Вега, по собственному желанию поступили в подданство к инке-Гуиракоча. Название их, означающее в переводе «зубастые», указывает на то, что у них зубы, как и у ботокудов, были обнажены вследствие обычая носить в нижней губе деревянный кружок[2].

В некоторых нагорных долинах раса ещё сохранилась почти во всей своей чистоте, и кичуанский язык не совсем ещё уступил место языку победителей. Многие обычаи этих индейцев несомненно составляют пережиток древней цивилизации. Местные уроженцы с известною гордостью смотрят на развалины крепостей, которые воздвигли их предки, или, может быть, ещё более древние народы. Они чтут также *huacas*, или некрополи, откуда несведущие изыскатели извлекают кувшины, наполненные человеческими останками. Так как скелеты почти все детские, то это были, по мнению Лафона Кеведо, умилостительные жертвы, принесенные за благоденствие племени и за обилие урожаев. Это суеверие, повидимому, до некоторой степени сохранилось ещё в народе, так как крестьяне в штатах Сальта и Жужуй с неудовольствием видят профанацию этих древних кладбищ: они думают, что разрушение гуака-

1 Luis Brackenbusch, „Boletin Instituto Geografico Argentino“, tome IV, 1882.

2 Pablo Groussac, „Memoria historica y descriptiva de la provincia de Tucuman“.

сов повлечет за собою несвоевременные морозы[1].

Гуарани бесспорной расы занимают ещё всю северную часть аргентинской Месопотамии, но названия народцев уже исчезли, и население всюду состоит из метисов. В половине истекшего столетия гуаранский язык, преобладавший в Парагвае и в Центральной Бразилии, до берегов Амазонской реки, был ещё общеупотребительным; но вокруг каждого города, центра распространения новой цивилизации, идиом завоевателей непрерывно расширяет свою область. Другие гуарани, оставшиеся почти чистокровными, живут в Чако и нанимаются в работники на сахарные плантации в долинах рек Бермехо и Жураменто. Это—чиригуаносы, отрасль значительной нации, живущей в провинции Тариа, преимущественно в равнинах между реками Пилькомайо и Бермехо. Эти индейцы, называемые боливийцами также камбесами, остались независимыми по обе стороны границы: лишь очень немногие из них дали себя обратить в христианство; однако, все чиригуаносы научились, один от другого, повторять кое-что из проповедывавшейся иезуитами религии. Называемые «дикими» по самому факту их независимости, эти западные гуарани тем не менее принадлежат к числу самых цивилизованных индейцев в Аргентине. Они ходят почти нагишом, за исключением женщин, носящих синюю тогу, и просверливают себе нижнюю губу; но они продевают в неё не *barbote*, т.е. деревянный кружок, подобно своим предкам, а стеклянную пуговицу: этого достаточно, чтобы «разумные» люди, имеющие в своих жилах примесь голубой крови завоевателей, не считали чиригуаносов даже за людей, а между тем индейцы эти стоят выше большинства аргентинцев, как по образцовой чистоплотности, так по трезвости, по любви к труду и смышлености, с какою они исполняют всякую работу: они незаменимы там, где требуется инициатива и ловкость. Чиригуаносы—очень старательные земледельцы и скотоводы; даже вдали от белых колонистов они разводят отличные сады, где культивируют европейские растения, а также строят себе деревни, чисто содержимые, с центральной площадью, которой могли бы позавидовать большинство аргентинских городов. Кроме того, они занимаются различными ремеслами и умеют изготовлять из дубленой кожи плащи, в которых путешественник безбоязненно может отправиться в самую густую чащу терновника. Без всякого сомнения, регулярная работа чиригуаносов на плантациях аргентинцев, во всей области от Тарихи до Тукумана, будет способствовать окончательной ассимиляции их с остальным населением, и они утратят свою политическую независимость тем легче, что они делаются оседлыми, и что их женщины, красивые и изящные индианки, охотно берутся в жены белыми. Большинство чиригуаносов говорят по-испански, а их гуаранское наречие так мало разнится от диалекта туземцев Парагвая и Корриентеса, что те и другие легко понимают друг друга.

Матакосы или матагуайосы—это последнее название присвоено преимущественно индейцам этой нации, сохранившим свою независимость—работают бок-о-бок с чиригуаносами на плантациях христиан или *siguelos* и, подобно своим соплеменникам, рискуют скоро превратиться в пролетариев. Они принадлежат, повидимому, к этнической группе тоба, и даже некоторые из их племен, живущие на берегах рио-Бермехо, присоединились к этим грозным индейцам. Матакосы, численность которых Балдрич определил приблизительно в 14.000 душ, разнятся обыкновенно от чиригуаносов как чертами лица, так и характером: меньше ростом, более коренастые, они превосходят чиригуаносов силой, но уступают им в ловкости и в инициативе; они не отличаются такою опрятностью, как те и живут в грязных лачугах. Большая часть их жили всегда в мире с испанцами и даже служили им союзниками в войнах с другими индейцами: отсюда и название *Mansos*, т.е. «смирные» или «прирученные», под которым они долгое время были известны, и которое ещё до сих пор, по словам некоторых этимологов, применяется для обозначения жителей прибрежных земель верховья Пилькомайо, называемых *Llanos de los Mansos*; впрочем, настоящее название этих земель—*Llanos de Manzo*, по словам одного путешественника XVIII столетия, который нашел там смерть. До недавнего времени матакосы-рабочие, которых ходили нанимать в их родных ку-

1 J. A. Lafone Quevedo, „Revista del Museo de La Plata“, tomo III, 1892.

старниках, работали на сахарных плантациях только в период культуры тростника и варки сахара; на лето же они возвращались на родину. В настоящее время для большей части семей эмиграция обратилась в обычное явление. Каждый дикий матако носит через плечо сумку, в которой хранятся разные мелкие предметы—волосы, наконечники стрел, рыбья чешуя, птичьи перья, сухие листья, тряпки, испачканные кровью, и т.п.,—которые составляют его «историю»: каждая из этих безделиц напоминает ему какое-нибудь событие из его жизни, и он сохраняет её до самой смерти, как часть самого себя[1]. Подобно другим некультурным народам, матакосы приписывают все болезни навождению *ahots*, т.е. злых духов; для изгнания их, они не довольствуются заклинаниями колдуна: к этому присоединяются ещё друзья больного, которые дикими криками стараются напугать *ahot*. У матакосов практикуется обычай кувады[2].

Абипоны, воевавшие по обе стороны реки Параны и долгое время заставлявшие трепетать испанцев, кончили тем, что вступили во взаимно истребительную борьбу с другими индейскими воинами, и теперь от них осталось всего несколько семей смешанной крови, говорящих по-испански и слившихся с аргентинскими поселянами Санта-Фе. Мокови или мбокови, родственные парагвайским абипонам, то их союзники, то заклятые враги, отдельными племенами существуют ещё до сих пор, хотя группы их уже сильно поредели, не столько вследствие войн, сколько от оспы; но они вербовали в свои ряды людей всех наций, конокрадов, разбойников, убийц, одним словом, разных отщепенцев, вынужденных бежать из тех стран, которые населены белыми. В борьбе с большею частью своих соседей, особенно с тоба, они также были страшны для колонистов Тукумана и соседних провинций: они грабили деревни, разоряли плантации и заграждали белым проходы в Чако. Их обыкновенно называли *Indios Montaraces*, т.е. «Лесные индейцы». Язык их, «носовой и гортанный», есть наречие языка абипонов, который сам составляет «отрасль большой карибской семьи», как говорит Лефон-и-Кеведо, составивший его грамматику[3]. Таким образом, эта могущественная раса, которую первые европейские мореплаватели нашли на Антильских островах, но настоящим отечеством которой, как кажется, была Центральная Бразилия, имели своих представителей также у подошвы аргентинских Анд.

К югу от колонизованных провинций, где всякий туземный элемент утратил свою самобытность, южные области пампы и вся Патагония ещё недавно принадлежали свободным индейцам. Эти малоизвестные населения носили название пампасцев, араукан0в и патагонцев. После первых стычек испанцев с туземцами, которые преграждали им путь в Перу, аборигены, оттесненные к югу, долгое время жили в мире с белыми. У них не было ни драгоценных металлов, ни земледельческих продуктов высокой ценности, поэтому им и жилось тихо в своих травянистых или скалистых пустынях. Индейцы с своей стороны приобрели от новоприбывших одного из полезнейших союзников—лошадь: свою обыкновенную пищу—мясо страусов, гуанако и армадилло они могли с тех пор разнообразить кровью и мясом кобыл. Они сумели оценить пользу лошади для переездов по скорости передвижения во время войны: в качестве наездников, они по ловкости, быть-может, превосходили даже своих учителей-европейцев. Во время своих путешествий и военных экспедиций ранкелесы, т.е. пампасцы, жившие по соседству с Буэнос-Айресом, никогда не сходили с своих верховых животных. Когда они слишком утомлялись сидеть, то вытягивались во весь рост и лежали на лошади, как на постели: шея животного служила им подушкою, а ноги, скрестившись, покоились на крупе: в таком положении они спали по целым часам, ни разу не потерявши равновесия. Даже в полном состоянии опьянения, индеец лежал, вытянувшись на своей лошади, не рискуя упасть; впрочем, и умное животное старалось согласовать свои движения с положением своей невменяемой ноши, и, осторожно шагая, приносило своего хозяина в шатер, где семья уже разгружала своего верного слугу. Во время пограничных войн арген-

1 Amedeo Baldrich, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, tomo X, 1889.
2 Giovanni Pelleschi, „Otto mesi nel Gran Ciaco“.
3 „Revista del Museo de La Plata“, 1890—91.

тинские солдаты часто захватывали лошадей, на которых ещё держались трупы индейцев, обвивавших своими руками шею животного[1].

Разбогатевши дикими лошадьми, индейцы пампасов и патагонских плоскогорий научились вести торговлю с чилийцами противоположного склона; они водили табуны лошадей через горы и продавали их в обмен на инструменты и оружие. Когда табуны их были недостаточно велики, они отправлялись к белым и крали животных у тех, кто отнял у них землю. Отсюда и произошли эти набеги—*malon* или *maloca*, которых так боялись пограничные колонисты; набеги эти повторялись каждый год во всю первую половину истекшего века и разоряли многих колонистов между Буэнос-Айресом и Мендозою. Мало-по-малу эти грабительские экспедиции вызвали беспощадную войну: белые и краснокожие подстреливали друг друга, как дичь. В какой-нибудь деревне или застигнутом врасплох становище убивали всех мужчин, а иногда даже подвергали их пыткам; женщин же забирали в качестве рабынь или наложниц; детей резали, если они не оказывались полезными в качестве слуг или будущих рекрутов. Чтобы умалить опасность от этих индейских набегов, надо было последовательно определить различные пограничные линии и защитить их гарнизонами и крепостями. В конце XVIII столетия, граница колонизационной территории была отмечена на юге Буэнос-Айреса долиною рио-Саладо, продолжаясь на запад по направлению 34° широты до Сан-Рафаэля, к подножию Анд. Но индейцы воспользовались войною за независимость между испанцами и креолами и переступили границу. В 1833 г. наступательное движение аргентинских войск отбросило индейцев на юг от Рио-Негро в самую Патагонию, и многие племена стали умолять о мире. Но междоусобные войны дали пампасцам новую передышку, благодаря которой те возобновили, свои набеги в качестве союзников той или другой из борющихся партий: таким образом, они не раз вторгались в город Сан-Луис и отрезывали европейцам большую дорогу в Чили, между Буэнос-Айресом и Мендозою.

Возстановление внутреннего мира повело за собою новое оттеснение индейцев к югу, тем успешнее, что эти последние быстро уменьшались в числе, по мере возрастания численности аргентинцев. Пограничная линия, охраняемая крепостцами, была в то время очень извилиста; исходя из рио-Колорадо, на юге Бахии-Бланка, на Атлантическом океане, она направлялась на север по культурным областям провинции Буэнос-Айрес, затем, переходя от поста к посту, она достигала на северо-западе города Сан-Луис, который стоял почти в виду открытых доступу туземцев равнин, и шла, извиваясь, на юго-запад к Сан-Рафаэлю, горному проходу дель-Планшон. Эта граница была разделена на девять секторов, обороняемых, каждый в своем центре, укрепленным лагерем, который был занят гарнизоном, достаточно многочисленным, чтобы выделять летучие отряды ко всем угрожаемым пунктам. Промежуточные крепостцы охраняли границу, которая в некоторых местах была обозначена даже рвами и рогатинами: при малейшей тревоге, пушка, давая предостерегательные и ответные выстрелы от одного поста до другого, указывала атакованные пункты; сплошь и рядом индейцы беспрепятственно проходили мимо, отправляясь на грабеж какой-нибудь фермы, но при возвращении наталкивались на неприятеля. Однако, это не обескураживало их, и они каждый год делали новые попытки к грабежам. В 1876 г., наступательное движение аргентинцев по всему фронту охранительных постов подвинуло пограничную линию вперед, так что извилины её во многих местах сравнялись, и длина её вследствие этого сократилась; при этом были присоединены некоторые водные пункты и области пастбищ, где индейцы делали подготовительные сборы для своих экспедиций. Другие военные предосторожности европейцы предпринимали последовательно на восточном склоне Анд, вдоль дорог, ведущих из ущелий в плодородные долины. Эта новая цепь фортов окончательно замкнула туземцев, лишив их возможности доставать необходимые жизненные припасы, и им ничего больше не оставалось, как покориться[2]. Но вопрос—сколько их ещё осталось? Пампасцы погибли; па-

1 W. H. Hudson, „The Naturalist in La Plata“.

2 Estanislao Zeballos, „La Conquista de Quince Mil Leguas“;—Benj. V. Markenne, „La Conquista del Rio Negro“;—Olascoaga, „La conquete de la pampa, trad. par Simonnet“.

тагонцы, т.е. туземцы различных рас, населявшие длинный полуостров Патагонии, тоже находятся на пути к исчезновению. До начала колонизации их насчитывалось до тридцати тысяч человек; теперь же их не более двух тысяч, включая в это число даже тех, которые живут в непосредственном соседстве с белыми и находятся в зависимости от них.

Этническая и географическая классификация различных индейских племен аргентинского юга имеет, следовательно, лишь исторический интерес. Ранкелесы или ранкуальче были ближайшие к колонистам Буэнос-Айреса аборигены; затем шли колорадские пуел-че. Западнее, в провинции Мендоза, жили арауканы, пехуен-че или «люди араукарий», хуилличе или «южные люди», и разные другие народцы или «че»; вдоль Андского хребта последовательно разместились народцы: паю-че, тами-че, пилма-че, тегхул-че. Молу-че жили в центральных областях, тогда как техуел-че, т.е. «восточные люди», населяли Атлантическое побережье, от Магелланова пролива до рио-Чубут; фуегийские она также принадлежат к племени техуел-че. Все эти народцы сохранили свой собственный язык и свои особые предания.

Техуел-че являются, по всей вероятности, потомками патагонцев, описанных Пигафеттою. Это ещё самые многочисленные индейцы, и они сохранили между собою связь, как отдельное племя. Название «Patagones» или «большеногие», данное им Магелланом,—термин неудачный, так как эти люди, при огромном росте, имеют маленькия ноги, именно в 27 сантиметров при росте в 1 метр 90 сант. у мужчин, и в 26 сант. у женщин, при росте немного меньше мужского[1]. В холодную погоду патагонцы сверх сапог носят ещё гетры из шкуры гуанако; по всей вероятности, эта-то двойная обувь и подала повод назвать их «большеногими»[2]; Пигафетта, спутник Магеллана, даже прямо говорит в одном месте: «Шкура гуанако, в которую обуты эти индейцы, придает их ногам вид медвежьих лап». Но первые путешественники не ошибались, говоря о высоком росте этих туземцев, хотя они почему-то и преувеличивали его: эти «гиганты ростом в 10—12 футов», которых будто-бы видели Байрон и Сармиенто, были, по всей вероятности, не выше нынешних патагонцев. В патагонском Кармене, где техуел-че, уже скрестившиеся с пампасцами, не достигают нормального роста их расы, д'Орбиньи констатировал, что мужчины имели в среднем 1 м.,73. С той эпохи почти все путешественники, посещавшие это побережье, измеряли рост патагонцев, и сравнительные цифры показывают, что чистокровные индейцы внутренней страны—самые рослые: например, в долине верховья рио-Чико, туземцы имели рост в 1 м.,92. Женщины у них тоже очень высокие, а платье из шкуры гуанако, составляющее обычное одеяние патагонцев, придает им особенно величественный вид. Техуел-че замечательны также широтою плеч, красотою грудных мускулов, крепостью членов и благородною осанкою всего туловища. Глаза у них маленькие, нос короткий, лицо круглое, но в общем физиономия очень симпатична[3]. Череп у них обыкновенно круглый; но в древних могилах, исследованных Морено, скелеты этой расы имели в большинстве случаев черепа, изуродованные искусственным сдавливанием. Работа у техуел-че лежит главным образом на молодых девушках; матроны ничего не делают, пользуются услугами девушек и по целым дням нежатся, лежа в палатках, охраняемые *cuscos*, т.е. собаками, которые лаем оповещают о приходе всякого постороннего.

Язык техуел-че—очень грубый, гортанный и почти не воспроизводим европейскими буквами, как это доказывают большие разницы, встречающиеся в одних и тех же словах, записанных разными путешественниками; к тому же язык этот очень быстро изменяется по установленному обычаю, который обязывает друзей всякого умершего индейца этого племени совершенно исключать из употребления те выражения, которые употреблял покойный, и заменять их новыми. Три патагонских наречия,—техуел-че, арауканское и пампасское—до такой степени разнятся между собою, что народцы этого племени не понимают друг друга; однако, все они имеют десятичную систему счисления, простую и очень полную, совершенно

1 Luis Jorge Fontana, „El. Gran Chaco".
2 F. Machon, „Bibliteque Universelle", octobre 1893.
3 Florence Dixie, „Across Patagonia".

тождественную в различных наречиях. Эта черта связывает говор патагонцев с языками перуанского корня. Не следует ли это приписать цивилизаторскому влиянию кичуа, которое распространялось далеко за пределы империи инков?[1] Впрочем, у них нет никаких исторических преданий: они не могут представить себе, чтобы их предки жили без лошадей.

Война много способствовала сокращению числа патагонцев, несмотря на то, что они почти всегда держались в стороне от борьбы, которая повела за собою истребление пампасцев; ныне окончательно покоренные, они считаются христианами и все уже окрещены. Несмотря на их кажущуюся физическую силу, их часто косят болезни; самые источники жизни как будто поражены. Обыкновенно они очень воздержны, и когда им поручают отвезти какое-нибудь послание, они скачут верхом на коне иногда два, даже три дня не евши[2]; но в праздники они пьют, не зная меры; пьянство дополняет дело, начатое пулями аргентинцев. Когда наступает сезон сбора яблок и лесных ягод, и индейцы аука-че, торгующие чилийскою водкою, начинают свой обход по становищам,—все только и думают что о попойках. Под предлогом снискать благоволение «добрых духов», дают пить и есть священным камням, льют вино на жертвы—быков, кобыл, домашних птиц и овец; но скоро «горнии духи» забыты, и начинается оргия, которая иногда продолжается целые недели. Тогда иностранцу очень опасно появляться перед пьяными дикарями, которые за всякое непонравившееся им слово хватаются за оружие; в такия минуты они часто набрасываются также на женщин и жгут их как колдуний[3]. У большей части племен, осторожные супруги ещё до наступления праздника заблаговременно собирают все опасные орудия, ножи, рогатины, лассо и дубины, и прячут их в каком-нибудь укромном овраге, куда скрываются и сами, вместе с детьми.

Патагонские индейцы погибают большею частью, не переходя через период рабства: это ещё гордые люди, свободно кочующие в пустынях, от гор до моря и от севера до юга. Они носят густую шевелюру, подвязываемую широкою тесьмою, вроде той, какою при рождении им стягивали череп. Бороду они тщательно выщипывают, и прежде для этого пользовались серебряными щипчиками, похожими на те, какие археологи находят в древних могилах катамарских калчаки[4]; сделавшись теперь бедными, они вместо серебряных щипчиков употребляют простые ножи, которыми бреют себе и брови[5]. С тех пор, как война им запрещена, они больше не носят копья, ни кирасы из коровьей кожи, с металлическими украшениями; единственным их оружием служит *bolaperdida*, которые они обтягивают кожей и привязывают к талии[6]. Некоторые патагонцы носят ещё на поясе серебряные колокольчики; все они окрашивают себя в красный, белый или синий цвет, отчасти из щегольства, отчасти для того, чтобы предохранять себя от москитов. Единственный музыкальный инструмент у них—род флейты, сделанной из кости гуанако. Древний культ ещё сохраняется под современной маской индифферентизма: солнце и луна всё ещё служат символами добрых гениев; злые духи олицетворяются некоторыми животными, например, ящерицею, и до сих пор ещё, с целью умилостивить этого злого духа, ему приносят в жертву живых существ, особенно лошадей[7]; вероятно, также из боязни какой-нибудь порчи многие племена техуел-че вовсе не едят рыбы. Женщины носят при себе разные фигурки, которые, очевидно, служат им амулетами или домашними божками, а колдуны-знахари продолжают заклинать болезни, накликать или изгонять бесов.

По древнему верованию, опирающемуся на разные приключения, истолкованные согласно желанию этих колдунов,—которых здесь называют *paye*, именем, очень мало отличающимся от наименования, употребляемого в Амазонии и в Гвианах,—жилищем демонам, или

1 Francisco P. Moreno;—Carlos V. Burmeister, „Revista del Museo de La Plata“, tomo VII, 1891.
2 Carlos V. Burmeister, цитированные мемуары.
3 Musters „At Home with the Patagonians”.
4 Francisco P. Moreno, „Viaje a la Patagonia Austral”.
5 Musters, цитированное сочинение.
6 F. Machon, цитированный сборник.
7 W. H. Hudson, „Idle Days in Patagonia”.

gualiehu, служит тело старух: потому каждый имеет право убить старую матрону, и прежде этим правом пользовались очень часто. Во избежание такой плачевной участи, большая часть старух искали спасения в профессии ворожеи; но горе им было, если предсказания их приводили к какому-нибудь неприятному событию. В некоторых случаях обычай даже обязывал техуел-че приносить в жертву свою бабку, рабыню или наложницу; когда в каком-нибудь шатре, или *toldo*, умирала молодая особа, глава семьи должен был тайно увести намеченную жертву далеко от жилья и отправить её на тот свет ударом ножа. Обязанность эта в особенности предписывалась в том случае, когда дело шло о теще. Оттого, в предвидении возможного убийства, родственники жены старались жить всегда отдельно от зятя, никогда не касаться его и не поддерживать с ним никаких сношений. Известно, что у кафров Южной Африки, папуасов и австралийцев существовал такой же обычай: когда теща ещё издали замечала своего зятя или зять тещу, та или другой моментально прятались в чаще кустарника. Сироты считаются питомцами всего племени, и имущество их оберегается, как зеница ока. Зачастую бездетные супруги берут себе на воспитание щенка, при чём торжественно усыновляют его и отчисляют на его долю известное количество лошадей, как для сына[1].

Свадьбы—устраиваемые всегда по добровольному согласию, без вмешательства родителей,—сопровождаются так же, как и похороны, жертвоприношениями: при этом торжественном случае закалывают несколько кобыл и пьют их кровь, струящуюся из свежей раны; но человеческих жертв современные нравы уже не допускают. Техуел-че, похоронивший свою жену, сжигает всё свое имущество[2]. Покойников своих они хоронят, зашитыми в пончо, в какой-нибудь трещине пещеры, или под пирамидою из камней, вроде кэрна, под которым хоронили галльских военачальников. Умершие всегда погребались в сидячем положении, как древние перуанские мумии и как тела до-исторических жителей Патагонии[3]. Ещё в 1860 году индейцы пуел-че зашивали трупы в мешки из только-что содранной кожи; когда в доме умирал старик, не дожидали наступления смерти из опасения, что затверделость суставов не позволит совершить операцию сгибания колен покойника. Старуха, которой поручено было погребение, садилась на грудь несчастному, силой пригибала его колена к тазу, рискуя сломать ему кости, и привязывала ему руки к берцовым костям; затем труп, тщательно перевязанный веревками, выставлялся на солнце, и, когда достаточно высыхал, зарывался в песке дюн. Сила этой традиции, обратившейся в религиозную обязанность, была так велика, что для соблюдения её, т.е. для того, чтобы похоронить покойника в сидячем положении, умирающего убивали, разламывая ему кости[4].

Ещё недавно аргентинский поселянин, несомненно происходивший, по женской линии, от американских аборигенов, мало отличался своими нравами от покоренного им индейца. Даже физически он походил на него высоким ростом, крепким телосложением, силой мускулов, темно-бурым цветом кожи, резкими чертами лица, черными, жесткими волосами. От привычки постоянно сидеть на лошади, ноги у него были колесом, ступни вывернуты, походка с тяжелым покачиваньем. Араукан по образу жизни, *gaucho*, подобно дикарю, отличался неустрашимостью, удивительною выносливостью, полным равнодушием к смерти; к физическому труду он относился презрительно, всецело предоставляя его женщинам; если по какому-нибудь случаю ему приходилось приниматься за полевую работу, он делал это с явным пренебрежением, как подобает высокородному дворянину; для такой работы он вместо себя старался применить лошадь: он заставлял это животное молотить хлеб, месить глину, пахтать масло. Лошадь, впущенная на гумно, вытаптывала хлеб от соломы, мешала копытами землю с водой, сбивала молоко, волоча по земле подпрыгивающий бурдюк. Всегда грязный, живущий в неряшливой лачуге, гаучо любил удивлять иностранцев роскошью своего костюма: плащем из шкуры гуанако, вышитыми панталонами, тонкими сапогами, сере-

1 Ball, „Notes of a Naturalist".
2 Musters, цитированное сочинение.
3 Francisco P. Moreno, „Bulletin de la Societe d'Anthropologie", janvier, 1883.
4 Francisco P. Moreno, цитированное сочинение.

бряными шпорами и шляпой с пером; не менее роскошно он украшал и своего коня, которого, впрочем, не считал своим другом и без всякого сожаления готов был проиграть его в кости; петушиные бои, скачки, кабацкие оргии и война—таковы были его страсти. Оттого в борьбе за существование он был постепенно вытесняем. Точно так же, как он вытеснил индейцев, *gringo*, т.е. «эмигрант, говорящий по-гречески» (*griego*), иначе говоря иноземный рабочий, вытеснил его самого. Последними чистокровными гаучосами были *Llanistas* Ла-Риохи, сначала клиенты двух больших враждебных друг другу фамилий, затем, во время междоусобных войн в Аргентине, сгруппировавшиеся вокруг грозного предводителя, Факундо Кироги, знамя которого, с девизом «Религия или Смерть!» наводило такой страх.

Уже во время первых переселений белые завоеватели лаплатских областей были очень смешанной расы, и теперь скрещивания всё более и более увеличиваются, как нигде в другой стране. Некоторые арабские слова, уже утраченные испанским языком, встречаются теперь в языке аргентинцев, относясь большею частью к жизни в пустыне, как например, *jaguel* (колодезь без закраины) и *guadal* (топь). Некоторые исчезнувшие фамильные имена, как, например Албаррасины, которые уже не существует более в Испании, можно иногда встретить в равнинах Аргентины. Весьма вероятно, что во времена первой колонизации недавно обращенные христиане мавританской расы, убегая от шпионов инквизиции, эмигрировали в большем числе, чем коренные христиане[1]. Как бы то ни было, всякий элемент чуждого Испании происхождения, за исключением негров-невольников, покупаемых у негроторговцев, был строго исключаем до войны за независимость, и только в 1821 г. аргентинское правительство начало покровительствовать иммиграции: трактат, заключенный, в 1825 г., с Англией, формально провозгласил свободное допущение в Аргентину европейцев не-кастильского происхождения.

Первые этим воспользовались баски, как из французского департамента Нижних-Пиренеев, так и из испанских провинций Васконгады и Наварры. В Монтевидео, Буэнос-Айресе и во всех внутренних городах, расположенных по берегам Уругвая и Параны, баски занимались нагрузкою судов, садоводством, фабрикацией кирпичей, надзором за *estancias*, службою на бойнях, выделкою кож и ещё многими другими работами, требующими ловкости, силы и настойчивости. Во многих местах Аргентины они образовали колонии, достаточно сплоченные, чтобы сохранить родной язык; но промышленная деятельность новой среды обладает слишком большою интенсивностью, а аргентинское население слишком смешанное, чтобы там могла уцелеть какая бы то ни было замкнутая колония; таким образом баски скоро были увлечены в общий водоворот аргентинского движения и, утратив свои прежние обычаи, сделались по нравам и языку настоящими аргентинцами: из всего старого у них удержалась одна только национальная игра в мяч. Масса эвскарийских имен, встречающихся во всех частях Аргентины, чаще ещё, чем в других испано-американских республиках, свидетельствует о важной роли, которую играл этот этнический элемент в образовании аргентинского народа. Даже некоторые индейские начальники носят баскские имена: в народе до сих пор ещё держится легенда о подвигах пампасца Байгорриты.

Прогрессивное развитие Аргентины идет вперед так же быстро, как и иммиграция. Нет нации, нет расы в Европе, которая не имела бы своих представителей в этом огромном Вавилоне Нового Света. Французы, англичане и немцы устроились преимущественно в больших городах, заправляя там промышленностью и занимаясь разными спекуляциями; итальянцы завладели речным судоходством и, всё более и более распространяясь, проникают теперь во все отрасли народной деятельности; ирландцы, эмиграция которых в настоящее время почти прекратилась, прежде тысячами высаживались на Аргентинскую территорию и, теснее англичан, сплачивались с туземцами, работая вместе с ними на полях и в лесах. Земледельческие колонии Санта-Фе были основаны главным образом швейцарцами, немцами и французами, тогда как в Энтре-Риосе, на берегах Параны, большинство земледельцев принадлежат к русским и к обрусевшим немцам. Валлийцы сгруппировались отдельно на берегах Чубута.

1 Alfred Ebelot, „Revue des Deux Mondes", 15 decembre 1877.

Даже австралийцы были вовлечены в водоворот эмиграции и, продолжая на восток кругосветное путешествие, начатое их предками, покидают свой континент, который, однако, представляет столько выгод для колонистов, и водворяются в Аргентинской республике. В 1893 г. некоторым из австралийцев удалось заполучить концессии на берегах Рио-Негро. Наконец, с 1891 г. сюда тысячами стали стекаться евреи, выселяющиеся из России или эмигрирующие из Сирии и Палестины, но они держатся пока ещё совершенно обособленно, не смешиваясь с другими элементами населения. Чилийцы эмигрируют массами в западные провинции, называемые Куйо, и заселяют новые андские территории. Наконец, боливийцы, парагвайцы, бразильцы входят значительной долей в состав населения северных и восточных провинций. Но зато в Аргентине редко встречаются тины, которые бы по цвету кожи и по чертам лица свидетельствовали о своей принадлежности к африканской расе. В 1778 г. цветные люди составляли более трети всего населения.

VIII

Аргентинская республика, страна быстрого заселения и широкой торговой деятельности, отличается, подобно Австралии и Северным Соединенным Штатам, сильным преобладанием городского населения и сосредоточением жителей в столицах штатов. Главный город лапластских областей заключает в себе более восьмой части всего населения страны; но вдали от входных портов, обширные внутренния территории представляют собою ещё совершенные пустыни.

В территории аргентинских «Миссий» прежния колонии обращенных в христианство индейцев преобразованы в рабочия слободки, с редко-стоящими домиками, а большая часть разрушенных церквей перестроены в разные общественные здания. На переходах через речки до сих пор ещё пользуются мостовой, построенной миссионерами для облегчения переезда телегам. Бразильцы, составляющие численное большинство колонистов страны, устроили сахарные заводы и мельницы для приготовления маниока и парагвайского чая. На правом берегу Уругвая, город Консепсион, где ещё недавно развалины Миссий покрывали пространство в 56 гектаров, засаженное пальмами и апельсинными деревьями, сделался деятельным земледельческим центром, и огромные поля «черного табака» окружают его широким поясом. Дальше, всё на том же аргентинском берегу, другое основанное иезуитами поселение, Санто-Томе, вывозит много риса. Сан-Мартин, по-гуарански Япею, где родился знаменитый борец за независимость, носящий это имя, обратился в деревушку, а между тем когда-то это был главный город Миссий, «Рим» великой Христианской республики.

Либрес—Пасо-де-лос-Либрес, бывший Ресторасион,—где «свободные люди», отправлявшиеся на освобождение своей страны от тирании Розаса, перешли реку, мог бы составить один общий город с Уругваяной, лежащей на противуположном берегу Уругвая, если бы эти города не принадлежали двум различным государствам, и если бы две таможни, два гарнизона, не наблюдали ревниво друг за другом; по близости отсюда, на Аргентинской территории и южнее, находится бывшая миссия Санта-Ана, где Эме-Бонплан провел последние двадцать лет своей жизни, в богатой сельской местности, которую он обратил в ботанический сад; он умер здесь в 1857 г. Ниже стоит уругвайский город Санта-Роза, сливающийся с аргентинским городом Монте-Казерос, который представляет собою скотный рынок для бразильских покупателей. Соседство двух государств, Бразилии и Уругвая, сделало из него также важный стратегический пост. В этом месте железная дорога, построенная на западном берегу Уругвая, выделяет из себя на северо-запад ветвь, которая в скором времени достигнет Корриентеса, столицы штата того же имени, пройдя через Мерседес, главный город прибрежных равнин лагуны Иберы.

На юге, по течению реки, следуют один за другим несколько новых городков— Мокорета, Либертад, основанный тирольскими крестьянами, Федерасион, Конкордия. Этот последний, стоящий напротив уругвайского города Сальто, есть одно из многолюдных городских поселений Аргентины и один из её самых оживленных речных портов. Впрочем, большие парохо-

ды могут подниматься до этого города только во время высоких разливов реки. Порт Колон, лежащий в сотне километров южнее, на том же берегу, также не легко доступен для больших судов при низкой воде. Основанная в 1863 г., эта пристань находится против уругвайского города Пайсанду и служит амбаркадером для земледельческой колонии Сан-Хозе, которая некогда была исходным пунктом мирного переворота, произведенного в аргентинской Месопотамии прибытием европейских земледельцев. Колония Сан-Хозе, основанная в 1857 г. швейцарцами и савоярами на земле громадного имения, скупленного Уркизою, потентатом Энтре-Риоса, в короткое время достигла цветущего состояния; и из этого «улья-матки» вышли многочисленные рои, которые мало-по-малу совершенно преобразовали вид страны. Первою местною культурою была пшеница, которую постепенно заменяют фруктовыми деревьями и виноградниками; эти последние в изобилии доставляют довольно, правда, грубое вино; тем не менее его охотно предпочитают той ужасной микстуре, которую в Аргентине продают под названием «бордосскаго». Помимо того в колонии Сан-Хозе занимаются разведением кур, которые под этим благодатным климатом отличаются необыкновенною плодовитостью[1].

Суда, имеющие более шести метров осадки, останавливаются ниже Колона, у пристани Консепсион-дель-Уругвай. Бывшая столица провинции стоит в некотором расстоянии от берега на боковом рукаве реки; но этот поток и смежный остров соединены с берегом железною дорогою, которая по длинной, широкой гати подходит к главному руслу и принимает там с судов груз, состоящий главным образом из скота. На западе от Консепсиона, возле дворца (бывшей резиденции Уркизы), утопающего в зелени фруктовых садов, находится одна из богатейших «филиальных» колоний Сан-Хозе, носящая название Касерос, в воспоминание победы, одержанной в 1852 году прежним владельцем этого края.

Гуалегуайчу построен на правом берегу реки того же названия, тихия воды которой прибывают из внутреннего Энтре-Риоса. Гавань его не глубока, тем не менее множество гоэлет приходят сюда за грузами земледельческих продуктов, особенно за скотом, мясом и кожею; главный промысел жителей—убой быков, как и в Фрай-Бентосе, ближайшем уругвайском городе. Между Уругваем и Параною, в северной части болотистой области, где реки разветвляются на целый лабиринт потоков, известных одним только охотникам, да дровосекам, тянутся обширные пространства пастбищ. Основанный в конце XVIII-го века на первом выступе твердой земли, представляющемся на этой стороне Параны выше Буэнос-Айреса, Гуалегуайчу сделался третьим портом республики и самым богатым городом провинции Энтре-Риос. Движение торгового обмена в Гуалегуайчу, в среднем, около 15.000.000 франков; движение судоходства в 1892 году: 520.000 тонн.

Город этот далеко опередил своего старого соперника, Гуалегуай, который стоит на сто километров западнее, на реке того же названия. Железная дорога связывает город Гуалегуай с Талою, центральною станциею провинции, и с Виллагуаем, окруженным трудолюбивыми колониями, где преобладают бельгийцы. Боковая ветвь железной дороги соединяет Ногою, центр скотоводственных *estancias*, с портом Викторией, расположенным на одном из боковых байусов Параны.

На Паране, выше Корриентеса, аргентинские города представляют собою по большей части деревни, основанные некогда миссионерами. Канделария была некоторое время резиденцией иезуитских правителей. Посадас, одно из их поселений, сменил Япею, как столица бывшей территории Миссий. Прежде он носил название Итапуа, как и заречный город, лежащий на парагвайском берегу; сообщение между этими противолежащими городами производится посредством парового парома. Посадас, который с 1822 года до смерти диктатора Франсиа был единственными входными воротами для парагвайской торговли с Аргентиной, развил свою торговлю, несмотря на то, что давно уже утратил свою монополию; здесь пристают все пароходы, совершающие рейсы по Паране, и Посадас является самою оживленною пристанью выше порогов Апипе и Ясирета; здесь будет находиться главная промежу-

1 Alexis Peyret, „Une visite aux colonies de la Republique Argentine“.

точная станция железной дороги, идущей из Ассунсиона к рио-Ла-Плата. Почти все следующие станции до самого слияния с Парагваем напоминают какие-либо факты войны или разбойничества. *Tranquera*, или «траншея», Сан-Мигуэль и ниже—траншея Лорето были вырыты для защиты территории иезуитов против набегов коррентиносов, а в 1822 году на первой из этих траншей Франсиа приказал воздвигнуть крепость, которая была занята четырьмя стами парагвайских кавалеристов[1]. Недалеко от места слияния двух рек находится деревня Итати, одно из старейших аргентинских поселений, основание которого относится к первым годам XVII-го столетия; она стоит у самых проходов, которые с таким ожесточением оспаривались парагвайцами у союзных войск. Итати населена гуарани почти чистокровной расы, но наполовину уже объиспанившимися по языку; эти индейцы продолжают заниматься своими традиционными ремеслами—горшечным и ткацким.

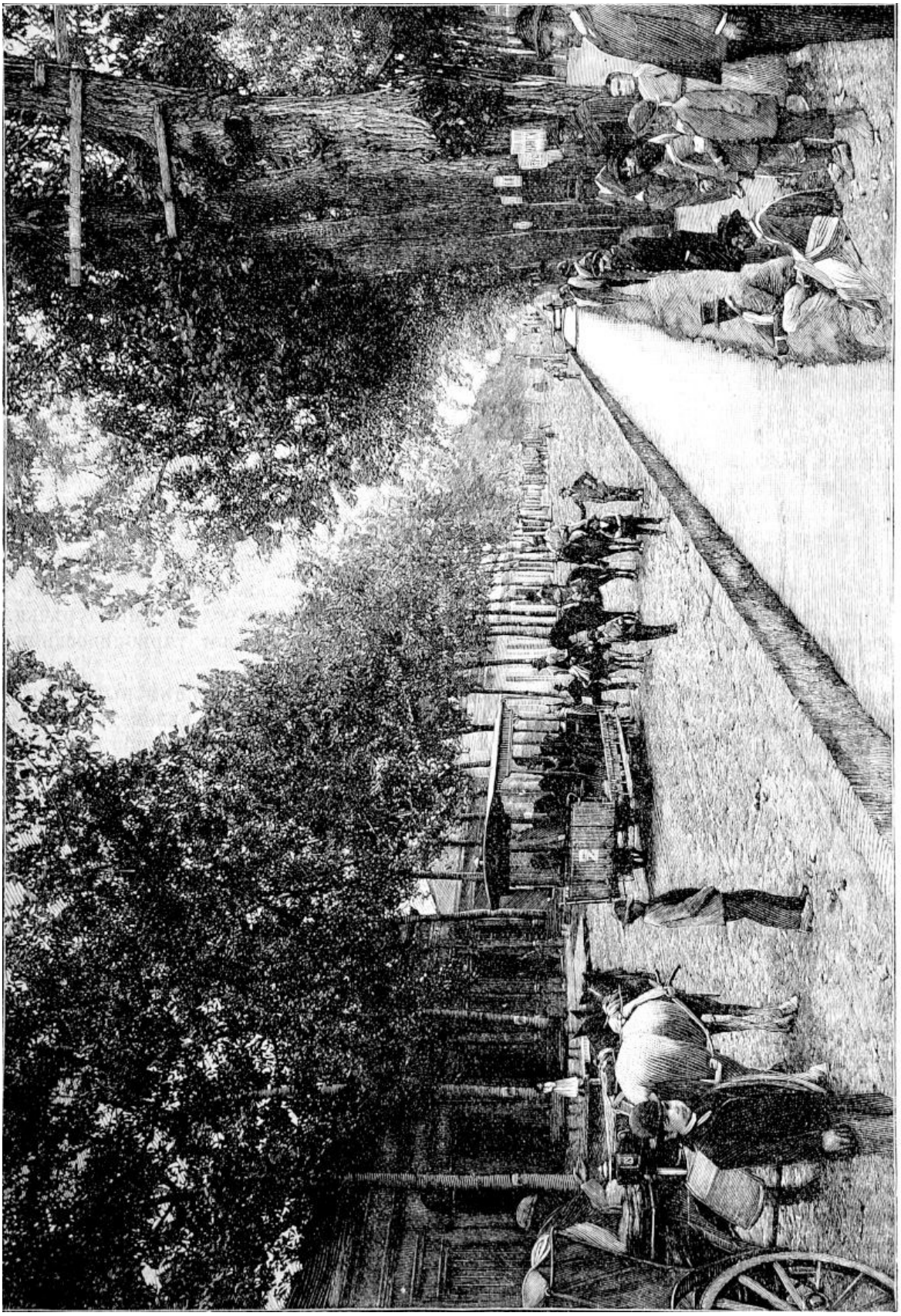
Корриентес, столица провинции того же названия и главный город между Буэнос-Айресом и Ассунсионом, с географической точки зрения может считаться местом речного слияния, хотя и был построен в 24 километрах ниже Трес-Бокас; своим названием Корриентес—Сан-Жуан-де-лос-Сиете-Корриентес—он обязан водоворотам, образующимся на левом берегу реки, у скалистых выступов высокого берега; его старинное индейское название Тарагуй означает, как говорят, «гнездо ящериц». Его можно бы также назвать городом «Апельсинных рощ», так как он изобилует этими деревьями, сверкающими своими золотистыми плодами; прежде, когда набережная его не была ещё застроена высокими роскошными домами, город положительно утопал в зелени; губернаторский дворец перестроен из прежней коллегии иезуитов. Корриентес основан в 1588 году, на берегу реки, на высоте 7—8 метров над средним уровнем воды. Хотя он отстоит на 1.339 километров от Буэнос-Айреса, тем не менее сюда имеют доступ гоэлеты трехметровой осадки, а в течение шести месяцев в году к самой набережной могут подходить и суда в четыре метра осадки. Пароходы, совершающие свои рейсы по Парагваю и Паране, обратили этот город в свое главное складочное место по торговле лесом и владеют здесь несколькими лесопильными заводами. Во время парагвайской войны Корриентес, где находилась главная квартира союзных войск, был их продовольственным центром: для завоевания этого города потребовалась ожесточенная морская битва, происходившая ниже его и названная битвой при Риачуэло. При отличных водных путях сообщения, которыми располагает Корриентес, он пока ещё не соединен железною дорогою с южными городами лаплатской Месопотамии; в дождливое время года он находится почти в осадном положении, окруженный поясом озер и болот, отделяющим его от Каакати, внутреннего города, богатого скотом и земледельческими продуктами. Против Корриентеса, на правом берегу Параны, лежит деревня Сан-Фернандо, сменившая бывшее становище тобасов и цивилизованных гуайкуру: каждое утро они привозили коррентиносам траву, дрова и другие продукты. В настоящее время лес Чако перед топором дровосеков отодвинулся назад, и вдоль берега идет ряд земледельческих колоний.

Из двух территорий Чако, северная, Формоза, представляющая собою длинную полосу земли между р.р. Пилькомайо и Бермехо, остается совершенно пустынною: в 1892 г. здесь было всего 5.000 жителей европейского происхождения, по преимуществу итальянцев и славян, и 2.000 гектаров возделываемой земли; однако, вся полоса по берегам Парагвая уже запродана хозяевам сахарных плантаций, скотопромышленникам и разным спекулаторам; говорят, местный сахарный тростник дает гораздо высший сорт сахара, чем тукуманский; при этом уже одно то выгодно, что он не нуждается здесь в искусственном орошении: ему вполне достаточно росы[2]. Главный город, Формоза, существующий с 1879 г., был построен на уединенном берегу, против парагвайского города Вилла-Франка: как административная резиденция, он сменил город Вилла-Оксиденталь, который аргентинцы должны были очистить после третейского приговора президента Соединенных Штатов, присудившего северный Чако Парагвайской республике. В надежде обратить Формозу в коммерческую при-

1 Rengger et Longchamp, „Essai historique sur la revolution du Paraguay“.

2 Alexis Peyret, цитированное сочинение.

стань, её построили на полпути между Корриентесом и Ассунсионом, в расстоянии 225 километров от того и другого; впрочем, делая этот выбор места, имели в виду и стратегические выгоды: в этом месте река очень глубока и довольно узка, так что проход защищать очень

Мендоза.

удобно.

Южный Чако, более обширный и более близкий к центрам торговли и цивилизации, заселяется гораздо быстрее, чем северный. Все его прибрежные земли были уступлены или

проданы правительством; основанные уже на этой новой территории частными лицами сахарные заводы принадлежат к числу наилучше обустроенных заведений этого рода. У слияния Бермехо с Парагваем стоит недавно основанная деревня Тимбо или Пуерто-Бермехо, от которой по берегам Бермехо идет дорога к посту или «форту» Рока, лежащему на 200 километров выше. На юг от Тимбо, на берегах рио-де-Оро, небольшого притока Парагвая, судоходного только для барок, расположена шведская колония, а ещё ниже, менее чем в 20 километрах от Корриентеса, при устье Рио-Негро, в каких-нибудь несколько лет возникла столица территории, Резистенсия, названная так в воспоминание одного факта бывшей войны; земледельческая колония в его окрестностях была основана на средства центрального правительства и управлялась чиновниками. Через степи ещё до сих пор не проложено прямой дороги между Резистенсией и равнинами Сальта.

Ниже Резистенсии города показываются через большие промежутки на восточном берегу: Белла-Виста, основанный в 1826 г., в качестве ссыльной колонии; Гоя, названный так по имени одной дамы, которая владела в этой части Корриентеса обширным имением; Эсквина, или «Уголок», при слиянии Параны с рекою Корриентес; Ла-Пац, бывший Каваллу-Куатиа, или «Раскрашенная Лошадь» по-гуарански, средняя станция между Ассунсионом и Буэнос-Айресом и одна из оживленнейших пристаней на реке (средний тоннаж проходящих судов в Ла-Паце: 335.000 тонн); Хернандариас, на высоком лесистом месте берега; Парана, который прежде называли просто Бахада, или «Дебаркадер». Этот город, первый по времени основания в Энтре-Риосе, выдержал большие превратности судьбы: сначала он был столицею штата, затем с 1852 по 1861 гг. столицею всей Аргентинской республики; ныне развенчанный, он увеличивается в населении, хотя и утратил свою относительную важность. Самый город построен на высоком берегу, в двух километрах от порта, где происходит деятельное торговое движение. Специальный местный промысел составляет выделка извести, плит и глиняной посуды; но главными центрами труда являются различные колонии, основанные в соседстве, особенно вдоль берега реки. Вилла-Уркиса, старейшая из этих колоний, не может похвалиться процветанием; колония Серрито значительно опередила её. Большая часть колонистов—итальянцы, хотя впрочем там можно встретить представителей всех европейских наций, даже румын, которые привели сюда своих буйволов с берегов Дуная[1].

Так называемая «русская» колония, которую населяют немцы, эмигрировавшие с берегов Волги, составляет *мир*, т.е. общину с нераздельным имуществом: леса, пастбища, земли —всё у них общее, но каждый обработывает свою часть и засевает её. Первая русско-немецкая колония, основанная на юге от Параны, неподалеку от Диаманте, образовала по всему речному побережью множество слободок, общее количество жителей в которых достигает 10.000 человек. Живя тесною, дружескою общиною, отличаясь большою земледельческою опытностью, особенно по посеву хлебов и по скотоводству, волжские эмигранты пользуются завидным благоденствием; каждый год они прикупают новые земли и расширяют свои владения, управляемые общим собранием всех домохозяев, в том числе и женщин. Правительство хотело было навязать им ту же организацию, какую имеют другие колонии, но они возмутились, и тогда решили оставить им их самоуправление. Несколько групп колонистов позитивистов и толстовцев также поселились в этой области Междуречья, чтобы сделать опыт жизни гармоническими обществами.

С берегов Параны в ясный вечер можно видеть в двадцати километрах башни и куполы Санта-Фе, блистающие при лучах заходящего солнца. Этот город, считающий за собою уже три столетия, был основан Жуаном-де-Гарай в 1573 г. и избран иезуитами как центр их миссий у мокови и других индейцев Чако; он построен не на самом берегу Параны, а на её боковом рукаве, риачо Санта-Фе или Коронда, который расширяется в лагуну и разветвляется на байусы; в самом городе в этот рукав вливается рио-Саладо. Порт, куда входят через этот лабиринт вод, может принимать в себя гоэлеты двух-метровой осадки, но главное торговое движение идет по железной дороге, в 12 километров длины, которая подходит к реке у при-

1 Alexis Peyret, цитированное сочинение.

стани Колостине, где, благодаря глубокой впадине русла, даже при низкой воде имеется 7—8 метров глубины. Город монастырей и церквей, чтимая метрополия, где собирались иногда конгрессы для обсуждения общих дел республики, Санта-Фе долгое время был покинут торговлей и даже находился в упадке до постройки железных дорог и прибытия иностранных колонистов, которые распахали поля и развели плантации в окружающей сельской местности. Он быстро преобразовывается в современный город, растет по торговле и численности населения; однако, несмотря на свой ранг столицы провинции, он уступает городу Розарио, который пользуется более выгодным местоположением для торговли.

Земледельческие колонии, создавшие богатство Санта-Фе, имеют своим центром городок, которому в 1856 г. дали скромное название Эсперанца («Надежда»), и который стоит среди гладкой равнины, в 30-ти километрах на северо-запад от Санта-Фе. «Надежды», возлагавшиеся на этот город, вполне осуществились. К двум стам швейцарских семей, которые смело водворились здесь прямо под открытым небом[1], присоединились тысячи других семей—французских, немецких, но преимущественно итальянских; в пампе появились города, деревни, паровые мельницы, разные заводы; железные дороги разветвляются по всем направлениям. Хорошенькая Эсперанца, со своими тенистыми улицами, засаженными *paraisos*, т.е. «райским деревом» или *melia agedarach*, имеет на здании своей городской ратуши надпись на испанском языке: «Подразделение земельной собственности». И действительно, это средняя и мелкая собственность, которые на этих землях, по естественному плодородию далеко уступающих землям других провинций, принадлежащим нескольким крупным землевладельцам, получают жатвы, в сто раз более обильные. В нескольких милях к северу от Санта-Фе видны ещё следы рва, вырытого некогда для защиты от набегов индейских всадников: земледельцы давно уже перешли за эти рвы; на всех железнодорожных линиях, у каждой станции основываются колонии, которые постепенно преобразуют пустыню в обработанные поля; надо ожидать, что в скором времени поселения эти сомкнутся с плантациями в окрестностях Сант-Яго-дель-Эстеро.

Ниже Санта-Фе и Параны, стоит город Диаманте, занимая великолепное местоположение в голове дельты, на утесе левого берега, высотою в 80 метров, и господствуя таким образом над обширною панорамою текучих вод, болот и выступивших из-под воды полей. Река, здесь значительно суженная, представляет более удобный проход, чем выше и ниже этого места; оттого во всех междоусобных войнах воюющие стороны старались овладеть этим постом; Уркиза перевел здесь вплавь свою армию, состоявшую из двадцати тысяч кавалерии. В Диаманте занимаются выделыванием известки, и также как Парана, город этот окружен «русскими» колониями. Ниже, на боковом байусе Параны, стоит городок Виктория, который во время разливов имеет прямое сообщение с рекою. Свое название он получил от победы, одержанной в 1728 г. над минуанами, которые вынуждены были оставить это междуречье и искать убежища по ту сторону Уругвая, близ Чармы. Рамон Листа нашел в окрестностях города могилы, наполненные костями этих индейцев.

Розарио, главный город провинции Санта-Фе, а по численности своего населения—второй город республики, в первое столетие своего существования был простою деревнею; здесь приставали каботажные суда. Междоусобные смуты создали благоденствие этого города: когда Буэнос-Айрес, в 1854 г., отделился от остальной Аргентины, правительство, водворившееся в Паране, декретировало постройку железной дороги из Розарио в Кордову, и не дожидаясь начатия работ по этой постройке, предоставило беспошлинный вход тем иностранным судам, которые будут подниматься прямо по Паране, не заходя в Буэнос-Айрес или какой-либо другой порт Ла-Платы. Розарио тотчас же воспользовался этою льготой. Во всякое время года суда, имеющие до 5 метров осадки, могут подниматься до этого города и приставать вблизи берега, тогда как в Буэнос-Айресе, ещё недавно, суда должны были бросать якорь далеко от города, среди открытого моря; помимо того, Розарио имеет то преимущество, что стоит на самом повороте реки, в том месте, где, покидая свое направление с севера на юг,

1 Carl Beck Bernard, „Die Argentinische Republick“.

она сворачивает на юго-восток, следуя оси лимана: это, следовательно, предуказанное место высадки для путешественников, отправляющихся внутрь страны. Речная торговля имеет здесь свою самую деятельную пристань. Движение речной торговли в 1892 г.: 562.295.600 франков.

Розарио-Кордовская железная дорога, составляющая ствол той ветви, которая тянется к окраинам республики, сделала Розарио опасным соперником Буэнос-Айреса по прямой торговле с заграницей; и даже, с тех пор, как столица обладает береговою железною дорогою, соединяющею её со всеми городами Аргентины, большая часть судов дальнего плавания останавливаются в Розарио; четырнадцать трансатлантических пароходных линий имеют здесь свои пристани, где пароходы грузятся хлебом для Европы, альфальфой или люцерной для бразильских портов, металлами и кожами. Внешний вид города чисто коммерческий: дамбы, окаймленные цепью судов, набережные, изрезанные рельсами железных дорог, магазины, нагруженные товарами, на каждой улице конки, ряды телеграфных и телефонных столбов, с перекрещивающеюся сетью проволок. Здесь ещё больше даже, чем в Буэнос-Айресе, население имеет космополитическое происхождение.

Торговое движение в Розарио с 1886 по 1892 г.: 200.000.000 франков. Вывоз в 1892 г.: 79.380.000 франков. Движение судоходства с 1886 по 1892 г. (средний вывод): 3.000 судов, вместимостью около 1.500.000 тонн.

Санта-Фе-Кордонская железная дорога построена английскою компаниею, которая получила безвозмездно земли, окаймляющие линию дороги на пять километров в ширину, под тем условием, чтобы заселить их колонистами. Однако, компания не торопилась выполнить свои обязательства, и только в 1870 г. начала колонизацию земель, поселив здесь двадцать пять семейств. Бернштадт, Коркарана, Канада-де-Гомец, Тортугас и некоторые другие станции теперь окружены обработанными землями и населены, как и Эсперанта, итальянскими, французскими, швейцарскими и немецкими крестьянами. Английская компания особенно заботилась о благосостоянии колонии Канада-де-Гомец, где она поселила своих соотечественников; но эти последние разбрелись, и их заменили континентальные европейцы.

Сан-Николас, главная пристань на реке между Розарио и Буэнос-Айресом, также принадлежит к числу больших городов республики, и порт его всегда полон судов. Лежащий в 4—5 километрах ниже ручья, арройо-дель-Медио, который образует границу между провинциями Буэнос-Айрес и Санта-Фе, город Сан-Николас был предлагаем в столицы конфедерации. Движение судоходства в Сан-Николас в 1892 г.: 425.000 тонн. Ценность вывоза: 24.895.890 франков.

Ниже по реке следуют одна за другой другие важные пристани: Облигадо, где в 1845 г. диктатор Розас пытался защищать течение Параны против франко-английской эскадры; Сан-Педро, обладающий отличным портом, естественным бассейном, площадью почти в 120 гектаров, образуемым глубокою лагуною, лежащей сбоку реки; Барадеро, обогатившийся культурою картофеля и других овощей, разводимых швейцарскою колониею, которая водворилась здесь в 1856 г. и своими продуктами снабжает рынок Буэнос-Айреса; Зарате, центр колоний паранской дельты, состоящей из сотни островков, которые населены итальянцами-садовниками, живущими в домиках, построенных высоко на сваях. Кампана, один из деятельных портов Параны-де-лас-Пальмас, имеет огромный завод, для консервирования мяса, которое в замороженном виде отправляют заграницу. Скалистый островок Мартин-Гарсиа, где находятся карантин и лазарет, охраняет вход в дельту, за которой открывается широкий лиман, с извилистым фарватером, ведущим в столицу Аргентины.

Главные и исторические города территорий Миссий и Чако и трех провинций—Корриентеса, Энтре-Риоса и Санта-Фе, с цифрой их населения в 1893 г.

Территория Миссий. Посадас—3.500 ж.

Территория де-Формоза. Формоза—1.000 ж.

Территория Чако. Резистенсия—3.500 ж.

Провинция Корриентес. Корриентес (1895 года)—16.000 ж.; Гоя—4.150 ж.; Коакати—

3.500 ж.; Либрес—2.500 ж.

Провинция Энтре-Риос. Парана (1895 г.)—24.000 ж.; Гуалегуайчу (1895 г.)—12.000 ж.; Конкордия (1895 г.)—13.500 ж.; Гуалегуай—11.000 ж.; Консепсион-дель-Уругвай—10.000 ж.; Ногоя—8.000 ж.

Провинция Санта-Фе. Розарио (1895 г.)—94.000 ж.; Санта-Фе—25.000 ж.; Эсперанца—3.500 ж.

Если Парана представляет собою главный речной путь, соединяющий Буэнос-Айрес и лаплатский лиман с внутренней частью континента, то главным сухим путем является тот, который, при испанском режиме, связывал два побережья—Перу и Ла-Платы, через северные аргентинские провинции— Жужуй, Сальту и Тукуман.

В провинции Жужуй, пограничной с Боливией, первый город, который встречает путешественник, спускаясь из соседней республики через перевал Кортадерас (3.952 м.), это—древний кичуанский город Хумахуака, построенный на высоте 3.000 метров, при нарождающейся реке Сан-Франсиско, среди тощих полей, засеянных ячменем, картофелем, киноа; после завоевания, жители этого города, храбро защищавшиеся до последней минуты, были все переселены в Ла-Риоху, где они утратили всякую национальную индивидуальность и заменены покоренными индейцами, переведенными из Фаматины. Ниже Хумахуаки, тропинка, идущая по правому берегу реки, у основания снеговых гор Чани, пересекает несколько рек, затем спускается по склонам громадного «вулкана», т.е. эруптивного откоса, образовавшагося от последовательного наростания лавин. Внизу открывается широкая, обильно орошаемая равнина (1.230 м.), где раскинулся город Жужуй, столица провинции того же названия. Построенный Веласко в 1592 г. и ещё до сих пор сохраняющий вид старого испанского города, Жужуй окружен садами и обработанными полями, которые простираются до боковых долин, орошаемых притоками Рио-Гранде, одной из главных ветвей реки Бермехо. Изобилуя земледельческими продуктами подтропической и умеренной зон, Жужуй обязан своим важным значением главным образом транзитной торговле с Боливией: он отправляет туда целые караваны мулов и лам, фруктов, маиса, чичи и особенно соли, добываемой из высоко лежащего озера Казабинда, теперь уже высохшего. Жужуйские ярмарки отличаются большим оживлением, и много боливийцев поселяется здесь, чтобы вести торговлю со своими соотечественниками. Эта иммиграция пополняет убыль городского населения, которое сильно скашивается чахоткою, ревматизмом, лихорадкою или *chuchu* и другими болезнями, причиняемыми зимою холодными ветрами, а летом—испарениями из дурно содержимых каналов. Горячие ключи соленой воды, открытые в ближней долинке, *quebrada de los Reyes*, привлекают к себе много больных ревматизмом. Эксплоатируются также нефтяные источники, находящиеся в окрестностях города.

Ниже Жужуя, река, текущая в очень наклонном русле и перерезанная порогами, вовсе не судоходна. Она успокаивается только ниже своего большого изгиба, близ Ледесмы, городка, обогащаемого сахарным тростником, также как и главный город Оран, лежащий на высоте 310 метров, при горном ручье, вблизи того места, где Сан-Франсиско, сливаясь с Тарией, образует реку Бермехо. Город окружен богатыми плантациями, и его окрестности, осененные пальмовыми деревьями, имеют совершенно тропический вид; но немного выше открываются долины умеренной полосы, где ростут европейские деревья, а ещё выше, на склонах горы Зенты, простираются пастбища, поднимаясь до самой линии снегов. Иммигрантов здесь ещё мало, и плантаторы до сих пор ещё пользуются руками индейских рабочих— матако и чиригуаносов; на некоторых сахарных заводах можно встретить сотни этих индейцев. Для перевозки своих товаров в Буэнос-Айрес, город Оран имеет в своем распоряжении судоходный путь на протяжении 3.000 километров, а между тем торговлю свою он ведет сухим путем, перевозя товары на мулах до линии Жужуйской железной дороги, в ожидании, пока будет иметь свою собственную ветвь. Городок Ривадавия, лежащий юго-восточнее, на рио-Теуко, среди сети рукавов и ложных рек Бермехо, населен большим числом

боливийцев, которым правительство отвело земельные наделы—по 500 гектаров на домохозяина—слишком обширные, чтобы земледелие в собственном смысле могло приобрести действительную важность: промысел там ещё пастушеский. Стратегическая колесная дорога соединяет Ривадавию с военным постом Пуерто-Бермехо на Парагвае.

Город Сальта, столица провинции того же названия, лежит в равнине Лерма, орошаемой рекою Ариасом и многочисленными *tagaretes*, т.е. ирригационными каналами. Расположенный на 30—40 метров ниже Жужуя, но гораздо южнее, Сальта производит растения умеренной зоны, и поля его имеют совершенно европейский вид. Так же, как и Жужуй, Сальта обязан своим оживлением торговле с Чили, и значительная часть его жителей, почти одна десятая, принадлежит к боливийцам. Близ этого города Бельграно одержал в 1812 г. первую победу над испанцами, и в воспоминание именно этого торжества страна, посвященная Деве Марии, во имя которой построен главный храм в Сальте, приняла для аргентинского знамени цвета белый и голубой. В окрестной стране процветает земледелие, особенно на западе и на юге, в высокой долине р. Жураменто, населенной крещеными калчаки, которые в некоторых местах сохранили почти полную чистокровность своей расы. С севера на юг тянется ряд больших деревень: Качи, именем которой называют плоскогорья и соседние *nevados*, Сан-Хозе, Молинос, Сан-Карлос, Кафаяте, которые успешно утилизируют чистые воды своих речек и производят великолепные вина и хороший хлеб, *el trigo de los Walles*. Калчакиский рогатый скот, мулы славятся во всей Аргентине и Чили, и крестьяне продают скот даже в Копиапо, лежащий за андскими плоскогорьями.

Город Розарио-де-ла-Фронтера, расположенный на притоке р. Жураменто, служит главной станцией железной дороги, идущей между Сальтою и Тукуманом. Он изобилует табачными и сахарными плантациями и производит особого рода сыр, тафи, известный во всей Аргентине. Летом в Розарио стекаются больные, ища здесь исцеления в его минеральных источниках, стяжавших себе большую известность: температура их превышает 75° по стоградусному термометру. Край этот вообще изобилует горячими, серными и другими ключами, но жители эксплоатируют только часть их. По мнению Бракебуша[1], своею высокою температурою источники обязаны вовсе не вулканическому свойству почвы, а действию железных колчеданов, в изобилии содержащихся в сланцевых известняках окружных гор и выделяющих в соприкосновении с водою значительный жар; помимо того, эти образования пропитаны нефтью, которая струится в глубинах, и воспламеняющимися газами которой можно объяснить случающиеся иногда землетрясения и даже выбрасывание огня.

Тукуман, северная метрополия, сохраняющая в несколько измененной форме свое древнее название Тукма, данное провинции во время режима инков, имеет тем не менее испанское происхождение; основание этого города относится к 1585 г., когда жители соседнего города, лежащего на 50 километров ниже, на Сали, решили перебраться на другое место, более защищенное от наводнений. Расположенный весьма благоприятно, на высоте 430 метров, в плодородной и хорошо обработанной местности, спускающейся отлогим скатом к Сали и поднимающейся на западе к великолепным пикам Аконкихи, Тукуман принадлежит к числу исторических городов Аргентины: здесь Бельграно разбил испанцев, а в 1816 г. национальный конгресс объявил независимость страны; ещё до сих пор существует зала, где приносилась присяга. С тех пор город не раз принимал участие в междоусобных войнах, которые опустошали страну. Тем не менее он пользуется цветущим состоянием и по населению занимает четвертое место в республике. Промышленность насаждена здесь эмигрантами, которые принадлежат ко всем европейским нациям. Тукуман служит центром сахарных плантаций в Аргентине; в его предместьях находится тридцать больших заводов. Культура сахарного тростника, занесенная из Перу в 1824 г., привилась здесь так успешно, что в 1890 г. в округе насчитывалось семь тысяч рабочих, занятых в сахарной промышленности; плантации занимают 8.000 гектаров и доставляют 20.000 тонн сахару и 50.000 гектолитров

1 „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, 1881.

рома[1]. Кроме сахарного тростника в окрестностях Тукумана, усеянных фермами и усадьбами, возделывают кофе, коноплю, хлеб и другие продукты; сыр тафи приготовляют в долине этого названия, принадлежавшей некогда иезуитам. Тукуман имеет некоторую известность, как центр интеллектуального развития: одна из его коллегий считается лучшею из всех учебных заведений республики. После Тукумана наиболее оживленными городами этой провинции считаются Монтерас и Мединас, лежащие оба на притоках рио-Дульсе и принимающие также деятельное участие в земледельческой промышленности.

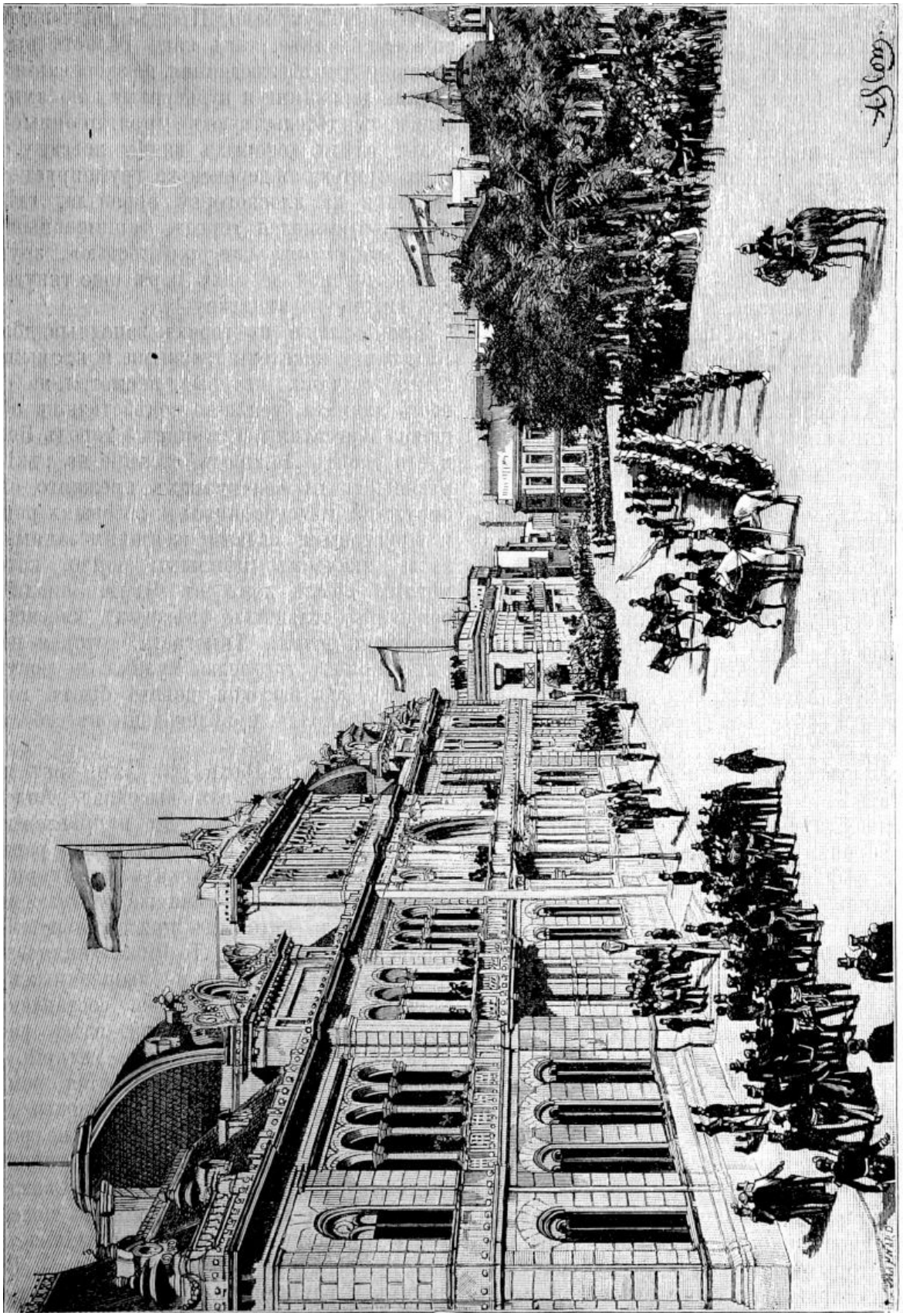
Сант-Яго-дель-Эстеро, «Св. Яков у болот», был центром прежней провинции Тукма или Тукуман, которая подчинилась власти инков с начала XIV века. В этом месте испанские завоеватели основали (в 1553 г.) первый город, смежный с их лаплатскими владениями, который долгое время был известен под названием Тукумана, принадлежащим теперь более цветущему городу. Построенный на правом берегу рио-Дульсе, на равнине, имеющей 200 метров высоты, Сант-Яго, как это показывает и самое его прозвище *del Estero*, окружен озерами и болотами, ещё влажными руслами, оставленными блуждающею рекою. В 1633 г. наводнение разрушило половину домов; часть населения эмигрировала в Тукуман, другая направилась в Кордову. Покинутый город, вполне предоставленный атакам индейцев, остался под управлением иезуитов, которые сделали из страны второй Парагвай по дисциплине цивилизованных туземцев, работавших на своей собственной земле. Населения имеют между собою большое сходство: та же чистота, та же почти исключительно растительная пища, то же употребление парагвайского чая в качестве возбуждающего напитка, та же любовь к игре на арфе, этом национальном инструменте[2]. После провозглашения аргентинской независимости, Ибарра, диктатор и полный властитель страны впродолжении тридцати лет, употребил все старания, чтобы удержать свои владения от участия в агитациях, но тем самым и от прогрессивного движения. Сант-Яго обратился в жалкия развалины, разъедаемые селитрой. Но такое положение было слишком ненормально для города, который связан ветвью с большою железнодорожною линией Кордова—Тукуман, и другим рельсовым путем— непосредственно с колониями Санта-Фе; мало-по-малу он стал оправляться, оживляя свою торговлю отпуском люцерны, пшеницы и других продуктов; постепенно развивает также сахарную промышленность, но до Тукумана ему в этом отношении ещё очень далеко.

Лорето, Атамискви и Салавина, не менее Сант-Яго страдавшие от разлитии рио-Дульсе и блужданий её русл, представляют собою другие земледельческие центры. На реке Жураменто стоит город Матара, окруженный культурами; по близости его находится брод, которым некогда пользовались мокови и абипоны для своих набегов; положение этого города было весьма ненадежное: это был один из слабых пунктов колонизационной территории[3]. Здесь начиналась дорога, ведущая к Корриентесу через пустыни Чако, известные под названием кампо-дель-Сиело или «Небесное поле». В небольшом расстоянии на север от этой плодородной равнины, открытой теперь для колонизации, находится глыба метеорического железа, стяжавшая себе славу в научном мире. Ещё в середине XVIII-го века эта глыба была известна только по рассказам индейцев и немногих белых охотников или собирателей дикого меда. В 1788 г. правительство Буэнос-Айреса послало сюда коммиссию с целью исследовать эту глыбу, которая тогда имела 7 кубических метров и весила 45 тонн. С тех пор ею стали пользоваться, отламывая куски для выделки ружей; во многих музеях можно найти осколки этого железа: химический анализ определил в нём одну десятую никкеля. В окрестностях почва усеяна ещё многими другими метеоритами, но гораздо меньших размеров.

Провинция Катамарка, лежащая на юго-запад от Тукумана, находится уже, так сказать, в сердце гор; низкой области она касается только своими юго-западными границами, где тянутся солончаки, некогда орошаемые блуждающими руслами рио-Дульсе; стена Аконкихи

1 M. G. and E. T. Mulhall, „Handbook of the river Plate“.
2 Martin de Moussy, цитированное сочинение.
3 M. G. and E. Mulhall, „Handbook of the river Plate“.

и её продолжения ограничивают с востока остальную часть провинции. Главный город, Катамарка, расположен на высоте 572 метров, между двумя горными цепями— на востоке сиеррою Анкасте, а на западе—Амбато; его перерезывает рио-дель-Валле, которая разделяется

Буэносъ-Айресъ.

на несколько ирригационных каналов, орошающих его сады. Когда основали город, в 1680 г., он так страдал от наводнений, что его пришлось отнести на несколько километров выше. Доступ к Катамарке весьма удобен: железная дорога, идущая на юго-запад, а затем

поворачивающая к Чумбича, сообщает её с одной стороны с Ла-Риохой, Мендозою, с чилийскою дорогою, а с другой—с Кордовою, Розарио, Буэнос-Айресом. По этим дорогам Катамарка отправляет апельсины, сухия винные ягоды и скот, доставляемый окрестными провинциями.

Андалгала, названная так храбрыми калчаки, давно уже смешавшимися с испанским населением, известна ещё под названием Фуерте, данным ей в память крепости, теперь уже уничтоженной. Город расположен на гладкой равнине, на высоте 1.010 метров, у южного основания грандиозного массива Аконкиха. Эта колония, затерявшаяся среди гор, своим значением обязана серебряным рудникам, самым производительным во всей Аргентинской республике. Самый богатый из этих рудников, который калчаки эксплоатировали ещё до завоевания, тщательно, впрочем, скрывая место его нахождения, был оффициально открыт в 1849 г., благодаря одному индейцу, который выдал тайну своих соотечественников. Находясь на высоте более 3.000 метров, этот рудник доставляет в месяц, в среднем, 200 тонн металла, содержащих чистого серебра 35 тонн; по доставке руды на завод Пильчиайо работают до трех тысяч мулов; завод этот представляет замечательное здание, снабженное лучшими английскими машинами. Весьма энергичные и промышленные, жители Андалгалы эксплоатируют также каолин, из которого выделывают огнеупорный кирпич; кроме того, они разводят виноградники, доставляющие отличное вино, и фруктовые сады, продукты которых вывозят в Тукуман; в Чили они отправляют своих мулов и ослов, а в Кордову—кожу и материи, сотканные из шерсти гуанако. Артезианские колодцы, вырытые в равнине, пополняют недостаток речной воды. Ущелье, соединяющее Андалгалу с Тукуманом и Катамаркою, между снеговою цепью Аконкиха с севера и Манхао—с юга, представляет собою весьма бойкую дорогу: здесь постоянно тянутся караваны мулов, нагруженных вином, кожами и сушеными плодами,—продуктами Андалгалы, или сахаром, табаком и рисом—из Тукумана. Прежде движение было ещё оживленнее, так как область высот, теперь почти обезлюденная, до завоевания была усеяна деревнями и культурными полями: об этом свидетельствуют ирригационные каналы, следы которых видны повсюду. Пукара, ничтожная деревенька, группирует свои домишки на плоскогорье перевала, где некогда возвышался город, защищенный настоящею *pucara* или «крепостью», круглые стены которой до сих пор ещё тянутся на три километра в длину[1].

Ещё дальше в горах западные долины Катамарки населены трезвыми и промышленными калчаки, которые, несмотря на суровость климата, успешно содействуют обогащению Аргентины. Старинный город Белен и его сосед Лондрес, стоящие на реке, теряющейся в солончаках прежнего озера, окружены виноградниками, розовыми рощами и фруктовыми садами; женщины занимаются здесь тканьем ценных пончо, которые имеют сбыт даже в Чили. Западнее, у основания больших снежных плоскогорий, находится долина Тиногаста, которая ведет с Копиапо торговлю мулами и рогатым скотом. В высокой долине бьют горячие ключи Фиамбала, привлекающие к себе массу больных.

Провинция Ла-Риоха, так же, как и Катамарка, состоит из высоких Андских долин, спускающихся по направлению к юго-западу, к зоне солончаковых равнин, ограниченных с востока кордовскими массивами. Населенная теми же трудолюбивыми калчаки, к которым присоединяются ещё чилийские рудокопы, Ла-Риоха занимает не последнее место среди промышленных провинций; кроме скотоводства, составляющего главное занятие её жителей, здесь распространено тканье различных материй, а в орошаемых землях занимаются земледелием. Плодородие Ла-Риохи вошло в пословицу; нигде во всей Аргентине не родится лучшей пшеницы, лучших апельсинов, не выделывается лучшего вина; скважистая, легкая почва хорошо орошаемых полей Ла-Риохи придает своим произведениям, повидимому, особенно приятный вкус[2]. В долинах и равнинах не пропадает ни одной пяди земли, которая оставалась бы необработанной, а так как не все земли пользуются естественным орошением,

1 Gunardo Lange, „Anales del Museo de La Plata“, 1892.

2 Martin de Moussy, цитированное сочинение.

то в верхних котловинах долин устроены искусственные резервуары.

Город Ла-Риоха, основанный в 1591 г. у восточного основания гор Веласко, стоит на высокой террасе (510 м.), с которой открывается обширный вид на нижния равнины. Хотя в настоящее время Ла-Риоха и вошел в сеть аргентинских железных дорог, но он не может похвалиться своею торговлею, так как население его весьма редкое; где иссякают ручьи, там начинается пустыня. Более деятельная работа идет в долине, открывающейся западнее, между сиеррою-де-Веласко и снеговыми горами Фаматины. Город, дающий свое название великолепному массиву, образует сплошной ряд домов и садов, простирающийся на пятнадцать километров в длину, по течению реки и прекращающийся там, где иссякают воды. На другом ручье, выходящем из невадо Фаматина, возник другой город, Чилесито или Вилла-Аргентина, который, по своей торговле и промышленности, сделался настоящим главным городом провинции; его название «Маленькое Чили» свидетельствует о чилийском происхождении его населения. Это центр рудной области Ла-Риохи. Оба склона долины, как сиерры Веласко, так и сиерры Фаматины, содержат в себе месторождения золота, серебра, меди, железа и никкеля; все ручьи металлоносные, а некоторые из них так богаты металлом, что ими нельзя даже пользоваться для орошения. В некоторых местах видны ручьи шлака и развалины грубых печей, которые свидетельствуют о том, что в старину калчаки эксплоатировали медь для выделки оружия и земледельческих орудий. Первая сериозная эксплоатация этих металлоносных месторождений белыми относится к 1804 г.; но работы их неоднократно прерывались междоусобными войнами или взяточничеством военачальников.

Главный *mineral*, т.е. главная рудная область занимает южную часть сиерры Фаматины; самые богатые залежи находятся на кряжах, окружающих центральный питон, на высоте 4.000, 4.500 и даже 5.000 метров над уровнем моря. Мехиканские залежи были открыты, как говорят, мексиканцами, которые до самого истока проследили этот охряный ручей; затем они попали в руки «арагонцев», которых легенда обратила в каких-то мифических существ. Кроме рудников, устроенных разными рудными компаниями по всем указаниям науки, существует ещё множество примитивных колодцев, ям и галлерей, изрезывающих откосы по всем направлениям; по снеговым кряжам снуют сотни *pilguineros*'ов или бродячих рудокопов, которые с мотыкой за плечами снискивают себе пропитание тяжелою рудною работою; едва успеют окончить эксплоатацию одной поверхностной прожилины, в новом месте открыта уже другая. Известковая горно-каменная порода, из которой состоят эти горы, пересекается бесчисленными металлическими прожилинами, колчеданами меди, серебра и золота в перемежку с хлором, йодом, мышьяком и серою. С 1820 по 1860 г. доход с этих руд, по добыванию золота и серебра, достиг 30 миллионов франков; часть добытого металла была употреблена в Ла-Риохе на чеканку монеты. В настоящее время эксплоатируют также медную руду, которая содержит в себе почти одну шестую чистого металла. Город Чилесито или «Маленькое Чили», где оканчиваются опасные горные тропинки, соединяется ветвью железной дороги с Буэнос-Айресом и со всею Аргентиною. Винчина служит ему этапом для весьма деятельных сношений, которые он ведет через высокую долину Вермехо с рудным центром Копиапо, на другом склоне аргентино-чилийских гор.

Провинция Сан-Жуан, другая рудная область, так же, как Катамарка и Ла-Риоха, целиком принадлежит к области бассейнов рек, не имеющих истечения. Столица Сан-Жуан пользуется отличным местоположением на высоте 650 метров, среди плодородной равнины, которую река того же названия орошает тысячью разветвляющихся каналов; но немного южнее воды эти иссякают в болотах Хуанакаче. Сан-Жуан, основанный в 1561 г. в 6 километрах севернее занимаемого им ныне места, куда он был переведен впоследствии, окружен великолепным бульваром, засаженным тополями, и зоною чудной культуры. В нём есть даже ботанический сад. К его названию—Сан-Жуан, присоединяется ещё прозвище де-ла-Фронтера, вследствие соседства Анд, которые отделяют Аргентину от Чили. Город ведет значительную торговлю скотом, сухими фруктами и другими земледельческими товарами с портом тихо-океанского склона. Деревня Зонда, лежащая западнее, в долине более тысячи мет-

ров высотою, служит излюбленною дачною местностью и купальным курортом для жителей Сан-Жуана. На востоке находится город Каусете, который оффициально называется Индепенденсиа: он стоит во главе сети ирригационных каналов, вырытых в пустыне, среди которой теперь расстилаются богатые поля. Несколько месторождений металлов и лигнита, открытые в окрестных горах, объясняют учреждение в Сан-Жуане горной школы, впрочем, имеющей мало питомцев. Город Ячал, лежащий на 200 километров севернее, на многоводной реке, пополняемой водами многочисленных притоков, сосредоточивает в себе торговлю всей северной части провинции и направляет многочисленные караваны судов к двум чилийским портам—Хуаско и Кокимбо. Ячалский округ изобилует рудами и теплыми водами.

Провинция Мендоза, после Тукумана самая многолюдная во всех андских областях, обязана своим исключительным значением положению на главной южно-американской дороге между Буэнос-Айресом и Вальпарайзо: ущелье де-ла-Кумбре, избранное для проведения пока колесной, но в скором будущем и железной дороги, находится между двумя высочайшими колоссами—горными хребтами Аконкагуа и Тупунчато. На юге кордильера прерывается более низкими порогами, но так как они значительно удалены от дороги, соединяющей два жизненных центра Аргентины и Чили, то и остаются пока без внимания. Подобно другим андским провинциям, Мендоза владеет довольно богатыми металлоносными жилами, которые, впрочем, до сих пор эксплоатировались лениво. Главное богатство Мендозы заключается в её виноградниках, хлебных полях и лугах, поросших люцерною, которые орошаются речными потоками, спускающимися с Анд; в середине XIX века деятельно принялись за шелководство, но эта отрасль промышленности не привилась в стране. Совместно с провинциями Сан-Жуан и Сан-Луис,—Мендоза принадлежит к области Кюйо, составлявшей во время колониального режима Испании административное владение Чили.

Столица провинции, Мендоза, которая была также главным городом всего испанского вице-королевства Ла-Платы, первоначально была основана в 1560 г. на равнине, орошаемой ручьями, которые теперь преобразованы в ирригационные каналы. Но современный город не имеет ничего общего с тем, который был основан завоевателями: он находится гораздо восточнее. Первая Мендоза, почти такая же обширная, как нынешняя, имела более массивные и высокие постройки. Но она в несколько минут была разрушена землетрясением. Это было в 1861 г., вечером, в среду на первой неделе Великого поста, когда почти всё население Мендозы находилось в церквах. Землетрясение погребло в храмах всех молившихся: от грандиозных зданий с высокими куполами остались одни только боковые стены. Из пятнадцати тысяч жителей тринадцать тысяч, по словам одних, десять—по словам других, погибли под развалинами; геолог Бравар, который, как гласит предание, незадолго перед этим предсказал землетрясение, также оказался в числе погибших. Так как Мендоза стоит вовсе не на вулканической почве и по соседству с нею в Андах не было даже никакой огнедышащей горы, то надо думать, что землетрясение произошло вследствие внутреннего кипения лавы. Бракебуш объясняет это событие воспламенением подпочвенных смолистых слоев и взрывом газов. Перестраивая город, центральною улицею жители избрали *Alameda*, бульвар, засаженный тополями и вязами, куда в летние хорошие вечера массами стекаются гуляющие. По набережной канала с фонтанами и небольшими каскадами, вдоль бульвара тянется ряд веселеньких ярко-выкрашенных домов новой конструкции. Будучи расположена на большой дороге между Буэнос-Айресом и Вальпарайзо, Мендоза служит главною станциею между двумя республиками. Она имеет также большое значение как земледельческий центр, вследствие чего там учреждена даже земледельческая школа. Окрестные деревни, пользующиеся великолепным орошением, владеют чудными *invernadas*, искусственно разведенными лугами, люцерна которых вывозится в Чили. Кроме того отсюда вывозят на другой склон Анд кожу, шерсть и живой скот. В 1887 г. через ущелье Кумбре из Мендозы было отправлено 48.000 голов рогатого скота. Владетели виноградников отправляют в Буэнос-Айрес свои вина.

На запад от Мендозы, колесная и железная дороги, выходящие с высоты в 805 метров,

направляются на юго-запад через брешь предгорий и достигают высот, поднимаясь по долине реки Мендозы. Путь этот огибает массив Парамиллос, где, в десяти километрах на северо-запад от города, находится местечко Чаллао, известное своими купальнями и вообще как прелестная дачная местность; затем дорога вступает в высокую долину Успаллаты, расположенную весьма благоприятно для основания на ней города, но значительная высота её (1.900 метров) страшит эмигрантов, и пост Успаллата имеет значение только для таможни, как экспортная контора; рудные заведения по эксплоатации меди и других металлов не имеют правильной организации, и работы идут не беспрерывно. В XVIII-м веке Парамиллоские руды, галлереи которых открываются на различных высотах, от 2.800 до 3.184 метров, эксплоатировались очень деятельно: пленные арауканцы, которых тысячами посылали сюда умирать, были заняты каторжными работами по выкапыванию глубоких колодцев и галле-

Мостъ Инки.

рей[1]. На этих высотах вечно дует свирепый ветер, называемый здесь *paramillero*.

Железная дорога идет на 25 километров дальше Успаллаты и останавливается пока (1893 г.) на высоте 2.000 метров, ниже Пунта-Вакаса, где начинаются крутые откосы. По склону Кумбре там и сям видны *casuchas*, или будочки, поставленные для защиты против вьюг и лавин: одна из таких спасательных будочек приютилась у подножия скалы, неподалеку от «моста Инки»; мост этот представляет собою естественную арку наносов, скрепленных между собой известковыми осадками горячих источников (36°), которые бурлят в глубине грота и падают каскадами в ручей Куевас. Великолепная арка моста, из-под косяка которой фонтаном вырывается вода, тянется над оврагом на высоте 20 метров, и со свода её спускаются длинные сталактиты. Хотя здесь и не устроено ещё настоящей станции, но источник Инки, славящийся своею целебною силою против ревматизма и малокровия, привлекает много больных, особенно чилийцев.

На юг от Мендозы, дорога, идущая в некотором расстоянии от основания предгорий,

1 G. Ave-Lallemant, „El Paramillo de Uspallata“.

пересекает Сан-Висенте, который можно считать за предместье столицы, а затем—реку Моян, окаймляющую город, изобилующий также известными теплыми водами. Несколько оливковых плантаций и виноградников резко выделяются на фоне окрестных лугов. В ста километрах южнее, в продолговатой долине, над которой с запада господствует предкордильера, а с восточной стороны—сиерра Тунуян, отделяющая её от низких равнин, раскинулся город Сан-Карлос. Несмотря на свое счастливое положение, этот город, главный этап между Мендозою и Сан-Рафаэлем, растет медленно. В 1868 г. горные индейцы, обогнув пост Сан-Рафаэль, неожиданно напали на Сан-Карлос, перерезали там весь гарнизон, похитили женщин, разграбили дома и затем исчезли. Городу трудно было подняться от этого поражения, и колонисты, почти исключительно чилийцы, живут в плохих домишках, рассеянных среди полей и лугов[1]. Что касается местечка Сан-Рафаэль, расположенного у выхода из гор, близ рио-Диаманте, то в недалеком будущем оно сделается несомненно одним из главных городов Аргентины, благодаря плодородию своих полей, обилию вод и относительно удобным горным проходам, через которые он сообщается с Чили. Большая часть его основателей были белые из других провинций, ссыльные или преступники, которые были известны под полуиндейским названием guayqueros'ов или «охотников за страусами»; во время военных походов, предпринятых в Андах, они служили проводниками[2]. В 1872 г. Сан-Рафаэль был, так сказать, атакован индейцами. Солдаты крепостного гарнизона не смели ни на шаг отлучиться из крепости и должны были оберегать свой скот между двумя хорошо охраняемыми оградами. В настоящее время искусственные луга простираются далеко за пределы города, и по ущельям Планшон и Круц-де-Пьедра тянутся целые караваны мулов, снабжающие сеном чилийские рынки. В окрестностях Сан-Рафаэля началась также культура винограда.

На западе, аргентинские предгорья заключают в себе пласты угля, принадлежащие очевидно к каменноугольной, а не к третичной формации, подобно различным другим горючим веществам, найденным в округах Сан-Жуана и Мендозы: единственный в Аргентине, небольшой бассейн Ретамито, в Сан-Жуане, занимает аналогичное напластование. Один охотник на гуанако, бродя по горам, нашел у истоков Диаманте несколько кусков угля, которые он отдал в Мендозе некоему спекулятору. Тотчас же составилась финансовая компания, из Буэнос-Айреса созвали геологов и химиков, чтобы определить ценность этой находки. Сан-Рафаэльское топливо оказалось настоящим каменным углем, горящим ровным, чистым пламенем, уподобляясь английскому углю среднего качества. В настоящее время эксплоатируется уже множество пластов, и один из них, в копях «Элоиза», имеет не меньше четырех метров толщины. Существует много указаний на то, что залежи угля тянутся к югу до самого Нейкена, под наслоениями юрской формации. Та же самая область заключает в себе годные для разработки нефть, алебастр и известняк; помимо того зола Сан-Рафаэльского ископаемого угля содержит значительное количество ванадия, соли которого служат лучшею протравою для анилиновой краски[3]. Но эти богатые угольные наслоения находятся на значительной высоте 2.500—3.200 метров, и верхние слои зимою покрываются снежною пеленою[4]. Поэтому эксплоатация этого угля не может считаться особенно прибыльною, и в ожидании, когда откроется судоходство по рио-Диаманте и когда по горам будет проложена железная дорога, уголь этот должен лежать в запасе.

Города и исторические местечки северо-западных провинций Аргентины, с их приблизительным населением, по исчислению Латцины:

Пров. Жужуй: Жужуй—5.000 жит.; Ледесма—4.500 ж.; Хумахуака—600 ж.

Пров. Сальта: Сальта—18.000 жит.; Оран—2.500 ж.; Ривадавия—2.000 ж.

Пров. Тукуман: Тукуман—25.000 жит.; Монтерос—4.000 ж.

Пров. Сант-Яго-дель-Эстеро: Сант-Яго—10.000 жит.; Лорето—1.500 ж.; Салавина—

1 Francisco Host, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tomo II, 1881.

2 Carlos A. Villanueva, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tomo V, 1884.

3 Juan Kyle, „Revista del Museo de La Plata", 1893.

4 Rodolfo Hauthal, тот же сборник.

1.500 ж.; Атамискви—1.200 ж.

Пров. Катамарка: Катамарка—7.000 жит.; Фуерте-де-Андалгала—3.000 ж.; Белен—3.000 ж.; Тиногаста—2.000 ж.

Пров. Ла-Риоха: Ла-Риоха—6.000 жит.; Чилесито—4.000 ж.

Пров. Сан-Жуан: Сан-Жуан—12.000 ж.; Ячал—1.600 ж.

Пров. Мендоза: Мендоза—18.000 ж.; Сан-Рафаэль—3.000 ж.

Провинция Сан-Луис, отделенная от Мендозы реками Дезагуадеро и Саладо, занимает часть центрального массива и простирается далеко в южные степи. Это одна из наименее населенных областей Аргентины, несмотря на то, что изобилует рудными месторождениями, и орошаемая часть её земель отличается замечательным плодородием. Провинция пользуется выгодным местоположением между Кордовою и Мендозою, на главном пути между Атлантическим и Великим океанами; но из всех аргентинцев жители Сан-Луиса всего больше терпели от войн. С конца XVI-го века до половины XIX-го, т.е. в продолжение более 250 лет, город служил передовым постом испанцев против пампасцев, и борьба с этим врагом велась беспрестанно, преисполненная всяких неожиданностей и козней: не раз индейские кавалеристы совершали набеги на колонизованные земли, даже захватывали город Сан-Луис; они вступали в него или победителями или в качестве союзников той или другой партии, принимавшей участие в междоусобных войнах. Среди испано-американцев ни одна нация не предавалась с такою страстью военным стычкам и местным революциям, как жители Сан-Луиса, и эти вечные битвы беспощадно косили молодежь, унося по одному из каждого десятка. Вследствие этого, количество женщин значительно превосходит численность мужчин. При нормальных условиях было бы как раз обратное, так как население провинции пополняется иностранными колонистами, среди которых мужской пол значительно преобладает.

Основанный в 1597 году Мартином-де-Лойола, племянником знаменитого Игнатия, город Сан-Луис был долгое время известен под названием *Punta de los Venados* или «Мыса Косулей», полученным им от одного мыса, на котором были воздвигнуты первые постройки; отсюда и жители этого города зачастую называются *puntanos*. Сан-Луис расположен на высоте 762 метров, на склонах Тунты, вершина которой находится в расстоянии семи километров от города; с этого бельведера открывается великолепная панорама равнин и гор, ограниченная с запада, за окрестностями Мендозы, снеговыми горами, с Тупунгато во главе; вид на Аконкагуа застилается другим гигантом кордильер—серро-де-Плота[1]. Река Чорилло питает обширный резервуар, содержащий 12 миллионов кубических метров воды, которою орошаются окрестные виноградники и фруктовые сады. Промывка золота, которою занимаются на севере, в оврагах самых высоких гор, близ пика Томоласта, доставляет теперь весьма небольшое количество металла.

Вилла-Мерседес, основанная в 1856 г. под названием Фуерте-Конституциональ, неожиданно получила важное значение, благодаря своему положению в плодородной равнине, орошаемой рекою Квинто, как раз в том самом месте, где междуокеанская железная дорога огибает с южной стороны сиерру-Кордова. Центральная станция между Параною и Андами, Вилла-Мерседес пользуется весьма счастливой позицией как будущий пункт скрещивания всех главных железнодорожных линий—Кордовско-Розариоской, Буэнос-Айресской, Бахиа-Бланкаской, Сан-Рафаэльской и Мендозской. Построенный на территории, только ещё недавно завоеванной у пампаских индейцев, окруженный полями, засеянными люцерною, этот город возвеличился на счет других городов, лежащих севернее, на старой «чилийской дороге», именно—Ахирасо и Сан-Иозедель-Моро.

Рио-Кварто, другая весьма оживленная станция аргентинской сети, стоит, как показывает само название её, на «Четвертой» из тех рек, которые спускаются с восточного склона Кордовских гор; она принадлежит провинции Кордова. Подобно Сан-Луису, этот город за-

1 Hermann Burmeister, „Reise durch la Plata“.

щищал против пампасцев крайнюю границу колонизованной Аргентины; ему несколько раз приходилось выдерживать осаду: женщины и дети укрывались в укрепленной церкви, в то время, как мужчины дрались на улицах. За время мира, когда можно было вырыть ирригационные каналы, Рио-Кварто разросся настолько, что занял второе место в провинции. Два города, Вилла-Мария и Вилла-Нуева, из которых первый стоит на левом, а второй на правом берегу рио-Терцеро, соединяясь между собою железным мостом, составляют другой торговый центр для земледельческих колоний. Главная из этих последних, Фрайле-Муерто, основанная англичанами в 1868 г., не пользуется особенным благоденствием, и первые её колонисты давно уже рассеялись. Впоследствии сюда явились земледельцы других национальностей, и округ Белль-виля,—нынешнее название Фрайле-Муерто,—сделался богатым краем, где поля, засеянные люцерною, чередуются с хлебными.

Кордова, столица провинции и второй город республики на запад от Параны, принадлежит к числу древнейших городов Южной Америки. Он был основан Кабрерою в 1573 г., за семь лет до Буэнос-Айреса. Раскинувшись на правом берегу рио-Примеро, на средней высоте в 400 метров, он занимает глубокую долину между двумя откосами. Будучи впродолжении двух веков центром иезуитского господства, он ещё очень недавно имел типичную физиономию духовного города; но с 1870 года он примкнул к сети железных дорог и, сделавшись снова торговым и промышленным центром, в научном прогрессе удачно конкуррирует с Буэнос-Айресом. Университет, возродившийся после изгнания иезуитов в 1767 г., сначала находился в очень плачевном состоянии, страдая от недостатка книг, учебных пособий и даже самих профессоров, так что образование здесь было до крайности ограничено, не выходя из рамок схоластической философии и латинского требника; но в 1870 г. он был совершенно преобразован, благодаря участию европейских ученых, преимущественно германских натуралистов, которые поставили в нём образование на серьезных началах. Местная астрономическая обсерватория, основанная в ту же эпоху, занимает перворазрядное положение среди однородных учреждений; изданием капитального труда по измерению небесных тел южного полушария она стяжала себе европейскую известность. В Кордове имеется, кроме того, метеорологический институт и многие другие полезные учреждения, между которыми выдающееся место занимает Академия Наук. В Кордовском географическом бюро изготовляется так называемая карта Зеельштранга.

Прежде город сильно страдал от разлития рек. Боковой приток Примеро, выходящий из оврага, почти постоянно высохшего, иногда несет с собою целые лавины грязи; в 1761 г. был построен *murallon*, который удерживал воды во время бурь. Недавно по запружению рио-Примеро устроено более грандиозное сооружение подобного же рода. Плотина, находящаяся у выхода из гор, близ Сан-Рок, удерживала воды во время наводнения и регулировала водоснабжение города и орошение полей. Выше плотины, которая у основания имеет не менее $29^1/_2$ метров ширины, а наверху 5 метров, при 115 метрах длины, сдерживаемая водная масса могла бы образовать судоходное озеро в 35 метров глубины на протяжении 159 квадратных километров, с 260 миллионами кубических метров воды. Это было бы величайшее в свете искусственное озеро. Но, как и во многих других случаях, подрядчики, при устройстве этих вавилонских стен, поскупились на цемент, вследствие чего плотина дала опасные трещины: пришлось на 20 метров понизить уровень озера, а это равняется 56 миллионам кубических метров, достаточных для орошения по крайней мере 41.000 гектаров; в 1890 г. один только дождь, ливший впродолжении шести часов, дал три четверти этого количества жидкой массы[1]; вследствие порчи канала, город был залит, и многие дома разрушены; это бедствие выгнало из города массу жителей.

В окрестностях находится деревня Пуеблито, населенная индейцами, теперь уже ометиссированными, которые с самого основания деревни находились постоянно под непосредственным влиянием Кордовы. Выше, в самых горах, находится другая деревня, Косквин, куда летом съезжаются больные—чахоточные и другие; это отличная дачная местность и

1 Ludwig Brackebusch, „Petermann's Mittheilungen", 1893. Heft VII.

прекрасная санатория. Кроме неё, есть ещё несколько других санаторий. Из Кордовы выходит железная дорога, которая поднимается к Сан-Рок и Косквину до самых истоков рио-Примеро, а затем спускается на запад к солончакам Ла-Риохи, пересекая иногда богатую рудную область, в настоящее время уже утратившую свое значение; монетный двор, существовавший некогда в Кордове для чеканки монеты из золота, добывавшагося с соседних гор, давно уже закрыт. Даже в этом рудном округе, главный город, образовавшийся в широком проходе между горами Кордовою и Сан-Луис из двух городов Сан-Педро и Долорес, разделяющихся ручьем,—обязан своим цветущим положением не рудникам, а культуре окрестных полей.

Главные города провинций Сан-Луис и Кордова, с их приблизительным населением, по определению Латцины:

Пров. Сан-Луис: Вилла-Мерседес—7.000 жит.; Сан-Луис—6.000 ж.

Пров. Кордова: Кордова—66.247 жит.; Рио-Кварто—12.000 жит.; Белль-вилль (Фрайле-Муерто)—5.000 ж.; Вилла-Нуева и Вилла-Мария—4.000 ж.; Сан-Педро-и-Долорес—3.300 ж.

Провинция Буэнос-Айрес, где находится столица, не охватывает собою даже половины всей территории республики, но её привилегированное положение дало ей значительное превосходство перед другими провинциями, как в населении, так и в богатстве. По плодородию своих земель и по климату она не может соперничать с другими провинциями, но зато у неё есть другое важное преимущество—открытый доступ для торговли и эмиграции. Аргентина была насаждена Европою, ею же она и продолжает держаться; рано или поздно, когда нация станет на самом деле независимою, между её различными частями восстановится равновесие. Однако, Буэнос-Айрес, не удовлетворяясь своим экономическим превосходством, долгое время пытался захватить в свои руки и политическую власть, опираясь на авторитет Мадрида; он надеялся сделаться его наследником и в свою очередь посылал свои распоряжения той части колониальной империи, которая отделилась от своего отечества. Такова была побудительная причина междоусобных войн между «униатами» и «федералистами», которые обагрили кровью почву Аргентины и даже одно время раздробили её на два отдельных штата.

Город, которому Мендоза, определивший его место, дал название Пуерто-Санта-Мариа-де-Буэнос-Айрес, вовсе не представляет собою естественный «порт», как гласит его собственное название, а также прозвище его жителей *portenos*, т.е. «портовые люди». На длинном, низком пляже лимана вовсе нет глубоких иссечений, и избранное Мендозою место представляет собою просто высокий берег, куда могли приставать только одни лодки, оставляя большие суда в открытом море. Даже в наше время, несмотря на искусственный порт с устроенными бассейнами и волнорезами, Буэнос-Айрес чуть-чуть выделяется на ровной линии горизонта: его мачты, башни, заводские трубы высятся как будто над плавучим островом. Без холмов, без всяких пригорков на ровной почве, возвышающейся на 19 метров над уровнем моря, Буэнос-Айрес с внешней стороны не имеет ничего внушительного. Улицы, рассекающие город шашками, тянутой далеко по прямому направлению, не встречая по пути никаких препятствий; только на юге высокие берега террасы, круто сбегающие к «ручью» или к Риачуело, несколько нарушают прямолинейность этого геометрического плана, да многочисленные вокзалы, грандиозные здания и железные дороги, извивающиеся по всем направлениям, вносят некоторое разнообразие в правильный квадрат улиц.

Буэнос-Айрес принадлежит далеко не к древнейшим городам республики, хотя место его было выбрано для испанской колонии в числе первых. В 1535 году, восемь лет спустя после основания форта Эспирито-Санто при устье Каркараны, Диего-де-Мендоза проник в Риачуело, и на террасе, господствующей над этим ручьем, построил несколько хижин. Но он не сумел поддержать дружеские отношения с индейцами кверанди, и скоро, вместе со своими солдатами и колонистами, очутился в осадном положении. Начался целый ряд битв с переменным успехом; маленькой испанской колонии трудно было удержать за собою позицию, и

в 1542 г. Альвар Нуньец, «Коровья голова», отдал приказ очистить Буэнос-Айрес: страна была возвращена индейцам. Вытесненные с этой стороны, европейцы сосредоточили свои силы на берегах Параны и Парагвая, где туземцы покорились без большого сопротивления, но самые их успехи внутри страны вызвали необходимость основать торговый город на берегах лимана. Устраиваться по соседству с воинственными чарруа Восточной полосы было бы слишком безразсудно, а потому решили снова отвоевать себе утраченную позицию на Риачуело. В 1580 г. Жуан де-Гарай, в сопровождении шестидесяти солдат и вспомогательного отряда индейцев, овладел террасою Буэнос-Айреса, выгнал оттуда кверанди и принялся за распределение земли.

Основание коммерческого города у входа громадного бассейна лаплатских рек было слишком важным событием для того, чтобы прежнее равновесие оставалось ненарушенным. Севильские и Кадикские негоцианты, державшие в своих руках торговую монополию Нового Света посредством Новой Гранады и Перу, потребовали от правительства несуразного указа, чтобы ввоз в Ла-Плату европейских товаров производился через Перу и верхний Парагвай[1]. Тем не менее Буэнос-Айресу удалось заполучить некоторые торговые льготы, а небольшая португальская колония, основанная в Сакраменто, против самого испанского города, быстро развила контрабандную торговлю. В 1744 г., спустя более полутора века после своего основания, Буэнос-Айрес вместе со своими предместьями насчитывал 20.000 жителей. Значение свое город стал приобретать только с 1776 г., когда лаплатские территории освободились от политической и торговой опеки Перу и, образовав вице-королевство Ла-Платы, завязали прямые сношения со своим европейским отечеством. С начала XIX века Буэнос-Айрес сделался большим городом с 50.000 жителей; в окрестностях его насчитывалось почти столько же жителей.

С наступлением периода независимости начались войны и междоусобные раздоры; тем не менее Буэнос-Айрес продолжал разростаться, а с тех пор, как движение европейской эмиграции приняло характер настоящего бегства, столица Ла-Платы, недавно ещё стоявшая ниже многих других южно-американских городов и двух главных городов Австралазии, заняла по населенности первое место во всём южном полушарии. 31 июля 1900 г. население Буэнос-Айреса состояло из 806.613 жителей. Временами местные революции, эпидемии, финансовые кризисы нарушали нормальное равновесие в приросте и убыли населения, но в общем годовой прирост его надо считать в 10.000—14.000 человек, благодаря значительному преобладанию рождаемости над смертностью; к этому естественному прогрессу следует присовокупить ещё известную часть эмиграции, определяемую в одну пятую всех высаживающихся в Буэнос-Айресе пассажиров[2]. Город, раскинувшийся на весьма значительном, относительно количества населения, пространстве, между Бельграно и Барракасом, занимает $16^1/_2$ километров вдоль реки и столько же в ширину. На северо-западе, по направлению к Паране, тянется его длинное предместье; на западе некоторые его кварталы доходят до Сан-Хозе-де-Флорес; с южной стороны к городу примыкают сплошные ряды городских домов Бока и Барракаса, окаймляющие берега Риачуело. Городской округ тянется на пространстве 182 квадратных километров; в действительности, впрочем, застроенная часть города занимает всего 45 квадратных километров, т.е. около половины поверхности, занимаемой Парижем. Но Буэнос-Айрес, так же, как Рио-Жанейро, Монтевидео и другие большие города Южной Америки, с 1870 г. переполнен рельсовыми линиями, работающими гораздо деятельнее многих таких же дорог в европейских городах.

Всех рельсовых линий в Буэнос-Айресе в 1892 году: 287 километров; 406 омнибусов, 3.300 служащих, 6.227 лошадей и мулов. Перевезено пассажиров: 60.650.000.

К этому надо ещё прибавить шесть линий железных дорог, которые имеют в черте города по несколько станций. Движение на Буэнос-Айресских станциях железных дорог в 1891 г.: перевезено пассажиров— 6.550.000; товаров—1.370.000 тонн.

1 Martin de Moussy, цитированное сочинение.

2 „Nacion", Agosto 28, 1893.

До того времени, когда торговля и разные спекуляции выдвинули личные колоссальные богатства, все улицы, все дома в Буэнос-Айресе походили одни на другие. Согласно формальному постановлению Индийского совета в Мадриде, все улицы имели одну и ту же ширину 16 вар (13 метров, 76) и ограничивали собою островки или *manzanas*, в 129 метров; по краям улиц тянулись тротуары в один метр шириною. Нормальный тип жилых построек, скопированных с домов Севильи и Кадикса, представляет собою особняк, заключающий в себе зал в два окна и сени, огороженные решеткою, сквозь которую видны кусты зелени и цветов, насаженных в *patio*, куда выходят внутренние покои. Прежде дома строились в один этаж, но возрастающая ценность на городские земли, которые в центральных кварталах по стоимости равняются европейским, заставила домовладельцев вытягивать в вышину стены своих недвижимостей, и населенные кварталы города, на востоке по близости порта, на севере около парка Палермо и аристократические кварталы Белграно мало-по-малу застраиваются более высокими и роскошными домами, не имеющими ничего общего с первобытным типом андалузских жилищ. Предоставленный на усмотрение архитекторов, Буэнос-Айрес мало-по-малу принимает банальный вид большей части других столиц. Банки конкуррируют друг перед другом роскошью своих мраморов и металлических отделок. За исключением кирпича и песку, почва Буэнос-Айреса не доставляет никаких других матерьялов, годных для построек и способствующих украшению города. Гранит и слюдяной сланец доставляются с острова Мартин-Гарсиа; мрамор получается из Италии; каменные плиты для мощения тротуаров и дворов привозятся английскими судами; известь изготовляется на берегах Уругвая и Параны; обыкновенное строевое дерево получается из Норвегии и Канады; Бразилия и Парагвай доставляют более ценное поделочное дерево; Франция высылает мебель, бронзу, изящные изделия и хрусталь.

Главнейшие городские монументы группируются близ набережной, в том самом месте, где Жуан де-Гарай воздвиг первые постройки. Правительственный дворец *Gasa Rosada*, отделенный от здания таможни бульваром и железною дорогою, реставрирован в конце XVI века из прежнего дворца вице-королей. Рядом, по окружности площади Майо или Виктория, вырисовываются другие главные здания—дворец конгресса, городская ратуша, биржа, театр Колон и кафедральный собор с великолепною папертью на коринфских колоннах. В течение дня городская жизнь сосредоточивается в этом центральном пункте, где скрещивается масса рельсовых линий. Здесь начинается широкий бульвар Майо, пересекающийся в центре города с бульваром Каллао. В соседстве площади Майо находится конечная станция большей части поездов лаплатской сети; улица, впрочем, такая же узкая, как и прочия, переполнена гуляющими и праздношатаями, которые толкаются по магазинам и кафе; она начинается сейчас же за площадью и идет по направлению к северу, до площади Сан-Мартин; это место сходбища «всего Буэнос-Айреса», напоминающее собою руа-до-Увидор в Рио-Жанейро, носит название *calle* Флорида.

Все национальности имеют своих представителей в Буэнос-Айресе, в этом большом горниле, где формируется аргентинская нация. В этом южно-американском Вавилоне аборигены далеко не составляют преобладающего элемента, а в 1892 г. они составляли всего лишь пятую часть населения; итальянцев было вдвое больше: в некоторых кварталах слышится исключительно только генуэзский или неаполитанский говор.

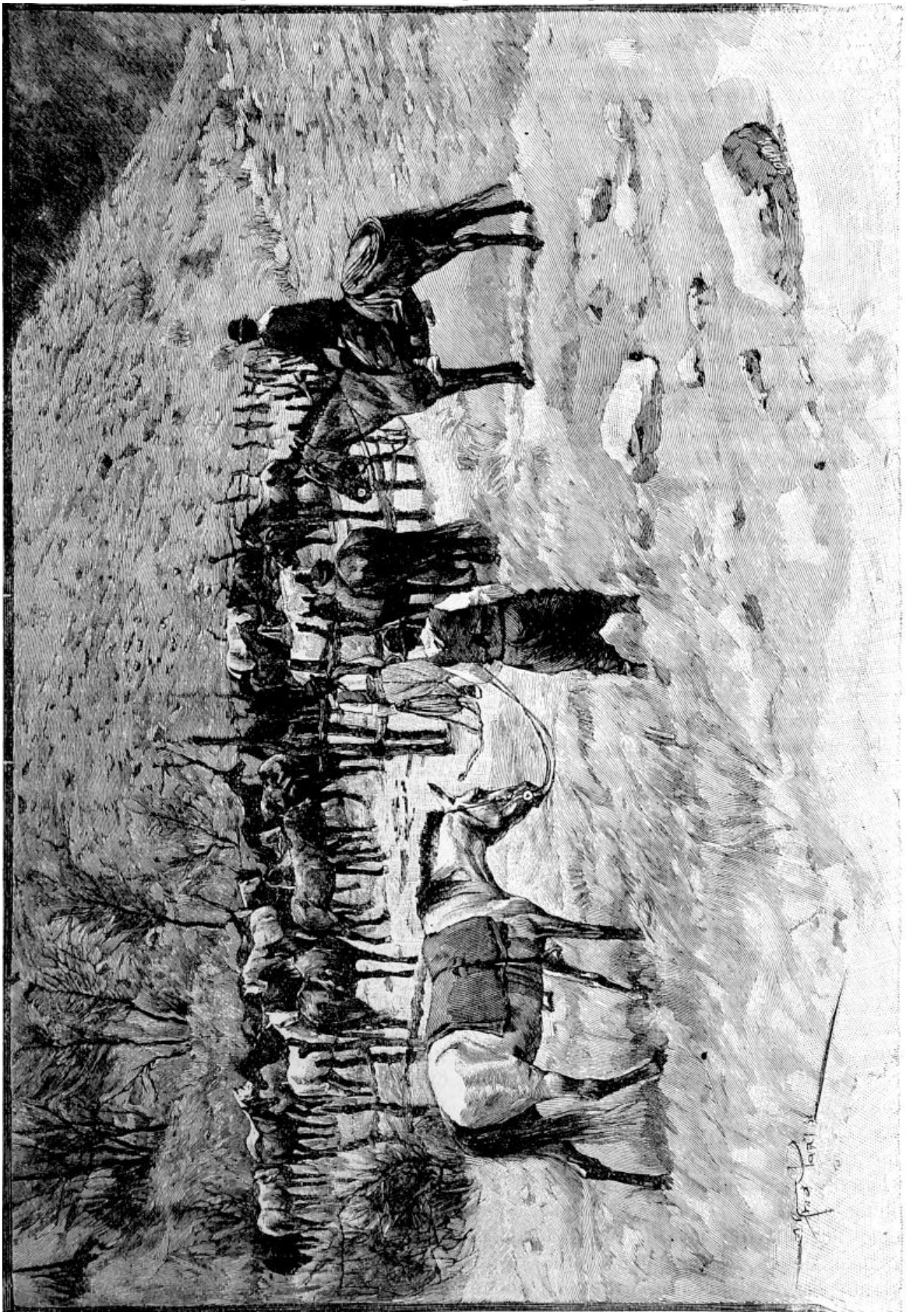
Население Буэнос-Айреса по национальностям в 1892 г.: итальянцев—224.800; аргентинцев—99.500; испанцев—68.500; французов—23.000; англичан—9.100; немцев—7.500; других национальностей—102.700.

Иностранцы гнездятся в так называемых *conventillos* или домах с массою отдельных меблированных комнат, очень тесных, темных и плохо обставленных. Вообще город, даже в лучших своих кварталах, не отличается хорошими санитарными условиями. Хотя рождаемость здесь и выше, чем во многих других больших городах Европы, зато и смертность значительнее, чем где-либо в другом месте.

Гражданское состояние Буэнос-Айреса в 1891 г.: рождаемость—25.591, т.е. 46,5 на 1.000;

смертность—13.014, т.е. 24,3 на 1.000.

Система сточных труб стала практиковаться только со времени двух больших эпидемий 1867 и 1871 годов—холерной и желтой лихорадки, которые унесли—одна 15.000, а другая

Конскій загонъ въ Патагонской провинціи.

26.000 жертв. Различные спекуляции приостановили на время окончание этого предприятия, которое обошлось уже городу в 150 миллионов франков; больше четырех пятых всех домов ещё остаются без подземной канализации, главная труба которой, имеющая 26 километ-

ров длины, выходит в лиман с восточной стороны города, близ, местечка Квилмес. Что касается чистой воды, употребляемой для питья, то водопровод несет её с другой стороны Буэнос-Айреса, в расстоянии 1.600 метров от берега Бельграно, из того места лимана, где вода совершенно пресная, но с большими осадками. Туннель, почти в шесть километров длиною, несет эту воду в бассейны Реколеты, находящиеся в северной части города; но ежедневного количества доставляемой воды 675.000 гектолитров не хватает для всего города, и из 40.000 домов 10.000 в 1893 г. ещё оставались без водопровода. Кроме этого подземного водопровода, несущего воду прямо из лимана, в Буэнос-Айресе есть ещё много колодцев, получающих воду из глубоких водных бассейнов. В 1860 г. были произведены первые работы по бурению артезианских колодцев и дорылись до глубины уже 280 метров; но сильно соленая вода, которую доставил зонд, в этих глубинах, не может служить для домашнего употребления[1]. С того времени ограничиваются розысканием имеющей сообщение с Параною, водной площади, которая находится на средней глубине 25—29 метров и мешает свои воды с жидким песком в толще 25 метров. В 1884 г. существовало уже 150 таких колодцев, из которых самые обильные доставляли 40 кубических метров воды в час, ни мало не вредя один другому; подземный бассейн, кажется, неистощим. В марте 1892 г. в Буэнос-Айресе было 34.270 домов; из них с водопроводом—6.270 домов.

Как торговый город, через который проходят $^3/_4$ всех торговых оборотов республики, Буэнос-Айрес очевидно должен был озаботиться устройством порта. Для этой цели сначала воспользовались устьем Риачуело, где впервые пристал Мендоза, и драгировали входный канал, защитив его боковыми плотинами. Таким образом достигли надлежащей глубины для судов, имеющих 5 метров осадки; но проектированная глубина канала должна иметь 6 м.,40. Другая более важная работа в этом роде была начата в 1887 г., она состоит в прорытии по фронту всего города четырех бассейнов в 7 метров глубиною, защищенных гранитными волнорезами и снабженных навесами, журавлями и железными дорогами. Совокупность всех этих сооружений, обошедшихся городу уже около 200 миллионов, сделает из Буэнос-Айреса порт, который будет в состоянии конкурировать с Монтевидеоским, если не величиной поверхности, то своими естественными превосходствами.

Движение судоходства в портах и на рейде Буэнос-Айреса в 1892 г.: вошло—3.471 судно, вместимостью 2.206.950 тонн; вышло—2.694 судна, вместимостью 1.745.400 тонн; итого—6.165 судов, вместимостью 3.952.350 тонн. Ценность внешней торговли в 1890 г.: ввоз—258.000.000 франков; вывоз—222.000.000 франков; вывоз из Буэнос-Айреса в 1892 г.: 389.175.000 франков; в том числе: шерсти—327.289 кип; пшеницы и кукурузы—6.411.000 мешков. Бараньих туш—958.875.

Вместо того, чтобы бросать якорь среди лимана, в 26 километрах от города, прикрепляясь к баканам, большая часть крупных судов входят теперь в три бассейна Буэнос-Айреса, уже оконченных работою (1893 г.), или в порт Риачуело, называемый также *de la Boca* или «Устья», эту лаплатскую «Геную», где почти все говорят по-итальянски[2]. В XVIII-ом веке, когда не были ещё поставлены баканы, суда плавали здесь только днем, в сопровождении двух шлюпок лотовых матросов, которые, подобно охотничьим собакам, отыскивали след[3].

Ввозимые товары не только идут на потребление города и внутренних областей, но также поддерживают значительную промышленность, заводы литейные, мукомольные, водочные, кожевенные и другие, возникшие благодаря покровительственному таможенному тарифу, в ущерб потребителям. Вывозится главным образом шерсть, мясо, пшеница, кукуруза.

Немногие города так богаты театрами, увеселительными залами, «mails», «jeux de paume», как столица Аргентины; но, если не считать нескольких небольших садов и многочисленных бульваров, в ней всего один парк, Палермо, лежащий на берегу моря, подле аристократических кварталов, по дороге в городки Бельграно, Сан-Исидро, Сан-Фернандо и лас-

1 Emilio Godoy, „Boletin del Instituto Geografico Argentino", tomo V, 1884.

2 M. G. and E. T. Mulhall, „Handbook of the river Plate".

3 Muratori, „Paraguai".

Кончас, хотя и лежащие вне городской черты, но в действительности составляющие пригороды Буэнос-Айреса.

В Палермо, этом роскошном общественном саду, украшенном аллеей пальм, имеются прекрасные коллекции растений и животных. Это одно из редких в Буэнос-Айресе научных заведений. Университет занимает здание бывшей иезуитской коллегии. Здесь помещается национальная библиотека, заключающая в себе 60.000 томов, и музей, основанный Ривадавией в 1823 г., и которым долго заведывал натуралист Герман Бурмейстер; в прежнее время его богатства были нагромождены в слишком тесном помещений. Среди них обращают на себя внимание очень ценная палеонтологическая коллекция и, среди прочих замечательных предметов, метеорит, упавший в 1880 г. в провинции Энтре-Риос, заключающий в себе углеродистые вещества[1].

Ла-Плата, главный город провинции Буэнос-Айрес, не принадлежит к городам, возникшим по чьей-либо личной инициативе. Так как закон назначил столицей федерации город Буэнос-Айрес, то пришлось перенести из него управление провинцией. Его можно было переместить в один из уже существующих городов, но предпочли создать среди самой пампы город, уже с первого дня своего существования одаренный преимуществами комфорта, роскоши и гигиены, по указаниям специалистов. Выбор был удачен, потому что местность эта здорова и подле находится бухта (*ensenada*) Барраган, лучшая на всём побережье. Испанцы в течение двух веков пользовались этой якорной стоянкой, и здесь в разное время были произведены необходимые работы для доставления судам возможности приставать к берегу. Путешественники часто высказывали, что Ла-Плата возникла подобно северо-американскому городу, прибавляя, что в Северо-Американских Соединенных Штатах города появляются не вследствие предписаний закона или декретов, но это неверно: Вашингтон и Индианополис зародились, подобно Ла-Плате, по приказу конгресса или законодательного собрания штата; что касается до промышленных городов, как Пульман-Сити, Миддльсборо, Бирмингам, основанных тем или другим капиталистом, то и они не являются результатом добровольной группировки людей.

Городской округ, центр которого занимает Ла-Плата, заключает в себе 150 квадратн. километров; в нём уже существовали два городка—Толоза, где сосредоточены железнодорожные мастерские, и Энсенада, у порта Барраган; всё вообще население этого городского округа достигало приблизительно 8.000 жителей.

Рост Ла-Платы шел очень быстро. Первый камень её был заложен в 1882 году, а восемнадцать месяцев спустя главные провинциальные правительственные учреждения уже заняли дворцы, блещущие дорогой столярной работой, мрамором и позолотой. Ежегодные переписи населения указывали на необычайное его возрастание, иногда больше, чем на тысячу душ в месяц. Потом наступил период реакции; после окончания казенных зданий, когда ушли с работ артели рабочих, подрядчики и поставщики, при чём с окончанием работ совпал финансовый кризис, выяснилось, что экономическое состояние Аргентины не соответствует одновременному существованию двух больших городов, удаленных один от другого на 50 километров. Чиновники, обязанные жить при своих министерствах, жалели о соседней столице, где работать было бы легче, а главное приятнее. Театры, увеселительные места, политическая и общественная жизнь Буэнос-Айреса,—всё это сильно притягивает жителей молодого города, ещё не укоренившагося и без связей с прошлым. Все предпочитают неожиданности, торговое оживление и сравнительное разнообразие Буэнос-Айреса геометрически-правильному квадрату Ла-Платы, с её однообразными улицами в 18 метров шириной, с её проспектами в 30 метров шириной, диагональными аллеями и бульваром кругом города, с её прямоугольными площадями, расположенными через равные промежутки, вообще, всему этому громадному чертежу, перенесенному на землю с чертежной доски инженера. Тем не менее здесь не замедлят возникнуть местные промышленные предприятия, а всё увеличивающаяся легкость сообщений в конце концов сольет Буэнос-Айрес и Ла-Плату в один город с

1 Henry A. Ward, „Revista del Museo de la Plata“, 1890-91.

двумя центрами, подобный эллипсу с двумя фокусами.

Ла-Плата приобрела некоторое значение благодаря своим учебным заведениям. Главные из них находятся в тени парка или в его окрестностях: агрономическая и ветеринарная школы, технологический институт, астрономическая обсерватория, очень богатая своими первоклассными инструментами, музей. Это последнее учреждение основано в 1884 году путешественником-натуралистом Франсиско Морено; сначала музей получил от него в наследство его драгоценные коллекции и библиотеку, а потом обогащался с поразительной быстротой, благодаря энтузиазму целой плеяды исследователей страны. В нём имеются целая серия геологических формаций, богатые собрания окаменелостей, предметы из могильников ста различных племен: всё это представляет массу редких предметов, методически классифицированных; а по некоторым отраслям палеонтологии и коллекциям предметов доисторической эпохи Лаплатский музей не имеет себе равных. В самой почве, на которой возведен город, были найдены скелеты туземцев вместе с каменными орудиями и швырковыми копьями из заостренных костей[1].

Старинный городок Энсенада служит портом Ла-Платы; он удален, от центра города на 7,5 километров и оправдал надежды своих основателей. Его главный бассейн, длиной в 1.145 метров и шириной в 145 метров, имеет 6,40 метра глубины во время отлива; он сообщается с глубокими водами узким каналом около 8 километров длиной, через который во время прилива проходят в порт самые большие суда, выгружая товары и пассажиров прямо на набережные. Но это торговое движение почти целиком направляется на Буэнос-Айрес. С этой точки зрения Энсенада гораздо более зависит от столицы государства, чем от главного города своей провинции. Деятельность порта удвоилась с 1891 г. по 1892 г., так как коммерсанты всё более и более его ценят. Правительство Аргентины завело в Ла-Плате крупные военные учреждения, пловучий док и держит здесь отряд миноносок.

В 1892 году Лаплатский порт посетило: пароходов—480, вместимостью в 838.250 тонн; парусных судов—132, вместимостью в 130.150 тонн; каботажных судов—1.611, вместимостью в 100.480 тонн; всего—2.223 судов, вместимостью в 1.068.880 тонн.

Товаров вывезено на 25.485.000 франк.

Главное неудобство порта Энсенады и соседней Ла-Платы происходит от стоков нечистот Буэнос-Айреса, изливающихся в море подле местечка Кильмес, к западу от Энсенады и выше её по течению, преобладающему здесь. Эти тридцать или сорок тысяч кубических метров сточных вод, ежедневно примешивающиеся к водам устья, каждые десять лет будут удваиваться или утраиваться; их зловонные осадки угрожают засорить порт; жители вынуждены добывать воду для питья из глубоких почвенных слоев.

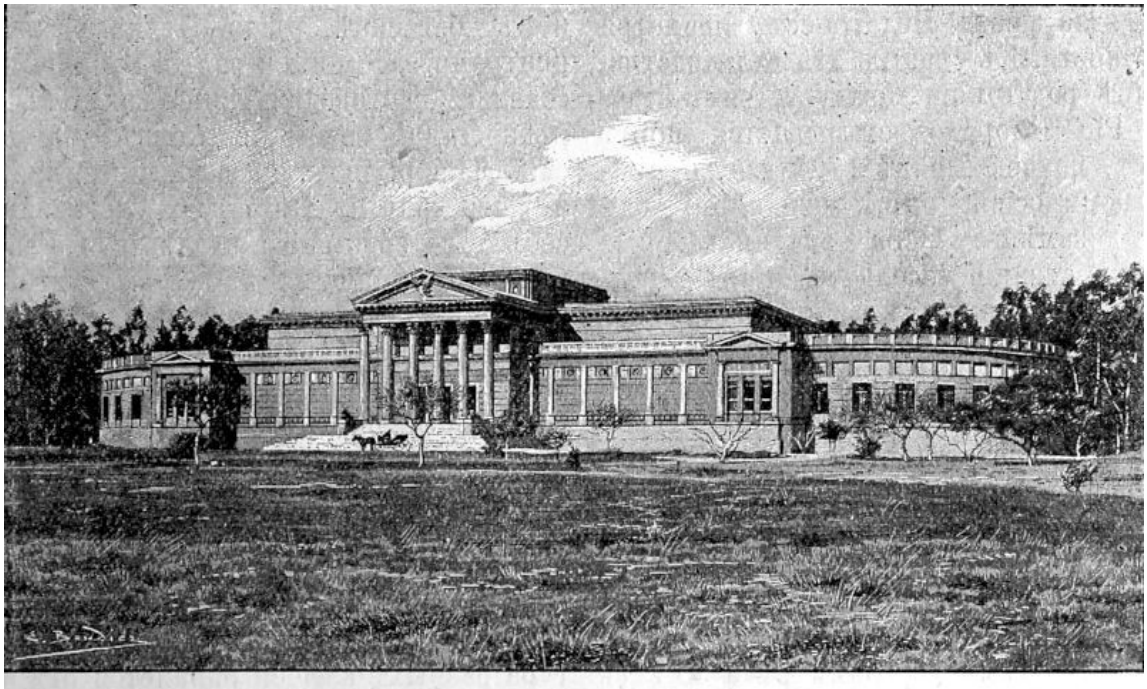
К востоку от Ла-Платы на берегах речного устья нет ни одного настоящего города: самый значительный городок, Магдалена, лежит в 5 километрах от берегов, внутри страны, посреди болот; ему принадлежит только несколько саладеро[2], на берегу моря у пристани Аталайя. В этой стороне расположены маленькия купальные поселения Буэнос-Айреса, но столичные больные, фланеры и игроки больше всего ценят купанье в Мар-дель-Плата, лежащем в 400 километрах по железной дороге, у мыса Корриентес. Местность тут представляет резкий контраст с однообразными равнинами лаплатской пампы; она сурова, гориста и дика; воздух, освежаемый ветрами с открытого моря, отличается замечательной чистотой; но море здесь очень бурно и образует водовороты, вследствие обманчивых течений. На морских берегах устраиваются и другие купальные места, на севере у Мар-Чикита, а на южном берегу у устья реки Кекен, где находится городок Некочеа; здесь строят город для купальщиков.

Железная дорога, связывающая Мар-дель-Плата с Буэнос-Айресом, проходит через город Часкомус, или «Город Лагун», названный так вследствие окружающих его маленьких озер, и далее через Долорес, тоже окруженный стоячими водами и богатый скотом. У Майпу отделяется железнодорожная ветвь, проходящая через Тандиль, живописный город, лежащий на

1 Francisco P. Moreno, „Le Musee de La Plata“.

2 Бойни и заведения для солки и сушки мяса.

высоте 198 метров над уровнем моря, у входа в широкое ущелье, прорезающее цепь гор, идущую к мысу Корриентес. Горный проход у Тандиля был прежде дверью, через которую индейцы вторгались грабить окружающие Буэнос-Айрес местности. Поэтому в 1822 г. на этом стратегическом пункте был выстроен форт. В нескольких километрах от Тандиля находится знаменитый «Качающийся утес» (*piedra movediza*)—эрратический валун весом в 270 тонн, опирающийся только одной точкой своего широкого основания на весьма покатый гранитный откос, и качающийся даже от ветра; между тем, по словам местного предания, опрокинуть его не могли тридцать пар быков. Индейцы считали этот камень священным, и так же смотрят не него гаучо. 1-го января 1873 года около сотни этих туземцев собрались у камня, чтобы отправиться отсюда резать европейцев; при этом было убито до сорока европейцев. Из Тандиля доставляется в Буэнос-Айрес мрамор и другие строительные матерьялы. К северу, на полпути от Буэнос-Айреса к Бахиа-Бланка, лежит город Азуль (в старину Калуфу, что значит по-индейски «голубой», т.е. то же, что *azul* по-испански). По своему народонаселению и торговле он занимает первое место среди городов внутренних областей. Вся

Лаплатскій музей.

площадь пампы от устья Ла-Платы до г. Бахиа-Бланка в настоящее время поделена на участки, разгороженные проволочными изгородями; земля всюду представляет частную собственность. Но вне городов жителей встречается очень мало—всюду видны только стада и пастухи. Впрочем, г. Азуль и его соседка Олаварриа, лежащая западнее, окружены земледельческими колониями, население которых состоит из всевозможных национальностей, а в особенности из датчан и русских менонитов.

Самыми населенными округами в области пампы являются дистрикты, лежащие к западу от Буэнос-Айреса, близ реки Параны или междуокеанической железной дороги. Вдоль железных дорог расположено много значительных городов: Лобос, Веинте-и-Синко-де-Майо, Мерседес, Чивилькой, Чакабуко, Хунин, Пергамино, Арресифес; в последнем в 1766 году были найдены первые скелеты крупных доисторических животных Ла-Платы; из них один мегатериум, посланный в Мадрид и изученный Кювье лишь по описанию, доставил возможность определить место этого гигантского вида в ряду животных форм[1].

К югу от Тренке-Лаукен, бывшего прежде одним из наилучше укрепленных стратегических пунктов индейской границы, и к югу от ряда небольших фортов, связывавших Тренке-Лаукен с природной оборонительной линией, представляемой озерами Гвамини, лежит об-

1 Emile Daireaux, „Buenos Ayres, la Pampa et la Patagonie“.

ласть холмов и лагун, составляющая водораздел между р. Саладо и реками Патагонии; население здесь очень редко. Более многолюдные поселения группируются в окрестностях Бахиа-Бланка, города с великой будущностью. В 1828 году был основан форт «Белая Бухта» (Bahia Blanca), не на плоском песчаном берегу моря, а в десяти километрах от него, подле болота, в котором теряется река Напоста. В 1863 году появились здесь первые переселенцы, именно три швейцарца, а вскоре затем начали прибывать переселенцы всяких национальностей; но до 1822 года в здешний порт не заходил ни один европейский пароход, и в эту эпоху обороты навигации, совершавшейся при помощи парусных судов, не превышали 6.000 тонн. Бахиа-Бланка обладает исключительными преимуществами. Порт её, отстоящий от города на 7 километр. и совершенно защищенный со стороны моря цепью островков, имеет 10 метров глубины во время отливов. У самых пристаней глубина равняется 5 с половиной метрам. Окруженная виноградниками, производящими вино отличного качества, Бахиа-Бланка пользуется климатом, аналогичным климату Западной Европы, а по географической широте соответствует части Чили между Консепсионом и Вальдивией, где наилучше удаются растения средней полосы умеренного климата. Будучи связана с Буэнос-Айресом двумя железнодорожными линиями и еженедельными пароходными рейсами, Бахиа-Бланка самостоятельно ведет заграничную торговлю и скоро будет соединена с чилийским портом Вальдивией и с долиной Колорадо.

Деятельность порта Бахиа-Бланка увеличивается с каждым годом. В 1892 году его посетило 390 судов, вместимостью в 74.745 тонн. Торговые обороты равнялись 42.800.000 франк. Город снабжается водой посредством канала, отведенного от реки Напоста, и артезианскими колодцами, устроенными между городом и устьем реки; один из них глубиной в 240, а другой в 268 метров. Вода этих колодцев, хотя и годится для питья, но содержит некоторое количество соли; надеются освободить воду от этой примеси, сделав более непроницаемыми трубы колодцев. Обширные болота вблизи города, особенно вокруг поселения Куатреро, были осушены до самого моря, и стояния их воды заменены чистой водой оросительных каналов; прежде бесплодные пространства покрыты теперь садами и плантациями. Порт Бахиа-Бланка служит необходимой гаванью и естественной метрополией для обширной территориальной области, называемой *La Pampa*, орошаемой рекой Саладо, которая теряется в Урре-Лафкен, не достигнув реки Колорадо. Главным городом этой области назначено местечко Хенераль-Ача, лежащее среди пастбищ и мелких озер и названное по имени одного из военных вождей Аргентины.

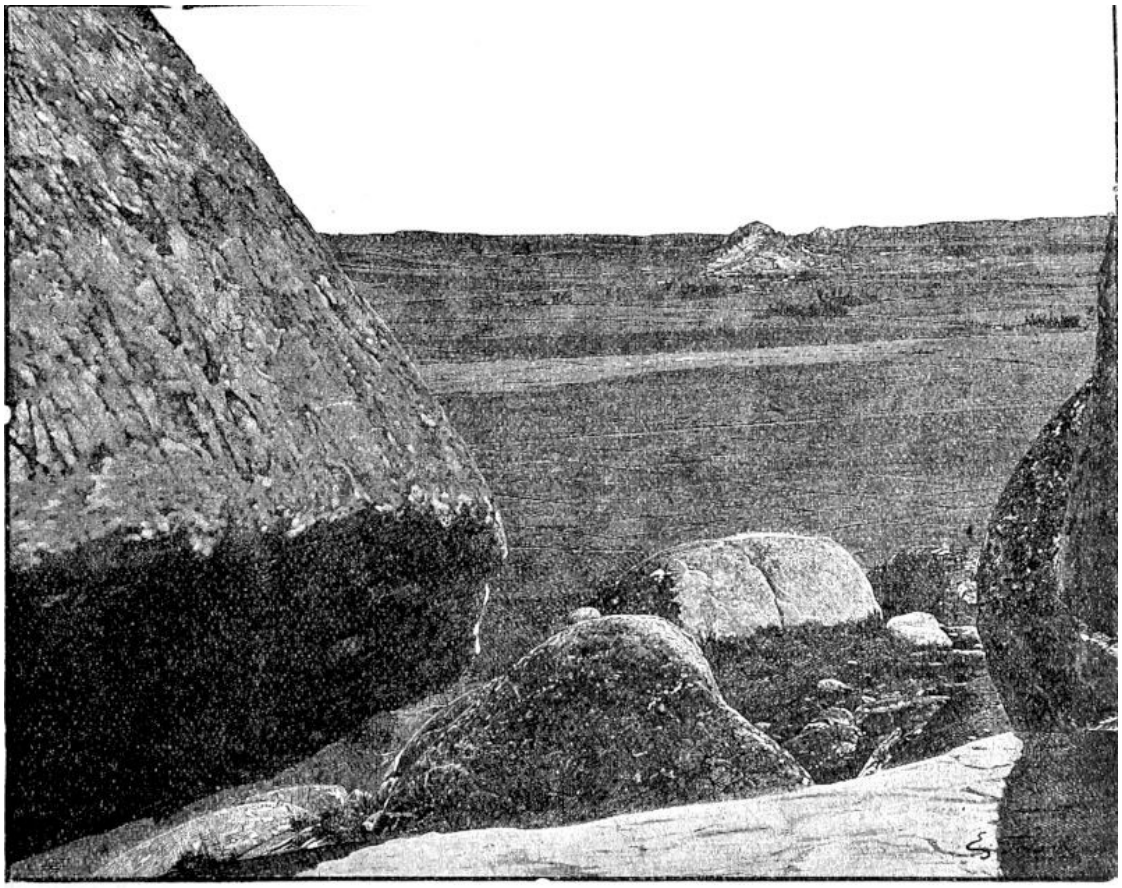
Между городами Бахиа-Бланка и Кармен-де-Патагонес (или просто Патагонес) ходят дилижансы, переезжая разделяющую их пустыню и переправляясь через реку Колорадо у форта Хенераль-Пас. Патагонес основан в 1779 году Виедмой и долгое время служил передовым постом в страшных пустынях юга. Этот город лежит на левом берегу реки, в 34 километрах от моря, у подножия отвесных обрывов, ограничивающих внутреннее плоскогорье. Форт, выстроенный над городом, некогда служил убежищем в минуту опасности немногочисленным семьям колонистов, забравшихся в страну патагонцев. В первые годы независимости Аргентины, когда она вела войну с Бразилией, три бразильских военных судна появились перед устьем Патагонес. Они высадили отряд для овладения фортом, а сами стали подниматься вверх по реке. Но одно судно наскочило на островок у входа в реку, другое село на мель на половине пути до форта, а когда третье показалось в виду его, сухопутный отряд, состоявший из пятисот человек пехоты, уже сдался семидесяти защитникам Кармена, умирая от жажды и расстроенный натиском тысячи полудиких лошадей, пущенных против них защитниками форта. Судно сдалось в свою очередь и было тотчас разломано на части береговым населением[1]. С тех пор вокруг города разведены плантации; остатки патагонского населения, окончательно покоренного, поселились против города, на правом берегу реки, близ Виедма. Пароходы из Буэнос-Айреса регулярно заходят на рейд Патагонес, несмотря на его опасности. К счастию для судоходства, на половине расстояния между устьями Рио-

1 E. Aguirre, „Petermann's Mittheilungen, Litteratur-Bericht", 1892.

Негро и Рио-Колорадо открывается порт Сан-Блас, изученный в 1883 г. гидрографической коммиссией; он, повидимому, современем заменит оба эти неудобные входа. Если страна заселится, Сан-Блас сделается естественным местом вывоза продуктов обеих речных долин; глубина на фарватере у Сан-Бласа равняется 7 метрам во время отлива, а во время приливов увеличивается ещё от полутора до четырех метров. Город Виедма, названный так в память основателя города Патагонес, так же велик, как Кармен, и жизнь в нём приятнее. Правительство избрало его главным городом территории Рио-Негро. Между этими городами река имеет 250 метров ширины и очень опасна, вследствие быстроты течения.

Народонаселение города Буэнос-Айреса и главнейших городов провинции Буэнос-Айрес на основании народных переписей или приблизительно:

Город Буэнос-Айрес: 663.854 жителей (по переписи 1895 года); 806.613 (по исчислению 31 июля 1900 г.).

Эрратическіе камни въ Тандилѣ.

Провинция Буэнос-Айрес: Ла-Плата (с Энсенадой и Толозой)—66.000 жит.; Сан-Николас—15.000; Чивилькой—12.000; Мерседес—10.000; Азуль—8.000; Пергамино—7.800; Долорес—7.700; Барракас (пригород Буэнос-Айреса)—7.000; Бахиа-Бланка—6.500; Тандиль—6.300; Часкомус—5.400; Кармен-де-Патагонес—2.500 жит.

Территория Неукен отделяется верхним течением реки Колорадо от провинции Мендозы. В ней берут начало почти все притоки реки Рио-Негро. Она может заселяться только через чилийские проходы в Андах, потому что со стороны пустынных равнин сообщения слишком длинны и трудны, пока не будут устроены колесные или железные дороги от морского побережья к горам. Чтобы съездить из Буэнос-Айреса в Неукен, надо доехать по железной дороге до Мендозы у подножия Андов, потом в дилижансе до Сан-Рафаэля и отсюда пройти пешком или проехать верхом около 500 километров по горам, долинам, через леса и потоки. Или, отправившись от станции Укаль (Hucal),—военного поста среди пустыни, соединенного с Бахиа-Бланка железной дорогой,—надо углубиться в пустыни, чтобы достигнуть долины реки Рио-Негро, до её андийских притоков. Несколько мелких военных постов, учре-

жденных в верхнем бассейне реки Неукен, послужили центрами заселения края, и вокруг них поселились скотоводы. Точно также в бассейне реки Лимай полоса пастбищ уже заселяется—офицеры военной экспедиции, впервые занявшей край в 1865 году, заставили отвести себе там обширные владения[1]. Главный город территории, Чос-Малаль, состоящий всего из нескольких домиков, расположен у слияния рек Неукен и Леубу; здесь река Неукен становится доступна для плавания барок. В тридцати приблизительно километрах к юго-западу, на берегах реки Рио-Агрио находится другой городок—Ньоркин. Река Рио-Агрио вытекает из расселины бока кратера, а в непосредственной близости оттуда находятся горячие и минеральные ключи Копауэ, на высоте 3.000 метров над уровнем моря; температура разных ключей равняется от 40 до 97° Ц. Дальше к югу, на высоте 680 метров, лежит городок Хунин-де-лос-Андес (по-индейски Уинка-Меллеу) в долине Чемен-Уин, вблизи великолепных кипарисных и буковых лесов; их рубят и сплавляют в Кармен де Патагонес. Хунин выгодно расположен вблизи невысокого перевала через главный хребет, откуда можно спуститься прямо на запад к Вальдивии, главному рынку андийских колоний. Вся местность от Сан-Рафаэля до Нахуель-Уапи представляет Аргентинскую Швейцарию, по величественности гор, яркости и свежести растительности и чистоте текущих вод. Подле вулкана Лонкимай, возвышающагося над часто посещаемым проходом из бассейна реки Неукен в бассейн реки Биобио, из одного кратера бьет гейзер голубой воды, до пятнадцати метров высотой; по краям колодца гейзера его окружает кайма льдин[2].

Ниже этого верхнего бассейна по реке Лимай и далее на реке Рио-Негро почти до самого устья встречаются только военные поселения; свободная колонизация не могла сюда направиться, вследствие недостатка дождей здесь. Ниже слияния рек Неукен и Лимай лежит селение Рока, посреди наносной равнины, очень плодородной, если она получает достаточное количество влаги; но оросительные каналы высыхают летом; ещё не удалось отвести от реки Неукен достаточное количество воды для поддержки растительности в течение круглого года; кроме того, саранча часто опустошает поля[3]. По реке ходит пароход от Патагонес до Рока во время половодий, с июля по февраль.

Долина реки Чубут, следующая за долиной реки Рио-Негро к югу, населена цивилизованными жителями только близ устья. Впрочем, в 1888 году несколько скотоводов, англичан, чилийцев и аргентинцев, поселились у подножия Андов в долине Корковадо, близ которой имеются золотоносные залежи. В эту почти пустынную, хотя очень плодородную андийскую область высылает своих разведчиков колония, находящаяся на другом конце речного бассейна, почти у самого Атлантического океана. В 1865 году, доверившись словам земляка, побывавшего в Патагонии, 132 валлийца высадились в обширном круглом бассейне залива Гольфо-Нуево, куда выступает пристань городка Порто-Мадрин, и потом, пройдя пустыни, добрались до берегов реки Чубут.

Валлийцы тотчас принялись за работу, строя хижины, поднимая целину, сея хлеб. Все они были раньше углекопами и работали в каменоломнях, и представляли ещё неопытных земледельцев. Урожаи получались жалкие, в этих патагонских областях почти не выпадало дождей; иногда проходило два, три года—и ни одна капля не падала на землю. К счастию, эти упорные труженики были также добрыми людьми и с первой же встречи с патагонцами завязали с ними дружбу; индейцы их кормили, доставляя им дичь, рыбу и горные плоды, в обмен на хлеб и кое-какие английские мануфактурные безделушки[4]. Но всё-таки валлийская колония в конце концов погибла бы, если бы некоторые из этих неопытных земледельцев не возымели мысль запрудить реку Чубут, вздувшуюся от таяния снегов, и распределить воду оросительными каналами. С этих пор колония «Новый Валлис» была спасена. Земля колонии представляет длинный треугольник в 77 километров длиной с востока на запад и в

1 „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, tomo III, 1886.
2 Host, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, 1880-81.
3 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen”, 1893, Heft III.
4 F. Machon, „Bibliotheque universelle”, Novembre, 1893.

среднем в 8 километров шириной, заключающий в себе около 40.000 гектаров, из которых около трети занято пшеницей; участки колонистов заключают в себе от 100 до 150 гектаров. Почва состоит в значительной части из вулканического пепла; она изрезана каналами, общая длина которых равняется 378 километрам; эти каналы устраиваются владельцами прибрежных участков пропорционально площади их полей. Несмотря на вред, причиняемый полям лебедями и дикими утками, почва дает богатейшие урожаи, в семь раз превосходящие прежние. Они прокармливают четыре тысячи жителей колонии и дают от 1.500 до 2.000 тонн хлеба для вывоза в Ливерпуль. Чубутская пшеница считается лучшей во всей Южной Америке. Железная дорога, длиной в 75 километров, связывает берега реки Чубут непосредственно с гаванью Порто-Мадрин, проходя по плоскогорью, усеянному дюнами.

Колонии принадлежит 30.000 голов скота,—лошадей, баранов и рогатого. Переселившаяся сюда группа валлийцев, состоявшая при отправлении из Англии из умирающих с голода эмигрантов, в настоящее время состоит более чем из трех тысяч душ, усиливаясь англичанами, итальянцами и «сынами страны»; в колонии нет ни одного полицейскаго[1], и население её имеет достаточно досуга для изучения старинного валлийского языка и для занятий изящными искусствами: статистические переписи Чубута перечисляют рояли, арфы и скрипки, вместе с плугами и боронами. Колонисты остались также ревностными почитателями «дня субботняго», какими были на родине. У каждой секты имеется своя церковь.

Городок Раусон (Rawson) представляет столицу территории; он расположен на обоих берегах реки Чубута, соединенных деревянным мостом. Местоположение его оказывается очень невыгодным, с тех пор как бросили попытки пользоваться для судоходства устьем Чубута и железная дорога связала колонию с заливом Нуево. Километров на пятнадцать выше лежит Трелью, где находятся склады земледельческих продуктов Раусона; здесь же помещается правление кооперативного товарищества, объединяющего валлийцев колонии и снабжающего их европейскими товарами почти по фабричной цене[2]. Вдоль морского берега до Магелланова пролива идет ряд поселений, зародышей будущих городов: Сан-Хулиан, Санта-Круц (скромный центр территории), Галлегос, Кабо-де-лас-Вирхенес, где имеются золотые россыпи. Гавань Пуэрто-Дезеадо представляла бы большие выгоды по причине своей хорошей якорной стоянки и своего положения подле значительного выступа берега на полпути между Чубутом и Магеллановым проливом; но колонисты в конце концов бросили это место, дотого неблагоприятен здесь климат и почва не податлива культуре. Ещё в 1586 году Кавендиш поселил здесь несколько английских семейств; в 1669 году Великобритания выслала сюда новых колонистов и сделала Пуэрто-Дезеадо главным городом Патагонии, провозглашенной английской провинцией. В конце XVIII-ого столетия Виедма от имени испанского короля выстроил форт на здешних берегах. Потом Аргентинская республика отправила сюда несколько несчастных колонистов. Содержание каждой семьи, некогда поселенной на здешних бесплодных берегах, обошлось казне в 375.000 франков, по приблизительной оценке. В 1890 году от этих колонистов ещё оставалась одна французская семья. Но теперь Аргентине принадлежат другие области с богатым будущим, на которые она раньше не рассчитывала: именно, побережье, изрезанное фиордами, идущими к югу от горного хребта Лос-Багвалес до богатых лигнитом равнин на верховьях реки Галлегос[3].

В Огненной земле, на берегах залива Сан-Себастиан, находится поселение золотоискателей, у входа в область пастбищ, далеко не столь бесплодную, как обыкновенно думают; земля здесь легко обработывается, несмотря на галлереи, вырываемые в почве зверком *tuco-tuco*. Дальше к югу, на притоке Бигль, лежит состоящее из нескольких домиков местечко Ушуайа, тоже представляющее главный город территории; по последней переписи в нём оказалось 76 жителей, все поголовно «чиновники». Этот «город», самый южный на всём земном шаре, является грустным местопребыванием дождей, ветров, гроз и скуки.

---

1 „Informe oficial, Boletin del Instituto Geografico Argentino“, 1880.

2 Carlos Burmeister, „Annales del Museo de Buenos Aires“, 1888.

3 Carlos Moyano, цитирован. мемуар.

Остров де-лос-Эстадос представляет горный хребет в 900 метров высоты, затерянный посреди волн и бурь: он был уступлен одному скотоводу, но предприятие не удалось. На острове живут только сторожа маяка, устроенного на мысе Сан-Хуан, на восточном берегу острова. Но говорят, что аргентинское правительство собирается сделать из него большую пенитенциарную колонию, нечто в роде Сахалина.

Народонаселение главнейших городов южных территорий: Виедма—1.500 жителей; Раусон—1.000 жителей; Рока—800 жителей; Льоркин—500 жителей.

IX

Начиная с войны за независимость, население Аргентины непрерывно возрастает, несмотря на революции и взаимную резню федералистов и централистов, и несмотря на разбойничьи стычки, величаемые «междоусобными войнами», так долго опустошавшие некоторые провинции и столько раз возобновлявшиеся, подобно плохо затушенному пожару.

В последние годы испанского владычества во всей обширной стране, превратившейся в Аргентинскую республику, было, вероятно, не более 400.000 жителей. Уже первая перепись, в 1857 году, дала почти втрое большую цифру, именно 1.161.000. В 1869 году, через двенадцать лет, новая перепись дала 1.837.500 душ, не считая около сотни тысяч индейцев. По переписи 1895 г., общая цифра населения оказалась около 4 миллионов душ (4.045.000).

Это население представляется почти ничтожным по сравнению с громадной площадью страны. Без сомнения, очень высокие местности андийских плоскогорий, солончаки центральных провинций и бесплодные «craus» Патагонии могут быть обитаемы лишь очень редким населением; но область между реками Парана и Уругваем, Миссии, долины и равнины северо-запада, горный массив Кордова и пастбища пампы, наконец, верхние бассейны всех рек, текущих в Атлантический океан,—всё это представляет страну, заключающую в себе по крайней мере миллион квадратных километров, где даже население в сто миллионов душ являлось бы не особенно значительным сравнительно с ресурсами края.

Нужно бы по крайней мере четыре столетия, чтобы население достигло такой численности вследствие одного естественного прироста, потому, что, по частным данным аргентинской демографии, средняя смертность равняется двум третям рождаемости, и этот излишек рождаемости ежегодно дает прирост населения в 50.000 душ.

Но с половины истекшего столетия население значительно возрастает вследствие наплыва переселенцев: в благоприятные годы прирост удваивается и утраивается иммиграцией. В 1889 г. в Буэнос-Айресе высадилось более 289.000 переселенцев, и 250.000 из них остались в стране. В Аргентине смотрят на переселения, как на приращение свободных сограждан; в этом отношении взгляды аргентинцев шире, чем бразильцев, потому что Бразилия прежде была рабовладельческой страной, и плантаторы в прибывшем к ним иностранце видят только лишния рабочия руки. Ещё в 1811 году, за год до воспрещения ввоза рабов в Буэнос-Айрес, Ривадавия говорил о привлечении иностранных переселенцев «не только ради увеличения числа работников, но и в качестве элемента цивилизации»[1]. В первые десятилетия не считали переселенцев, прибывавших на аргентинские берега, но с 1857 года ведут статистику эмигрантам, прибывающим в Буэнос-Айрес, прямо или через Монтевидео. Вычитая из числа переселенцев эмигрантов, покинувших Аргентину, и вероятную смертность среди холостых в первые годы их пребывания в стране, получим в окончательном выводе, что республика обогатилась миллионом жителей, основавшихся в Аргентине. Сверх того, здесь навсегда поселились тысячи путешественников, прибывших на дорогих трансатлантических пароходах и не зачисленных в разряд переселенцев; не надо также забывать чилийских колонистов, спускающихся с восточного склона Андов, пройдя через их ущелья, и составляющих большую часть населения по ту сторону Андов.

Движение переселенцев видно из следующей таблицы:

1 Alexis Peyret, цитирован. сочинение.

С 1857 по 1891 гг. в Буэнос-Айресе высадилось переселенцев 3-го класса—1.801.807; из них вернулось обратно—420.000; вероятная смертность холостых переселенцев—400.000; предполагаемое приращение общего числа жителей вследствие переселений—1.000.000.

Увеличивая сразу число жителей страны, переселенцы одновременно понижают процент рождаемости, так как среди них гораздо больше мужчин, чем женщин. В 1886 году в Буэнос-Айресе из 65.655 переселенцев мужчин было 71,25%, а женщин 28,75%. Вообще же в провинциях Буэнос-Айрес, Санта-Фе и Энтре-Риос мужское население на 20% превышает женское. Но самые многочисленные переселенцы, итальянцы, в то же время являются самыми плодовитыми: у них рождений приходится 60 на 1.000, между тем как среди французских переселенческих семей рождений всего 40 на 1.000, а у аргентинцев ещё меньше. В некоторые годы смертность среди аргентинцев даже в Буэнос-Айресе превышает число рождений[1].

Таким образом «сыны страны», повидимому, уже утратили способность размножаться, и ежегодный прирост населения остановился бы, если бы народность не обновлялась примесью иностранной крови[2]. Подобное же явление наблюдается в Новой Англии и в других старинных колониях Соединенных Штатов. Говорят, что в Аргентине, как и в Парагвае, в креольских семьях девочек родится больше мальчиков[3].

Как и в Бразилии, среди переселенцев преобладают итальянцы: они одни составляют треть переселенцев. Второе место занимают испанцы и французы, при чём статистика не выделяет в особую группу басков, некогда составлявших главную массу этих переселенцев. Потом, по порядку своей численности, идут англичане, швейцарцы и немцы, среди которых много славян из восточных провинций. Евреи из России, Австро-Венгрии и Палестины в первый раз появляются в больших массах в 1891 году, именно, в числе 2.850. Так как большая часть переселенцев говорит на романских языках, то приспособление их к местному языку не представляет никаких затруднений. Точно также оказывается, что девять десятых переселенцев родились католиками и что около трети не умеют читать и писать. Земледельцы, чернорабочие и всевозможные ремесленники значительно преобладают среди переселенцев над людьми без определенного ремесла; большая часть молодых людей, приезжающих со смутной надеждой разбогатеть при помощи своих дипломов, принуждены храбро приниматься за ручной труд, чтобы прокормиться.

Большая часть иностранцев, естественно, остается в месте высадки или вблизи его,—в Буэнос-Айресе, Розарио, Энтре-Риос или Санта-Фе: чем дальше от устья Ла-Платы, тем малочисленнее переселенцы. Но почти на всём протяжении Республики европейцы встречают подходящий для них климат, и должно избегать селиться лишь в местах, которые были бы опасны для них и в Старом Свете, например, в болотистых лихорадочных местах или по берегам нездоровых вод, от которых развивается у прибрежных жителей зоб. Среди новорожденных наблюдается большая смертность от столбняка. Солитеры очень обыкновенны в Аргентине: крестьяне привыкли есть сырую или почти сырую говядину, и поэтому легко заражаются солитерами. В этом отношении существует полнейшее сходство гигиенических условий и болезней между абиссинскими плоскогорьями и аргентинскими равнинами[4]. В редких случаях встречаются и заболевания проказой. Желтая лихорадка, занесенная из Бразилии, посетила однажды Буэнос-Айрес. Но вот уже много лет, как эта болезнь не передается больше с судов в город, благодаря очень строгим санитарным предосторожностям. Среди опасных эпидемий больше всего свирепствует оспа, так же, как в Европе до введения оспопрививания; а самая смертоносная из изнурительных болезней, чахотка, уносит столько же жертв в Буэнос-Айресе, сколько и в европейских столицах. Но известны местности, ещё слабо населенные, где воздух отличается замечательной чистотой, не давая развиваться ле-

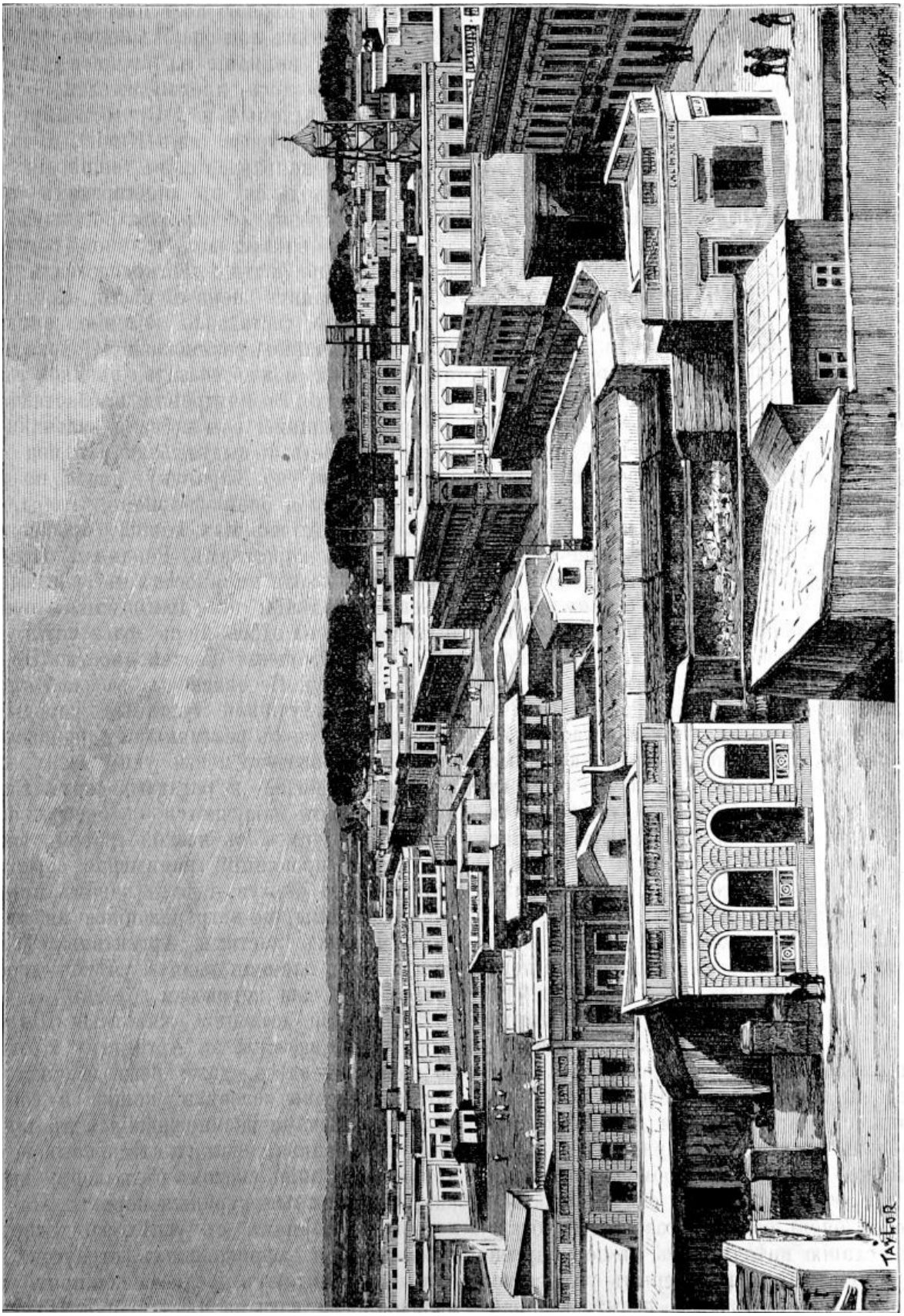
1 Latzina;—M. G. and E. T. Mulhall, цитиров. сочинение.

2 Latzina;—Alberte B. Martinez, «Buletin del Instituto Geografico Argentino“, 1888.

3 Ernest van Bruyssel, „la Republique Argentine“.

4 B. Dupont, „Endemia de tenia solium en la republica Argentina“.

гочным болезням: таковы плоскогорья штата Сан-Хуан и долина Чубута. Существует пословица (вероятно, единственная во всём свете), что «в Патагонии умирает только по одному человеку в сто лет»[1].

Ла-Плата

Земледелие в настоящем смысле слова недавно появилось в Аргентине. Прежде немного-

1 W. H. Hudson, „Idle Days in Patagonia“.

численное население её, рассеянное на громадном пространстве, где скот размножался тысячами и миллионами, могло легко существовать единственно скотоводством. В те времена в земледелии не было ни малейшей надобности. Аргентинцы пампы, питаясь почти исключительно мясом, имели в изобилии всё необходимое для их потребностей. Тогда убивали быка только ради того, чтобы съесть его язык, и даже не трудились обдирать с быка кожу, чтобы потом продать её: самое большее, если убитую скотину, для избежания зловония, оттаскивали к какому- нибудь кирпичному заводу, где сжигали в виде топлива. Хозяйство *estancias* (ферм скотовладельцев) было в высшей степени просто. Скот оставался круглый год под открытым небом, и владельцы извлекали достаточный доход из продажи кож, сушеного мяса (*macaxo*, *tasajo*) и черной краски (*noi animal*), получаемой от сожигания костей.

Раньше всего в Аргентине появились лошади, высаженные Солисом на берега Ла-Платы; затем, крупный и мелкий рогатый скот впервые появляется из Парагвая. В 1550 году, возвращавшийся из Перу посланец Ирала привел с собой коз и овец, а три года спустя братья Гонш (Goes), отправившиеся из Сан-Виценте, привели в Парагвай быка и восемь коров. От этих производителей, родом из Южной Испании, происходят миллионы голов скота, населяющие в настоящее время саванны прилаплатских республик. Акклиматизировавшись, европейский бык не утратил ни одного из своих первоначальных качеств и, повидимому, почти не изменился: новая среда оказалась для него так же благоприятна, как и почва и климат родины. Быки одинаковы и на севере, и на юге Аргентины, на пространстве 2.000 километров, в Северном Чако и на полях Бахиа-Бланка. Рост зависит единственно от качеств пастбищ: на сухих и бесплодных полях Катамарки быки мельче, а на богатых лугах Энтре-Риос крупнее[1]. Лучше всех порода быков Миранды, родом из Матто-Гроссо. Для разведения скота наиболее ценятся местности, где имеются одновременно *сашро*, т.е. пастбище, *monte*, т.е. роща, где мог бы укрываться скот, и banado (*баньядо*), т.е. болото, где он мог бы освежаться[2]. Выпущенный на равнины, рогатый скот удивительно быстро размножается. Считают, что в пампах и в междуречья хорошо содержимое стадо удваивается каждые три года.

Но ещё быстрее размножались стада *alzados*, т.е. одичалого скота, живущего на свободе в степях. Индейцы охотились за ним только ради добывания себе пищи; они приносили также в жертву своим богам кобыл и ели их мясо; но говорят, что индейские патагонцы привыкли питаться бычачьим мясом только около середины минувшего столетия. Жившие в пампе испанцы охотились за альзадосами только ради кож. Всадники, вооруженные шестами с острым серпом на конце, на карьере преследовали быков и перерезали им сухожилья колен, потом, свалив достаточное число голов, приканчивали их и сдирали кожи, которые сушили растянув на земле колышками. Постепенное заселение страны уничтожило этот варварский промысел: почти весь скот сделался домашним, и к нему применяются приемы правильного скотоводства. Кое-где в отдаленных горных долинах или в степях, огражденных кольцом болот, ещё попадаются иногда немногочисленные дикие быки, соединившиеся в «счастливые семьи» с другим скотом, убежавшим от людей. Близ устья Рио-Негро тянется низменный остров, заросший тростником, посреди которого держатся дикие свиньи. Эти свиньи, не увеличиваясь в числе, продолжают существовать несмотря на приливы, иногда затопляющие весь остров, и хищных птиц, вечно стерегущих их с соседних скал. Одно время защитницей этих свиней от орлов являлась забежавшая туда корова, вокруг которой теснилось всё стадо: окрестные жители называли её «свиной матерью»[3].

Дикия лошади (*baguales*) сделались более редкими, чем быки-альзадос, и вообще попадаются только в Южной Патагонии, где их преследуют лишь ради удовольствия охоты за ними—как верховые лошади, они имеют мало цены[4]. Происходя от арабской крови, через

1 Martin de Moussy, цитированное сочинение
2 E. de Bourgade la Dardye, „le Paraguay“.
3 W. H. Hudson, „Idle Days in Patagonia“.
4 Rogers und Ibar, „Petermann's Mittheilungen“, 1880. Heft II

посредство андалузской разновидности, аргентинская лошадь обыкновенно очень послушна, неприхотлива и выносliва; но в прежния времена мало занимались красотой её форм: она малорослa и отличается очень большой головой. Но благодаря тщеславию наездников, теперь аргентинцы и иностранцы наперерыв увлекаются совершенствованием расы подмесью арабской крови. Разводят также мулов, особенно в провинции Кордова; некогда их отправляли отсюда в Перу для горных работ; в настоящее время они идут в Боливию и Чили. Почти во всей области гор пользуются почти исключительно мулами, отличающимися верною поступью и более выносливыми, чем лошадь. Но покуда ещё мало обращали внимание на улучшение породы мулов подбором производителей— ослов. Мулы, отправляемые из Буэнос-Айреса на Маскаренские острова и в Индию, а также, в другом направлении, в андийские провинции, разводятся в приморских областях. Вместе с лошадьми и рогатым скотом, овцы составляют главное богатство Аргентины по части животноводства и даже стремятся занять первое место. Когда Аргентина ещё составляла колонию, овцы в ней чрезвычайно размножились, хотя и не представляли, можно сказать, никакой торговой ценности. Во внутренних областях некоторые женщины из племени кальчаки собирали шерсть и выделывали из неё грубые материи; но баранину никто не ел: промышленники били баранов, чтобы выжигать известь из их костей, бросая мясо собакам и коршунам. Ревнивая Испания воспретила ввоз мериносов в свои американские владения: эта драгоценная порода была разведена здесь лишь долго спустя после провозглашения независимости. Но с 1830 года многие овцеводы, в особенности англичане, улучшили туземные породы и, скрещивая их с различными европейскими породами, произвели новые типы овец, так же как лошадей и рогатого скота. Самая лучшая шерсть получается с овец, пасущихся на лугах с низкой травой северо-западных провинций; наивысшие сорта получаются из Жужуя, где к овцам присоединяются ламы, не встречающиеся ни в каких других частях Аргентины. Только пастухи из племени квичуа умеют дрессировать лам для перевозки грузов.

Все другие домашния животные Европы были также ввезены в Аргентину и отлично развелись здесь, даже безо всяких забот со стороны человека: кошки и собаки, целыми тысячами размножившиеся в диком состоянии, свиньи, козы (и здесь, как всюду, являющиеся лишь скотом бедняков), кролики, всевозможные куриные породы. На некоторых фермах с успехом разводят туземных и африканских страусов, но они не составляют предмета обширной промышленности, как на Мысе Доброй-Надежды. Очень красивая порода петухов разводится во всех селениях ради петушиных боев; жители с любовию занимаются разведением петухов; скрещиванием пород стараются вывести лучших бойцов, с великолепным гребнем, бойким взглядом, ярким оперением и острыми шпорами, на которые надевают ещё стальные наконечники. В полях развелись выпущенные туда европейские певчия птицы, как например жаворонки. Европейские пчелы также успешно разведены в провинции Энтре-Риос; но не лучше ли было бы воспользоваться туземными видами пчел? Различные медоносные насекомые изобилуют в Чако и в провинции Сант-Яго-дель-Эстеро, составляя предмет довольно бойкого промысла: индейские охотники за медом (*meleros*) уходят на много дней и даже недель в леса на поиски сот, которые пчелы и медоносные шмели строят в дуплах или прикрепляют к ветвям деревьев. Эти промышленники иногда вырубают целые леса. Драгоценные насекомые, беспощадно преследуемые, исчезнут, может-быть, раньше, чем люди выучатся дисциплинировать их работу и приготовлять ульи.

Развитие Аргентины, вызывая всё большую разработку почвы, заставило отойти на второй план разведение крупного рогатого скота,—его вытесняет овцеводство, так как овцы короче подщипывают траву. Эстансии с крупным рогатым скотом принадлежат главным образом аргентинцам, держащимся старых приемов хозяйства, между тем как овцеводство приняло характер более современной промышленности, управляясь иностранцами и новаторами. Точно также земледелие, являясь на смену пастушеской жизни, представляет дальнейший прогресс и вытесняет овцеводство; в свою очередь, за земледелием является садоводство или интенсивная культура.

Количество скота в Аргентине в 1895 г.: лошадей—4.447.000; крупного рогатого скота—21.702.000; овец—4.380.000.

На 1.000 душ населения приходилось скота в 1890 году

	Рогатого скота	Лошадей	Овец
В Уругвае	10.284	25.229	1.081
„ Энтре-Риос	10.869	18.116	1.449
„ Буэнос-Айресе	9.029	109.851	4.553
„ Австралии	1.955	19.702	286
„ Франции	343	592	76

Впрочем, происходящая эволюция хозяйства не мешает аргентинскому междуречью, принадлежащему к провинции Буэнос-Айрес и республике Уругвай, оставаться самой богатой лошадьми и быками страной в свете; по числу овец она соперничает с Австралией.

Земледелие привилось в Аргентине с большим трудом. Жители Энтре-Риос были почти насильно заставлены засеять свои первые поля, повинуясь неумолимой воле всемогущего Уркизы. Эти распоряжения остались без особенных последствий; туземцы пользовались малейшими политическими смутами, чтобы бросать свои поля и сады и снова приниматься за кочевую пастушескую жизнь. Но новые экономические условия Европы и Америки произвели тот переворот, который не в силах была осуществить воля одного человека. Когда мясо, сделавшееся редким на отдаленных рынках, вздорожало даже в аргентинском междуречьи, тогда узнали цену кормилицы-земли, стали распределять её по её продуктам, и земледелие, развиваясь вокруг городов, постепенно овладело лучшими пахотными землями. Прибытие иностранных земледельцев, приезжавших десятками тысяч, совпадает с экономическим преобразованием Аргентины и ускоряет его ход.

Площадь возделанных земель в Аргентине оценивалась Бракебушем в 1891 году приблизительно в 30.000 квадратных километров, немного более одной пятой всей территории (*в 1895 г. обработанная площадь составляла 15.000.000 акров или 6,2% всей годной для культуры площади, исчисляемой в 240.000.000 акров*). Больше всего сеется пшеницы и кукурузы, которые вместе занимают более двух третей возделанных земель: потом следует альфальфа или люцерна, разводимая особенно в западных областях с искусственным орошением и доставляющая торговле один из самых выгодных продуктов для вывоза. Другие растительные продукты человеческого труда занимают лишь малую часть возделанных земель. Всех богаче провинция Буэнос-Айрес, продовольствующая столицу: ей принадлежит треть возделанных земель всей Республики[1].

Возделанные земли Аргентины в гектарах в 1891 году:

Провинции	Пшеница	Кукуруза	Люцерна	Прочие хлеба	Всего
Буэнос-Айрес	323.662	470.586	82.560	85.649	962.457
Санта-Фе	528.023	57.073	20.772	50.419	656.287
Кордова	174.033	111.683	188.466	49.886	524.068
Энтре-Риос	129.780	48.912	25.125	37.879	241.696
Мендоза	12.000	30.000	125.260	23.699	190.959
Прочие	34.730	107.240	159.672	119.930	420.572
Всего	1.202.228	825.495	601.855	366.462	2.996.040

Второе место по площади возделанных земель принадлежит провинции Санта-Фе, значительная часть которой распределена между иностранными колонистами. Кордова занимает третье место, но производит только хлебные злаки да картофель; так что, в случае неурожая на них, вся провинция будет разорена. Энтре-Риос, так превосходно расположенная в аргентинском междуречьи, занимает лишь четвертое место по площади обработанных земель; а другая междуречная провинция, Корриентес, стоит почти на последнем месте, после Мендозы, Сан-Хуана, Тукумана и Сан-Луиса. Почти всюду, кроме территории Миссий, земледельцам приходится опасаться саранчи, появляющейся иногда плотными тучами, занимая полосу в сотню километров шириной. Урожаи в Аргентине гораздо ниже, чем в большей части

1 Ludwig Brackebusch, „Petermann's Mittheilungen", 1893.

других земледельческих стран: в провинции Санта-Фе, самой плодородной во всей пампе, собирается не более четырех или пяти гектолитров зерна с гектара; такой урожай считался бы жалким во Франции или в Англии. Аргентина производит много пшеницы не в силу своего плодородия, а благодаря своей обширности[1].

После хлебных злаков, важнейшим из возделываемых растений является сахарный тростник, разводимый исключительно в подтропической полосе: он возделывается только в долинах, образующих узкую полосу, от Орана подле боливийской границы, до Тукумана и Сант-Яго-дель-Эстеро. Культура хлопчатника, дававшая хорошие сборы, почти заброшена; но в той же полосе разводят виноград, до высоты в 2.000 метров. Главнейшие виноградники находятся в окрестностях Сан-Хуана и Мендозы; здесь виноградарство приняло обширные размеры. Ежегодное производство вина оценивается в 600.000 гектолитров, что почти равняется количеству ввозимого из-за границы вина[2], но представляет лишь пятую часть напитков всевозможного происхождения, потребляемых под именем вина[3]. Виноград идет также на выделку водок, вместе с сахарным тростником, маисом и другими земледельческими продуктами. В провинциях, где разводится виноград, существуют также плантации маслин; но из оливок не приготовляется масла, которое выделывается преимущественно из семян земляного ореха, Arachis hypogaea[4],—другого культурного растения Аргентины.

Провинция Корриентес производит табак, по качествам подходящий к хорошим парагвайским сортам. В северных провинциях, где распространилась цивилизация среди индейцев-кичуа, сеют немного киноа (quinoa, перуанский рис), а в новейших колониях возделывают картофель, овощи и европейские фрукты: таковы главнейшие из прочих продуктов земледелия и садоводства. Часто делались попытки шелководства, но без хороших результатов, так как уход за шелковичными червями кажется слишком мудреным для людей, привыкших к грубым работам. Что касается до пчеловодства, то хотя кое-где и имеется по нескольку ульев, но в некоторых провинциях пчеловодство было воспрещено, так как пчелы будто бы вредят фруктовым деревьям[5].

Люди европейского происхождения оттеснили или истребили туземцев, очень немногочисленных в наше время; скот из Старого Света заменил на пастбищах первоначальных животных пампы и гор; точно также большая часть возделываемых растений происходит из Европы; даже маис, родом из Америки, представляет много европейских сортов. Южная древесная растительность уже изменила вид аргентинских полей: голые равнины усеялись персиковыми деревьями, тополями, ивами и эвкалиптусами; берега болот окружены каймой деревьев, оздоровляющих воздух. Лесная растительность изменила свой вид даже в Патагонии, на склонах Андов. Миссионеры-иезуиты, забравшиеся к туземцам гораздо раньше остальных европейцев, принесли с собой земледельческие орудия и семена главнейших кормовых растений Старого Света. Посаженные ими яблони пережили их и нашли столь благоприятную среду, что самостоятельно размножились, покрыв обширные пространства. Во время созревания яблок приандийская область «Манзанас»[6] наполняется индейцами, сбирающимися из окрестных равнин: они находят здесь пищу и питье, научившись приготовлять нечто вроде сидра, так-называемое *Чича* (chicha). Впрочем, леса яблонь существуют только вблизи индейских дорог и никогда не встречаются в глубине больших первобытных лесов[7].

Формы землевладения очень разнообразны в Аргентине. В то время, как в некоторых местах всё ещё преобладают старинные порядки, в восточных провинциях, куда направлен на-

1 De Bourgade la Dardye, „Le Paraguay".

2 В 1892 году в Аргентину ввезено вин и спиртных напитков 510.000 гектолитров.

3 Nacion, 5 de setiembre 1893.

4 Arachis hypogaea L.—тропическое африканское и американское растение из семейства мотыльковых; разводится и в Южной Европе. *Примеч. переводч.*

5 Ludwig Brackebusch, цитированное сочинение.

6 Manzana по-испански значит „яблоко".

7 Josef Siemiradzki, „Petermann's Mittheilungen", 1893, Heft III.

плыв иностранных колонистов, установилась некрупная земельная собственность; она уже существовала в Тукумане, где в 1882 году на общее население в 120.000 душ считалось более 7.150 собственников, отцов семейств[1]. В некоторых отдаленных округах провинции Буэнос-Айрес огромные имения принадлежат сообща членам одной и той же семьи, живущим порознь, могущим селиться в любой части общего имения и пасти там свой скот. Такое сохранение нераздельности имений не доказывает, как можно бы думать, дружественную связь между родственниками; оно свидетельствует только о больших затруднениях для полюбовного раздела, вследствие сутяжнических взглядов совладельцев[2]. В провинции Жужуй ещё существуют остатки *encomiendas*, т.е., другими словами, рабства индейцев. Нескольким родам этих рабов—койяс удалось после кровавых восстаний отвоевать обратно свою свободу и свои земли; но ещё не все они освобождены, и многие крупные землевладельцы могут считать себя владыками громадных имений от одного края горизонта до другого, с горами, долинами и жителями[3]. Часто так называемые политические революции во внутренних областях являются просто распрями землевладельцев (estancieros), направляющих друг против друга банды своих подданных (*inquilinos*). Эти несчастные, лишь терпимые в имениях, но не имеющие ни малейшей надежды получить в собственность хоть клочек земли, вечно в долгах перед землевладельцем, живут в крайней нищете; случайности междоусобной войны являются для них переменой существования, иногда к лучшему.

Даже в восточных провинциях, именно в провинции Буэнос-Айрес, большая часть земли разделена на очень обширные имения, как свидетельствуют об этом кадастровые планы, где вписаны имена различных владельцев. Обыкновенно эти земли измеряются «квадратными милями (*легвами*)», изменяющимися немного, смотря по провинциям, но в среднем заключающими в себе 27 квадратных километров[4]. Один покупатель раз сразу приобрел за одиннадцать миллионов франков имение в пампе, площадью в 360.000 гектаров[5]. Имения подобных размеров были слишком велики, чтобы иметь точные границы: стада паслись на известном расстоянии от своих *querencia*, т.е. ночных загонов, но пастух не обращал внимания, если скот переходил на несколько сот метров за границы пастбища. Главным препятствием земледелию являлась свободная пастьба скота: колонисты постоянно должны были сторожить границы своих полей, и им иногда удавалось выгонять скот лишь после совершенного уничтожения им посевов. Отсюда постоянные споры, иногда сопровождаемые вооруженными столкновениями между эстансиеросами и колонистами. Наконец, одолели колонисты, и в настоящее время пастбища окружены проволочными изгородями.

Первые колонии переселенцев были созданы с большими затруднениями; они основывались концессионерами, обязывавшимися населить свои земли в определенный срок, за известные финансовые или иные выгоды. Трудность сообщений, неопытность земледельцев, враждебное отношение скотоводов, взаимная зависть,—всё это вызывало много неудач; но зато успехи ободрили переселенцев, и в настоящее время устроенные общины переселенцев считаются сотнями. Ежедневно возникают новые колонии: тот или другой крупный землевладелец предпринимает межевание части своего имения, разделяет его на участки для продажи, распубликовывает его план по всем городам и железнодорожным вокзалам, дает будущему селению «благозвучное» имя, учреждает лавку, где работники могли бы в кредит получать все припасы в течение первого года,—и переселенцы являются, обязываясь уплатить за свои участки ежегодными взносами, по четверть цены каждый раз. В 1876 году был вотирован так называемый «закон о колонизации», по образцу северо-американского *homestead-bill*. Согласно ему, государственные земли разделялись на крупные участки (секции), по 20 километров в стороне, содержащие каждый 400 участков по 100 гектаров.

1 Pablo Groussard, „Tucuman“.

2 Brackebusch, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, tomo IV, 1882-

3 В 1892 году в Аргентине существовали следующие средние цены на квадратную милю (легву) земли: пахатная земля 400.000 франков; пастбища 72.500; кусты 3.750 франков (Mulhall).

4 Ludwig Brackebusch, „Petermann's Mittheilungen”, 1892, Heft VIII.

5 329.400 десятин.

Сто первых колонистов каждой секции, если они отцы семейств и земледельцы, получали даром по участку на каждого, а остальные участки продавались по 2 пиастра за гектар; чтобы помешать образованию крупной земельной собственности, было решено, что никто не может приобретать более четырех участков. Заселением страны должны были заняться колонизационные компании; но после нескольких опытов, по большей части неудачных, эта система была оставлена. В провинции Буэнос-Айрес с 1887 г. учреждают «земледельческие центры» вокруг железнодорожных станций, отстоящих от столицы, по крайней мере, на 100 километров, и когда собственники земли не желают учреждать колоний по собственному почину, к ним применяют закон об отчуждении земель. За три года так было создано 250 селений, с 2.210.000 гектаров пахатной земли. В провинции Санта-Фе, где всего больше колонистов, в конце 1888 года насчитывалось свыше 190 поселений, владевших более чем 2.600.000 гектаров земли[1]. Почти во всех этих колониях земля представляет строго личную собственность; каждый имеет право приобретать столько участков (*chacras*), сколько позволят его денежные средства. Общинное землевладение существует только у немцев из России, меннонитов и других, на восточном берегу Параны. Здесь удержался русский мир, и даже получил характер, более приближающийся к чистому коммунизму[2].

В Аргентине, стране «серебра»[3], горная промышленность дает лишь незначительную часть государственных доходов; в лучшие годы, она дает, вообще, не более семи миллионов франков, хотя некоторые месторождения золота, серебра, свинца и меди очень богаты. Но они почти все лежат в трудно доступных горах; некоторые рудники в андийских провинциях северо-запада часто отрезываются от всяких сообщений снегами. Главное ископаемое богатство республики, повидимому, составляет каменный уголь в Сан-Рафаэле и в соседних предгорьях, но добыча его только-что начинается.

Аргентинская промышленность, вообще, развита ещё очень слабо. Некогда аргентинцы ограничивались мелкими ремеслами, удовлетворявшими текущие потребности в продовольствии, одежде, потребности строительного дела и, вообще, повседневной жизни; всё остальное выписывалось из Европы и Северо-Американских Соединенных Штатов. Единственная крупная аргентинская промышленность обработывала продукты скотоводства: мясо, кожи, волос, копыта. Например, обработки волокнистых растений на пряжу почти не существовало, и можно сказать, что ткацкое производство упало с тех пор, как старухи-индианки перестали выделывать свои прочные ткани. Но внезапное обеднение, вызванное финансовыми кризисами и банкротствами, принудило аргентинцев создать множество фабрик, которые не были нужны, когда можно было покупать в Европе всё необходимое. Так, возникли многочисленные пивоваренные заводы, сахарорафинадные, писчебумажные фабрики и другие, снабженные усовершенствованными машинами и опытным рабочим персоналом.

Благодаря лёгкости перевозок по гладким равнинам, аргентинская торговля поразительно развилась в последние десятилетия, но всё-таки не так, как уверяют многие «оффициальныя» статистики, назначая слишком высокие цифры стоимости товаров. Согласно Mulhall'у, в действительности ежегодные обороты торговли за последние годы, отмеченные крупным коммерческим кризисом, равнялись приблизительно 800 миллионов франков, а в самый благоприятный год, 1889, достигали 950 миллионов. В среднем за пять лет, с 1887 по 1891 ежегодные обороты торговли равнялись:

Ввоз—414.000.000 франков; вывоз—393.500.000 франк.; всего—807.500.000 франк.

В самый благоприятный (по оффициальным сведениям) год, 1890, обороты равнялись:—1.312.800.000 франк.

В 1892 г. (по оффиц. сведен.);—1.106.200.000 франк.

В 1899 г. ввоз и вывоз по всем таможням в сложности (оффициальная ценность в тысячах песо): ввоз— 116.851, вывоз—184.918.

1 Gabriel Carrasco;—Alexis Peyret, „Une visite aux Colonies de la Republique Argentine".

2 Tromachot, рукописные заметки.

3 Argen на старинном испанском языке и „la plata" на современном значит серебро. *Прим. перев.*

Таким образом, на каждого аргентинца приходится от 200 до 250 франков заграничных покупок и продаж. В этой торговле первое место занимает Великобритания, за которой следует Франция. Бельгия некогда занимала третье место, но с 1892 года уступила его Германии. Бразилия, главная покупательница сушеного мяса, идет впереди Северо-Американских Соединенных Штатов и Италии, которая, однако, высылает столько своего населения в Аргентину.

Государства, по порядку торговых оборотов с Аргентиной	Ежегодный средний оборот с 1887 по 1891 г.г. франков	В 1892 г.
Великобритания	215.500.000	28,3%
Франция	158.000.000	21,3%
Бельгия	115.500.000	10,15%
Германия	88.000.000	11,7%
Бразилия	53.000.000	5,75%
Сев.-Америк. Соедин. Штаты	38.000.000	5,2%

Вывозятся почти исключительно продукты скотоводства и земледелия.

Вывоз из Аргентины	1891 год, франков	1892 год, франков
Продукты скотоводства	336.000.000	411.750.0001
Продукты земледелия	109.500.000	144.450.000
Прочие	38.000 000	55.620.000
Всего	483.500.000	611.820 000

В 1899 г. вывоз хлеба: 59.919, продукт, скотоводства: 115.051 т. песо.

Что касается до ввоза, то привозятся главным образом материи, вина и жизненные припасы; машины и железные изделия, каменный уголь и керосин. Две трети внешней торговли приходится на долю Буэнос-Айреса. Судоходные сношения с заграницей, считая и каботаж в Лаплатском устье между Монтевидео, Пайсанду и другими портами Банда-Ориенталь, очень быстро развились: в последнее десятилетие они усилились почти в пять раз, и сюда надо прибавить ещё значительное судоходство вдоль морских берегов и по рекам.

Движение заграничного судоходства в Аргентинских портах в 1881 и 1892 годах:

1881. Вместимость вошедших судов—1.320.000 тонн; вместимость вышедших судов—1.170.000 тонн; всего—2.490.000 тонн.

1892. Вошло 9.948 судов, вместимостью—6.046.825 тонн; вышло 9.184 судов, вместимостью—5.840.025 тонн; всего 19.132 судна вместимостью—11.886 850 тонн.

Движение каботажного судоходства в портах Аргентины в 1881 и 1892 годах:

1881. Вместимость вошедших судов—1.790.000 тонн; вместимость вышедших судов—1.770.000 тонн; всего—3.560.000 тонн.

1892. Вошло 24.758 судов, вместимостью—2.827.100 тонн; вышло 24.146 судов, вместимостью—2.549.600 тонн; всего 48.904 судна, вместимостью—5.376.700 тонн.

В 1899 г. во всех портах республики было в приходе 10.148 судов, вместимостью в 6.930.567 тонн.

Наибольшая доля этого увеличения приходится на паровое судоходство. По числу судов, как и по торговле в аргентинских портах, первое место занимает Великобритания. Второе место занимает национальное судоходство—под национальным флагом плавают преимущественно парусные и паровые суда, не совершающие переходов через океан, а ходящие по устью между Буэнос-Айресом и Монтевидео; число их быстро увеличивается, так как многие английские и другие арматоры плавают под аргентинским флагом во избежание портовых сборов, взимаемых с иностранных судов. Самая река Уругвай от Конкордии до Сальто считается частью океана, относительно административных условий. Вообще же, благодаря железным дорогам, восточный берег провинции Энтре-Риос превратился в громадную набережную для морской торговли. Одна судоходная компания владеет на реках флотом из 120 пароходов.

Эпоха железных дорог началась в Аргентине с 1857 года, когда была выстроена пригородная железная дорога между Буэнос-Айресом и юго-западным предместьем его, Флорес. Новый способ передвижения медленно прогрессировал в лаплатских областях и при том не представлял такой небходимости, как в других частях Америки, благодаря природным путям, представляемым горизонтальной поверхностью пампы. До появления повозок, путешественники, принужденные торопиться, проезжали через пустыни в сопровождении целого табуна (tropilla) лошадей, бежавших за кобылой со звонком на шее. Как только лошадь под всадником уставала, он брал другую, а расседланная усталая лошадь отдыхала, поспевая за остальными. Таким способом проезжали по 120 и даже по 150 километров в сутки[1]. Но при перевозке товаров вьюками на мулах или в тяжелых повозках редко удавалось делать больше 40 километров в сутки; ночевать приходилось под открытым небом, устроивши вокруг лагеря брустверов из тюков товаров и повозок, для защиты от нападений индейцев. Потом наступила эра быстрых экипажных сообщений; тогда смело пускали в степь дилижансы, запряженные целым табуном лошадей, и повозка, бросаемая из стороны в сторону, неслась во весь дух сквозь траву и чертополох, круто спускаясь в реки и переезжая их в брод, с водой по ступицу огромных колес.

Но если для первобытной торговли достаточно было естественных путей сообщения, то крупная торговля не могла совершаться без помощи пара, и развитие железнодорожной сети соответствовало другим материальным успехам. В настоящее время длина железных дорог Аргентины равняется длине железных дорог многих европейских государств, а пропорционально населению она превосходит даже все страны Старого Света, включая сюда и Бельгию. С другой стороны, отношение длины железных дорог к площади страны менее выгодно в Аргентине, население которой разбросано по очень обширной территории.

Железные дороги распределены в стране очень неравномерно, они расходятся многочисленными линиями вокруг главных двух центров, Буэнос-Айреса и Розарио, образуя пучек сходящихся дорог, параллельно великому водному пути Параны; но они не прорезывают насквозь северных провинций до Боливии, а на западе не доходят (в 1893 году) до перевала через Анды. На юге, в бывшей Патагонии железные дороги не простираются далее Бахиа-Бланки, а на всём обширном пространстве полуострова, идущего к югу от реки рио-Колорадо, существует только одна короткая железнодорожная линия между портом и главным селением колонии на р. Чубут. Взятое в целом, движение по аргентинским железным дорогам очень велико, потому, что число проезжающих по ним пассажиров в два с половиною раза превышает цифру населения страны. Но стоимость сооружения их, около 163.000 франков за километр, повидимому, слишком высока для страны, где вообще можно прямо класть рельсы на землю, не делая ни насыпей, ни выемок. Эти расходы, впрочем, для трети дорог покрытые гарантиями правительства, объясняются спекуляцией, дорогими займами, и издержками, вызываемыми тем, что правления дорог находятся от них на расстоянии десяти тысяч километров. В провинции Санта-Фе, где быстрое заселение и разработка страны обеспечивали доходность железных дорог, местное правительство выстроило первые железнодорожные линии, не истратив ни копейки: ему было достаточно выпустить облигации, уплата по которым должна была производиться из будущих доходов дорог. Ширина колеи различна у разных обществ: на большей части дорог она равна 1,67 метра, а на дорогах провинции Санта-Фе всего 1 метру. Проектировали устроить туннель под реками Уругваем и Параной для установления железнодорожного сообщения между Буэнос-Айресом и Монтевидео. В настоящее время самым значительным искусственным сооружением на аргентинских железных дорогах является мост-виадук более 2.000 метров длиной через реку Саладо, у Молино-де-Балас.

*В 1898 году длина аргентинских железных дорог равнялась—15.817 километрам. В 1898 г. перевезено пассажиров—19.044.389; перевезено товаров—9.001.559 тонн; валовой

1 Martin de Moussy;—Burmeister;—Daireaux;—Alexis Peyret. etc. Аналогичная езда (*о двуконь*) существует в наших киргизских степях.

сбор—33.063.653; расходы—16.117.118 песо золотом.

Общая длина железных дорог в эксплоатации в конце 1899 г.: 16 399 километров*.

Телеграфная сеть развилась ещё быстрее железнодорожной. В 1871 г. длина её равнялась 5.471 километрам, депеш было передано 61.000; в 1896 г. длина была 40.788 километров (не считая 119 килом, кабеля), а депеш передано 5.400.000. Точно также и относительно почтового движения Аргентина идет почти наравне с самыми торговыми странами Европы. В 1898 году переслано 216.000.000 писем и газет, т.е. по 54 отправления на жителя. Но в общем корреспонденция состоит преимущественно из деловых писем, и иностранцы принимают в ней относительно гораздо большее участие, чем аргентинцы. Половина всей корреспонденции приходится на город Буэнос-Айрес; а в 1871 году из этой столицы отправлялось две трети всей корреспонденции. Народное образование хотя и значительно подвинулось в последнее десятилетие, но далеко ещё не захватывает всё население школьного возраста.

Число начальных школ и учащихся в них (внесенных в списки; начальное образование—обязательное и бесплатное) в Аргентине: 1882 год: школ 1.746, в них учащихся 124.900. 1898 год: школ 4.135, в них учащихся 404.214.

Участие государства в народном образовании выражается содержанием почти трех четвертей всех школ и преподавателей. В 1897 г. было 2.857 общественных, 988 частных и 35 национальных начальных школ, с 9.256 учителей и 297.811 воспитанников. Финансовые кризисы, следовавшие один за другим с 1890 года, повлекли за собой закрытие многих учебных заведений, и в некоторых провинциях учителя увольнялись десятками; отношение числа учащихся к населению школьного возраста, прежде равнявшееся одной трети, понизилось до одной четверти. В каждой провинции имеется по национальной коллегии, а в столице их две; кроме того, имеются нормальные школы, две земледельческих школы, два национальных университета,—в Буэнос-Айресе и Кордове, и три провинциальных: в Ла-Плате, Санта-Фе и Паране, и горная школа в Сан-Хуане. Печать, не считая листков, появляющихся ради политической борьбы и исчезающих после выборов, состояла в 1892 году из 170 газет, из них 24 ежедневных; из числа последних 15 издается в Буэнос-Айресе на пяти главных языках страны: испанском, итальянском, французском, английском и немецком.

X

Конституция Аргентинской республики, принятая около тридцати лет тому назад Конвентом, созванным в Санта-Фе, устанавливает для государства форму представительной федерации. Каждая из четырнадцати провинций федерации имеет свой собственный статут; в шести провинциях существует по две палаты—депутатов и сенаторов,—а в восьми прочих по одному законодательному собранию. Но в каждой провинции имеется свой губернатор или президент, избираемый на определенный срок; по некоторым местным хартиям, в помощь ему придается ещё вице-губернатор. Все граждане мужского пола имеют право голоса при выборе муниципальных властей, членов провинциальных законодательных собраний и членов Конгресса. Титулы и наследственные прерогативы уничтожены. Не натурализованные иностранцы могут занимать муниципальные должности и пользуются всеми гражданскими правами уроженцев страны, могут заниматься своими промыслами и профессиями, торговать, владеть недвижимыми имуществами, покупать их и отчуждать, заниматься судоходством на реках, свободно отправлять свою религию, делать завещания и жениться по местным законам. Иностранцы не обязаны ни принимать местное подданство, ни платить лишние усиленные налоги.

Натурализация приобретается двухлетним пребыванием в стране или ещё раньше за важные услуги, оказанные республике. Что касается до детей иностранцев, то они избирают свою национальность по достижении двадцати одного года, смотря по тому, желают ли сохранить политическое положение отца, или предпочитают сделаться аргентинцами.

Национальный конгресс, заседающий в Буэнос-Айресе, оффициальной столице федерации, состоит из сената и палаты депутатов. Палата депутатов состоит из представителей, из-

бираемых непосредственно населением провинций и столицы, по рассчету одного депутата на 20.000 жителей или на часть этого числа, большую 10.000; всех членов этой палаты ныне 86. Депутаты, назначаемые на четыре года, могут быть снова избираемы и получают содержание. Только им принадлежит право вносить законы о податях и комплектовании войск; только им принадлежит право обвинять перед сенатом, представляющим верховное судилище, президента, вице-президента, министров и членов Высшего суда. Сенат, образованный по северо-американскому образцу, состоит из тридцати сенаторов,—двух от Буэнос-Айреса и по два от каждой провинции; сенаторы получают содержание и назначаются на девять лет. В провинциях сенаторов выбирают законодательные собрания, большинством голосов; в Буэнос-Айресе—особым собранием избирателей, члены которого предварительно тоже избираются. Вице-президент федерации по закону является президентом сената. Нормальные сессии продолжаются с 1 мая по 30 сентября. Выборы редко бывают истинным выражением воли граждан: обыкновенно влиятельные лица собирают своих клиентов, раздают им бюллетени и шеренгой ведут их в залу выборов[1].

По конституционным постановлениям, столь часто нарушаемым интригами, политическими махинациями и революциями, президент и вице-президент республики избираются собранием избирателей, назначаемых в двойном числе против членов конгресса, депутатов и сенаторов. Абсолютное большинство голосов решает исход выборов, действительных на шесть лет. Президент, облеченный теми же верховными правами, как и в Соединенных Штатах, управляет при помощи пяти министров,—внутренних дел, иностранных дел, финансов, вероисповеданий и народного просвещения, военного и морского. Эти лица могут присутствовать при дебатах конгресса и принимать в них участие, но без права голоса.

Судебная власть федерации находится в руках Высшего суда, состоящего из девяти судей и двух государственных прокуроров живущих в столице; в принципе они не сменяемы, «кроме случаев доказанной безнравственности».

Хотя все религии пользуются свободой в Аргентине, но правительство платит содержание католическому духовенству и признает католицизм государственной религией; католическая иерархия носит оффициальный характер. Территория Аргентины разделяется на пять епархий: архиепископство Буэнос-Айреса, замещенное природным аргентинцем, и епископства Побережья (с епископской кафедрой в г. Парана), Кордовы, Куйо (с кафедрой в Сан-Хуане) и Сальто. Духовенство состоит приблизительно из 650 священников и 200 монахов разных орденов, занимающихся учебной деятельностью; священники имеют право участвовать в политических выборах.

Армия в мирное время состоит из восьми или десяти тысяч нижних чинов и 1.700 офицеров. В 1893 году было решено создать армию в 15.600 солдат. По сравнению с армией Чили, соперницы Аргентины, эта армия является значительно сильнейшей, но она гораздо хуже устроена и менее надежна для наступательных действий; она переполнена офицерами с высокими окладами содержания, между тем как жалованье унтер-офицеров и солдат очень невелико.

Состав корпуса офицеров Аргентинской армии в 1893 году: Дивизионных и бригадных генералов—42; полковников и подполковников—424; майоров и капитанов— 633; поручиков, подпоручиков и прапорщиков—685; всего—1.784.

Но национальная гвардия, которой губернаторы свободно пользуются в случае гражданских междоусобий, состоит более чем из 400.000 человек, т.е. из всех способных носить оружие граждан от 17 до 45 лет; после этого возраста они зачисляются в резерв до 60 лет.

Флот, вместимостью около 24.450 тонн, состоит из броненосцев, канонерских лодок, миноносцев, разведывательных судов (авизо) и транспортов; на нём 150 орудий и экипаж приблизительно из 1.500 моряков.

Финансы Республики находятся в печальном состоянии,—расходы постоянно превышают доходы, и уже один платеж процентов по займам превосходит ежегодные доходы.

1 Thomachot, рукописные заметки.

Общий бюджет Аргентины с 1866 по 1891 года: Доходы—2.945.000 000 франков; расходы — 4.450.000.000 франков; дефицит—1.505.000.000 франков.

Бюджет 1900 г.: Доходы—63.962.000 бумажных песо (1 бумажн. песо=2,27—2,50 франк.) и 36.632.346 песо золотом (1 золотой песо=5 франк.). Расходы—94.271.310 бумажных и 23.819.978 золотых песо.

Вследствие этого, государственный долг быстро увеличился и, сравнительно с числом жителей, достиг очень крупной цифры. Различные мероприятия, т.е. частичные банкротства, уменьшение процента по займам, сокращение пенсий, постоянные выпуски бонов казначейства,—всё это не мешает дефициту роста из года в год.

Государственный консолидированный долг Аргентины в конце 1899 г.: 5.593.946 песо золотом и 19.042.098 бумажн. песо.

Кроме того, сюда надо бы прибавить обязательства правительства, обыкновенно считаемые частью государственного долга, именно гарантии по железным дорогам и бумажные деньги, всё вообще на сумму свыше миллиарда франков. Бывали примеры, что правительство в течение месяцев не бывало в состоянии платить за светильный газ для Национального Собрания, и в конце-концов ему угрожали снять газовые трубы. Что касается до финансов провинций, то на них тяготеют долги, и бюджет большей части крупных городов, начиная с Буэнос-Айреса, также обременен долгами. Провинция Энтре-Риос, которой следовало бы ежегодно выплачивать 17 миллионов процентов по займам, имеет ежегодных доходов всего 15 миллионов.

Весь вообще национальный долг, провинциальный и городской, превышает три миллиарда франков.

Национальный долг, считая бумажные деньги, боны казначейства и гарантии процентов —2.500.000.000 франк.; провинциальный долг—700.000.000 франк.; городские долги—220.000.000 франк.; долг Буэнос-Айреса—230.000.000 франк.: всего—3.650.000.000 франк:

Различные, так называемые, «национальныя» предприятия также обременены большими заграничными займами; уже теперь считают, что 90% всех акций аргентинских железных дорог, на сумму в 1.700 миллионов франков, принадлежат англичанам.

Но в числе доходных статей Аргентины надо считать обширные пространства ещё не проданных земель.

Каждая провинция делится на департаменты, подразделяющиеся на *partidos.* «Территории» считаются принадлежащими всей нации.

Провинциальные власти избираются непосредственно, без вмешательства федерального правительства; но президент Республики, с согласия сената, назначает в территории губернаторов на три года, а губернаторы назначают в округа мировых судей. Каждый округ, имеющий более 1.000 жителей, в праве избирать свой муниципальный совет; когда в территории 30 тысяч жителей, она выбирает свое законодательное собрание; когда население достигнет 60.000, территория просит о принятии её в Республику в качестве «аргентинской провинции».

В следующей таблице приведены провинции и территории Аргентины, с цифрой населения по переписи 1895 г. и числом составляющих их департаментов.

Территория или провинция	Название территорий или провинций	Поверхность в квадратн. километрах	Число жителей	Плотность на 1 кв. кил.	Число департаментов	Главные города
Территория	Миссий	53.954	33.163	—	6	Позадас
Провинция	Корриеттес	84.402	239.618	2,8	25	Корриентес
„	Энтре-Риос	74.571	292.019	3,9	14	Парана
Территория	Формоза	115.671	4.829	—	—	Формоза
„	Чако	124.834	10.422	—	—	Ресистенсиа
Провинция	Санта-Фе	131.906	397.188	3,0	16	Санта-Фе
„	Жужуй (Jujuy)	49.162	49.713	1,0	13	Жужуй

Территория или провинция	Название территорий или провинций	Поверхность в квадратн. километрах	Число жителей	Плотность на 1 кв. кил.	Число департаментов	Главные города
„	Сальта	161.099	118.015	0,7	20	Сальта
„	Тукуман	23.124	215.742	9,3	9	Тукуман
„	Сант-Яго-дель-Эстеро	103.016	161.502	1,6	14	Сант-Яго-дель-Эстеро
„	Катамарка	123.138	90.161	0,7	15	Катамарка
„	Ла-Риоха (La-Rioja)	89.498	69.502	0,8	16	Ла-Риоха
„	Сан-Хуан	87.345	84.251	0,9	15	Сан-Хуан
„	Мендоза	146.378	116.136	0,8	17	Мендоза
„	Сан-Луис	73.923	81.450	1,1	8	Сан-Луис
„	Кордова	161.036	351.223	2,2	24	Кордова
Федеральный округ	Столица (capital)	186	663.854	—	—	Буэнос-Айрес
Провинция	Буэнос-Айрес	305.121	21.168	3,0	86	Ла-Плата
Территория	Пампа	144.919	25.914	—	15	Хенераль-Ача
„	Неукен	109.081	14.517	—	5	Чос-Малаль
„	Рио-Негро	212.163	9.241	—	7	Виедма
„	Чубут	247.331	3.748	—	4	Санта-Круц
„	Огненная Земля	21.048	477	—	—	Ишуайа
„	Санта-Круц	276.919	1.058	—	—	Галлегос

В 1899 г. общая цифра населения Аргентины исчислялась в 4.569.000 душ.

Глава VI Фалкландские острова и Южная Георгия

(Falkland Islands and South Georgia)

Этот архипелаг, поднимающийся из глубины Атлантического океана в 550 километрах к востоку от Магелланова пролива, носит английское имя, но не имя моряка, впервые открывшего его. Раньше всех открыл эти острова Дэвис, в 1592 году; двумя годами позже к ним приставал пират Хаукинс во время своей разбойничьей экспедиции на побережье Чили и назвал их *Maiden Islands*, «Острова Девы», в честь королевы Елизаветы. Потом, в 1598 году, им дал свое имя голландец Зебальд-де-Верт. Почти сто лет спустя, в 1689 году, мореплаватель Стронг посвятил их своему другу Фалкланду, и это название в конце концов осталось за ними, хотя на французских и испанских картах они долго фигурировали под именем Малуинских островов, данным им в память одного моряка из Сен-Мало; а аргентинцы, заявляя претензии на архипелаг, как на принадлежащее им владение, оффициально сохраняют за ним имя Мальвинас.

В 1764 году Бугенвиль сделал первые попытки присвоить острова, выпустив на них скот, но не основав настоящей колонии. Тогда, понимая цену этих земель среди океана, испанский король захотел устроить на них военный пост, но так как вступление во владение сопровождалось насилиями против английских подданных, то великобританское правительство немедленно протестовало, и в 1765 году адмирал Байрон явился формально от имени Англии возвратить своих соотечественников на их старые места, не оспаривая, впрочем, верховных прав Испании. Однако, прецедент этот был важен, так как был выстроен английский пост Эгмонт на берегу бухты того же имени. После войны за независимость, Аргентинская республика, наследница Испании, воспользовалась тем, что военный английский пост был оставлен, так как содержание его стоило слишком дорого, и в 1828 году выдала концессию на Фалкландские острова одному скотоводу, Луи Вернэ; он прожил там три года, пока не позволил себе требовать пошлины с китобойных судов, принадлежащих Северной Америке. Этим он навлек на себя посещение корвета, который бомбардировал его селение и обратил

его в пепел. Два года спустя, Великобритания окончательно завладела Фалкландскими островами, и Аргентина тщетно протестовала против этого захвата: хотя и представляя естественную часть южно-американского материка, архипелаг сделался английской колонией, подобно тому, как на другом конце материка, подпали под власть Англии часть Гвианы и острова Тринидад и Тобого.

Хотя принадлежащая к самым незначительным среди громадных колониальных владений Англии, эта антарктическая колония имеет всё-таки цену, как скотоводческая ферма; но её обладатели в особенности ценят её как стратегический коммерческий пост, стерегущий проход между двумя океанами. Фалкландские острова лежат под 52° широты, т.е. на таком же расстоянии от экватора, как южная часть Англии и Нидерланды; но по своему климату они кажутся гораздо более близкими к полюсу; а горы, занимающие их северную часть, при чём, одна из них, гора Адам, достигает 706 метров, придают ещё более полярный вид этим океаническим землям. По изрезанности берегов, по глубоким проливам между обоими главными островами и сотней окружающих их островков, по следам древних ледников,—Фалкландские острова, очевидно, являются остатком берега материка, изрезанного фиордами, подобно землям Магелланова пролива, и общее очертание его состоит из тянущихся с северо-запада на юго-восток обрывов. Зимой сходство ещё усиливается вследствие лежащего на горах снега, иногда покрывающего на несколько часов и равнины; но на Фалкландских островах, подверженных необычайно свирепым ветрам, совсем нет древесной растительности, какая имеется на горах Огненной Земли, окруженных у подножия лесами; говорят даже, что в садах колонистов ветер иногда вырывает овощи и уносит их, как солому. Дожди очень часты, и нередко архипелаг окутывается туманами, особенно весной и осенью, как и в Англии; но обыкновенно к полудню туманы рассеиваются. Климат вполне морской, не представляющий больших колебаний от тепла к холоду, и, кроме свирепых ветров, в нём нет ничего особенного для приехавших из Великобритании колонистов: порт Стэнли ещё сырее Лондона.

Метеорологические условия Фалкландских островов и Южной Георгии, по Мостхафу:

Места наблюдений	Число лет наблюд.	Широта	Температуры:		
			высшая	средняя	низшая
Порт Стэнли (Фалк. о-ва)	5	51°,41’	24°,4	6°	—11°,2
Бухта Рояль (Ю. Георгия)	1	54°,31’	19°,7	1°,4	—13°,2

После сочной травы *туссок* (*dactylis cespitosa*), которой питаются стада, растительность состоит главным образом из мхов и лишаев: значительная часть страны, даже склоны гор, одеты зыбкими торфяниками, где трудно проложить малейшую тропинку. Мир четвероногих представлен лишь несколькими лисицами. Водяные птицы носятся тучами вокруг островков, в бухтах и над озерами внутри островов; среди них многие породы легко приручаются; пингвины шеренгами, как солдаты, сидят по краям утесов; их так много, что губернатора острова иронически называют «королем пингвинов». Их ежегодно убивают сотнями тысяч, чтобы вытапливать из них жир. Рыболовы ловят разные виды лососиных и других рыб, и раньше охотились на китов, сделавшихся теперь очень редкими.

Высаженные Бугенвилем на архипелаг животные отлично размножились, но, в силу поразительного контраста, свидетельствующего о влиянии среды на постепенное видоизменение пород, лошади с каждым поколением становятся мельче, а быки крупнее[1]. Во всяком случае, скотоводы пренебрегают крупным скотом и занимаются исключительно разведением овец. В 1852 году синдикат уругвайских хозяев выбрал полуостров на восточном Фалкландском острове для устройства эстансии, где поместили около сотни тысяч овец. Успех первого предприятия вызвал новые, и в 1867 году перевезли первые стада на западный остров, до тех пор пустынный. В 1891 году число овец, принадлежавших фалкландским овцеводам, оценивалось в 676.000 голов (в 1898 г.—732.010 голов); стрижка давала больше

1 К. Дарвин, *О происхождении видов*.

1.000 тонн шерсти, ценой в 2.675.000 франков. Сверх того, купцы архипелага складывают там шерсть, ввозимую из Огненной Земли. Трава Фалкландских островов так питательна, что многие стада состоят из овец, шерсть которых весит, по крайней мере, 3 с половиною килограмма; шерсть эта довольно груба. Недавно начали отправлять в Англию баранину в замороженном виде.

Главный населенный пункт архипелага, порт Стэнли, обладает «идеальным» портом, природным бассейном, закрытым от всех ветров и окаймленным по берегам слоями морских трав, смягчающих удары судов о берег. Множество судов, потерпевших аварии во время перехода вокруг мыса Горна, заходят в порт Стэнли чиниться и запасаться свежей провизией. В 1898 г. торговые обороты Фалкландских островов выразились следующими цифрами: привоз— 73.000, вывоз—107.000 фунт, стерл. Одна бухта в порте наполнена старыми разоруженными, без мачт, судами, слишком поврежденными, чтобы их стоило чинить[1].

Управлением архипелага заведует губернатор, назначаемый непосредственно королевой; при нём состоят два совета, законодательный и исполнительный, одинаково назначаемые по выбору коронного правительства. С 1892 года колонисты тоже принимают незначительное участие в управлении своим островом.

Пространство и население Фалкландских островов в 1898 году:

Пространство—12.532 квадратных километров; население—1.753 души, что составит 0,14 ж. на 1 кв. кил.

Бюджет колонии в 1898 г.: доходы—13.039, расходы—14.278 фунт. стерлинг.

Саузс Джоржиа (South Georgia), «Южная Георгия», представляет землю в 4.060 квадратных километров, оффициально принадлежащую к административным владениям Фалкландских островов, хотя она необитаема и только изредка посещается рыболовами и моряками. Точное очертание всех её частей ещё не известно, хотя в статистике английских владений и приводится её приблизительная поверхность. Английские и русские моряки, снимавшие на план её берега, не проникали в глубину заливов и оставили пробелы в их очертаниях. Рельеф внутренних частей был ещё не известен в 1882 году, когда ученая немецкая экспедиция поселилась в бухте Рояль, на восточной оконечности острова, чтобы принять участие в околополярных исследованиях, предпринятых в то время главными морскими державами; но исследования этой экспедиции не простирались дальше ближайших окрестностей бухты. Остров, посреди которого возвышаются снеговые вершины от 2.000 до 2.500 метров высоты, состоит целиком из древних окаменелостей, гнейса и глинистых сланцев, на которые очень трудно подниматься, так как поверхность их изрыта ледниками, протершими глубокия борозды в мягких массах глины, оставив выдающиеся холмы и мысы гнейса; у начала долин видны прежния ледниковые морены. Ледник Росс, обломки которого плавают вдали в бухте Рояль, образуется в приемном бассейне, площадью по крайней мере в 150 квадратных километров. Нижняя граница вечных снегов лежит приблизительно на высоте 600 метров над уровнем моря.

Туманы почти постоянно ползают по утесам и льдам Южной Георгии, и даже в феврале, самом теплом месяце, часто идет снег. Ни одно дерево не ростет на острове, и немецкие естествоиспытатели собрали на нём только тринадцать видов явнобрачных растений, из которых двенадцать ростут также на соседнем архипелаге и в Огненной Земле; тринадцатый принадлежит к Новозеландской флоре. Мхи одевают внутренния плоскогорья и все склоны на солнечной стороне, между тем как склоны утесов, обращенные к южному полюсу, остаются голыми. Эта часть островной флоры, приближающаяся к северо-полярным формам, придает Новой Георгии характер, совершенно отличный от других южно-американских земель[2]. К фауне острова, кроме разных видов пингвинов, принадлежит одна певчая птица из се-

1 Julio Popper, „Boletin del Instituto Geografico Argentino“, tomo I, 1879.

2 G. Neumayer, „Die Deutschen Expeditionen und ihre Ergebnisse“.

мейства жаворонков.

Южная Георгия лежит под той же широтой, что и Огненная Земля, т.е. южнее Фалклandских островов, и занимает гораздо более уединенное положение посреди обширного океана, далеко от всех великих навигационных путей, в 2.000 километрах к востоку от Магелланова пролива, и подвергаясь непосредственному действию холодного антарктического течения; поэтому средняя температура здесь на несколько градусов ниже, чем температура Ушуайа, на протоке Бигль. Климат ветреный и сырой, но довольно ровный, и, вероятно, был бы столь же удобен для разведения овец, как климат Фалклandских островов; кормовая трава, туесок, растет здесь до высоты 300 метров над уровнем моря. Но во всяком случае, кто решится поселиться, в дождливом и бурном климате, в скалистой тюрьме, затерянной на краю света? Далее, к антарктическому полюсу, усеянные плавучими льдами моря покрывают необъятную часть земной сферы, всё ещё ожидая Скоресби и Нансенов, которые рассказали бы нам о тайнах этих неисследованных пространств.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Оканчивая этот долгий труд, начатый во времена моей молодости, я могу поздравить себя, что счастливые случайности позволили мне в течение моей довольно бурной жизни ни разу не нарушить моих обязательств перед читателями, относительно регулярного выхода в свет этого издания. Но всё-таки я признаю, что моих доброй воли и добросовестной работы было бы недостаточно для такого предприятия, если бы преданные делу сотрудники не помогали мне постоянно своими трудами и советами.

Итак, прежде всего я чувствую благодарность. Я высказываю её всем друзьям, помогавшим мне прямо или косвенно, заметками, чтениями, корреспонденциями, поправками, одобрениями или критикой. Но не все из тех, кому я обязан, услышат мою благодарность! Оглядываясь назад, я вижу пройденный мною путь отмеченным кое-где воспоминаниями о товарищах по работе, унесенных смертью. К ним-то в особенности направляются мои думы при окончании моего труда. На этом последнем месте я выписываю имя Эмиля Тамплие[1], который, чтобы издать труд «Земля и люди», давно подготовлявшийся к печати, приезжал ко мне на понтоны Бреста.

Этот период, в двадцать лет, долгий для жизни отдельного человека, для Земли совершенно ничтожен, но в течение его сколько было сделано! Сколько последовало открытий и путешествий, увеличивавших наши первоначальные познания и заставлявших нас изменять наше описание земного шара! Тайна полюсов всё ещё не раскрыта, но Нансен сумел совершить свое поразительное путешествие от одного берега до другого через сплошной ледник Гренландии. Внутри Азии «Вечное святилище», где пребывает божественный Далай-Лама, после посещения его Гюком[2], остается недоступным для профанов-европейцев; но кольцо маршрутов путешественников каждый год всё более и более стягивается вокруг священного места. На «Черном материке» решены задачи Нила, Замбезе, Конго и Нигера. Маршруты путешествий всюду покрывают нашу планету, словно петли частой сети. Начали даже систематично изучать подземный мир, от пещер и катавотр Греции до «avens» и «колодцев» (puits) Воклюзы (в Дофинэ) и Боссы (в Оверни). Карта морских глубин, с их температурами, животными и растительными организмами и геологическими осадками, составляется и дополняется, подобно картам материков. Благодаря новым познаниям, человечество преобразуется, так сказать, ежедневно возрождаясь.

В то же время отдаленные страны теснее сближаются между собой. Атлантический

1 Emile Templier.

2 Huc.

океан, бывший столь широким до появления норвежских викингов и генуэзских моряков, в настоящее время на языке матросов называется просто «канавой», *fosse*, которую переплывают в сто часов[1]. Продолжительность кругосветных путешествий каждый год сокращается, и они стали теперь для иных скучающих людей банальным развлечением. Земля наша настолько уменьшилась в руках человечества, что на ней всюду устанавливается одинаковая промышленная техника; сплошная сеть почт и телеграфов обогатила землю нервной системой для передачи человеческой мысли; стремятся установить один общий меридиан и одно общее время, и отовсюду появляются изобретения всеобщего языка. Несмотря на злопамятность после войн, несмотря на наследственность взаимной ненависти, человечество объединяется. Происходим ли мы от одного или различных корней—это единство человечества всё-таки возростает и становится живой действительностью.

Находясь лицом к лицу с ежедневно изменяющимся нашим миром, за переменами которого я могу следить только издали, я всё-таки старался так ясно представлять себе описываемые страны, как если бы я действительно видел их перед собой, и изучать людей так, как будто бы я находился в их обществе. Я хотел переживать мои рассказы, показывая в каждой стране характеризующие её черты, отмечая для каждой группы людей свойственный им дух. Могу сказать, что всюду я чувствовал себя дома, на родине, среди братьев-людей. Не думаю, чтобы я позволял себе увлекаться иными чувствами, кроме симпатии и уважения к обитателям общего великого отечества. Стоит ли ненавидеть друг друга на этом шарике, так быстро вертящемся в пространстве и представляющем песчинку среди бесконечности вселенной?

Но с этой точки зрения человеческой солидарности мне кажется, что мой труд не закончен. Раньше, чем изучать поверхность земли и населяющие её народы, я пытался в книге «Земля» описать собственную жизнь земного шара, как он представляется нам сам по себе, готовый к принятию оживляющего его человечества. Это было своего рода предисловием к заканчиваемому мною сегодня ряду томов. Но не пора ли сделать заключение.

И Земля, и человечество подчиняются своим законам.

При взгляде с высоты и издали на покрывающие поверхность земли горы и долины, извивы рек, линии берегов, вершины и впадины, громоздящиеся друг на друга напластования горных пород, все эти различные взаимно перемешивающиеся картины земной поверхности имеют не хаотический вид, а напротив, для понимающего их наблюдателя являют изумительно прекрасное и гармоническое целое. Человек, созерцающий и исследующий вселенную, присутствует при необъятной работе непрестанного творчества, вечно начинающагося и никогда не оканчивающагося, и участвуя сам в вечности природы полнотой её понимания, он может, подобно Ньютону и Дарвину, дойти до определения этой вечности одним словом.

И если Земля кажется простой и логической в бесконечном разнообразии своих форм, то неужели живущее в ней человечество представляет, как часто высказывают, лишь слепую и хаотическую массу, волнующуюся как попало, без цели, без осуществимого идеала, без сознания своего назначения. Неужели переселения, совершающиеся в разных направлениях, заселение и запустение стран, возрастание и вымирание народностей, цивилизование и упадок их, образование и перемещение центров жизни, неужели всё это, как кажется с первого взгляда, только отдельные факты и факты, чередующиеся во времени, без того, чтобы известная ритмичность не регулировала их бесконечные колебания и не придавала им общий смысл, могущий быть выраженным законом? Вот что важно знать. Развитие человечества находится ли в совершенной гармонии с законами Земли? Как оно изменяется от влияния тысячи условий изменяющейся среды? Колебания обоих происходят ли одновременно, и аккорды их изменяются ли непрерывно из века в век.

Может-быть, то немногое, что мы уже знаем, позволит нам заглянуть вперед в мрак грядущего и присутствовать при ещё не совершившихся событиях. Может-быть, мы будем в состоянии мысленно созерцать историю человечества за гранью печальных времен борьбы и

1 Англичане и американцы в шутку называют Атлантический океан „the big wet“—„большая лужа“. *Примеч. переводчика.*

невежества и найдем в ней те же картины величия и красоты, какие уже представляет нам земля.

Вот что мне хотелось бы разобрать по мере моих сил. Из миллиона фактов, которые я должен был перечислять глава за главой, мне хотелось бы извлечь общую идею и таким образом в коротком томе, написанном не торопясь, резюмировать ту длинную серию книг без видимого вывода, которую я только что окончил.

Элизе Реклю

КОНЕЦ

Оглавление девятнадцатого тома

Бассейны рек Амазонки и Лаплаты....4
Глава I Гвиана....4
I. Общий очерк....4
II. Английская Гвиана....34
III. Голландская Гвиана....39
IV. Французская Гвиана....42
V. Спорная Французско-Бразильская территория....49
Глава II Бразильские Соединенные Штаты....51
I. Общий обзор....51
II. Область Амазонки. Штаты Амазонский и Пара....65
III. Покатость реки Токантин. Штат Гойяс....111
IV. Экваториальное побережье....120
IV. Бассейн рио-Сан-Франсиско и восточный склон плоскогорий....137
VI. Бассейн р. Параибы....163
VII. Покатость р. Параны и океанский контр-склон....183
VIII. Покатость р. Уругвай и смежное с нею побережье....214
IX. Матто-Гроссо....223
X. Материальное и социальное состояние бразильского населения....237
XI. Правительство и администрация....258
Глава III Парагвай....263
I....263
II....268
III....273
IV....281
V....286
VI....291
Глава IV Уругвай....292
I....292
II....297
III....302
IV....305
Глава V. Аргентина....306
I....306
II....312
III....323
IV....336
V....339
VI....343
VII....347
VIII....359
IX....389
X....400
Глава VI Фалкландские острова и Южная Георгия....403
ЗАКЛЮЧЕНИЕ....406